АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1956

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
Доктор исторических наук В. И. АВДИЕВ
Кандидат исторических наук Н. П. ШАСТИНА

А. Л. ГАЛЬПЕРИН

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ЗАРУБЕЖНОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
в XVII в.—середине XIX в.[1]
(Краткий обзор)

Накопление сведений и материалов о зарубежных странах Дальнего Востока и изучение этих стран, прежде всего Монголии, Китая, а затем Японии и Кореи, началось в России одновременно с освоением Сибири (конец XVI—середина XVII в.). Русские в Сибири стали соседями монголов, китайцев. Выйдя на побережье Тихого океана (Иван Москвитин — 1639 г.) и начав плавание по Ламскому (Охотскому) морю (В. Поярков—1645 г.), они стали и соседями японцев [2], хотя не сразу узнали об этом. Интерес к зарубежным странам и народам диктовался не только желанием познакомиться с новыми странами, установить с ними добрососедские отношения, но и большой любознательностью, стремлением расширить свой кругозор [3]. Реальные экономические интересы толкали русское правительство, торговых и промышленных людей к установлению торговых связей с дальневосточными странами, к ознакомлению с торговыми путями к ним и народным хозяйством этих стран.

Незнание восточных языков и трудность их освоения, своеобразие экономики, быта, государственной организации, религий зарубежного Дальнего Востока создавали значительные трудности в его изучении. Тем не менее уже первое знакомство русских с Сибирью и с дальневосточными народами

---

[1] В сокращенном виде статья была напечатана в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. I, Изд-во АН СССР, 1955.

[2] Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М., 1946, стр. 84, 87.

[3] Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М., 1940, стр. 387 и сл. В Сибирь бежали люди, не ладившие с законами, не мирившиеся с закрепощением, они проявляли исключительную смелость и любознательность, предпринимая опаснейшие экспедиции.

обогатило европейскую науку важными сведениями о народах и странах Дальнего Востока, о морях, островах и жителях островов Тихоокеанского бассейна.

Сведения эти первоначально носили, по преимуществу, географический, этнографический характер, освещали политическое устройство, народное хозяйство, торговлю дальневосточных зарубежных стран. Исторические данные лишь изредка вкрапливались в эти материалы. Ко времени выхода русских на Тихий океан в середине XVII в. европейские страны уже более ста лет вели регулярные сношения с дальневосточными странами. Тем не менее при скудости сведений тогдашней европейской науки о Дальнем Востоке русские материалы являлись и сейчас являются ценным историческим источником для изучения истории стран Дальнего Востока того времени. Не случайно весьма многие русские источники и исторические работы XVII—XVIII вв. и начала XIX в. о Китае, Монголии, Японии переводились на иностранные языки, например, описание путешествий в Монголию и Китай И. Петлина, который первым из русских посетил эти страны, Ф. Байкова, Н. Спафария, В. М. Головнина и др.[1]

Большое значение для мировой науки имело описание всей Сибири от берегов Тихого океана, картографические, географические, этнографические и другие материалы о Сибири и соседних странах, прежде всего о Китае и Монголии [2].

В этой связи достаточно лишь упомянуть о чертеже Сибири, составленном по распоряжению тобольского воеводы П. И. Го-

---

[1] Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака И. Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атамана Ив. Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.) Известия ОРЯС; 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 260; см. также В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. II, стр. 1901—1904. Путешествие Петлина переведено на английский, французский, латинский, немецкий, и голландский языки. Маршрут Байкова напечатан у Витсена в искаженном виде, чем и пользовался Риттер в своем «Землеведении». Сочинения Спафария о Китае и путешествия Байкова переведены на греческий язык; в Парижской национальной библиотеке имеется один из списков сочинения Спафария о Китае (см. И. Н. Михайловский. Важнейшие сочинения Спафария (1672—1677). Киев, 1894; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI—XVIII вв.). Путь Петлина был первоначально напечатан за границей через пять лет после его путешествия в известной книге Purchas «His Piligrimes». London, 1625, vol. III, libr III, p. 797—804.

[2] С. В. Бахрушин. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к русскому государству (Сб. Академии наук СССР, Якутский филиал, 1950). «Если бы не русские, то Азиатский материк оставался бы неизвестным в Европе, как истоки Нила в центральной Африке до XIX в.».

дунова в 1667 г., скопированном шведским офицером-разведчиком Э. Пальмквистом и использованном Н. Витсеном и другими [1]. На чертеже П. И. Годунова указано, хотя и с большими неточностями, Китайское государство. О том, как происходило использование чертежа иностранцами, красочно повествовали они сами. Шведский посол Кронеман, прибывший в Москву в 1669 г., в своем письме сообщал: «Карту всех этих стран и Сибири и Китая, которую прислал недавно по указу его величества тобольский воевода Годунов, показали мне и я снял копию, получив позволение продержать её у себя целую ночь». Более откровенно писал об этом участник посольства К. И. Прютц: «Приложенную ландкарту Сибири и пограничных с ней стран я скопировал 8-го января 1669 года в Москве настолько хорошо, насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов кн. Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем, чтобы я её только посмотрел, но отнюдь не счерчивал»[2].

В чертежной книге Сибири С. У. Ремезова (1697—1698), суммировавшей как европейские данные, так и данные Спафария, полученные им в Китае, были обозначены не только Китай, но и Япония (остров) и Корея (полуостров). «. . . карты Ремезова, — пишет А. В. Ефимов, — оказали большое влияние на развитие картографии». Например, они были использованы шведом Страленбергом (Таббертом), опубликовавшем свою карту в 1725 и 1730 гг.[3]

В описаниях путешествий русских посланников и гонцов в Китай и в инструкциях, получаемых ими, ярко обнаруживается тот значительный интерес, который московское правительство, промышленные торговые люди России проявляли к вопросам торговли с Китаем и к сведениям о торговле Японии. Так, в правительственной инструкции Байкову (1654) предписывалось узнавать о торговле, какие китайские товары покупать, какие русские посылать, о путях в Китай водных или сухопутных и т. д.[4] Однако даже первые русские посланники

---

[1] А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Воениз, 1948, стр. 58. Витсен, недостаточно знавший русский язык, нанес на карту даже такое географическое название, как «Otsel Poshol» — отселе пошел.

[2] В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906; А. Титов. Сибирь в XVII в. Сборник старинных и русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

[3] А. В. Ефимов. Указ. соч., стр. 78.

[4] Н. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882, стр. 9—12.

в Китай — Иван Петлин и Федор Байков, описания путешествий которых сохранились [1], далеко не ограничивались сбором сведений, необходимых только для торговли, а давали подробные этнографические, географические и другие данные о быте, торговле и сельском хозяйстве монголов и китайцев, характеризовали пройденные маршруты, описывали Великую Китайскую стену, города, характер построек — домов и храмов, столицу Китая — Пекин и т. д. Большинство этих сведений, особенно собранных Байковым, отличаются точностью. Они были широко использованы за границей еще задолго до опубликования в России. Миллер приводил выдержки из путешествия Байкова, взятые им из французских и голландских переводов [2].

Крупным вкладом в науку явилось «Описание первые части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции», составленное Н. Г. Спафарием во время посольства в Китай в 1675—1678 гг.[3] Спафарий, располагая еще при выезде из Москвы многими материалами предшествующих русских путешествий в Китай, значительно пополнил свои сведения в Пекине, где пробыл свыше трех месяцев. Спафарий был знаком с западноевропейскими работами о Китае [4]. В результате всестороннего ознакомления со всеми тогда доступными европейцам материалами о Китае «Описание», составленное Спафарием, являлось достоверным источником сведений о Китае, проникнутым духом большой симпатии и уважения к китайскому народу. Достаточно, например, привести такие фразы из этого сочинения: «. . . не токмо китайские люди зело любят отечество и для этого никуда вон из Китая не выходят, но и птицы в иные государства не желают ходить» или о любви китайцев к науке: «Нет такого государства на свете инаго, которое бы любил паче писание и обучение якоже ки-

---

[1] Г. Спасский. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г. (Описано под заглавием: «Роспись Китайскому Государству и пообинскому и иным государствам жилым и кочевым улусам и великой Обе реки и дорогам»). «Сибирский вестник», ч. I, СПб., 1818, стр. 1—26; «Путешествие Федора Исаковича Байкова в Китай с 1654 по 1658 г.». Сибирский Вестник, ч. 2. СПб., 1820, стр. 113—136, 137—166.

[2] Д. М. Лебедев. География России XVII в. М.—Л., 1949, стр. 121; о посольстве Ф. И. Байкова см. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XII, стр. 593—594.

[3] Н. Г. Спафарий. Описание первые части вселенныя. . . Казань. 1910.

[4] А. С. Арсеньев. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678). «Вестник археологии и истории», вып. 17. СПб., 1906, стр. 162—239.

тайцы». В упомянутом сочинении Спафария кратко излагается история Китая с древнейших времен. Более подробно изложен период со времени прибытия европейцев и завоевания Китая маньчжурами. Спафарий дает подробное описание городов и провинций, дорог, быта, религии, науки и т. д.

Николай Спафарий собрал также ценные сведения о русско-китайской торговле, начало которой можно отнести к середине XVII в.[1] Русско-китайская торговля, то расширявшаяся, то сокращавшаяся, иногда даже совсем прекращавшаяся, в силу административных мероприятий маньчжурского правительства, насчитывает, таким образом, трехсотлетнюю давность. Значительный интерес к ней русских торговых людей виден хотя бы из того, что в 1672 г. с правительственным гонцом в Китай Сейткулом Аблиным, взявшим с собой казенные товары для обмена и продажи, собралось ехать 43 торговца со своими товарами [2]. Более прочную правовую основу русско-китайская торговля получила по первому договору, заключенному между Россией и Китаем в 1689 г. в Нерчинске [3]. Нерчинский договор был не только первым договором Китая с Россией, но и первым договором Китая с европейской державой [4]. Взаимоотношения между Россией и Китаем по этому договору и договорам XVIII в. были основаны на полном равноправии сторон.

С 1695 г. правительство приступило к организации государственной торговли с Китаем путем регулярной посылки караванов; которые шли из Москвы через Сибирь в Пекин [5]. Русские везли в Китай главным образом мягкую рухлядь, меняя ее там на золото, серебро, шелковые материи, фарфор, драгоценные камни и чай, который с конца XVIII — начала XIX в. стал основным предметом вывоза из Китая [6].

---

[1] Б. Курц. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия. Киев, 1929, стр. 1.

[2] Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI—XVIII вв., стр. 39—40.

[3] Пятая статья договора гласила: «Каким-либо ни есть людям проезжими граматами из обеих сторон для нынешния начатыя дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать. и продавать, что им надобно, да повелено будет», цитируется по «Географическому обозрению Китайской империи». З. Матусовского. СПб., 1888, стр. 029.

[4] Даже западные буржуазные историки признают этот факт, хотя весьма скупо и неохотно пишут о русско-китайских экономических и политических связях в прошлом. См., например, о Нерчинском договоре, E. Waltz. The Far Eastern History. Boston, 1953, p. 133.

[5] Вначале через Нерчинск, а затем через Ургу.

[6] Б. Курц. Государственная монополия. . ., По нашим подсчетам среднегодовой вывоз товаров из России в Китай казенными

Так продолжалось более полустолетия (1699—1755). Государство держало в своих руках монополию торговли с Китаем, стремясь как можно меньше допускать к торговле мехами частных торговцев. Однако русские купцы и промышленники принимали, вопреки правительственным запрещениям, все большее участие в этой торговле [1].

Большой интерес московское правительство, торговцы и промышленники проявляли и к Японии. Когда в 1675 г. в Китай был направлен послом Спафарий, то в дополнениях к наказу, данному ему, сообщались краткие сведения о сопредельных с Китаем странах, в частности о Японии, Индии и т. д., и поручалось собрать о них сведения. Приведем текст этого сообщения, поскольку, очевидно, это первый русский документ, свидетельствующий об интересе, проявлявшемся правительственными кругами России к Японии. «За Китайским государством на востоце во окияне море, от китайских рубежей верст с семьсот лежит остров зело велик имя нем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве обретается, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однакожде они люди свирепи суть и того ради многих езувитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали» [2].

Западно-европейские путешественники впервые прибыли на японские острова еще в 1542—1543 гг.[3] и с тех пор до конца 30-х годов XVII в. поддерживали оживленные сношения с Японией. Русские же впервые попали в Японию лишь в 30-х годах XVIII в., поэтому совершенно естественно, что первые сведения о Японии в Россию поступили из Западной Европы. К середине

караванами в первой половине XVIII в. составил 39—41 тыс. руб. серебром («Труды статистического отделения Департамента таможенных сборов. Статистические сведения о торговле России с Китаем». СПб., 1909, и Б. Курц. Указ. соч.).

[1] О частной торговле до XIX в. см. Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882, стр. 162: «Обороты кяхтинского торга становятся известными только с 50-х годов прошлого века; о прежних оборотах можно судить только потому, что отсюда китайцы вывозили в Пекин рухляди в 2—3 раза больше, чем казна, т. е. тысяч на 200—300; к 40-м годам XVIII в. торговля должна была простираться до 400—600 тыс. руб.».

[2] «Записки Географического общества по отделению этнографии», т. 10, вып. 1, 1882., стр. 153; цит. по Л. Бергу. «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга». М., 1946, стр. 156.

[3] Первыми в Японии появились португальцы, после них — испанцы. В конце XVI—начале XVII в. — голландцы и англичане.

XVII в. в Европе уже были описания Японии, составленные миссионерами и путешественниками, посещавшими эту страну (Мендец Пинто, Франциск Ксавье и др.) [1]. Данные европейских источников о Японии были суммированы в рукописи, составленной около 1670 г., под названием «Космография, сиречь описание всего света земель и государств великих» [2]. В этой книге имеется специальная глава, посвященная Японии: «О Иапонии или Иапон острове». Для изучения истории Японии того времени этот раздел имел небольшое познавательное значение и свидетельствовал о невысоком уровне знаний по данному вопросу в Западной Европе.

Сведения о Японии из «Космографии» легли, очевидно, в основу наказа Спафарию. Однако, помимо «Космографии», наказом был использован какой-то другой источник, пока нам не известный, в котором сообщались более точные данные о расстоянии между Японией и Китаем и отсутствующие в «Космографии» сведения о казни иезуитов.

В цитированной выше работе Спафария глава 58-я посвящена Японии; отдельные упоминания о Японии имеются и в других главах, в частности в описании провинции Фуцзянь и провинции Чжэцзян (особенно города Ханчжоу), где описывается торговля шелком с Японией и другими странами.

Что касается основной главы о Японии, то в ней наряду с верными сведениями имеется много путаных и сбивчивых сообщений, которые Спафарий, вероятно, получил от иезуитов в Пекине [3]. И на географических картах того времени расположение Японских островов было весьма неточным. Ясность в вопросы картографии Японии внесли впоследствии именно русские. Следует отметить, что Спафарий, как человек ученый, не ограничился данными, полученными от иезуитов, а проверял и дополнял их данными из переводов китайских книг, из личных бесед с китайцами, а также из опроса казаков, которые в 40-х годах XVII в. побывали в низовьях Амура и получили там

---

[1] Les voyages adventureux de Ferdinand Mendez Pinto fidellement traduits de Portugais par sieur Bernard Figver... Paris, 1645. Lettres de Saint François Xavier de la Compagnie de Jesus. Apôtre des Indes et du Japon. Traduit sur l'edition latin de Bologne par M. Leon Pagés; t. I—II. Paris, 1855.

[2] «Космография» издана в Петербурге в 1878—1881 гг., о Японии, стр. 381 и сл. «Космография», очевидно, была заимствована у Герарда Меркатора («Известия Географического общества», 1882, стр. 235).

[3] См., например, Л. С. Арсеньев. Указ. соч. стр. 268, где дана беседа Спафария с иезуитами, которые сказали, что приехали в Китай «из Епонского острова, который остров превеликий и богатый от Китая. . . верст и по их речам неподалеку устья Амурского».

кое-какие сведения от гиляков об островах, расположенных близ Амура и даже о Японии.

Несомненно, ценным в сообщении Спафария является упоминание о предметах торговли Японии с Китаем, ибо японо-китайская торговля XVII—XIX вв. (до открытия дверей Японии) в литературе описана весьма скупо.

Спафарий сам понимал, что он мало написал о Японии, ибо «имеется в России особливая пространная книжица». Какую именно книгу имел в виду Спафарий, не совсем ясно; предположение, что речь идет о «Космографии», вряд ли убедительно, ибо последняя касалась всех стран, а не только Японии.

Большую ценность представляет глава о Корее (глава 57), которая является, вероятно, первым русским известием о Корее. В этой главе описано географическое положение Кореи между уездом Ляотуном и устьем Амура, дается правильное определение вассальных отношений Кореи к Китаю. Указывается, что Корейский хан находится под властью Китайского хана, даже в большей мере, чем другие ханы (вероятно, имеется в виду Аннам и ряд вассальных Китаю государств), и дается, в общем, правильное объяснение «. . .понеже всегда со страхом живут (корейцы. — *А. Г.*) от жителей японского острова, от которых китайцы их охраняют. Однако же и японцам дань дают корейские ханы». Сведения о Корее Спафарий, повидимому, также получил от иезуитов, так как он указывал, что в Корее имелось много католиков — корейцев, что не соответствовало действительности.

ТРУДЫ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ В XVIII в.

Возникшие в XVII в. торговые связи России с Дальним Востоком, установление договорных отношений с Китаем, а также усиливающийся интерес русских людей к странам и народам Дальнего Востока привели к увеличению знаний о дальневосточных народах.

С начала XVIII в. по инициативе Петра I, уделявшего огромное внимание изучению и развитию торговых связей со странами Дальнего Востока, было положено начало государственной организации преподавания дальневосточных языков в России. Важно при этом отметить, что Петр уделял особое внимание дальневосточным языкам — китайскому, монгольскому, а также японскому (дело Денбея, Санима и др.). Однако казенная организация дела, неподготовленность японцев к преподаванию

и другие трудности помешали проектам Петра в деле изучения японского языка [1].

В значительной мере неуспех в этом вопросе объяснялся также и тем, что Петру не удалось завязать непосредственную торговлю между Россией и Японией [2]. Тем не менее мероприятия Петра I сыграли значительную роль в истории русского востоковедения. Наиболее крупным событием в области изучения дальневосточных языков было создание Петром I Духовной миссии в Пекине, впервые отправленной в столицу Китая в 1716 г.[3] Деятельность миссии и изучение её сотрудниками китайского языка были оформлены Кяхтинским договором 1727 г. (ст. 5-я). За сто с лишним лет своего существования миссия дала [4] большое количество переводчиков с восточных языков: китайского, монгольского, маньчжурского (Россохин, Леонтьев и др.), крупнейших русских историков, лингвистов и других специалистов по Китаю, Монголии, Маньчжурии, Тибету, Средней Азии (Н. Я. Бичурин, И. Л. Захаров, Пал-

---

[1] Петр поручил преподавание японского языка Денбею (о нем ниже), привезенному в Москву с Камчатки в конце 1701 г. Однако о действительном создании школы японского языка нет никаких данных, вплоть до 1736 г., когда такая школа была организована при Академии наук в Петербурге (см. Ученые записки Раниона, т. 2. М., 1930, ст. Г. Рейхберга «К истории ранних русско-японских сношений». Важные материалы по этому же вопросу помещены в готовящейся к печати рукописи научного сотрудника библиотеки АН СССР И. Н. Кобленца, любезно разрешившего мне ознакомиться со своей рукописью). Путаницу в русскую и советскую литературу по этому вопросу внес Сгибнев в статье «Об обучении японскому языку» («Морской Сборник», № 12, 1868), утверждавший без достаточных оснований, что японская школа была создана в 1708 г. В 1753 г. японская школа была переведена из Петербурга в Иркутск, где просуществовала до 1816 г. Однако уровень преподавания был чрезвычайно низким, кончившие школу помногу лет не могли найти применения своим знаниям, бюрократизм, бездушие царских чиновников загубили благое начинание. Видных специалистов японского языка школа не дала.

[2] Петром был издан Указ о посылке на Камчатку приказчика с отрядом в 100 человек, которому среди прочих дел вменялось в обязанность «. . . учинить с японским государством меж русскими людьми торги немалые, как у китайцев с русскими людьми бывают торги и посылаютца в Москвы великого государя с товары купчины, чтобы в тех новоприискных торгах великого государя казне учинить многую прибыль». (Цит. по «Памятники сибирской истории XVIII века» (1700—1713). СПб., 1882, стр. 418.)

[3] Необходимость создания православной церкви в Пекине объясняется тем, что там находилось много русских, взятых в плен в крепости Албазин. Миссионерской деятельности в Китае русское правительство уделяло известное внимание, что видно из обращения Петра I к Киевскому митрополиту в 1700 г. (С. М. Соловьев. История России. . ., т. XV, стр. 1365).

[4] Как из членов миссии (духовных лиц), так и из учеников, прикомандированных к миссии светских лиц.

ладий Кафаров, В. П. Васильев и др.)[1]. Сотрудниками миссии написаны также отдельные работы по Японии (Гошкевич и др.).

В 1725 г. была создана школа монгольского языка в Иркутске, просуществовавшая только до 1741 г.; однако в пограничном с Монголией районе с этого времени всегда можно было найти знатоков монгольского языка (В. И. и А. В. Игумновы и др.), имевших даже своих учеников. В 40—60 годы XVIII в. китайский и маньчжурский языки стали преподаваться при Академии наук и при Коллегии иностранных дел. Хотя преподавание было нерегулярным, подбор преподавателей и учеников случайным и часто мало удачным, тем не менее во второй половине XVIII в. изучение китайского, монгольского и маньчжурского языков достигло такой степени развития, что было сделано несколько переводов с работ на этих языках, в том числе исторических и историко-географических сочинений, которые были частично опубликованы.

Усиление в России интереса к Китаю было связано с расширением экономических связей между двумя странами. Значение казенных караванов, шедших через Монголию в Пекин, постепенно падало и из-за бюрократической организации дела в России, и из-за того, что маньчжурские власти чинили всякие препятствия нормальной коммерческой деятельности этих караванов. Одновременно, однако, быстро увеличивалась купеческая приграничная торговля, главным образом в Кяхте, разрешенная Кяхтинским трактатом 1727 г. В 1755 г. было снято запрещение на торговлю мехами, что дало огромный толчок русско-китайской торговле[2]. Если в 1758—1762 гг. средне-

[1] Нельзя поэтому согласиться с суждениями академика Бартольда о Пекинской миссии (История изучения Востока в Европе и России, стр. 199). Правильно отмечая ряд пороков русского духовенства, из которого комплектовалась миссия, автор далее пишет: «В лучшем случае члены миссии, основательно изучившие китайский язык, являлись переводчиками китайских сочинений, но не исследователями языка, литературы и истории Китая с точки зрения требований европейской науки; ученость их, по отзыву одного русского ученого, была только ученостью китайских мандаринов». В дальнейшем при освещении работ И. Бичурина и других дается иная оценка их научной деятельности.

[2] Официально запрет частной торговли мехами был снят в 1762 г., фактически же, поскольку в 1755 г. была прекращена посылка казенных караванов в Пекин, то именно с этого времени стал расти частный товарооборот. С 1755 г. мы располагаем доброкачественными данными о размерах кяхтинского торга, который происходил своеобразно, без денег, путем прямого товарообмена (статистические данные об этой торговле — см. «Сборник статистических сведений о России», издаваемый Статистическим отделом Императорского Русского географического общества, кн. 2, отд. V. Л. М. Самойлов. Исторические и статистические сведения о Кяхтинской торговле. О роли Кяхты в русско-китайских отношениях см. ценную работу: Е. П. Силин. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947).

годовой оборот русско-китайской торговли составлял 489 тыс. руб., то в 1769—1785 гг. он вырос до 1826,6 тыс. руб., т. е. почти в 4 раза.

В течение XVII в. и до 80-х годов XVIII в. Россия была единственной страной, поставлявшей Китаю пушнину. Успешная и постоянно растущая торговля пушниной с Китаем и другими странами являлась одним из важных стимулов для продвижения русских на Восток — на окраины Сибири (Камчатка и т. д.), по Тихому океану на юг, на Курильские острова, в сторону Северо-Западной Америки, на Алеутские острова, Аляску в поисках новых районов, богатых пушниной. Так, продвижение русских в далекие еще неизвестные районы земного шара, освоение этих районов, географические открытия в Сибири, на Тихом океане и в Северо-Западной Америке были тесно связаны с экономическими отношениями России и Китая.

С середины XVII в. и до 70-х годов XVIII в. русские были не только самыми активными мореплавателями, давшими описание морей и островов северной части Тихого океана, но, по существу, единственными мореплавателями в этом районе, ибо последним западноевропейским мореплавателем в этом районе (к северу от Хонсю) был голландский путешественник Фриз (1643). С этого времени и до третьей морской экспедиции знаменитого английского мореплавателя Кука (1776—1780 гг.), целью которой, в отличие от первых двух экспедиций, было освоение севера Тихого океана, в этих водах не появлялось ничьих судов, кроме русских, если не считать отдельных случаев появления потерпевших кораблекрушение или занесенных бурей японских судов. Так обстояло дело во всей северной части (т. е. на север от 36—38° с. ш.) Тихого океана от берегов Азии до берегов Америки. Вся картография северной части Японии (Хоккайдо, северная часть о-ва Хонсю) была, по существу, проведена русскими; ими же был положен конец неверным представлениям об этом районе, сложившимся в результате сведений, сообщенных западноевропейскими путешественниками во второй половине XVI—первой половине XVII в.

При Петре I Россия уже располагала документальными данными о Японии и японском народе. Это были прежде всего свидетельства японцев, попавших после кораблекрушения на нашу территорию (первым из них был Денбей). По инициативе Петра были подготовлены осуществленные уже после его смерти путешествия русских мореплавателей к берегам Америки и Японии, описание берегов и островов Северной части Японии (до 33—34° с. ш.) и поселений этих районов. Эти путешествия, как известно, сопровождались неудачными

попытками русских вступить в торговые сношения с Японией.

Показания Денбея в Москве, в Сибирском приказе, представляют несомненный интерес [1]. Конец XVII—начало XVIII в. важная веха в истории Японии: обычно японские историки к этому периоду относят появление явных признаков разложения феодального общества.

Показания Денбея были записаны с его слов и хотя это было сделано людьми, не знавшими японского языка и далекими от науки, все же эти показания дают интересный материал об оживленной торговле в Японии не только между Осака и Эдо, но и между такими портами, как Акита, Киото, Хёго, Носиро и другими, о чем мало известно в европейской литературе. Из показаний Денбея о товарах, которыми торговали в различных районах Японии, можно установить, что географическое разделение труда зашло настолько далеко, что в одни районы ввозили хлопчатую бумагу, камку, китайку, золото, серебро, в другие — пшено, железо, карабельные доски, кости — мамонтовую.

В «скаске» Денбея есть одно любопытное место, касающееся не столько собственно Японии, сколько тех сведений о Японии, которыми обладали в это время русские. «И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке в лицах смотря сказал: «Городы де японского царства Миако (Киото. — *А. Г.*), Осакка, Ендо (Эдо. — *А. Г.*), как они стоят в лицах в той книге — написаны сходно. Идолы человеческие и змеиными и зверскими и иными разными воображениями, которым оне поклоняются и вместо богов почитают и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано — в их земле есть против той книги сходно».

Из этой цитаты ясно, что Денбею показывалась какая-то книга на немецком языке о Японии, возможно, та самая «особливая пространная книжица», о которой упоминал Спафарий, хотя со времени путешествия Спафария в Китай прошло почти 25 лет.

---

[1] См. Н. Н. Оглоблин. Первый японец в России. «Русская старина», 1891, октябрь, его же статью «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1891, кн. 3. Хотя показания Денбея в России тогда опубликованы не были, но в Европе основное их содержание вскоре стало известным из книги Ph. Strahlenberg «Das Nord-und Ostliche Teil von Europa und Asia», Stokholm, 1730. Автор этой книги пленный шведский офицер долгое время жил в России. Имя Денбея у Страленберга не упоминается, говорится о японце. В Японии же сведения о Денбее и о выброшенных бурями после него на Камчатку японцах Санима (1710), Соза и Гонза (1729) основываются до сего времени только на русской и западноевропейской литературе.

Как уже указывалось, Петр I настойчиво добивался установления сношений с Японией. Но несовершенная мореходная техника, короткий навигационный период на севере Тихого океана, тайфуны задерживали осуществление планов Петра. В это время русские плавали только вблизи Курильских островов, первооткрывателями которых они были. В 1725—1729 гг. во время первой экспедиции Беринга был установлен морской путь в Японию [1]. Намерения Петра I были частично осуществлены лишь участниками второй экспедиции Беринга, главным образом Вальтоном и Шпанбергом, командовавшим первыми русскими кораблями, приблизившимися к острову Хонсю. Шпанберг оставил краткое описание острова и внес радикальные изменения в картографию Северной Японии. Рапорт Шпанберга о плавании в 1738—1739 гг., а также проект инструкции, данной ему при отправлении в экспедицию, содержат ценный материал как о Японии того времени, так и об отношении к ней правящих кругов России [2].

Интересы России в отношении Японии, как и в отношении других стран Дальнего Востока, в первую очередь сводились к вопросам торговли, для чего изучались экономика, пути сообщения с этими странами. Такая же задача ставилась и перед экспедицией Беринга [3].

Шпанберг в своем путешествии к берегам Японии дошел до 37° с. ш. и вышел на расстоянии версты от берега острова Хонсю [4]. Русские моряки не сходили на берег, так как опасались «нечаянного на наши суда нападения», т. е., очевидно, в России было известно, что Япония решительно не допускает

---

[1] По возвращении из экспедиции Беринг указывал в своих предложениях: «Не без пользы бы было, чтобы Охотский или Камчатский водный проход до устья Амура и даже до японских островов выведать; понеже надежду имею, что тамо нарочитые места находить и с теми на которые торги установить; токо же и с японцами торг завести, чего б не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться» См. «Экспедиция Беринга» 1941, стр. 27.

[2] А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане и Сев. Америке в XVIII в. М., 1943, стр. 80—101.

[3] Л. Берг. Указ. соч., стр. 123, см. также статью С. В. Бахрушина. «Г. Ф. Миллер, как историк России» в кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, 1937, т. I, стр. 11.: По поводу 2-й экспед. Беринга «... хотели продолжить обследование Камчатского моря до Американского материка, хотели выяснить положение Японии в отношении Камчатки».

[4] О появлении кораблей Шпанберга у берегов Японии упоминают и японские авторы, см. «например, Нумата Итиро. Нитиро Гайкоси (История японо-русских дипломатических отношений). Токио, 1943, стр. 2, где говорится о прибытии 2 русских кораблей Шпанберга 24 мая 1739 г. (по рапорту Шпанберга, в июле ставших в открытом море).

иностранцев на свою территорию. Все же японские рыбаки и другие жители побывали на русском судне, всячески выражали дружественное отношение к русским, привозили свои товары — рис, огурцы, табак, получали в обмен или в подарок русские товары. Японцы расплачивались также золотыми монетами, для которых Шпанберг устанавливает «вексельный курс» на русские червонцы: «. . . Давали нам золотыми червонцами, которые японского характера: параллелогранные четырехугольные, но токмо против российских семи червонцев их японских десять червонцев. . .»[1]. Шпанберг подробно, как специалист этого дела, описал устройство японских лодок (лотки, как он называл), на каждой из которых было по десять человек и более. Таких лодок около судов Шпанберга было однажды 79, так что Шпанберг стал опасаться «нечаянного нападения». Затем Шпанберг сообщил ряд сведений об одежде японцев, сделал попытку определить по внешнему виду высший и низший классы японского населения.

Южнее района, где остановился Шпанберг (37°), у 35°10″ (по другим данным 34°10″ или 33°48″), неподалеку от большого города, остановился спутник Шпанберга, умышленно от него отделившийся, Вальтон. В отличие от Шпанберга, Вальтон послал на берег штурмана, квартирмейстера с несколькими солдатами, которые и были первыми русскими, вступившими на японскую землю. Их угощали в двух домах. Штурман «ходил по слободе, в которой например дворов около полуторы тысячи, строение во оной слободе деревянное и каменное, палаты устроены вдоль по берегу, близ моря например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домах с товарами, в которых видел он пестреди бумажные и шелковые, а иного в скорости ему рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и куриц»[2].

Все эти районы Японии, где останавливались или высаживались русские, в течение второй половины XVII в., в XVIII и в первой половине XIX в. не посещались европейскими путешественниками[3].

Плавание Шпанберга и Вальтона помогло устранить путаницу, существовавшую на европейских картах в вопросе об

---

[1] А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 89.

[2] Л. С. Берг. Открытие Камчатки, стр. 180.

[3] См., например, E. Kaempfer. Histoire naturelle, civile, ecclesiastique de l'empire du Japon. Он, как и все другие члены голландской фактории в XVII — первой половине XIX в., ездил из Нагасаки только до Эдо.

острове Эдзо (Хоккайдо), который изображался соединенным то с Азией, то с Америкой. Была установлена также апокрифичность земли Гамы и исправлены другие дефекты тогдашних европейских карт. На основании данных Шпанберга и Вальтона в Академический российский атлас 1745 г.[1] были включены три карты Тихоокеанского побережья (в них вошла и северная часть Японии), отражавшие тот значительный вклад, который внесли русские в историю мировой картографии [2].

Важную роль в историографии русских открытий у берегов Японии сыграла работа Г. Ф. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненных» [3]. Эта первая история русского мореплавания на Тихом океане была написана на основании главным образом архивных материалов.

В XVIII в. появились первые исторические работы о Дальнем Востоке, освещавшие отдельные вопросы истории Китая и Монголии, историю русско-китайских торговых и дипломатических отношений и т. д.

Интерес к истории народов Дальнего Востока, усиливавшийся в России по мере развития сношений с этими народами и расширения научного кругозора, ярко виден из инструкции, полученной Г. Ф. Миллером от Академии наук накануне его отправления в Сибирское путешествие 1733—1743 гг. со второй экспедицией Беринга. Инструкция, озаглавленная «О истории народов» [4], содержит ряд пунктов, отражающих интерес Академии наук к определенным вопросам истории. Так, статья 8 гласит: «Надобно описывать историю каждого народа, когда и кем оной строиться начат и, если он под другим владением находится, то каким случаем и когда покорен нынешнему». Статья 9: «Все всякого рода останки, древние монументы, сосуды древние и новые, идолы и знатнейших городов проспекты отчасти в точ-

[1] «Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям с приложенной притом генеральной Картой великия сея империи, старанием и трудами Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге».

[2] Л. С. Берг. Очерки по истории. . ., стр. 97—99.

[3] Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1758, январь—ноябрь.

[4] Г. Ф. Миллер. История Сибири, 1937, т. I. М.—Л., 1937, стр. 460—461, ст. 1. Инструкции «Для приращения исторического познания о тех самых народах, через которых предводитель сего путешествия Берингий в своем Камчатском походе проходить будет, наипаче наблюдать надобно, где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собой смешаны или нет».

ность списываемы, отчасти в Санкт-Петербург привозимы быть должны». Инструкция касалась не только истории народов Сибири, но и истории зарубежных народов, так как в цели экспедиции Беринга входило обследование морей и земель, расположенных на пути к Америке и к Японии, а также изучение района, находившегося между реками Удь и Амур [1].

Среди работ по истории Сибири, затрагивающих и историю зарубежных стран, конечно, прежде всего следует отметить известный труд Г. Ф. Миллера «История Сибири», включающий сведения о монголах и китайцах. В этом труде, основанном главным образом на архивных материалах и русских летописях, широко использованы также работы европейских историков и географов, по преимуществу миссионеров (Гобиль, Дюгальд и др.). Однако Миллер понимал необходимость изучения источников на азиатских языках. Он использовал (вероятно, с помощью переводчика) и тибетские, и монгольские рукописи [2]. Наконец, он привлек для написания первой главы, в частности параграфов 29 и 30, Илариона Россохина [3], блестящего знатока китайского, маньчжурского и монгольского языков. Рассохин, по словам Миллера, составил для него на основании лучших китайских и маньчжурских летописей рукописную китайскую историю [4].

Кроме того, Миллер уделил много внимания истории русско-китайских дипломатических отношений, опубликовал после смерти Россохина перевод с маньчжурского языка о посольстве Ту Ли шена в Россию [5].

Много внимания уделил Китаю и Монголии в связи с историей Сибири и Фишер в своей «Сибирской истории» [6], заимствованной в значительной мере у Миллера.

---

[1] Л. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М., 1946, стр. 122—124.

[2] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I (статья С. В. Бахрушина), стр. 25, стр. 76. Он представил в 1733 г. в заседании конференции Академии наук тибетский алфавит с транскрипцией и переводами тибетских текстов, а во время путешествия по Сибири продолжал собирать тибетские материалы. Он же делал исправления к переводу с тибетского текста, составленного французами ориенталистами братьями Фурмон.

[3] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I, стр. 24, 113, 135, 137, 181, 182, 539, а также В. П. Таранович. И. Россохин и его труды по китаеведению. С полной библиографией его опубликованных и неопубликованных работ. «Советское востоковедение», 1945, т. III.

[4] Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 181.

[5] «Ежемесячные сочинения и известия об ученых трудах», 1764 г. июль—ноябрь (Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге)».

[6] И. Е. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

В конце XVIII и в начале XIX в. на основе архивных документов Н. Бантыш-Каменским было составлено исключительно ценное сочинение по истории русско-китайских дипломатических отношений, сохранившее свое значение и до настоящего времени. Однако эта фундаментальная работа была издана лишь много десятилетий спустя, в 1882 г., Б. М. Флоринским с добавлениями от издателя [1]. Эта книга является подробным и добросовестным изложением почти всех актов по истории русско-китайских дипломатических отношений, начиная с посольства Ив. Петлина и отчасти сведений о торговых связях. К сожалению, автор сравнительно мало цитирует документы, а больше излагает их.

Значительное место Китаю уделено в капитальном многотомном труде М. Чулкова «Историческое описание российской коммерции» [2]. Вторая книга третьего тома (свыше 700 стр.) посвящена Китаю, его торговле с Россией. В ней приведено много архивных документов, относящихся к русско-китайской торговле, и статистических данных по ней [3], а также по торговле Китая со странами Тихого океана — Японией, по которой даются наиболее подробные сведения, Камбоджей, Кохинхиной, Сиамом, Филиппинами, и о торговле Китая со странами Западной Европы. В том же томе имеется раздел о торговле Камчатки с Восточным Архипелагом, снабженный историческими данными о морских путешествиях русских. Основной интерес автора сосредоточен на современном ему состоянии торговли и перспективах торговли России с Китаем, Японией и другими странами Тихого океана [4]. В работе имеется много документального

---

[1] Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 год. Составлено по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Министерства Иностранных Дел в 1792—1805 гг. Казань, 1882.

[2] Полное наименование работы М. Д. Чулкова — «Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Екатерины Великия сочиненное Михайлом Чулковым». М., 1781—1788.

[3] Статистические данные за 1758—1788 гг. См. также т. VII, кн. 1.

[4] М. Чулков. Указ. соч., т. III, кн. 2, стр. 31. «Город Кантон купечеству от всех китайских городов способнейший есть, а наипаче Русской нации, понеже всегда возможно из Пекина до Кантона, из Кантона до Пекина ездить», «. . . понеже китайцы всегда с японцами торгуют того ради надлежит как возможно о японском торгу и об оном государстве подлинно уведомиться. Когда Его Императорское Величество изволит учинить рекою Амуром езд, то верно есть, что из всех портов Российских никакой бы торг так прибыльнейшей не был, как сей. . . а у голландцев сие купечество, которое они туда имеют, есть самое важное. . .».

историко-экономического материала, представляющего большую ценность для изучения истории русско-китайской торговли. Серьезное внимание, уделенное автором торговле с Китаем и Японией, отражало возросший интерес русского торгового капитала к этим вопросам.

Во второй половине XVIII в. торговля с Китаем хотя медленно, но неуклонно развивалась [1]. Значение торговли с Китаем в общероссийской торговле все более и более росло [2].

В конце XVIII в. началось еще более активное продвижение русских к Тихому океану и создание ими устойчивых поселений на Алеутских островах и Аляске в поисках новых районов, изобилующих пушниной. К этому времени относится энергичная деятельность знаменитого Шелехова и других представителей русского торгового капитала. В это же время усилились попытки завязать торговые сношения с Японией — экспедиция Шабалина 1778—1779, экспедиция Адама Лаксмана в 1792—1793 гг.[3] В экспедиции 1778—1779 гг. участвовали ученики японской школы, знавшие японский язык, Иван Очередин и Иван Антипин.

Общий рост русской культуры, развитие университетского образования [4], деятельность Российской Академии наук, многочисленные организованные ею экспедиции, в частности в Сибирь, — способствовали углублению интереса к наукам вообще,

---

[1] Медленность в развитии торговли объяснялась частыми перерывами в торговле (1763—1768, 1785—1792),ввиду запрещения ее маньчжурским правительством, а также некоторыми ограничительными мероприятиями, установленными обоими правительствами для торговли в Кяхте (запрещение продажи на деньги и т. д.).

[2] В общем товарообороте России на китайскую торговлю падало 7—9%, а в азиатской торговле около $^2/_3$.

[3] В. Лагус. Эрик Лаксман (отец мореплавателя. — *А. Г.*), его жизнь, путешествия и переписка, 1890. В работе дан огромный материал по миссии Адама Лаксмана в Японии в 1792—1793 гг. См.также «Известия о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана». М. 1805, «Путешествие в Японию Адама Лаксмана». Отрывок из Истории Географических открытий России, составленный В. Н. Берхом, помещенный в № 3 «Северного Архива» за 1822 г. Лаксману, благодаря умелому ведению переговоров и хорошим отношениям, установившимся с японскими представителями, удалось добиться от них того, чего не мог добиться ни один европейский представитель до «открытия дверей» Японии в 1854 г. Японцы дали согласие на заход русского судна в Нагасаки. Однако в связи с событиями в Европе царское правительство не спешило использовать результаты миссии Лаксмана, и лишь в 1804 г. направило русское судно в Нагасаки (Резанов). Японцы, однако, не пожелали установить торговые отношения с Россией.

[4] В «Опыте трудов Вольного Российск. Собрания при Московском Университете» (собрание было создано в 1771 г.) были опубликованы в ч. III (1776) «Перевод с права Мунгальского и Калмыцкого народов».

к исторической в частности, к истории родины и соседних стран. Это не могло не отразиться на развитии востоковедческой науки, тем более, что со второй половины XVIII в. в России появились первые отечественные специалисты по китайскому, монгольскому, маньчжурскому языкам. Все эти обстоятельства нашли отражение в переводах на русский язык европейских сочинений о Китае (Дю-Гальд и др.), о Японии [1], в большом труде академика П. С. Палласа «Собрание исторических сведений о монгольских народностях» [2]. В двухтомном сочинении П. С. Палласа собраны главным образом этнографические сведения о калмыках, монголах и других родственных им народностях и имеется также значительный переводной исторический материал — родословные князей, выдержки из калмыцких рукописей и т. д. Насколько нам известно, работа Палласа является первой монографией в России, целью которой было собирание (отсюда ее название) и обработка исторических данных о монгольских народах. В конце XVIII в. публикуются первые русские переводные труды с китайского и маньчжурского языков.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СИНОЛОГИ

Первыми русскими специалистами по китайскому, монгольскому, маньчжурскому языкам, опубликовавшими свои труды (главным образом переводы), были упоминавшийся уже выше Иларион Россохин (1717—1761) и Алексей Леонтьев (1716—1786). Оба начали изучение восточных языков в России (Россохин — монгольского, Леонтьев — китайского), затем усовершенствовали свои знания в этих языках и изучили маньчжурский, а Россохин также и китайский при Пекинской духовной миссии, где пробыли около 10 лет [3].

Крупнейшей их работой является перевод с китайского большого труда, изданного при императоре Цянь Луне в 1739 г.[4] Русское издание снабжено ценными и обширными

---

[1] «Краткая история о Японском государстве из достоверных известий собранная». М., 1773. Введение написано профессором Московского университета Иваном Рейхель; книга представляет собой компиляцию из европейских сочинений о Японии Кемпфера, Карона и др.

[2] P. S. P a l l a s. Sammlungen historischer Nachrichten in die Mongolischen Völkerschaften. СПб. 1776. Немец по происхождению, он провел большую половину своей жизни в России.

[3] Русский биографический словарь о Россохине, см. также указанную статью В. П. Т а р а н о в и ч а, стр. 225—241.

[4] «Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска восьми знаменах состоящего» (СПб., 1784). О значении этой работы, см. «Советская Этнография» № 1 за 1950 г.

комментариями переводчиков (главным образом Россохина) [1], касающимися географических названий, происхождения маньчжуров, различных маньчжурских племен, их размещения и т. д.

Этот труд являлся справочной работой историко-географического характера, в котором было много разнообразных статистических данных, в частности, о сборах в казну хлеба и серебра по различным провинциям Китая, имелись и подробнейшие родословные виднейших феодалов, описания знамен и т. д. Труд представлял большую ценность для русской и мировой науки, так как о Маньчжурии и Восточной Монголии, которые наиболее подробно освещены в этой работе, было известно тогда очень немного.

Россохин и Леонтьев перевели с китайского и маньчжурского языков на русский большое число сочинений по истории, географии и экономике Китая, а также сочинений учебного характера по языку. Однако подавляющее большинство переводов Россохина не было издано, хотя он работал при Академии наук и, очевидно, по ее заданиям [2]. О его исторической работе, изданной Г. Ф. Миллером, говорилось ранее. Помимо этого следует упомянуть, что на немецком языке была опубликована часть атласа Китая [3], привезенная секретарем Академии наук Штелиным из Пекина и переведенная Россохиным на русский язык, а Штелиным — с русского на немецкий. В третьем томе «Magazin für die neue Historie und Geographie» [4] издатель Бюшинг опубликовал из его атласа карту провинции Чжили с экспликацией к ней, составленной, очевидно, Россохиным и переведенной на немецкий язык [5].

---

[1] В. П. Таранович правильно указывает, что на титульном листе издания имеется лишь фамилия Леонтьева, хотя Россохин принимал весьма большое участие в переводе. Участие Россохина в этой работе В. П. Таранович устанавливает по архивным данным, в которых имеются сведения об уплате вдове Россохина за перевод им пяти томов «Описания». Авторство Россохина можно также установить и по самому тексту «Описания», где говорится, что «Примечания» составлены поручиком Л. Россохиным.

[2] Подробный список неопубликованных работ Россохина см. в статье В. П. Тарановича, в которой указывается также, что книги Россохина на китайском и маньчжурском языках положили начало созданию восточного отдела Библиотеки Академии наук.

[3] Атлас на китайском языке был издан в Китае в 1746 г., см. «Советское востоковедение», 1945, т. III.

[4] Magazin für die neue Historie und Geographie, Гамбург, 1769.

[5] Во введении к этой экспликации Штелин отмечает, что если сравнить этот китайский атлас с картой Д'Анвиля, то на последней все китайские географические наименования во французской транскрипции

Большинство работ А. Леонтьева было опубликовано и некоторые из них даже выдержали по два или по три издания. Это указывает, несомненно, на повышение интереса к Китаю в конце XVIII в. Среди этих работ были переводы исторических и географических сочинений, написанных на китайском и маньчжурском языках, как-то: «Книги китайского и маньчжурского хана Кансия (Кан-си. — *А. Г.*) перевод с китайского» (СПб., 1780), «Уведомление о бывшей с 1677 по 1689 г. войне у китайцев с зенгорцами (чжунгарами. — *А. Г.*). Выписал из китайской истории секретарь Леонтьев» (СПб., 1777). Большой интерес представляет перевод Леонтьева китайской государственной географии, дающей ценные сведения не только по географии Китая, но также и о тех географических и исторических представлениях, которые существовали в Китае о других государствах, в частности, о России, о странах Дальнего Востока и Западной Европы [1].

Перевод Леонтьева «Путешествие китайского посланника (Тулишена) к калмыцкому Аюке хану с описанием земель и обычаев российских» (1782—1788) издавался дважды. Это сочинение было переведено также И. Россохиным. Перевод с ценными комментариями переводчика был опубликован Г. Миллером. Русский перевод записок Тулишена был более точным и полным, чем французский перевод, выполненный Гобилем.

Таким образом, во второй половине XVIII в., в эпоху крупных успехов российской науки, когда жил и творил гениальный М. В. Ломоносов, получила дальнейшее развитие и русская историческая наука о Дальнем Востоке. Были заложены основы востоковедения, изучение китайского, маньчжурского и монгольского языков достигло такого уровня, при котором стали возможны переводы на русский язык многочисленных работ по истории и географии Китая и других восточных стран. Эти переводы могли служить ценными источниками

искажены до неузнаваемости, а по сравнению с сочинением Дю Гальда в китайском атласе имеется на 70—80 и более названий больше, чем у Дю Гальда.

[1] «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам и княжествам, кои китайцам сведомы. Выбран из китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кян Луне (Цянь Лун. — *А. Г.*). Секретарем Леонтьевым, цена 80 коп., в Санкт-Петербурге 1778 года». В приложении к книге говорится: «Следующий перевод краткого описания королевствам и княжествам, кои под Китайской державой, а при том и протчим державам, из коих у китайцев послы бывают и кои китайцам сведомы».

для написания серьезных исторических работ по Дальнему Востоку.

Большой интерес к Китаю, к Сибири, Дальнему Востоку и американским владениям России проявляли передовые люди русского общества.

Радищев написал свое известное «Письмо о Китайском торге»[1]. В этом письме, написанном по поводу длительного перерыва русской торговли с Китаем и возможности ее возобновления, Радищев осуждает крепостническую систему торга, выдвигает требование о развитии сельского хозяйства и промыслов в Сибири и от Охотска до американских берегов.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

Процесс разложения крепостнического хозяйства в России, начавшийся в XVIII в. и резко усиливавшийся в первой половине XIX в., развитие капиталистических отношений и обострение в связи с этим классовой борьбы нашли отражение в общем подъеме русской национальной культуры и, что особенно важно, в развитии демократической, прогрессивной культуры.

Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке не могла, конечно, остаться в стороне от тех общих причин, под влиянием которых развивалась русская культура, от той острой борьбы, которая возникала между реакционным и прогрессивным, демократическим крылом в русской науке.

На этот раскол в русском востоковедении существенное влияние оказал и тот факт, что конец XVIII—начало XIX в., период победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы, — сопровождался чрезвычайной активизацией их колониальной экспансии, нашедшей идеологическую поддержку в западноевропейском и американском востоковедении. Это реакционно-буржуазное востоковедение, проповедуя и «обосновывая» расистские теории, доказывало неполноценность всех небелых рас, пытаясь объяснить этим их культурную и особенно экономическую отсталость и неизбежность и целесообразность во имя мировой капиталистической цивилизации подчинения этих рас европейскому и американскому капитализму. Эта расистская пропаганда особенно усилилась в период подготовки и нападения Англии на Китай (опиумная война 1839—1842 гг.), превращения Китая, а затем Японии в зависимую от государств Европы и США страну.

---

[1] А. Н. Радищев. Собр. соч., т. II. Академия наук, 1941.

Передовые русские востоковеды, отражая взгляды русской демократической общественности, отрицательно отнеслись к этой расистской пропаганде. Большое значение в этом отношении имели труды крупнейшего русского ученого Никиты Яковлевича Бичурина.

В начале XIX в. изучение зарубежного Дальнего Востока в России значительно продвинулось вперед и приобрело прочные научные основы. Первая русская кругосветная экспедиция Крузенштерна (1803—1806) дала новые ценные сведения о Японии, о тихоокеанских островах (Маркизских, Сандвичевых и др.) и их жителях. Полугодовая стоянка судна «Надежда», на котором находился и русский посол Резанов, в Нагасакском порту, первое посещение русскими судами — «Надежда» и «Нева» — южного Китая (Кантона) способствовали значительному расширению сведений о Дальнем Востоке [1]. За первым кругосветным путешествием последовали в первой половине XIX в. многочисленные кругосветные экспедиции, сделавшие географические открытия, давшие ценные этнографические и другие научные сведения о жителях стран и островов Дальнего Востока и Тихого океана.

Особенно большое значение для изучения Дальнего Востока имело путешествие В. М. Головнина на шлюпе «Диана». Захваченный в плен японцами, Головнин составил во время двухлетнего пребывания в плену ценнейшие «Записки» о Японии, в которых имелись новые и весьма важные данные (быт, административный аппарат, география, история). «Записки В. М. Головнина в плену японцев в 1811, 1812, 1813 годах», напечатанные в России в 1815 г., были вскоре переведены на европейские языки [2].

В 1818 г. в Академии наук по инициативе Френа был открыт Азиатский музей — крупнейшее собрание книг и рукописей по Востоку. Собирание этих фондов было начато еще при Петре I, который, как указывалось выше, много сделал для изу-

[1] И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света. М., 1950 [новое издание, первое издание 1809—1812]. Оценку и дополнение сведений, собранных Крузенштерном в Кантоне см. Бичурин. Китай, его жители, нравы, обычаи, 1840, стр. 332 и след.; Ю. Ф. Лисянский. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947 [также новое издание, первое — 1812 г.]. Путешествие Крузенштерна было переведено на французский, немецкий, шведский, голландский, английский, датский, итальянский языки. Соч. Лисянского переведено на английский язык.

[2] В. М. Головнин. Соч. М.—Л., 1949, в частности, стр. 9, прим. ред. о словах Г. Гейне по поводу Записок Головнина. Головниным во время пребывания в плену был составлен краткий словарь японского языка («Азиятский Вестник», июль—декабрь, 1825).

чения Востока. Азиатский музей, ставший крупнейшим в мире хранилищем восточных книжных, рукописных и других фондов, обеспечил русским востоковедам научную базу для развития востоковедения [1].

В том же 1818 г. известный историк и археолог Сибири Григорий Иванович Спасский начал издавать журнал «Сибирский Вестник» (1818—1824), в котором было опубликовано большое количество ценных статей и материалов по истории Сибири, а также по истории отношений России с Китаем, например, путешествие И. Петлина, Ф. Байкова и других, переводов с китайского языка исторических памятников [2], статей, посвященных описанию быта монголов, и других исторических материалов. В 1825—1827 гг. Г. И. Спасский издавал новый журнал под названием «Азиатский Вестник» [3], в котором был увеличен раздел, посвященный зарубежным странам (Тибет, Монголия, Афганистан и т. д.), включая даже такую отдаленную от границ России и мало известную в те годы и в России и в Европе страну, как Бирма. В журнале помещались также переводы с монгольского и других восточных языков. Много статей по Дальнему Востоку печаталось в «Ученых записках Казанского университета».

В 1830 г. при Академии наук была учреждена кафедра восточных языков и древностей. Еще в 1829 г. в академики был

---

1 «Азиятский Вестник», июль—декабрь, 1825 г. «С основания Академии наук уже было небольшое собрание азиатских рукописей и до 2500 книг на китайском языке: теперь отделение кит.-монг. — маньчж. едва ли не первое в Европе, ибо даже в Берлинской библиотеке по описанию Клапрота всего 200 книг на этих языках». О собрании восточных книг и рукописей до создания Азиатского музея см. Б. А. Дорн «Азиатский музей» в сборнике «Очерк истории музеев Императорской Академии наук». СПб., 1865, стр. 76—82, а также Т. В. Станюкович. «Кунсткамера Петербургской Академии наук». М.—Л., 1953, стр. 212 и след.

2 См., например, «Сибирский Вестник», кн. XII, 1820. «О переходе Торгутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию». Сочинение китайского князя Цишаня. Переведено с китайского подлинника С. Б. Липовцевым. Переводчику принадлежит и ряд других работ по Китаю, в частности «Каталог китайским и японским книгам в библиотеке Императорской Академии наук хранящимся» (1818), переводов с маньчжурского «Уложение китайской палаты внешних сношений» (1828). «Обозрение Зюнгарии» («Сибирский Вестник», 1821) и др.

3 Французский журнал по Азии «Journal Asiatique» стал издаваться с 1823 г., английский «Transactions of Royal Asiatic Society» — с 1824 г. В России до «Сибирского Вестника» издавались еще в 1813 г. «Восточные известия» (Астрахань, а затем Петербург), главным образом о Ближнем Востоке и Средней Азии. Статьи по Дальнему Востоку печатались еще в XVIII в. в «Ежемесячных Сочинениях», «Опыте трудов Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете» и т. д.

избран Я. И. Шмидт, за труды по монголоведению [1]. В тех же тридцатых годах в Казанском университете были созданы кафедры монгольского (1833—1834), китайского (1837) и несколько позднее (1844) маньчжурского языков [2].

Казанский университет сыграл крупнейшую роль в развитии востоковедения в России, он стал, кроме того, одним из центров мирового востоковедения. «Всем известно,что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями. . ., но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы Лондонского «Азиатского журнала», там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока» [3].

Первыми профессорами монгольского языка в Казанском университете были О. М. Ковалевский и А. В. Попов, обучавшиеся у знатока монгольского языка А. В. Игумнова [4], жившего в Иркутске.

О. М. Ковалевский, в прошлом участник тайного общества в Царстве Польском, один из первых русских ученых-востоковедов, выступал с резким осуждением британской агрессии в Китае и презрительного, высокомерного отношения европейцев к «азиатским варварам» и отмечал огромное значение азиатских народов (особенно Китая, Индии) в мировой культуре [5].

---

[1] Н. И. Веселовский. Об официальном преподавании восточных языков в России. Стр. 11. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 261. Я. Шмидт перевел монгольскую летопись Санан Сэцэна, СПб., 1829 (наиболее ценный источник по средневековой истории монголов).

[2] Н. И. Веселовский. Указ. соч. Ближневосточные языки стали преподавать в Казанском университете с 1807 г., о преподавании дальневосточных языков вопрос был поставлен Харьковским университетом с 1811 г. с целью изучения китайской исторической литературы на маньчжурском языке. Проект Харьковского университета не получил движения в правительственных органах (см. В. Бартольд. Указ. соч.. стр. 271).

[3] «Отечественные записки», т. 9, за 1840 г. Статья П. И. Мельникова «Первый магистр Монгольской словесности», написана по поводу защиты диссертации выдающегося русского востоковеда В. П. Васильева 23 декабря 1839 г.

[4] Об А. В. Игумнове и его отце — русских монголоведах см. Краткую биографическую справку в «Сибирском Вестнике», 1819, IV, где напечатана статья А. В. Игумнова «Обозрение Монголии».

[5] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 268, см. Речь, произнесенную О. М. Ковалевским на торжественном собрании Казанского университета 3-го августа 1837 г. «О знакомстве европейцев с Азией». Приведем 2—3 места из нее: «Взгляните на Индию, где алчный британец упрочил свое

После восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге были сосланы в Сибирь передовые люди России, являвшиеся «самыми выдающимися деятелями дворянского периода»[1] освободительного движения в России. В 1824 г. К. Ф. Рылеев стал правителем дел Российско-Американской компании, имевшей отношение не только к русским владениям в Америке, но и к торговле с Китаем, к попыткам завязать торговые сношения с Японией, к морским кругосветным экспедициям. У директора компании И. В. Прокофьева часто бывали многие из декабристов[2]. Сосланные Николаем I в Сибирь, декабристы вели огромную работу по просвещению русских и бурят-монголов и сыграли значительную роль в деле распространения передовых взглядов среди народов Азии. Декабристы интересовались не только взаимоотношениями России с Китаем, Японией, но и самими этими странами[3].

В 20—40-е годы XIX в. в России была создана прочная научная база для дальнейшего успешного развития русского востоковедения[4]. Вместе с тем передовые круги русского общества,

---

владычество, в Китае. На юге насильственные коварные меры, предпринимаемые британским корыстолюбием раздражают подозрительность китайского правительства и продавцы опиума похитили полсотни тысяч семейств, поселенных теперь в Бирмании». О России, что ее мирная политика в Китае должна сделать ее посредником между Азией и Европой. В Китае в 952 г. появилось книгопечатание, за несколько веков до Гутенберга китайцы изобрели порох, превращали пески в плодоносные нивы и т. д. (Журнал Министерства просвещения, 1837, № 11).

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

[2] Л. Чуковская. Декабристы исследователи Сибири. См. также Декабристы М. и Н. Бестужевы. «Письма из Сибири». Иркутск, 1929, И. И. Попов «Сибирь и эмиграция» 1924, в которых даются весьма интересные сведения о связи декабристов с Кяхтой. В Кяхте жило значительное количество представителей передовой части русского купечества (20—50-е годы Кяхта была одним из важных культурных центров Сибири).

[3] См. «Письма из Сибири». Иркутск, 1929, см. также М. Ю. Барановская. Декабрист Н. Бестужев. М., 1954.

[4] В эти годы вышли обширные сочинения о Китае:

Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи. Сочиненное колл. советником и кавалером Иваном Орловым. М. 1820, ч. I и II. Автор 7 лет был в Пекине, изучал китайский и маньчжурский языки. Книга посвящена главным образом экономико-географическому описанию Китая и его районов, описанию его государственного устройства, исторические данные вкраплены в изложении этих сведений; кроме того, имеется в ч. I (отд. II, стр. 69—161) хронология китайских императоров с древнейших времен до современности с краткими данными о каждом из них, рассказывается о происхождении китайцев, маньчжур, монгол и т. д. Для своего времени подробное описание Китая, сделанное Орловым, является несомненным достижением русской науки.

Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 гг. с картой, чертежами и рисунками. СПб., 1845, 3 части.

разбуженные декабристами, сумели сделать русское востоковедение передовой прогрессивной наукой.

Именно в это время протекала научная деятельность известного русского востоковеда Н. Я. Бичурина.

Бичурин, в монашестве Иакинф (1777—1853) [1], был сыном сельского дьяка, крестьянина по происхождению. Н. Я. Бичурин получил образование в Казанской семинарии. Назначенный в 1802 г. ректором семинарии в Иркутске, он через год был сослан в Тобольский монастырь.

В 1807 г. был послан в Пекин в качестве начальника Духовной миссии; пробыл в Китае 14 лет, изучая китайский язык, историю, географию, экономику, социальный строй, культуру Китая и его так называемых внешних владений — Монголии, Тибета, Синьцзяна, о которых в то время почти ничего не было известно. Здесь были написаны или подготовлены материалы важнейших монографий Бичурина, изданных в дальнейшем в России. Вернувшись в 1821 г. в Россию и привезя с собой помимо личного научного архива огромное количество ценнейших китайских книг (около 400 пудов), Бичурин по доносу был предан церковному суду и сослан пожизненно, с лишением сана, в Валаамский монастырь, где, однако, не прекращал своих научных занятий. Острая нужда в знатоках китайского языка в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел заставила царское правительство через четыре года вызвать Бичурина из ссылки и причислить его к Азиатскому департаменту. В Петербурге Н. Я. Бичурин начал издание своих многочисленных капитальных трудов (переводных и самостоятельных) по Китаю и другим странам Азии.

Известный востоковед Н. И. Веселовский писал о Бичурине: «С этого времени (1826) начинается его неутомимая литературная деятельность, изумившая не только русский, но даже иностранный ученый мир. Клапрот [2] прямо высказал, что отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество» [3]. За свои труды Н. Я. Бичурин 4 раза

[1] Основные биографические данные заимствованы: а) из Биографического словаря. . . и БСЭ, изд. 2-е; б) из вводной статьи А. И. Бернштама к новому (1950) изданию сочинения Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»; в) из статьи Л. В. Симонивской «Бичурин как историк Китая» (Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, 1948, вып. 7).

[2] Немец — востоковед, несколько лет (1805—1812) был на службе в Академии Наук России, выступал с рядом статей против Бичурина, хотя широко использовал его переводы в своих работах. Автор ряда работ и переводов по географии и истории Китая, Японии.

[3] Цитирую по вводной статье в «Собрании сведений о народах. . . М., 1950, стр. IX.

получал демидовские премии[1]. В 1828 г. Бичурин был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук и членом Азиатского общества в Париже (1831).

Значение научной деятельности Н. Я. Бичурина в области синологии было определено покойным академиком Бартольдом: «Благодаря его трудам, — писал Бартольд, — русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую»[2]. Советские синологи также считают, что русская синология и особенно синологическая историография, отстававшая от западноевропейской в XVIII в., в результате творческой деятельности Бичурина значительно ее опередила[3].

Научная деятельность Иакинфа была поразительно разносторонней. Он занимался изучением почти всех стран Восточной и Центральной Азии; его работы и в наше время представляют значительную ценность для историков, филологов, экономистов, географов. Он с одинаковым вниманием изучал и древность, и средневековье, и современное ему положение в странах Востока. Тем не менее мы полагаем, что особенно велико и еще не полностью оценено значение Бичурина как историка древности и раннего средневековья стран Восточной и Центральной Азии, как ученого, впервые внесшего в мировую науку огромное богатство исторических памятников Китая.

Если в связи с выходом в свет второго издания «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии . . .» значение переводов и исторических комментариев Бичурина по истории народов Центральной Азии и Южной Сибири оценено по достоинству, то этого еще нельзя сказать о его трудах по древней истории и истории раннего средневековья Японии, Кореи,

---

[1] Там же, премии были получены: за «Китайскую грамматику», которая была издана для организованного Н. Я. Бичуриным училища китайского языка в Кяхте и переиздавалась 4 раза; за «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (СПб., 1834), труд самостоятельный, не переводный; за «Статистическое описание Китайской империи» (2 ч.). СПб., 1842, ценнейший труд по экономической географии Китая, также вполне самостоятельный, а не переводный, с географическими картами Китая и за «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1-е изд. 1851, 2-е изд. 1950), являющиеся переводом с комментариями Н. Я. Бичурина, главным образом китайских династийных историй о всех народах, с которыми Китай соприкасался в древности и раннем средневековье до начала X в., как-то народов, обитавших в Средней Азии, Южной Сибири, в Маньчжурии, в Корее и Японии.

[2] «Анналы», 1923, стр. 261, цитирую по статье Л. Б. Симонивской в «Ученых записках МГУ», № 7, 1948.

[3] Там же.

Маньчжурии. Хотя эти работы помещены во втором томе тех же «Собраний сведений», однако значение этих работ далеко недостаточно показано во вводных статьях к «Собранию сведений», а сами работы мало использованы в трудах по истории Кореи, Маньчжурии и даже Японии. По Центральной Азии (или Средней согласно терминологии, употребляемой Бичуриным), как пишет сам автор в своем «Предуведомлении»[1], ученые Западной Европы вначале основывались на трудах греческих историков и географов, а затем лишь начали разрабатывать и китайские источники»[2].

Далее, Бичурин писал, что разногласия греческих и китайских исторических памятников западноевропейской наукой обычно разрешались в пользу греков, что западноевропейские ученые «единогласно заключили, что китайцы по своему невежеству перепутали древнюю историю Средней Азии»[3]. В противовес этим положениям Бичурин выступает с утверждениями, что если читать «китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества. . .», если переводить их сведения точно, и перевести все, что написано о среднеазиатских народах, то они могут существенно дополнить и уточнить сведения греков.

Эти слова Бичурина важны, во-первых, потому, что он осудил и отверг обвинения китайцев в «невежестве», во-вторых, потому, что полный и точный перевод китайских исторических памятников и оценка материалов этих памятников, обогащающих и уточняющих греческие сведения, является вполне правильным тезисом, соответствующим и современным требованиям исторической науки.

Таким образом, даже в своих многочисленных переводных трудах Бичурин выступал не только как переводчик и комментатор, но и как представитель исторической науки, новатор, введший в научный оборот принципиально новые положения и обогативший науку новыми материалами огромной ценности.

Если переводы Бичурина и его комментарии обогащали, пополняли и уточняли сведения греческих исторических

---

[1] «Собрание сведений. . . .», т. I, стр. 8—11.

[2] «Собрание сведений. . . .», стр. 9. Надо отметить, что в европейской литературе ко времени выхода этого труда Бичурина не было еще переводов с китайского (были только пересказы или переводы с маньчжурского) о народах Средней Азии, а переводы, появившиеся в этой литературе после выхода труда Бичурина, уступали и по объему и по качеству трудам Бичурина. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 254—255, вводные статьи Бернштама и Кюнера в «Собрании сведений» о переводах Дегиня, Майя, Абель-Ремюза, Клапрота и т. д.

[3] «Собрание сведений», т. I. Предуведомление, стр. 10.

источников по истории Средней Азии, то для истории Маньчжурии, Кореи и Японии его переводы из китайских династийных хроник являются и сейчас единственными письменными памятниками по древней истории и раннему средневековью этих стран [1].

Бичурин оставил большое научное наследство, для описания которого нужна специальная монография. Мы упомянем лишь семнадцатитомный перевод истории Китая «Тунцзянь-ганму» (XII в.). Этой обширной рукописью далеко не исчерпываются многочисленные переводные труды Н. Я. Бичурина, до сего времени еще не опубликованные.

Самостоятельные исторические исследования Н. Я. Бичурина, опубликованные и неопубликованные, также чрезвычайно многочисленны; он издавал их отдельными монографиями [2] или публиковал в различных периодических изданиях. Многочисленные исторические и историко-географические данные, справки, экскурсы в прошлое разбросаны по всем произведениям Бичурина [3]. Он отзывался в журнальных статьях, рецензиях на подавляющее большинство выходивших в России и за границей работ о Китае и других странах Востока [4].

Бичурин подходил к изучению истории Китая и других стран Восточной и Средней Азии без всяких расовых или религиозных предрассудков и социальные вопросы всегда были

---

[1] Первые сохранившиеся японские письменные памятники относятся к началу VIII века, по Корее к XII веку. В японской прогрессивной исторической литературе после капитуляции Японии уже вполне твердо установилась точка зрения, что прежние японские исторические работы, писавшиеся на основе японских хроник VIII столетия, фальсифицировали древнюю историю Японии и что строить ее можно главным образом на китайских династийных историях. См., например, Итимура Кисабуро. Химэрарэта Кодай Нихон — Токио. 1953.

[2] «Записки о Монголии», т. I и II, 1828; т. II специально посвящен истории монголов; «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». СПб., 1834 (о войнах Китая с монголами и ойратами и т. д.

[3] «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» СПб., 1840. Статистическое описание Китайской империи, ч. I и II, СПб.; Китай в гражданском и нравственном состоянии, ч. 1—4. СПб, 1848 и т. д.

[4] О роли русской синологии 40-х годов XIX в. см., например, письмо Вл. Вас. Горского, студента при Пекинской духовной миссии, рано умершего синолога («Богословский Вестник», 1897, май). Горский пишет, что русские «хинологи» приобрели величайшее уважение в Европе, особенно Бичурин. Он объясняет это тем, что западным миссионерам было запрещено жить в Китае и они могли получать сведения о нем только через русских, упуская из виду, что европейцы, несмотря на ограничения, все же оставались в Пекине вплоть до 1826 г. (В. Бартольд. Указ. соч., стр. 100—101), и, кроме того, на юге в Кантоне европейцы и американцы имели возможность изучать Китай.

в поле его зрения. Однако историю он понимал скорее как политическую и дипломатическую, не разбираясь, как и вся домарксистская историография, в значении классовой борьбы [1].

По отзывам современников, Бичурин идеализировал Китай и существовавшие в нем феодальные порядки [2], считал китайский образ правления справедливым, полагая, что всевластие богдыхана ограничено законами, не замечал сплошной коррупции чиновничества, чудовищной эксплуатации крестьянских масс, жестокости законов, ужасающей системы пыток и т. д.

За эту защиту китайской феодально-бюрократической системы Бичурина критиковал В. Г. Белинский, который неоднократно в своих обзорах русской литературы (в 1840, 1841 гг. и т. д.) особо отмечал труды Н. Я. Бичурина как примечательные, достойные внимания и т. д.[3] Подвергая подробному разбору книгу Бичурина «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (СПб., 1848), Белинский замечал, что в древности Азия была колыбелью культуры, там впервые возникло ремесло, искусство, но затем Азия и Китай в том числе остановились в своем развитии, от столкновения Азии с Европой выигрывала только Европа. Азия продолжала находиться в застое. Законы Китая «сотни веков проходили сквозь горнило опытов и вылились столь близки к истинным началам народоправления, что даже образованнейшие государства могли бы кое-что заимствовать из них». Приводя эту цитату Бичурина, Белинский пишет, что такое изображение Китая, как государства могущественного, государства народного правления — ошибочно, существует только в представлении Бичурина. В действительности Китай с его 400-миллионным населением не смог ничего сделать против 3 тыс. английских моряков. «Китай силен, но держится пока с севера миролюбием России, с юга боязнью Англии обременять себя дальнейшими завоеваниями».

Мнение Белинского о высокой культуре Азии в древности совпадало с мнением Бичурина в этом вопросе. Но Белинский, кроме того, отметил резкое отставание Азии от Европы в дальнейшем процессе исторического развития и выдвигал вопрос

---

[1] Л. В. Симонивская. Указ. соч.

[2] См., например, «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», СПб., 1840. «Китайская чернь по образованию выше черни многих европейских государств». См. также «Китай в гражданском и нравственном состоянии 1848 г.», где Бичурин писал: «Европейцам есть чему научиться у китайцев».

[3] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. IV, стр. 265, т. V. «Русская литература в 1840 году», т. VII, стр. 60 и т. д.

величайшей исторической важности — о причинах этого отставания. Для Бичурина, идеализировавшего современный строй Китая, такого вопроса не существовало. Попытки разрешения этой задачи взяли на себя последующие поколения русских историков-востоковедов, но объяснение причин, задержавших развитие Китая, стало возможным лишь для востоковедения, базирующегося на марксистско-ленинской методологии. Самостоятельные исторические исследования и переводные работы Бичурина дали передовой группе историков, работавших после него, документальный материал по древней и средневековой истории стран Центральной и Восточной Азии, показывающий, что эти страны в свое время обладали высокой культурой. В этом огромная заслуга Н. Я. Бичурина.

Несмотря на известную, обусловленную временем ограниченность мировоззрения Бичурина, сказавшуюся в оценке современного ему положения Китая, горячая защита китайского народа от начинающегося порабощения странами Запада, свидетельствует о его прогрессивных взглядах.

Выше уже указывалось, что сам Бичурин подвергался частым репрессиям со стороны правительства и церковных властей. Ему не разрешили, несмотря на его просьбы, снять монашеский сан. Бичурин подвергался также нападкам ученых — реакционеров и публицистов (Сенковский, Клапрот) [1]. Сенковский то упрекал Бичурина за то, что он пишет на русском языке, то чрезвычайно резко выступал против статьи Бичурина, написанной в защиту Китая от европейских «цивилизаторов» [2]. Однако Бичурин, отлично владея французским языком, продолжал писать свои работы по-русски, так как был патриотом своей родины и русской науки. Не переставал он также и выступать со статьями в защиту китайского народа в период опиумной войны и после нее, когда Англия, Франция и США методически проводили политику превращения Китая в зависимую страну.

Бичурин был тесно связан с прогрессивными кругами русского общества. Советскими историками-востоковедами собрано значительное количество свидетельств современников о близости Бичурина во время его пребывания в Сибири к декабристу Н. А. Бестужеву [3], в Петербурге к А. С. Пушкину, В. Г. Белинскому и другим передовым людям России. Известно,

---

[1] Л. В. Симонивская, Указ. соч.; «Собрание сведений. . .», см. введение Бернштама.

[2] Там же, т. I. Введение.

[3] М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев, стр. 192.

что Н. Я. Бичурин дарил свои книги А. С. Пушкину и, по словам современников, пробудил в нем интерес к Китаю [1].

Н. Я. Бичурин был общепризнанным прогрессивным крупнейшим синологом. Он выступил с передовыми идеями о защите Китая в то время, когда государства Европы и США подчиняли своему господству Китай и другие страны Восточной Азии, когда буржуазная востоковедная литература этих стран пыталась найти оправдание хищнической агрессии в расовой теории о неполноценности азиатских народов. Вся научная и публицистическая деятельность Н. Я. Бичурина была направлена на противодействие этой человеконенавистнической пропаганде.

* * *

В конце 40-х годов XIX в. в России возникли новые научные общества — «Русское географическое общество», «Археологическое общество» и, что особенно важно, в 1855—1856 гг. был организован Восточный факультет Петербургского университета. Все эти учреждения, особенно Восточный факультет, сыграли крупнейшую роль в развитии русского востоковедения. Деятельность этих учреждений развернулась с 50—60-х годов XIX в. и составляет новый этап в истории востоковедной науки.

---

[1] В вводной статье к новому изданию «Собрания сведений. . .» имеются фотоснимки с титульных листов книг Н. Я. Бичурина с дарственной надписью автора А. С. Пушкину.

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

РУССКИЙ ИНДИАНИСТ ГЕРАСИМ СТЕПАНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1749—1817)

Герасим Степанович Лебедев бесспорно является одним из самых замечательных русских исследователей Востока конца XVIII—начала XIX в. Между тем его жизнь и деятельность освещены недостаточно, хотя на протяжении последних ста пятидесяти лет имя его неоднократно упоминалось в печати. До сих пор почти не изучено рукописное наследие этого выдающегося человека, а отдельные неправильные данные из его биографии переносятся из публикации в публикацию. Так, например, почти все печатные работы о нем не содержат никаких сведений о последнем периоде жизни и приводят неправильную дату его смерти. Следует отметить также, что печатные труды Г. С. Лебедева мало привлекали внимание наших индианистов, что, естественно, способствовало появлению в литературе некоторых неправильных мнений о его деятельности и трудах.

Все это побудило нас заняться прежде всего поисками неизвестных и малоизвестных рукописей и документов Г. С. Лебедева в архивах Ленинграда и Москвы, а также — сопоставлением сведений, имеющихся о нем в литературе. В результате этой работы удалось выяснить отдельные моменты жизни и деятельности Г. С. Лебедева, кое-что уточнить и, наконец, обнаружить ряд деталей, которые могут указать путь к дальнейшему изучению биографии этого замечательного человека. Эти детали включены в настоящую статью наряду с общим описанием жизни и деятельности Г. С. Лебедева.

О раннем периоде жизни Г. С. Лебедева имеются лишь весьма скудные, а иногда и противоречивые сведения. По сообщению самого Г. С. Лебедева [1], родился он в 1749 г. Эта дата

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев, Всеавгустейшему Монарху посвященное. СПб., 1805, стр. II.

подтверждается формуляром, согласно которому в 1811 г. ему было 62 года [1], и приводится почти во всех печатных работах, излагавших биографию Г. С. Лебедева. Единственным доводом против этой даты может служить эпитафия на могиле Г. С. Лебедева [2], из которой следует, что он родился в 1747 г. Однако необходимо иметь в виду, что в то время год рождения на памятниках писался часто по семейным воспоминаниям. Поэтому последняя дата может быть неточной и не дает оснований сомневаться в том, что Г. С. Лебедев родился в 1749 г.

Место рождения Г. С. Лебедева пока еще точно не установлено. В некоторых работах указывается, что он родился в городе Ярославле [3]. Первым, кто высказал это предположение, был Ф. И. Булгаков. При этом он, очевидно, основывался на письме Г. С. Лебедева к А. А. Самборскому, в котором он называет ярославца Федора Совкова своим земляком [4]. Авторы более поздних работ повторяют эти сведения, не ссылаясь ни на какие документы. Другие сведения о месте рождения Г. С. Лебедева сообщает его современник И. Х. Аделунг. Согласно им, Г. С. Лебедев происходил с Украины [5]. Достоверность этого известия представляется весьма сомнительной, так как многие биографические сведения о Г. С. Лебедеве, сообщаемые И. Х. Аделунгом, неправильны. Таким образом, вероятнее

[1] Этот формуляр хранится в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «ДЛС и ХД», личные дела чиновников, оп. 464/2, № 128, лл. 1—2; его фотокопия имеется в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР, ф. 90, № 3, лл. 6 и 7; выписка из него находится в картотеке Б. Л. Модзалевского, хранящейся в рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

[2] См. «Петербургский некрополь», т. II. СПб., 1912, стр. 624.

[3] Ф. И. Булгаков. Герасим Степанович Лебедев — русский путешественник, музыкант в Индии в конце XVIII века. «Исторический вестник». СПб., 1880, т. III, стр. 516. Академик А. П. Баранников. О культурных отношениях между Россией и Индией. «Известия Академии Наук СССР. Отд. литературы и языка», т. V. М., 1946, вып. 6, стр. 462; его же. Советская индология. Там же, т. VII. М.—Л., 1948, вып. 1, стр. 3.

[4] Черновик этого письма хранится в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, л. 51. Возможно, что здесь имеется в виду Федор Волков (1729 — 1763), открывший в 1748 г. театр в Ярославле.

Следует отметить, однако, что упоминание о Г. С. Лебедеве отсутствует в книге Н. Г. Огурцова «Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924)». Ярославль, 1924. В книге, однако, собран большой материал о деятелях, происходивших из города Ярославля и его окрестностей.

[5] J. Ch. Adelung. Mithridates oder Allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Theil 1. Berlin, 1806, стр. 185.

всего, что Г. С. Лебедев родился в Ярославле, хотя вопрос этот и требует дальнейшего выяснения.

Семья Лебедевых состояла из отца, матери, сыновей Герасима, Афанасия, Трефила и дочери Антониды [1]. Относительно социального положения этой семьи сведения наши менее определенны. Сам Г. С. Лебедев сообщает о себе, что происходил он из «рода духовного купно и благородного»[2]. В его формуляре значится, что он происходил «из священнических детей». Эти данные дают основание полагать, что его отец был священником [3]. Затем, по сообщению Г. С. Лебедева, отец его подвергся «насильственному утеснению», которое отрицательно отразилось на жизни семьи Лебедевых и лишило Герасима Степановича возможности обучаться грамоте до пятнадцатилетнего возраста [4].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют установить определенно, в чем заключалось это «насильственное утеснение». Есть основания полагать, что после этого отец Г. С. Лебедева стал певчим в Придворной капелле в Петербурге, а семья его жила где-то в другом месте [5]. Когда Лебедеву исполнилось 15 лет, он, вероятно, приехал в Петербург

---

[1] См. приведенный выше черновик письма Г. С. Лебедева, лл. 42—41, ср. цитату из этого письма, опубликованную Ф. И. Булгаковым (указ. соч., стр. 522).

[2] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. II.

[3] Иные сведения о происхождении Г. С. Лебедева приводил И. Х. Аделунг. Согласно его сообщениям, Г. С. Лебедев происходил из крепостных графа А. К. Разумовского, см. J. Ch. Adelung. Op. cit., S. 185. Из новейших авторов эту точку зрения разделяет, повидимому, К. А. Антонова. См. ее «Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556—1605)». М., 1952, стр. 22. Документы, подтверждавшие эту точку зрения, не могли быть найдены нами. Кроме того, против нее свидетельствует и фамилия Лебедев, которую носил отец Герасима Степановича. Она была распространена в XVIII в. преимущественно среди духовенства.

[4] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. II.

[5] Сведения о том, что отец Г. С. Лебедева принадлежал к Придворной капелле, сообщались, к сожалению, без ссылки на источник, в статье «Путешествие Герасима Лебедева в Индию». «Воспоминания», изд. С. А. Руссовым. СПб., 1832, книжка VII (июль), стр. 65 и затем повторялись рядом авторов, писавших о Г. С. Лебедеве, ср. И. Н. Березин. Русский энциклопедический словарь, отд. III, т. I. СПб., 1874, стр. 217. Статья «Путешествие Герасима Лебедева в Индию» подписана инициалами «Н. М.» В. С. Иконников указывал, что ее автором являлся известный источниковед и историк Н. Г. Устрялов (1805—1870); см. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. I, Киев, 1891, стр. 333 и XXVII. Следует отметить, однако, что она не значилась в «Списке сочинений академика Н. Г. Устрялова», напечатанном в «Записках Академии наук», т. XIX. СПб., 1871, книжка 1, стр. 138—148. Более вероятно, что ее автор — Н. Малиновский, который занимался русско-индийскими связями.

к своему отцу. Здесь он обучался грамоте и музыке, в которой сделал незаурядные успехи [1].

Затем Г. С. Лебедев пристрастился к чтению книг. Особенно сильное впечатление на его юношеское воображение производили описания дальних стран, побудившие его в дальнейшем отправиться путешествовать. Осуществить это намерение для человека его положения было в то время весьма трудно, но благодаря энергии и настойчивости ему удалось в 1777 г. выехать из Петербурга с русским посольством, назначенным в Неаполь и возглавляемым графом А. К. Разумовским [2]. Решающую роль здесь, очевидно, сыграли музыкальные способности Г. С. Лебедева, так как А. К. Разумовский был большим ценителем музыки, признанным Моцартом, Гайдном и Бетховеном [3]. С посольством Г. С. Лебедев доехал до Вены. Здесь посольство задержалось более года в связи с начавшейся в 1778 г. войной за Баварское наследство между Австрией и Пруссией. Ознакомившись с Веной — одной из самых блестящих европейских столиц того времени, — Г. С. Лебедев продолжал странствовать самостоятельно, надеясь, что его музыкальные способности помогут ему существовать на чужбине. Перед отъездом из Вены он заручился рекомендательными письмами графа А. К. Разумовского и князя Д. М. Голицына, бывшего в то время (1761—1792) русским послом в Вене.

Сведения о странствованиях Г. С. Лебедева по Европе весьма скудны. Из его слов мы узнаем лишь, что он с успехом демонстрировал свое музыкальное искусство при дворах ряда западноевропейских государств. Путешествуя около пяти лет, Г. С. Лебедев основательно ознакомился с западноевропейской музыкой, переживавшей в конце XVIII в. один из блестящих периодов своего развития. Тогда же он занялся изучением, пови-

---

[1] И. Х. Аделунг сообщал, что Г. С. Лебедев достиг особенно большого мастерства в игре на виолончели, см. J. Ch. Adelung. Op. cit., S. 185.

[2] Эти сведения сообщал сам Г. С. Лебедев (указ. соч., стр. II), но ошибочно приводил 1775 г. как дату выезда посольства в Неаполь. Эта неправильная дата приводилась затем почти во всех работах, излагавших его биографию. Никто из их авторов не обратил внимания на то, что граф А. К. Разумовский был назначен полномочным министром и чрезвычайным послом в Неаполь только 1 января 1777 г. До 1776 г. он находился в опале и имел право жить сначала в Ревеле, а затем у отца в Батурине; ср. «Русский биографический словарь», том Притвиц-Рейц. СПб., 1910, стр. 443—444.

[3] Все три композитора были лично знакомы с А. К. Разумовским. Из них Гайдн очень ценил его музыкальную чуткость, а Бетховен посвятил ему три квартета.

димому, сразу нескольких европейских языков, из которых можно определенно назвать только французский [1].

В начале 1782 г. Г. С. Лебедев прибыл в Париж. К этому времени у него созрело решение попасть в Индию, чтобы познакомиться с ее древней культурой. «Главным для меня предметом, — писал Лебедев, — было проникнуть там во нравы, а с тем вместе приобрести нужные сведения в их языках и учености, в чем и получил посильный успех» [2].

Интерес к Индии был у Г. С. Лебедева, безусловно, связан с развитием русской общественной мысли, с возросшим вниманием к Востоку всех образованных людей России [3]. Кроме того, Лебедева увлекла распространенная тогда в Европе теория о том, что Индия является колыбелью человечества, и его древнейшая цивилизация наиболее хорошо отразилась в индийской культуре. Эта точка зрения стала его убеждением, сохранившимся на всю жизнь [4]. Он писал, что Индия «есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга рассеялся; и которыя национальный Шомскритский язык, не довольно со многими азиатскими, но и с европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение». Этот взгляд на индийскую культуру сыграл определенную положительную роль в деятельности Г. С. Лебедева на поприще изучения Индии, однако он же толкал его постоянно к различным сопоставлениям и выводам, научное доказательство которых являлось в то время еще невозможным.

Весной 1782 г. Г. С. Лебедев прибыл в Париж и был представлен наследнику русского престола Павлу, который путе-

---

[1] Свидетельством в пользу этого может служить автобиографическая заметка Г. С. Лебедева, написанная по-французски, очевидно, его почерком и озаглавленная Introduction. Она хранится в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (коллекция Аделунга, № 6, лл. 1—2).

[2] Письмо Г. С. Лебедева Александру I. Архив востоковедов Института востоковедения АН СССР, ф. 90, № 2/1226/2.

[3] Интерес к языкам и культуре Индии был в XVIII в. достаточно широк и не ограничивался только хорошо известной деятельностью Академии наук в Петербурге. Об этом свидетельствует, например, сборник систем восточного письма, составленный в середине XVIII в. неизвестным автором, очевидно, в Астрахани. В нем под заглавием «Азбука индийских книжных слов» приведен алфавит деванагари и его слоговые таблицы, написанные каллиграфическим почерком. Ныне этот сборник хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (коллекция П. П. Вяземского, CXXIX). Его краткое описание см. «Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского». СПб., 1902, стр. 132.

[4] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. 1.

шествовал по Европе под именем графа Северного. Ему Г. С. Лебедев сообщил о своем намерении отправиться в Индию.

Среди лиц, сопровождавших Павла, к Г. С. Лебедеву с наибольшим участием отнеслись князь Б. А. Куракин и А. А. Самборский. А. А. Самборский хорошо знал Англию, так как прожил в Лондоне около 15 лет, состоя священником русской посольской церкви, и, вероятно, содействовал сближению Г. С. Лебедева с Я. И. Смирновым (Линницким)[1], жившим с 1776 г. в Лондоне, а с 1782 г. состоявшим там священником русской посольской церкви. Во время пребывания в Англии Г. С. Лебедев пользовался поддержкой русского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова. Следует отметить, что А. А. Самборский, Я. И. Смирнов и граф С. Р. Воронцов были блестяще образованными людьми и общение с ними не могло пройти бесследно для Г. С. Лебедева.

В начале 1785 г. осуществилось задуманное Г. С. Лебедевым путешествие в Индию. Об индийском периоде жизни Г. С. Лебедева мы располагаем гораздо большим числом достоверных сведений, сообщаемых как самим Г. С. Лебедевым, так и его современниками[2].

12 февраля 1785 года Г. С. Лебедев сел в Гревсэнде на корабль «Родней» (Rodney), принадлежавший английской Ост-Индской компании и находившийся под командованием капитана

---

[1] Г. С. Лебедев, находясь в Индии, переписывался с А. А. Самборским и Я. И. Смирновым. Черновики писем Г. С. Лебедева из Калькутты А. А. Самборскому (от 8 мая 1797 г.) и Я. И. Смирнову (от 23 июля того же года) хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, ос. 1, № 6077, лл. 35, 41 и 53. Из них следует, что Г. С. Лебедев посылал письмо А. А. Самборскому 31 января 1794 г. с капитаном Солинком (корабль «Augustenberg») и Я. И. Смирнову в 1796 г. с кораблем «Райналь-Шарлот». Выдержки из этих черновиков приводит Ф. И. Булгаков в указанной выше статье о Г. С. Лебедеве.

[2] H. Lebedeff. Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects with dialogues affixed, spoken in all the eastern countries, methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System of the Shamscrit Language, comprehending literal expanations of the compound words, and circumlocutory phrases, necessaru for the attainment of the idiom of that language, etc. Calculated for the use of Europeans, with remarks on the errors in former grammars and dialogues of the mixed Dielects called Noorish or Moors, written by different Europeans; together with a refutation of the assertations of sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet, and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches. By Herasim Lebedeff. London, 1801, str. I—VIII. Документальные материалы, которые частично использованы Ф. И. Булгаковым в приведенной выше статье, а также письма Г. С. Лебедева и другие источники, указываемые ниже в сносках.

Вейкмэна. Корабль этот зашел в Портсмут и 25 марта отплыл в Индию. Он прибыл в Мадрас 15 августа 1785 г. после пятидневной стоянки у острова Иоанны, начавшейся 27 июля [1].

Слава хорошего музыканта и рекомендации влиятельных лиц обеспечили Г. С. Лебедеву хороший прием. Вот что сообщает он о своем прибытии в Мадрас [2]: «Только что успел корабль, именуемый «Родней», стать на якорь, как тамошний градоначальник уже письменно пригласил меня в оный город чрез нарочного присланного в боте; где по прибытию определен я был на место».

Капитан Вильям Сиднэм (William Sydenham), занимавший в то время должность градоначальника (town major) Мадраса, был, как сообщает Г. С. Лебедев, большим любителем музыки. Он заключил с Г. С. Лебедевым договор на два года, согласно которому Г. С. Лебедев устраивал музыкальные увеселения и получал за это 200 фунтов стерлингов в год сверх сбора. Этих средств вполне хватало на жизнь, и Г. С. Лебедев в свободное время научился «мальбарскому народному языку»[3]. С. К. Булич полагает, что под этим названием имеется в виду язык малаялам, распространенный на малабарском побережье [4]. Это представляется маловероятным, так как число лиц, говоривших на этом языке в Мадрасе, было в то время сравнительно невелико, но там проживало большое количество тамилов, язык которых европейцы в то время также называли мала-

---

[1] Сведения эти сообщались в составленном Г. С. Лебедевым на английском языке описании своего пребывания в Индии, озаглавленном «Memorandum» и хранящемся ныне в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, ед. хр. № 6075, л. 3б. И. Х. Аделунг сообщал, что Г. С. Лебедев прибыл в Индию, находясь на службе у некоего лорда, назначенного губернатором в Индии, см. J. Ch. Adelung. Op. cit., S. 185, Ф. Аделунг, ссылаясь на слова И. Ф. Крузенштерна, встретившего Г. С. Лебедева в Индии, писал, что Г. С. Лебедев сопровождал некоего богатого англичанина в Калькутту и, таким образом, прибыл в Индию; см. F. Adelung, Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, СПб., 1815, стр. 205. Эти сведения воспроизводятся затем в некоторых более поздних публикациях, например, в Русском биографическом словаре (том Лабзина-Лященко. СПб., 1914, стр. 105), но являются неверными. В основе их лежит, очевидно, искаженное сообщение о двухлетней службе Г. С. Лебедева в Мадрасе.

[2] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. III.

[3] Там же, стр. III.

[4] С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 495. Здесь С. К. Булич, ссылаясь на приводимые Ф. Аделунгом слова И. Ф. Крузенштерна (F. Adelung. Op. cit., S. 205, сноска), указывал, что Г. С. Лебедев приобрел некоторое знакомство с тамильским и «мальбарским» языками, считая последний языком малаялам. Однако сам Г. С. Лебедев говорил об изучении одного языка «мальбарского».

барским [1]. Можно предположить, что Г. С. Лебедев был первым русским, изучившим в Индии тамильский язык — один из дравидийских языков [2].

Дальнейшие его попытки изучить в Мадрасе индийскую научную литературу и, прежде всего, ключ к ней — санскрит, остались безуспешными. Он пишет об этом [3]: «К распознанию брамгенских наук определиться я не мог в Мадрасе для того, что основания оных, писанные духовным их языком, никто из индейцев не был в состоянии истолковать мне на английском языке». Это и побудило его по истечении срока договора оставить Мадрас и переехать в Калькутту.

В августе 1787 г. Г. С. Лебедев прибыл в Калькутту после пятнадцатидневного плавания на корабле «Сноу» (Snow), возвращавшемся из Малакки под командованием капитана Фостера (Forster). Музыкальные дарования Г. С. Лебедева нашли большое число поклонников среди проживавших в этом городе высших должностных лиц английской Ост-Индской компании. Благодаря этому его материальное положение значительно улучшилось. Он стал получать здесь тысячу фунтов стерлингов в год [4]. Поиски учителя, который мог бы научить его местному языку и письменности, в течение двух лет оставались бесплодными. Наконец, в 1789 г. индиец «домоправитель» Г. С. Лебедева представил ему учителя-бенгальца. Звали его Голок-натх Даш (Golokanāthadāsa). Помимо своего родного бенгальского языка Голок-натх Даш знал калькутскую форму языка хиндустани и санскрит. Этим языкам он взялся обучать Г. С. Лебедева с тем, чтобы Г. С. Лебедев обучил его европейской музыке.

Позднее Г. С. Лебедев о начале этих занятий писал [5]: «На следующий же день после нашего знакомства мы начали,

---

[1] H. J u l e and A. C. B u r n e l l. Hobson-Jobson, a Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindered Terms, Etymalogical, Historical, Geographical and Discursive. London, 1903, p. 541—542.

[2] Следует отметить, что Академия наук в Петербурге располагала определенными сведениями о тамильском языке уже в первой половине XVIII в., ср. академик И. А. Б а р а н н и к о в. О культурных отношениях между Россией и Индией, стр. 461. Во второй половине XVIII в. в библиотеке Академии наук уже имелись тамильские рукописи, см. И. Б а к м е й с т е р. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Русский перевод В. Костыгова. СПб., 1780, стр. 87.

[3] Г. С. Л е б е д е в. Указ. соч., стр. III.

[4] Письмо Г. С. Лебедева к графу С. Р. Воронцову издано П. Бартеневым. Архив князя Воронцова, т. XXIV. М., 1880, стр. 176.

[5] «Memorandum», лл. 7б—8б, ср. Ф. И. Б у л г а к о в. Указ. соч., стр. 518.

и на мой вопрос — какой из языков наиболее употребителен в восточных странах? — он (Голок-натх) ответил, что насколько он это себе представляет, наиболее распространен смешанный, но у него нет ни алфавита, ни грамматики — такова замкнутость и эгоизм всего общества пандитов и брахманов! И поэтому он настоятельно советовал мне усвоить санскритский алфавит, так как это был золотой ключ к неоценимым сокровищам восточных наук и знания».

Начав, таким образом, с изучения калькуттской формы разговорного хиндустани и бенгальского алфавита, употреблявшегося в Бенгалии и для санскрита, Г. С. Лебедев овладел через некоторое время и бенгальским языком. При изучении бенгали он пользовался, очевидно, и первой европейской грамматикой этого языка, составленной Н. Б. Хэлхэдом [1].

Голок-натх Даш познакомил Г. С. Лебедева с основами санскритской грамматики и с лексикой этого языка в бенгальском произношении. Как сообщает Г. С. Лебедев, его занятия языками с Голок-натх Дашом сопровождались изучением индийской космогонии, мифологии, литературы, арифметики, астрономии и других наук, развивавшихся в Индии с древнейших времен. Индийскими языками он занимался с большим увлечением и упорством. Он достиг хорошего знания бенгальского языка, а также калькуттской формы разговорного хиндустани, находившейся тогда в процессе становления. Он освоил также большое количество санскритских слов в бенгальском произношении и основы грамматики этого языка. Полного знания санскрита Г. С. Лебедеву достичь не удалось. Знавшие этот язык брахманы, к которым, вероятно, относился и учитель Г. С. Лебедева Голок-натх Даш, считали страшным грехом обучать санскриту членов низших каст и тем более чужестранцев. Поэтому число европейцев, в совершенстве изучивших санскрит в XVIII в., было совершенно ничтожным. Так, когда в 70-х годах XVIII в., по приказанию генерал-губернатора британских владений в Индии Уоррена Гастингса, индийскими правоведами был составлен на санскрите свод индийского традиционного права Вивадарнавасету «Мост через океан споров», то во всех индийских владениях Ост-Индской компании не оказалось человека, который мог бы перевести его на английский язык.

---

[1] N. B. Halhed. Grammar of the Bengalee Language. Hooghly, 1778.

На эту грамматику Г. С. Лебедев ссылался в своей рукописи «Арифметические восточных индейцев таблицы», л. 6б, хранящейся в Архиве ИВ АН СССР, ф. 90, № 1(1226) 1.

Пришлось поэтому заказать индийцам сделать его персидский перевод, с которого он уже был переведен на английский язык Н. Б. Хэлхэдом.

Показательным в этом отношении является и тот факт, что современник Г. С. Лебедева, Ч. Вилкинс (1750—1833), — первый англичанин, изучивший санскрит, мог найти себе учителя этого языка лишь в Бенересе за большую сумму денег. Это было в то время явлением столь необычным, что основатель Азиатского Общества в Калькутте В. Джонс писал ему в письме от 6 октября 1787 г.: «Вы — первый европеец, который когда-либо понимал санскрит, и будете, возможно, последним».

Приведенные факты показывают, почему стремления Г. С. Лебедева овладеть этим языком в совершенстве не увенчались успехом, однако его познания были больше, чем у ряда его современников, занимавшихся изучением Индии.

Лучше всех других индийских языков Г. С. Лебедев изучил бенгальский — родной язык своего учителя Голок-натх Даша. Им он овладел настолько, что в начале 90-х годов XVIII в. перевел на него с английского языка две комедии: «Притворство» (The Disguise) В. П. Джордрелля и «Любовь — лучший врач» (Love is the best Doctor). Переводы этих пьес не были их точным воспроизведением на бенгальском языке, они представляли переработку этих произведений. От переводимого произведения сохранилась только сюжетная основа. Действие переносилось в Индию, и все действующие лица становились индийцами. Приготовление перевода такого типа требовало от переводчика, помимо хорошего знания языка, на который делался перевод, также знания тонкостей индийской жизни. Именно такие переводы указанных пьес и приготовил Г. С. Лебедев.

Г. С. Лебедев показал свой перевод Голок-натх Дашу и ряду бенгальцев, образованных в духе индийской традиции, и получил от них полное одобрение. Голок-натх Даш помог Лебедеву найти бенгальских артистов и певцов. Г. С. Лебедев создал музыкальное оформление для этих пьес, в котором пение индийцев сочеталось с европейской музыкой. Текст включенных в спектакль песен принадлежал известному бенгальскому поэту Бхарот Чондро Рай (Bhārat Candra Rāy), музыку написал сам Г. С. Лебедев. Затем Г. С. Лебедев получил у губернатора Дж. Шора разрешение на публичную постановку пьес на бенгальском языке и начал готовить открытие собственного театра в Калькутте.

Этот план Г. С. Лебедева с самого момента его зарождения был встречен враждебно существовавшим в то время в Каль-

кутте английским театром Ост-Индской компании, долю в котором имели многие крупные английские чиновники. Ряд лиц, занимавших высшие должности в калькуттском управлении Ост-Индской компании, которых Г. С. Лебедев познакомил с проектом организации театра, предупреждали его о том, что это предприятие для него в высшей степени опасно, так как управляющий английским театром и многие лица, материально заинтересованные в процветании этого театра, не остановятся ни перед чем, чтобы сорвать предприятие Г. С. Лебедева, «которое может отвлечь внимание общественности от их театра и лишить их золотого урожая, который они присваивали до сих пор без помех»[1]. Затем, когда Г. С. Лебедев обратился с просьбой к Ост-Индской компании сдать ему в аренду помещение английского театра до тех пор, пока он не оборудует свое собственное, он получил отказ, а лица, заинтересованные в деятельности английского театра, стали высмеивать проект Г. С. Лебедева, называя его планом Дон-Кихота [2].

Несмотря на все препятствия, Г. С. Лебедев твердо шел по намеченному пути. Он понимал, что старый индийский театр не удовлетворяет потребностей индийского общества, что необходимо создать бенгальский театр нового типа, в котором осуществилось бы слияние европейской и бенгальской драматургических традиций. Он снял у Джогоннатха Гангули дом в центре Калькутты, по улице Дом-толла [3], № 25, и занялся его перестройкой по изготовленным им самим планам. Постройка театра заняла около трех месяцев.

Весть о новом театре быстро облетела Калькутту и ее окрестности и вызвала большой интерес у местных жителей. Многие из них стали обращаться к Г. С. Лебедеву с пожеланием о том, чтобы театр открылся как можно скорее. Это побудило Г. С. Лебедева ускорить приготовления. Были отпечатаны в типографии афиши на бенгальском и английском языках, извещавшие о первом спектакле этого театра [4], объявление было помещено и в газете [5], и в пятницу 27 ноября 1795 г. был дан первый спектакль. Поставлена была пьеса «Притвор-

---

[1] «Memorandum», л. 12б.

[2] Там же.

[3] По-английски Dome-Lane, ныне Eyra Street.

[4] Афиши эти с рукописными пометками Г. С. Лебедева хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6076, лл. 9 и 10 (на английском языке), л. 11 (на бенгальском языке).

[5] См. «Calcutta Gazette», 5 и 26 ноября 1795 г.

ство» в сокращенном виде. Три ее акта были объединены в один [1].

Бенгальцы встретили открытие театра Г. С. Лебедева с большим интересом. Театр, рассчитанный более чем на 300 человек, мог вместить только часть желающих. Г. С. Лебедев писал об этом А. А. Самборскому [2]: «Собрание было столь многолюдно, что если бы театр мой был трижды больше, конечно, был бы полон». Спектакль имел огромный успех. Так открылся первый бенгальский театр нового типа, ставивший пьесы на бенгальском языке, понятном для индийцев Калькутты [3]. Его успех был заслуженной наградой Г. С. Лебедеву — талантливому и энергичному создателю этого театра.

Прогрессивная общественность Бенгалии хранит память о Г. С. Лебедеве, вошедшем в историю индийской драматургии, а день первого спектакля его театра рассматривает как знаменательную дату в истории русско-индийских культурных отношений. Вот как характеризует в наше время бенгальская писательница Кришна Датт значение этой даты в статье, посвященной Г. С. Лебедеву: «27 ноября останется в истории индийской культуры символом дружбы двух великих народов мира» [4].

Вторично комедия «Притворство» была показана в понедельник 21 марта 1796 г. На этот раз она была представлена уже в трех актах, без сокращений. Большой успех и этого спектакля вдохновил Г. С. Лебедева на расширение театра [5].

---

[1] Рукопись сокращенного текста этой комедии озаглавлена: «Из комедии (Disguise) притворства. Переведено Герасимом Лебедевым (акт) явление в трех действиях. Первый раз представлено было в Калькутте 27 ноября 1795 г., на бенгальском языке в его собственном театре. Его наемными обоего пола комедиантами». Она занимает 68 л. и содержит список действующих лиц и текст комедии на бенгальском языке, бенгальским письмом, в правом столбце, на английском языке в левом столбце; средний же столбец содержит транскрипцию бенгальского текста русскими буквами, снабженную подстрочным русским переводом; рукопись эта является автографом Г. С. Лебедева и хранится ныне в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6075, лл. 17—75.

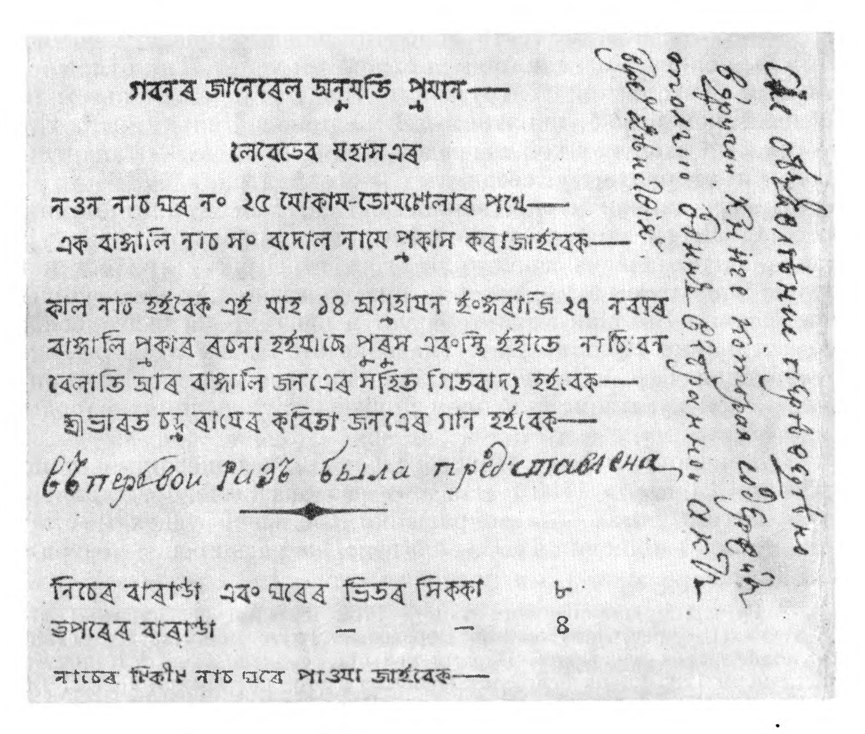
[2] Приведенный выше черновик этого письма, л. 50, ср. Ф. И. Булгаков. Указ. соч., стр. 519.

[3] Ср. С. Ghosh. Bengali Literature. London, 1948. p. 149.

[4] Kṛṣṇā Datt. Ruš Bhārat maitrīr mūrtīa pratīk. Bangīy naṭyašālār pratiṣṭhātā Herasim Lebedeph 27 še nabhembar 1795 sam. Статья эта была доступна нам в рукописи, присланной автором в Институт востоковедения АН СССР.

[5] Рукопись полного бенгальского перевода этой комедии хранится в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6076. Она является автографом Г. С. Лебедева, и в ней кроме

Он добился у губернатора разрешения ставить пьесы также и на английском языке, увеличил труппу артистов, а здание театра расширил пристройкой. Занимаясь всем этим с большим энтузиазмом, он и не подозревал о тех кознях, которые готовились против него.

গবনর জানেরেল অনুমতি পুমান—

লেবেডের মহাশএর

নওন নাচ ঘর নং ২৫ ডোমতোলার পথে—

এক বাঙ্গালি নাচ সং বদোল নামে পুকাস করাজাইবেক—

কাল নাচ হইবেক এই মাহ ১৪ অগ্রহায়ন ইংরাজি ২৭ নবম্বর

বাঙ্গালি পুকার রচনা হইয়াছে পরস এবংমু ইহাতে নাচিবার

বেলাতি আর বাঙ্গালি জনএর সহিত গিতবাদ্য হইবেক—

ভারত চন্দ্র রায়ের কবিতা জনএর গান হইবেক—

въ первой разъ была представлена

নিচের বারান্ডা এবং ঘরের ভিতর সিক্কা ৮

উপরের বারান্ডা — — ৪

নাচের টিকীট নাচ ঘরে পাওয়া জাইবেক—

Афиша на бенгальском языке о первом спектакле театра Г. С. Лебедева с его рукописными пометками

Успех театра Г. С. Лебедева вызвал черную зависть у антрепренеров существовавшего в Калькутте английского театра Томаса Роварта (Thomas Rowarth). Стремясь к монопольному положению, они решили во что бы то ни стало уничтожить конкурента. Но так как театр Г. С. Лебедева пользовался

английского текста и его бенгальского перевода, выполненного оригинальным письмом, имеется русская транскрипция последнего и подстрочный русский перевод. В этой же тетради переплетена печатная афиша, содержащая краткое (лл. 5—8) изложение этой комедии на английском языке.

большой популярностью у индийского населения, они не решились выступать против него открыто, а, опираясь на местных английских чиновников Ост-Индской компании, многие из которых имели долю в английском театре, стали опутывать Г. С. Лебедева сетью тайных интриг.

Начались они с того, что к Г. С. Лебедеву явился Дж. Бэттль, рисовавший ранее декорации в английском театре. Он стал жаловаться на притеснения и обиды, будто бы причиняемые ему хозяином, описал бедственное положение своей семьи и попросил Г. С. Лебедева принять его к себе на службу, обещая не жалеть сил для его будущих успехов. Г. С. Лебедев радушно принял мнимого потерпевшего и вскоре сделал его своим компаньоном. Договор об этом был подписан 1 июня 1796 г., и сразу же Дж. Бэттль начал принимать в театр Г. С. Лебедева людей, подкупленных антрепренерами английского театра. Так были приняты два артиста-европейца и несколько индийцев, а индийцы, служившие в театре ранее, были уволены под различными предлогами. Окружив себя сообщниками, Дж. Бэттль стал добиваться все новых и новых перемен в декорациях, требующих больших расходов, чтобы подорвать материальное благополучие театра, а Г. С. Лебедев все еще не подозревал об интригах.

Наконец, Дж. Бэттль решил сжечь театр Г. С. Лебедева. Он приказал одному из своих сообщников тайно развести огонь в одном из помещений театра и поставить на него большой горшок со смолой. Сам он в это время ушел из театра. Смола растопилась, разорвала горшок, загорелась и стала растекаться по комнате. Начался пожар. Индийцы, служившие в театре, стали тушить пожар песком. Только благодаря их самоотверженности и расторопности театр был спасен. Вернувшийся через два часа Дж. Бэттль выслушал сообщение Г. С. Лебедева о случившемся с презрительным равнодушием. Лишь теперь Г. С. Лебедев понял, с кем он имеет дело.

На следующий день к Г. С. Лебедеву явился один из чиновников Ост-Индской компании, имевший долю в местном английском театре. Объявив себя доброжелателем Г. С. Лебедева, он сообщил ему, что театр может быть конфискован за долги его компаньона Дж. Бэттля. Одновременно с этим Дж. Бэттль потребовал у Г. С. Лебедева неограниченного права распоряжаться театром, угрожая в случае отказа расторгнуть контракт. Вскоре после этого он вернулся в английский театр. За ним последовали и его сообщники, причем, оставляя театр Г. С. Лебедева, они не вернули полученный денежный аванс.

Г. С. Лебедев попытался добиться справедливости через суд Ост-Индской компании и обратился с письмом к нескольким высшим судебным чиновникам в Калькутте. В этом письме он просил совета по делу вероломного нарушения контракта Дж. Бэттлем и артистами [1]. Некоторые из чиновников, в числе которых находились ценители музыкальных дарований Г. С. Лебедева, А. Кид и Дж. Хайд, ответили на его письмо. Однако содержание ответов ни в коей мере не оправдало надежд Г. С. Лебедева. Г. С. Лебедеву не советовали обращаться в суд и дали понять, что известность, приобретенная им среди бенгальцев, не по душе Ост-Индской компании, и ему следовало бы во избежание дальнейших затруднений покинуть Индию. Безрезультатным осталось и обращение к первому судье верховного суда Р. Чэмберсу [2]. Г. С. Лебедев понял, что он нигде не найдет поддержки. Однако он решил сделать все от него зависящее, чтобы спасти театр.

Тогда враги Г. С. Лебедева переменили тактику. Они решили разорить его при помощи потока судебных кляуз. Суд Ост-Индской компании — одно из орудий порабощения Индии, как нельзя лучше подходил для этой цели. Так, Г. С. Лебедев был вызван в суд по поводу требования некоего Дж. Велча (John Welch) об уплате ему 240 рупий, якобы заработанных во время пятимесячной работы в театре Г. С. Лебедева. Явившись на суд, Г. С. Лебедев показал, что Дж. Велч никогда не работал у него. Тем не менее 2 апреля 1797 г. Г. С. Лебедев был по этой жалобе арестован.

Следствием было установлено, что жалоба на Г. С. Лебедева является ложной. Он был оправдан и выпущен из-под ареста. «Но за арест не получил никакого удовольствия» [3].

Вслед за этим на Г. С. Лебедева посыпался поток ложных жалоб и исков. Во время следовавших друг за другом судебных процессов Г. С. Лебедев проявил немало мужества и сумел оправдаться во всех предъявленных ему обвинениях [4].

---

[1] Копия этого письма, выполненная Г. С. Лебедевым, хранится в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, лл. 4—5. Там же заметки Г. С. Лебедева о полученных на него ответах. О них же см. его «Memorandum», л. 14; ср. также письмо к графу С. Р. Воронцову. Архив князя Воронцова, т. XXIV, стр. 176.

[2] Копия писем Г. С. Лебедева к Р. Чэмберсу и его записи о переговорах с Дж. Чэмберсом хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, лл. 7б —10б.

[3] Переписка по этому делу и записи Г. С. Лебедева о его течении хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, лл. 11—13.

[4] Документы и их копии, относящиеся к этим тяжбам, хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195,

Однако бесконечные тяжбы истощили его сбережения и парализовали деятельность театра. Расходы по судебным процессам вынудили Г. С. Лебедева в первой половине мая 1797 г. закрыть театр [1] и продать его оборудование [2].

Не удалось Г. С. Лебедеву и опубликовать в Калькутте результаты своих занятий индийскими языками. О том, что помешало этому, он сообщает в письме русскому послу в Лондоне графу С. Р. Воронцову [3]: «То что могло бы и англичанам не токмо новостию опять нравиться, но ради вернейшего в языках уведомления, публиковать в Калкоте не могу: за тем что иностранцово в науках уравнение переводчикам несносно, торговцам неприятно, и правление для ободрения своих, знаю, как надлежит иностранца не окуражит». С горечью вспоминал Г. С. Лебедев о том, как радушно принимались в то время иностранцы на его родине [4]: «Известно свету, иностранцы ободряются лучше в России, и не требуется других веков доказательств».

Разоренный и озлобленный, он 8 мая 1797 г. обратился с письмом к А. А. Самборскому, в котором просил достать для него денег при помощи подписки или каким-нибудь иным способом и выслать часть из них ему, остальные же передать семье. В письме подробно описывались его злоключения в Индии, виновниками которых были хозяйничавшие там дельцы Ост-Индской компании, и оно предназначалось Г. С. Лебедевым для публикации. К сожалению, А. А. Самборский не опубликовал его [5].

Интересным для характеристики большой гуманности Г. С. Лебедева является предложенное им использование денег, которые могли бы быть получены в виде гонорара за издание указанного письма.

оп. 1, № 6077, лл. 14—31. Сведения о некоторых из этих тяжб приводит Ф. И. Булгаков (указ. соч., стр. 521—522), которому были доступны указанные документы.

[1] Запись Г. С. Лебедева на заднем переплете его рукописи полного бенгальского перевода комедии «Притворство», Центральный Государственный Архив литературы и искусства, ф. 191, оп. 1, № 6076.

[2] Сведения эти Г. С. Лебедев приводит в своем «Memorandum», л. 150.

[3] Архив князя Воронцова, т. XXIV, стр. 176.

[4] Там же. Об этом же Г. С. Лебедев писал в своем «Memorandum» и приводил примеры благожелательного и милостивого отношения к англичанам в России со стороны Петра Великого и Екатерины II (лл. 14б—15б).

[5] Как указывалось выше, сохранился черновик этого письма. Выдержки из него неоднократно приводились выше. Ранее его использовал Ф. И. Булгаков в указанной статье. В ней опубликован также ряд выдержек из письма.

Эти деньги он предлагал разделить на четыре части, одна из которых предназначалась для детского воспитательного дома, другая — для помощи бедным студентам, посланным из России для обучения в Лондон, и две остальные — родителям, братьям и сестре Г. С. Лебедева.

Машина, пущенная врагами Г. С. Лебедева против него, продолжала действовать и после уничтожения его театра [1]. Здоровье Г. С. Лебедева также ухудшилось [2]. Поэтому он решил оставить Индию и вернуться в Россию.

15/26 июля он обращается с письмом к русскому послу в Лондоне графу С. Р. Воронцову. В нем он сообщает о своем намерении вернуться в Россию и просит походатайствовать о его определении на государственную службу, чтобы он мог с пользой для отечества применить полученные им в Индии знания. Кроме того, он обращается с просьбой выслать паспорта на два корабля с товарами, которые он намеревался привезти из Индии в Россию, чтобы тем самым положить начало непосредственной морской торговле между Россией и Индией и вместе с этим несколько улучшить свое материальное положение, так как был он в то время «до голи почти разорен». Это письмо впоследствии было издано П. И. Бартеневым [3]. Аналогичную просьбу содержит и письмо к Я. И. Смирнову, отправленное из Калькутты 23 июля 1797 г.[4]

Незадолго до отъезда из Калькутты Г. С. Лебедев встретил И. Ф. Крузенштерна, прибывшего туда на английском фрегате «Лаузо». И. Ф. Крузенштерн сообщил Г. С. Лебедеву, что на южной оконечности Африки в Кейптауне находится лейтенант русского флота Ю. Ф. Лисянский, служивший в то время, как и М. Ф. Крузенштерн, для прохождения практики волонтером в английском флоте. Позже И. Ф. Крузенштерн поделился своими воспоминаниями об этой встрече

---

[1] Тяжбы против Г. С. Лебедева возбуждались также в июне и июле 1797 г. Кроме того, в его «Memorandum» (л. 16а) имелась следующая запись: «Однако мои мучительные неприятности не кончились только этим (уничтожением театра. — *В. В.*) и было бы непростительным упущением не дать краткого описания того низкого искусства, которое было применено по отношению ко мне, при моем возвращении в Европу». Далее следует лакуна.

[2] Черновики двух кратких писем Г. С. Лебедева, адресованных доктору Дику, о необходимых ему лекарствах от 15 и 24 июня 1797 г. хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, л. 25.

[3] Архив князя Воронцова, т. XXIV, стр. 174—178.

[4] Черновик этого письма хранится в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, л. 25.

с Ф. Аделунгом, который опубликовал полученные таким образом сведения [1].

Г. С. Лебедев прожил в Калькутте до конца ноября 1797 г. 23 ноября он получил от местных властей Ост-Индской компании разрешение на проезд в Европу на корабле «Лорд Тарлоу» (Lord Thurlow), которым командовал капитан В. Томсон, и отплыл в Европу [2].

8 февраля 1798 г. Г. С. Лебедев прибыл на мыс Доброй Надежды и встретил там Ю. Ф. Лисянского. Молодой офицер не понял Г. С. Лебедева, который был озлоблен и удручен травлей в Калькутте. Поэтому имеющаяся в его записях характеристика Г. С. Лебедева лишена интереса. Однако это место дневника Ю. Ф. Лисянского [3] вместе с указанными выше документами уточняло время отъезда Г. С. Лебедева из Индии, которое в ряде печатных работ указано неправильно.

С мыса Доброй Надежды Г. С. Лебедев направился в Лондон. Весть о его прибытии туда дошла и до русской общественности. В 1799 г. в «Московских ведомостях» было напечатано приводимое ниже сообщение: «В одних английских ведомостях помещено между прочим следующее: «Один музыкант из русских, возвратившийся с последним флотом из Индии, намерен издать в Лондоне собрание индостанских и бенгальских арий. Поскольку же он весьма сведущ как в упомянутых языках, так и в музыке, то ожидают, что он первый введет здесь в употребление восточную музыку, мало известную между нами» [4].

В Лондоне Г. С. Лебедев вынужден был задержаться. Связано это было, очевидно, с опалой его покровителя графа

---

[1] F. Adelung. Op. cit., S. 205—206, сноска.

[2] Копия этого разрешения, а также копии других документов, связанных с отъездом Г. С. Лебедева из Индии, хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6077, лл. 32—33.

[3] Журнал лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденный им во время службы волонтером на судах английского флота с 1793 по 1800 г. (Центральный Государственный Архив литературы и искусства, ф. 1337, оп. 1, № 135, лл. 131—132). Запись о Г. С. Лебедеве опубликована: Е. Л. Штейберг. Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского, содержащее историю его службы на военном флоте российском, его плаваний в Западную и Восточную Индию, в Северную Америку и Южную Африку, а также о знаменитом первом путешествии русских моряков вокруг света с 1803 по 1806 год. М., 1948, стр. 104.

[4] «Московские ведомости», 1779, № 26 (30 марта), раздел «Смесь». На эту заметку наше внимание любезно обратил проф. Б. Л. Вольман.

С. Р. Воронцова в конце царствования Павла I[1]. Он воспользовался своим пребыванием там для того, чтобы начать публикацию своих исследований по индийским языкам.

Так, в 1801 г. вышла из печати его грамматика калькуттской формы разговорного хиндустани[2]. При ее составлении он ознакомился с имевшимися в то время пособиями по хиндустани Г. Хэдли и Дж. Фергюссона[3]. Однако грамматику свою Г. С. Лебедев построил по оригинальной схеме, используя главным образом материал, собранный им самим. Авторы немногочисленных предшествующих грамматик хиндустани брали за основу принципы построения классической латинской грамматики, а из языковых примеров отбирали главным образом те, которые были свойственны совокупности разговорных форм этого языка, распространенных в крупных торговых центрах Индии. Г. С. Лебедев попытался объединить в своей грамматике европейскую и индийскую грамматические традиции. Наряду с европейскими грамматическими терминами он приводит и санскритские в бенгальском произношении. Далее Г. С. Лебедев ограничился исключительно калькуттской разновидностью разговорного хиндустани, но привел в своей грамматике все многообразие употреблявшихся там грамматических форм. Калькутта была в то время быстро растущим городом, получавшим большой приток населения не только из самой Бенгалии, но и из других местностей Индии. Разговорный хиндустани — средство общения разноязычных жителей Калькутты — изменялся в устах каждого из них под влиянием его родного языка. Это, с одной стороны, вызывало употребление огромного количества однозначных форм, с другой сто-

---

[1] Неблагоприятный ответ на письмо Г. С. Лебедева, записанный со слов Павла I Ф. В. Растопчиным и посланный русскому поверенному в делах в Лондоне В. Г. Лизакевичу 22 мая 1800 г., см. Архив князя Воронцова, т. XXIV, стр. 179.

[2] The Grammar of the Pure and Miked East Indian dialects.

[3] См. предисловие к грамматике Г. С. Лебедева, стр. XI—XV. Небезинтересно отметить, что рукописные пометки Г. С. Лебедева имеются на хранящемся в библиотеке Института востоковедения АН СССР (шифр $IX\frac{3}{20}$) экземпляре книги G. Hadley. A. Compendious Grammar of the Current Corrupt Dialect of the jargon of Hindoostan (commonly called Moors) with a Vocabulary. English and Moors, Moors and English, with References between Words resembling each other in Sound, and different in Signification; and literal Translation of the compounded Words and circumlocutory Expressions for Attaining the Idiom of the Language to which are added Familiar Phrases and Dialogues, etc, with Notes Descriptive of various Customs and Manners of Bengal. 4 ed. London, 1796.

роны — сильно упрощало грамматический строй хиндустани. Эти языковые явления и отражает грамматика Г. С. Лебедева лучше, чем какая-либо предшествующая или последующая грамматика этого языка. Именно в этом и заключается то научное значение, которое она сохраняет до наших дней и не утратит никогда [1].

Следует выразить сожаление, что индийский ученый Сунити Кумар Чаттерджи, написавший специальное исследование о калькуттской форме разговорного хиндустани [2], не использовал работы своего предшественника в этой области — грамматики Г. С. Лебедева. Она дала бы ему ценный материал по истории языка и помогла бы расширить ряд выводов, сделанных им на основании наблюдений над современным состоянием калькуттской формы разговорного хиндустани.

В том же 1801 г. Г. С. Лебедев вернулся в Россию. Он привез с собою свои рукописи, заключавшие результаты его занятий языками и культурой Индии. Из этих рукописей, очевидно, только часть сохранилась до наших дней. Однако сведения о некоторых его работах, не обнаруженных до сих пор, могут быть почерпнуты из писем Г. С. Лебедева и других источников. Особенно ценным в этом отношении представляется приводимый ниже перечень рукописей, написанных Г. С. Лебедевым в Калькутте, который содержится в письме Г. С. Лебедева к неизвестному лицу [3]: «Реэстр нижеозначенным предметам (в виде словаря), переведенным в Калькутте с индийского языка на российской Герасимом Лебедевым.

1-е. Азбука, шомскритско-бенгальского и светского языка, состоящая из 147 букв, расположенная в трех отделениях,

[1] Следует отметить, что Дж. Грирсон неправильно рассматривает грамматику Г. С. Лебедева, как весьма несовершенную грамматику диалекта «кхари боли» западного хинди, лежащего в основе литературного хинди и урду. См. G. Grierson. Linguistic Survey of India, vol. IX, part I, p. 10.

Неправ также и В. В. Бартольд, который писал, что Г. С. Лебедев издал «грамматику индийских наречий, в том числе и санскрита». См. В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 278,

[2] Suniti Kumar Chatterji. Calcutta Hindustani — a Study of a Jargon Dialect, Indian Linguistics, Bulletin of the Linguistic Society of India, vol. I, part II—IV, 1931, № 3, p. 1—57.

Ср. рецензию А. П. Баранникова. Библиография Востока, вып. 5—6. Л., 1934, стр. 82—91.

[3] Письмо это хранится в Отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеке им. Ленина, фонд Румянцевых Ра 15/13. Написано оно на бумаге с водяными знаками 1807 г., и, судя по обращению «Ваше сиятельство», содержащемуся в этом письме, его адресат имел графский титул.

имеющих пять отличий. Подлинник с переводом на российский язык изготовлен к тиснению [1].

2-е. Словарь на бенгальском и общенародном индийском (смешанном из разных азиатских) языках [2].

3-е. Грамматика, на народном Индийском и Англинском языках, отпечатана и поднесена государю императору. Долженствует быть переведена на российский язык.

4-е. Грамматика бенгальского чистого языка, на коем индийцы ведут вообще по делам переписки. Подлинник с переводом на российский язык должно переписать начисто. Сия грамматика может путеводствовать к научению шомскритского языка [3].

5-е. Несколько разговоров на разные предметы написаны на бенгальском, народном индийском и англинском языках; должно переписать начисто.

6-е. Комедия под названием (Disguise) «Притворство» переведена с англинского на бенгальский и российский языки. Переписана начисто.

7-е. Ключ от начальных оснований индийской арифметики, расположенных в пяти отделениях, в каждом особенно сто числами, для вычисления разных весов и мер, твердых и жидких тел, и четвероякого рода денег, как то: раковок, вместо денег употребляемых, чеканеных медных, серебряных и золотых».

Приводимый перечень является неполным, но из упоминаемых в нем рукописей сохранились только рукописи комедии «Притворство» в сокращенном и полном виде, указанные выше. Упомянутая под номером 7 рукопись была переработана впоследствии Г. С. Лебедевым, и ее переработка сохранилась до наших дней. Не указан в этом перечне русский перевод Г. С. Лебедева поэмы Бидде Шундор (Vidā Sundar), принадлежащей перу бенгальского поэта Бхарот Чондро Рая (Bhārat Candra Rāy). О нем Г. С. Лебедев сообщает в письме графу С. Р. Воронцову [4], и рукопись этого перевода была доступна в 80-х годах прошлого века В. И. Булгакову [5]. Сохранилась она и до наших дней. Рукопись содержит переписанный Г. С. Лебедевым бенгальский текст первой части этой

---

[1] Здесь, очевидно, имеется в виду пособие по бенгальскому письму, употребляющемуся в Бенгалии также и для записи санскритских текстов.

[2] Здесь имеется в виду разговорный хиндустани.

[3] В литературном бенгальском языке употребляется большое количество санскритских слов, благодаря чему в пособиях по этому языку часто излагаются элементы санскритской грамматики.

[4] Указ. изд., стр. 175.

[5] Указ. соч., стр. 516, сноска.

поэмы, его транскрипцию русским письмом и подстрочный русский перевод. Собственные имена, а также ряд индийских слов снабжены примечаниями [1].

Помимо этого сохранилась обширная рукопись Г. С. Лебедева, содержащая материалы по грамматике, лексике и фразеологии бенгальского языка и калькуттской формы разговорного хиндустани, бенгальскому письму, индийской арифметике, календарю и др.

Кроме того, Г. С. Лебедев привез в Россию первую коллекцию индийских рукописей. В ней были рукопись знаменитого санскритского словаря синонимов «Амаракоша» (Словарь Амары), составленного Амарасимхой во второй половине I-го тысячелетия н. э. [2], рукопись санскритского дидактического сборника сказок «Хитопадеша» («Полезное поучение»), которая была впоследствии использована при первом критическом издании этого литературного памятника [3], рукопись стихотворной повести на языке хинди «Мадхумалатиджайтапрасангакатха» [4] (Повествование о Мадху, Малати и Джайта) и четыре рукописных календаря [5]. После смерти Г. С. Лебедева семь упомянутых рукописей в 1835 г. поступили в составе первой коллекции Шиллинга фон Канштадт в Азиатский музей Академии наук, и П. Я. Петров опубликовал ее первое описание [6].

Г. С. Лебедев приехал в Россию с твердым намерением посвятить всю свою последующую деятельность ознакомлению русской общественности с Индией, ее языками и культурой. Задача эта была нелегкой. Специальные востоковедные учреждения в России почти отсутствовали. Но трудности не смущали Г. С. Лебедева. Сразу же после возвращения в Петербург он приступил к осуществлению своего плана. Первым его шагом было устройство типографии с индийским шрифтом,

---

[1] Ныне эта рукопись хранится в Центральном Государственном Историческом Архиве, ф. 1151 (фонд А. Е. Шишкова), оп. № 1, отд. Л. Ф., ед. хр. № 102, лл. 7—85 (1—78 по нумерации Г. С. Лебедева).

[2] Н. Д. Миронов. Каталог индийских рукописей, ч. I. Птг., 1914, № 242.

[3] Н. Д. Миронов. Указ.соч., № 140; Ch. Lassen. A. G. Schlegel. Hitopadesas id est institutio salutaris Bonn, 1829—1831, p. V—VI.

[4] Там же, № 462.

[5] Там же, №№ 314—318, №№ 316 и 318 содержат приписки Г. С. Лебедева.

[6] П. Я. Петров. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музеуме Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Журнал Министерства народного просвещения, октябрь 1836, 2. XII, стр. 194—198. Эта работа П. Я. Петрова была издана также на немецком и французском языках.

в которой можно было бы печатать специальные работы об Индии и ее языках.

В 1801 г. Лебедев преподнес Александру I экземпляр своей грамматики вместе с проектом типографии и просьбой определить его на казенную службу с тем, чтобы он мог с пользой для России применить полученные им в Индии знания. Александр I распорядился выдать Г. С. Лебедеву 10 тыс. рублей на устройство типографии и присвоить ему звание профессора восточных языков при Академии наук с жалованием 1800 рублей в год из почтовых доходов [1].

Деньги на постройку типографии Г. С Лебедев получил, но его назначение в Академию наук по неизвестным причинам не состоялось. 4 февраля 1802 г. последовал новый именной указ, согласно которому Г. С. Лебедев «во уважение приобретенных им сведений в восточных индийских письменах» получил чин коллежского асессора и был причислен в Коллегию иностранных дел к Азиатскому департаменту [2].

Вскоре Г. С. Лебедев был оформлен на должность переводчика в Коллегии иностранных дел, которая в сентябре того же 1802 г. была преобразована в Министерство иностранных дел. В этой должности Г. С Лебедев прослужил до своей смерти. Ему было положено жалование в 1800 руб. в год из почтовых доходов, которое выплачивалось равномерными частями через каждые 4 месяца [3]. Служба эта давала Г. С. Лебедеву необходимые для жизни средства, но в то же время исполнение служебных обязанностей мешало ему тщательно обрабатывать индийские материалы. По некоторым сведениям, он много занимался переводами с английского языка [4]. Тем не менее,

---

[1] См. письмо Д. П. Трощинского к А. Л. Николаи от 29 января 1802 г. Издано Д. И. Успенским: Письма Д. П. Трощинского к А. Л. Николаи. «Русская Старина». СПб., 1904, № 12 (декабрь), стр. 717. Неверны имеющиеся в печати сведения о том, что Г. С. Лебедев получил 20 тыс. руб. на устройство типографии; ср. Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII—XIX столетии, и список русских книг с 1725—1825 с дополнениями Н. Собко, т. II. Берлин, 1880, стр. 202.

[2] Копия этого указа хранится в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», р. IV—I, 1802, дело № 5, л. 1.

[3] Документы, связанные с оформлением Г. С. Лебедева на службу, хранятся в Архиве Министерства иностранных дел, фонд «Административные дела», р. IV—I, 1802, дело № 5, лл. 1 и 5, и р. IV—II, 1802, дело № 6, л. 1. Их фотокопии хранятся в Архиве ИВ АН СССР, ф. 90, № 3, лл. 1—3. Все эти документы датированы февралем 1802 г.

[4] С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, изд. 2, т. II. Птг., 1916, стр. 21.

Г. С. Лебедев с большой энергией занялся устройством типографии. Он купил для этого деревянный дом и после преодоления многочисленных затруднений с изготовлением наборного бенгальского шрифта [1] открыл типографию и в 1805 г. напечатал в ней книгу «Беспристрастное созерцание...», в которой слова из индийских языков были набраны бенгальским шрифтом. Так, на тихой Богадельной улице около берега Невы в доме Г. С. Лебедева, имевшем до 1804 г. № 398, а после № 439 по четвертому кварталу Рождественской части, начала работу первая в Европе типография с бенгальским наборным шрифтом [2].

Открылась эта типография через 27 лет после организации первой такой же типографии в самой Бенгалии, которая не имела предшественниц во всем мире [3]. Следует отметить, что типография Г. С. Лебедева была также первой в Европе типографией с индийским наборным шрифтом. Типография Ч. Вилкинса в Лондоне, которую многие авторы считают первой типографией с индийским наборным шрифтом в Европе, выпустила первую книгу только в 1808 г. [4] В типографии Ч. Вилкинса была и другая разновидность индийского шрифта — деванагари.

Открытие типографии Г. С. Лебедева является одной из славных страниц русского востоковедения. Оно нашло отклик

---

[1] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. X.

[2] См. Табель по оценке домов по силе указа 1804 г. генваря в 19 день. СПб., 1804 и Г. Ф. Реймерс. Санкт-петербургская адресная книга на 1809 год. II отд. СПб., 1809, стр. 253. После введения новой нумерации домов в 1822 г. этот дом получил номер 477; см. Табель процентному сбору, подлежащего в доход города С.-Петербурга с переоценки обывательских дворов и мест, произведенной Депутатской Комиссией. СПб., 1822. Богадельная улица в то время называлась уже Богадельным переулком, см. С. Аллер. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга с планом и таблицей пожарных знаков. СПб., 1822, стр. 137. В 1836 г. при переходе от нумерации домов по полицейским участкам к их поуличной нумерации этот дом получил номер 5 по Орловской улице. Так, в то время был назван Богадельный переулок; см. Нумерация домов в Санкт-Петербурге с алфавитным списком проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским выездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов. Составлено при канцелярии Санкт-Петербургского Военного Генерал-Губернатора. СПб., 1836, стр. 142 и 231. С того времени эта улица сохраняет название Орловской вплоть до наших дней.

[3] Первой в мире книгой, напечатанной с применением бенгальского наборного шрифта, была грамматика Н. Б. Хэлхэда (N. B. Halhed. Grammar of the Bengali Language). Она была напечатана в Хугли в 1778 г. ср. Suniti Kumar Chatterji. The Origin and Development of the Bengali Language, part I, Calcutta, 1926, p. 149.

[4] Ch. Wilkins. Grammar of the Sanskrita Language. London, 1808.

и в Западной Европе. Ф. Аделунг сообщает, что Г. С. Лебедев при нем получил письмо из Страсбурга, в котором предлагалось расширить типографию с тем, чтобы в ней организовать печатание на санскрите и новоиндийских языках переводов классиков всех наций [1].

Вышедшая в 1805 г. книга Г. С. Лебедева явилась первым в XIX в. оригинальным описанием Индии и ее культуры на русском языке [2]. Она разделяется на три части, которым предпослано введение, содержащее автобиографические сведения. В первой части в семи главах излагаются индийская мифология, религия и космогония. Изложение это в значительной мере обесценивается сравнениями их с христианской религией с целью доказать общность их происхождения, так, например, различные божества индийского пантеона рассматриваются как ангелы и т. д. Как уже отмечалось выше, эти ошибки Г. С. Лебедева не были случайными. Они объясняются уровнем развития общественной мысли того времени. В меньшей мере этот неправильный подход к индийской культуре наблюдается во второй части. Здесь в пяти главах излагаются индийская космография, астрономия и приводится бенгальский календарь с пояснениями. Содержащиеся в этой части сведения весьма оригинальны, и количество неправильных сопоставлений незначительно.

Наибольший интерес представляет третья часть книги. В ней Г. С. Лебедев описывает то, что он видел в Индии сам. Поэтому многие сведения, сообщаемые в этой части, представляют интерес и в наше время. В первых трех главах описываются индуистские обряды, храмы и их украшения, праздники. В четвертой главе, озаглавленной «О разности чинов и званий индийского народа», описывается кастовый строй Бенгалии и дается перечень каст. Интересно мнение Г. С. Лебедева о происхождении «неприкасаемых». Он считал, что неприкасаемые являлись потомками древних рабов, «которых происхождение не к одной относится нации, но зависело от некоторых индийских завоеваний и составляло или род иностранных пленников или недостойных отечества изгнанников».

---

[1] F. Adelung. Op. cit., S. 206.

[2] Согласно данным Русского биографического словаря (том Лабзина-Лященко. СПб., 1914, стр. 105) эта книга Г. С. Лебедева была отпечатана в том же году на немецком языке; П. Ларусс ссылается на французское издание этой книги, вышедшее в 1805 г. в Петербурге, см. P. Larousse. Grande dictionnaire universel, tome X. Paris (б. г.), стр. 286. Наши поиски французского и немецкого переводов этой книги остались безуспешными.

В следующей главе описываются нравы и обычаи индийцев. Следует отметить, что эта глава, как и вся книга Г. С. Лебедева, написана с большой симпатией к индийцам и с неприязнью к их поработителям [1].

Шестая глава содержит сведения по географии и экономике Индии, а также об огромных доходах, выжимаемых английской Ост-Индской компанией из своих индийских владений. Так, сообщается, что в Дакке «Англинских купцов таможня ежегодно собирает пошлин с земных произрастаний и с товаров по крайности два крора [2] рупей.

С бывших в древности сильно могущих государств, называемых Бенгал и Багар [3], ныне знаемых под именами уже провинций, как то сведущим англичан историю известно, некогда сии славные на свете торгачи получали ежегодно одиннадцать кроров рупей или 13 750 тыс. фунтов стерлингов, но что они получают с них ныне, то известно остается одним только их министрам.

С провинции Ориша или Ориса, прежде бывшего также государства, они не меньше вышесказанных двух, а уповательно гораздо больше получают в год доходу».

Приведенные места из этой главы являются первыми сведениями в русской востоковедной литературе о колониальном грабеже Ост-Индской компании в Индии.

Последняя глава книги Г. С. Лебедева посвящена описанию торговли Индии с другими странами. В ней приводится перечень товаров, ввозимых в Индию англичанами, французами, португальцами, голландцами, датчанами, шведами и американцами, в котором особо отмечены русские товары, поступающие в Индию через английских, датских и шведских купцов. Книга Г. С. Лебедева является библиографической редкостью. Приводим эти части перечня, так как они не утратили своего значения и в наше время: англичане [4], «которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии. . . привозят в Индию по большей части из России получаемые товары. . .

Таковые товары суть: мачтовые деревья, пильные доски, пенька, лён, парусинное полотно, юфты, диоготь, сало, железо полосное и цельное, сталь, гвозди, икра, клюква и брусника. . . Датчане наследники голландцов, имеющие селение, называе-

---

[1] Ср. описание вызова домоуправителя Г. С. Лебедева на суд по ложной жалобе; см. Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. 156—157 и Ф. И. Булгаков. Указ. соч., стр. 522.

[2] Крор — индийское название числа 10.000.000.

[3] Очевидно, имеется в виду Бихар.

[4] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. 171.

мое Серампур [1], привозят. . . русскую паюсную икру, клюкву, бруснику, парусину и веревки, смолу и диоготь» [2]. Отмечается также, что и шведы ввозят в Индию русские товары. Затем следует описание оптовой торговли в индийских портах. Заканчивается эта глава призывом к открытию непосредственной морской торговли между Россией и Индией.

Такой призыв, подкрепленный вескими доказательствами, был опубликован в России впервые. В этом безусловная заслуга Г. С. Лебедева.

Книга Г. С. Лебедева, являясь ценным вкладом в русскую литературу, способствовала укреплению культурных связей между Россией и Индией, знакомя русских читателей с этой страной и ее культурой.

О судьбе Г. С. Лебедева после выхода в свет этой книги в литературе не имеется почти никаких сведений, но так как обнаружен ряд его рукописей и документов, относящихся к этому времени, представляется возможным осветить и этот период жизни и деятельности Г. С. Лебедева. Из них мы узнаем, что он прожил остаток жизни, почти не выезжая из Петербурга [3]. В Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, в котором он служил, его ценили за приобретенные в Индии знания [4]. В 1811 г. он получил чин надворного советника [5], а 1 января 1817 г. — орден Св. Владимира 4-й степени [6].

Г. С. Лебедев неустанно продолжал готовить к печати свои труды. Он понимал все значение, которое имеет эта работа «в такое время, в кое паче протекших веков возникает между Россией и Индией вящее сношение» [7], и поэтому не оставлял

[1] Шри рам пор, а народно Сирампур, Серампур (примечание Г. С. Лебедева).

[2] Г. С. Лебедев. Указ. соч., стр. 172.

[3] В октябре месяце 1810 г. Г. С. Лебедев выезжал на 28 дней в Ладожский уезд Петербургской губернии. Документы, связанные с оформлением отпуска для этой поездки, хранятся в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», р. IV—14, 1810, дело № 6, лл. 1 и 3; их фотокопии — в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР, ф. 90, № 3, лл. 4—5.

[4] Так, например, в указанном выше послужном списке Г. С. Лебедева 1811 г. в графе «К продолжению статской службы способен, и к повышению чина достоин, или нет и за чем» написано «способен и достоин».

[5] Ср. Архив Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», р. IV—15, 1817, дело № 1, л. 8.

[6] Копия указа об этом хранится в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», № 9, л. 4.

[7] Из цитированного выше письма Г. С. Лебедева неизвестному лицу, хранящегося в Отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. Ленина, шифр РА 15/13.

ее до самой смерти. Так, он составил и совершенно подготовил к печати рукопись «Арифметическия восточных Индийцев Таблицы, заключающия в себе сообразное основание философской и богословской Брамгенских Систем числительные правила, служащие объяснением четвероякого рода денег, а именно: 1-е) морских раковок, употребляемых в Индии, вместо метальных денег; 2-е) медных; 3-е) серебряных; 4-е) золотых и всех совокупных в одно число веществ, взымаемых по числу весу и мере».

Эта рукопись является кратким пособием для изучения русскими основ индийской арифметики [1]. В ней даются полные таблицы соотношений различных индийских денежных единиц, употреблявшихся в Бенгалии (лл. 4—29). Указанные денежные единицы приводятся в цифровом написании, принятом в Бенгалии, и дается их бенгальское чтение в оригинальной графике и русской транскрипции. К каждой таблице приводятся примеры перевода денежных единиц одной системы в денежные единицы другой с объяснениями. Здесь же (л. 6б) приведена таблица употребляющихся в Бенгалии мер длины с указанием их взаимных соотношений.

Далее следует сравнительная таблица числительных в санскрите, бенгальском языке и калькуттской форме разговорного хиндустани. В ней приводятся все количественные числительные от единицы до ста и далее все простые числительные до тысячи триллионов (лл. 30—33). Таблица эта разделена на шесть граф. В первой графе даются арабские цифры, во второй — их бенгальские эквиваленты. Третья графа содержит санскритские числительные, написанные бенгальским алфавитом и в русской транскрипции, передающей их бенгальское произношение [2]. В четвертой графе таким же порядком даются бенгальские числительные. Числительные калькуттской формы разговорного хиндустани, приводимые в пятой графе, даются только в русской транскрипции. В шестой графе приводятся соответствующие русские числительные.

Ниже приводим как образец графы 1, 3—5 из этой таблицы, содержащие числительные 11—20, причем числительные, написанные в подлиннике бенгальским шрифтом, даем в латинской транслитерации.

---

[1] Рукопись эта хранится в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР, ф. 90, № 1 (1226) 1. Она имеет формат 32×20 см и заключена в красный сафьяновый тисненый золотом переплет.

[2] Санскритские числительные от одиннадцати до восемнадцати снабжены русским подстрочным переводом их компонентов.

1	3		4		5
11	ekādaša одинъ десять	эка дошъ	egāro	эгаро	эгара
12	dvādaša два десять	дуа дошъ	bāra	баро	бара
13	trayodaša три десять	тріо дошъ	tera	теро	тера
14	cattardaša четыре десять	чотторъ дошъ	caudda	чоуддо	чода
15	pancadaša пять десять	пончо дошъ	ponera	понеро	пондра
16	ṣoṛaša шесть десять	шорошъ	ṣolo	шоло	сола
17	saptadaša семь десять	шопто дошъ	satera	шотеро	сотра
18	aṣṭādaša восемь десять	ошто дошъ	āṭhāra	атаро	атара
19	unaviṃšati девять десять	уно бинъшоти	uniš	унишъ	унисъ
20	viṃšati	биншоти	biš	бишъ	бисъ

Вся таблица, как и приведенный образец, свидетельствует о том, что Г. С. Лебедев имел сравнительно точные знания санскрита, хотя и не знал этого языка в совершенстве, так как санскритские числительные приводятся им правильно, но с некоторыми искажениями в форме, которые в большинстве случаев вызваны их бенгальским произношением [1].

Бенгальские числительные приведены правильно, хотя их орфография иногда не соответствует принятой ныне в литературном бенгальском языке. Пятая графа представляет едва ли не единственную полную сводку числительных калькуттской формы разговорного хиндустани конца XVIII в. [2] На л. 33 приводятся порядковые числительные от первого до двадцатого по тем же графам.

[1] В приведенном образце такие искажения наблюдаются в числительных 14, 16 и 19. Их правильные формы: 14 — caturdeša, 16 — sodaša и 19 — ūnaviṃšati. Произношение всех санскритских числительных, приводимое Г. С. Лебедевым в русской транскрипции, полностью объясняется нормами современного бенгальского языка.

[2] В напечатанной грамматике Г. С. Лебедева числительные отсутствуют.

Заканчивается рукопись таблицей умножения, в которой перемножены числа от 1 до 20. Таблица эта дана в бенгальских цифрах (л. 34), и затем приведено ее бенгальское произношение в оригинальном написании, сопровождаемом русской транскрипцией и подстрочным русским переводом (лл. 35—38).

Описанная рукопись выполнена очень аккуратно, ей предпослано обращение к читателю, и она совершенно готова к печати. Работа над ней была окончена не ранее 1815 г., так как ее последний лист имеет водяной знак этого года.

Одновременно Г. С. Лебедев подготовил к печати и пособие по бенгальскому письму, употреблявшемуся в Бенгалии также и для записи санскритских текстов [1]. Рукопись этой работы, повидимому, не сохранилась. Однако из письма Г. С Лебедева к Александру I от 30 декабря 1816 г.[2] следует, что в нем содержались подробные объяснения простых слоговых знаков и лигатур, а также сведения, «руководствующие» к изучению санскрита «и произведенного от него гражданского бенгальского и простонародного» языков. Помимо этого Г. С Лебедев занимался в последний период своей жизни составлением словаря [3] «на бенгальском и народном индийских языках с переложением оных на российский и английский языки» и составлением сборника разговоров на этих языках с переводом на русский язык. Работы эти не были закончены к концу 1816 г. и оставались в черновиках [4]. К сожалению, до сих пор эти черновики не обнаружены. О разговорах, которые должны были быть изданы в указанном сборнике, дают основание судить сохранившиеся записи фраз на калькуттской форме разговорного хиндустани и на бенгальском языке, сделанные Г. С. Лебедевым в Калькутте. Текст этих записей разбит на

[1] Г. С. Лебедев сообщает в письме к своему начальнику графу К. В. Нессельроде от 30 декабря 1816 года: «А ныне едва успел при оскудении сил моих и зрения приготовить к изданию азбуку и вышеозначенные арифметические основания». Письмо это хранится в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», р. IV—15, 1817, дело № 4, л. 1. Его фотокопия хранится в Архиве ИВ АН СССР, ф. 90, № 3, лл. 10 и 11. О работе Г. С. Лебедева над этим пособием сообщает и его жена, ср. Архив Министерства иностранных дел СССР, там же, л. 8б.

[2] Это письмо хранится в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», р. IV—15, 1817, дело № 4, лл. 4—5. Другой экземпляр этого письма без даты, но с собственноручной подписью Г. С. Лебедева хранится в Архиве ИВ АН СССР, ф. 90, № 2 (1226)2, лл. 2 и 3.

[3] См. прошение Н. Я. Лебедевой Александру I. Архив Министерства иностранных дел СССР, там же, л. 8б.

[4] Об этом Г. С. Лебедев сообщает в указанном выше письме К. В. Нессельроде.

три столбца. В левом в русской транскрипции приводятся фразы на калькуттской форме разговорного хиндустани, в среднем — их русский перевод и в правом — те же фразы на бенгальском языке[1]. Ниже приводятся как образец три первые фразы из этих записей, причем бенгальское письмо заменено транслитерацией.

Тум кайсе го	Как вы пребываете? Здравствуй!	tumi keman ācha
Бот ача[2]	Весьма хорошо.	bara bhāla
Тумара хизмат ме	К вашим услугам.	tomār cākirite

Осталась в черновике и, повидимому, не сохранилась до наших дней рукопись бенгальской грамматики Г. С. Лебедева, в которой излагались также и некоторые правила санскритской грамматики[3]. Сохранились только некоторые записи Г С. Лебедева, выполненные им в Индии и составлявшие часть материалов для этой грамматики[4]. Среди них имеются парадигмы спряжения бенгальского глагола, склонения имен и др.

Сохранилась также небольшая часть материалов Лебедева по составлению бенгальско-русского словаря[5].

В последние годы жизни Г. С. Лебедев готовил издание «для практического упражнения в бенгальском языке» комедию под названием «Притворство»[6], переведенную им на бенгальский язык и с успехом поставленную в Калькутте. Подготовка эта сводилась в основном к редактированию сделанных им в Калькутте бенгальского и русского переводов комедии. Эта работа не была, к сожалению, окончена. Однако сохранилась рукопись[7], в которой параллельно приводятся английский текст

[1] Центральный Государственный Архив литературы и искусства, ф. 195, опись, № 6081, л. 76.

[2] Соответствует bahut āchā в кхари боли.

[3] О черновике этой грамматики Г. С. Лебедев сообщает в своих письмах к Александру I и К. В. Нессельроде, указанных выше.

[4] Центральный Государственный Архив литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, № 6081.

[5] Ныне хранятся в Центральном Государственном историческом Архиве, ф. 1151, оп. № 1, отдел Л. Ф., ед. хр. № 102, лл. 3—5.

[6] Указанное письмо Г. С. Лебедева Александру I от 30 декабря 1816 г.

[7] Рукопись эта, очевидно, после смерти Г. С. Лебедева была приобретена Ф. П. Аделунгом и затем в составе его коллекции поступила в Публичную библиотеку в Петербурге; ср. А. М. Шагрен. О книгах и рукописях Ф. П. Аделунга. «Санкт-петербургские ведомости», 1844, №№ 231 и 232 и отд. отт., стр. 7 (эта работа А. М. Шагрена была напечатана также на немецком и английском языках). Ныне эта рукопись Г. С. Лебедева хранится в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Она состоит из 1+94 исписанных листов, заключена в тисненый золотом зеленый картонный переплет и озаглавлена: «Притворство, комедия на английском, индийском и российском языках».

и бенгальский, и русский переводы комедии. Английский текст, занимающий левую часть каждой страницы, и русский перевод, занимающий правую часть, написаны полностью. Средний столбец содержит бенгальский перевод в оригинальном написании и русской транскрипции. Местами он отсутствует либо полностью, либо частично, хотя в калькуттской рукописи Г. С. Лебедева он имеется всюду. В этой рукописи ощущается стремление Г. С. Лебедева приблизить бенгальский и русский переводы к английскому тексту, так как они должны были служить учебным пособием. Последнее обстоятельство и привело к тому, что бенгальский перевод этой пьесы не был издан в том виде, в котором был сделан в Калькутте. Орфография бенгальского перевода отличается от принятой в современном литературном бенгальском языке в основном тем, что слова, заимствованные из санскрита, не сохраняют в нем своего традиционного написания в том случае, если оно не отражается бенгальским произношением. Ниже мы приводим небольшую выдержку из этой рукописи Г. С. Лебедева, как образец бенгальского и русского перевода. Бенгальское письмо заменяем транслитерацией [1].

Sukhmay Шукъмой	Клара.
Tumi prārthana kariyācha tāhār туми праттоно корячо тагар man pāibar nimithe мон пайбар нимите	Вы желали приобрести только ее склонность?
Bholanāth bābu Бголонать бабу	Люис.
hāṃ amasya kintu āmi dekhi tumi га, обошшо кинту ами деки туми kātar haile (Mohan Cānd bābu [2]) каторъ гойле (Могон Чанд бабу) ki e visay ки э бишой	Так, точно; но вы, кажется, беспокоитесь, Дон Педро. Что б это значило?

[1] Приводимый отрывок взят из второго явления первого акта (л. 20) и является частью беседы Дона Люиса (в бенгальском тексте Bholanāth bābu) со своей возлюбленной Кларой (в бенгальском тексте Sukhmay), переодетой в мужской костюм и выступающей под именем Дона Педро (в бенгальском тексте Mohan Cānd bābu). Мнимый Дон Педро расспрашивает Дон Люиса о его чувствах к девице Лоре (в бенгальском тексте Šrimati Šašimukhī).

[2] Здесь ошибочно Bholanāth bābu вместо Mohan Cānd bābu.

Sukhmay Шукъмой	Клара.
nā nā āmi kātar nāi на, на, ами каторъ ной.	Нет, нет, я не беспокоюсь
Bholanāth bābu Бголонать бабу	Люис.
Satti tumi haiyecha bandhu Шотти туми гойечо бандгу	Но действительно так, мой друг.
Sukhmay Шукъмой	Клара.
Kichu naẏ-Kichu naẏ Кичу ной-Кичу ной	Ничего, ничего.

В последний год жизни Г. С. Лебедев занимался сочинением, озаглавленным «Систематическия восточных индийцев начальныя умозрительныя и существенныя основания арифметики». Он успел кончить только первый раздел, в котором рассматривается числовая символика в индийской мифологии и философии. В этой рукописи в постраничных примечаниях Г. С. Лебедев исправляет написания индийских слов в книгах: «Краткое и общее объяснение и рассуждение о нравах, обыкновениях, языке, вере и философии индейцов» [1] и «Багуат-Гета или Беседы Кришны с Арджуном, переведенные с подлинника, писанного на древнем браминском языке, называемом санскритта, на английской, а с сего на российской» (М., 1788) [2]. Индийские слова Г. С. Лебедев дает в бенгальском написании и произношении. Так, например, он исправляет приводимое в первой из указанных книг санскритское название неба [3] «акасг» на «акаш», санскритское название вoздуха [4] «баiовъ» на «баю». Эта незаконченная рукопись сохранилась до наших дней [5]. Она написана на бумаге, имевшей водяной

[1] Переведено с французского. СПб., 1759. Книга эта представляет анонимный русский перевод двух глав из истории Индостана, «изданной перед сим в Англии Александром Довом в двух томах in 4° и переведенной по большей части с персидского подлинника Магомета Казима Фериста из Дели».

[2] Книга эта представляет анонимный русский перевод санскритского философско-этического трактата в стихах «Бхагавадгита», входящего в VI книгу древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата». Он сделан с английского перевода этого произведения, выполненного Ч. Вилкинсом и напечатанного в Лондоне в 1785 г.

[3] Стр. 99—100. Г. С. Лебедев, стр. 12; ākāšå

[4] Стр. 101—102. Г. С. Лебедев, стр. 13; vāyu

[5] Рукопись эта хранится в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР, ф. 90, № 2 (1226) 2. Она содержит 35 страниц текста,

Вышеозначенныхъ въ табели умноженія четырехъ сотъ чиселъ въ подлинникѣ и переводе произношеніямъ словъ

объясненіе:

Между коими произношеніями должно замѣчать отмѣняющіяся отъ нѣкоторыхъ словъ по свойству языка начальныя буквы, связующія чрезъ исключеніе слова: дабы знать посредствомъ ниже написаннаго примѣра, сокращенныя Индийцевъ общественныя оныхъ словъ выговоры, и переливы ихъ въ голосѣ, и) усматривать слова произносимыя въ полноте.

Примѣръ.

Вмѣсто экъ эке – экъ –; то есть, одинъ единожды, одинъ: Индийцы выговариваютъ сокращенно, эке-ке, экъ.

Вмѣсто дуй эке – дуй –; т. е. два единожды, два: выговариваютъ дуе-ке дуй: или, дуй-ке, дуй.

Вмѣсто тинъ эке, тинъ; т. е. три единожды, три: выговариваютъ тине-ке, тинъ – . и такъ по порядку до заключенія табели.

একেকে এক ১। দুয়েকে দুই ২। তিনেকে তিন ৩।
Эке-ке экъ 1 дуе-ке дуй тине-ке тинъ
одинъ единожды, одинъ 1; два единожды, два 2; три единожды, три 3;

চারেকে চারি ৪। পাঁচেকে পাঁচ ৫। ছেয়েকে ছয় ৬।
чаре-ке чари пănче-ке пăнчъ чее-ке чей
четыре единожды, четире 4; пять единожды, пять 5; шесть единожды, шесть 6;

সাতেকে সাত ৭। আটেকে আট ৮। নয়েকে নয় ৯। দশেকে দশ ১০॥
шате-ке шатъ ате-ке атъ ное-ке ной доше-ке дошъ
семь единожды, семь 7; осмь единожды, восемь 8; девять единожды, 9; 10 единож. десять 10;

দুইকে দুই ২। দুই দু গুণে চারি ৪। তিন দু গুণে ছয় ৬।
дуй-ке дуй дуй ду гуне чари тинъ ду гуне чей
два единожды, два 2; два дважды щитая, четире 4; три дважды щитая, шесть 6;

চারি দু গুণে আট ৮। পাঁচ দু গুণে দশ ১০। ছয় দু গুণে
чари ду гуне атъ пăнчъ ду гуне дошъ чей ду гуне
четире дважды щитая, восемь 8; пять дважды щитая, десять 10; шесть дважды щитая,

বারো ১২। সাত দু গুণে চৌদ্দ ১৪। আট দু গুণে ষোল ১৬।
баро шатъ ду гуне чоддо атъ ду гуне шоло
двенадцать 12, семь дважды щитая, четырнадцать 14; восемь дважды сказавъ, шеснад. 16;

নয় দু গুণে আঠার ১৮। দশ দু গুণে কুড়ি ২০॥ তিনেকে তিন ৩।
ной ду гуне атаро дошъ ду гуне кури тинеке тинъ
9 дважды щитая, осмнад. 18; 10 дважды щитая, двад. 20; три единожды, 3;

তিন দু গুণে ছয় ৬। তিন তিকে নয় ৯। তিন চারে বার ১২।
тинъ ду гуне чей тинъ трике ной тинъ чаре баро
три дважды щитая, 6; три трижды, 9, три четырежды, 12;

তিন পাঁচ পোনের ১৫। তিন ছয় আঠার ১৮। তিন সাতে একুশ ২১
тинъ пăнчъ понро тинъ чей атаро тинъ шате экушъ
трижды пять, 15; трижды шесть, 18; трижды семь, 21

Страница рукописи Г. С. Лебедева «Арифметическия восточных индийцев таблицы»

знак 1815 г., и является последней работой Г. С. Лебедева.

Г. С. Лебедев почти до самой смерти надеялся, что ему удастся напечатать подготовляемые рукописи, и предпринимал соответствующие меры к этому. Так, 30 декабря 1816 г. он передал описанную выше рукопись «Арифметическия восточных индийцев таблицы» своему начальнику графу К. В. Нессельроде с письмом, в котором просил его представить эту работу Александру I для получения разрешения на ее напечатание. Одновременно Г. С. Лебедев обратился с письмом к Александру I. В этом письме он излагает причины, задержавшие подготовку к печати его трудов, среди которых упоминаются «поврежденное от долголетних трудов зрение, слабость здоровья и бедное... состояние, едва служащее к пропитанию» [1]. Однако, несмотря на все это, Г. С. Лебедев стремится издать «самые нужные пособия к изучению индийских языков» и перечисляет указанные выше работы по бенгальскому письму, словарь, сборник разговоров и бенгальский перевод драмы «Притворство». Издание их обогатило бы русскую востоковедную литературу пособиями по бенгальскому языку и калькуттской форме разговорного хиндустани в то время, когда большинство стран Западной Европы не имело таких пособий. Однако Г. С. Лебедеву не было суждено довести до конца задуманное дело. Наступившая вскоре тяжелая болезнь быстро подкосила его, и он скончался 15 июля 1817 г. [2]

имеет формат 32×20 см и заключена в красный сафьяновый тисненный золотом переплет.

[1] Следует отметить, что из прошения Н. Я. Лебедевой на имя Александра I от 27 июля 1817 г. видно, что материальное положение Г. С. Лебедева резко ухудшилось из-за расходов по перестройке дома, в котором помещалась его типография. О величине этих расходов можно судить по тому, что этот дом в 1804 г. был оценен в 1500 руб., а в 1822 г. — 7 тыс. руб. (см. Табель по оценке домов по силе указа 1804 г. генваря в 19 день. СПб., 1804 и Табель процентному сбору, подлежащему в доход города С.-Петербурга с переоценки обывательских домов и мест, произведенной Депутатской Комиссией в Рождественской части. СПб., 1822). Чтобы покрыть часть этих расходов, Г. С. Лебедев должен был даже заложить свой дом.

[2] Во всех печатных работах, кроме «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (II изд., т. II. Птг., 1916, стр. 21), приводится неправильная дата смерти Г. С. Лебедева. В одних указано, что Г. С. Лебедев умер в 1818 г. (ср. «Русский биографический словарь» и др.), в других сообщается, что он скончался в 20-х годах XIX в. (ср. С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 625). С. А. Венгерову удалось установить правильную дату смерти Г. С. Лебедева на основании эпитафии на его могиле (см. Петербургский некрополь, т. II. СПб., 1912, стр. 624). В нашем распоряжении были, кроме того, следующие документы, подтверждавшие правильность этой даты: Рапорт от 16 июля 1817 г. о смерти Г. С. Лебедева (хра-

СЕЙ МУЖЪ СЪ НАЗВАНІЕМЪ СОГЛАСНО
ТРИ ЧАСТИ СВѢТА ПРОЛЕТЕЛЪ
ПОЛЕТЪ ОНЪ ДѢЛАЛЪ НѢ НАПРАСНО,
ВЪ ОТДАЛЕННѢЙШІЙ ПРЕДѢЛЪ.
ОНЪ ПЕРВЫЙ ИЗЪ СЫНОВЪ РОССІЙСКИХЪ
ВОСТОЧНУ ИНДІЮ ПРОНИКЪ, И
СПИСКИ НРАВОВЪ СНЯВЪ ИНДІЙСКИХЪ
ВЪ РОССІЮ ИХЪ ПРИНЕСЪ ЯЗЫКЪ,
БЕЗЪ ВСѢХЪ УМА ОБРАЗОВАНІЙ, ТОЛЬ
ВАЖНЫЙ СОВЕРШИЛЪ ПОЛЕТЪ, СОСТАВЪ
О ОТЪ ИНДІЙСКИХЪ МУДРОВАНІЙ,
НЕ БЕЗЪ УСПЕШНО ВЫДАЛЪ ВЪ СВѢТЪ.
СУДЬБА ВСЕОБЩА УПРЕДИЛА
ТРУДЫ ПОКОЕМЪ НАГРАДИТЬ
СУПРУГА НѢЖНА РАЗСУДИЛА
СЕЙ ПАМЯТНИКЪ СО ОРУДИТЬ
ДА СИМЪ ЛЮБВИ ЕЯ ЗАЛОГОМЪ
ПРИШЕЛЬЦЕВЪ УБЕДИТЪ ЗЕМНЫХЪ
ДА СЪ НЕЮ ВОЗДОХНЕТЪ ПРЕДЪ БОГОМЪ
ЕМУ ЖЕЛАЯ МѢСТЪ СВЯТЫХЪ.

Мраморная плита с эпитафией Г. С. Лебедева

Погребен он был на правом берегу Невы, на Георгиевском кладбище на Большой Охте [1]. Его жена Настасия Яковлевна Лебедева поставила ему памятник, на котором в краткой стихотворной эпитафии было описано путешествие Г. С. Лебедева в Индию и его деятельность по изучению языков и культуры этой страны [2].

Так окончилась жизнь этого замечательного человека — первого русского бенгалиста и одного из первых в России исследователей Индии. Отсутствие в России того времени учебных заведений, в которых преподавались бы индийские языки, не позволило Г. С. Лебедеву передать свои знания молодому поколению. Поэтому созданная им типография с наборным бенгальским шрифтом после его смерти была обречена на бездействие [3], а неизданные при его жизни труды не увидели света и часть из них, очевидно, не сохранилась до наших дней.

Несмотря на столь неблагоприятно сложившиеся обстоятельства последних лет жизни Г. С. Лебедева, помешавшие ему опубликовать результаты своих многолетних трудов, он вошел в историю русского востоковедения как первый русский индианист. Его деятельность явилась вкладом в историю развития культурных связей между Россией и Индией. Он считал одной из основных целей науки развитие дружбы между

нится в Архиве Министерства иностранных дел СССР, фонд «Административные дела», р. IV—15, 1817, дело № 4, л. 6; фотокопия — Архив ИВ АН СССР, ф. 90, № 3, л. 19) и указанное выше прошение Н. Я. Лебедевой на имя Александра I от 27 июля 1817 г. хранятся в Архиве Министерства иностранных дел СССР, там же, л. 8б; фотокопия — Архив ИВ АН СССР, ф. 90, № 3, л. 21.

[1] Сейчас это кладбище называется Большеохтенским.

[2] Текст надписи на памятнике Г. С. Лебедева издан: Петербургский некрополь, II. СПб., 1912, стр. 624. В воспроизведении ее стихотворной части имеются некоторые погрешности. До наших дней могила и памятник Г. С. Лебедева не сохранились. Мраморная плита от этого памятника, содержащая стихотворную часть эпитафии, хранится ныне в Ленинградском музее городской скульптуры в усыпальнице А. В. Суворова.

[3] До какого времени просуществовала эта типография, остается неизвестным. Нам удалось выяснить только, что дом, в котором она помещалась, принадлежал жене Г. С. Лебедева до 1837 г.; см. Нумерация домов в Санкт-Петербурге с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским выездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов. Составлена при Канцелярии Санкт-Петербургского Военного Генерал-губернатора. СПб., 1836, стр. 142 и 231 и К. Нистрем. Книга адресов С.-Петербурга. СПб., 1837, стр. 847. Следует отметить, что старый номер дома № 21 по Садовой ул. Рождественской части, куда переехала Н. Я. Лебедева, здесь указан неверно. Он был 407, а не 433.

народами. Согласно его убеждениям [1], наука «соделывает в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз..., подкрепляет взаимную связь желаемого между народами дружелюбия и соединяет способности к восстановлению всеобщего и всемирного блага». Именно поэтому память о нем дорога не только народам нашей страны, но и народам Индии, которые чтут в нем «великого русского деятеля культуры» [2] и рассматривают его деятельность как «символ русско-индийской дружбы» [3].

---

[1] Письмо Г. С. Лебедева Александру I, предпосланное его книге «Беспристрастное созерцание Систем Восточной Индии брамгенов Священных обрядов их и народных обычаев».

[2] Kṛṣṇā Datt». Op. cit.

[3] Там же.

Л. С. ГАМАЮНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИИ В РОССИИ

(К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. С. ЛЕБЕДЕВА)

Индия с давних пор привлекала к себе внимание русского народа. Чудесный вымысел о ней запечатлен в ряде исторических и литературных памятников далекого прошлого нашей родины. На протяжении многих веков замечательные художественные образы, связанные с Индией, жили в русском устном народном творчестве: в былинах о Василии Буслаеве, о Дюке Степановиче, в народных сказках и т. д.

Образованная часть русского общества с древних времен знакомилась с Индией по письменным произведениям, проникавшим из Византии и Балканских стран. Вплоть до середины XV в. литературное наследство Киевской и Новгородской Руси было главным источником тогдашних знаний об Индии. Из письменных произведений следует напомнить о наиболее популярных в читательской среде того времени «Сказании об Индейском царстве», а также об отдельных отрывках из «Александрии» и о «Христианской топографии вселенной» Космы Индикоплова [1].

Как народный эпос, так и письменные литературные источники свидетельствуют о большом интересе к Индии, но в то же время и об отрывочности и недостаточности знаний об этой стране. По существу, русские, так же как и народы Западной Европы, не обладали в то время сколько-нибудь точными и достоверными знаниями об Индии. Установившийся в первые столетия нашей эры и державшийся на протяжении всего средневековья разрыв между Европой и Индией, отсутствие непосредственного контакта между ними, а также засилие бого-

---

[1] М. Н. Сперанский. Индия в старой русской письменности. Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности». Л., 1934, стр. 463—469.

словия в средневековой науке, отрицательно сказавшееся и на географических сочинениях, объясняют, почему веками могли жить чудесные вымыслы об Индии, почему поэтические образы таинственной, далекой, загадочной и сказочно богатой страны смогли надолго вытеснить правду о ней.

В XV в. появляется первое произведение на русском языке об Индии, написанное тверским купцом Афанасием Никитиным, который прожил в государстве Бахманидов несколько лет (1469—1472). «Хожение за три моря» Афанасия Никитина занимает видное место в истории не только русской литературы, но и русской науки [1]. Для своего времени «Хожение за три моря» было первоклассным политико-географическим произведением, в котором правдиво и ярко описана Индия XV в. Для нас «Хожение» является выдающимся источником по истории народов и истории культуры средневековой Руси и Индии. «Хожение за три моря» было переведено впоследствии на европейские языки и до сих пор представляет исключительный интерес как источник для изучения истории Декана, сообщающий ряд фактов, которых нет в других источниках. Тщательно выполненное и продуманное, глубоко эмоциональное по языку и художественное по форме, ценное по своему содержанию, «Хожение» стоит неизмеримо выше произведений западноевропейских путешественников XV в. — Васко да Гама и Николо ди Конти.

Афанасия Никитина отличали глубокий интерес и симпатии к народам Индии, среди которых он провел несколько лет. В противоположность западноевропейским путешественникам, Никитин смотрел на страну не с точки зрения корыстного стяжателя, алчущего наживы, а как вдумчивый и внимательный наблюдатель.

На заслуги русских в изучении Индии указывал еще Н. М. Карамзин, который открыл «Хожение» в рукописи XVI в. Он писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. . . Оно (путешествие) доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей (французские путешественники XVII века), менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно

[1] «Хожение за три моря» Афанасия Никитина было неоднократно опубликовано и исследовано. См. последнее по времени издание 1948 г.

мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...»[1]

Путешествию А. Никитина, как известно, посвящено немало самых разнообразных исследований; памятник этот подвергся всестороннему анализу как филологами, так и историками, в том числе востоковедами. Он прочно вошел в науку как неоценимый источник по истории средневековой Индии и истории Руси. В задачу настоящей статьи не входит всестороннее рассмотрение этого путешествия и его вещественных результатов — сочинения самого путешественника. Однако, поскольку именно со времени этого путешествия начинают создаваться традиции, которые в последующем, несколько веков спустя, уже в период зарождения и развития отечественной индологии возобладали в этой науке, следует отметить несколько черт, характеризующих первого русского путешественника в Индию. Афанасия Никитина отличали горячий патриотизм, любовь к Русской земле, отсутствие и тени конкистадорского подхода, исключительный гуманизм, любовь и уважение к народам Индии.

Наблюдательность, любознательность и незаурядные способности путешественника позволили ему в течение почти трехлетнего пребывания в Индии узнать многие стороны индийской жизни и сделать записи, благодаря которым его сочинение стало уникальным историческим источником. Сочинение Никитина представляет интерес также и с филологической стороны, причем не только с точки зрения русской филологии, но и с восточной, в частности индийской. Вероятно, это был первый русский, практически знакомившийся с индийскими языками, находясь в определенной языковой среде. Надо думать, что, проведя большую часть времени на Декане, Никитин более всего овладел хиндустани в его деканской форме; не исключено также, что какое-то представле-

---

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, гл. VII, 1842, стр. 226—228.

Превосходство описания Индии русским путешественником отмечалось академиком И. Срезневским и профессором И. П. Минаевым. Так, Срезневский писал: «Венецианец ди-Конти (1444), тверич Никитин (1472) и синесец (португалец) да Гама (1499) — вот от кого остались важнейшие записки об отдаленных странах Южной Азии XV в.; осветляемые одни другими наблюдения двух первых гораздо ценнее по обилию и содержанию, и Никитин в этом отношении должен быть поставлен выше ди-Конти: с этим, надеюсь, согласится всякий, кто примет на себя труд познакомиться с его Хожением и сравнит его труд с записками ди-Конти, вникая в смысл сказаний того и другого» (И. И. Срезневский. Хожение за три моря А. Никитина, 1857).

ние он имел о языке маратхов и других народов Индии. Таким образом, если учесть, что купец Никитин не нашел в Индии товаров для Русской земли, то его длительное пребывание в Индии можно расценивать как первую попытку русских всесторонне изучить Индию.

В то время возможность расширения экономических и политических отношений молодого Русского государства на Востоке, в частности с Индией, еще не могла быть реализована. Русский рынок не нуждался в изделиях индийского ремесла и в других индийских товарах. Путешествие Афанасия Никитина не привело к установлению прочных связей России с Индией. Но, во всяком случае, это путешествие повлекло за собой расширение знаний русских людей об Индии; в то же время в Индию проникли сведения о России.

В этой связи вряд ли можно считать случайным появление в Москве в конце XV и первой трети XVI в. посланцев с Востока. Россия, экономически окрепшая, приобретала политический и экономический вес не только на Западе, но и на Востоке.

В 1533 г. (или в сентябре 1532 г.) [1] к великому князю Василию III Ивановичу (1505—1533) прибыл первый посол из Индии с предложением от имени падишаха Бабура — основателя династии Великих Моголов — «быть с ним в дружбе и братстве». Когда он отправлялся к себе на родину, с ним была послана грамота великого князя к падишаху Бабуру, в которой говорилось, «чтоб люди промеж их ездили; а о братстве к нему (Великий князь) не приказал»...[2] Трудно сказать, был ли этот купец подлинным послом или самозванцем, действовавшим от имени Бабура, скончавшегося за три года до приезда посла в Москву.

Попытки завязать торговые связи с Россией исходили от частных лиц — предприимчивых индийских купцов, которые стали впервые появляться в Астрахани в начале XVII в. и основывать там свои торговые поселения. В России, напротив, инициатива развития русско-индийских отношений исходила преимущественно от правительственных кругов, хотя

---

[1] А. Ф. Малиновский. Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приезде в Россию индийцев — с 1469 по 1751 год. «Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете», ч. VII. М. В Университетской типографии, 1837, стр. 123; см. также В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2. Л., 1925, стр. 174—175.

[2] А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 124.

нередко посольские функции возлагались на торговых людей [1]. После присоединения Астрахани к России создались более благоприятные условия для развития торговли русских с индийскими купцами, приезжавшими из Индии через Персию. Борис Годунов, еще будучи боярином, проявлял интерес к торговле со странами Востока в Астрахани, а по восшествии на престол стал оказывать особое покровительство индийским купцам, торговавшим с Россией. На протяжении всего XVII в. продолжались поиски сухопутных дорог в Среднюю Азию, Китай и Индию. Русское правительство уделяло большое внимание изучению путей в Индию, о чем свидетельствуют наказы посланникам в страны Средней Азии, а также в Китай. Кроме других поручений, некоторым русским послам предписывалось разузнавать об Индии и наиболее удобных путях, которые ведут в нее из Средней Азии. Отчеты (статейные списки русских посланников) любопытны в том отношении, что в них приводится ряд сведений, которые нашим «гончикам» удавалось раздобыть об Индии. Как правило, это были сведения о взаимоотношениях Индии с соседями, о дорогах в Индию, о безопасности этих дорог, о населении соседних с Индией стран и т. д. Из таких посольств назовем посольство 1620 — 1622 гг. Ивана Даниловича Хохлова в Бухару [2]. Хохлов, между прочим, сообщил, что во время одного из набегов 1603 г. яицких казаков на Хивинское ханство под предводительством Нечая погиб русский купец Леонтий Юдин, который, по словам И. Д. Хохлова, «был для торгу в Бухарех и в Индее семь лет» [3]. К сожалению, не сохранилось никаких сведений об одном из первых русских купцов, торговавших в Индии. Географические сведения, которые удавалось приобрести первым русским посольствам, были очень неясны и недостоверны [4].

К половине XVII в. географические знания в России о соседних с ней странах приобретают более достоверный характер, становятся значительно отчетливее.

В 1646 г. царь Алексей Михайлович послал в Бухару астраханского купца Анисима Грибова, приказав ему ехать из

---

[1] Вопросу о русско-индийских отношениях в XVII в. в наше время посвящена в высшей степени обстоятельная работа Н. М. Гольдберга «Русско-индийские отношения в XVII веке». «Ученые записки Тихоокеанского института», т. II. М.—Л., 1949.

[2] С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Птг., 1915, стр. 17; статейный список Хохлова см. «Сборник князя Хилкова». СПб., 1879, стр. 388—446; В. Бартольд. Указ. соч., стр. 177—178.

[3] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 177.

[4] Там же, стр. 179.

Астрахани морем в Персию, а оттуда — в Среднюю Азию. Послу предписывалось разузнать об Индии и, в частности, о наиудобнейшем пути в Индию от Астрахани [1].

В середине 1669 г. был дан наказ Борису и Семену Пазухиным ехать в Бухару и Хиву [2] для выкупа пленных и собирания сведений о путях в Индию [3]. Для изучения путей в Индию посланники выслали в Балх своих переводчиков Никиту Медведева и Семена Измаила. Медведев выполнил возложенную на него задачу и, вернувшись к послам, сообщил относительно подробный маршрут с указанием, сколько дней требуется для проезда от одного пункта до другого [4]. Затем была предпринята попытка проехать в Индию через Среднюю Азию. С этой целью и было отправлено посольство Василия Александровича Даудова и Мухаммеда Юсуфа Касимова. Первый должен был доехать до Бухары. Касимов же должен был проследовать в Индию. Посольство Касимова не достигло цели. Посол не смог проехать в Индию [5].

Насколько в России были заинтересованы в установлении связей с Индией, можно судить и по тому, что сведения об этой стране собирались даже путем расспросов приезжавших в Россию купцов и посланников из восточных стран. Так, например, такие сведения об Индии сообщил в 1671 г. бухарский посол Муллафар, в 1645 г. — индиец Сатур и др.

Попытки найти путь в Индию предпринимались не только через Среднюю Азию, но и в других направлениях. Этим также занимались торговые люди и посланники, ездившие в Китай и Персию. Известно, например, что в тексте чертежа всей Сибири П. И. Годунова (1667) говорится о Китае и Индии. Нельзя не отметить вопроса о поисках путей в Индию северным морским путем. Соображения об этом впервые были высказаны Дмитрием Герасимовым в 1525 г. Повидимому, предпринимались и конкретные меры, однако все попытки отыскать северный морской путь в Индию были неудачны.

---

[1] С. В. Жуковский. Указ. соч., стр. 17. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 179. В. А. Уляницкий. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII веках. «Чтения Общества истории и древностей российских», 1888, кн. 3, стр. 21—22. Бартольд отмечает, что подобное поручение было дано Грибову еще при царе Михаиле Федоровиче. К сожалению, вторая поездка была неудачна.

[2] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 179—180.

[3] «Русская историческая библиотека» (в дальнейшем — РИБ), т. XV. СПб., 1894, стр. 1—21.

[4] РИБ, т. XV, стр. 62.

[5] О посольстве Касимова см. Н. М. Гольдберг. Указ. соч., стр. 146—147.

Большой интерес представляет «Ведомость о Китайской земле и глубокой Индии», составленная в Тобольске П. И. Годуновым в 1669 г., до поездки в Китай Спафария. Правда, об Индии в «Ведомости» сказано немного: «А в Индею великую ис Китаи ходят сухим путем, а ходу осмь месяцев, а в дороге степми только перебродят три реки. А царя Индейского называют Шаиджаин (Шайд-Жан). А от него есть посаженики и иные цари индейские, только он над ними большой. А вера их молятца болваном и веруют в Корову» [1]. По всей вероятности, это были расспросные сведения, но они любопытны как одно из доказательств широко распространенного интереса к Индии.

Первым начал налаживать дипломатические и экономические отношения с государством Великих Моголов царь Алексей Михайлович (1645—1676). В 1646 г. к падишаху Шах-Джахану московское правительство направило послов Никиту Сыроежина и Василия Тушканова. Послам была вручена грамота, в которой Алексей Михайлович предлагал установить дипломатические и торговые отношения с Великим Моголом [2].

В 1651 г. Родиону Микитину и Ивану Никитину было предписано отправиться в Индию. Несмотря на неудачи первых двух посольств, правительство царя Алексея Михайловича не оставляло мысли об установлении дипломатических и экономических связей с Индией. В 1675 г. к падишаху Аурензебу был отправлен посол Касимов. Послу предписывалось разузнать о путях из России в Индию, выяснить отношение двора и купцов к вопросу об установлении прочных взаимосвязей между Индией и Россией, вместе с тем ему предписывалось привлекать индийских ремесленников для работы в России, а также заключить предварительное соглашение на получение двух-трех тысяч пудов серебра в обмен на русские товары [3].

В 1694 г. в Индию было отправлено посольство Семена Маленького, Сергея Аникеева и Ивана Севрина с целью установить торговые отношения с государством Великих Моголов. В декабре 1696 г. Маленький приехал в Сурат, затем был

[1] Цит. по кн. Д. М. Лебедев. География России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.—Л., 1949, стр. 200.

[2] А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 130—131.

[3] Там же, стр. 153—159; «Наказ Алексея Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному к Великому Моголу Ауренгзебу». Издал Димитрий Кобеко. СПб., 1884; Н. М. Гольдберг. Указ. соч., стр. 144.

в Агре и Дели. Падишах принял русского купца и разрешил ему вести торговлю. Маленький около пяти лет успешно торговал в Индии [1].

Ни миссия Касимова, ни миссия Маленького не дали ожидаемого результата; ни та, ни другая не повели к установлению торговых и дипломатических отношений между державой Великих Моголов и Русским государством. Основная причина неудач неоднократных и настойчивых попыток русского правительства установить непосредственные отношения с Великими Моголами заключалась во внутреннем и внешнем положении государства Моголов в XVII в. Некогда могущественная держава Моголов клонилась к упадку, и ее правителям было не до торговли с Россией. С середины XVII в. отмечается в государстве Моголов глубокий экономический упадок и социальные потрясения. Кризис еще более усугублялся тем, что западноевропейские страны начали превращать Индию в объект колониального грабежа.

Попытки русского правительства установить торговые и дипломатические отношения с Индией не прекращались и позже, на протяжении XVIII в. Известно, что Петр I был серьезно озабочен тем, чтобы расширить торговые отношения с Индией. Русское правительство разрешило индийским купцам свободно торговать не только в Астрахани, но и в Москве и других городах, а также приезжать на ярмарки. Несомненно, что тогдашнее русское правительство видело в расширении своей территории в районе Каспийского моря одну из возможностей активизировать восточную торговлю, в частности торговлю с Индией. Этому способствовало приобретение Россией по договору с Персией от 12 августа 1723 г. Дербента и Баку с Гилянской, Мазандаранской и Астрабадской провинциями. Еще значительно раньше, снаряжая экспедицию Александра Бековича Черкасского в Хиву и Бухару, Петр I имел намерение изучить пути в Индию. Начальнику экспедиции Бековичу предписано было соорудить в старом устье Аму-Дарьи крепость и затем выяснить, возможно ли повернуть Аму-Дарью в Каспийское море [2].

Петр I рассчитывал, что, направив Аму-Дарью в Каспийское море, можно будет установить торговый путь в Индию.

[1] О миссии Маленького см. А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 165 — 166. Н. М. Гольдберг. Указ. соч., стр. 147—148. Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 103—104.

[2] Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946, стр. 175.

В Индию должен был направиться Александр Кожин с грамотой к Шах Алему [1].

На протяжении XVIII в. в России появлялось немалое число работ об Индии, по которым русское общество знакомилось с литературой, религией, обычаями народов Индии. Все эти сведения приходили к нам, как правило, из вторых и третьих рук. Это были переводы с западноевропейских языков.

В XVIII в. интерес к Индии в русском обществе значительно расширился и приобрел несколько иной характер, чем в предшествующий период. В это время со стороны русского правительства активизировались попытки установить торговые отношения с Индией, наладить, в частности, торговлю через Среднюю Азию и Иран. В то же время продолжались поездки в Индию и по частной инициативе. Из путешествий XVIII в. назовем странствования Филиппа Ефремова, который побывал в Кашгаре, Яркенде, Тибете и Индии. Написанная Ефремовым по возвращении на родину книга о его девятилетних странствованиях выдержала в свое время три издания. Это, несомненно, свидетельствовало о большом внимании русского общества ко всему, что сообщалось об Индии [2]. В конце XVIII в. совершили путешествие в Индию братья Атанасовы (1790), рассказ которых был записан значительно позднее и опубликован в XIX в.[3] Путешествие Рафаила Данибегова в Индию стало известно русскому читателю в 1815 г.[4]

В XVIII в. в связи с основанием Российской Академии наук можно отметить появление научного интереса к Индии. Так, например, в начале века академик Т. З. Байер изучал санскрит у индийца, проживавшего в Петербурге. Т. З. Байер имел некоторое представление о дравидских языках — тамильском и телугу. В 30-х годах XVIII в. Т. З. Байер в академических «Комментариях» опубликовал две статьи, которые были результатом его занятий индийскими языками. В статье «Elementa litteraturae brahmanicae» (1732—1735) он впервые в России дал образцы санскритского алфавита [5].

---

[1] Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 175. А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 174. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1882, стр. 346. С. Соловьев. История России, т. XVI, изд. 2. М., 1874, стр. 227.

[2] Ф. Ефремов. Девятилетнее странствование. М., 1949. В. Бартольд, Указ. соч., стр. 224, 231.

[3] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 227.

[4] Там же, стр. 227, 228, 231.

[5] А. П. Баранников. О культурных отношениях между Россией и Индией. «Известия АН СССР». ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 6, стр. 461.

Индийскими языками занимался также Д. Мессершмидт, в черновых записках которого сохранились образцы алфавита деванагари и парадигмы тамильского склонения [1].

Следует также упомянуть так называемый Сравнительный словарь Екатерины II (1787), составители которого имели представление об индийских языках и диалектах, в частности о санскрите, хиндустани, бенгали, мультани. Мультани (промежуточный диалект между языками панджаби и синдхи) занимался упомянутый выше Мессершмидт [2]. Академик Паллас, еще когда был в Астрахани, сделал несколько записей отдельных фраз и числительных со слов проживавших в астраханской колонии индийцев. В России очень внимательно следили за зарубежной, прежде всего английской, литературой об Индии. Так, вскоре после того, как Чарлз Уилкинс (1785) перевел «Бхагавадгиту», она была переведена и на русский язык [3].

В 1792 г. на русском языке появился перевод другого замечательного памятника индийской культуры — «Сакунталы». Переводчиком «Сакунталы» был известный русский историк и писатель XVIII в. Н. М. Карамзин, которому, как уже отмечалось выше, принадлежала честь открытия «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.

Безусловно, Карамзин питал глубокий интерес к истории и культуре народов Востока, в частности Индии. Не случайно, что именно он впервые познакомил русское общество с выдающимся творением великого индийского поэта Калидаса. В предисловии к переводу Н. М. Карамзин писал: «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде — человек; везде имеет он чувствительное сердце, и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде Натура есть его наставница и главный источник его удовольствий.

«Я чувствовал сие весьма живо, читая Саконталу, драму, сочиненную на индейском языке, за 1900 лет перед сим, Азиатским Поэтом Калидасом, и недавно переведенную на английской Виллиамом Джонсом. . . Почти на каждой странице сей драмы находил я высочайшие красоты Поэзии, тончайшие чувства, кроткую, отменную неизъяснимую нежность, подобную

[1] С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. (XIII—1825). СПб., тип. М. Меркушева, 1904, стр. 494—495, 200—201.

[2] С. К. Булич. Указ. соч., стр. 502—504.

[3] «Багуат-гета, или беседы Кришны с Аржуном, с примечаниями. Переведенныя с подлинника писанного на древнем Браминском языке называемом Санскритта, на Английской, а с сего на Российской язык». М., в университетской типографии у Н. Новикова, 1788.

БАГУАТ-ГЕТА,

ИЛИ

БЕСѢДЫ

КРИШНЫ

СЪ

АРЖУНОМЪ,

СЪ примѣчаніями,

Переведенныя съ подлинника писаннаго на древнемъ Браминскомъ языкѣ, называемомъ Санскритта, на Англійской, а съ сего на Россійской языкъ.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи у И. Новикова.

1788.

Титульный лист первого в России перевода «Бхагавадгиты»

тихому Майскому вечеру — чистейшую, неподражаемую натуру, и величайшее искусство. Сверх того ее можно назвать прекрасною картиною древней Индии, так как Гомеровы Поэмы суть картины древней Греции, — картины, в которых можно видеть характеры, обычаи и нравы ея жителей.

«Калидас для меня столь же велик, как и Гомер. Оба они получили кисть свою из рук Натуры, и оба изображали — Натуру. Для собственного своего удовольствия перевел я некоторые сцены из Саконталы, и потом решился напечатать их в Московском Журнале, надеясь, что сии благовонные цветы Азиатской Литературы будут приятны для многих читателей, имеющих тонкий вкус и любящих истинную поэзию» [1].

В 1785 г. русский профессиональный музыкант, путешественник Герасим Лебедев предпринял поездку в Индию и в течение двенадцати лет (1785—1797) жил в этой стране, изучая языки, литературу, обычаи страны. Путешествие Лебедева в Индию занимает особое место как в истории русской науки, так и в истории культурных связей и дружественных отношений между Россией и Индией.

Путешествие Герасима Степановича Лебедева принадлежит к числу самых выдающихся русских путешествий конца XVIII в. Этот ученый-самородок, посвятивший изучению Индии много лет, стал основоположником русской индологии.

Деятельность Лебедева приходится на последние десятилетия XVIII и начало XIX в.

Главными источниками, по которым мы можем воспроизвести хотя бы в общих чертах основные этапы жизни и деятельности этого ученого, его научную биографию, являются опубликованные им труды на русском и английском языках, а также рукописный фонд, хранящийся в настоящее время в Центральном государственном архиве литературы и искусства [2].

---

[1] Н. М. Карамзин. Указ. соч., стр. 127. Пер. см. «Московский журнал». М., в университетской типографии у В. Окорокова, 1792, ч. VI, стр. 125—156, 294—322.

[2] Наиболее подробные данные о жизни Г. С. Лебедева содержатся в его книге «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов священных обрядов их и народных обычаев». СПб., 1805. Введение («Предуведомление») к этой книге представляет несомненный интерес для биографа Лебедева, так как в «Предуведомлении» Лебедев отмечает некоторые вехи своей жизни, в частности, подробно освещает период пребывания в Индии. Сведения биографического порядка приводит Лебедев также в изданной им на английском языке книге «Grammar of the pure and mixed East Indian dialects...» (полное название см. ниже). Эти работы дают нам возможность составить определенное представление о его научных и политических взглядах, о его планах и т. д. Исключительно важным источником являются рукописные книги Лебедева Цент-

Герасим Степанович Лебедев родился в 1749 г. в Ярославле. В юности он не получил систематического образования и только в возрасте пятнадцати лет научился грамоте и музыке. Музыка стала его профессией. В 1777 г. вместе с посольством, назначенным в Неаполь, Лебедев выехал из России. За восемь лет он побывал во многих европейских государствах, был в Вене, Париже, Лондоне. За это время он основательно познакомился с западноевропейскими языками и литературой и, главное, приобрел большой жизненный опыт, что впоследствии дало ему возможность серьезно заняться изучением Индии.

Дать исчерпывающую характеристику взглядов Лебедева, его мировоззрения, очень трудно из-за неполноты сохранившихся сведений о его жизни и деятельности. Наиболее сложным делом является освещение доиндийского периода жизни и деятельности Лебедева.

Несомненно, что на Лебедева оказала огромнейшее влияние обстановка в современном ему Ярославле, который был тогда одним из значительных экономических центров России. Ярославль играл видную роль во внешней торговле России, изделия его промышленности находили сбыт в самых отдаленных странах. Ярославль навещали иностранные купцы. Известно, в частности, что туда наезжали и индийские торговцы [1].

ральный государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем — ЦГАЛИ), фонд князей Вяземских И. А., А. И., П. А., П. П. — ф. № 195, оп. 1. Коллекция состоит из четырех книг: 1) ед. хр. 6075 — Лебедев Г. Тетрадь с переводами пьес для театра в Калькутте и копией меморандума. На русском, английском и бенгальском языках, 1795. Автограф. 76 л. (альбом); 2) ед. хр. 6076 — Тетрадь с переводами пьес, афишами театра в Калькутте. На русском, английском и бенгальском языках, 1796. Автограф. 199 л. (альбом); 3) ед. хр. 6077 — Тетради с копиями писем английской купеческой компании, жалоб, заметок, вызова в суд по вопросу уничтожения театра в Калькутте. На русском и английском языках, 1797. Автограф (альбом); 4) ед. хр. 6081 — Тетрадь с записями исторического и лингвистического характера. На русском и бенгальском языках, 1799. Автограф (альбом). Часть материалов, имеющих отношение к Лебедеву, опубликована в «Архиве князя Воронцова», кн. 24. М., 1880, стр. 174—179.

В настоящей статье рукописные и печатные источники цитируются без сохранения старой орфографии с тем, чтобы облегчить понимание текстов. Это тем более важно, что язык и стиль Лебедева в значительной степени сохраняют еще обветшалые украшения, и не везде освободился от высокопарности. Но в целом его языку присуща и смысловая насыщенность, образность и точность. Известные в настоящее время источники позволяют осветить с наибольшей полнотой период пребывания Лебедева в Индии.

[1] А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 140—142; М. Н. Сперанский. Указ соч., стр. 467; Н. М. Гольдберг. Указ. соч., стр. 142.

IV.

СЦЕНЫ ИЗЪ САКОНТАЛЫ,

Индѣйской драмы.

От ъ Издателя.

Творческой Духъ обитаетъ не въ одной Европѣ; онъ есть гражданинъ вселенной. *Человѣкъ вездѣ человѣкъ; вездѣ имѣетъ онъ чувствительное сердце, и въ зеркалѣ воображенія своего вмѣщаетъ небеса и землю. Вездѣ Натура есть его наставница и главный источникъ его удовольствій.*

Я чувствовалъ сіе весьма живо, читая Саконталу, драму, сочиненную на Индѣйскомъ языкѣ, за 1900 лѣтъ передъ симъ, Азïатскимъ Поэтомъ Калидасомъ, и недавно переведенную на Англïйской Виллïамомъ Джонсомъ, Бенгальскимъ Судьею (которой и прежде того извѣстенъ былъ въ ученомъ свѣтѣ по своимъ переводамъ съ восточныхъ языковъ), а на Нѣмецкой Профессоромъ Георгомъ Форстеромъ (которой путешествовалъ съ Кукомъ

Предисловие Н. М. Карамзина к переводу «Сакунталы»

Вместе с тем в городе была развита относительно высоко театральная и музыкальная культура. Не случайно, что и основатель национального русского театра Федор Волков, и один из первых деятелей бенгальского театра Герасим Лебедев были ярославцами. Не подлежит никакому сомнению, что страсть к путешествиям и идея поездки в Индию возникли у Лебедева очень рано и, безусловно, под влиянием окружавшей его среды, а также под влиянием литературы об Индии, уже в то время распространенной в России.

Лебедев был профессиональным музыкантом, и хотя об этой стороне его деятельности мы, по сути дела, знаем столь же мало, как и о многих других сторонах его жизни, нельзя не обратить внимания на один весьма примечательный и кое-что объясняющий факт. Это — его знакомство или какая-то связь с известным в то время меломаном, любителем музыки графом Разумовским, с посольством которого Г. С. Лебедев выехал в Европу. Известно, что Разумовский общался с крупнейшими композиторами Западной Европы. Он был знаком, в частности, с Бетховеном и познакомил последнего с русскими народными песнями. Результатом знакомства Бетховена с русскими песнями явилось создание «Русских мелодий». Бетховен изучал русские напевы по преподнесенной ему Разумовским книге «Собрание народных русских песен с их голосами» [1].

Надо полагать, что уже в ранние годы Лебедев достиг значительных успехов в музыке. Не случайно поэтому он обратил на себя внимание такого ценителя музыки, каким был Разумовский. О большом профессиональном мастерстве Лебедева свидетельствовал также успех, которым он неизменно пользовался в европейских столицах, а затем и в Индии.

В связи с театральной и музыкальной деятельностью Лебедева следует отметить, что он был знаком как с национальным русским искусством, так и с европейским, а впоследствии и с индийским. Восстановить эстетические воззрения Лебедева не представляется возможным. Однако отдельные его замечания позволяют выяснить главное: в основе его музыкальной и театральной культуры лежало русское национальное искусство и усвоенная им общеевропейская культура того времени.

В формировании взглядов Лебедева большую роль сыграли путешествия по Европе. За это время ему удалось восполнить

---

[1] «Собрание народных русских песен с их голосами; музыку для фортепиано положил Иван Прач», ч. 2. СПб., 1790. Первое издание вышло в одной части. Предисловие «Рассуждение о русском народном пении» написано Николаем Александровичем Львовым, который, согласно указанию Геннади, был издателем этой книги (см. Словарь, т. 2, стр. 284).

пробелы в образовании, приобрести большой жизненный опыт и необходимые сведения, позволившие впоследствии основательно изучить языки, нравы и обычаи Индии.

Характерной особенностью мировоззрения Лебедева были идеи гуманизма, всеобщего блага, естественного права человека. Об этом свидетельствовали отдельные его высказывания, но в особенности деятельность в Индии. Очевидно, что Лебедев не остался в стороне от передовых веяний своей эпохи.

Политическим идеалом Лебедева был, пожалуй, просвещенный абсолютизм. Разумеется, что при этом меньше всего могут идти в счет обращения Лебедева к монархам в посвящении к книге «Беспристрастное созерцание» и в отдельных местах ее. Это, с одной стороны, дань времени, необходимая форма, с другой — выражение патриотизма, любви к «преславной Российской державе». Подтверждением мнения о том, что политическим идеалом Лебедева была просвещенная монархия, служит письмо Лебедева к Я. И. Смирнову. Собираясь возвратиться на родину, он просит Смирнова сообщить «царствует ли как при великой Екатерине у нас добродетель, и награждаются ли достойно заслуги, или порокам как и за мою жизнь люди порабощены»[1].

Совершенно очевидно, что Лебедев, как и многие его современники, считал, что именно век Екатерины был веком просвещения, расцвета наук и искусства. В письмах к своим корреспондентам Лебедев высказывал также мысль о том, что именно в монархических государствах, более чем в «купеческом», отмечались подвиги на всех поприщах, в том числе на поприще науки и искусства.

Но, будучи монархистом, Лебедев, знакомый и с другими образами правления, весьма высоко ценил те преимущества, которыми пользовались граждане других стран, в частности Англии. Вместе с тем он заметил и некоторые пороки буржуазного общества. Интересно его замечание об английской правовой системе. Искренне веривший в ее совершенство, Лебедев, узнав ее ближе, с горечью и разочарованием пришел к выводу, что собственно у англичан нет оснований похваляться своими законами, справедливостью и пр.

Замечательна, например, его обличительная характеристика меркантильного духа, власти денег, стяжательства и алчности, которые господствовали в буржуазном обществе, в частности в английской театральной среде. Описывая

[1] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 34 (23 об.). В этом альбоме двойная нумерация, в дальнейшем ссылка приводится с указанием двойной нумерации.

злоключения, приведшие к гибели его театр, Лебедев в письме к А. А. Самборскому от 9 мая 1797 г., касаясь того периода, когда, по его словам, «фортуна на крыльях... несла» [1], писал: «Не вспамятовал при заботах, что в купеческом государстве златоблестящая руда, как и сребросияющая кровь в театральных и жадных богатства людях воспаля ненависть заставит суетится опорочить и повредить иностранцево похвальное дело и довести до падения» [2].

Следует отметить, что, общаясь с такими деятелями, как Я. И. Смирнов, А. А. Самборский, С. Р. Воронцов, Лебедев в какой-то мере усваивал или разделял некоторые их взгляды. Известно, что тогда русская дипломатическая среда в Англии и близкие к ней люди весьма внимательно относились к английскому буржуазному прогрессу.

Собственно все названные выше деятели были англоманами. Я. И. Смирнов (1759—1843), по отзывам как русских, так и зарубежных современников, был одним из образованнейших людей своего времени. Он был знаком с английскими историками и философами, интересовался постановкой английского земледелия и промышленности, являлся поборником внедрения соответствующих достижений у себя на родине. С буржуазной точки зрения он развивал прогрессивную деятельность. Многие русские, приезжавшие в Англию для изучения различных отраслей хозяйства или, например, по линии Адмиралтейства для стажировки в английском флоте, всегда находили помощь у Смирнова. В последующем Я. И. Смирнов был одним из членов Вольного Экономического общества и печатал свои труды в изданиях этого общества. В период своей жизни в Англии Смирнов консультировал английского историка Тука, когда тот писал историю России времен Екатерины II [3].

Кроме того, сам Я. И. Смирнов перевел и издал сочинения Плещеева о России [4]. С. Р. Воронцов писал о Я. И. Смирнове государственному канцлеру: «Он действительно в нужде находится... Своим же знанием и почтением, которое заслужил здесь в обществе, усердием к отечеству весьма нужен для всех наших земляков, кои как от Адмиралтейской коллегии, так и из других разных мест для обучения сюда присылаются».

---

[1] ЦГАЛИ, л. 8 (49 об.).

[2] Там же, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 49 (8 об.).

[3] В. Н. Александренко. Русская посольская церковь в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1895, стр. 23.

[4] Survey of the Russian Empire... by capt. Sergey Plescheeff (3 ed.) transl. from the Russian with considerable additions by James Smirnove, Chaplain to the Legation of H. J. M. of all the Russians at the Court of Great Britain. London, MDCCXCII.

12 февраля 1785 г. Лебедев отправился в Индию, ради изучения которой, как писал он, «в пользу отечества чрез целые двенадцать лет жертвовал я там моим иждивением и жизнию» [1].

Возникает, естественно, вопрос о целях и характере этого путешествия.

Академик В. В. Бартольд в свое время писал: «Столь же случайно, как в XV в. Афанасий Никитин, проник в Индию в конце XVIII в. другой русский путешественник, музыкант Герасим Лебедев...» [2]. Однако собственные высказывания Лебедева о целях путешествия вряд ли допускают возможность рассматривать это путешествие как случайное. Главная цель пребывания в Индии Лебедева, судя по его собственным словам, состояла в изучении страны и, в частности, языков ее народов. Задача самообразования, которую Лебедев никогда и нигде не терял из виду, выступала при этом как подчиненная главной цели, являясь в то же время необходимым условием и предпосылкой его научных занятий. Этот вывод подтвердился тем обстоятельством, что вскоре по приезде в Индию, как только к этому представилась возможность, Лебедев приступил к изучению языков, без чего, по его мнению, невозможно изучить страну.

О целях своего путешествия он писал следующее: «...Я и в начале, и в продолжении моего путешествия, главнейшею целию моих трудов поставлял усовершение природных моих склонностей, славу и пользу моего отечества; не отнимая в прочем справедливости у той нации, для обозрения которой руководствован я был...» [3]. В одном из его писем говорится: «Не позабавить только человеческого рода друзей, а больше для пользы возрастающих во обширно-цветущей России юношей... старался... научиться Бенгальскому... Гиндостанскому языкам и сколько мог шанскрицкому... Дабы чем напомянуть и уверить, что без знания оных странствующий как и я в разных государствах Гиндостанской земли о многом никогда не допытается, и о поселившихся в них в разные времена о народах верного известия... обрести не может» [4]. Русскому послу в Лондоне графу С. Р. Воронцову Лебедев писал: «И постарайся... единоземцам нашим зделать известными мои по любви к отечеству приобретения написанные с бенгальскими словами и переведенные при всевозможном о правде разыскании...» [5].

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Посвящение.

[2] В. Бартольд. Указ. соч., стр. 278.

[3] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. VII—VIII.

[4] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 52 (об. 5).

[5] Там же, л. 39 (18 об.).

В том же письме к Воронцову Лебедев высказал мысль, что «эти написанные известия служат не ради чтения только одного, но неменьше ради сношения с таковыми восточными народами, с которыми Россия (тебе лутче известно) может не имела никогда переписок...» [1].

«Сиятельнейший граф Семен Романович Воронцов смелость мою надеюсь, вы изволите не токмо извинить, но и извлечете думаю благоволение воспокровительствовать ибо милостивый государь желаю зделать по возможности услугу верноподанным сынам преславной российской державы; и по довольном распознании гиндустанских языков при всех моих хлопотах вольных и невольных я не позабыл почесть себе за великую честь к вашему сиятельству из Востока писать прошлого года корабля Ройял шарлот с капитаном, о моем сверх чаяния успехе...» [2].

Все эти высказывания свидетельствуют о его большой любви к родине, стремлении прославить ее и принести ей посильную пользу. Движимый желанием послужить своему отечеству, Лебедев отправился в Индию.

Намерение Лебедева поехать в Индию, видимо, заинтересовало русское посольство в Англии, где находился Лебедев. В русских правительственных кругах, вероятно, возлагали надежду на то, что это путешествие прольет свет на сложное положение, возникшее в Индии. Там шла борьба англичан с сильным южноиндийским государством Майсур, стремившимся изгнать иноземных завоевателей и установить свое верховенство на Индийском полуконтиненте. Борьба эта еще не закончилась, и российская дипломатия нуждалась в сведениях из первых рук. Поэтому желание Лебедева изучить Индию встретило известное сочувствие в русской дипломатической среде. Однако, как мы увидим ниже, Лебедев не оправдал этих ожиданий, ибо его пребывание в Индии затянулось на целых двенадцать лет, причем главными его занятиями явились наука и искусство.

Лебедев надеялся, что сообщаемые им сведения об Индии смогут «удовлетворить истинных любителей просвещения, и беспристрастных испытателей разнообразных предметов» [3]. В предисловии к книге «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов священных обрядов их и народных обычаев» Лебедев писал, что изучение Индии важно, «послику

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 19 (38 об.).
[2] Там же, л. 39 (18 об.).
[3] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. VII.

Восточная Индия, кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть и целый свет завистными взирает очами: есть та первенствующая часть света, из которой по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга расселялся; и который национальный Шомскритский язык, не довольно со многими Азиатскими, но и с Европейскими языками имеет весьма ощутительное и в правилах сближение»[1]. Для нас важно отметить здесь, что у Лебедева на первый план выступает научный интерес к Индии. Правда, круг проблем, занимавших Лебедева, частью теперь уже не представляет интереса, а самая теория общей прародины человечества устарела, хотя в свое время она имела значение для европейской науки. Обладая широким взглядом на значение науки, Лебедев полагал, что изучение стран и народов, их быта, культуры, истории, языков и верований должно способствовать установлению мирных взаимоотношений между странами и народами. Выражая надежду, что и его старания будут небесполезными для науки, Лебедев писал, что труд этот «обратит внимание не одних соотчичей моих, но и разностранцев, и послужить может для ревностных испытателей некоторым путеводством, к испытанию многих затмившихся в течение веков древностию, как в священных, так и в политических бытописаниях эпох, которых открытие, по общему благомыслящих ученых мужей признанию, соделывает в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз...»[2].

Из всего сказанного следует, что ясно осознанная цель, а не случай привели Лебедева в Индию, и что, кроме намерения заняться изучением этой страны, он обладал уже и некоторой общей подготовкой, а главное, широким кругозором и большим жизненным опытом.

15 августа 1785 г. Лебедев высадился в Мадрасе, одном из старых опорных пунктов английского владычества в Индии. В Мадрасе о музыкальных дарованиях Лебедева были уже наслышаны. Градоначальник Вильям Сиднем предложил Лебедеву заключить с ним двухгодичный контракт на постановку различных зрелищ. По этому контракту Лебедеву, кроме сборов, было установлено содержание в 200 фунтов стерлингов в год. В Мадрасе Лебедев занимался не только музыкой, которая доставляла ему средства к жизни, но и изучал индийские языки и сделал попытку начать изучение интересовавших его вопросов, в частности религии индуизма. В Мадрасе

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. I.

[2] Там же. Посвящение.

Лебедев выучил один из языков Южной Индии [1]. Однако серьезно заняться изучением интересовавших его вопросов он не смог, так как в Мадрасе ему не удалось найти преподавателей. Изучение «духовного языка» Индии — санскрита — находилось в то время еще в младенчестве [2].

По истечении срока контракта Лебедев в 1787 г. переехал в Калькутту. Время пребывания его там было наиболее плодотворным как в смысле занятий языками, так и изучении страны. «Из Мадраса в 1787 годе я переехал в Калькоту, — писал Лебедев, — где моя музыка гораздо более обратила любителей оныя на себя внимание; и как она доставила мне там гораздо выгоднейшее состояние, то я начал рачительно входить в распознание предлагаемых в книге сей предметов» [3]. Но и в Калькутте русский путешественник не сразу смог найти людей, способных обучить его языку бенгали и санскриту, которые были необходимы Лебедеву для ознакомления с книжной ученостью брахманов. Из «порченых грамматик индийских диалектов, писанных европейцами и озаглавленных без различия грамматиками индостанского языка» [4], Лебедев также не мог приобрести необходимые ему для изучения индийских языков и литературы сведения. В течение первых двух лет его попытки предпринять серьезное изучение индийских языков были безуспешны. «Затруднительно же сие предприятие (изучение Индии. — *Л. Г.*) по тому, что при всех в разные времена покушениях любопытных испытателей нетокмо о Брамгенских Системах, но и свойстве древнейшего их Шомскритского языка точного сведения по сие время Европа еще не имела, да и в самой Индии, ни от кого сих предметов не можно занять, кроме Брамгенов, которые на прибывающих тамо европейцев не инако смотрят, как на бесчеловечных гонителей, или как на презрительнейших своих париев, которые употребляются у них для выносу и вывозу всякой нечистоты из

[1] В Мадрасе, как писал сам Лебедев, он несколько научился «малабарскому» языку. С. К. Булич полагает, что знакомство Лебедева с языками Индии началось с малаялам. Это предположение вполне допустимо, так как малабарский язык — малаялам — распространен в Западных Гхатах. Однако можно предположить и другое. Поскольку Лебедев жил в Мадрасе, где распространены два южноиндийских языка — тамильский и телугу, постольку вероятно его знакомство с каким-либо из этих языков. В настоящее время трудно установить, с каким же языком Индии познакомился Лебедев в Мадрасе.

[2] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. III.

[3] Там же,

[4] Lebedeff. Grammar of the pure and mixed East Indian dialects..., p. III. С. К. Булич. Указ. соч., стр. 620.

домов и из дворов»[1]. Все же Лебедеву удалось преодолеть и это затруднение. Когда, казалось, иссякла уже всякая надежда найти подходящего переводчика и учителя, домоуправитель Лебедева познакомил его с бенгальцем Голокнатхом Дасом. Этот учитель знал бенгали, хиндустани, санскрит и, вероятно, английский язык. Сам Голокнатх Дас очень хотел выучиться музыке. На следующий же день после первой встречи с Голокнатхом Дасом, пишет Лебедев, «он предложил мне усвоить санскритскую азбуку, тем более, что в ней я мог найти ключ к неоценимым сокровищам восточных наук и знаний». Приступив к занятиям языками, Лебедев целиком отдался этому делу. «Тебе известно, — писал он Я. И. Смирнову, — с которого время я начал знакомиться с гиндостанскими языками, и позабывши так думать о всем другом старался со всевозможною рачительностию совершить»[2]. Вскоре он уже достиг успехов в своих занятиях. Он составил несколько диалогов на бенгальском языке и хиндустани на различные темы, от бытовых до научных, «выразумел... Брамгенскую Азбуку, Словарь, Грамматику, Арифметику, Календарь»[3].

Герасим Лебедев, однако, не ограничился теоретическим изучением индийских языков — делом в то время весьма трудным, поскольку европейская наука в этой области делала, как указывалось выше, лишь первые шаги. Он задумал предприятие, совершенно неслыханное в то время: он решил использовать свои занятия индийскими языками и литературой, чтобы практически познакомить индийское общество с европейской театральной культурой. В конце XVIII в. знания и эстетические представления индийцев оставались всецело средневековыми. Традиции великой индийской культуры держались еще прочно, но феодальные междоусобицы и колониальное положение значительной части ее привели к серьезному упадку культуры. В этих условиях намерение Лебедева познакомить индийцев с европейской драматургией имело, несомненно, положительное значение, так же как и вся его просветительская деятельность.

Во время занятий языками Герасим Лебедев перевел с английского на бенгали две драмы. В «течение пяти лет, — писал Лебедев, — при помощи учителей моих, успел перевести с

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. I—II.

[2] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 35 (22 об.) Письмо Я. И. Смирнову из Калькутты от 23 июля 1797 г.

[3] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. IV.

Английского языка на Бенгальской две драмы; из которых одну, в 1796 году имел я честь под моим распоряжением представить два раза обоего пола Бенгальскими Актерами и удовольствовать оную Европейских и Азиатских жителей, в собственном мною устроенном театре; чего прежде меня, никто из Европейцев в Калькоте не произвел»[1].

История этого театра такова. Учитель Лебедева Голокнатх Дас посоветовал ему поставить одну из переведенных драм и обещал посодействовать в подыскании актеров из бенгальцев. Чтобы удостовериться в правильности переводов, Лебедев пригласил к себе домой некоторых ученых и прочитал им рукописи своих трудов. Кроме того, Лебедев хотел узнать, какое впечатление произведут на его слушателей переводы драм. Это показывает, что Лебедев очень ценил мнение бенгальской публики и стремился к тому, чтобы драмы удовлетворяли вкусам бенгальцев. После того как подготовленные им переводы были одобрены пандитами, Лебедев обратился за официальным разрешением на постановку пьесы к тогдашнему губернатору Индии Джону Шору [2]. Получив разрешение, Лебедев, вероятно, для того, чтобы ускорить постановку, намереваясь в будущем построить собственный театр, обратился к антрепренеру английского театра в Калькутте [3]. Однако предложение Лебедева встречено было насмешками, английские театральные дельцы отнеслись к идее Лебедева как к предприятию безумному, обреченному на неудачу. В здании ему отказали [4]. И тогда, писал Лебедев, «оградился я непоколебимостью и раскаленного и пылавшего предприятия твердость замкнувши во уме; смело решился на остальные деньги состроить в наемном доме свой театр, который вмещал более трехсот персон, и быть архитектором, повелителем надзирателей за столярами, плотниками, кирпишниками и другими работниками»[5].

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. III—IV. См. также ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 52 (5 об.).

[2] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 об. [6]. Письмо А. А. Самбурскому «По переводе помянутых комедий (мне надо было сделать известными и для сего) выпросил я у г-дна губернатора (Sir John Shore) Ивана Шоръа позволение представить публично. Он позволил».

[3] ЦГАЛИ, там же.

[4] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.)

[5] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.) Театр помещался на улице Домтола (Dometola), находящейся в самом центре Калькутты. В письме к Воронцову Лебедев, между прочим, отмечал, что театр вмещал четыреста зрителей. Это расхождение объясняется тем, что театр был впоследствии расширен.

Строительство театра велось по плану, составленному самим Лебедевым. Одновременно со строительством театра происходили репетиции и спевки. Труппа состояла из тринадцати человек — трех женщин и десяти мужчин, музыкальный ансамбль включал десять человек. «Между многочисленными заботами, — писал Лебедев, — успел также научить комедиальному действию дикокажущихся бенгальцев; трех женщин и десятерых мужчин. И такое же число научил петь гиндустанскими словами и играть музыку, сочиненную мною на тот случай их любимыми инструментами» [1].

Лебедев соединял в одном лице организатора, режиссера-постановщика, композитора, дирижера и музыканта и художника-декоратора, Как переводчик он не ограничился простым переводом пьес, а творчески их переложил, внеся ряд изменений и дополнений. Стараясь сделать пьесы более понятными местному населению, Лебедев перенес действие в индийские города Калькутту и Лакноу, а европейские имена действующих лиц заменил бенгальскими, такими как Бголат Бабу, Шуки Муки, Шук Мой. Весьма удачно Лебедев внес в свои драмы шуточный элемент в виде фарсов и мимических сцен [2].

Выше говорилось, что Лебедев стремился сделать постановку более понятной бенгальцам, донести до них европейское драматическое искусство. Очень показательно, что при этом образцом для него служил русский национальный театр. Вот что он пишет по этому поводу: «И когда на воздвигнутых кирпишных и деревянных столбах и подпорах перекладах и на забойнах положена была уже кровля в партере (в зале) и в двух этажах (рядах) насланы были полы: старался я потом на отделанном для представления явлениев полу подобно моему земляку Федору Совкову в Калкуте будто в Москве намалевать ширмы в бенгальском вкусе» [3].

Когда подготовка была закончена, Лебедев пригласил на просмотр пьесы своих друзей, которые одобрили постановку. Первое представление состоялось 27 ноября 1795 г. в переполненном театре, который не мог вместить всех желающих [4]. 21 марта 1796 г. драма была показана второй раз полностью,

[1] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

[2] О сроках постройки см. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077. В тетради с переводами пьес (ед. хр. 6076) на внутренней стороне обложки фраза: «Театр мой начат строится».

[3] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.). «Признаюсь, не так как было должно красиво, но был доволен по пословице: голого неделье да своеста рукоделье», там же, л. 50 (об. 7).

[4] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.). В кн. «Беспристрастное созерцание...» как известно, говорится, что драма была поставлена

в трех актах, и имела также большой успех [1]. Хорошее начало задуманного Лебедевым предприятия поселило в нем уверенность в дальнейших успехах на театральном поприще.

Лебедев расширил помещение театра, стал подбирать труппу и подыскивать декоратора [2]. Но его желаниям не суждено было осуществиться. Английским «торгашам» пришлась не ко двору просветительская деятельность Лебедева. К тому же в лице Лебедева и его театра содержатель английского театра, в делах которого были заинтересованы некоторые чиновники Ост-Индской компании, увидел конкурента [3]. Против Лебедева ополчилось все английское общество в Калькутте, и в конце концов совместными усилиями дельцы Ост-Индской компании погубили театр Лебедева, а самого его довели до разорения.

Но на этом происки врагов Лебедева не прекратились. Вокруг него образовалась враждебная атмосфера. Напрасно он пытался найти поддержку и совет у различных представителей местных властей. В ноябре 1796 г. он обратился к ним с письмами, из ответов на которые можно было узнать, что в глазах англичан самая мысль давать представления на бенгальском языке являлась предосудительной и неизбежно должна была вызвать вражду к инициатору этого дела. Бесплодным оказалось и обращение Лебедева к главному судье Роберту Чамберсу от 4 февраля 1797 г.

В такой явно враждебной обстановке Лебедеву было не под силу выдержать единоборство со своими врагами, пользовавшимися сочувствием «общества» и поддержкой властей, в частности английского колониального суда. Сам суд стал орудием преследований Лебедева. Его стали систематически донимать тяжбами и судебной волокитой. Длинная цепь преследований завершилась арестом Лебедева по одному из ложных обвинений. Стойко и мужественно выносил он все эти напасти. Полная несостоятельность выдвинутых против Лебедева обвинений заставила английский колониальный суд оправдать его.

Вынужденный прервать свои научные занятия и не имея возможности продолжать свою просветительскую деятельность, Лебедев покинул страну, которой он в течение многих лет отдавал всю свою энергию и все свои помыслы.

дважды в 1796 г. Вероятно, имеются в виду полные, в трех актах, постановки. В архиве сохранилось объявление о третьей постановке. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6076.

[1] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

[2] Там же, л. 8 (49 об.).

[3] Там же.

Выше было отмечено большое значение просветительской деятельности Лебедева в Индии. Оценивая ее в целом, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Лебедев общался с брахманами, с пандитами, с индийцами различного общественного ранга, разных каст и классов. Ему удалось преодолеть предубеждение индийцев в отношении европейцев, что объясняется, безусловно, тем, что в нем они встретили не колонизатора, а друга. Лебедев правильно отметил, что изучение санскрита затруднялось для пребывавших в Индии европейцев тем, что брахманы рассматривают последних как «презрительных париев», как «неприкасаемых». Известно, что основоположник английской индологии Джонс с очень большим трудом нашел преподавателя санскрита, да и то не брахмана.

В этой связи показательно, что Лебедев тесно сошелся с брахманами, которые были его учителями, наставниками, друзьями. Взаимоотношения Лебедева с индийцами и вся его деятельность свидетельствуют о том, что в тогдашней Бенгалии уже произошли некоторые социально-экономические сдвиги, что в результате этого в Калькутте появилась значительная прослойка передовой интеллигенции, знакомившейся с европейской культурой.

Эта интеллигенция стремилась к тому, чтобы Индия, сохраняя свою древнюю культуру, знакомилась с достижениями мировой культуры. Мы можем рассматривать индийских друзей Лебедева, — таких, как Голохнатх Дас и других — как предвестников индийских просветителей, предшественников Рам Мохан Роя. Просветительская деятельность Лебедева, таким образом, нашла в Бенгалии благоприятную почву; Лебедев оказал влияние на индийскую передовую интеллигенцию, пытался удовлетворить ее запросы и нужды.

Из Индии Лебедев сперва направился в Англию, а затем возвратился в Россию. Первые восемь лет после возвращения из Индии Лебедев посвятил писательской и издательской деятельности. Приехав в 1802 г. в Петербург, Лебедев определился в Коллегию иностранных дел. Находясь на государственной службе, он выслужил чин надворного советника. О петербургском периоде жизни Лебедева известно немногое. Умер он в 1817 г.

* * *

Герасим Степанович Лебедев не только отважный и предприимчивый путешественник и одаренный музыкант. Для своего времени он был крупным ученым, труды которого пользовались всеобщим признанием.

В начале XIX в. у нас не было знатока Индии, равного Герасиму Лебедеву. Важно и то, что знания его не остались втуне. Правда, печататься Лебедев стал поздно, когда ему было уже пятьдесят лет, и полностью осуществить свои научные замыслы он не сумел. Но и то, что он успел сделать, заслуживает внимания. Поразительно как много совершил этот человек, поставивший перед собой трудную и сложную задачу изучения Индии.

Естественно, что всякий, кто приступал к изучению Индии, обращал внимание прежде всего на языки народов этой страны. Поэтому уже в период предистории индологии как науки, во время простого накопления знаний об Индии, когда нельзя еще было говорить ни об индийской филологии, ни о других ветвях современной индологии, в Европу стали проникать, наряду с общими сведениями об Индии, и сведения об отдельных языках. Очень рано началось изучение новоиндийских языков, в частности гуджарати и бенгали. В XVII в. и даже раньше стали приходить в Европу отрывочные сведения и о древнем индийском языке — санскрите. Так, в XVI в. итальянец Сассети обратил внимание на родство между санскритом и западноевропейскими языками. В 1651 г. голландец Авраам Рожер опубликовал работу, в которой упоминалось о Ведах. В 1740 г. П. Понс описал грамматический строй санскрита и шесть основных философских систем Индии. Немецкий иезуит Ханкследен (1699—1732) написал первую санскритскую грамматику на латинском языке. В 1790 г. появилась лучшая для своего времени грамматика, написанная Фра Паоло Бартоломео.

Всесторонним, комплексным изучением Индии занялись прежде всего ученые тех стран, которые вступили в непосредственный контакт с этой страной. В наиболее благоприятном положении в отношении возможностей изучения Индии оказались английские ученые. В половине XVIII в. англичане заняли главенствующее положение среди европейских держав, соперничавших за установление господства над Индией. Одержав победу в Семилетней войне, Англия навсегда покончила со своим французским конкурентом в Индии, развязав тем самым себе руки для дальнейшей экспансии вглубь страны. События этой войны, как отмечал К. Маркс, «...превратили Ост-индскую компанию из коммерческой силы в силу военную и территориальную. Именно тогда было положено основание нынешнему владычеству Англии на Востоке» [1]. Английское

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 354.

господство в Индии держалось на беспощадном деспотизме колониального военно-бюрократического аппарата, на превосходстве военной силы англичан. Однако этого было далеко недостаточно, чтобы завоевать, а тем более удержать в повиновении такую огромную страну, как Индия. История ограбления Индии англичанами показывает, что они использовали в своих интересах внутреннюю слабость и раздробленность Индии, политическую, кастовую и религиозную разобщенность ее народов. Вместе с тем практические потребности английского господства в Индии вызвали к жизни ее изучение. Правда, в большинстве своем невежественные авантюристы, стекавшиеся в Индию с единственной целью разбогатеть, не интересовались изучением Индии. Многие из них не знали даже языка народа, среди которого они жили. Отмечая это обстоятельство, Г. Лебедев писал, что «весьма мало европейцев за тяжелостию разумеют бенгальский язык» [1]; «компанейские сосуны», говорил он, «не доразумевают азбучного ясного блеску; клювчи не могут и этот словесных гиндустанских язычных земчужин» [2].

Однако в конце XVIII в. наиболее дальновидные деятели англо-индийской администрации понимали, что для упрочения господства над завоеванной страной необходимо знать ее историю, обычаи, религию, литературу. Первый генерал-губернатор Индии Уоррен Гастингс (1772—1785) понимал, между прочим, значение изучения Индии, сам владел несколькими индийскими языками и принимал участие в основании «Азиатского общества Бенгалии» (Asiatic Society of Bengal). С возникновением этого общества связано зарождение английской индологии. Идея создания общества принадлежит Вильяму Джонсу, который прибыл в Калькутту в октябре 1783 г. в качестве главного судьи форта Вильям в Бенгалии. Известный ученый и лингвист, который уже достаточно хорошо был знаком с индийскими классиками и увлекался восточными рукописями, он вскоре высказал мысль о необходимости объединить усилия отдельных ученых и организовать с этой целью общество для изучения истории, естественных наук, искусства и литературы.

15 января 1784 г. на собрании учредителей было принято решение о создании «Азиатского общества». Основателями общества были крупнейшие чиновники Ост-Индской компании, такие, как Роберт Чамберс, Хайд, Вильям Джонс, Джон Шор

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).
[2] Там же, л. 20 (37 об.).

(впоследствии губернатор Индии), Ричард Джонсон, Чарлз Вилкинс, Френсис Гладвин и др.[1]

Интересно отметить, что организаторы общества не рассчитывали, что в качестве его членов будут допущены индийцы. Только много лет спустя этот вопрос был пересмотрен. В этой связи несомненный интерес представляют взгляды Лебедева, который выступал против кастовости в науке, против национальной ограниченности, самомнения и пренебрежительного отношения английских ученых к представителям других наций. «То чтобы могло и англичанам не токмо новостию также опять нравиться (но вернейшим о языках правдивым уведомлением) публиковать в Калкоте не могу затем, что иностранцово уравнение а науках переводчикам несносно торговцам неприятно: и компанейское купеческое государственное правление для ободрения своих учится языкам, так окуражит никак не желает. И в тапершнее мое состояние без заплаты в печать сдать не могу...» [2].

Предметом деятельности «Азиатского общества» были как естественные, так и общественные науки. В печатном органе общества «Азиатских исследованиях» публиковались работы на самые разнообразные темы. Так, в интересующий нас период были напечатаны статьи Вильяма Джонса: «Рассуждение о написании азиатских слов латинскими литерами» [3], «О мистической поэзии персов и индусов» [4], «О философии азиатов» [5] и другие, X. Т. Колбрука «О санскрите и пракрите» [6], Говердана Кауля «О литературе индусов» [7], Давида Ричардсона «Список цыганских и хиндустанских слов» [8] и т. д.

В это время появлялись статьи об археологических памятниках Индии, по биологии, математике, астрономии, религии, истории, языкам и литературе.

Несомненно, что Лебедев был знаком с современной ему литературой по Индии, он был в курсе проблем, занимавших в то время английских индологов. Об этом свидетельствуют, в частности, ссылки его на работы Вильяма Джонса и полемические его замечания как в печатных работах, так и в рукописных материалах. Кроме того, в книгах Лебедева затраги-

---

[1] Centenary review of the Asiatic Society of Bengal. From 1784 to 1883. Published by the Society. Part I. Calcutta, 1885, p. 3.
[2] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 20 (37 об.).
[3] «Asiatick Researches», v. I, 1788.
[4] Там же, т. III, 1792.
[5] «Asiatick Researches», v. IV, 1795.
[6] Там же, т. VII, 1801.
[7] Там же, т. I, 1788.
[8] Там же, т. VII, 1801.

вались многие из тех вопросов, которые привлекали внимание и английских ученых. Лебедева интересовали, например, принципы транскрибирования восточных слов, в том числе индийских. Как и Вильям Джонс, Лебедев признавал несовершенство английского алфавита для правильной передачи фонетических особенностей отдельных индийских языков. При этом Лебедев высказал оригинальный взгляд по этому вопросу, который состоял в том, что он считал наиболее подходящим для правильной передачи фонетических особенностей индийских языков русский алфавит. Естественно, что в своем «Беспристрастном созерцании...» Лебедев практически пытался провести транскрипцию знаками русского алфавита. Насколько это сложное дело, можно судить по тому, что и на современном уровне науки нам приходится встречаться с определенными трудностями всякий раз, когда возникает необходимость единообразно передать грамматические особенности написания на русском языке восточных слов. Для науки того времени такая задача была невыполнима. Для Лебедева она представляла тем большие трудности, потому что он не имел соответствующей подготовки.

Для характеристики лингвистических взглядов Г. С. Лебедева существенное значение имеет одно из его высказываний, содержащееся в книге «Беспристрастное созерцание...». Лебедев, отмечая одну из причин, по которой изучение Индии является весьма важным делом, ставил во главе следующее обстоятельство:

«...Восточная Индия, — писал он, — кроме ея изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а может быть и целый свет завистными взирает очами: есть та первенствующая часть света, из которой по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга разселялся, и которыя национальный Шомскритский язык не довольно со многими Азиатскими, но и с Европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение.

«Не оспоримость сея истинны, кроме других премногих историков, довольно ясно доказали: господин Ломоносов, Паллас, и Алексей Агафонов: из коих Первый, в краткой его о Россах истории объявляет, что «прародители Славенские Сарматы, Амазоны, Варяги, Россы, или Россоланы, и другие разные народы. происхождение свое имеют из Азии, и составляют один рассеянный народ». А на Индийском языке те же самыя именования выговариваются Шор-мата (Райские жители), Амархъоны (мое стяжание), Бара-гей, или Бар-гей (Восточный народ), Росс нами, или Россол нами (сыны света). Второй, в

путешественном его издании показывает великое сходство Манчжурских или Китайских божеств, с изображениями божеств Индийских: Третий, в переведенной им на Российский язык Манжурского и Китайского Шун-джи Хана книге о законах, представляет множество слов Шомскритского языка» [1].

Независимо от доказательств, приводимых Лебедевым в подтверждение своей мысли, которые были совсем в духе этимологий того и даже несколько позднего времени [2], важно подчеркнуть, что Лебедев здесь выражал взгляд на Индию как на языковую прародину человечества, а в санскрите видел то, что современные лингвисты называют языком-основой. В цитированном выше отрывке выражено, кроме того, совершенно определенно положение о близости санскрита с восточными и европейскими языками, в том числе с русским языком.

В зарубежной лингвистике прочно утвердилась традиция считать основоположником сравнительного метода изучения языков Фр. Боппа, хотя не раз в литературе было отмечено, что идея родства санскрита с европейскими языками, прежде всего языками классическими, была выражена задолго до появления работы Фр. Боппа [3].

Так, Б. Дельбрюк во «Введении в изучение языка» («Einleitung in das Sprachstudium») отмечал, что когда Фр. Бопп приступил к изучению санскрита, мнение о родстве этого языка с греческим и латинским было высказано и подтверждено некоторыми доказательствами [4]. Вильям Джонс говорил об этом родстве еще в работе 1786 г. «Санскритский язык, — писал он, — обладает удивительным строением; он совершеннее греческого, богаче латинского, выработан тоньше обоих. Как в отношении глагольных корней, так и в отношении грамматических форм, он стоит в родственной связи с обоими древними языками, — связи столь близкой, что она не может быть делом случая, и столь определенной, что всякий филолог, изучающий эти три языка, должен прийти к убеждению, что они произошли из одного и того же источника, который, быть может, более уже не существует. Такие же доказательства, хотя и не столь убедительные, говорят в пользу того предположения, что готский и кельтский языки, хотя и смешанные с неродственными

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. I.

[2] С. К. Булич. Указ. соч., стр. 623, 624.

[3] Fr. Bopp. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, latinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt, 1816.

[4] С. К. Булич. Указ. соч., стр. 1 (соч. Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка»).

языками, имеют также одинаковое происхождение с санскритом» [1].

Другие ученые, в частности Ф. Шлегель, отмечали близость санскрита к авестийскому, древнеперсидскому, немецкому и другим языкам. Работа Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индусов» вышла в 1808 г.

Книга Лебедева, из которой взята приведенная выше цитата, относится к 1805 г., причем, как явствует из текста ее, Лебедев склонен видеть в санкритском языке «праязык» — «язык-основу» других языков, в том числе и русского.

Таким образом, можно считать, что Лебедев был в числе первых, кто в общей форме выдвигал идею близкого родства санскрита с рядом других языков. Взгляд этот, вероятно, был им усвоен в результате знакомства с работой В. Джонса, которая толкнула его на самостоятельные изыскания для подтверждения этой мысли. К последнему представилась возможность во время занятий Лебедева индийскими языками под руководством индийских учителей, от которых он мог воспринять индийскую сравнительно-историческую традицию [2].

Идея эта была присуща Лебедеву, но он не развивал ее далее, что объясняется как тем, что внимание его было поглощено практическим овладением индийскими языками, так и тем, что для теоретического изучения языков и тем более в сравнительно-историческом плане нужна была профессиональная подготовка. При всем том следует поставить в несомненную большую заслугу Лебедеву то, что он в своей работе — первой оригинальной индоведческой работе в России — выдвинул как одну из главных причин для изучения Индии — родство санскрита с некоторыми восточными и европейскими языками. Известно, что в последующий период санскритология заняла в русской индологии столь значительное место, что отодвинула, а по сути дела чуть ли не вытеснила совсем изучение современных индийских языков, зачинателем изучения которых в России был Г. С. Лебедев.

Научные интересы Г. С. Лебедева лежали главным образом в области языкознания, но в то же время его привлекали история, литература, астрономия, религия и обычаи индийцев. В своих двух основных работах Лебедев касался этих вопросов.

[1] Цит. по кн. «Asiatic Jones, the Life and Influence of Sir William Jones (1746—1794) Pioneer of Indian Studies. By A. J. Arberry, Litt. D.», London, 1946, p. 22, см. также С. К. Булич. Указ. соч., стр. 1.

[2] Об этой традиции см. А. П. Баранников. Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции. «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 44—61.

В 1801 г он напечатал в Лондоне грамматику языка хиндустани [1]. Об издании этого своего труда Лебедев говорил следующее: «...Издал я в Лондоне 1801 года собственным моим рачением и иждивением, собранную индийских смешанных диалектов народную грамматику, каковой Европа еще никогда не имела; в чем оправдать меня могут все знающие оных диалектов свойство беспристрастные испытатели. . .» [2].

Работа Г. С. Лебедева интересна для нас, как первое сочинение русского автора по индийской филологии, основанное на самостоятельном изучении им новоиндийских языков.

В основу написания этой грамматики легли лингвистические материалы, собранные Лебедевым в результате самостоятельного изучения им новоиндийских языков. Общелингвистическая подготовка индийских учителей Лебедева была недостаточна, собственные его познания и теоретическая подготовка также в целом не подымались выше уровня знаний его предшественников в области изучения новоиндийских языков. Понятно поэтому, что, хотя Лебедев и смог в ряде случаев указать на ошибки в тех работах английских авторов, которыми он пользовался, он сам допустил ряд неточностей. Грамматика Лебедева давно утратила значение как практическое пособие, но она представляет несомненный интерес для истории науки, для истории языка, как первый опыт составления грамматик новоиндийских языков в России. Здесь кстати будет отметить неточность, допущенную академиком В. В. Бартольдом, который ошибочно считал, что Лебедев написал грамматику санскритского языка. На самом деле книга Лебедева представляет собой грамматику калькуттской модификации хиндустани, в основе этой книги лежит калькуттский говор хиндустани с весьма заметным влиянием бенгальского языка.

Грамматика Лебедева была в числе первого десятка работ подобного рода, появившихся в то время в Европе, и находилась

---

[1] «Grammar of the pure and mixed East Indian dialects, with dialogues affixed spoken in all the eastern countries, Methodically aranged at Calcutta, according to the Brahmenian System, of the Shamscrit language. Comprehending literal explanations of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the Mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans: together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several speciments of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches... By Herasim Lebedeff». London: Printed by J. Skirven, Ratcliff-Highway; for, and sold by the author, № 3, Warwick-place, Bedford-row; and by Mr. Deberett, bookseller. Picadilly, 1801.

[2] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. X.

на уровне тогдашних лингвистических знаний. Естественно, что Лебедев, обладая незаурядными способностями, смог в совершенстве практически овладеть языком, но недостаток общей подготовки затруднил ему теоретическое изучение языков. Это обстоятельство отразилось на его собственных разысканиях в области индийского языкознания. Однако нельзя не отметить, что Лебедев в этой своей книге, как, впрочем, и в другой, сделал попытку критически разобраться в работах своих предшественников и современников. Работа Лебедева построена не только на лингвистических сведениях, полученных им в результате непосредственного общения с носителями определенной языковой культуры, но и на материалах работ некоторых английских ученых, в частности Дж. Хэдли и Фюргюссона. В названной грамматике Лебедева, наряду с позитивным изложением предмета, мы встречаем ряд критических замечаний в основном по грамматике Дж. Хэдли, который, как и Лебедев, занимался калькуттским говором хиндустани.

Как указывалось выше, во время своих занятий языками Лебедев пользовался работами английских авторов, которые, однако, как он говорил, оказали ему очень мало помощи. Более того, ни в одной из них нельзя было найти «правильной системы санскритской азбуки или грамматики смешанных диалектов, из которых мы могли бы получить сколько-нибудь сносное знание восточных языков».

Лебедев указывал, что из-за многочисленных ошибок, допущенных его предшественниками, их труды «до сих пор доставляли исследователям индийской литературы более затруднений, чем точных сведений».

Он отмечал, в частности, что в своей транскрипции, написании индийских слов придерживается индийского произношения и что в работах европейских авторов, исходящих из иного принципа, нередко искажается подлинный смысл многих слов.

В предисловии к книге «Беспристрастное созерцание» Лебедев говорит: «Все индийские в сей книге речения писал я не европейскому, а индийскому последуя произношению; за небрежением которого во многих Европейских изданиях самых священных древностей, настоящий смысл коренных языка сего речений так утерян, что собственного их знаменования, с великою трудностию доискаться должно» [1]. Лебедев дал критическую оценку работ Фюргюссона, Хэдли и Вильяма Джонса.

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. IX.

Лебедев показал, например, что Джонс исказил санскритские тексты в результате ошибочной транскрипции, принятой им. Лебедев, как и Джонс, признавал непригодность тогдашней английской транскрипции для правильной передачи звуков индийских языков. Он считал, что для этого более подходит русская азбука, русский алфавит. Владея в совершенстве бенгальским языком, Лебедев в своей критике Джонса исходил из бенгальского произношения.

Но основная заслуга Лебедева перед русской наукой заключалась в том, что он первый включил Индию в круг научных интересов ученых нашей страны.

Находясь в Лондоне, Лебедев намеревался издать не только упомянутую грамматику, но и книгу «Беспристрастное созерцание». Английские издатели обещали ему посодействовать в издании этой книги, но ничего не сделали, и книга появилась уже в России [1].

В 1802 г. Лебедев возвратился на родину. Здесь на средства, полученные из казны, он организовал типографию, в которой, впервые в Европе, был отлит подвижной бенгальский шрифт, использованный в изданной им в 1805 г. книге «Беспристрастное созерцание». В этом отношении Лебедев опередил на несколько лет англичанина Чарлза Вилкинса (1749—1836), который применил отлитый им шрифт деванагари только в 1808 г. при издании своей грамматики санскритского языка [2].

По замыслу Лебедева в типографии должны были печататься различные работы, по которым русское общество знакомилось бы с Индией. Этой цели и служила названная нами работа Лебедева. В ней он дал обзор религиозных учений индусов, привел сведения об индийском календаре, об индийской торговле, о некоторых обычаях индийцев и др.

Книга эта интересна как первая работа русского автора, самостоятельно изучавшего Индию. Она была вполне на уровне тогдашней науки и в то же время выгодно отличалась от работ ряда известных английских авторов своим беспристрастием и сочувствием к Индии и индийцам.

Книга «Беспристрастное созерцание» состоит из трех частей. В части первой семь глав: 1) о сотворении мира сего, 2) о святой единосущной и нераздельной Троице, 3) об Ангелах индийцами распознаваемых, 4) о светилах небесных, первоначального Лунного века, 5) о сотворении всей земной твари,

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. X.

[2] С. К. Булич. Указ. соч., стр. 622—623.

БЕЗПРИСТРАСТНОЕ СОЗЕРЦАНІЕ

СИСТЕМЪ

ВОСТОЧНОЙ ИНДІИ

БРАМГЕНОВЪ

Священныхъ обрядовъ ихъ

и

народныхъ обычаевъ,

ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ МОНАРХУ

Посвященное.

по Высочайшей волѣ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

напечатано

въ Санктпетербургѣ.

Въ типографіи Герасима Лѣбедева.

1805 года.

Титульный лист книги Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание. . .»

6) о начальном счислении времени у Индийцев, 7) о четырех индийских веках.

Во второй части книги пять глав: 1) о разделении царств природы, 2) о разделении света сего на планеты и градусы, 3) о светилах небесных первоначального солнечного века, 4) о месяцах и знаках к оным принадлежащим, о шести разных временах годичных, 5) о ключе и расположении табелей в Индийском календаре.

Часть третья включает в себя семь глав: 1) о священных Брамгенских обрядах и пяти разных помазаниях младенцев, 2) о храмах и украшениях к оным принадлежащих, 3) о главных праздниках Индийских, и чудесно страдательных торжествах их, 4) о разности чинов и званий Индийского народа, 5) о народных обычаях индийцев, 6) о изобилиях восточной Индии, 7) о торговле Индийской.

«Беспристрастное созерцание» является первой оригинальной работой на эту тему на русском языке. Как видно из приведенного выше содержания книги, не все в равной мере сохранило интерес до наших дней. Однако некоторые разделы этого политико-географического сочинения XVIII в. представляют несомненный интерес и до сих пор. Некоторые положения этой книги заслуживают быть упомянутыми, так как они интересны как свидетельства очевидца. Так, например, в качестве источника из первых рук могут служить данные Г. С. Лебедева о торговле. «Индийская торговля, — писал Лебедев, — по своему пространству почитаться может всегда материю всеобщей Коммерции.

«Она состоит в отпуске собственных индийских товаров и продуктов в разные страны света, и в получении взаимно от разных наций в оную привозимых товаров.

«Народы составляющие Индийскую торговлю суть следующие:

«1-е. Англичане, которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии. Они привозят в Индию по большей части из России получаемые товары, по мнению их грубые, как рушен бер, то есть, русские медведи; коим наименованием подобно как и Французов честят френч док: то есть французская собака: так равно как не. просвещенных, снисходительно величают и Россиян» [1]. В числе товаров, ввозимых англичанами в Индию, Лебедев называет мачтовый лес, доски, пеньку, лен, парусное полотно, юфть, деготь, сало, железо полосное и дельное, сталь, гвозди, икру, клюкву и бруснику [2]. Англичане при-

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 171.
[2] Там же.

возят в Индию, как отмечает Лебедев, «...и собственные свои произведения, как то галантерейные разных металов вещи, сукна шелковые и бумажные материи, башмаки, сапоги, разные свиные окорока; сыры, и приготовленные соусы; разной портер и полпиво, красные и белые виноградные вина, арак, ром, французскую водку, прянишные душистые орехи именуемые каровей, рыбу сальмон, и разные другии товары»[1].

Французский экспорт в Индию, согласно Лебедеву, состоял из различных виноградных вин, водки, ликера, изюма, чернослива, шелковых тканей, вермишели и макарон[2].

Португальцы ввозили вина, съестные припасы и другие товары[3], а голландцы — писчую бумагу, фаянсовую посуду, гладкие и фигурные курительные трубки, сельдь, сыры, голландский джин, копченые окорока и колбасы, батавский арак, ром, нитки и веревки[4].

Датчане привозили в Индию «...красное вино, пиво, разные водки, сыр, сельди, русскую паесную икру, клюкву и бруснику, парусину и веревки, смолу и деготь, и пр.»[5]

«Шведы ближайшие наши соседы, — отмечал Лебедев, — привозят железо полосное и в деле, медь, ружья, замки, железную разную рухлядь и разные собственные и Российские товары. Американцы привозят как свои так и чужестранные произрастания и произведения»[6].

Лебедев описывал также порядок торговли западноевропейских купцов в Индии. Привозимые товары выгружались в специальные амбары и магазины, построенные в опорных пунктах европейцев в Индии. Затем их продавали с публичного торга. Не проданные с торгов товары передавались на комиссию, причем поставщики получали от комиссионеров вознаграждение деньгами или индийскими товарами, которые вывозились в Китай, Африку, Америку, Испанию, Португалию и другие страны. В качестве комиссионеров выступали европейцы, армяне, а также индийцы.

Лебедев отмечал также, что конъюнктура цен в области торговли подвержена значительным колебаниям, что при притоке товаров нередко представлялась возможность приобрести их по дешевым ценам. Раздел о торговле Лебедев заканчивал следующими словами: «Из чего нетрудно усмотреть можете

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . ., стр. 171.
[2] Там же, стр. 172.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

любезные соотчичи, колиних мы лишаемся выгод, чрез сии столь многими оборотами, доставляемые нам иностранцами нужные потребности» [1].

Судя по всему, Лебедев был сторонником установления прямого контакта с Индией, установления непосредственных торговых связей с этой страной. Действительно, краткое описание им торговли западноевропейских государств с Индией показывает, что Россия теряла на том, что ее товары попадали в Индию кружным путем, в результате перепродажи этих товаров западноевропейскими торговыми компаниями. Кроме того, посредничество этих компаний вело к тому, что ввоз необходимых России товаров из Индии был в руках тех же компаний, что удорожало их. О том, что Лебедев проявлял интерес к торговле между Индией и Россией, свидетельствуют также его высказывания в частных письмах.

В книге содержались также сведения о природных богатствах Индии, о растениях и плодах, об изделиях индийского ремесла. Так, например, о Дакке он писал, что она «изобилует всякого сорта лучшими во всей Индии кисеями, называемыми мольмуль или мульмуль, и в множестве другими бумажными разными полотнами, платками и чулками; в коем городе Англинских купцов Таможня, ежегодно собирает пошлин с земных произрастениев и с товаров по крайности два крора рупей, иначе называемых така: которой доход, получается ими там с хлеба, соли, табаку, с листов называемых Битель и орехов Шупари, с разного масла и проч., так же и с привозного из Европы сукна, шелковых и бумажных матерей и проч.» [2].

Исключительный интерес представляют приводимые Лебедевым сведения этнографического характера, сведения о нравах и обычаях индийцев. Конечно, не всегда и не во всем он прав, не всегда приводит достоверные сведения.

В главе «О нравах и обычаях индийцев» Лебедев, как бы подводя итог своим наблюдениям над индийцами, писал: «Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что Индийцы ни мало не похожи на диких, и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожаждующие лютые звери. Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собою надмевающихся нашельцев, которые жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, к нещастию рода человеча, пожирают целые государства» [3].

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . ., стр. 173.
[2] Там же, стр. 166.
[3] Там же, стр. 155.

Говоря о наличии языческих суеверий у индийцев, Лебедев видит причину этого в беспрерывных на их край нападениях, «почти насильно понуждающих забыть и самое человечество» [1].

Однако, как отмечал Лебедев, несмотря на иноземное вмешательство, на насилия над индийцами, они сохраняют лучшие свои качества. Он писал: «При всех однакож чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазнах, удерживают они достойную подражания непреклонность в благочестии» [2].

Лебедев отмечал верность индийцев своему слову, строгое соблюдение клятвы. «Данную присягу, — писал Лебедев, — весьма свято они наблюдают, и лутче избирают лишиться чести, имения и самыя жизни, нежели клявшися или нарушить клятву; что и собственным опытом мне испытать удалось, да еще и над служительским состоянием; ибо когда домоправитель мой ширкар, потребован был по жалобе садовника моего: к Гражданскому суду, яко бы не уплатил он принадлежащих истцу сему четырех (рублей) рупей, которые действительно были заплачены и в книгу мною самим записаны; то он лутче соглашался вторично их заплатить, или по строгости коммерческого закона сесть в тюрьму, нежели по принуждению корыстолюбивого судьи омочить руку свою пред ним в воде, принесенной из святой реки их Къанкъи[3]: ибо клятва у них при важнейших случаях, обыкновенно совершается по изречении клятвенной формы, омочением перстов в сей воде» [4].

Лебедев отмечал также, что родители старались дать детям воспитание и образование, «не пропуская ни мало способных к обучению лет, отдают их в учрежденные для сего в некоторых местах в общественные, а больше в вольные училища; каковых не токмо в городах, но и по селам весьма довольно имеется» [5].

Лебедев приводил также данные о том, что в силу кастовой структуры индийского общества воспитание и образование имеют сословно-кастовый характер, порождающий монополию брахманов на знания. «Но как выше мы уже упомянули, — писал Лебедев, — что каждого класса чины не имеют обычая из одного в другой род жизни переходить; то Брамгены и все духовенство стараются научать своих детей глубочайшим познаниям,

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . ., стр. 155.
[2] Там же, стр. 156.
[3] Къанкъи — Ганга.
[4] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . ., стр. 156.
[5] Там же, стр. 157.

как то: закону Божию, Грамматике, Реторике, Философии, Математике, Физике, Астрономии, Астрологии и прочим важнейшим познаниям; и по сему в их роде более ученых, нежели в других классах отыскать можно» [1].

Что касается других кастовых групп, то внутри их также существовал обычай передавать профессиональные навыки и знания своим детям. О кшатриях Лебедев писал: «Чины военные кетри, хотя и различным образом от Европейцев, но по древнему обычаю они приспособляют также своих детей к свойственному им воинскому упражнению» [2].

«А письмоводители Коит приучают детей своих к судебным делам, также и Шодокъар лок [3], то есть купцы, приготовляют детей своих к домашней и взаимной с другими нациями торговле» [4].

О других слоях индийского населения Лебедев писал: «Прочие же промышленники, каждый к своему промыслу и рукоделию заблаговременно приучают, и тем самым подкрепляют непоколебимость своего состояния, от которого получают они самодовольное состояние» [5].

В книге Лебедева содержатся также данные этнографического характера, которые в свое время, несомненно, представляли интерес для современников.

Так, например, он писал: «От кровопролития Индийцы так удалены, что не токмо животных, но и пресмыкающихся и насекомых убивать почитают за грех, чего ради ни когда они не употребляют ни мяс, ни рыбы, а довольствуются токмо земными произрастениями и плодами» [6].

Лебедев перечислял предметы питания индийцев; рис, ям, орехи и т. д., отмечая, что пищу принимали два-три раза в день.

«Но возобладавшие ими Европейцы, стараются противу воли Индийцев; определить их к торговле мясами; и хотя уже составили и самый мяснический цех не из Индийцев однакож, а из магометанцев и париев; дабы тем самым приучить их к единообразному с Европейцами житию; однакож из сего предприятия нередко рождается более огорчений и неустройств, нежели желаемого единообразия» [7].

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . ., стр. 157.
[2] Там же.
[3] Саудагар лог — купцы.
[4] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание. . ., стр. 158
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 159.

Лебедев попытался также разобраться в сословно-кастовой структуре индийского общества, вопросе, который представляет значительные трудности даже для современных ученых, при современном состоянии науки. Попытка эта заслуживает внимания. Так, Лебедев делит все общество на четыре касты, (Чар Чъати), по выражению Лебедева, классы, — брахманов, кшатриев, вайшиев, райатов.

Судя по этому перечислению каст, Лебедев имел относительно правильное представление о кастовой структуре индуизма, хотя и не смог до конца разобраться в этом весьма сложном вопросе. Он, собственно, и не ставил перед собой задачи выяснить происхождение касты. На этот счет в его книге мы находим только одно замечание — о происхождении париев — неприкасаемых. Он считал, что неприкасаемые не представляли какой-либо нации, а что они своим происхождением обязаны завоеваниям, а также пополнялись пленниками или изгнанниками [1].

Описывая касты, Лебедев подчеркивал кастовую замкнутость ремесла, наследственность различного рода занятий в определенной касте, невозможность изменить кастовую принадлежность. Таким образом, отвлекаясь от терминологии, применяемой Лебедевым (классы, знания, чины, цехи), можно утверждать, что он весьма близко подошел к правильному представлению о касте.

Значительное место в работе Лебедева отведено описанию обрядов культа индуизма, религиозных праздников, обрядов инициации.

Он отметил также наличие ранних, детских браков, причем подчеркнул, что обычая этого строго придерживаются только в двух высших классах (кастах).

В книге Лебедева содержатся очень интересные данные о хозяйничании англичан в отдельных провинциях Индии. Так, например, он писал, что с Бенгальской провинции и Бихара англичане собирали ежегодно одиннадцать кроров и рупий, что составляло 13 750 тыс. фунтов стерлингов, «но что они получают с них ныне, — писал Лебедев, — то известно остается одним только их министрам» [2].

В книге Лебедева имеются также очень интересные бытовые наблюдения.

В высшей степени любопытно описание высших слоев индийского общества.

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 154—155.
[2] Там же, стр. 166.

«Сластолюбивые и пышные вельможи их, редко ходят пешие; а большею частию носят их в паланкинах, устроенных двояко, или на подобие коретных ящиков, или на подобие кроватей, укрепленных на шестах легкого, но весьма крепкого дерева Бамбу: носильщики их, именуемые Бира, заменяют место наших извощиков и лошадей, силою и проворством бега; они ходят также нагие, с одними только как выше сказано обвязками.

«У тех же самых Вельможей, когда они покоятся дома, есть обычай заставлять тех же носильщиков, обмахивать себя большим махалом называемым Панка, как для охлаждения их от жары, так и для от гнания насекомых, и все тело слегка разминать. Те же самые слуги, и не один раз в день, омывают им ноги...» [1].

В своей книге Лебедев отметил пагубное влияние западноевропейских колонизаторов на индийский народ.

Так, он писал о спаивании матросов, в частности индийских, с целью заключения с ними невыгодных сделок: «Европейцы, когда хотят иметь на кораблях своих Индийских Ласкаров, то приказывают они своим посредникам, угощать их сим обыкновенным напитком при курении табака; и чрез сие самое, зделавши их гораздо веселее обыкновеннова и решительнее, часто соглашают на предложения для них не выгодные; от которых после договору весьма трудно им отказаться, а на и паче, ежели в то время успеют сии посредники Европейцев, вручить им лукаво введенной задаток» [2].

Отмечая прочность брачных союзов и супружескую верность индийцев, Лебедев вместе с тем подчеркивал развращающее влияние иностранцев.

Во многом усматривал Лебедев пагубное влияние западноевропейцев. Он писал: «Чужова похищать (исключая учеников) они не расположены, и завидовать никакой нации не имеют нужды. Однако ж, примером обращающихся с ними чужестранцев, под видом нашего хлеба, соли и фруктов, а Индийского Чаля, нимок и попельмосов, умеют и подборными ключами отворить сердце, и золотым дождем орошать набожные души притворных политиков» [3].

Заслуги Лебедева в области языкознания, в области изучения живых индийских языков, а также в изучении санскрита неоспоримы. Он является у нас основоположником

---

[1] Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 160.
[2] Там же, стр. 161.
[3] Там же, стр. 163.

изучения новоиндийских языков. Более того — он своим интересом к истории и культуре Индии, к ее действительности наметил правильную линию, по которой должно было развиваться русское индоведение. Однако вплоть до Октябрьской революции в русском индоведении все же господствовало увлечение санскритологией, которая оттесняла на второй план изучение живых индийских языков и истории Индии. Индоведческая традиция Лебедева возродилась у нас после Великой Октябрьской революции, когда на основе марксистско-ленинской методологии получила принципиально новое развитие вся востоковедческая наука, установившая неразрывную действенную связь с жизнью современного Востока.

Г. Ф. ШАМОВ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. М. КОВАЛЕВСКОГО В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Казанский университет в первой половине XIX в. был одним из основных центров изучения Востока и преподавания восточных языков в России. Революционер-демократ А. И. Герцен, проезжавший в 1835 г. через Казань, писал, что в Казанском университете «преподаются в обширном объеме восточные литературы, и преподаются часто азиатцами; в его музеумах больше одежд, рукописей, монет *китайских*, *маньчжурских*, *тибетских*, нежели *европейских*. Удивитесь ли вы после этого, встретив в рядах его студентов — *бурят*?» [1]

Казань в начале XIX в. была крупнейшим в Поволжье торговым, административным и культурным центром. Казанский университет являлся единственным высшим учебным заведением на громадном пространстве от Москвы до Тихого океана.

Плодотворное изучение Востока началось в Казанском университете с первого дня его основания — 1804 г. Положение города на границе с Азией, тесные торговые связи казанского купечества с Ираном, Турцией, Средней Азией, Монголией и Китаем, наличие в городе многих представителей народов Востока, составлявших четвертую часть его населения, благоприятствовали этому. Казанский университет имел самую мощную на востоке России типографию, которая печатала литературу на татарском, турецком, арабском, персидском, монгольском и даже санскритском языках. Университетская типография имела также тибетский шрифт, отлитый в С.-Петербурге.

Однако царское правительство стремилось использовать университет только для подготовки переводчиков и миссио-

---

[1] А. И. Герцен. Письмо из провинции. Собр. соч., т. I, 1954, стр. 132.

неров. Особенно в этом отношении характерно попечительство реакционера Магницкого (1819—1826), который, как известно, вообще предложил «публично разрушить» Казанский университет, а библиотеки университета и гимназии — сжечь. В инструкции, составленной для университета, он требовал перестройки преподавания всех наук на библейско-мистический лад. Например, профессор физики обязан был «во все продолжение курса своего указывать на премудрость божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания окружающих нас чудес» [1].

Преподавателям восточных языков Магницкий запретил изучать ислам и заниматься переводами с мусульманских языков. Он даже пытался запретить печатание в университетской типографии «Истории о монголах и татарах» Абулгази Багадур-хана, подготовленную к печати на татарском языке академиком Френом и лектором Казанского университета Хальфиным, на том основании, «что в ней искажены восточным фанатизмом многие важнейшие истины, заимствованные из книги «Бытия», что в ней распространение исламизма приписывается даже патриарху Ною, что... она принадлежит не столько к книгам историческим, сколько к тем, кои косвенным образом нападают на библию» [2]. Николай I, жестоко расправившись с декабристами, в 1826 г. ввел новый цензурный устав, получивший прозвище «чугунного», а в 1835 г. ликвидировал автономию университетов. Полицейским террором и «чугунными» уставами царизм стремился ликвидировать в России все новое, передовое, прогрессивное.

Но кризис феодально-крепостнической системы нарастал, революционное движение в стране продолжало развиваться. На смену декабристам приходят революционеры-демократы. В науке зарождается и пробивает себе дорогу материализм, еще шире развивается русская национальная культура, пробуждается интерес к своей стране, растет патриотизм. Одновременно русская передовая общественность проявляет все больший интерес к Востоку. Этому способствовали также русско-турецкие и русско-иранские войны, приведшие к освобождению от ига турецких и иранских феодалов ряда народов

---

[1] Н. П. Загоскин. Из времен Магницкого. Казань, 1894, стр. 7.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 1418, л. 5. Магницкий не посчитался даже с тем, что «История о монголах и татарах» Абулгази печаталась по распоряжению и на средства государственного канцлера Н. П. Румянцева. Лишь после энергичного вмешательства Академии наук он дал согласие на ее печатание в университетской типографии. В 1826 г. книга вышла из печати в количестве 1028 экземпляров (там же, л. 10).

Балканского полуострова и Закавказья, и освоение русскими просторов Сибири, установление ими тесных экономических и культурных связей с народами Центральной Азии и Дальнего Востока.

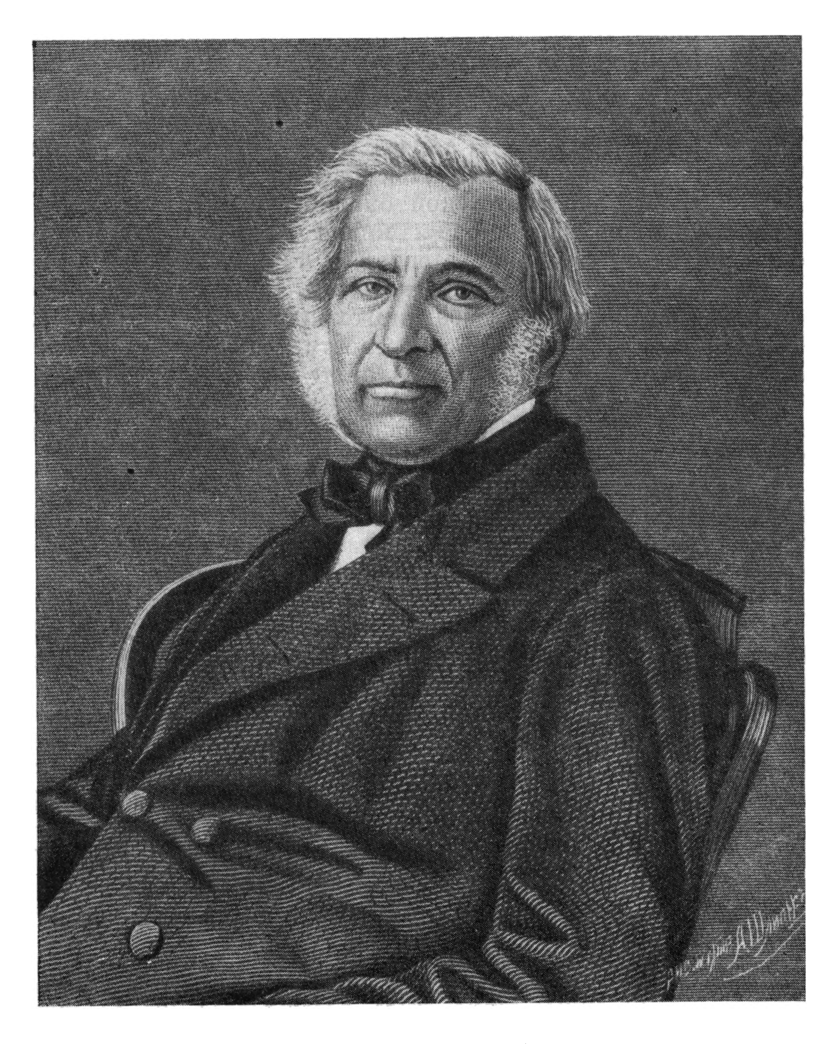
В стенах Казанского университета тоже проходила большая идейная борьба между прогрессивной и реакционной профессурой, передовое студенчество создавало кружки, интересовалось социализмом, принимало участие в революционном движении крестьян Поволжья. Сделать университет рассадником мракобесия и миссионерства царизму не удалось. В этом большая заслуга принадлежит гениальному русскому математику, материалисту и патриоту Н. И. Лобачевскому, который с 1827 по 1846 г. бессменно занимал пост ректора университета. Н. И. Лобачевский стремился превратить Казанский университет в подлинный храм науки, а из студентов воспитать патриотов и атеистов. «Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения, — говорил Н. И. Лобачевский в актовой речи на собрании студентов и профессоров университета 5 июля 1828 года. — Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что известно одним праздным умам...» [1].

Н. И. Лобачевский стремился укрепить все кафедры университета, поставив во главе их людей, способных обеспечить развитие русской науки. Именно ему русские востоковеды обязаны созданием в Казанском университете при философском факультете восточного разряда, состоящего из арабо-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, армянской и санскритской кафедр. Предполагалось также открытие кафедр тибетского, маньчжурского и еврейского языков. Возглавлялись эти кафедры крупнейшими учеными-востоковедами и передовыми людьми России. Достаточно отметить, например, что кафедру санскрита возглавлял один из первых русских индианистов, лучший в Европе знаток санскритского языка, друг В. Г. Белинского и активный член «Литературного общества 11-го нумера», созданного В. Г. Белинским в Московском университете, П. Я. Петров.

На средства Казанского университета и по инициативе Н. И. Лобачевского были организованы научные командировки молодых ориенталистов в Монголию (О. Ковалевский, А. Попов), Китай (О. Ковалевский, В. Васильев), Иран, Египет,

---

[1] Н. И. Лобачевский. Речь о важнейших предметах воспитания. «Казанский Вестник», XXXV, 1832, август, стр. 590.

О. М. Ковалевский

Турцию (И. Березин, В. Диттель). Естествоиспытатели изучали Алтай, Среднюю Азию, низовье Волги, Каспийские берега, собирая одновременно этнографический и филологический материал. В Средней Азии, Бурят-Монголии, Иране, Турции и даже Индии Казанский университет имел корреспондентов, которые снабжали его научной информацией и приобретали для университетской библиотеки восточные рукописи и книги. В июне 1827 г. Совет университета избрал корреспондентом университета, несмотря на то, что это не было предусмотрено уставом, Мухаммеда Халил Ибн Гафран Аллу из Пешавара в Индии [1]. В университетской библиотеке оказались собранными редчайшие рукописи и книги Востока. «Библиотека может похвалиться приобретением и таких истинно редких произведений и собраний, которым, по справедливости, могло бы позавидовать любое книгохранилище в Европе» [2], — писал профессор русской словесности, впоследствии ректор Харьковского университета, К. Фойгт. Казанский университет имел также богатейшие нумизматические и этнографические коллекции, собранные в основном собственными научными силами [3].

Профессора и преподаватели Казанского университета, занимавшиеся изучением зарубежного Востока и восточных окраин России, неоднократно пытались создать при университете специальный научный центр для подготовки высококвалифицированных специалистов в области восточных языков и всестороннего изучения стран Востока. Так, в октябре 1826 г. Совет университета рассмотрел и одобрил предложение об основании при Казанском университете Института восточных языков, состоящего из трех разрядов: низшего, среднего и высшего. Последний разряд предполагалось создать «для образования профессоров» [4]. В 1834 г. казанские филологи, историки и статистики обратились с ходатайством к министру народного просвещения об изменении направления деятельности «Общества любителей отечественной словесности». Они предложили переименовать его в «Общество филолого-историческое», главным занятием которого было бы «издание историче-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 4527, л. 1.

[2] К. Фойгт. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете. Казань, 1852, стр. 57. Азиатский отдел библиотеки университета был передан С.-Петербургскому университету в 1854 г.

[3] См. Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин, П. В. Юсупов. Этнографический музей Казанского государственного университета. «Советская этнография», 1948, I.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 4159, л. 1.

ских и статистических сведений, в особенности относящихся до восточного края России, также составление словарей для языков народов, населяющих тот край» [1].

Наконец, в 1841 г. профессора и преподаватели восточного разряда разработали проект устава Азиатского института. «Распространение и размен познаний о Востоке... составляет ученое значение Азиатского института», — подчеркивалось в проекте устава. Предполагалось, что институт будет иметь свой журнал, в котором «должны быть помещены, вполне или в сокращениях, замечательные действия института, протоколы заседаний, ученая переписка Совета или членов его, статьи критические, розыскания лингвистические, исторические и географические о Востоке, извлечения из больших сочинений, переводы из неизвестных доселе восточных рукописей или редких творений и т. п.». В устав был включен пункт, разрешающий институту «право свободно и беспошлинно выписывать из-за границы всякого рода учебные пособия, книги, повременные издания и рукописи». Далее говорилось, что «кипы и ящики с сими вещами, адресованные в институт, в пограничных таможнях не вскрываются и не подлежат рассмотрению комитета цензуры иностранной. . .» [2]. Но все эти проекты и предложения казанских востоковедов, направленные на развитие в России ориенталистики и укрепление научных и культурных связей России с Востоком, отклонялись царскими чиновниками или просто оставались без ответа, как это, например, произошло с проектом устава Азиатского института.

Востоковедение в Казанском университете, как и в России в целом, развивалось под влиянием передовой демократической и революционно-демократической русской мысли. Казанские востоковеды с глубоким уважением относились к народам Востока, их культуре, истории, национальным традициям, писали о тяжелом положении народных масс и их политическом бесправии, выступали против включения Индии и Китая в «неисторические» страны и создали ряд ценных работ по филологии, истории и географии стран Востока. Но иногда в литературе можно встретить утверждение, что казанские востоковеды были лишь филологами. Против этого возражали сами казанские ориенталисты. Язык был для них лишь средством глубокого и всестороннего изучения жизни и истории народов Востока. Известный монголовед А. В. Попов, побывавший в Забайкалье и Монголии, писал: «Чтобы ближе озна-

---

[1] ЖМНП, 1825, VI, стр. XXXV.
[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5170, лл. 23—48.

комиться с народом, надобно знать язык его. Простые исследования о происхождении и распространении народов и языков их, основанные большею частью на догадках или на аналогических выводах без помощи языковедения, не должны иметь места в истории»[1].

Ведущей кафедрой восточного разряда была монгольская, учрежденная в июле 1833 г. Это была первая и долгое время единственная кафедра монгольской словесности в Европе. Бессменным руководителем кафедры (до перевода в 1854 г. восточного разряда в С.-Петербургский университет) был Осип Михайлович Ковалевский, которого «следует считать основоположником научного русского монголоведения» [2].

Это признается всеми, но, к сожалению, научная деятельность О. М. Ковалевского и его роль в создании русского монголоведения еще не освещены в нашей литературе. Востоковеды, говоря о возникновении русского научного монголоведения, лишь ограничиваются упоминанием имени О. М. Ковалевского или, в лучшем случае, краткой характеристикой его трудов.

Известно, что академик Б. Я. Владимирцов высоко оценивал труды О. М. Ковалевского и предполагал даже написать специальную монографию о знаменитом монголисте. К сожалению, ранняя смерть выдающегося советского монголоведа помешала ему выполнить это намерение [3].

Большой интерес к О. М. Ковалевскому проявляет польская общественность. В 1948 г. Вроцлавское научное общество издало книгу известного монголоведа В. Котвича «Востоковед Юзеф Ковалевский»[4]. Это первая работа монографического характера о жизни и научной деятельности О. Ковалевского. В монографии собран большой фактический материал, имевшийся в Польше, вскрыты связи О. М. Ковалевского с польскими революционерами и демократами, описано его путешествие в Монголию и Китай, но труд В. Котвича носит биографический характер и в нем не использован материал, имеющийся в Казани и освещающий роль О. М. Ковалевского в создании научного монголоведения в России.

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4195, л. 5.

[2] Н. П. Шастина. История изучения Монгольской Народной Республики. «Монгольская Народная Республика». М., 1952, стр. 21.

[3] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. VI.

[4] W. Kotwicz. Józef Kowalewski orientalista (1801—1878), Wrocław, 1948.

В 1952 г. в польских научно-популярных журналах «Проблемы» и «Знания и жизнь» были помещены две небольшие статьи о Ковалевском (В. Завадского «О. Ковалевский — знаменитый польский ориенталист»[1] и Л. Жицкого «Польский Будда»[2]), носящие также биографический характер. Фактический материал авторами был в основном извлечен из книги В. Котвича.

О. М. Ковалевский тридцать восемь лет прожил в Казани. В ЦГА ТАССР сохранилась часть его рукописного наследства («Дневник путешествия в Монголию и Китай за 1830—1831 годы», «Дневник занятий за 1832 год», письма из Иркутска, Бурятии, Монголии и Китая), а в научной библиотеке Казанского университета имени Н. И. Лобачевского имеются книжки «Казанского Вестника», ставшие библиографической редкостью, в которых были напечатаны забайкальские письма Ковалевского. Некоторый материал о Ковалевском имеется в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР и в Архиве АН СССР. Этот материал, а также официальная переписка между попечителем Казанского учебного округа и министерством народного просвещения относительно открытия в Казанском университете монгольской кафедры и служебной деятельности О. М. Ковалевского дают возможность несколько восполнить пробел, имеющийся в литературе, о научной деятельности основателя научного монголоведения в России. Для написания данной статьи была также использована вышеотмеченная литература, изданная в Польской Народной Республике.

Осип Михайлович Ковалевский родился 28 декабря 1800 г. по старому стилю, или 9 января 1801 г. по новому, в деревне Большие Бржоставицы Гродненского уезда, в семье униатского сельского священника[3]. В 1809 г. его отдали в гимназию в Свислочи, которая находилась в ведении Виленского университета. «Состав преподавателей был очень хороший, — отмечает В. Завадский, — и уровень преподавания довольно высокий»[4]. Окончив гимназию, О. М. Ковалевский в 1817 г. поступает в Виленский университет, в котором в это время преподавали многие крупные профессора, известные своими передовыми взглядами: Иоахим Лелевель, братья Енджей и Ян Снядецкие, Гродек и др.

---

[1] W. Zawadzki. Józef Kowalewski, znakomity polski orientalista. «Problemy», 1952, № 2 (71).

[2] L. Zycki. Polski Budda, «Wiedza i Zycie», 1952, № 11953.

[3] W. Kotwicz. Op. cit., str. 17. Примечание 1.

[4] «Problemy», 1952, № 2 (71), str. 137.

Особенно большое влияние на виленских студентов оказывал глава польской буржуазно-демократической исторической школы И. Лелевель (1786—1861), занимавшийся историей польского народа. В своих лекциях и трудах он останавливался главным образом на социально-экономических отношениях. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали исторические работы И. Лелевеля: «Своими тщательными исследованиями экономических условий, превративших польских крестьян из свободных в крепостных, старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения порабощения своей родины, нежели целая толпа писателей, у которых весь багаж сводится просто к ругательствам по адресу России» [1].

И. Лелевель принимал активное участие в национально-освободительной борьбе польского народа и был идейным вдохновителем студенческих революционных кружков [2]. О. М. Ковалевский был знаком с Лелевелем, который неоднократно впоследствии интересовался его жизнью и работой [3].

Большой популярностью среди виленской молодежи пользовались также профессора братья Снядецкие, естествоиспытатели и материалисты, внесшие большой вклад в развитие передовой польской науки. Один из них, Енджей Снядецкий, основоположник химических и биологических наук в Польше, принимал участие в общественной жизни, осуждал крепостничество и выступал в защиту крепостных крестьян [4].

В 1817 г. в Виленском университете было создано великим польским поэтом и революционером Адамом Мицкевичем тайное общество — «Общество филоматов» («друзей науки»). Общество не ставило перед собой непосредственных революционных задач, но выступало за национальную независимость Польши. Обсуждая социальные и политические вопросы, общество выступало против феодального строя и социального неравенства. Многие филоматы впоследствии стали членами тайных польских революционных обществ и принимали участие в польском восстании 1831 г. «Общество филоматов» было строго конспиративным, в него принимались только надежные люди. О. М. Ковалевский, принятый в общество одним из первых, был избран секретарем филологического отделения.

В целях распространения среди виленской молодежи идей национально-освободительной борьбы филоматами было создано два филиала — «Общество променистых» («лучистых»)

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 508.
[2] «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 438.
[3] W. Kotwicz. Op. cit., str. 36.
[4] «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 456.

и «Общество филаретов» («друзей добродетели»). Первым руководил Т. Зан, вторым — А. Мицкевич. О. М. Ковалевский стал членом «Общества филаретов». Сохранилась «Песня филаретов», написанная Адамом Мицкевичем, в которой подчеркивалось:

«Сегодня — право силы,
А завтра — сила прав» [1].

В 1820 г. О. М. Ковалевский окончил со званием кандидата философских наук филологическое отделение Виленского университета и был назначен в местную гимназию преподавателем латинского и польского языков. В это время выходят в свет первые научные работы О. М. Ковалевского, посвященные античной литературе. В 1822 г. он напечатал в «Виленском дневнике» исследование о греческом риторе Лонгине, а в 1823 г. издал с грамматическими и мифологическими комментариями шесть книг «Метаморфоз» Овидия, которые были приняты в качестве учебного пособия для учащихся гимназий. Одновременно О. М. Ковалевский стал усиленно заниматься переводом Геродота.

«Общество филаретов» просуществовало до середины 1823 г., когда оно было раскрыто царскими чиновниками. Началась расправа с участниками тайных патриотических обществ. В октябре 1823 г. был арестован О. М. Ковалевский. Через год, в октябре 1824 г., он и ряд других членов общества — Верниковский, Кулаковский, Козловский, Лозинский и Лукашевский были отправлены в Казань, из которых трое — Ковалевский, Верниковский и Кулаковский — должны были поступить в университет для изучения восточных языков [2].

В декабре 1824 г. О. Ковалевский, Я. Верниковский и Ф. Кулаковский прибыли в Казань. Накануне их приезда в университет от тогдашнего попечителя Казанского учебного округа Магницкого, находившегося в Петербурге, пришло предписание установить «строжайший за ними надзор», так как виленцы «обнаружили весьма предосудительный образ мыслей и имели вредное влияние на прочих своих товарищей» [3]. Они были поселены на квартире инспектора студентов, которому и был поручен особый надзор за ними.

Из восточных языков в Казанском университете в это время преподавались арабский, персидский и татарский. Лектором

---

[1] А. Мицкевич. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 89.
[2] W. Kotwicz. Op. cit., str. 34.
[3] Н. П. Загоскин. История Казанского университета, т. IV. Казань, 1906, стр. 376—377.
[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5898, л. 1.

татарского языка был И. Хальфин, один из первых татарских ученых, составивший в 1809 г. «Азбуку и грамматику татарского языка с правилами арабского чтения».

Преподавателем персидского и арабского языков — Ф. Эрдман, которого академик Френ, основоположник русской арабистики, называл «архибездарною личностью» [1]. Свои сухие и бездарные лекции Эрдман читал только на немецком и латинском языках. Студенты их не посещали. Русского языка Эрдман долгое время изучать не желал. В декабре 1822 г. ректор сообщил Совету университета, что на кафедре восточных языков у проф. Эрдмана не осталось ни одного студента. При выяснении причин решили, что виновны в этом студенты, из которых «никто столько не приготовлен, чтобы мог слушать преподавание проф. Эрдмана» [2]. Об этом было доведено до сведения попечителя и правительства.

В связи с этим и были отправлены в Казань для изучения восточных языков, как хорошо владеющие латынью, О. М. Ковалевский, И. Верниковский и Ф. Кулаковский. Но О. М. Ковалевский также не желал слушать лекции Эрдмана. Он просил царское правительство, чтобы ему разрешили заняться учительством, но ответа на свое прошение не получил. Пришлось поневоле заняться изучением восточных языков.

О. М. Ковалевский решил прежде всего изучить татарский язык и уже через три года, усердно занимаясь в университете, свободно владел этим языком. Он стал даже составлять русско-татарский словарь, получивший высокую оценку И. Хальфина.

Одновременно О. М. Ковалевский занялся изучением истории местного края. Вместе с Ф. Кулаковским, молодым поэтом, он побывал в древних Булгарах; собирал татарские летописи и предания, а затем начал писать историю Казанского ханства. Вот что он рассказывал в 1835 г. об этой работе:

«...Еще перед отъездом в бурятские степи история Казанского ханства являлась целью моей работы в Казани. Собирание известий из русских хроник, отрывочных татарских заметок, местных преданий, путешествие к разным местам в пределах сегодняшней Казанской губернии, известных древними памятниками, изучение рукописей, покрытых пылью, скрывающихся в разных библиотеках и архивах, и корреспонденция

[1] Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. «Труды III международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге», т. I. СПб, 1879, стр. 223.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 2566, л. 2.

стоили немало труда. Отсюда выросла довольно большая книжка, до сих пор лежащая в рукописи, которая ожидает момента для выхода в свет» [1].

В. Котвич сообщает, что в библиотеке Виленского университета имеется большая рукопись по истории Казани, написанная на польском языке, которая, видимо, и является историей Казанского ханства О. М. Ковалевского [2]. Одновременно он продолжал работать над античными авторами: заканчивает перевод истории Геродота и жизнеописаний Плутарха, пишет сочинение о стиле Дионисия Галикарнасского [3].

Связи с филоматами и филаретами О. М. Ковалевский не прерывал. Об этом свидетельствует его переписка с А. Мицкевичем, К. Дашкевичем, О. Петрашкевичем, Ф. Малевским и другими, находящимися в Москве.

В письмах из Казани О. М. Ковалевский сообщал о жизни поляков, оказавшихся на границе с Азией, рассказывал о своей работе над восточными языками и античными авторами, жаловался на тяжелое настроение и упадок сил. Друзья из Москвы и Петербурга стремились, как могли, помочь О. М. Ковалевскому. Особенно большую моральную поддержку оказал ему А. Мицкевич. Так, в декабре 1826 г. он писал в Казань О. М. Ковалевскому:

«... Не следует падать духом, и ты, мой Юзю, несмотря на то, что в последнем письме было очень много кислого юмора, надеюсь, снова воспрянул духом... Хочу предупредить тебя, чтобы ты слишком много не работал, ибо это может отразиться на здоровье; лучше временами часик трубку покурить, в шахматы поиграть или поболтать. Интересуют меня подробности о твоем татарском словаре. Известен ли тебе старый татарско-русский словарь, кажется, в Казани изданный, который я здесь видел? Грамматику Саси можешь держать сколько угодно; хотя она не моя, но я сумею объясниться перед ее владельцем. Может быть еще пришлю тебе какой-нибудь ориентальный подарок...

«Пиши мне, мой Ходжа Эффенди, как тебе нравятся мои восточные сонеты. Ты должен знать, что я собираюсь на восточ-

[1] W. Kotwicz. Op. cit., str. 38.

[2] Там же, стр. 39.

[3] К сожалению, эти работы О. М. Ковалевского погибли. Уезжая в Иркутск, он передал рукописи Ф. Кулаковскому, который направлялся в Петербург. Но Кулаковский скоропостижно скончался в Петербурге. Полиция описала все его имущество, в том числе и рукописи. Наследников Ф. Кулаковский не имел, поэтому имущество было продано с аукциона, а рукописи пошли на оберточную бумагу («Московские ведомости», 1862, № 230).

ные просторы, читаю историю восточной литературы и даже шесть стихов истории Мирхонда с персидского оригинала уже перевел» [1].

В письме от 9 июня 1827 г. мы читаем: «...Любимый Юзю, ты ничего не писал о своей работе, о Геродоте, об истории Казани; скажи, как там идут дела, мне бы очень не хотелось, чтобы ты, как обыкновенно, замкнулся с книжками...» [2]

Переписка А. Мицкевича с О. Ковалевским свидетельствует о близких, приятельских отношениях, существовавших между ними в тот период.

Из поляков, находящихся в Казани, О. Ковалевский теснее всего был связан с Иваном (Яном) Верниковским (1800—1877), талантливым поэтом, который в августе 1827 г., после окончания университета, был назначен преподавателем арабского и персидского языков в Первую казанскую гимназию. И. Верниковский был не только поэтом, но и ученым, подающим большие надежды. Как видно из письма О. Ковалевского Дашкевичу от 26 ноября 1827 г., И. Верниковский прекрасно овладел арабским языком, успешно работал над сокращенной арабской грамматикой «и помышлял о краткой хрестоматии» для учащихся гимназии [3]. В 1830 г. он был приглашен читать лекции в Казанском университете по всеобщей истории и географии. Его лекции пользовались огромной популярностью у студентов, которые сравнивали его с Грановским. Один из его слушателей, Н. И. Мамаев, вспоминал: «Верниковский для Казанского университета был тем же, чем впоследствии Грановский для Московского, т. е. светилом науки, но Верниковский имеет за собой первенство. Он первый указал нам живую связь науки с общим развитием жизни, общественной и политической; приохотил всех нас к изучению истории. Верниковский принадлежал к той плеяде молодых людей, которые были уверены в правоте своего дела и смело и бодро шли вперед...» [4]

Но в 1833 г. И. Верниковский был отстранен от преподавания, а затем арестован по «делу Заблоцкого», студента Московского университета, являвшегося членом «Тайного польского литературного общества», основанного другом В. Г. Белинского, членом кружка «11-го нумера» И. Савиничем. В. Г. Белинский не был членом «Тайного польского литературного

---

[1] «Korespondencya Adama Mickiewicza» t. 1. Paryż, 1874, str. 11—12.
[2] Там же, стр. 24.
[3] W. Kotwicz. Op. cit., str. 186.
[4] Н. И. Мамаев. Записки. «Исторический Вестник», 1901, апрель, стр. 65—66.

общества», но имел тесную связь с Ф. Заблоцким, получая через него информацию о польском освободительном движении [1]. Общество должно было обсуждать вопросы национально-освободительной борьбы и распространять повстанческо-революционную литературу. Так, Ф. Заблоцкий был уличен в распространении песни, в которой говорилось:

«Адом для нас является царский трон,
На нем ныне восседает черт,
Едва ли не заслуживающий виселицы.
Месть, братья, либо смерть!» [2]

И. Верниковский написал для альбома Ф. Заблоцкого стихотворение и встречался с ним летом 1832 г. в Москве. Ф. Заблоцкий познакомил его с Москвой, московскими археологами и литераторами. Суд над Ф. Заблоцким и И. Верниковским происходил в Витебске. В. Г. Белинский и И. Савинич были привлечены к следствию, но за неимением улик не были отданы под суд. И. Верниковский в своих показаниях рисовал Ф. Заблоцкого обаятельным и благородным юношей. «...Признаюсь чистосердечно, — говорил он на суде, — я любил этого человека» [3]. Ф. Заблоцкий был отдан в солдаты и отправлен на Кавказ, где он в 1847 г. умер от холеры, а И. Верниковский был сослан в Вятку. Последние годы своей жизни он провел в Симбирске.

О. Ковалевский не был связан с Ф. Заблоцким, но до конца жизни сохранял дружбу с И. Верниковским.

* * *

После окончания Казанского университета О. М. Ковалевский должен был поступить на службу в иностранную коллегию [4]. Делать из него ученого царское правительство не собиралось, но О. М. Ковалевский оказался в университете в благоприятный для него момент, когда Н. И. Лобачевский начал борьбу за превращение Казанского университета в передовой научный центр.

---

[1] См. В. П. Гурьянов. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета. «Ученые записки МГУ», 1952, вып. 156. М. Поляков. Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», № 56, В. Г. Белинский, II.

[2] М. Поляков. Указ. соч., стр. 373.

[3] Там же, стр. 388.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5898, л. 1.

Предложение об открытии в Казанском университете кафедры монгольского языка принадлежит тогдашнему попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину, который имел в виду лишь торговые и миссионерские потребности русского купечества и царизма. Н. И. Лобачевский горячо поддержал эту мысль и сделал все зависящее от него, чтобы превратить монгольскую кафедру в центр русского монголоведения. Царское правительство предложило выписать преподавателя монгольского языка из-за границы. Эрдман обещал найти в Германии подходящую кандидатуру, но Н. И. Лобачевский предложил сформировать монгольскую кафедру из лучших воспитанников Казанского университета, послав их предварительно в Иркутск, на границу с Монголией, для изучения на месте живого монгольского языка и приобретения необходимой монгольской литературы. План ректора университета был принят. Выбор пал на О. М. Ковалевского и оканчивающего университет студента А. В. Попова, которому было разрешено досрочно сдать выпускные экзамены. Следует отметить, что кандидатуру О. М. Ковалевского предложил сам Н. И. Лобачевский.

Совет университета одобрил план Н. И. Лобачевского командировать О. М. Ковалевского и А. В. Попова на четыре года в Иркутск, к известному знатоку монгольского языка А. В. Игумнову, который уже давно имел связь с Казанским университетом.

На запрос, посланный Н. И. Лобачевским относительно обучения монгольскому языку двух воспитанников университета и путешествия с ними по Забайкальскому краю, А. В. Игумнов немедленно ответил согласием. Одновременно Н. И. Лобачевский потребовал от Отделения словесных наук составления инструкции, которой должны были руководствоваться О. М. Ковалевский и А. В. Попов во время их пребывания в Иркутске и среди бурят-монголов [1].

Инструкция, составленная профессорами Булыгиным [2] и Эрдманом, состояла из двух частей [3]. В первой части давались

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 3.

[2] В. Я. Булыгин — профессор статистики и всеобщей географии. Интересовался народами Сибири и Крайнего Севера. В 1827 г. в «Казанском Вестнике» им была напечатана статья «О Туруханском крае», в которой он, используя имевшуюся литературу, подробно описал хозяйство и быт населения Туруханского края.

[3] В. Котвич в качестве инструкции приводит письмо попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина О. М. Ковалевскому и А. В. Попову, врученное им перед отъездом в Иркутск. Об инструкции, составленной Булыгиным и Эрдманом, как и о последующих, Котвич ничего не сообщает. Вероятно, они не были ему известны.

главным образом наставления общего характера, но подчеркивалось, что «каждый из них должен иметь для себя дневную книжку; не вверяя ничего памяти, он обязан записывать в нее все, что он заметил важного или неважного в продолжение дня...». При этом «весьма немаловажно будет видеть наблюдения их о нравах, обычаях и склонностях монгольских поколений, о естественной истории и физических свойствах земли их... Сии дневные записи должны через каждые полгода отсылаться в университет под казенной печатью. Здесь они, может быть, подадут повод к новым замечаниям насчет некоторых темных мест истории, географии и литературы Востока» [1]. Таким образом, уже в этой инструкции перед О. М. Ковалевским и А. В. Поповым была поставлена задача всестороннего изучения Монголии и бурят-монгольского народа — от языка монгольского до физической географии страны. Во второй части инструкции ставились отдельные вопросы. Например такие: «1) Что должно разуметь под словом солонгос? Так ли, или соллангос должно произносить оное? Действительно ли монголы называют оным жителей Кореи?.. 4) Что значило у прежних монголов выражение Чингис... и что значит оно теперь?.. 5) Что значит слово монгол или монголы; когда началось сие значение, когда вошло оно в употребление... 7) Нет ли у тунгусов собственного национального имени для себя? 8) Происходит ли теперешнее название реки Енисея от Іоандесси, коим обозначались верхние владения тунгусов?» и т. д. При этом авторы инструкции подчеркивали, что «все сии вопросы не должны быть просто разрешены словами: да, нет» [2].

Кроме этого, О. М. Ковалевскому и А. В. Попову были отпущены из хозяйственных сумм университета значительные средства на подарки местному населению, покупку рукописей и книг (монгольских, маньчжурских, китайских, тибетских), образцов одежды народов Востока, предметов домашнего обихода, культа, искусства, ремесла и т. п.

26 мая 1828 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов выехали из Казани в Иркутск. «Я жил в Казани, почти как на родине. Почему и мысль о расставании наводила горечь и какую-то пустоту сердца, — писал О. М. Ковалевский в первом письме с дороги. — Но в то же время, вспомня цель и пользу моего отправления в дальние страны, с радостью оставил я место своего пребывания» [3].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 17.

[2] Там же, л. 19.

[3] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29 (фонд Ковалевского), № 6/664, л. 60. Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа от 16 июня 1828 года.

В Екатеринбурге они познакомились с аптекарем Гельмом, который в 1805 г. в составе российского посольства ездил в Китай. Гельм, знавший монгольский язык, рассказал, что им были составлены грамматика и словарь монгольского языка, но они сгорели в 1812 г. в Москве [1].

В июле 1828 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов прибыли в Иркутск. А. В. Игумнов встретил их очень приветливо. О. М. Ковалевский писал в Казань: «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает» [2]. Выше уже было отмечено, что А. В. Игумнов был в те годы одним из видных знатоков монгольского языка. По роду службы (чиновник канцелярии иркутского генерал-губернатора) ему приходилось много путешествовать. Он три раза, сопровождая Духовные миссии, был в Пекине. А. В. Игумнов одним из первых в России начал собирать монгольские книги и рукописи. Он успешно работал над монгольской грамматикой и монголо-русским словарем. Сибирский монголовед принадлежал к передовой местной интеллигенции. Современники писали, что вокруг А. В. Игумнова группировалась иркутская интеллигенция, осуждавшая деспотизм и произвол в Сибири царских сатрапов, выступавшая в защиту угнетенных нерусских народностей. А. В. Игумнов неоднократно высылался из Иркутска, его письма перлюстрировались, а «некоторые из них удерживались как доказательство «преступных целей сего супротивника, зазнаешки, китайского мандарина» и обличителя темных делишек Пестеля и Трескина» [3]. О. М. Ковалевский всегда с уважением относился к А. В. Игумнову, называя его своим наставником, а себя его учеником [4].

Посланцы Казанского университета, несмотря на огромные препятствия, заключавшиеся в отсутствии учебных пособий, с энтузиазмом принялись за изучение монгольского языка. Главная трудность заключалась в отсутствии словарей. Как сообщал О. М. Ковалевский, А. В. Игумнов давно уже занимался составлением монголо-русского словаря и к моменту их приезда наполовину закончил его, но слова в нем были расположены не по алфавиту, а по родам и видам вещей, поэтому «словарь

---

[1] ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей. Архив ф. 29, л. 70.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 58.

[3] П. П. Баснин. Из прошлого Сибири. «Исторический Вестник», 1902, XI, стр. 555—556.

[4] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 99. Письмо О. М. Ковалевского А. В. Игумнову от 29 мая 1829 г.

не мог нам принести большой пользы» [1]. Поэтому О. М. Ковалевский и А. В. Попов сразу же начали составлять свои монголо-русские словари: «Между тем необходимость заставила нас собрать монгольские слова и выражения и приготовить материалы для карманного словаря, для руководства при переводах» [2]. А. В. Игумнов и здесь оказал им большую помощь, разрешив переписать свой словарь, в связи с чем он еще раз его «пересмотрел, исправил и подписал значение слов по-русски» [3]. О. М. Ковалевскому, кроме того, он передал материал, которым пользовался при составлении словаря, содержащий 12 тыс. монгольских слов.

Для начальных переводов с монгольского языка на русский А. В. Игумновым были предложены образцы коммерческих писем, деловые обязательства, отрывки из Монгольского уложения, напечатанного в Пекине в 1817 г., и, наконец, легенда о приключениях Гэсер-хана [4] в «Пекинской версии». О. Ковалевский и А. Попов читали рукописный текст, имевшийся у А. В. Игумнова. В письме попечителю от 1 декабря 1828 г. О. М. Ковалевский писал: «В течение ноября месяца занимались мы переводом монгольского романа под заглавием: история Кгэсэр хана (Кгэсэр-ун Тооджи). Чтение сего сочинения (неоднократно напечатанного в Пекине, а в рукописи только находящегося у г. Игумнова), служит самым приятнейшим развлечением для монголов... История Кгэсэр-хана, написанная легким и полуразговорным слогом, приносит нам большую пользу. Посредством ее привыкаем к простому языку» [5].

Дальше в этом письме О. М. Ковалевский отмечал широкое распространение эпоса «Гэсер» среди бурят-монголов: «Наши бурят-монголы... во всякое время читают историю Кгэсэр-хана... Некоторые из здешних жителей, знающие монгольский язык, не токмо слышали бурят, читающих упомянутую историю, но и сами для них читали беспрекословно в зимнее время» [6].

В письме от 21 сентября 1829 г. из Троицкосавска он сообщает, что они уже наполовину перевели Гэсер-хана [7].

---

[1] «Извлечения из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске». «Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. II и III, стр. 122.

[2] Там же, стр. 122.

[3] Там же, стр. 123.

[4] Там же, стр. 119.

[5] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 82.

[6] Там же.

[7] Там же, л. 102.

Большое значение для работы О. М. Ковалевского над монгольскими языками и направления его научной деятельности имели встречи с основоположником русского китаеведения Н. Я. Бичуриным, приехавшим в 1830 г. в Иркутск. Так, по совету Н. Я. Бичурина он стал составлять «сравнительную таблицу бурятских и монгольских наречий для показа сродства их по происхождению и языку» [1]. Неоднократно О. М. Ковалевский прибегал к помощи Н. Я. Бичурина также при работе над грамматикой и монгольско-русским словарем [2]. Научная связь О. М. Ковалевского с Н. Я. Бичуриным продолжалась, как известно, и в последующие годы. Она имела большое значение не только для филологических, но и для исторических работ О. М. Ковалевского [3].

В начале 1829 г. О. М. Ковалевскому удалось под видом иркутского чиновника посетить Северную Монголию и побывать в Урге. Это была его первая поездка в страны зарубежного Востока, давшая возможность ответить на некоторые вопросы, поставленные инструкцией, приступить к сбору богатого этнографического материала, познакомиться с халхасцами и их языком. Дело в том, что в конце 1828 г. истекал срок пребывания в Пекине X Духовной миссии. Необходимо было доставить в Ургу для пересылки в китайскую столицу соответствующие бумаги. Это совпадало с китайским новым годом, поэтому отправляющиеся в Ургу также должны были вручить новогодние подарки китайским и монгольским чиновникам.

Первая часть пути из Иркутска в Ургу освещена О. М. Ковалевским с большими подробностями в специальной статье, напечатанной в «Казанском Вестнике» за 1829 г.[4] О. М. Ковалевский дает описание Байкала, острова Ольхона, Шаманского камня, дороги из Иркутска в Кяхту, а затем — Северной Монголии. Одновременно он пытается разъяснить происхождение некоторых наименований стран, озер и рек: Китай, Байкал и др.

В связи с пребыванием О. М. Ковалевского в Северной Монголии и предполагаемым путешествием их по Забайкалью,

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 247.

[2] Там же, л. 275.

[3] См., например, «Разбор сочинения о. Иакинфа под заглавием: «Китай в гражданском и нравственном отношениях». «Семнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1848, стр. 130—137. Или: «Разбор сочинения о. Иакинфа под заглавием: «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 91—102.

[4] О. М. Ковалевский. Поездка из Иркутска в Ургу. «Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. V и VI.

Н. И. Лобачевский, стремившийся использовать каждую возможность для развития русской науки, предписал Отделению словесных наук как можно скорее составить и отправить О. М. Ковалевскому и А. В. Попову новую инструкцию, в которой было бы сказано, «каким образом должны они сообщать статистические и географические сведения о тех странах, где будут находиться» [1]. Была немедленно составлена, таким образом, вторая инструкция, требующая весьма основательного географического, экономического и исторического изучения Сибири, Монголии, Китая и других стран Азии [2].

Поездка по Бурят-Монголии продолжалась весну и лето 1829 г. «Хотя главным предметом нашего путешествия за Байкал было изучение монгольского языка, — писал в Казань О. М. Ковалевский, — ...но в то же время мы старались сделать наблюдения над самыми племенами монгольскими, вникать в их нравы, образ жизни, религию» [3]. Материал, собранный О. М. Ковалевским во время путешествия по Бурят-Монголии, был им немедленно обработан и отправлен в Казань в виде писем и дневных записок, которые внимательно рассматривались Советом университета. Об этом свидетельствуют протоколы Совета университета. В них можно найти такие записи: «Слушано было представление кандидата Ковалевского от 8 февраля за № 4, при коем представлено извлечение из дневника, веденного им за Байкалом в июне и июле месяцах истекшего 1829 г.» [4].

Н. И. Лобачевский также внимательно знакомился с их содержанием и был весьма доволен успехами О. М. Ковалевского. В письме к Мусину-Пушкину от 27 декабря 1828 г. он подчеркивал: «Ковалевский прислал нам свой отчет. В чрезвычайном его прилежании нельзя сомневаться. Он обязывает университет к признательности» [5].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 31.

[2] Краткое изложение этой инструкции см. в нашей статье «Монгольская кафедра Казанского университета (история открытия)». Ученые записки Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина, т. 114, кн. 9.

[3] О. М. Ковалевский. О забайкальских бурятах. «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. IX—X, стр. 15—16.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, ист.-фил. факультет, № 1, л. 7. Протокол заседания Совета от 15 марта 1830 г.

[5] «Материалы для биографии Н. И. Лобачевского». Собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. АН СССР, 1948, стр. 250. На сохранившихся отчетах О. М. Ковалевского имеются резолюции, сделанные рукою Н. И. Лобачевского или им подписанные: «Извлечение из дневных записок г. Ковалевского препроводить в Отделение словесных наук на рассмотрение с тем, чтобы о напечатании сведений, какие будут этого заслуживать, сообщить издательскому комитету» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 431).

На страницах «Казанского Вестника» были опубликованы следующие отчеты и письма О. М. Ковалевского: «Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, по 15 число ноября 1828» («Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. II—III), «Поездка из Иркутска в Ургу» («Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. V—VI), «О Забайкальских бурятах» («Казанский Вестник», 1829, ч. 26, кн. VIII; ч. 27, кн. IX—X. XI—XII; 1830, ч. 28, кн. II и III), «Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, за Байкалом, в августе 1829 г.» («Казанский Вестник», 1830, ч. 28, кн. I) [1].

Большой интерес представляют письма и записки О. М. Ковалевского о забайкальских бурятах. О бурят-монголах писали и до О. М. Ковалевского [2], но некоторые из путешественников, как, например, Мартос, изображали бурят «свирепыми дикарями» [3]. Декабристы, сосланные в Сибирь, и О. М. Ковалевский были, собственно, первыми, кто с уважением отнесся к бурят-монгольскому народу, сделав правдивые описания их хозяйства и образа жизни.

Буряты, находящиеся в пределах России, делятся, сообщал О. М. Ковалевский, на предбайкальских и забайкальских. Забайкальские буряты живут в основном в округах Баргузинском, Кударинском, Хоринском и Селенгинском. Их численность — 145 232 человека [4]. О. М. Ковалевский считал, что буряты и их предки — древнейшие жители окрестностей Байкала. Они еще «в окрестностях Байкала славились во времена Чингис-хановых опустошительных походов» [5]. Он подробно описывает физический тип бурят: «Буряты по большинстве среднего роста, телосложения здорового и крепкого, переносят терпеливо жару и стужу, которая в здешней стране бывает жестока... Вообще наружный вид бурята не имеет ничего отвратительного. Нередко встречаются лица довольно приятные и благородные; женский пол от природы не лишен прелестей и пленяющего взора. Может быть, не одна бы бурятская девица

[1] Отрывки из этих писем и отчетов О. М. Ковалевского были также напечатаны в журналах «Телескоп» (1833, XVII) и «Молва» (1833, 147, 153). В польском еженедельнике «Tygodnik Petersburski» печатались его письма из Бурятии петербургским друзьям. В 1835 г. во Франции прочли: Extrait de la lettre qu'un Polonais... a écrite en Asie, au milieu des steppes habités par les Buriates («Le Polonais», Paris, IV, 1835, 66—69).

[2] В. Гирченко. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и пер. пол. XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939 г. О Ковалевском и его статьях Гирченко ничего не сообщает.

[3] В. Гирченко. Указ. соч., стр. 76—84.

[4] «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 171.

[5] Там же, стр. 159.

способна не последнее место занять между красавицами европейскими» [1].

В письмах и записках О. М. Ковалевского мы находим также подробное описание юрт, одежды, предметов домашней утвари, культа и т. д., при этом он подчеркивал, что «в низшем бедном классе почти нельзя найти различия в платье» [2]. Основное занятие бурят — скотоводство, охота, земледелие. «Стада их состоят из верблюдов, лошадей, овец и рогатого скота... Быстрый конь его — роскошь и забава» [3]. О. М. Ковалевский неоднократно отмечал и изменения, которые происходили в процессе сближения с русскими в хозяйстве и культуре бурят. «Народ... по связям с русскими перенимает много образования, — записывал он в своем дневнике. — Не токмо строят уже дома деревянные в зимних и летних кочевьях, но даже во многих юртах заведена опрятность и порядок, столь редкий в Монголии под владычеством маньчжуров. Мало-помалу распространяется земледелие, и многие буряты привыкли к хлебу, а в странах, прилегающих к нашей границе, даже монголам передают приобретенные познания в земледелии. Это предзнаменование полезного переворота в Забайкальском крае между кочевыми жителями» [4].

Большой заслугой О. М. Ковалевского является то, что он писал о социальном неравенстве, имевшемся между бурятами, о тяжелом и бесправном положении бурят-монгольской бедноты, разоблачал злоупотребления царских чиновников и шарлатанство ламаитского духовенства. Он выступал за немедленное просвещение бурят-монгольского народа, которое уже «начинает действовать на ум и сердце чад степных» [5]. Как известно, О. М. Ковалевский принимал участие в создании Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы, в которой обучались дети русских и бурятских казаков. Он составил «Проект положения о Троицкосавской Бурятской войсковой школе» [6], организовал составление хроник о бурятских родах, переписку летописей и книг, запись народного творчества [7].

---

[1] «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 186—188.

[2] Там же, стр. 189.

[3] Там же, стр. 195, 197.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 252.

[5] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 498.

[6] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, лл. 6—11.

[7] В отчете Совету университета за период с июля по ноябрь 1832 г. О. М. Ковалевский писал: «С самого моего прибытия в Сибири не упускал я из вида исторических сведений об инородцах, населяющих Забайкальский край... В кочевьях собраны уже изустные предания, из коих можно

Специально для него была составлена известная «Бичихан запискэ», в которой дано изложение истории бурят-монголов. О. М. Ковалевский выступал как просветитель бурят-монгольского народа. 25 сентября 1832 г. восемнадцать бурят-монгольских родов преподнесли ему письменную благодарность за отменные успехи в изучении бурятского языка, совершенное знание монгольских книг, искусство, проявленное при «переводе оных на российский язык», и «за ласковость в обращении с нами» [1].

* * *

В 1830 г. должна была отправиться в Китай очередная Духовная миссия. У О. М. Ковалевского еще в 1828 г. возникла мысль посетить вместе с миссией Монголию и Китай. Он буквально засыпал письмами попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина, в которых доказывал необходимость и возможность посещения Китая в составе новой Духовной миссии. Так, в письме от 22 декабря 1828 г. он писал: «...Быть с новою миссиею в Пекине и в продолжении одного года возвратиться с прежнею в Россию, принесли бы немаловажную пользу как в отношении языка, приобретения книг, так и собрания сведений о сих любопытных странах»[2].

В другом письме, от 23 февраля 1829 г., он еще и еще раз напоминал Мусину-Пушкину: «Поэтому осмеливаюсь еще раз утруждать ваше превосходительство моею покорнейшею просьбою исходатайствовать мне дозволение начальства находиться в виде чиновника при приставе, отправляющимся с Духовною миссиею в Пекин. Это единственное средство для усовершенствования себя в знании языка и собрания нужных по сему предмету сведений» [3].

Ректор университета Н. И. Лобачевский поддержал его желание и настоял на отправлении письма в Азиатский департамент и Синод, которые комплектовали состав миссий, с хо-

избрать любопытные исторические происшествия и, очистив при свете критики, пополнить значительный недостаток в летописи бурят... При разъездах моих по кочевьям прежнее собрание бурятских стихотворений значительно увеличилось, равно как и повестей, коих большая часть списана со слов рассказчиков степных» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 200).

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 192.

[2] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 85.

[3] Там же, л. 94. Утверждение В. Котвича, что инициатива в отправлении О. М. Ковалевского с миссией в Китай принадлежала попечителю Казанского учебного округа, является неправильным.

датайством о включении Ковалевского в сопровождавший миссию персонал. Прошение Казанского университета было удовлетворено. О. М. Ковалевский был зачислен письмоводителем пристава. Что касается А. В. Попова, то ему было разрешено проводить миссию до Урги.

В связи с предстоящим отъездом О. М Ковалевского в Монголию и Китай, Совет университета разработал и прислал ему новую, самую большую инструкцию, которая касалась физической и экономической географии Китая, его истории, политического строя, науки, литературы, искусства и т. д. Причем подчеркивалось, что сведения об этом он должен приобрести «из самых подлинных источников, актов правительства и разных уважаемых сочинений природных китайцев». В заключении инструкции было сказано: «Если невозможно собрать всех вышеозначенных сведений, то по крайней мере обратить внимание на статьи о государственном постановлении, о правлении, о народном хозяйстве и о народном просвещении»[1].

Весна и лето 1830 г. прошли в подготовке к отъезду. О. М. Ковалевский возвратился из Забайкалья в Иркутск, взяв с собой цонгольского бурята Зайсана Сундука Тулусунова, хорошо знающего монгольский разговорный язык [2]. За короткий срок им была изучена почти вся литература о Китае. 26 июля 1830 г. он писал в Казань: «Читаю только сочинения, касающиеся Китая; следовательно, приготовляю сведения для проверки оных на самом месте во время предлежащего путешествия»[3] Особенно тщательно он изучил труды о Монголии и Китае Н. Я. Бичурина — «Записки о Монголии», «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем их состоянии», которые были ему присланы библиотекой Казанского университета [4]. В другом письме О. М. Ковалевский сообщал, что «готов обрить голову и нарядиться по-китайски, дабы только иметь свободный и покойный выход из русского дому»[5].

О. М. Ковалевский провел в Монголии и Китае ровно год: с 30 августа 1830 г. по 3 сентября 1831 г. Необходимо отметить, что XI Духовная миссия выгодно отличалась от предшествующих своим составом. Среди лиц, сопровождавших духовенство, находилось, кроме О. М. Ковалевского, еще несколько пред-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, лл. 93—101.

[2] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 100.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 294.

[4] Архив ИВ АН СССР. Сектор восточных рукописей, ф. 29, № 6/664, л. 104.

[5] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 294.

ставителей русской науки: астроном Г. Фусс, ботаник А. Бунге [1], горный инженер Кованько. В пути и во время пребывания в Пекине (7 месяцев) О. М. Ковалевский вел подробнейший дневник, а также «статистическую и историческую часть путевого журнала»[2], который после возвращения из-за границы был передан министерству иностранных дел. Дорожные записи О. М. Ковалевского и его письма из Монголии и Китая полностью не сохранились. В. Котвич сумел использовать только одну книжку дневника, охватывающую период с октября до середины декабря 1830 г. — путешествие по юго-восточной Монголии и въезд в Китай. В ЦГА ТАССР хранится дневник О. М. Ковалевского с апреля 1831 г. по февраль 1832 г., освещавший последние дни жизни в Пекине и возвращение в Россию, и несколько его писем из Монголии и Китая. Дополнением к этому материалу являются восемь писем, присланных им из Забайкалья (первая половина 1832 г.), в которых также описывается путь от русско-монгольской границы до Пекина, экономическое и политическое состояние Дайцинской империи и ее частей. Это было ответом на вопросы, затронутые в инструкции. Письма О. М. Ковалевский назвал «Обозрение путешествия» и надеялся опубликовать их в изданиях университета.

Но опубликовать дорожные записи и эти письма О. М. Ковалевскому не удалось. Поездка русских ученых в Монголию и Китай происходила еще инкогнито, поэтому печатать корреспонденции О. М. Ковалевского и А. В. Попова Казанскому университету было строжайше запрещено [3]. Впоследствии О. М. Ковалевским было составлено шеститомное описание «Путешествия в Монголию и Китай», но рукопись этого труда погибла в Варшаве в 1863 г.

О. М. Ковалевский, находясь в Монголии и Китае, занимался главным образом изучением монгольского языка, так

---

[1] А. А. Бунге (1803—1890) — один из первых русских исследователей Алтая. В 1833—1835 гг. экстраординарный профессор ботаники Казанского университета.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 310.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 362. Казанский университет все же неоднократно пытался добиться разрешения на опубликование записок и писем своих ориенталистов. Например, получив в начале 1831 г. «Путевой журнал» по Северной Монголии А. В. Попова, университет, рассмотрев его, обратился к министру народного просвещения, князю Ливену, за разрешением опубликовать журнал в «Казанском Вестнике». Ответ был отрицательный. «Я не могу согласиться, — писал Ливен, — на дозволение напечатать журнал путешествия д. ст. Попова, сопровождавшего отправленную в Китай Духовную миссию до монгольского города Урги» (там же, л. 347).

как это было основной целью его командировки на Восток. Дневник и письма пестрят записями и сообщениями о работе над языком. При этом он стремился изучить прежде всего живой разговорный монгольский язык и разобраться в монгольских наречиях.

«Имея в виду приобретение познаний в местном языке, во все продолжение пути через Монголию тщательно записывал я слова и выражения, употребляемые в разговоре... Старался я вникнуть в сущность наречий и обогатить свой дневник новыми замечаниями»[1], — вспоминал О. М. Ковалевский в 1832 г. о своей работе над монгольским языком во время путешествия. Он стремился использовать каждую встречу с монголами для пополнения своих знаний о языке и сбора слов: вступал в разговор с монголами, встречавшимися на пути, посещал юрты, подолгу задерживался около колодцев и переправ, вслушиваясь в монгольскую речь. «Я считал себя счастливым, — писал он в Казань профессору русской словесности Суровцову, — когда из-за чашки кирпичного чаю или верблюжьего молока от толпы чад степных уезжал с новым словом, песнею или сведением. Монгол чем богат, тем и рад!»[2]

В Пекине при помощи врача О. П. Войцеховского [3], члена X Духовной миссии, О. М. Ковалевский познакомился с молодым перерожденцем Минджул Гэгэном, который, в отличие от других руководителей ламаитской церкви, был ученым человеком. Минджул Гэгэн особенно интересовался географией и написал ценное исследование «География Тибета», переведенное на русский язык воспитанником Казанского университета В. П. Васильевым О. М. Ковалевский сообщает, что Минджул Гэгэн часто посещал русское подворье, интересовался историей, астрономией, даже выучил русскую азбуку, а стены его кабинета были покрыты географическими картами, изданными в России [4].

Минджул Гэгэн в знак уважения к русским дал Ковалевскому несколько уроков монгольского и тибетского языков, составил для него тибетскую азбуку, перевел одно сочинение нравственного содержания с маньчжурского на тибетский и, собственноручно переписав, переслал затем в Кяхту. Он при-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, лл. 474—475.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 301.

[3] В 1844 г. О. П. Войцеховский был назначен в Казанский университет и. д. профессора (на правах лектора) китайского языка. Как врач он постоянно оказывал бесплатную медицинскую помощь городской бедноте. Умер в Казани в 1850 г.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 531.

слал к О. М. Ковалевскому также своего секретаря, знавшего языки, который в течение трех месяцев почти ежедневно занимался с казанским востоковедом монгольским языком. Благодаря этому к концу пребывания в Пекине О. М. Ковалевский настолько хорошо овладел монгольским языком, что «на обратном пути через Монголию служил уже переводчиком»[1]. Кроме монгольского языка, он занимался китайским, тибетским и маньчжурским, что первоначально не входило в план его занятий, но знание которых, особенно тибетского, было необходимо для изучения монгольского языка и литературы о Монголии и Китае. В Казанском университете в это время обсуждался вопрос об открытии маньчжурской кафедры. Отделение словесных наук университета еще в феврале 1830 г. предложило О. М. Ковалевскому заняться изучением маньчжурского языка [2]. Но, естественно, что достигнуть таких же успехов в изучении этих языков, каких он добился в области монгольского, за столь короткий отрезок времени было очень трудно. «Что же касается маньчжурского языка, — писал он из Пекина, — по краткости времени я могу успеть несколько в познании начал оного» [3]. Впоследствии Ковалевский овладел и этими языками.

Однако было бы неправильно делать вывод о том, что он занимался в Монголии и Китае только языками. Он никогда не считал себя лишь филологом. Наконец, инструкции, присланные университетом, требовали от него именно всестороннего изучения стран Востока.

Путь, которым прошла в Пекин XI Духовная миссия, был уже описан Н. Я. Бичуриным [4], являвшимся руководителем IX миссии, и Е. Ф. Тимковским, приставом при X [5], поэтому в дневнике О. М. Ковалевского и записках других спутников мы не находим подробного описания дороги с ее станциями, переправами и колодцами. Однако для изучения Монголии и Китая эта экспедиция дала значительно больше, чем предшествующие. Г. Фусс и А. Бунге производили барометрические наблюдения, определяя высоту горных хребтов, отдельных вершин и крупных населенных пунктов, лежащих на пути. Кроме того, А. Бунге, изучая монгольскую флору, собрал богатейшую ботаническую коллекцию, которая долгое время оставалась единственной в мире. Инженер Кованько изучал

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 143.
[2] Там же, л. 83.
[3] Там же, л. 197.
[4] Н. Я. Бичурин. Записки о Монголии, т. I—II. СПб., 1828.
[5] Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., т. I, II, III. СПб., 1824.

горные породы и природные ископаемые Монголии и Китая.

О. М. Ковалевский, как видно из дневника, помогал им определять географические пункты, исследовать флору и фауну Монголии и Китая. Одновременно он собирал для университета ботанические и энтомологические коллекции[1], составил даже список лекарственных растений, употребляемых в этих странах[2]. В его записках мы находим также упоминания о выводах, сделанных А. Бунге относительно прошлого пустыни Гоби, происхождения и состава «каменного пояса». «По новейшим барометрическим наблюдениям доктора Бунге, — писал О. М. Ковалевский казанским ученым в феврале 1832 г., — все пространство от Гэнтэя до Китая оказалось углубленным бассейном, окруженным горами, но сеткою небольших возвышений разрезанным на много других бассейнов. . . Почва земли, изобилующая солончаками, производит растения солоноватые, вмещает в себе воду солонцоватую, неглубоко, впрочем, в недрах ее сокрытую. Сии обстоятельства ведут к заключению, что мнимая плоскость Монголии была некогда дном моря» [3].

Сбор материала о хозяйстве и быте, нравах и обычаях, религии и литературе монгольского народа, разумеется, продолжался. В кратком отчете, представленном Совету университета после возвращения из Китая, О. М. Ковалевский писал, что им составлено подробное «Описание Монголии. . . в отношении политическом, нравственном, хозяйственном, религиозном» и проведено сравнение с забайкальскими бурятами[4]. Как и в Бурят-Монголии, он много занимался социальными вопросами, положением народных масс Монголии. Не понимая корней и характера социальной дифференциации, Ковалевский, однако, всегда отмечал разницу в экономическом и правовом положении между богатыми и бедными монголами. В его дневнике и письмах имеется большое количество записей и сообщений о тяжелом, нищенском, беспросветном положении народных масс. Этим дневник О. М. Ковалевского выгодно отличается от дорожных заметок его предшественников и спутников. Так, проезжая через урочище Холой, он записал в своем дневнике: «Кроме коз в малом числе никакого скотоводства здесь не встречаем. . . Истощенные и оборванные монголы с семействами своими проводят плачевную жизнь, не надеясь никогда ничего лучшего видеть. Толпы их беспрестанно окружают нас,

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 400.
[2] ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 251.
[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 476.
[4] Там же, л. 730.

чтобы получить несколько сухарей или кусок баранины»[1].

Через несколько страниц аналогичная запись: «Один монгол, 70-летний старец, посетивший нас, назвал себя в полном смысле нищим, ибо не имел ни одной лошади, а все богатство его состояло из 9 коз и 2 коров. От них получают пропитание 6 человек. В другой юрте с жадностью дети бросились на несколько русских сухарей. Не было здесь ни молока, ни сыра: один черный кирпичный чай служил вместо воды и пищи. Жители же почти наги» [2]. В таком тяжелом материальном положении находилась основная масса монгольского народа. Эти записи были сделаны О. М. Ковалевским, когда он находился в юго-восточной части страны. В Северной Монголии картина такая же: «24 августа. Спуск довольно крут, кругом трава, лес. Отселе проистекают многие ручейки, на берегах оных кочуют многие монгольские семейства, но чрезвычайно бедные, полунагие, с паршами на голове. Ужасно взглянуть на оборванное их платье и изуродованное тело» [3].

Сравнивая хозяйства бурят, живущих в пределах России, с монгольскими, находившимися в составе Дайцинской империи, О. М. Ковалевский отмечал, что наши буряты в хозяйстве значительно опытнее монголов: они начали заниматься земледелием, сенокошением, промыслами, ремеслом. Беднота тоже нещадно эксплуатируется со стороны богатых бурят, духовенства и царских чиновников, но в Бурятии все же нет такой массовой, ужасающей нищеты, как в Монголии. Особенно часто он подчеркивал развитие ремесла и промышленности в Бурятии и почти полное отсутствие этого в Монголии: «У наших бурят гораздо более известны кузнечное, столярное и проч. искусства, чем в Монголии. Они умеют уже построить хороший деревянный дом, сделать выгодной экипаж, ковать железо, делать ножи, огнивы, украшать серебром и маржаном свои седла; некоторые охотно даже занимаются земледелием. В Монголии не легко можно встретить что-либо тому подобное»[4].

Пытался ли О. М. Ковалевский найти причины отсталости Монголии и тяжелого положения народных масс? Да, но он их видел только в политике маньчжурского дома, злоупотреблениях маньчжуро-китайских и монгольских чиновников и корыстолюбии ламаитского духовенства. Например, О. М. Ковалевский неоднократно подчеркивал, что маньчжурские власти

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 165.
[2] Там же, л. 181.
[3] Там же, стр. 210.
[4] Там же, стр. 189.

сознательно всячески препятствовали развитию в Монголии земледелия, ремесла и торговли, так как боялись, чтобы «степной житель с течением времени не мог образоваться и подкрепить свои силы. Истощенный дикий зверь делается ручным!»[1]

Особенно гневно Ковалевский обрушивался на ламаитское духовенство, которое даже членам миссии не давало прохода, выпрашивая подарки, или стремилось совершить выгодные торговые сделки. «Если к иностранцам жрецы сии столь бесстыдно приступают, чего же бедный монгол, верою связанный, от них ожидать должен?»[2] — писал он.

На вопрос, возможно ли развитие в Монголии промышленности, ремесла, торговли и литературы, О. М. Ковалевский отвечал утвердительно, но для этого необходимо, по его мнению, прежде всего просвещение; нужна наука, которая, однако, еще не входила в число потребностей жизни монголов. Существующие же научные достижения монголов были далеки от подлинной науки. «Медицина здесь есть не что иное, как откровение Будды, который знает все недуги человека и средства отвращения оных, — писал он в Казань. — Врач. . . предлагает лекарство вместе с молитвою и заклинаниями. Составление календаря связано с темными вычислениями астрологии, основанной на богословии. Живописец руководствуется правилами свыше преподанными. Историк, повествуя деяния замечательного лица, иногда не теряет из виду хода своей веры»[3]. Монголы — народ способный. Необходимо лишь просвещение, необходимы школы. «С заведением и приличным устройством училищ, — утверждал О. М. Ковалевский, — в скором времени на литературном даже поприще (монголы. — *Г. Ш.*) могут оказать плоды своих способностей»[4].

6 ноября 1830 г. миссия, перейдя через Великую стену, прибыла в Калган, первый китайский город, расположенный на границе с Монголией. «Увидел я новый совершенно мир!»[5] — вспоминал впоследствии О. М. Ковалевский. «Какое перо, чья кисть может вполне представить разнообразие, встреченное нами от первого собственно китайского хребта в переходе через Великую стену, до самой столицы?»[6] — писал он в Казань профессору Суровцову в марте 1832 г., рассказывая о своем путешествии в Китай, который захватил его трудолю-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 505.
[2] ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 148.
[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, ист.-фил. факультет, № 38, л. 8.
[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 496.
[5] Там же, л. 505.
[6] Там же, л. 301.

бием и внутренней культурой народных масс, но поразил разложением господствующего класса.

На рубеже XVIII—XIX вв. среди европейских дворянско-буржуазных философов и историков получила широкое распространение теория «европоцентризма», сводившая всю историю человечества только к истории европейских государств. Остальные страны, особенно азиатские, к которым причислялись Китай и Индия, объявлялись «неисторическими», а их вклад в развитие культуры человечества всячески третировался или просто отрицался. «Европоцентризм», в основе которого лежала «теория» о неравноценности рас, должен был оправдать колонизаторскую политику буржуазии Европы и США. Русским востоковедам всегда был чужд расизм. Они первыми выступили против включения Китая и Индии в категорию «неисторических» стран. Среди них находился казанский востоковед О. М. Ковалевский.

«Твердят нам, что Китай враг новости, прилеплен к старым формам»[1], писал он в Казань 7 мая 1832 г. О. М. Ковалевский соглашался с тем, что в Китае «промышленность и фабрики и просвещение в совершенном упадке . . . народ беден»[2], но не значит ли это, что Китай, как и другие страны Восточной Азии, не развивался; или, если и развивался, то совершенно другим путем. О. М. Ковалевский считал, что подобное утверждение могло появиться только в результате недостаточного изучения стран Азии. Эту мысль он изложил в «Кратком обзоре занятий» от 15 мая 1832 г.: «Восточная половина Азии еще по многим мало известная страна . . . При всех усилиях ориенталистов, география и история, в пространном своем значении, еще не обработана так, чтобы могла присоединиться к истории, всеобщею нами называемой, между тем как взгляд на оную представляет нам ход человечества, медленно, но теми же путями подвизающегося в успехах, что и в других частях света»[3]. И О. М. Ковалевский выступал за глубокое изучение великой азиатской державы, ибо Китай «поистине есть страна любопытная, достойная внимательного взора Европы»[4].

В этом отношении большую ценность представляет его речь «О знакомстве европейцев с Азией», произнесенная в августе

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 552.

[2] Там же, л. 555.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 97, ист.-фил. факультет, № 38, л. 2—3. В дневнике О. М. Ковалевского мы находим такую запись: «В Китае... много еще сходства найти можно с феодальными обыкновениями, в Европе некогда существовавшими» (ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 111).

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 552.

1837 г. в актовом зале Казанского университета на торжественном собрании профессоров, преподавателей и студентов. Отметив поверхностное знакомство европейцев с Китаем и другими странами Востока, О. М. Ковалевский призвал ученых к внимательному и всестороннему изучению стран Азии: «Сколько здесь предметов для языковеда, поэта, философа, археолога, историка! Сколько тайн сокрыто в богатейшей природе!»[1]

С уважением и теплотой О. М. Ковалевский описывал китайских крестьян и ремесленников, создавших все материальные ценности страны. Он поражался их трудолюбию, настойчивости, скромности. Вот как он описывал свою первую встречу с китайскими крестьянами: «После пустоты степей, после праздного и неопрятного монгола, как очаровывает вежливый, прилежный и опрятный деревенский китаец! Лицо его выразительно, чисто. Платье не испещрено по прихоте и моде, вечно у нас переменяющейся. Синяя даба употреблена на верхнюю одежду, до колен достигающую, в зимнее время простеганную, равно как и нижнее платье. Легкие сапожки или башмаки не обременяют ног. Валяная шапка, или лучше сказать, колпак с поднятыми вверх полями, покрывает подбритую вокруг голову, а оставленные на макушке волосы заплетены в косу, висящую на спине. Одни только женщины, по варварскому древнему обычаю, имея с малолетства изуродованные ноги, едва-едва передвигаются с одного места на другое, иногда при помощи палки, но почти всегда с трубкою на длинном чубуке. Иные — на двухколесной тележке, везомой мулом или ослом, переезжают в близкую деревню. Мужчины на гумне молотят хлеб, прядут, унаваживают или поливают пашни. Малолетние дети по своим силам участвуют в занятиях родителей. Такими я видел здесь в первый раз крестьян!»[2]. Эти строки были написаны им в 1832 г., уже после возвращения из Китая, следовательно, они не являются результатом первого впечатления, которое иногда бывает ошибочным. Более того, они не единственные. Во всех письмах из Китая и Забайкалья О. М. Ковалевский, подчеркивал прежде всего трудолюбие китайского народа, его любовь к ремеслу и земледелию.

Но, несмотря на свое трудолюбие, китайский народ был беден, беспросветно беден. «Возле великолепных, золотом украшенных зданий стоят лачужки, логовища бедных. За колесницею богатейшего вельможи, окруженного толпою хорошо одетых наездников, влекутся полчища бесприютных нищих,

---

[1] О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837, стр. 33.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 506.

без рубища, со всклокоченными волосами, покрытых струпьями и грязью» [1], — писал О. М. Ковалевский в Казань 7 мая 1832 г.

Европейские миссионеры, хлынувшие в Китай в XVII—XVIII вв., тоже отмечали нищету китайского народа, причину которой они, однако, видели лишь в многолюдности страны. Поэтому они предлагали вступить на путь массового уничтожения населения, заявляя, что это даст возможность уничтожить бедность китайских крестьян и ремесленников. О. М. Ковалевский с гневом обрушивался на этих мальтузианцев, которые якобы «для блага Китая желают, чтобы сильная революция или поветрие уменьшило до половины народонаселение страны» [2]. Он считал, что в тяжелом экономическом положении крестьян и ремесленников, в упадке китайской промышленности, торговли, культуры и искусства виновны прежде всего правители Китая — князья, чиновники, купцы, стремившиеся только к своему личному обогащению. О. М. Ковалевский описал и разложение китайского господствующего класса, среди которого царили только разврат, казнокрадство, взяточничество.

«Для расточительности нет пределов, — писал он. — Роскошь неимоверна, разврат неслыханный... При нас единственный китайского престола наследник умер от распутства на 23 году возраста. Где же нравственность, проповедуемая любомудрами, прославленная европейцами? Где строгость законов, ограждающих спокойствие и благоденствие жителей? В книгах!... За деньги удостаиваются докторской степени, за деньги каждый воин может освободиться от службы и походов, за деньги изверг рода человеческого увольняется от смертной казни, но также покупаются чины; словом, нет здесь ничего заветного, чтобы за деньги не перенималось» [3].

Разваливался не только чиновничье-бюрократический аппарат, но и армия: «Изнеженных воинов, в случае похода, перевозят на телегах, и они ненаказанно грабят своих соотечественников по дороге. В велеречивых реляциях прославляется храбрость и неустрашимость, распорядительность и искусство: желтые курмы, павлиньи перья, похвальные титла раздаются мнимым рыцарям» [4]. Вооружение маньчжурской армии составляли лук и сабля, ружье с фитилем, чугунные пушки старинной работы; в армии не было ни порядка, ни дисциплины; военное искусство также отсутствовало. «Нельзя не удивляться, —

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 554

[2] Там же, л. 557.

[3] Там же, л. 556.

[4] Там же.

писал О. М. Ковалевский, — что сие древнее колоссальное здание, снаружи несколько украшенное пестротою, закрывающею все внутренние недостатки и дряхлость, до сего времени еще существует»[1]. Но опасность уже надвигалась. Англия захватила Бирму и переселила туда 40 тыс. китайцев, контрабандно торговала опиумом, вывозя из Китая золото и серебро, «искала она свободы в торговле, кроме Кантона, еще и в губернии Фу-дзян, желала на свой счет устроить там каналы, уничтожить тягостную монополию в Кантоне, уменьшить пошлину с кораблей взимаемую, а прежде всего иметь свою миссию в Пекине, наподобие русской»[2]. Совершенно иным является отношение России к Китаю: «С севера Россия свято соблюдает условия мирного трактата и во многих отношениях приобрела к себе истинное уважение соседей и исторгает у них удивление исполинскими своими успехами»[3].

Вскрывая положение, сложившееся в Китае, О. М. Ковалевский считал, что во многом виновны «изнеженные маньчжуры», которые, хотя и «переродились здесь в современных китайцев, приняли обычаи, нравы, просвещение своих подданных, забыли собственный язык и древний воинственный характер», продолжали, однако, считать себя завоевателями и держать в своих руках важнейшие государственные должности. Кроме этого, «содержание княжеских домов требует огромного количества серебра»[4]. Но китайцы не покорились завоевателям: «Неоднократные покушения народа свергнуть с себя иго обнаруживают дух, волнующий китайцев»[5].

Таков Китай по записям и письмам О. М. Ковалевского.

Великий Китай, создавший древнейшую в мире культуру, «под тенью славы своих предков дремлет, пока невидимая сила укажет ему новое направление!»[6].

В. Котвич сообщал, что в дневнике О. М. Ковалевского, которым он пользовался, имелись также подробнейшие сведения, собранные им в Китае, о Корее, Японии и других странах Дальнего Востока[7].

Кроме изучения языков и ответов на вопросы, поставленные инструкциями, посланец Казанского университета должен был приобрести в Монголии и Китае необходимые для университет-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 557.
[2] Там же. л. 558.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 556.
[5] Там же, л. 557.
[6] Там же, л. 559.
[7] W. K o t w i c z. Op. cit., str. 76

ской библиотеки рукописи и книги. С этой задачей он также блестяще справился, хотя вначале встретился с большими трудностями, связанными с недостаточным знанием монгольской и китайской литературы [1]. Но затем с помощью О. Войцеховского, которому в Китае были открыты все двери, он стал покупать книги прямо в дворцовой типографии, даже «по весу или по величине оных» [2]. Большую помощь в отыскании нужных книг и рукописей оказал ему и Минджул Гэгэн, разрешив рыться в монастырских библиотеках и снимать копии с наиболее ценных находок. Всего О. М. Ковалевский привез в Казань, из Монголии и Китая, 189 сочинений в 1433 томах, включая рукописные [3]. Это было богатое собрание словарей, книг на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках по истории, философии, религиям Востока, особенно буддизму, законодательству и т. д.

Была им также вывезена из Китая большая коллекция картин, изображающих военных и гражданских лиц, главным образом чиновников, свадебные обряды, представителей трудового народа — крестьянку в простом платье, продавца капусты, водоноса. Кроме того, были вывезены также китайские костюмы, предметы домашнего обихода, туалета, культа, образцов тканей, бумаги, туши, прописей, медных монет, чеканенных при разных династиях [4].

6 июня 1831 г. члены смененной Десятой миссии и сопровождающий персонал выехали из Пекина. 3 сентября они прибыли в Кяхту. Представители Академии наук — Фусс, Бунге, Кованько — выехали в Петербург. О. М. Ковалевский остался в Забайкалье, среди бурят, продолжая работу по изучению монгольского языка и монгольской литературы [5].

---

[1] Кроме того, среди хозяев книжных лавок было очень много жадных и холодных торгашей: «Хладнокровный торгаш, сидя за чашкою чая, готов по два и по три часа договариваться о книжке, стоящей не свыше 1 рубля. Горе неосторожному и пылкому покупателю! Увеличение цены на одной вещи влечет за собой подобное приращение и на других!» (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 528).

[2] Там же, л. 528.

[3] О. М. Ковалевский. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете. Казань, 1842, стр. 28.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4251, лл. 1—13. См. также «Казанский Вестник», 1831, ч. 33.

[5] Ю. Талько-Грынцевич в небольшой брошюре «К 100-летию рождения О. М. Ковалевского» (Иркутск, 1902) писал, что О. М. Ковалевский, возвратившись из Китая, сразу же отправился в Петербург, а в 1832 г. вторично приехал «в Забайкалье для продолжения своих научных работ». Материалом это, однако, не подтверждается.

В Кяхте, произошла новая встреча О. М. Ковалевского с Н. Я. Бичуриным, организовавшим здесь частное училище китайского языка. Н. Я. Бичурин пригласил его посетить школу. «Успехи, — записывал О. М. Ковалевский в своем дневнике, — смотря по краткости времени (не более 5 месяцев) подлинно удивительны. . . Честь о. Иакинфу, который без всякого возмездия свободные часы от своих ученых занятий посвящает сему полезному заведению» [1].

Срок командировки О. М. Ковалевского и А. В. Попова истекал в мае 1832 г., но они не успели закончить сбора необходимого им для работы в Казани материала, поэтому обратились к университету с просьбой о продлении командировки еще на год. Совет университета под председательством Н. И. Лобачевского, рассмотрев их просьбу, разрешил им остаться в Забайкалье до 1 декабря 1832 г.[2]

О. М. Ковалевский в 1832 г. вновь, на этот раз уже один, путешествовал по Бурят-Монголии.

Из писем, присланных в Казань, Москву и Петербург, где в это время жил его брат, занимавшийся педагогической деятельностью, видно, что он объехал и обошел с бритой головой, одетый в монгольский халат, питаясь исключительно кирпичным чаем и бараниной, поджаренной без соли над очагом, почти все Забайкалье [3]. Неизвестно, вел ли он дневник во время своего второго путешествия по Бурят-Монголии (нами был обнаружен только «Дневник занятий» за 1832 г.), но некоторые его письма к брату и друзьям опубликованы в Петербургском еженедельнике «Tygodnik Petersburgski». Часть из них была перепечатана «Телескопом» (1833 г. № 17) и «Молвой» (1833,

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, стр. 238—239.

[2] Сохранилось отношение Совета университета, подписанное Н. И. Лобачевским, к попечителю с ходатайством о продлении О. М. Ковалевскому и А. В. Попову срока командировки: «Для дальнейших успехов г. Ковалевский желал бы всю зиму провести в Кяхте, где можно иметь частые свидания с бурятами и пользоваться их объяснениями; лето же, как удобнейшее время для разъездов, пробыть в кочевьях Цонгольских и Селенгинских; но как сие последнее потребует продления их срока и лишних расходов, то он, г. Ковалевский, представил все сие на усмотрение Совету университета.

Совет Казанского университета просит разрешения Вашего пре-ва на дозволение г. г. Ковалевскому и Попову пробыть летнее время в кочевьях Цонгольских и Селенгинских с тем, чтобы возвратились в Казань не позднее 1 декабря сего года». Ректор университета — Н. Лобачевский (подпись). 27 февраля 1832 г. (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 450).

[3] «Сколько месяцев я вынужден был спать на мерзлой земле, занесенной снегом, среди верблюдов или оленей! Возможно ли на куске тонкой бумаги перечислить все мои приключения, грустные и веселые?» — писал он брату в Петербург (W. K o t w i c z. Op. cit., str. 62).

№ 147 и 153). Перевел их с польского И. Савинич, сотрудничавший одновременно с В. Г. Белинским в этих журналах [1]. Во Франции в 1835 г. в журнале «Польша» были опубликованы выдержки из письма О. М. Ковалевского о его жизни среди степных бурят [2].

Нам кажется, что встреча О. М. Ковалевского с декабристами, в результате которой появились в его записной книжке четырнадцать автографов декабристов — Трубецкого, Волконского, Оболенского, Давыдова, Батенькова и других — произошла именно в 1832 г., а не в 1829, как утверждает В. Котвич [3]. Тем более, что только с 1832 г. стали отправлять на поселение в различные места Бурят-Монголии декабристов, отбывших срок каторги. А в конце его дневника за 1831 г., среди дополнительных записей, сделанных в 1832 г., появляются следующие строчки:

«Все в мире погибает
Как в бурном вихре прах;
Но дружба процветает
В позднейших временах» [4].

Летом 1832 г. О. М. Ковалевский в долине Тамчи Тола у Гусиного озера наблюдал незабываемое зрелище — освящение обо, подробно описанное им в письмах в Казань и Петербург [5]. О. М. Ковалевский считал, «что не одно жертвоприношение Тэгрию, покровителю скотоводства, составляет предмет сего праздника, но гимнастические упражнения и поэзия с пением» [6]. И он сравнивал народные состязания и игры, которые наблюдал в момент освящения обо, с олимпийскими играми древних греков, не забыв отметить, что ламаитское духовенство и здесь думает больше всего о личных выгодах, проводя «в блаженстве беззаботную жизнь на счет покорных поклонников» [7].

---

[1] М. Поляков. Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», № 56, стр. 384.

[2] «Extrait de la lettre qu'on Polonais. . . a écrite en Asie, au milieu des steppes habités par les Buriates», «Le Polonais», Paris, IV, 1835, str. 66—69.

[3] W. Kotwicz. Op. cit., str. 61. Записная книжка О. М. Ковалевского, в которой имелись также автографы А. Мицкевича, филоматов, филаретов и других его друзей (он завел ее перед отъездом в Казань), погибла во время второй мировой войны (W. Kotwicz. Op. cit., str. 31).

[4] ЦГА ТАССР. ф. 10, № 843, л. 319.

[5] «Молва», 1833, № 153.

[6] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 578.

[7] Там же, л. 574.

Вторую половину 1832 г. он провел на берегу реки Темник, среди селенгинских бурят, поселившись в заброшенном, ветхом домике умершего бурята.

«Для тебя, жителя самой красивой в мире столицы, — писал О. М. Ковалевский брату в Петербург, — не очень приятно было бы посмотреть на настоящую мою квартиру: без крыши, двери, окон, в которой несколько лет тому назад жила бедная семья, ставшая свидетелем ужасных мучений своего родоначальника. Недалеко отсюда, в ивовом леске лежит камень на останках несчастного старика, который долго болел до смерти. Мой предшественник хорошо владел языками тибетским и монгольским, был чрезвычайно силен телом и памятью, славился способностями в поэзии и добрым сердцем» [1].

Основным предметом занятий О. М. Ковалевского попрежнему оставался монгольский язык [2], но он дополнительно стал изучать еще санскритский, который понадобился ему при работе над словарем. 15 мая 1832 г. О. М. Ковалевский писал в Казанский университет, что решил основательнее заняться также изучением буддизма, ибо «труды Палласа и Бергмана открывают более наружность буддизма» [3]. Одновременно он искал среди бурят-монголов, по заданию Н. И. Лобачевского, человека, знавшего тибетский язык, для использования его в качестве наборщика в университетской типографии [4]. Особенно плодотворным для занятий было начало зимы 1832—1833 гг., которая оказалась вьюжной и снежной. Разъезды пришлось прекратить. Утром и днем, сидя у маленькой печи с застывавшими от холода чернилами, он переписывал монгольско-русский словарь и работал над монгольской грамматикой, а вечером, посещая юрты, слушал «повести о воплощениях различных богов, о героях, коих слава наполнила десять стран света, об остроумных юношах; иногда тень Чингис-хана появлялась на сцене, впрочем довольно редко» [5].

Часто О. М. Ковалевскому приходилось оказывать бурятам первую медицинскую помощь, особенно в эту зиму, и поддержи-

---

[1] W. Kotwicz. Op. cit., str. 99.

[2] В письме Совету университета от 8 июля 1832 г. О. М. Ковалевский сообщал: «Сегодня я отправляюсь в степную 18 Селенгинских родов думу, где надеюсь найти несколько бурят, с коими приступлю к переписке собранных мною рукописей для университетской библиотеки, и продолжать практические упражнения в языке посредством бесед с природными знатоками и чтения книг, начну приводить в порядок свой монгольский лексикон» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 182).

[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, ист.-фил. факультет, № 38, л. 5

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л 627.

[5] «Молва», 1833, № 147.

вать больных продуктами питания. В Петербург он писал: «Почти каждый день я принимаю от больных посольства и просьбы о присылке им чаю и сахару» [1].

В начале 1833 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов, проведя почти пять лет среди бурят-монголов, выехали из Иркутска в Казань. В Тобольске О. М. Ковалевский встретился со своим старым другом О. Петрашкевичем [2], с которым он провел несколько дней. Возобновилась переписка, продолжавшаяся до 1863 г. 14 марта 1833 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов возвратились в Казань, но сразу же выехали в Петербург: министр просвещения потребовал немедленного прибытия их в столицу для отчета и экзамена. Проверить знания монгольского языка О. М. Ковалевским и А. В. Поповым и рассмотреть научные работы, привезенные ими из Забайкалья, было поручено Академии наук, в частности академику И. Я. Шмидту, автору первых в России учебных пособий по монгольскому языку.

Экзамен прошел блестяще. Даже академик И. Я. Шмидт, кичливый и самоуверенный, писавший свои работы главным образом на немецком языке и никогда не скрывавший своего презрения к русским [3], вынужден был дать высокую оценку их знаниям и научным работам, отметив особо «Краткую грамматику монгольского языка» и «Краткий монгольско-русский словарь» О. М. Ковалевского.

«Мне остается только поздравить Казанский университет и отечество, — писал Шмидт 9 июня 1833 г. попечителю Казанского учебного округа, — с приобретением выходящих из недр одного и другого двух молодых людей, подающих необыкновенные надежды к успешному ходу на почти вовсе новом и довольно трудном ученом поприще, на котором, сколь бы давно для отечества нужно ни бывало, поныне еще никто из урожденных соотечественников не стремился» [4].

Совету Казанского университета О. М. Ковалевским было представлено «Краткое обозрение занятий», состоящее из двух частей: 1) об изучении языка и составлении учебных пособий, 2) о выполнении инструкций. Рассмотрев отчет, Совет университета постановил: «Все собранные Ковалевским мате-

[1] «Молва», 1833, № 147.

[2] О. Петрашкевич, библиотекарь Московского университета, был сослан в Тобольск в 1832 г. за подготовку побега польских офицеров в Польшу. Был связан с Ф. Заблоцким и И. Савиничем (М. Поляков. Студенческие годы Белинского. «Литературное наследство», № 56, стр. 386).

[3] А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы. Литограф. издание. СПб., 1896, стр. 64.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 716.

риалы по приведении в порядок издать на казенный счет, если по надлежащем рассмотрении окажутся того достойными»[1].

25 июля 1833 г. последовало распоряжение министерства просвещения об учреждении в Казанском университете кафедры монгольского языка во главе с О. М. Ковалевским, который был определен адъюнктом[2]. И только теперь, по ходатайству университета, с него был снят особый надзор.

Находясь в Петербурге, О. М. Ковалевский разработал и отправил в Казань план преподавания монгольского языка, принятый Советом университета, в основе которого лежал принцип постепенности. На первом году студенты обучаются только письму и чтению и усваивают основные положения грамматики. Большое значение при первоначальном изучении языка он отводил преподавателю: «Учитель для своего слушателя есть живая, так сказать, грамматика, словарь и энциклопедия сведений по сему предмету. . . Смотря по надобности, сообщает сведения об образе жизни, правлении, географии, истории, литературе и религии монголов столько, сколько это имеет отношение к читаемому сочинению». Второй год начинается с изложения различия между разговорным и книжным языком и заполняется главным образом чтением монгольских книг, в выборе которых преподаватель также должен руководствоваться принципом постепенности. Во втором же году излагаются основные грамматические правила и можно приступить к изучению истории и догматов буддизма». Третий год обучения посвящается в основном переводам с монгольского на русский и обратно. «В заключении преподать историю монголов с древнейших времен по нынешнее время, не ограничиваясь одним рассказом о вторжениях варварских племен в пределы соседей, но по возможности излагать прагматически причины и последствия происшествий. . .»[3]

В начале сентября 1833 г. среди студентов словесного отделения была проведена, независимо от курса, запись желающих обучаться монгольскому языку. Записалось четыре студента: К. Бабановский, окончивший уже университет, А. Некрасов, П. Уржумцев и Л. Ибрагимов — студенты словесного отделения. 11 сентября 1833 г. адъюнкт О. М. Ковалевский начал, впервые в высших учебных заведениях Европы, преподавание монгольского языка[4].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 222.
[2] Там же, № 6563, л. 1.
[3] Там же, ф. 92, № 2237, лл. 732—733
[4] Там же, ф. 977, № 6563, л. 6.

Начинается плодотворная научная и педагогическая деятельность О. М. Ковалевского, благодаря которой были заложены в России основы научного монголоведения.

В целях подготовки студентов для университета курс монгольского языка был введен одновременно в Первой казанской гимназии, где его поручили вести А. В. Попову. В 1836 г. О. М. Ковалевский разработал и опубликовал «Распределение преподавания монгольского и начала тибетского языков в Первой казанской гимназии» [1], рассчитанное на семь лет. Монгольский язык преподавался с первого года обучения, тибетский — с пятого.

Курс обучения в университете был трехлетним, но для овладения монгольским, а также другими восточными языками и глубокого изучения истории и литературы стран Востока этих лет было недостаточно, поэтому Казанский университет сразу же стал добиваться продления срока обучения на восточном разряде. В апреле 1834 г. было решено оставлять при университете студентов, обучавшихся восточным языкам, еще на два года, в течение которых они должны были продолжать занятия восточными языками, обращая главное внимание на восточную литературу и разговорный язык. По истечении дополнительных двух лет они вновь подвергались экзаменам [2].

В сентябре 1834 г. О. М. Ковалевский был избран экстраординарным, а в августе 1837 г. — ординарным профессором монгольского языка. С 1835 г. монгольский язык на младших курсах стал вести и А. В. Попов, утвержденный экстраординарным профессором. О. М. Ковалевский занимался со студентами старших курсов, объясняя «различие книжного от разговорного языка в грамматическом отношении» и «отрывки из монгольских сочинений». Кроме этого, он читал им «историю монголов по своим запискам четыре раза в неделю» [3]. В расписании лекций на 1841/1842 учебный год сказано, что он будет читать по собственным записям историю монгольской литературы [4].

Казанские монголоведы О. М. Ковалевский и А. В. Попов были лучшими знатоками монгольского языка в России в 30—40-х годах XIX в., их занятия проходили живо и увлекательно, но обучавшиеся монгольскому языку находились в очень тяже-

---

[1] О. М. Ковалевский. Распределение преподавания монгольского и начала тибетского языков в Первой казанской гимназии. Казань, 1836.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 3923, л. 6.

[3] Из расписания лекций на 1835/36 и 1838/39 годы. ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7350, л. 12 и № 8244, л. 35.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8559, л. 14.

лом положении: отсутствовали общедоступные монгольские печатные тексты, учебники, словари. В 1829 г. академик И. Я. Шмидт издал историческую хронику Саган-Сэцэна, но она уже тогда стала библиографической редкостью. Пользоваться ею было трудно также и потому, что перевод и комментарии были даны на немецком языке. Кроме того, «некоторые листы в его [Шмидта. — *Г. Ш.*] переводе, — писал О. М. Ковалевский еще из Бурят-Монголии, — требуют исправлений, как несоответствующие оригиналу. Наконец, в тексте имеются типографские опечатки и ошибки переписчика» [1]. В 1830 г. Шмидт опубликовал на немецком языке с последующим переводом на русский «Монгольскую грамматику», но это была грамматика старокнижного монгольского языка с очень слабой научной основой. Мало пользы принес учащимся и его «Монголо-немецко-российский словарь», изданный в 1835 г., в основу которого был положен словарь «Маньчжуро-монгольское зерцало слов». И. Я. Шмидт сам писал в предисловии к словарю: «Я не имел в виду составить словарь, вполне объемлющий все сокровища монгольского языка» [2].

Отсутствие общедоступных учебников и пособий, необходимых для изучения языка, литературы и истории монгольских народов, и определило на значительный период времени направление научной деятельности казанских монголоведов тем более, что основная работа по созданию учебных пособий ими была уже проделана в годы пребывания на Востоке. Наконец, нужно иметь в виду и то, что О. М. Ковалевский имел уже солидную лингвистическую подготовку.

Вначале О. М. Ковалевским была издана «Краткая грамматика монгольского книжного языка». Мысль о создании своей грамматики монгольского языка появилась у него, как он сообщал в «Кратком обозрении занятий», вскоре после приезда в Иркутск, так как «небольшие учебные пособия, предложенные Игумновым в Иркутске, оказались . . . недостаточными для совершенного разумения сего коренного языка, имеющего богатую литературу и представляющего много различия в просторечии и книжном употреблении, духовном и светском» [3]. К моменту отъезда в Китай костяк грамматики им был уже

---

[1] W. Kotwicz. Op. cit., str. 66.

[2] И. Я. Шмидт. Монголо-немецко-российский словарь. СПб., 1835, стр. III. Небезинтересно отметить, что Шмидт в предисловии к своему словарю оповещал ориенталистов о том, что над монгольским словарем успешно работают молодые русские ученые Ковалевский и Попов, которые «с ревностию и отличным успехом посвятили себя сему предмету» (указ. соч., стр. IV).

[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 262.

создан. Об этом свидетельствует письмо Совету университета от 1 августа 1830 г., в котором он сообщал, что создаваемая им грамматика содержит в себе краткое руководство к правильному произношению и чтению монгольских букв, объяснение частей речи, грамматические формы и их образование, употребление в монгольском языке падежей, предлогов, наклонений и времен, наконец, порядок слов в монгольских предложениях. Грамматика будет иметь также приложение, состоящее из хрестоматийных текстов, «собрания употребительнейших слов и разговоров», описания диалектов монгольского языка и объяснения «отступления разговорного языка от письменного» [1].

В Монголии и Китае работа над грамматикой продолжалась. «Живя 7 месяцев в Пекине, я имел средства обогатить грамматику новыми правилами и примерами» [2], — писал он в Казань после возвращения из-за границы. А в последнем отчете, датированном ноябрем 1832 г., мы читаем, что он «еще раз просмотрел свою сокращенную грамматику и приготовил оную для представления начальству» [3]. Таким образом, к моменту возвращения в Казань грамматика монгольского книжного языка им была уже создана. Академик Шмидт, познакомившись с ней в рукописи, дал, как известно, положительный отзыв. Поездка в Петербург, разбор привезенной литературы, составление каталога, санскритских, монгольских, маньчжурских, тибетских, китайских книг и рукописей [4] и учреждение кафедры несколько задержали завершение работы над грамматикой, но уже в декабре 1834 г. О. Ковалевский обращается к попечителю с просьбой напечатать ее на казенный счет в университетской типографии. Согласие было дано. В 1835 г. грамматика монгольского языка О. М. Ковалевского вышла в свет.

Несмотря на то, что это была грамматика книжного, или старописьменного монгольского языка, она получила высокую оценку у специалистов [5] и до появления в 1849 г. грамматики

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5059, л. 121.

[2] Там же, л. 144.

[3] Там же, л. 200.

[4] О. М. Ковалевский. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям в библиотеке имп. Казанского университета хранящимся. «Ученые записки Казанского университета», 1834, II, стр. 263—292. Имеется отд. изд.: Казань, 1834. Двадцать экземпляров каталога по личному распоряжению Н. И. Лобачевского было отправлено в другие высшие учебные заведения России (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7039, л. 1).

[5] Академик И. Я. Шмидт в рецензии писал: «Грамматика Ковалевского вполне достигает цели, для коей предназначена; т. е. она легким

монгольского языка А. А. Бобровникова являлась основным учебником для занимающихся этим языком.

Вторым учебным пособием, созданным О. М. Ковалевским, была знаменитая «Монгольская хрестоматия», основная работа над которой, например подборка текста, также была проделана в Бурят-Монголии. Она выросла из предполагаемого приложения к грамматике.

Вначале О. М. Ковалевский планировал издание хрестоматии в четырех томах, но к печати подготовил только два. «Впоследствии могут быть изданы в свет и остальные два тома хрестоматии моей, заключающие в себе немалое количество статей из истории монголов и бурятских племен . . . с присовокуплением разговоров, писем, стихотворений и пр.»[1], — сообщал 7 октября 1835 г. О. М. Ковалевский о своем плане попечителю, добиваясь разрешения о напечатании хрестоматии на казенный счет. В 1836 г. вышел из печати первый том хрестоматии, а на следующий год — второй. Она была создана для учебных целей, но ее значение не только в этом. Как подчеркивал известный востоковед В. В. Григорьев, «хрестоматия эта — явление замечательное не только в нашей ученой литературе, но и в целом ученом мире» [2].

«Монгольская хрестоматия» О. М. Ковалевского содержала 450 страниц разнообразного монгольского текста, расположенного по степени трудности. Начиналась она с кратких монгольских изречений, предназначенных для первоначального чтения и грамматического разбора. Затем были помещены десять повестей и легенд нравственно-религиозного характера, отличавшихся простотой и ясностью слога. «Это отделение, — писал автор, — познакомит читателей с вымыслами степного воображения» [3]. Далее были помещены статьи из «Уложения», составленного маньчжурами в XVIII в. для управления Монголией, и отрывки из «Установления о Тибете».

Во втором томе были собраны главным образом легенды о Шакьямуни и сведения о распространении буддизма в Тибете, Монголии и Китае, извлеченные из малоизвестных или совер-

---

и удобопонятным образом представляет начинающим обучаться сему языку основные его правила» (ЖМНП, 1836, кн. 9).

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4195, л. 31.

[2] ЖМНП, 1838, ч. 19, стр. 172. Труд О. М. Ковалевского — «Первая книга о монгольском языке, с которым так давно желают познакомиться ориенталисты; первая монгольская хрестоматия вышла в России и по-русски!» — писала «Библиотека для чтения», извещая читателей о выходе из печати хрестоматии («Библиотека для чтения», 1836, ч. XVII, отд. VI, стр. 12).

[3] ЖМНП, 1835, ч. 6, стр. 88.

шенно неизвестных рукописей. Текст был снят точно с подлинника. О. М. Ковалевский в своей работе придерживался правила: никогда произвольно не изменять ни слов, ни выражений. «Это правило, — отмечал в своей рецензии на «Монгольскую хрестоматию» В. В. Григорьев, — несравненно умнее и в тысячу раз благороднее той манеры, которая завелась у германских ориенталистов, особенно у санскритских, — издавать тексты очищенные, т. е. такие, откуда выпущены все пассажи, которых они не понимают, или которые не подходят под ими же самими созданные правила грамматики, основанной на немногих, прочитанных ими текстах» [1].

Не меньшую ценность для монголоведения имели примечания, содержащие богатый филологический и исторический материал, в которых было дано и краткое содержание повестей, использованных при составлении хрестоматии[2]. Она имела также указатель имен, предметов и таблицу монгольского летосчисления.

Хрестоматия была издана университетом, получившим в 1838 г. из Академии наук монгольский шрифт, но наборщиков, знавших монгольскую письменность, в Казани еще не было. Поэтому О. М. Ковалевский, как и при издании грамматики, сам набирал текст, что лишний раз свидетельствует о его горячем стремлении помочь учащимся и закрепить приоритет в области изучения Монголии за русской наукой.

Академия наук отметила «Монгольскую хрестоматию» О. М. Ковалевского полной Демидовской премией и избрала его в декабре 1837 г. членом-корреспондентом. В 1840 г. он становится действительным членом Общества истории и древностей Российских при Московском университете. Его грамматика и хрестоматия быстро стали известными за пределами России. Французские ориенталисты Бюрнуф и Жюльен просят Казанский университет выслать им труды О. М. Ковалевского и вступают с ним в «постоянную ученую переписку»[3]. В мае 1839 г. он избирается почетным членом Азиатского общества в Париже, а затем получает приглашение приехать во Францию, чтобы «заняться изданием монгольских текстов» [4].

Немецкие востоковеды приобрели около пятидесяти экземпляров учебников О. М. Ковалевского, положив их в основу

[1] ЖМНП, 1838, ч. 19, стр. 175.

[2] «Мы не читали, а проглотили его «Примечания» к текстам в высочайшей степени любопытные для филолога и любителя истории», — писал неизвестный рецензент в «Библиотеке для чтения» (1836, ч. XVII, отд. VI, стр. 12).

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4195, л. 161.

[4] Там же, № 5210, л. 79.

изучения монгольского языка. В 1847 г. О. М. Ковалевский сообщал Н. И. Лобачевскому, что в Берлинском университете «монгольский язык преподается по моим учебникам, в чем удостоверяют печатные каталоги лекций» [1].

Так были заложены в России профессорами Казанского университета основы для научного монголоведения [2], в чем главная заслуга принадлежит О. М. Ковалевскому. Он был уже в 30—40-х годах XIX в. признан крупнейшим в России специалистом по монголоведению.

Однако основным трудом О. М. Ковалевского в области монгольского языкознания является «Монгольско-русско-французский словарь», не потерявший своего значения и до настоящего времени. «В продолжение двадцати лет, — писал он, — одним из главных предметов моих занятий было составление, по возможности, полного монгольско-русско-французского словаря с надлежащей фразеологией» [3]. Большую помощь в работе над словарем, особенно на первых этапах, оказали О. М. Ковалевскому, как уже нами отмечалось выше, А. А. Игумнов [4] и Н. Я. Бичурин.

В Казань О. М. Ковалевский возвратился уже с несколькими словарями: «Монголо-российским», в котором насчитывалось около 40 тыс. слов «с объяснительными выражениями, при коих оставлял я пометки источников, мною употреблен-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5210, л. 79.

[2] Одновременно с О. М. Ковалевским закончил работу над монгольской хрестоматией А. В. Попов, которая была отослана на отзыв академику Шмидту. Последний писал, что она может быть напечатана, но значительно уступает хрестоматии Ковалевского. В 1836 г. Казанский университет издал хрестоматию А. В. Попова под названием: «Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку». Она была предназначена для воспитанников Первой казанской гимназии и других заведений, где обучали монгольскому языку. В хрестоматии — 144 страницы монгольского текста с примечаниями и словарем. Одинаковых текстов в обеих хрестоматиях почти не встречалось. Хрестоматия А. В. Попова уступала хрестоматии О. М. Ковалевского по широте и разнообразию текстов, критическому анализу и качеству примечаний, что в значительной степени объясняется назначением хрестоматии, но в ней было больше текстов, приближающихся к живому монгольскому языку. Современниками хрестоматия А. В. Попова так же была высоко оценена, как и хрестоматия О. М. Ковалевского (см. рецензию В. В. Григорьева в ЖМНП, 1838, ч. 19).

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5210, л. 1.

[4] «От Игумнова получил я собрание около 8000 слов монгольских с русским переводом и указатель 2-х томный к пекинскому маньчжуро-монгольскому, изданному в правление Каньси, словарю. Сверх того списал я у него коренные слова шести начальных букв монгольского алфавита», — писал О. М. Ковалевский в «Кратком обозрении занятий» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5060, л. 263).

ных, посредством которых можно проверить перевод», и двумя «Российско-монгольскими» словарями, из которых один, по его выражению, был пространным, а другой сокращенным, состоящим из пяти тысяч слов [1]. В Казани работа над словарем продолжалась с неослабевающей энергией. В 1841 г. начался набор «Монгольско-русско-французского словаря», первые листы которого были отправлены на отзыв академику Шмидту, оценившему словарь столь же высоко, как и предыдущие работы Ковалевского [2]. Через три года первый том словаря вышел из печати, последний (третий) — в 1849 г.

О. М. Ковалевский стремился создать прежде всего словарь живого монгольского языка, поэтому, как он сам подчеркивал в предисловии к первому тому словаря, основным источником был именно живой монгольский язык: «Тщательно вникал я в живой язык монгольских племен, подслушивал у них пословицы, сказки, песни, легенды, хранящиеся в народной памяти» [3]. В качестве других источников им были широко использованы монгольские, тибетские, маньчжурские и санскритские книги различного содержания, а также печатные и рукописные словари, из которых прежде всего следует отметить лексиконы А. Игумнова и В. Новоселова.

О. М. Ковалевский не ставил перед собой задачи создания полного монгольского словаря. Он считал, что для этого необходимо вначале составить специализированные словари «по роду наук, искусств и образу жизни народа и, вообще, требует продолжительных и добросовестных усилий не одного лица» [4]. Он писал, что особенно трудно составить словарь живого языка, ибо «язык живой — орган беспредельной энергии народного ума» [5]. Тем не менее созданный им словарь до выхода в свет в 1893—1895 гг. «Монгольско-русского словаря» К. Ф. Голстунского оставался самым полным по количеству охваченного им лексического материала и наилучшим по качеству выполнения. В 1933 г. «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского был переиздан в Шанхае.

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 97, № 5060, лл. 262—264.

[2] В своем отзыве академик Шмидт писал: «Ковалевский изданием своего словаря приобретает себе прочную заслугу по части дальнейшего распространения познания монгольской письменности ученым путем и вместе с тем благодарность не только любителей этого направления восточного языкоучения, но и отечества, которому такое учение приносит славу и постоянную пользу» (ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8628, л. 3).

[3] О. М. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. I. Казань, 1844, стр. III.

[4] Там же, стр. I.

[5] Там же.

Новый труд О. М. Ковалевского был высоко оценен крупнейшими русскими и зарубежными востоковедами. Академия наук удостоила словарь полной премии П. Демидова. «Мы с радушием приветствуем его (словарь. — *Г. Ш.*) как одно из наилучших сочинений, поступивших на состязание с самого учреждения Демидовских премий и удостоенных полной награды» [1], — говорилось в отчете о XV присуждении Демидовских премий [2].

На этом работа О. М. Ковалевского в области монгольского языкознания не закончилась. Он пишет «Сравнительную грамматику монголо-тюрко-финскую», «Опыт монгольской семантики», «Опыт монгольского корнеслова» и ряд статей для энциклопедического словаря Плюшара. К сожалению, первые две работы погибли в Варшаве в 1863 г. «Опыт монгольского корнеслова», недавно обнаруженный в Улан-Удэ Г. Н. Румянцевым [3], является первой и пока единственной попыткой дать этимологию монгольских слов с привлечением громадного материала из турецких, угрофинских, тибетского, маньчжурского, китайского и других языков. Он свидетельствует и о том, что О. М. Ковалевский был крупнейшим знатоком не только монгольских, но и многих других восточных языков.

В 1854 г. О. М. Ковалевский принял участие в составлении «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», предпринятого Академией наук под редакцией Н. И. Срезневского, поместив в этом сборнике список слов монгольского происхождения, находящихся в русском языке [4].

Следует отметить, что в издании «Материалов . . .» принимал участие и Н. Г. Чернышевский, выступивший с работой «Опыт словаря из Ипатьевской летописи».

---

[1] ЖМНП, 1846, ч. 4, стр. 59.

[2] В. В. Григорьев поместил в печати ряд обстоятельных разборов словаря О. М. Ковалевского (см. «Финский вестник», 1847 и «Северное обозрение», 1850, т. III), но счел все же необходимым оговориться, что его рецензии ни в коем случае нельзя «назвать «разбором»; разбора этого труда вне России никто не может написать; нет в Европе такого монголиста, которому бы это было по силам; в России же знаем мы только одного человека, которого стало бы на такой подвиг: это ученик г. Ковалевского, природный монгол по крови — и совершенный европеец по образованию господин Дорджи Банзаров» («Северное обозрение», 1850, т. III, стр. 215—216).

[3] Г. Н. Румянцев. Неизвестная рукопись О. М. Ковалевского. «Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры и экономики», 1947, т. VII, стр. 139—142.

[4] «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», СПб., 1854, изд. 2, Отд. Акад. наук, ч. I—III, стр. 377—380.

Большого внимания заслуживают также рецензии О. М. Ковалевского на грамматики А. В. Попова [1] и А. А. Бобровникова [2].

Следует отметить, что О. М. Ковалевский требовал от всех, занимающихся восточными языками, изучения прежде всего лексики и грамматики того или иного языка, решительно выступая против навязывания грамматических форм одного языка другому, особенно хорошо изученного языка, например латинского, менее известному. «Грамматик не имеет власти переменять язык!» [3] — таков был его тезис, с которым он выступил еще в 1829 г.[4] В рецензии на «Грамматику калмыцкого языка» А. В. Попова он еще и еще раз потребовал от лингвистов изучения законов грамматического строя языка: «Грамматику прежде всего надобно *открыть* (курсив О. М. Ковалевского.— *Г. Ш.*) эти законы, а потом уже привести их в стройный порядок или систему, сообразно с духом языка» [5].

О. М. Ковалевский стоял за создание четких и кратких грамматик, особенно предназначенных для учащихся. Он высоко оценивал монгольскую грамматику Бобровникова, но критиковал ее за то, что она слишком велика по объему, сложна, а местами даже темна и непонятна. «Длинные и слишком отвлеченные выражения в учебнике места иметь не должны» [6], — писал он.

Наконец, он обращал внимание востоковедов также на изучение стихосложения у народов Востока, приводя в качестве примера монгольский народ. «Нельзя думать, — писал он,

---

[1] О. М. Ковалевский. Разбор сочинения А. Попова, проф. Казанского университета под загл. «Грамматика калмыцкого языка». «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849.

[2] О. М. Ковалевский. Разбор грамматики монгольско-калмыцкого языка, изданной Бобровниковым. «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1851.

[3] «Казанский вестник», 1829, ч. 25, кн. II и III, стр. 145.

[4] В 1829 г. в письме из Иркутска, познакомившись с грамматикой французского ориенталиста Абель Ремюза, изданной в 1820 г. в Париже. Ковалевский писал: «Свойство каждого языка требует читать и писать правильно, сообразно с народным обыкновением и общим употреблением» («Казанский Вестник», 1829, ч. 25, кн. II и III, стр. 145).

[5] «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 113. Особенно, по его мнению, это касается лингвистов-ориенталистов: «Вообще, большая часть наших грамматик для восточных языков погрешает от излишней и исключительной нашей привязанности к одному какому-либо языку, законы которого стараемся почти насильно применять к языку, нами изученному» (там же, стр. 112).

[6] «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1851, стр. 166.

чтобы народ, страстно любящий песни, составлял стихи без малейшего основания для их механизма»[1].

О. М. Ковалевский хорошо знал монгольский разговорный язык, много над ним работал, но он ошибался, заявляя, что книжный язык лучше и выше народного, разговорного. Однако он признавал, что в практической жизни важнее живой язык, который и необходимо изучать филологам[2].

Очень много О. М. Ковалевский занимался историей монгольской литературы, которую читал студентам, обучавшимся монгольскому языку. В 1845 г. он сообщал попечителю, что приготовил к печати «Историю монгольской литературы» в трех томах[3], но она по не известным нам причинам не была издана. Рукопись труда была увезена в Варшаву, где сгорела вместе с другими его работами.

Одновременно с работой над монгольскими языками и литературой О. М. Ковалевский занимался обработкой собранного им богатого географического, исторического и этнографического материала. Он написал в 30—50-х годах XIX в. ряд статей и крупных работ по истории, географии, этнографии и религии Востока, опубликованных в «Ученых записках» Казанского университета, «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара и «Журнале министерства народного просвещения». Из статей, не вошедших в Энциклопедический словарь Плюшара, он составил в двух томах сборник, посвященный исключительно Монголии[4]. Кроме этого, он написал два фундаментальных труда, оставшихся в рукописи, — «Историю монголов» и «Историю Востока». Сборник статей по Монголии и «История Востока», повидимому, не сохранились, но два тома «Истории монголов» в 1936 г. были обнаружены А. А. Петровым в ЦГА ТАССР среди курсовых сочинений студентов Казанской духовной академии[5]. В настоящее время они находятся в архиве сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР[6].

---

[1] «Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1851, стр. 164.

[2] «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 110.

[3] А. Фойгт. Указ. соч., стр. 23; ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5741, л. 1.

[4] К. Фойгт. Указ. соч., стр. 23.

[5] А. А. Петров. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве ТАССР и в Библиотеке Казанского университета. «Библиография Востока», 1936, вып. 10, стр. 148—152.

[6] Н. П. Журавлев и А. М. Мугинов. Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР. «Ученые записки Института востоковедения», т. VI, 1953, стр. 42.

Первый том — «Введение в историю монголов» — состоит из 17 пронумерованных тетрадей, набело переписанных автором. По мнению А. А. Петрова, он был закончен в 1843 г. В этом томе дана периодизация истории монголов, подробно рассматриваются источники, географическая среда и ее влияние на жизнь древних монголов и их соседей. Остальную, бóльшую часть тома (300 стр.), занимает история Китая с древнейших времен по III в. н. э. Второй том — история монголов с 1206 г. по XIX в., — состоящий из 33 тетрадей, также набело переписанных, был закончен в 1856 г. Он, в свою очередь, делится на две части: 1206—1368 гг. и 1368—1691 гг. и заканчивается описанием Монголии в составе Дайцинской империи. В конце имеется родословная таблица монгольских ханов и князей [1].

По своим историческим взглядам О. М. Ковалевский примыкал к дворянско-буржуазным просветителям 30—40-х годов XIX в. В основе его взглядов на историю лежало представление об истории как едином процессе развития. «. . . Помнить надобно, — говорил он в речи «О знакомстве европейцев с Азией», — что всякое достопримечательное явление в сфере человеческой деятельности имеет свое начало, имеет и эпохи своего возрастания» [2]. Задачу историка он видел «в том, чтобы, исследовав различие деяний народов и характер оных, представить все прошедшее в одной неразрывной связи» [3]. О. М. Ковалевский, признавая единство пути развития народов всего мира, выступал против разделения и противопоставления Европы и Азии. Он считал, что каждый народ, независимо от того, является он большим или малым, вносит свой посильный вклад в общий труд человечества, содействуя успехам других. В неоднократно отмечаемой нами речи «О знакомстве европейцев с Азией» он говорил, что народы Европы и Азии каждый «своими силами способствовали новому предприятию и успехам других . . . Таким образом действовали азиатцы и европейцы: они, каждый в свою очередь, трудились для общей пользы, часто не зная о соревнователях на другом конце мира» [4].

---

[1] ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29 (фонд Ковалевского), опись № 1.

[2] О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837, стр. 24.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 466.

[4] О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией, стр. 32. Свою «Историю монголов» О. М. Ковалевский начинает следующими словами: «Каждый народ имеет свое прошедшее, свою историю. Не одни греки и римляне, индийцы и китайцы внесены в скрижали истории бытописания; монголы и тунгусы занимают в них приличное место. . .»

Определяющим фактором в жизни народов является, по его мнению, географическая среда, местность. Она определяет направление развития хозяйства, быта и является основным моментом в формировании народного характера [1]. Местность разнообразна, поэтому разнообразна и жизнь народов, различны характеры народов, даже в пределах одного государства, однако народ со своей стороны оставляет тот или иной след на местности, которую он занимает.

«В Азии, — говорил О. М. Ковалевский, — как и в Европе, нет утомительного однообразия и неподвижности народной . . . А как местность наложила неизгладимое клеймо своего влияния на людей, так и обитатели Азии, каждый по своим силам, оставили глубокие следы своего пребывания на местностях, следы языка, первого свидетеля существования народов, следы успехов искусства и образованности» [2]. В качестве примера, показывающего различное влияние местности на жизнь народов и их характер, он очень часто брал две соседние страны: Монголию и Китай.

«Великая стена, — писал Ковалевский в Казань 2 апреля 1832 г., — есть рубеж, за который порывистые и пронзительные монгольские ветры не смеют, кажется, перелетать. С вершины оной взираешь свободно на Монголию и Китай, как бы на два противоположных мира: в одном страшная пустота степей, в другом неимоверное стеснение жителей поражает каждого зрителя: там с трудом отыскиваешь человека для беседы, здесь не укроешься перед толпами людей: там праздность, свойственная кочевому образу жизни, владеет степными чадами, здесь железное терпение и труд, по необходимости, чрезвычайно отличает земледельцев» [3]. Особенно подробно О. М. Ковалевский рассматривает вопрос о влиянии географического фактора на жизнь народов. В первом томе «Истории монголов», как уже отмечалось, имелся специальный раздел о географических особенностях Центральной и Восточной Азии и влиянии их на хозяйство, быт и нравы народов, проживающих здесь.

(ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29, № 1, стр. 1).

[1] Что О. М. Ковалевский понимал под народным характером? «Чувство религиозное, чувство законности и чувство нравственности облекается неодинаково наружностью и своими оттенками образует характер народный», — писал он. (ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив, ф. 29, № 1. О. М. Ковалевский. Введение в историю монголов, стр. 28).

[2] О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией, стр. 33.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 517.

Определяя влияние географической среды на китайцев и монголов, он писал: «На юге от этой песчаной степи, на склоне Азии к Южному океану расстилается Китай, предназначенный природою к особенному развитию его гражданственности.

В горной окраине, составляющей северную границу срединного царства, лежит резкая черта между холодным, суровым нагорьем и теплой, роскошной низменностью. На юге от нее издревле обитали китайцы, знакомые с оседлостью, земледелием, гражданственностью и промышленностью, под влиянием физического устройства занимаемой ими земли, между тем как обширные, суровые нагорья заняты были дикими племенами, которых сама природа предназначила к номадной жизни или к еще дикому состоянию звероловов и рыболовов. Поэтому упомянутая пограничная черта должна была сделаться театром важных событий и борьбы цивилизованного юга с диким севером. Здесь-то необузданные ватаги дикарей, от природы привычные к опасностям, охоте, грабежам и войнам, устремились на цивилизованные и стройные, но часто расслабленныя китайские владения» [1].

В 1871 г. в «Варшавских университетских известиях» была опубликована составленная О. М. Ковалевским программа по всеобщей истории, в которой также исходным моментом он брал «описание местности и ее влияние на характер жителей» [2].

Кроме географической среды, О. М. Ковалевский большую роль в истории отводил просвещению. Где имеется просвещение, там, по его мнению, развиваются ремесла, торговля, промышленность, наука, искусство, литература и т. д. Где нет просвещения или оно приходит в упадок, там, напротив, застой, разорение, нищета. Сочувствуя народным массам, он только в развитии просвещения видел возможность улучшения их материального и правового положения. От просвещения зависит, считал он, сила государства и его единство, и, наоборот, отказ от просвещения приводит к ослаблению и развалу государства.

В качестве доказательства О. М. Ковалевский неоднократно ссылался на историю монголов. В чем заключается, по его мнению, одна из основных причин ослабления и распада державы Чингис-хана? — В отказе от просвещения и выгод образованного общества. В письме из Троицкосавска в феврале 1832 г. он писал: «Нашествия сего народа, неоднократно возоб-

---

[1] ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29, № 1, стр. 22.

[2] О. М. Ковалевский. Программа всеобщей истории. «Варшавские университетские известия», 1871, № 3, стр. 328.

новляемые в разные страны, не имели другой цели, кроме добычи . . . Таким образом разбойнические шайки беспрестанно перебегали с места на место, пользуясь богатою добычею, не предпринимали труда в просвещении себя» [1]. Другими причинами распада державы Чингис-хана Ковалевский считал ассимиляцию монголов и «личную вражду членов владычествовавшего дома» [2]. Только при династии Юань, под влиянием Китая, и то ненадолго, начало развиваться среди монголов просвещение. После же изгнания их из Китая «прежняя дикость объяла умы . . . монголов с тем только различием, что при них осталось письмо, которого прежде не знали» [3].

В качестве другого примера О. М. Ковалевский приводил господство маньчжуров в Китае. Наивысшим периодом расцвета Дайцинской империи он считал правление Канси, что связано было, по его мнению, со стремлением маньчжурского императора овладеть науками и распространить их среди маньчжуров и китайцев. За эту страсть к наукам, которая якобы имелась у Канси, О. М. Ковалевский готов был поставить его в пример другим императорам [4].

О. М. Ковалевский интересовался социально-экономическими вопросами и много писал, особенно в письмах из Монголии и Китая, о тяжелом положении народных масс в странах Востока, считал, что общество по своему экономическому и правовому положению делится на классы [5]. Однако вооруженные выступления масс признавал революциями, но, являясь

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 479.

[2] Там же, л. 479.

[3] Там же, л. 480.

[4] О. М. Ковалевский. Правление Кан Си. ЖМНП, 1839, ч. XXII. Во время пребывания в Китае О. М. Ковалевскому удалось собрать большой материал о деятельности католических миссионеров в Китае. Он собирался написать на эту тему большую работу. Часть материала была им использована в статье о Канси. О. М. Ковалевский отмечает усиленное проникновение в XVII в. в Китай католических миссионеров и их влияние на Канси, вскрывает приемы, которыми пользовались миссионеры, и, правда, далеко не до конца, их цель: «Гибкие, изворотливые слуги папы, оставив европейскую наружность: платье, обычаи и прочее, изучали язык, письмо, китайскую историю, китайские классические книги и в виде литераторов и ученых вторглись в высший круг нового общества... Они стали уже открыто иметь влияние на местные власти, созидали костёлы, обращали в христианство людей всякого сословия и посредством многочисленных шпионов узнавали все тайны правительственные, старались дать им направление, сообразное с видом ордена» (там же, стр. 96).

[5] Так, население Бурят-Монголии он делил на четыре класса: чиновников, духовенство, казачью верхушку и простолюдинов, «кои платят подати за себя и чиновников, содержат многочисленное духовенство и удовлетворяют потребностям кумиренным» («О забайкальских бурятах», «Казанский Вестник», 1829, ч. 27, кн. XI—XII, стр. 185).

просветителем, отрицательно относился к народным восстаниям [1] и не считал народные массы движущей силой истории, однако всегда подчеркивал, что каждый народ имеет свое место в истории и никогда бесследно не исчезает [2]. Более того, династии исчезают, а народ остается бессменным деятелем [3]. Работы или лекции о том или ином народе он предлагал заканчивать таким разделом: «Значение народа в ходе всего человечества» [4].

О. М. Ковалевский все же переоценивал роль личности в истории и много внимания в своих исторических работах уделял династической борьбе [5], но, как видно из всего вышеотмеченного, никогда не сводил историю к деятельности королей и полководцев. Важнейшим вопросом истории он считал вопрос о происхождении народов, особенно Азии. «История обязана решить вопрос: какие племена искони обитали в Азии; раскрыть их судьбу, взаимное борение и конец . . .» [6], — говорил он в речи 8 августа 1837 г.

Таким образом, О. М. Ковалевский почти в одно время с Н. Я. Бичуриным поставил вопрос об этногенезе народов Азии, что имело большое значение для русского востоковедения. Сам он занимался главным образом происхождением центральноазиатских народов: монголов, бурятов, киданей, киргизов, уйгуров, тунгусов.

Вначале О. М. Ковалевский считал, что все народы, живущие на территории Центральной Азии как в прошлое, так и в настоящее время, одного происхождения — монгольского [7]. Поэтому и киргизов, и киданей он считал народами монголь-

---

[1] О. М. Ковалевский. Политический переворот в Китае около половины XVII столетия. ЖМНП, 1840, ч. XXV.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4814, л. 25.

[3] О. М. Ковалевский. История монголов. ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив, ф. 29, № 1, стр. 27. Определяя влияние географической среды на монголов и излагая план своей работы, О. М. Ковалевский писал: «Увидим, как одни лишь династии исчезали с страниц летописей, а народ оставался бессменным деятелем, под другим только именем и, вероятно, с примесью новых поколений, по мере расширения владений главного» (там же, стр. 27).

[4] О. М. Ковалевский. Программа всеобщей истории. «Варшавские университетские известия», 1871, № 3, стр. 328.

[5] О. М. Ковалевский. История монголов.

[6] О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией, стр. 23.

[7] В письме от 23 февраля 1832 г. он писал: «. . . Все пространство, ныне занимаемое монголами, издревле было местопребыванием многочисленных племен под различными названиями, одного происхождения, но беспрестанно враждующих между собою» (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 479).

ского происхождения [1], но в «Истории монголов» он говорит уже о трех этнических группах (поколениях), проживавших в Центральной и Средней Азии: эта территория «с незапамятных времен была обитаема кочевыми народами, принадлежащими к трем поколениям: тюркскому, монгольскому и тунгусскому. . . Эти поколения исповедывали одну общую веру (шаманство) и, судя по их наружности, произошли, может быть, от одного корня, впрочем нам неизвестного. . .» [2].

Монголы занимали территорию по Онону, Туле и Кэрулену. Тюрки — на запад до Каспийского моря и от Енисея до Урала. Тунгусы — от Монголии до Тихого океана [3].

Громадной заслугой О. М. Ковалевского перед русским востоковедением является введение им в научный обиход большого числа монгольских источников, ранее совершенно не известных историкам и филологам. И свои исторические работы он создавал главным образом на основе тщательного изучения новых источников — монгольских и маньчжурских, им найденных и переведенных. В этом отношении он имел преимущество даже перед Н. Я. Бичуриным, который изучал Среднюю Азию и Монголию в основном по китайским источникам. Кроме того, Ковалевский широко привлекал также европейские источники.

О. М. Ковалевский неоднократно отмечал, что Н. Я. Бичурин идеализировал несколько Китай и все китайское, однако сам не избежал идеализации монголов, но в таком вопросе, как характер монгольских завоеваний XIII в., он в основном занимал правильную позицию: подчеркивал, что походы носили грабительский характер, и отмечал, что в ходе их, особенно в ходе походов Чингис-хана и Батыя, были уничтожены громадные материальные ценности, создаваемые веками; походы готовила знать, стремясь к наживе и власти;

---

[1] Так, относительно киргизов он писал в марте 1832 г. в Казань: «Я до сего времени уверен, что сей народ в древности занимал другие места и был монгольского происхождения, несмотря на то, что он ныне является в совершенно новом виде, говорит по-татарски и исповедывает мухамеданскую веру. История указывает нам много подобных примеров. . . Я счастливым себя сочту, если мои предположения возбудят в ком-либо ревность к дальнейшим исследованиям для открытия истины, к познанию которой мы обязаны все свои силы напрягать» (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, л. 501). О происхождении киданей см. его статью «Кидане», ЖМНП, 1839, ч. XXIV.

[2] О. М. Ковалевский. История монголов, стр. 27—28. Впрочем, коснувшись киргизов, он все же делает оговорку: «Трудно согласиться с теми, которые киргизов считают турецким поколением» (там же, стр. 211).

[3] О. М. Ковалевский. История монголов, стр. 28 и 191.

в них участвовали почти все центральноазиатские племена [1]. Лишь для некоторых азиатских племен он делал исключение, считая, что они «машинально сталкивали друг друга с места» [2]. В этом можно видеть зарождение среди русских востоковедов так называемой теории толчков, которая впоследствии была развита В. В. Григорьевым.

Причину же быстрого продвижения монголов на запад во время походов Чингис-хана и Батыя О. М. Ковалевский совершенно правильно усматривал в политической раздробленности Руси и вражде между княжествами: «В это время Русь, с востока отделенная Окою, раздроблена была на мелкие княжества — между собой враждебные, неповинующиеся великому князю, живущему сперва в Киеве, потом (с 1169 г.) во Владимире» [3].

Державу Чингис-хана он рассматривает как конгломерат территорий и народов: «Из обломков разных царств и владений возникла монгольская монархия. . . В ней приметно странное столкновение разных местностей, на которых обитали различные народы, неодинаковым языком говорившие, преданные разным религиозным толкам, различного образования, несходные между собою ни в образе жизни, ни в нравах, ни в обычаях» [4].

О. М. Ковалевский выступал против обвинения народов Востока в их природной склонности к войнам и грабежу, о чем писали тогда английские и другие буржуазные ориенталисты, стремясь оправдать английских колонизаторов за «опиумную войну». Войнам он противопоставлял торговые связи, которые укрепляют не только добрососедские отношения, что он показывал на примере взаимоотношений между Россией и Китаем, но и способствуют, благоприятствуют изучению Востока. «Кому неизвестно, — говорил он, — как торговые сношения расширили круг знакомства Европы с Азией. . . как с купеческими транспортами через степи Средней Азии и Южный океан переходили разнообразные сведения об отдаленных странах?» [5].

---

[1] См. письмо О. М. Ковалевского в Казань от 23 февраля 1832 г. (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 2237, лл. 478—482); «Историю монголов». ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Архив востоковедов, ф. 29, № 1; Речь о знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837 и другие работы.

[2] О. М. Ковалевский. Речь о знакомстве европейцев с Азией, стр. 3.

[3] О. М. Ковалевский. История монголов, стр. 236.

[4] Там же, стр. 237.

[5] О. М. Ковалевский. Речь о знакомстве европейцев с Азией, стр. 26—27.

Много сделал О. М. Ковалевский и в области изучения буддизма, особенно его тибетско-монгольской формы — ламаизма[1]. Первые сведения о буддизме были им сообщены в статьях и отчетах, опубликованных в «Казанском вестнике»[2]. Уже в них он довольно подробно рассматривал догматы и обрядовую сторону ламаизма. Но основной его работой по буддизму, не считая материала, имевшегося в «Монгольской хрестоматии», является «Буддийская космология», печатавшаяся по частям в «Ученых записках Казанского университета» в 1835—1837 гг.[3]

О. М. Ковалевский правильно определял время возникновения буддизма в Индии — VI—V вв. до н. э., но не видел классовых корней его возникновения, считая, что причиной появления буддизма являлся раскол среди браминов из-за трактовки некоторых положений Вед[4]. Однако у него проскальзывала и мысль о том, что буддизм возник только на определенном этапе развития Индии, когда в стране появилось нечто новое, «а святой язык индийский оказался недостаточным для выражения этих новых понятий и умозаключений»[5]. Необходимо также отметить, что О. М. Ковалевский, несмотря на свою обусловленную временем ограниченность, правильно понял, что буддизм, в частности ламаизм, проповедует смирение и покорность, что «Будда отвергал. . . различие между классами (т. е. кастами. — *Г. Ш.*) народа»[6], что «простое и почти очевидное плутовство шаманов уступило место хитрому и более скрытному обману со стороны шигэмуниевых жрецов».

Рассматривая распространение буддизма в странах Азии и появление новых его форм, О. М. Ковалевский пришел к выводу, что у разных народов Будда не одинаков и имеются значительные различия в догматике. Причиной этого он,

---

[1] В 1857 г. тюрколог И. Н. Березин в рецензии на книгу В. П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература», отметив, что западноевропейские ориенталисты совершенно не знают работ О. М. Ковалевского о буддизме, писал, что «мы не можем их забывать» (ЖМНП, 1857, ч. XCУ, отд. VI, стр. 6).

[2] См., например, «Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, за Байкалом, в августе 1829 года». «Казанский Вестник», 1830, ч. 28, кн. I.

[3] О. М. Ковалевский. Буддийская космология. «Ученые записки Казанского университета», 1835, II, IV; 1837, I. Имеется отдельное издание. Казань, 1837.

[4] «Казанский Вестник», 1830, ч. 28, кн. I, стр. 66.

[5] Там же, стр. 66.

[6] Там же, стр. 61.

[7] Там же, 1829, ч. 27, кн. XI и XII, стр. 167.

однако, считал только географическое положение той или иной страны.

В целом для О. М. Ковалевского характерно отрицательное отношение к буддизму, особенно ламаизму, но, придавая в развитии общества большое значение просвещению, он считал, что буддийская литература и проповеди буддистов о равенстве оказали в свое время большое влияние на кочевые народы Азии. «Дикие народы, — писал он, — преклонив колени перед Буддою, начали жить гораздо покойнее, вражда умолкла и набеги потеряли свой характер лютости», а «переселение душ, принятое буддистами. . . , способствовало также развитию мысли» [1].

Работы О. М. Ковалевского о буддизме вызвали интерес у русских ученых и русской общественности к этой религии, широко распространившейся по странам Азии. Ученик О. М. Ковалевского В. П. Васильев, ставший впоследствии крупным русским китаистом, академиком, в 1838 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Об основаниях философии буддизма» [2]. Кандидатская диссертация Д. Банзарова также, как известно, была посвящена изучению религиозных верований монголов. Декабрист М. А. Бестужев внимательно изучал «Буддийскую космологию» О. М. Ковалевского и составил подробный конспект этой работы [3].

Выходом в свет «Буддийской космологии» работа О. М. Ковалевского над буддизмом не закончилась. Он написал еще несколько трудов, которые, однако, не были изданы: «История буддизма», «Исследования в области буддийской хронологии», «Биография Джонкавы — реформатора буддизма в Тибете», «Биография Джоя Пандиты» и «Биография Далай-лам Тибетских».

Научные заслуги О. М. Ковалевского в области русского востоковедения были высоко оценены современниками. В ноябре 1847 г. историко-филологическим отделением Академии наук он был избран ординарным академиком по части восточной словесности, причем «с дозволением. . . оставаться в Казани впредь до выслуги эмеритуры» [4], что очень редко встречалось в практике Академии наук, так как ординарные академики должны были обязательно находиться при Академии

---

[1] О. М. Ковалевский. Монгольский отшельник. «Казанский Вестник», 1832, ч. 35, кн. V, стр. 363—364.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8290, л. 5.

[3] М. К. Азадовский. Путевые письма декабриста М. А. Бестужева. «Забайкалье», 1952, кн. 5, стр. 207.

[4] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, № 11, л. 11.

в Петербурге. Непременный секретарь Академии наук в представлении историко-филологическому отделению Академии писал, что лучшим преемником умершего академика Шмидта был бы О. М. Ковалевский. «Россия, — писал он, — сама представляет его нам в лице г. Ковалевского, профессора монгольского языка в Казанском университете и члена-корреспондента нашей Академии. . . Ныне из всех ориенталистов (он. — *Г. Ш.*) есть без сомнения единственный, который может заменить нам нашу потерю относительно к монгольскому языку и литературе» [1].

Общее собрание Академии наук одобрило представление историко-филологического отделения, выдвинувшего на вакантное, после смерти И. Я. Шмидта, место ординарного академика двух кандидатов — О. М. Ковалевского и экстраординарного академика М. Броссе. Но министр народного просвещения С. С. Уваров «изъявил согласие, чтобы старший из них г. Броссе был повышен на вакацию ординарного академика и, чтобы открыта была другая ваканция для г. Ковалевского, сверх настоящего штата» [2]. Дело об избрании О. М. Ковалевского в академики было направлено на «высочайшее» утверждение.

О. М. Ковалевский был не только крупным ученым-патриотом, но долгое время занимался и административной деятельностью. По рекомендации Н. И. Лобачевского он был в 1834 г. избран секретарем издательского комитета «Ученых записок Казанского университета» (во главе издательского комитета стоял ректор Н. И. Лобачевский) и занимал эту должность свыше двадцати лет. Н. И. Лобачевский и О. М. Ковалевский немало приложили сил к тому, чтобы превратить ученый орган университета в трибуну передовой русской науки. В 1835 г. О. М. Ковалевский писал О. Петрашкевичу о своей работе в издательском комитете: «Настоящий год будет лучше. Как секретарь редакции могу заверить, что будет лучше: я собрал уже немало статей и сам выступлю с лучшим материалом» [3].

Трижды он избирался деканом историко-филологического факультета на четырехлетний срок, установленный уставом: в 1837, в 1845 и 1854 гг. Вскоре после возвращения из командировок О. М. Ковалевский был дополнительно назначен секретарем организационного комитета по приему экзаменов для учителей гимназий и уездных школ, а с 1839 г. являлся уже его председателем, работая также под общим руководством

[1] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, № 11, л. 7—8.
[2] ЖМНП, 1848, т. 57, отд. III, стр. 46—47.
[3] W. Kotwicz. Op. cit., str. 188.

Н. И. Лобачевского. В 1844 г. он становится, сохраняя службу в университете, директором II-й Казанской гимназии и управляющим школами Казанской губернии.

Новая должность отнимала у него очень много времени и сил, требовала разъездов по Казанской губернии, но ученый с большим воодушевлением работал на этом поприще. Это будет вполне понятным, если мы вспомним, какое значение он придавал просвещению. С одной стороны, «семь лет управления школами здешней губернии причисляю к лучшему периоду моей жизни, — писал он О. Петрашкевичу в июле 1851 г., — ибо удалось мне сделать много полезного даже для заведений, не подчиненных мне. С другой стороны, эта служба отобрала много ценного времени, которое можно было бы использовать иначе, виднее, но с меньшей пользою для общества. Если оставят меня на кафедре, то последние дни своей жизни посвящу отдыху, созданию и завершению научных работ, для которых собралась уйма материала» [1].

Во второй половине 1854 г. тяжело заболел известный ученый, ректор университета И. М. Симонов. О. М. Ковалевскому было поручено исполнять обязанности ректора, а после смерти И. М. Симонова в 1855 г. он был назначен ректором университета.

О. М. Ковалевский в казанский период своей жизни не принимал участия в общественном движении в России и национально-освободительной борьбе польского народа; он занимал в системе просвещения значительные административные посты, но, исходя из этого, нельзя, как нам кажется, говорить о том, что он превратился в типичного царского чиновника. Об этом свидетельствуют его письма к О. Петрашкевичу, его научная и административная деятельность, отношение к нему царских властей и его желание поселиться в Вильно — городе своей молодости. Так, по письмам к О. Петрашкевичу можно проследить его душевное состояние и его отношение к своей службе и царским сановникам. В 1835 г. О. М. Ковалевский писал О. Петрашкевичу: «Бывают иногда такие тяжелые минуты, что я готов забыть о всем. Но снова какая-нибудь радость, мелькнет луч надежды и просыпаются от летаргического сна, начинают шевелиться давние страсти» [2].

---

[1] W. K o t w i c z. Op. cit., str. 114.

[2] Там же, стр. 188. В письме 22 декабря 1856 г. он писал: «. . . Часто делаю отчет перед своей совестью, чтобы все сосчитать, что сделал на этой земле. Впрочем, ты нашел бы меня таким же, каким ты меня видел 23 года тому назад. Исключением я считаю то, что женат и имею троих детей» (там же, стр. 138).

В другом письме к нему, отправленном в декабре 1853 г., мы читаем: «Около 18 декабря, ночью, на Московском тракте встретил я вашего генерал-губернатора, спешившего в столицу. . . Интересно знать, что бедная Сибирь выигрывает от этих метеоров, которые пролетают над ней, не давая ей ни тепла, ни света. И у нас часто начинают показываться «северные сияния» [1].

Ректором Казанского университета О. М. Ковалевский был утвержден не сразу. В. Котвич сообщает, что министр просвещения А. С. Норов возражал против его кандидатуры, ссылаясь на участие О. М. Ковалевского в освободительном движении польского народа [2].

Став ректором, О. М. Ковалевский заботился об укреплении химического кабинета университета, во главе которого тогда находился А. М. Бутлеров [3], мечтал о возвращении университету руководства школами и о дальнейшей деятельности на поприще народного образования. «Ходят слухи, что управление школами снова будет возвращено университету, и я очень радуюсь этому. Пока еще живу, сделаю что-нибудь для заведений, которые очень люблю» [4], — делился он своими планами с О. Петрашкевичем.

Стать академиком О. М. Ковалевскому не удалось: он не был утвержден царским правительством по политическим соображениям [5].

В феврале 1860 г. О. М. Ковалевский, не сумевший предотвратить волнений среди студентов университета (это был период революционной ситуации 1859—1861 гг.), был отстра-

---

[1] W. K o t w i c z. Op. cit., str. 195.

[2] Там же, стр. 116.

[3] В Архиве АН СССР хранится письмо О. М. Ковалевского А. М. Бутлерову от 20 декабря 1857 г., находившемуся в заграничной командировке, из которого видно, что они все время обменивались письмами и что О. М. Ковалевский проявлял заботу об укреплении химического и физического кабинетов университета. Заканчивается письмо сообщением А. М. Бутлерову университетских и семейных новостей (Архив АН СССР, ф. 22, оп. 2, № 17).

[4] W. K o t w i c z. Op. cit., str. 117.

[5] «Материалы для биографии Н. И. Лобачевского». Собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. АН СССР, стр. 742. В. Котвич считает, что О. М. Ковалевский сам отказался от звания академика, не желая из-за состояния здоровья переезжать в Петербург (W. K o t w i c z. Op. cit., str. 112), однако имеется его письменное согласие на баллотировку в академики и переезд в столицу. См. дело «Об избрании экстраординарного академика М. Бросса и профессора Ковалевского в ординарные академики по части восточной словесности». (Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17).

нен от должности ректора [1]. Два года провел он еще в Казани, без службы, пока не получил приглашения в Варшаву, в Главную школу [2], на должность профессора всеобщей истории, куда и прибыл в 1862 г., увезя из Казани значительную часть своих рукописей.

19 сентября 1863 г. из окна дома, в котором жил О. М. Ковалевский в Варшаве, была брошена бомба в царского наместника графа Берга. Военные власти приказали сжечь все имущество жителей этого дома. Приказ был немедленно приведен в исполнение. Среди сожженных вещей оказались рукописи О. М. Ковалевского и фортепиано Шопена, находившееся в этом же помещении.

Гибель рукописей, лекций и других материалов была тяжелым ударом для О. М. Ковалевского. Погиб труд почти всей жизни. Несмотря на это, О. М. Ковалевский не прекращал лекций, хотя читал их уже без прежнего подъема. В 1878 г. он умер, находясь в здании университета.

Такова была научная деятельность О. М. Ковалевского. Она лишний раз свидетельствует о том, что по многим отраслям знаний русское востоковедение, развиваясь под влиянием передовой общественной мысли тогдашней России, шло впереди западноевропейского.

Большой ученый и патриот, О. М. Ковалевский заложил в России основы научного монголоведения и прочно закрепил за ней приоритет в области изучения Монголии. Казанская школа монголоведов, созданная им, была ведущей в России на протяжении всего XIX в. Из этой школы вышли и первый бурятский ученый Доржи Банзаров, и академик В. П. Васильев, и тонкий грамматист А. А. Бобровников. Значительный вклад был внесен О. М. Ковалевским также в развитие русской китаистики. Он одним из первых в России выступил против включения Китая в число «неисторических» стран и стремился доказать единство развития народов мира.

---

[1] Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец. Революционные демократы и общественное движение в Казанском университете в период революционной ситуации (1859—1861). Казань, 1952.

[2] В 1869 г. Главная школа была преобразована в Варшавский университет. В 1863—1868 гг. лектором филологии и морфологии русского языка историко-филологического факультета Варшавской Главной школы был И. С. Савинич. В 1869 г. О. М. Ковалевский был избран деканом историко-филологического факультета.

Н. П. ШАСТИНА

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Н. Я. БИЧУРИНА ДЛЯ РУССКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

Знаменитым русским синологом Н. Я. Бичуриным внесен большой вклад в изучение Монголии, и он по праву занимает выдающееся место в истории русского монголоведения первой половины XIX в. При этом следует подчеркнуть, что сам Бичурин не считал себя монголоведом, так как полагал, что необходимым условием для ориенталиста является знание языка того народа, изучением которого он занимается. Поэтому, зная монгольский язык в недостаточном объеме, он не называл себя монголоведом. Между тем он много и серьезно занимался историей монголов, считая, что прежде чем приступить к изучению истории Китая, необходимо ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с историей и современным ему состоянием народов, населяющих Центральную Азию и являющихся непосредственными соседями китайского народа. Во времена Бичурина указанные вопросы были или совсем не изучены, или изучены недостаточно. Поэтому Бичурин и посвятил первые свои работы описанию Монголии и Тибета и взятым из китайских анналов материалам по истории монголов. Научное наследство Бичурина очень обширно. Им написано 15 больших монографий и много журнальных статей, рецензий, обзоров. Из этих 15 монографий 4 представляют собой книги о Монголии и истории монгольских народностей [1]. Кроме того, этим же вопросам посвящены многие журнальные статьи, а последний труд жизни Бичурина — «Собрание сведений о народах обитавших в Средней

[1] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов, т. I—II. СПб., 1828. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834.

Азии в древние времена» — также может быть отнесен к истории Монголии, так как в этом обширном труде собраны материалы по истории племен и народов, населявших Центральную Азию, в том числе и территорию Монголии.

Для того чтобы более точно выяснить значение для монголоведения работ Бичурина, постараемся в очень кратких чертах охарактеризовать состояние этой науки ко времени появления книг Бичурина. Запас сведений о Монголии в конце 20-х годов XIX в. был не так уж велик и обширен, хотя знакомство русской научной мысли с монгольскими народами началось более чем за сто лет до появления работ Бичурина. На недостаточности сведений о Монголии сказалось отсутствие ученых, посвятивших себя этой отрасли науки. Собрание доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайные этнографические наблюдения и записи монгольских обычаев и обрядов — вот тот уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в. Еще не было создано ни одного словаря, ни одного учебника для обучения монгольскому языку, еще не было сделано никакой попытки обрисовать его грамматический строй. Необходимость подобного рода работ только намечалась.

В опубликованных в XVIII и в начале XIX в. материалах о Монголии можно различить две линии, довольно четко выступавшие в возникшем и медленно развивавшемся монголоведении. Первая линия была связана с работами крупнейших ученых XVIII в., интересовавшихся историей монгольских народностей. К числу таких ученых относятся естествоиспытатель П. С. Паллас, историк и историограф Сибири И. Ф. Миллер, историк И. Г. Фишер, естествоиспытатель и географ И. Г. Гмелин. Вопросы монголоведения входили в сферу интересов этих ученых лишь постольку, поскольку они сталкивались с ними в процессе своей основной работы. Хотя некоторые из них уделяли Монголии и истории монгольских народностей довольно много внимания, их интерес был случайным. Никто из них не владел монгольским языком и не бывал в самой Монголии. Исключение, повидимому, составляет И. Г. Гмелин, знавший калмыцкий язык. Из работ ученых этой первой линии в монголоведении выделялся труд П. С. Палласа, известный под названием «Собрание исторических известий о мунгальских народах» [1]. По поводу этого труда небезинтересно вспомнить

---

[1] P. S. Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. St.-Petersburg, 1776. Частично опублико-

мнение академика Б. Я. Владимирцова, писавшего: «Известная книга Палласа, несмотря на то, что содержит очень много интересного материала, требует постоянной проверки и самого осторожного отношения: Паллас был всецело в руках переводчиков и почти не имел возможности их контролировать» [1]. Зависимость от переводчиков, часто далеко не квалифицированных, делала труды академических ученых XVIII в. недостаточно авторитетными. Кроме того, основное внимание в этих работах уделялось не собственно монголам, а монголоязычным народам (бурятам, калмыкам), с которыми и сталкивались в большинстве случаев вышеуказанные исследователи.

Вторая линия в монголоведении XVIII и первой четверти XIX в. связана с именами монголистов, знатоков монгольского языка и Монголии, которые в большинстве случаев не были учеными исследователями, но зато по характеру своей основной работы всегда сталкивались с вопросами монголоведения. К таким знатокам монгольских языков следует отнести Василия Михайловича Бакунина (умер в 1766 г.), Василия Игумнова и его сына Александра Васильевича Игумнова (1761—1835) и других. Хотя они мало печатались, но то, что было ими сделано, имеет значение для истории монголоведческой науки. Так, В. М. Бакунин, секретарь Коллегии иностранных дел, а впоследствии и член Коллегии, ездивший к Аюке-хану, составил на основании собственных наблюдений и использовании калмыцких материалов весьма интересную работу «Описание калмыцких народов, особливо торгутского и поступок их ханов и владельцев». Это описание, составленное для нужд Коллегии иностранных дел, не было опубликовано при жизни автора, а увидело свет лишь в наше время [2]. Не оставил печатных работ и другой знаток монгольского языка — Василий Игумнов, ездивший не раз через Монголию в Пекин и бывший приставом Российской духовной миссии. В. Игумнов отлично знал монгольский язык и проявил некоторое стремление к применению своих знаний не только в практической области. После него осталось несколько рукописей, в том числе статья под названием «Почему русские монгольской Куре называют

вано и на русском языке, см. П. С. Паллас. Собрание исторических сведений о монгольских народах. «С.-Петербургский вестник», 1778, ч. 1, январь-май; О разделении народов мунгальского поколения, см. «Месячник истории и географии на 1797 год», стр. 51—83.

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 24.

[2] В. Бакунин. Описание калмыцких народов. «Красный Архив», 1939, № 3, (94).

Ургою кутухтинскою»[1]. В этой статье давалось объяснение русского названия «Урга», не существовавшего у монголов.

Среди монголистов конца XVIII—начала XIX в. особенного внимания заслуживает Александр Васильевич Игумнов, не только отличный знаток языка, но большой энтузиаст в деле собирания монгольских рукописей и материалов. А. В. Игумнов первый из монголистов начал собирать материалы для монгольско-русского словаря, названного им «Корнеслов». Эта работа не была им доведена до конца, но собрано было много лексического материала. Позже Игумнов передал часть материалов своему ученику О. М. Ковалевскому. А. В. Игумнов из собранных обширных материалов опубликовал очень немногое. В одной из своих работ он пытался обобщить сведения о Монголии[2], но эта попытка была сделана на еще недостаточно высоком уровне.

К 20-м годам прошлого столетия в монголоведении появляется новая, довольно крупная фигура — Исаак Якоб Шмидт, впоследствии (с 1829 г.) академик, оставивший заметный след в науке как монголовед и как тибетолог. О Шмидте можно сказать, что он был ученым по призванию. Сын разорившегося купца в Амстердаме, он отправился ради коммерческих дел в Россию, где попал в калмыцкие степи. Там пробыл он несколько лет и сумел хорошо изучить язык калмыцкого народа, узнать жизнь и быт его. Санкт-Петербургское библейское общество, казначеем которого он состоял, поручило ему, как знатоку языка, работу по переводу евангелия на монгольские языки для миссионерских нужд. В 1819 г. Шмидт оставил свои торговые дела и всецело занялся изучением монгольских, а впоследствии и тибетских материалов. Работа Шмидта в Библейском обществе определяла его социальное лицо и, несомненно, помогла ему в дальнейшей академической карьере. Он был представителем так называемой немецкой школы и к тому же свысока и нетерпимо относился к русской науке, оценивая ее с реакционных позиций[3]. Выступив с первыми работами по монголоведению на несколько лет раньше Бичурина, Шмидт был признан знатоком Монголии, несмотря на

[1] Н. И. Веселовский. Материалы для истории Русской духовной миссии в Пекине, вып. I. СПб., 1905, а также Н. Щукин. Александр Васильевич Игумнов. «Сын Отечества», 1838, т. II, отд. III.

[2] А. Игумнов. Обозрение Монголии. «Сибирский вестник», 1819, ч. 5. и 6.

[3] А. Ю. Якубовский. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. Сб. «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 45.

то, что работам его была свойственна определенная ограниченность в постановке вопросов и недостаточная тонкость в знании языка. Шмидт был лишен исторического подхода к языку и пытался переводить древние и средневековые тексты, зная лишь современный ему монгольский язык. Оценивая общее состояние монголоведения ко времени появления работ Бичурина, следует отметить, что уровень работ по истории и географии Монголии не выходил за пределы сбора материалов.

На этом фоне появление работ Н. Я. Бичурина и книги Е. Ф. Тимковского [1], связанной в исторической части с материалами Бичурина, было значительным явлением в монголоведении. Нельзя не отметить, что современная Бичурину наука высоко ценила его труды. Вот как оценивал работы Бичурина крупнейший монголовед первой половины XIX в. О. М. Ковалевский: «Несколько сочинений Иакинфа, как-то: описание Чжунгарии, История первых четырех ханов, История Тибета и Кукунора были дорогими подарками для любителей и изыскателей географии и истории Азии» [2].

Известный журналист и историк Николай Полевой также дал высокую оценку трудам Бичурина. Он писал по поводу выхода в свет книги «Описание Чжунгарии»: «Какая драгоценность и какого уважения достоин почтенный соотечественник наш за такие труды . . . Превосходно зная историю и географию Средней Азии о. Иакинф выбирает именно те предметы, которые всего более возбуждают наше любопытство и всего менее нам, европейцам известны» [3].

Несмотря на скудость и недостаточность сведений по монголоведению, в ориенталистической науке уже был поставлен ряд вопросов, связанных с историей и этногенезом монголов.

Создание истории монголов являлось одной из задач, которую следовало разрешить востоковедной науке. В эту задачу входило и решение вопроса об этногенезе. «История должна решить вопрос, какие племена искони обитали в Азии; раскрыть их судьбу, взаимное борение и конец, когда они уподоблялись волнам, поглощающим друг друга без малейшего изменения поверхности бурного океана» [4], — говорил О. М. Ковалевский.

---

[1] Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 годах. Т. I—III. СПб., 1824.

[2] «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 94.

[3] «Московский телеграф», 1829, февраль, стр. 532—543.

[4] Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азиею. Речь, произнесенная на торжественном акте в Казанском университете в 1837 году. ЖМНП, ч. XVI, 1837, № 11, стр. 267.

Труды Бичурина по монголоведению и явились ответом на эти вопросы. Он не только разрешал задачи, поставленные современной наукой, но и ставил новые. В частности, для своих монголоведческих работ он поднял китайские источники, собрал и перевел на русский язык такие материалы, которые и до настоящего времени не утратили своего значения, хотя после их опубликования прошло уже более ста лет. Своими публикациями «Записок о Монголии», «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова», «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии», Бичурин давал материалы для создания более подробной истории монголов, для разработки вопросов этногенеза монгольского народа. Подбором нужных сведений и переводов из китайских материалов, освещавших эти вопросы, отвечал Бичурин на требования современного ему монголоведения. Основной материал для своих работ о Монголии и монголах Бичурин черпал из китайских источников, но непосредственное знакомство с монгольской страной, хотя и не столь основательное, как с Китаем, много помогало ему в его работе. Назначение Бичурина начальником Российской духовной миссии в Пекине и предстоящая длительная поездка на Восток через Монголию, по его собственному признанию, чрезвычайно «восхищала» его. Он приготовился вести подробный дневник своего путешествия и предполагал составить весьма обширное описание Монголии — страны, «которую хотя многие знают по описанию, но немногие видали своими глазами» [1]. Бичурин ценил и впечатления, полученные от путешествия по незнакомой стране, и сведения, полученные от жителей этой страны. Ему мешало незнание монгольского языка, он начал было изучать его дорогой, но по приезде в Пекин, пораженный и увлеченный Китаем, он с какой-то неукротимостью принялся за изучение китайского языка. Первоначально он предполагал также изучать маньчжурский и монгольский языки, но выяснив, что литература на том и другом языках во многом является переводом с китайского, он оставил свое намерение. Образцов монгольской литературы Бичурину, по собственному его признанию, не приходилось видеть во время пребывания в Китае [2]. Впоследствии, в период поездок в Кяхту в 1831 и в 1835 г., ему снова пришлось столкнуться с монгольским языком, и он старался пополнить свои знания. В результате он, при помощи монгольского переводчика, повидимому,

---

[1] «Записки о Монголии. . .,», стр. V.
[2] Там же, стр. 208.

учителя кяхтинской школы Ванчикова, перевел на русский язык монголо-китайский словарь, расположив в нем слова в порядке монгольского алфавита. Словарь был ему нужен для справочной работы. О составлении этого словаря упоминали биографы Бичурина [1]. К сожалению, до сих пор неизвестно, где находится рукопись словаря. Академиком С. А. Козиным, занимавшимся изучением рукописного наследства Бичурина, было установлено, что этот словарь был передан автором в 1849 г. в дар Казанской духовной академии [2]. Специально производивший розыски рукописей Бичурина советский китаист А. А. Петров не обнаружил словаря в Центральном Архиве ТАССР [3]. Дальнейшие поиски также ничего не дали.

В архиве Бичурина, хранящемся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения, имеется также документ с географическими названиями, сделанными по-монгольски им самим [4].

В 40-х годах при содействии Бичурина было опубликовано также несколько статей о ламаизме, представлявших собой переводы с монгольского. Повидимому, Бичурин редактировал эти переводы.

Монголия же, особенно история монголов, как уже отмечалось, не только не выпала из круга его научных интересов, но и продолжала оставаться темой, к которой он неоднократно возвращался.

В «Записках о Монголии» Бичурин блестяще решил задачу — дать возможно более полное, основанное на достоверных сведениях, описание Монголии. Он разделил книгу на четыре части. Хотя говорить о географической изученности Монголии было еще преждевременно, все же Бичурин старался дать краткую географическую характеристику страны, а также передать свои впечатления от путешествия через эту своеобразную и привлекательную для географа страну. Поэтому Бичурин первую часть «Записок» отводит дневнику, который он вел

---

[1] Н. Щукин. Иакинф Бичурин. ЖМНП, 1857, сентябрь, отд. 5, стр. 120; М. П. Погодин. Биография отца Иакинфа Бичурина. «Беседы общества любителей российской словесности при Московском университете», 1871, вып. 3, стр. 67.

[2] С. А. Козин. О неизданных работах Бичурина. «Известия Академии наук». Отдел гуманитарных наук, 1929, № 5.

[3] А. А. Петров. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве ТАССР и в Библиотеке Казанского университета. «Библиография Востока», 1937, № 10, стр. 13.

[4] Сектор восточных рукописей, ИВ АН СССР. Архив востоковедов, фонд 7, оп. № 38. II 21, л. 144.

во время переезда из Пекина в Кяхту в 1821 г. Дневник же, который он вел в 1807 г., когда впервые увидел Монголию, он не счел возможным опубликовать, считая, что из-за незнания монгольского языка он сделал в этом дневнике «поверхностные заключения» о стране. В предисловии к «Запискам о Монголии» Бичурин писал, что он «на собственном опыте убедился, что путешественнику, не знающему языка обозреваемой им страны, почти невозможно избежать ошибочных над нею замечаний» [1]. Поэтому автор поместил в первой части «Записок . . .» дневник уже многознающего и многоопытного ориенталиста, регистрирующего факты и отбирающего из своих наблюдений то, что не только может представлять интерес для читателя, незнакомого со страной, но и то, что достоверно и проверено.

Наибольший интерес для исследователя представляет II часть этой книги, содержащая «статистическое описание Монголии». Под статистическим описанием в современной Бичурину науке подразумевалось географическое, экономическое, политическое и историческое описание страны и анализ этих сведений. В географическом отношении Бичурин разделил Монголию на три части — южную, среднюю и северную и дал суммарное описание каждой. Этим он подытожил собранные до него географические описательные сведения, что явилось известным шагом вперед в истории предварительного географического изучения страны. Для нас наиболее интересными представляются его высказывания об исторической судьбе монголов. Уже в этой первой книге Бичурин оспаривал мнение западноевропейских ориенталистов, в частности реакционного востоковеда Клапрота, о происхождении монголов. Этот спор продолжался затем в течение всей жизни Бичурина. Заняв критическую позицию по отношению к западноевропейским ориенталистам, Бичурин в «Записках о Монголии» писал: «Ныне многие ученые в Европе занимаются исследованием происхождения народов, населявших, по их мнению, и населяющих Монголию; но они, не зная основательно ни народа, ни его истории, принимают при сем исследовании ошибочное положение, по которому необходимо должно судить о всем по одним догадкам поверхностно и наконец остаться в недоумении. Почти каждое усилившееся поколение почитают они за особливый народ, отличный от прочих поколений и по происхождению и по языку. Вот в чем состоит самая важная погрешность их» [2].

[1] «Записки о Монголии. . .,» стр. VI.
[2] Там же, стр. 157.

Выступив с подобного рода заявлением, Бичурин противопоставил мнению европейских ученых свое собственное, считая, что монголы издавна населяют Центральную Азию (или по терминологии того времени Среднюю Азию), но название свое получили лишь в XIII в. от «владетельного дома». Таким образом, Бичурин разделил вопрос о происхождении монголов на две части — об этническом их происхождении и о происхождении названия «монгол». Следует отметить, что подобный подход к проблеме происхождения монголов был шагом вперед в развитии монголоведческой науки [1]. Оба эти вопроса явились актуальными проблемами для того времени, и впоследствии многие монголоведы пытались разрешить их.

Единственным источником для решения вопроса об этническом происхождении монголов Бичурин считал материалы китайских летописей, а единственным методом — тщательное и добросовестное их изучение и анализ китайских терминов. На основании изучения китайских летописей он утверждал, что «начало монгольского народа восходит слишком за 25 столетий до Р. Х.». Этой точки зрения Бичурин держался в течение всей жизни и высказал ее впервые в «Записках о Монголии», доказывая «единство монгольского народа и в самой древности» [2], так как «разные монгольские поколения и прежде назывались общими именами: Татаньцев, Киданей, Хойхоров, Тулгасцев, Сямьбийцев, Хуннов и пр.» [3]. Он подтвердил эту мысль через 20 лет в специально посвященной этой проблеме статье под названием «Кто таковы были монголы?», вошедшей затем в его книгу «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии». В этой статье Бичурин дал анализ китайских источников, разделив их по характеру и значению на три основных категории — династийные истории, государственная статистика и государственная летопись. Определив характер каждой источниковедческой категории, Бичурин выбрал из них нужные сведения о монголах и пришел снова к своему первоначальному выводу о древности монгольского народа: «Итак, происхождение монгольского народа и Дома Монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две

[1] А. Н. Бернштам в своей статье «Н. Я. Бичурин и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» — высказал мнение, очень близкое к данному положению. Он писал: «Указание на различное происхождение имени народа и самого народа говорит о первом отдаленном приближении Бичурина к правильной постановке проблем этногенеза». См. вводную статью А. Н. Бернштама в книге Н. Я. Бичурина «Собрание сведений. . .», изд. 2, 1950, стр. XXXIX.

[2] «Записки о Монголии. . .», стр. 159.

[3] Там же, стр. 157.

вещи совершенно различные. Начало монгольского народа восходит слишком за 25 столетий до Р. Х. Дом Монгол, напротив, возник в начале IX в., усилился в начале XII, основал Монгольскую империю в начале XIII в.»[1].

Переводы китайских текстов, подобранные им в книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», дают не мало материалов, подтверждавших его точку зрения. Он решал этот вопрос вполне на уровне науки того времени. Понимая всю сложность и запутанность проблемы происхождения монгольского народа, Бичурин мог руководствоваться только китайскими источниками. Ни археология, ни антропология в то время еще не могли дать сведений, необходимых для решения данной проблемы. Поэтому Бичурин решал ее средствами ему доступными — изучением китайских материалов, что, как показало дальнейшее изучение данного вопроса, явилось большим вкладом в монголоведческую науку. Ведь и в наше время, когда проблемы этногенеза решаются в методологическом всеоружии знаний, когда для решения этих проблем привлекаются проверенные материалы ряда наук, мы все же еще не можем окончательно решить вопрос о происхождении монгольского народа и при попытках решения его неизменно обращаемся к китайским источникам, столь добросовестно подобранным и переведенным на русский язык Н. Я. Бичуриным. Заслуга Бичурина не только в подборе материалов, но и в попытке решения этой проблемы. Он исходил из положения об единстве племен, об единстве их культуры, их генетической связи. В свете современного нам уровня науки это, конечно, является недостаточным, но для времени Бичурина такой подход был шагом вперед. И так как проблема происхождения монгольского языка в те времена еще не была поставлена, то труды Бичурина в этом направлении представляли большую научную ценность.

Небезинтересно отметить, что Бичурин также пытался определить, какими методическими средствами руководствуется наука в изучении проблем этногенеза. Он считал, что западноевропейская наука при решении вопроса о происхождении монголов руководствовалась тремя «принципами»: «Слово-звучие, вероятность и авторитет, которые в продолжение двух столетий служили верными путеводителями при разрешении подобных вопросов»[2], так не без ядовитости писал он. Сам

[1] Н. Я. Бичурин. Кто таковы были монголы? «Москвитянин», 1850, № VI, стр. 91.

[2] Там же, стр. 86.

он противопоставлял этим «трем принципам» — добросовестность в изучении и достоверность знания. А это, конечно, уже много.

Бичурин коснулся также еще одного животрепещущего вопроса, связанного с этногенетическими проблемами, вопроса, который занимал внимание историков первой половины XIX в., — кто были татары XIII в. Он посвятил этому небольшую главу в своих «Записках о Монголии», в которой старался объяснить происхождение названия «татар» от «татань», китайского наименования всех поздних монгольских племен. Бичурин осторожно высказывал только свои предположения о том, каким образом наименование «татар» осталось в названии современного татарского народа.

Бичурина интересовали не только вопросы этногенеза и истории монголов, но и вопросы современного состояния монгольского народа. Освещению этих вопросов он посвятил вторую часть своих «Записок о Монголии» и в качестве материала, иллюстрирующего современность привел в четвертой части книги перевод последнего доступного ему издания Монгольского уложения, которым руководствовалась маньчжурская династия при управлении монголами. Это Уложение дает богатый материал для изучения социального строя монголов в маньчжурский период.

Не менее крупной заслугой Бичурина являются сделанные им переводы частей, относящихся к истории монголов, из китайских летописей Юань-ши и Тун-цзянь ган-му. При выборе материалов из этих двух летописей Бичурин ограничил себя хронологическими рамками. Он выбрал лишь сведения, относящиеся к Чингису, Угэдэю, Гуюку и Мункэ. Поэтому и назвал свою книгу «Историей первых четырех ханов из дома Чингисова» [1].

Книга эта представляет собой перевод обдуманно выбранных извлечений из летописей, служащих материалом по раннему периоду истории монголов. Ограничение сведений только временем правления первых четырех ханов диктовалось твердым убеждением Бичурина в том, что после смерти Мункэ произошел распад Монгольской империи. Владычество монголов в Китае, установление Юаньской династии представляло уже новую страницу в монгольской истории. Опубликованные Бичуриным переводы до сих пор являются единственными переводами на русский язык этих ценнейших источников.

---

[1] История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.

Историк Монголии не может пройти мимо них, и каждый, кто писал о монголах XIII—XIV вв., в той или иной мере их использовал.

Книга «Записки о Монголии», так же как и другие работы Бичурина, относящиеся к Монголии, неоднократно рецензировались в современной ему печати. Большинство отзывов были положительными и часто хвалебными, за небольшими исключениями. К числу неблагоприятных отзывов принадлежат рецензии Ю. Клапрота. С Клапротом у Бичурина шел спор не только по вопросу о происхождении монголов, но и по многим другим. Спор начался с перевода Клапротом на французский язык книги Тимковского «Путешествие по Монголии». Переводя эту талантливую книгу, Клапрот внес в нее ряд исправлений и замечаний, часть которых адресовал Бичурину, снабдившему, как известно, Тимковского историческими материалами и переводами с китайского. Клапрот якобы обнаружил в этих переводах, по его словам, «важные неточности». Эти замечания Клапрота вызвали со стороны Бичурина рецензию на французский перевод книги Тимковского. В своей рецензии Бичурин весьма резко отозвался об исправлениях Клапрота, которые действительно показывали недостаточное знание китайского языка этими учеными и поэтому в большинстве случаев были неточны и неверны.

Впоследствии Клапрот не пропускал ни одной книги Бичурина, чтобы не обрушиться на нее с резкой и часто несправедливой критикой, в которой нередко занимал высокомерную позицию по отношению к русским востоковедам. В то же время он использовал материалы книг Бичурина для своих работ, «умножая свои труды» [1] за счет русского исследователя. Бичурин, защищая приоритет русской науки в изучении истории народов Центральной Азии, с другой стороны, коренным образом расходясь во взглядах с Клапротом по основным вопросам истории этих народов, в особенности их этногенеза, — резко выступал против Клапрота, не прощая ему ни одной ошибки или неверного замечания. Такая литературная борьба между Бичуриным и Клапротом длилась в течение всей жизни обоих ученых и по меткому выражению биографа Бичурина «укоризны между обоими ориенталистами превратились в личность» [2]. Дело, конечно, было не в личной неприязни, а в тех принципиально отличных друг от друга позициях, на которых

---

[1] Л. В. Симоновская. Бичурин, как историк Китая. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», 1948, вып. 7

[2] Н. Щукин. Иакинф Бичурин, ЖМНП, 1857, № 9, стр. 121

находились Бичурин и Клапрот. Один был не только крупный талантливый ученый, но и прогрессивный, передовой русский ученый, другой же, при немалом даровании, был человеком беспринципным, не даром же Клапрот в 1812 году был исключен из состава Академии наук за недостойное поведение [1]. В разнице принципиальных позиций и следует искать причины споров между ними.

Основным расхождением являлся вопрос об этническом происхождении народов Центральной Азии. Клапрот, придерживаясь взглядов Дегиня, развивал теорию о тюркском происхождении ряда народов, а Бичурин, как уже говорилось выше, придерживался взглядов о монгольском их происхождении. Другим пунктом расхождения являлся вопрос о правописании собственных монгольских имен и географических названий. Клапрот обвинял Бичурина в искажении их правописания потому, что тот использовал якобы несовершенный исторический словарь терминов, изданный во время правления Цянь-Луна. Бичурин же, защищая от нападок Клапрота этот словарь, отмечал его достоинства, состоявшие в том, что все термины в этом словаре были даны на трех языках — маньчжурском, монгольском и китайском, причем китайскими иероглифами было дано наиболее фонетически близкое произношение монгольских собственных имен и географических названий. Бичурин дал резкую отповедь Клапроту, уличив его в недостаточном знании китайского языка и, по существу, в полном незнании монгольского, тибетского и турецкого языков, о которых тот брался судить. Н. Я. Бичурин писал, что Клапрот «обвиняет единственно потому, что не первый сообщил Европе сведения об этом. По решительному тону, с каким Клапрот изъясняется, может быть, некоторые заключат, что он имел обширные сведения в языках Восточной Азии. Совсем напротив. Г-н Клапрот довольно сведущ в языке китайском и переводит с оного изрядно, а особенно статьи, переведенные прежде него другими. Что же касается до языков Монгольского, Тибетского и Турецкого, все его сведения в сих языках состоят в том, что он может по складам разбирать некоторые слова, дабы при случае прицепиться к какому-либо выражению, употребленному ученым ориенталистом и опровергнуть его своими пустыми возражениями» [2].

Только об одной книге «Записки о Монголии» Клапрот писал в трех журналах, на что Бичурин отвечал сначала на

[1] Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg, vol. VIII. St.-Pétersbourg, 1822, str. 7.

[2] «Московский телеграф», 1831, ч. 39, № 9, стр. 87.

русском языке, затем на французском, издав свои ответы отдельной брошюрой [1]. Как ни пытался Клапрот опорочить эту книгу, прибегая к методам фальсификации, искажения, мелких придирок, книга Бичурина вызвала к себе большое внимание современников как в научных, так и в литературных кругах. Не только многочисленные рецензии свидетельствовали об успехе этой книги Бичурина и последующих его работ о Монголии; факт перевода на французский и немецкий языки его «Записок о Монголии» и перевода «Описания Чжунгарии» на немецкий язык подтверждал тот большой интерес, который проявлялся к работам русского востоковеда. Недаром Д'Оссон, наиболее значительный из буржуазных востоковедов-историков, занимавшихся историей монголов, широко использовал в своей известной «Histoire des Mongols» труды Н. Я. Бичурина. Оценивая значение работ Бичурина, небезинтересно припомнить отзыв О. М. Ковалевского, данный им более чем через 20 лет после опубликования «Записок о Монголии», в спокойных, но лестных выражениях: «Издание Записок о Монголии в 1828 году, особенно исторической их части, открыло перед нами много фактов, доселе неизвестных или превратно понимаемых из жизни монгольского народа, возвестило как мы должны смотреть на различные названия племен Средней Азии» [2]. Таков отзыв всеми признанного специалиста. И если для своего времени книга Бичурина считалась новой и свежей в отношении фактических сведений о Монголии, то для нашего времени она служит одним из тех источников по маньчжурскому периоду в истории монгольского народа, на который можно уверенно опереться в наших работах.

Н. Я. Бичурин не раз выступал в защиту русского монголоведения, борясь против некоторых попыток иностранных ученых, в том числе и находившихся на службе в России, принизить достоинство русской науки. В этой связи и следует рассматривать споры, возникшие между Н. Я. Бичуриным и И. Я. Шмидтом. Первый спор возник по поводу перевода надписи на знаменитом «Чингисовом камне», наиболее древнем образце монгольской письменности. Камень этот был продемонстрирован на выставке «Произведений отечественной промышленности» в 1839 г.

Рядом с камнем были выставлены два варианта перевода надписи. Первый вариант принадлежал Шмидту, другой —

---

[1] Observations sur les traductions et les critiques littéraires de M. de Klaproth par le R. P. Hyacinthe Bitchourine. СПб., 1829.

[2] «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград», стр. 94.

учителю кяхтинской школы Ванчикову. Последний передал его Бичурину, в то время когда тот приезжал в Кяхту в 1835 г. Мысль выставить оба перевода принадлежала председателю Комитета по устройству выставки С. Комарову. Шмидт, узнав об этом, чрезвычайно обиделся. Он решил, что кто-то посмел корректировать его перевод, заподозрил Бичурина в намерении скомпрометировать его и опубликовал в адрес Бичурина негодующее и дерзкое письмо, в котором нарочито старался очернить знания последнего. Он считал, что Бичурин хотел «вступить с ним в совместительство» и яростно защищался, хотя на него никто не нападал [1].

На оскорбительное письмо Шмидта Бичурин ответил не сразу, а только тогда, когда друзья указали ему на то, что его молчание будет истолковано как слабость или знак согласия. Тогда Бичурин выступил в печати с коротким и вежливым письмом, в котором постарался размежевать области научных занятий своих и Шмидта. Он писал: «Пути, избранные мною и г. Шмидтом, совершенно различные: он занимается исключительно монгольским и тибетским языками, я исключительно китайским; посему я не могу взять на себя критику перевода с монгольского языка по той же причине, почему г. Шмидт не возьмет на себя критику перевода с китайского» [2]. После такого ответа Шмидт замолчал.

Второе столкновение между Бичуриным и Шмидтом произошло также по поводу монгольской эпиграфики. Это был известный спор, наделавший много шуму в ориенталистике 40-х годов прошлого века, по поводу надписи квадратными монгольскими буквами на серебряной пайдзе, найденной в 1846 г. в Минусинском округе. Сущность спора сводилась к следующему: перевод надписи, выполненный архимандритом Аввакумом Честным и изданный В. В. Григорьевым с комментариями, подвергся жестокой критике со стороны академика И. Я. Шмидта. Шмидт оспаривал правильность перевода Аввакума и критиковал теорию происхождения квадратной монгольской письменности, выдвинутую Григорьевым. Теория Григорьева была ошибочной и построенной на неверном переводе слова «монкэ», собственным именем Монкэ-хана, а не эпитетом «вечный». Шмидт в своей критике не только опровергал ошибку Григорьева, но и задевал при этом его достоинство, как русского ученого, что вызвало ответ Григорьева с критикой перевода, предложенного Шмидтом и содержавшего наряду с пра-

[1] Я. Шмидт. О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана. «С.-Петерб. ведомости», 1839, № 224.

[2] «Отечественные записки», 1839, т. VII, отд. «Смесь», стр. 32.

вильными разъяснениями, также и неверно понятые слова. В ответ на эту статью Шмидт ответил второй, в которой еще более резко и высокомерно высмеял знания и труды русских востоковедов. Он преследовал цель «обличения нашего невежества не перед Россией, а перед глазами Европы», — писал ему в ответ Григорьев [1]. Спор о надписи принял, таким образом, глубоко принципиальный характер. Это был спор между двумя различными позициями в науке, спор между передовыми представителями русской науки с реакционным представителем немецкой школы, царившей в те времена в Академии наук. Бичурин не мог пройти мимо этого спора и вступился за Григорьева, вернее он вступился за достоинство русской науки. Он опубликовал свою статью по этому поводу в той же книжке «Финского вестника» [2], в которой Григорьев поместил свой второй ответ Шмидту. В этой статье Бичурин очень выразительно охарактеризовал отношение некоторых реакционных ученых к русскому отечественному востоковедению. Почти все биографы Бичурина и исследователи его научного наследства цитируют эти слова, но слова эти настолько значительны и интересны, что не мешает еще раз остановить на них наше внимание. Бичурин писал с горечью и досадой: «Привычка руководствоваться чужими, готовыми мнениями, неумение смотреть на вещи своими глазами, неохота справиться с источниками, особенно изданными на отечественном языке: своему-то как-то не верится: то ли дело сослаться на какой-нибудь европейский авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот также не имел понятия о деле» [3].

Вступившись за достоинство русской науки, Бичурин счел своим долгом поддержать перевод Аввакума и доказывал, что слово «монкэ» может быть переведено и собственным именем, так как оно помещено на пайдзе выше обычной строки. Он ссылался при этом на аналогичные случаи при написании китайского титула «фы-тхьянь-юнь» [4]. И хотя Бичурин поддерживал, как это было выяснено впоследствии Доржи Банзаровым, неточный перевод Аввакума, но его аргументация и аналогии с китайскими надписями были вполне допустимы, так как уровень знаний по восточной палеографии тогда еще не был

---

[1] В. В. Григорьев. Второй ответ акад. Шмидту на его замечания о монгольской надписи времен Монкэ-хана. «Финский вестник», 1847, № 5, стр. 7—16.

[2] Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана. «Финский вестник», 1847, т. 17, № 5, стр. 17—20.

[3] «Финский вестник», 1847, т. 17, № 5, отд. IV, стр. 17.

[4] «Финский вестник», 1847, т. 17, № 5, отд. IV, стр. 17.

достаточно высок. Этот спор о надписи на Минусинской пайдзе был решен уже после смерти Шмидта, когда в Петербурге появился молодой, талантливый монголовед Доржи Банзаров.

В продолжение своей научной жизни Бичурин много раз выступал с рецензиями на работы по монголоведению. В основном его критические замечания сводились к устранению фактических неточностей. Он ратовал за достоверность изложения исторических фактов, за правильное употребление географической номенклатуры. Даже для литературных произведений он требовал точности исторических фактов. В этом отношении определенный интерес представляет его рецензия на любопытное литературное произведение «Шесть сцен Ононского пастуха», в которых изложена история Чингис-хана. Рецензия Бичурина написана в доброжелательном тоне и содержит ряд исторических справок о тех или иных персонажах монгольской истории. Разъясняя неправильное написание собственных имен и трудность установления того, кому они принадлежат, Бичурин не без иронии добавлял о некоторых из них, что «кто таковы были Порджу и Могли, это и Копенгагенское общество древностей едва ли может пояснить в продолжение целого столетия» [1].

Известны рецензии Бичурина на «Историю Русского народа» Полевого, на статью Устрялова о «Покорении Руси монголами». В этих рецензиях Бичурин вносит ряд коррективов на основании превосходного знания фактов истории монголов.

Вот примерный объем работ и трудов Бичурина, связанных с областью монголоведения. Он, как можно видеть, обширен и значителен.

В заключение следует еще раз отметить, что обширные труды Бичурина явились крупным вкладом в развитие русского монголоведения. Его заслуги состоят прежде всего в том, что он ввел в научный оборот ряд новых китайских источников по истории монголов, а также обработал и перевел эти источники с китайского языка на русский. Заслугой Н. Я. Бичурина было и решение ряда принципиальных проблем, причем решение это обеспечивало дальнейшее развитие монголоведения.

---

[1] «Москвитянин», 1844, ч. 2, № 4, стр. 335.

П. Е. СКАЧКОВ

О РУКОПИСНОМ НАСЛЕДИИ Н. Я. БИЧУРИНА

(рукописи Н. Я. Бичурина, хранящиеся в Государственной ордена Ленина Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

Рукописное наследство Никиты Яковлевича Бичурина до сих пор не приведено в достаточную ясность ни в количественном отношении, ни в отношении содержания; между тем это необходимо сделать, чтобы решить вопрос об издании той или иной еще не опубликованной его рукописи.

Только его рукописи, хранящиеся в Казани, полно и научно описаны А. А. Петровым [1]. Однако А. А. Петров оговаривается, что описанные им рукописи не составляют всех хранящихся в Центральном архиве ТатССР рукописей Бичурина, так как в 1936 г. они не были приведены в порядок.

Описания рукописей Бичурина, сделанные А. Любимовым [2] и С. А. Козиным [3], не раскрывают их содержания и не дают, хотя бы краткого, описания. В статьях С. А. Козина, основанных главным образом на литературных источниках, нет проверенного по рукописям правильного их названия, нет указания объема, наконец, даже перечень рукописей нельзя считать точным и полным.

Понятно, что название рукописи, взятое из каких-либо источников, а не непосредственно с рукописи, почти всегда приводит к заблуждению. И если судить о названии и содержании рукописей Н. Бичурина по надписям на переплетах,

---

[1] Библиография Востока, вып. 10 (1936), изд. Академии наук, 1937, стр. 139—155.

[2] «Записки Вост. отд. Русского археолог. об-ва», т. 18, 1907—1908, стр. 060—064.

[3] «Известия Академии наук СССР», 1929, Отд. гуман. наук, № 5, стр. 399—412 и «Доклады Академии наук СССР», сер. В, 1929, стр. 245—257.

можно допустить много ошибок. Не всегда название рукописи дано самим Н. Бичуриным, большинство их названо после поступления в то или иное хранилище. Так, часть их была подарена, например, самим Бичуриным Казанской духовной академии, во время следствия и суда над ним — некоторые рукописи поступили в Духовную консисторию (ныне хранятся в Областном Ленинградском архиве) и после его смерти все, что осталось, попало в Александро-Невскую лавру, а затем — в библиотеку С.-Петербургской духовной академии.

Поэтому нужно с осторожностью отнестись к содержанию статей и А. Любимова и С. А. Козина.

В работах Д. И. Тихонова и З. И. Горбачевой [1] упоминаются рукописи Бичурина, но не дается их описания. И хотя упоминание о них носило подсобный характер, можно было бы с большей внимательностью проследить авторство Бичурина.

В частности, в указаниях о рукописях, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке, Н. Бичурину приписана рукопись «О чае и торговле ими; о домах, поставляющих чай в Кяхту».

Эта рукопись попала в С.-Петербургскую духовную академию после его смерти. Заметки на полях рукописи около некоторых абзацев карандашом рукою самого Н. Бичурина (например, «Ложно») ясно показывают, что автором этой рукописи он не являлся.

Неправильно указывается, что рукопись «О укреплении Желтой реки» является самостоятельной работой Н. Бичурина — это его переводная работа. Достаточно процитировать начальную фразу: «Имея начальство при Желтой реке более десяти лет . . .» Известно, что Н. Бичурин никакого отношения к начальству укрепления Желтой реки не имел.

Также неправильно приписана Н. Бичурину рукопись о степных законах. Она находилась в его библиотеке и служила ему для работы [2].

В результате на сегодняшний день достаточно полно и научно описаны рукописи Н. Бичурина, только находящиеся в Казани. Остальные же не имеют необходимого их описания, и мы не можем поэтому представить все многообразие и значи-

---

[1] «Ученые записки ЛГУ», сер. востоков. наук, вып. 4, 1954, стр. 281—306 и то же, стр. 307—316.

[2] Рукопись без названия. Шифр Государственной Публичной библиотеки «Б-ка Анл, А 27-5». 130 параграфов степных законов и порядок домашнего разбирательства по преданиям Селенгинских бурят, зачитанных на общем собрании 18-ти селенгинских родов 5 июня 1823 г.

тельность рукописного наследия одного из основателей русского китаеведения.

Как ни странно, даже рукописи Н. Бичурина, находящиеся в Институте востоковедения Академии наук СССР, не имеют полного и научного описания.

В задачу настоящей статьи входит описание рукописей Н. Бичурина, находящихся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки, до сих пор также никем не описанных.

Предварительные к нему замечания показывают, какую большую работу должны сделать советские китаисты, чтобы раскрыть содержание всех рукописей Н. Бичурина, подобно тому как это сделал А. А. Петров в отношении материалов, хранящихся в Казани. Затем, приведя в порядок все его огромное рукописное наследство, выбрать для опубликования часть, не потерявшую научного значения до сих пор, и приступить к работе над научной биографией нашего «знаменитого хинезиста», как называли Н. Бичурина его современники, над биографией, которой до сих пор мы не имеем, так же как не имеем и полной библиографии его трудов и биографических о нем материалов.

* * *

РУКОПИСИ Н. Я. БИЧУРИНА

1. **«О укреплении Желтой реки и канала подвозного» 1812 г.** В лист. 60 л. Шифр Б-ка Анл, № А-27.

Автограф на китайской бумаге с одной стороны листа, местами исправленный.

Перевод с китайского инструкции (руководства) от первого лица (главноуправляющего работами). Меры переведены на русские.

Содержание «О переменах и усугублении надзирателей. О прокапывании и проводе рек. Об открытии устоя морского. Загачивание прорывов. О плотинной работе. О насаждениях». Конец отсутствует.

2. **«Китайская хронология».** 1819 г. В лист. 75 л. Шифр Б-ка Анл, № А-22.

Почерк писарский. На лицевой стороне каждый лист разбит на 60 клеток (6×10). В каждую клетку вписаны годы. Под некоторыми цифрами — годы правления. Например: «2637—61 — Хуан-ди», «2513—1 — Чжуан-юй» и так до 1813 года.

На оборотной стороне каждого листа пометки Н. Бичурина, относящиеся к лицевой стороне следующего листа.

Некоторая потрепанность рукописи (в папочном переплете) свидетельствует, что «Хронологией» часто пользовались.

В Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР (Ленинград) хранится другой экземпляр «Хронологии», несколько более полный. Перед таблицами перечислены династии, царствовавшие в Китае, с указаниями годов (опубликовано в книге: «Китай в гражданском и нравственном состоянии», СПб., 1848, с. 1—11). В клетках часто встречаются иероглифы годов правления, много поправок и дополнений внизу и вверху таблиц.

Рукопись «Хронология», хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке, не является продолжением экземпляра рукописи, находящегося в Секторе восточных рукописей, как на это указал Д. И. Тихонов [1]. Это два почти тождественных списка одной и той же рукописи.

3. **«Древняя китайская история».** 1822 г. В лист. 60 л. Шифр Б-ка Анл, № А-20.

Автограф. На первой странице: «Тетрадь 1, авг. 7». Перевод пяти глав Шуцзина.

Далее: «История Сяского дома». «История Шанская». «История Чжеуского дома». С подробными заголовками.

4. **«Китайская история».** Сочинение Клапрота. 1828 г. В лист. 115 л. (на одной стороне листов). Шифр Б-ка Анл, № А-56.

Частичный перевод из книги, изданной Клапротом под заглавием: «Voyage à Peking, à travers la Mongolie en 1820 et 1821, par M. G. Timkowski . . . publié avec des Corrections et des Notes par M. J. Klaproth . . .» с некоторыми замечаниями на полях Н. Бичурина.

«Разбор критических замечаний и прибавлений г-на Клапрота к французскому переводу книги . . .» помещен в журнале «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 12, с. 467—486; ч. 22, № 13, с. 50—65.

5. **«Китайская Астрогнозия или описание китайских созвездий.** Июль 1830. Кягта». В лист. 1 и 14 л. Шифр Б-ка Анл, № А-25.

---

[1] «Ученые записки ЛГУ», сер. востоков. наук, вып. 4, 1954, стр. 295.

Перечисление звезд иероглифов.

Иероглифы расположены в алфавитном порядке чтения первых иероглифов названия звезды. Рядом принятое астрономическое название некоторых звезд и указание на расположения их в небесной сфере.

6. **«Изложение китайского законодательства.** Составленное монахом Иакинфом Бичуриным». 1837 г. В лист. 147 л. Шифр Б-ка Анл, № 27[2].

Написана четким писарским почерком. Карандашные пометки почерком Н. Бичурина. Содержит: Оглавление первого тома 10 неполных л. Том III. 1837 г. Оглавление 20 л. Текст 114 л. Гл. 1—7. Опубликована в книге «Китай, его жители, нравы и просвещение». СПб., 1840, с. 96—104, 105—112. Астрономический институт (Приказ ученых). В журнале «Сын Отечества», 1843, № 3, отд. V, с. 1—13 (гл. 1 «Княжеское правление»).

Далее только оглавление глав 12—35 тома III.

В Казани [1] находятся три тома: т. I—446 л.; т. II—356 л.; т. III—343 л.

Рукопись помогает установить правильное название казанской рукописи, где название отсутствует и А. А. Петровым названа: «Описание административно-государственного аппарата Китайской империи». Сокращенный перевод «Дайцин хуэйдянь».

7. **«Изложение китайского законодательства.** Составленное монахом Иакинфом Бичуриным», т. II, 1837 г. В лист. 78 л. Шифр Б-ка Анл, № А-27[3].

К названию относится только «Оглавление второго тома» 9 лл. Далее:

1) «Выписка из Ганьму» $3^1/_2$ л. Писарский почерк. 2) «Замечания на составление географических карт» 4 л. Автограф. Эта рукопись была представлена в Географическое общество с автографом: «Исполняя обязанность, возложенную на меня избранием в сотрудники . . .» 3) «Покорение Южного Китая монголами в XIII веке, представленное в географико-стратегическом отношении». 58 л. Писарский почерк с поправками Н. Бичурина.

8. **«Материалы к истории Китая».** Рукопись авторского названия не имеет. Имеющееся название дано в библиотеке

[1] А. А. Петров, стр. 143.

С.-Петербургской духовной академии. В лист 119 (VII+112) л. Шифр Б-ка Анл, А-27[4].

Автограф с поправками, часть страниц зачеркнута.

Содержит: 1) 1—10 тетрадей (1-я тетрадь «дек. 28» [1843 г.], последняя без даты) 64 л. В вопросах и ответах. Опубликована в книге «Китай в гражданском и нравственном состоянии». СПб., 1848, ч. 1, отд. 1, с. 4—124; ч. 2, отд. 2, с. 1—128. В опубликованных материалах имеются добавления. 2) «Копии с кягтинских подлинников». 35 л. Вопросы и ответы. Вопросы те же, ответы короткие. На 35 л. Почерк писарский с поправками и вставками Н. Бичурина. 3) «Садоводство в Китае». 12 л. (с листа 101 по 112 лл.). Прежнее название. «Изложение китайского садоводства» зачеркнуто. Содержание: «Живые изгороди. О сажании дерев. О прививании плодовых дерев. О резке и поливании. О сборе и сажании семян. О предохранении плодовых дерев. О сборе плодов и рубке дерев».

9. **«Чжун-Юн».** В лист. 3+244 л. Шифр Б-ка Анл, № А-19.

Перевод Чжун-юн с толкованиями. Предисловие Чжу-Си 1189 г. Писарский почерк. Первые 2 страницы предисловия с поправками Н. Бичурина. Далее редкие поправки цветным карандашом.

На последних 17 л. «Об именах китайцев», биографии, «Стреляние из лука», «Черепахи и драконы», «Родословие Кунцзы», «Кровельное отверстие» и другие — видимо переводы из энциклопедии.

В Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР (Ленинград) хранится перевод «Чжун-Юн» в общем томе «Четверокнижие». Экземпляр Государственной Публичной библиотеки, видимо более поздний. Он с меньшими поправками, тогда как рукопись в Институте востоковедения из-за множества поправок плохо читаема.

10. **«Да-сио или высшее учение, служащее ключом к добродетели».** 1834 г. В лист. 75 л. (71 текста и 4 пустых). Шифр Б-ка Анл, № А-23.

Почерк писарский с поправками Н. Бичурина. Многие страницы перечеркнуты поперек карандашом, некоторые строки подчеркнуты красным карандашом. Подстрочные примечания, содержащие главным образом переводы иероглифов.

Текст. Толкование. Пояснения текста и толкований. Последнее везде перечеркнуто вдоль карандашом.

С конца 69 л. об.: биографии, исторические справки, «колотие льда», короткое пояснение смысла слов. Видимо, перевод из китайского энциклопедического словаря.

В Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР (Ленинград) имеется перевод «Да-сио» в общем томе «Четверокнижие» также с большим количеством поправок.

11. **«Религия ученых и ее обряды».** В лист. 116 и 3 вкладных л. Шифр Б-ка Анл, № А-18.

На 4-й странице полное название: «Описание религии ученых [с приложением чертежей жертвенного одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения], составленное трудами монаха Иакинфа. 1844 года». [Заключенное в квадратные скобки зачеркнуто карандашом].

Под «Описание . . .» карандашом Н. Бичуриным подписано «Религия ученых и ее обряды называем. по китайски Жу-цзяо».

Рукопись написана хорошим четким писарским почерком с поправками карандашом и чернилами Н. Бичурина.

Опубликована с полным названием в книге, изданной Успенским монастырем при Русской духовной миссии. Пекин, 1906 г., 77 с.

В книге отсутствует: «Обряд предварительного землепашества, совершенного в саду Фын-цзэ-юань» $1 \frac{1}{2}$ л.

В рукописи нет: «Чертежа Педагогического Института в Пекине», помещенного в книге [с. 76—77. Чертеж-описание].

12. **«Приходно-расходный журнал, некоторые письма к нему и другие бумаги».** В лист. 207 л. Шифр Б-ка Анл, № 27[6].

Название дано в С.-Петербург. духовной академии, куда после смерти Н. Бичурина, поступили его рукописи.

Рукопись имеет большое значение для биографии.

Вначале идет алфавит [43 л.], куда вписаны разные лица и частично их адреса. В их числе: Леонтьевский З. Ф., Крылов И. А., Неволин К. А., Надеждин Н. И., Норов А. С., Одоевский В. Ф., Погодин М. П., Полевой Н. А., Щукин Н. С. и др.

Между листами вклеены письма родных, записки, квитанции в отсылке денег и писем.

Далее приходо-расходный журнал [58 л.]. Велся с января 1843 г. по декабрь 1847 г. С правой стороны — расходы, с левой — приход и разные памятные записи, счета книгопродавцев, литографии Гемилиана, стоимость издания книг и другой материал для биографии Н. Бичурина.

Из материалов некоторого научного значения:

1. «Эдикт Цян-Луна 9 ноября 1785 г. на французском языке». 2 с.

2. «Чертеж [описание] парата китайских войск, бывшего в Пекине в 18 день апреля 1812 года». 3 л. Впечатления Н. Бичурина от виденной им репетиции парада войск.

3. «Возражение на данные о китайских мерах в Месяцеслове за 1845 год». 1 л.

4. «Перевод китайской песни». Песня· весел имп. У-ди[1].

В рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся также пять писем Н. Бичурина: три письма к В. Ф. Одоевскому (архив В. Ф. Одоевского II, № 259), одно А. А. Краевскому (архив Краевского, т. Д-К, 824 л.) и одно письмо к А. Н. Оленину (архив Олениных, № 215).

Два письма к В. Ф. Одоевскому опубликованы мною в 1933 г. (Библиография Востока, вып. 2—4 (1933), с. 77—90). Письмо к А. Н. Оленину опубликовано Д. И. Тихоновым (см. выше, с. 282).

Приводим здесь два неопубликованных письма (записки):

1. Князю Владимиру Федоровичу Одоевскому

> Не можно ли в конце нынешнего номера поместить все три статьи: Г. Шмидта, мою, Г. Комарова — с замечанием со стороны редакции?
>
> Иакинф.

Ноябрь 8 утро.

Все три статьи были помещены в «Отечественных записках», 1839, VII, смесь, с. 27—33. Ранее: статья Н. Бичурина — «Литерат. прибавление к «Русскому инвалиду», 1839, т. 2, № 15. Сергея Комарова — «Северная пчела», 1839, № 224. Шмидта— «С.-Петербургские ведомости», 1839, № 224.

---

[1] Переведена также Пестовским Б. А. «Синтез буддийской поэзии в Китае в эпоху Тан» (618—906). «Сборник Туркестанского восточного Ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта». Ташкент, 1923, стр. 75—79.

2. Е. С. Князю Владимиру Федоровичу Одоевскому

Кандидат академии, о котором я прежде просил вас, желает лично переговорить с вами; а я сегодня едва-ли могу иметь время быть в собрании.

Остаюсь вашим покорнейшим слугою Иакинф.

Май 8.

Лицо, о котором упоминает Н. Бичурин, неизвестно. Год не установлен.

В собрании отдельных поступлений библиотеки (1950 /14/ 4) находятся также шесть рапортов Н. Бичурина с дороги в Пекин и из Пекина в Государственную коллегию иностранных дел:

1. 9 октября 1807 г. № 30. С дороги в Пекин (Уде-ама—12 верст от Урги) о получении 500 р. от пристава Первушина на ремонт монастыря в Пекине.

2. 10 мая 1808 г. Рапорт о прибытии в Пекин Духовной миссии.

3. 10 мая 1808 г. Просьба доставить полный план иконостаса для церкви.

4. 10 мая 1808 г. Испрашивается 6 тыс. руб. на постройку новых келий.

5. 10 мая 1808 г. Просьба выдать матери ученика Михаила Сипакова 10 фунтов серебра из его пятилетнего жалованья.

6. 10 мая 1808 г. Представляется опись книгам библиотеки Пекинской духовной миссии, чтобы «избежать траты на покупку уже имеющихся».

В том же собрании находится отношение № 2194 от 18 апреля 1809 г. графу Николаю Петровичу Румянцеву о препровождении подлинного отношения Н. Бичурина: об отличных успехах возвратившихся сюда из Пекина учеников и объяснение о неблагонамеренных против него поступков предместника своего архимандрита Софрония. Подпись не разобрана.

Отношения Н. Бичурина нет.

Оценить необходимость опубликования той или иной рукописи Н. Бичурина можно будет тогда, когда все его рукописное наследие будет должным образом описано.

Рукописи Н. Бичурина, хранящиеся в Секторе восточных рукописей и в архивах Ленинграда — Областном, где находится его судебное дело, и в Центральном — в делах Пекинской духовной миссии, ждут научного и полного описания.

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЕГИПТОЛОГИИ В РОССИИ

Новые факты, приведенные в содержательном исследовании И. Г. Лившица «Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном» [1], полностью подтвердили высказанное несколько лет назад на страницах «Вестника древней истории» мнение, что у нас, в России, в начале прошлого века «интерес к древнему Египту, его цивилизации и памятникам и особенно к полемике, вспыхнувшей вокруг дешифровки иероглифов, был гораздо глубже, а связи русских ученых с Западом много шире, чем это отмечалось до сих пор» [2]. К сожалению, И. Г. Лившиц только попутно останавливался на развитии египтологии в России, так как этот вопрос выходил за пределы избранной им темы.

Две помещаемые ниже заметки, основанные на неизданных до сих пор материалах, быть может, послужат еще одним доказательством, как живо и деятельно откликнулись на гениальное открытие Ж. Ф. Шампольона лучшие представители русской интеллигенции 20-х годов XIX в.

I. ДЕКАБРИСТ Г. С. БАТЕНЬКОВ — АВТОР ПЕРВОЙ РУССКОЙ КНИГИ О ДЕШИФРОВКЕ ИЕРОГЛИФОВ

В Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. Ленина с 1862 г. хранится никем не замеченная, небольшая книжка, побывавшая за первые четыре десятилетия своего существования в руках многих людей, оставивших заметный след в развитии русской культуры и общественной мысли.

---

[1] Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом письме. Перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица, АН СССР. Классики науки. 1950, стр. 98—241.

[2] И. С. Кацнельсон. Неизданное письмо Франсуа Шампольона. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 179.

Ныне, через 130 лет после выхода в свет, когда раскрыт ее неизвестный автор, эта книжка напомнила нам о человеке, который по справедливости должен считаться одним из предшественников русской науки о древнем Египте, прославленной такими выдающимися учеными, как В. С. Голенищев, Б. А. Тураев и В. В. Струве.

Летом 1824 г. в типографии Н. И. Греча была отпечатана брошюра «О египетских письменах». На титульном листе, кроме заголовка и выходных данных, больше ничего не было. Только на последней — 107 странице вместо подписи стояла прописная буква «Б». Книгу разрешил к печати 8 июля 1824 г. известный цензор А. Красовский. Одновременно ее текст печатался в виде отдельных статей в №№ XXVIII—XXX и XXXII—XXXV «Сына Отечества», вышедших между 12 июля и 30 августа того же года и издававшихся тем же Н. И. Гречем. И здесь той же буквой была подписана лишь последняя статья. В 1826 и 1827 гг. появились польские переводы этой работы [1]. И вновь имя автора не было указано, хотя полностью приводились имя и фамилия переводчика — Зигмунта Бартошевича. И, наконец, в начале 1827 г., помещая в «Московском телеграфе» [2] статью «Замечания Шампольона на сочинение г-на Гульянова» («Opuscules archéologiques»), издатель журнала Николай Полевой снабдил ее следующим примечанием, дававшим оценку работе: «Мы давно хотели напечатать в Телеграфе краткое известие о сущности дел, но беспрестанно получая известия о новых спорах и новых открытиях, решились дождаться дальнейших и более положительных выводов. Русские читатели, дабы иметь понятие о началах и сущности Шампольонова открытия, могут прочитать ученую и прекрасно написанную статью: «О египетских письменах. . .»» [3]. Кто скрывался за инициалом «Б» и Н. Полевой и его брат Ксенофонт, бывший фактически соредактором журнала, очевидно, хорошо знали. Известно, что Г. С. Батеньков был с ними знаком и что братья Полевые даже посылали ему личный экземпляр «Московского телеграфа» [4]. Приведенное примечание Н. Полевого наглядно

---

[1] В журнале «Dziennik Wileński», 1826. Historia i literatura, t. II, str. 73—105, 193—214, 269—291; отдельное издание; O pismie egipskiem szyli Hieroglyfach. Przekładał z rossyyskiego Zygmunt Bartoszewisz. N. G. W. Wilno (1827).

[2] Часть 13. М., 1827, стр. 298—299.

[3] Там же.

[4] Е. П. Федосеева. Декабрист Г. С. Батеньков (опыт биографии). Л., 1947, стр. 53. Диссертация, защищенная на степень кандидата исторических наук при Ленинградском Государственном Университете. Экземпляр ее имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

показывает, с каким интересом следили в России за всем, что было связано с дешифровкой иероглифов — одной из основных проблем того времени в области гуманитарных наук.

Нельзя сказать, чтобы указанные статьи в «Сыне Отечества» прошли незамеченными для советских египтологов, интересовавшихся прошлым своей науки, но отдельное издание им осталось, очевидно, неизвестным. Правда, о нем не упоминается в основных библиографических указателях, как, например, «Списках» Г. Геннади или каталоге Смирдина. Об этих статьях писал А. В. Мачинский в комментариях к опубликованной им переписке Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным, говоря, что «Некий Б. напечатал подробное изложение содержания только что вышедшего труда Ж. Ф. Шампольона «Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens»» [1]. Несколько дальше пошел И. Г. Лившиц, который, ссылаясь на предположения проф. П. Н. Беркова, приписал эти статьи историку Василию Берху, «неоднократно и впоследствие писавшему о Шампольоне и его трудах» [2].

Однако историк России Василий Николаевич Берх (1781—1834) сотрудничал в «Сыне Отечества» в 1821, 1822 и 1829 гг., где помещал статьи географического содержания [3]. Ни одного подходящего имени не называл и общеизвестный «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова. Берх в нем даже не упоминался. Ничего не дал и тщательный просмотр книги. Она состоит из пяти глав-статей и небольшой вводной заметки. В последней неизвестный автор очень ясно, несмотря на предельную краткость, излагал «существо открытия» Шампольона, а затем предупреждал о целях, которые он преследовал, выпуская в свет свою работу, так как буквальный перевод самого «Очерка иероглифической системы» «не для всех читателей был бы удобен». Таким образом, он предлагал широкой публике популярное «извлечение с приличными пояснениями по следующим предметам: 1) О состоянии наших познаний относительно египетских иероглифов прежде Шампольона (стр. 3—17). 2) Краткое начертание системы Шампольона (стр. 17—45). 3) Постепенное ее развитие, т. е. путь, которым открытие сделано, и по которому надлежит следовать в дальнейших изысканиях; ближайшее приложение новой системы, и существо доказательств

---

[1] Проблемы истории докапиталистических формаций. Л., 1934, № 4, стр. 73.

[2] Ф. Шампольон. Указ. соч., стр. 230, примечание 4.

[3] Русский биографический словарь. СПб., 1900, т. 2, стр. 759.

(стр. 45—76); 4) Следствия, проистекающие из его открытия в других познаниях (стр. 76—98). К тому присовокуплены будут: 5) Особенно краткие примечания на сие творение (стр. 98—107)». И нужно признать, что автор вполне справился с нелегкой задачей, сократив текст (400 страниц и 10 глав изданного в «кварту» тома Шампольона) до предела 95 страниц своей книжки значительно меньшего формата. Он разъяснил многие положения французского ученого и добавил от себя пятую статью, где дал общую оценку труда, подчеркивая его достоинства: «. . . Слог, язык Шампольона ясен и определителен: редко встречаются книги, занимающиеся столь ученым предметом, кои можно было бы читать с такою удобностью и с таким удовольствием. . . точность. В первых главах наблюдается она во всем пространстве. Каждое заключение выведено из подробного и тщательного рассмотрения и сличения, служащих к тому оснований; доказанные истины явственно отделены от предположений и догадок; нет и малейших признаков мечтательности: читая сии главы, можно подумать, что читаешь математическое творение» (стр. 105—106). Однако автор способен не только восхищаться трудом Шампольона. Он достаточно самостоятелен и критичен, чтобы иметь свое мнение и замечать недостатки. В частности, ему представляется менее убедительным содержание двух последних глав. «Не все содержащиеся в них заключения могут быть непосредственно выведены из доказанных прежде истин, не все объяснены примерами или подкреплены ссылками на памятники, но тем не менее все заключения, очевидно, стоят в связи общей системы... однако долг справедливости требует заметить, что хотя настоящие открытия о свойствах Египетских письмен весьма уже важны, но критика материалов еще не кончена, и извлечение системы предварило оную в некоторой мере. Впрочем, история наук представляет многочисленные тому примеры: в самой Математике отличные умы нередко делали подобные прозрения и оставляли потомству поверить и окончательно доказывать точность их открытий во всех подробностях и последствиях» (стр. 106—107). Книга дополняется литографированной таблицей, иллюстрировавшей текст наглядными примерами и изготовленной специально для русского читателя. В «Сыне Отечества» она отсутствует.

В Париже «Очерк иероглифической системы» поступил в продажу в середине апреля 1824 г. Анонимная книжка была разрешена к печати в далеком Петербурге 8 июля того же года, куда почта в тот век дилижансов и почтовых карет поспевала только недели через две. Очевидно, не только президент Акаде-

мии Художеств, археолог и автор первых русских работ по палеографии Алексей Николаевич Оленин, — образованнейший человек своего времени и близкий знакомый почти всех выдающихся писателей, ученых и художников той поры, — с нетерпением ожидал выхода в свет новой работы Шампольона и запрашивал о ней самого автора[1]. Видимо с не меньшим вниманием дожидался ее и неизвестный нам последователь французского ученого, который в течение нескольких недель успел внимательно прочесть объемистый том, сжать его в понятную всякому образованному человеку маленькую книжку, дополнить собственными соображениями и представить на утверждение цензуры. Кто же это мог быть? И как часто бывает, на помощь пришел случай. . .

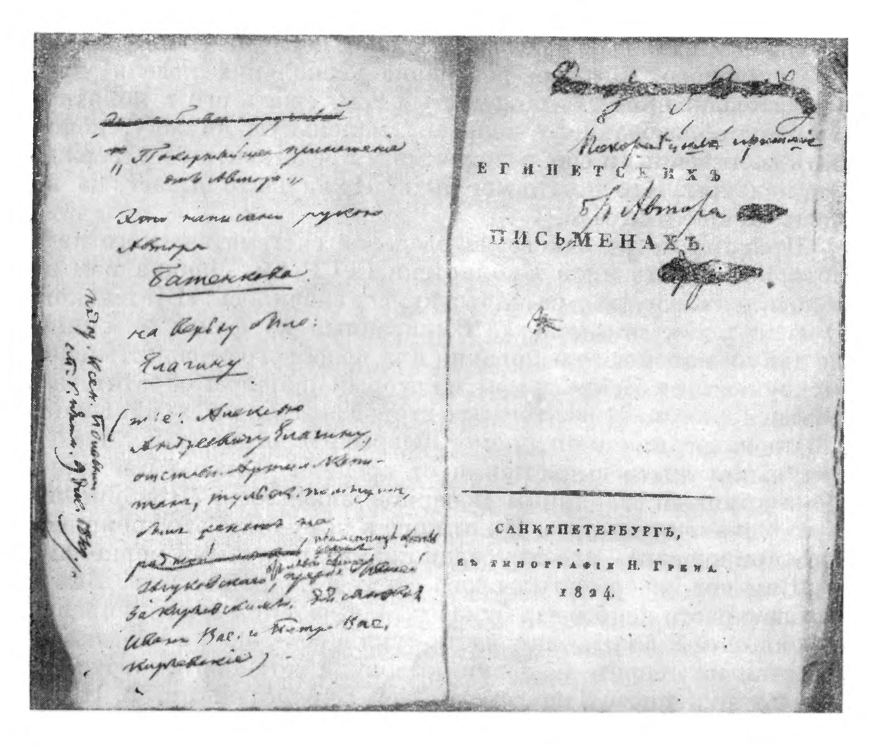
При просмотре одного из разделов систематического каталога Государственной Библиотеки СССР им. Ленина нам довелось натолкнуться на карточку, где значилось: «Б[атеньков]. О египетских письменах». Выписанный из фонда экземпляр не дал ни малейшего основания для подобного отождествления. Недоумевали и библиографы, к которым пришлось обратиться за разъяснениями. И вот тогда-то второй экземпляр, хранившийся в Отделе редких книг, помог разрешить недоумение. На его титульном листе выцветшими от времени рыжеватыми чернилами крупным старинным почерком значилось: «Покорнейшее приношение от автора». Но от кого и кому было это «покорнейшее приношение», кто-то усердно замазал густыми чернилами.

Еще два зачеркнутых слова стоят в конце надписи. Выступающие части некоторых букв имени имеют явные следы правки. Именно эти выступающие части букв в сочетании с указаниями заметки на обороте обложки позволили установить сотруднице Отдела рукописей Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина — Е. Н. Коншиной первоначальный текст надписи. Он гласил: «Елагину — покорнейшее приношение от автора». Затем «Елагину» было переправлено другим почерком на «Ксенофонту Алексеевичу», а внизу были прибавлены зачеркнутые впоследствии слова «от друга». Оборотную сторону обложки покрывали строчки, наспех набросанные другой рукой и почерком, более близким нашему времени: «Покорнейшее приношение от автора». Это написано рукою автора — *Батенькова.* На верху было: «*Елагину*» (т. е. Алексею Андреевичу Елагину, отставн[ой] артел[лерийский] капитан, тульск[ий] помещик, был женат на племяннице Жуковского от левой сестры, прежде бывшей за Киреевским. Её сыновья Иван Вас.

---

[1] И. С. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 180.

и Петр. Киреевские). Подар[ено] Ксен[офонтом] Полевым С. П. б. Пятн[ица] 9 дек[абря] 1849». Подобные пометки на книгах и рукописях обычно заслуживают доверия, особенно, если они принадлежат таким знатокам старой книги и библиофилам, каким

Титульный лист книги Г. С. Батенькова с его автографом и пометка С. Д. Полторацкого на обороте обложки

был Сергей Дмитриевич Полторацкий. А приведенные строки были написаны его рукой. Но никто никогда не слыхал и не упоминал, чтобы декабрист Гавриил Степанович Батеньков — человек многосторонних и разнообразных интересов, выделявшийся даже между другими членами Тайного Общества, — увлекался египтологией, а тем более сам подвизался в этой науке. Справки в биографиях Батенькова, в том числе и в специально посвященной ей уже упомянутой диссертации Е. П. Федосеевой решительно ничего не дали. Никаких следов занятий

Батеньковым египетской письменностью не сохранилось и в его обширном архиве, находящемся в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина [1]. Безрезультатным оказался и просмотр его переписки с Елагиными [2].

Г. С. Батеньков родился в Томске 25 марта 1793 г. В раннем детстве выучился татарскому языку у ссыльного графа Салтыкова, видимо, большого любителя этого языка [3]. Окончив 2-й кадетский корпус, он в 1812 г. поступил в артиллерию и участвовал в освободительных войнах с Наполеоном, был тяжело ранен и, подобно многим другим декабристам, с победоносными русскими войсками дошел до Парижа. В армии, в 13-й артиллерийской бригаде завязалась его дружба с А. А. Елагиным, продолжавшаяся до смерти последнего (1846). Уже будучи офицером, Батеньков изучил инженерное дело. Выйдя в 1816 г. подполковником в отставку, он вернулся в родную ему Сибирь. В Иркутске, где он служил по ведомству путей сообщения, соорудил набережную на р. Ангаре [4]. Здесь, в 1819 г. ему довелось встретиться с известным государственным деятелем М. М. Сперанским, бывшим тогда в почетной ссылке. Знакомство перешло в дружбу, и после переезда в Петербург Г. С. Батеньков, получив назначение в Управление военными поселениями, остановился на квартире у Сперанского, возвратившегося в столицу весной 1821 г. Жил тогда Сперанский в бельэтаже известного в старом Петербурге дома Лазаревых, где армянская церковь, что на Невском проспекте. Вскоре, однако, Батеньков перешел в дворовый флигель, сняв квартиру из трех комнат и на третьем этаже [5]. Здесь его и арестовали 28 декабря 1825 г. Участь Г. С. Батенькова оказалась наиболее жестокой, если не считать пятерых повешенных на кронверках Петропавловской крепости. 21 год 1 месяц и 18 дней провел он в одиночном заключении, из них 19 лет в каменных мешках

---

[1] Л. М. Иванова. Фонд Г. С. Батенькова. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Вып. XIII. М., 1952, стр. 43—56. Фонд насчитывает 506 единиц хранения на 7 тыс. листах и охватывает 1816—1825 гг. и 1846—1863 гг.

[2] Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля под общей редакцией Б. П. Козьмина. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Из архива Елагиных. М., 1936 и публикация его писем М. О. Гершензоном во 2-м томе «Русских Пропилеев». М., 1916.

[3] «Русская Старина», 1889, № 8, стр. 304.

[4] Г. М. Котляров. Г. С. Батеньков в Сибири 1817—1819 гг. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933, стр. 145 и сл.

[5] А. Г. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, стр. 310—312.

Алексеевского равелина. Владея отлично французским и немецким языками, Г. С. Батеньков самостоятельно выучил греческий и латинский [1], знание которых ему не мог дать кадетский корпус. Чтобы заполнить бесконечно тянувшиеся дни в Петропавловской крепости, он приступил к занятиям древнееврейским языком и в скором времени свободно пользовался им при сличении переводов библии на старые и новые языки — чему предавался с увлечением. Нужные для этого книги беспрепятственно через коменданта доставлялись из Публичной Библиотеки [2]. Почему постигла Батенькова столь тяжкая кара, сказать трудно: он был одним из наиболее умеренных членов Тайного Общества. Специалисты предлагают разные и притом очень несхожие между собою объяснения, а исследование этого вопроса не входит в круг наших задач [3]. Об узнике вспомнили только в январе 1846 г. и выслали его на родину—в Томск «с учреждением за ним строгого наблюдения», хотя за долгие годы, проведенные в тесных казематах, он разучился ходить, а говорить вовсе отвык. Его стихотворение «Одичалый», помещенное в «Русской Беседе» (1859, № 3, стр. 6—12) и подписанное единственным до сих пор зарегистрированным псевдонимом Батенькова «О—е—а» (гласные буквы фамилии, расположенные в обратном порядке) [4], несомненно, автобиографично. Только после смерти мстительного Николая I, до последнего дня не простившего своих «друзей 14 декабря», смог 63-летний старик в 1856 г. возвратиться в европейскую Россию. Последние семь лет жизни он провел в Калуге подле своих друзей Елагиных. Здесь он и умер 71 года — 29 октября

[1] А. Лучшев. Декабрист Г. С. Батеньков. «Русский Архив», 1886, № 6, стр. 277.

[2] «Русская Старина», 1889, № 8, стр. 328.

[3] См. подробную библиографию в указанной выше книге: письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля под редакцией Б. П. Козьмина, стр. 227—233 и вводную статью А. А. Сабурова к публикации писем Г. С. Батенькова, стр. 44—45; Б. Л. Модзалевский. Русский исторический журнал, 1918, № 5, стр. 101—153 и, особенно уже упомянутую диссертацию Е. П. Федосеевой, которая, сопоставив все источники, приходит к заключению, что это было «жесточайшей местью царя одному из видных деятелей Северного Общества декабристов, авторитетнейшему среди них и видному государственному чиновнику (намеченному декабристами во Временное Правительство), местью за убежденную апологию декабрьского восстания и отказ дать компрометирующие показания о Сперанском» (стр. 155). Вместе с тем, несомненно, что длительное одиночное заключение повлияло на психику Батенькова, который, как это убедительно доказал Б. Л. Модзалевский, страдал приступами помешательства на религиозно-мистической почве.

[4] И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 2—3. М., 1949, стр. 158.

1863 г., завещав похоронить себя рядом с А. А. Елагиным. Свидетельством этих близких отношений служит обширная переписка и с самим Елагиным, и с его женой Авдотьей Петровной. Она не прервалась даже тогда, когда Авдотья Петровна овдовела. Большинство этих писем издано. Они показывают, как широки были литературные и научные связи Батенькова, как разносторонни были его интересы. Он интересовался раскопками раннеславянских городищ, редактировал для грамматики Н. И. Греча таблицы спряжений, запоем читал Байрона, следил за последними литературными новинками, участвовал в журнальной полемике. Но о египетских письменах нет ни единого упоминания. Таким образом, единственным подтверждением правильности пометки С. Д. Полторацкого оставался интерес, проявленный Г. С. Батеньковым к языковедческим занятиям.

Первые указания на возможность авторства Г. С. Батенькова были получены неожиданно и притом в совершенно иных документах, а именно в выборочном списке его обширной библиотеки, составленном на основании описи, произведенной после ареста [1]. Библиотека, включавшая 557 названий (в том числе и многотомные), вновь показывает энциклопедичность интересов ее хозяина. Здесь были представлены сочинения по гуманитарным наукам, математике и технике. Имелось 15 грамматик русского, славянского, немецкого, французского, английского, латинского, греческого, древнееврейского и татарского языков. Под № 147 значилась книга «О египетских письменах», а под № 251 «Précis du système hiéroglyphique» Ж. Ф. Шампольона. Мимоходом А. А. Сабуров, который приложил этот выборочный список книг к своей статье, замечает, что Г. С. Батеньков занимался египетскими древностями со Сперанским [2]. Источников своей осведомленности А. А. Сабуров не указал. Хотя книга «О египетских письменах» с автографом автора находилась буквально в соседнем зале, он и не подозревал о ее существовании. В приложенном к статье списке всех изданных сочинений и показаний Г. С. Батенькова эта работа не упомянута.

Дальнейшие указания содержались в воспоминаниях Н. И. Греча. Кому как не ему, вездесущему и всезнающему

---

[1] А. А. Сабуров. Указ. ст., стр. 16. Писарская копия «Опись библиотеки Батенькова» на 24 л. (1826) хранится в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, архив № 13/56. См. указанную публикацию Л. М. Ивановой, стр. 55.

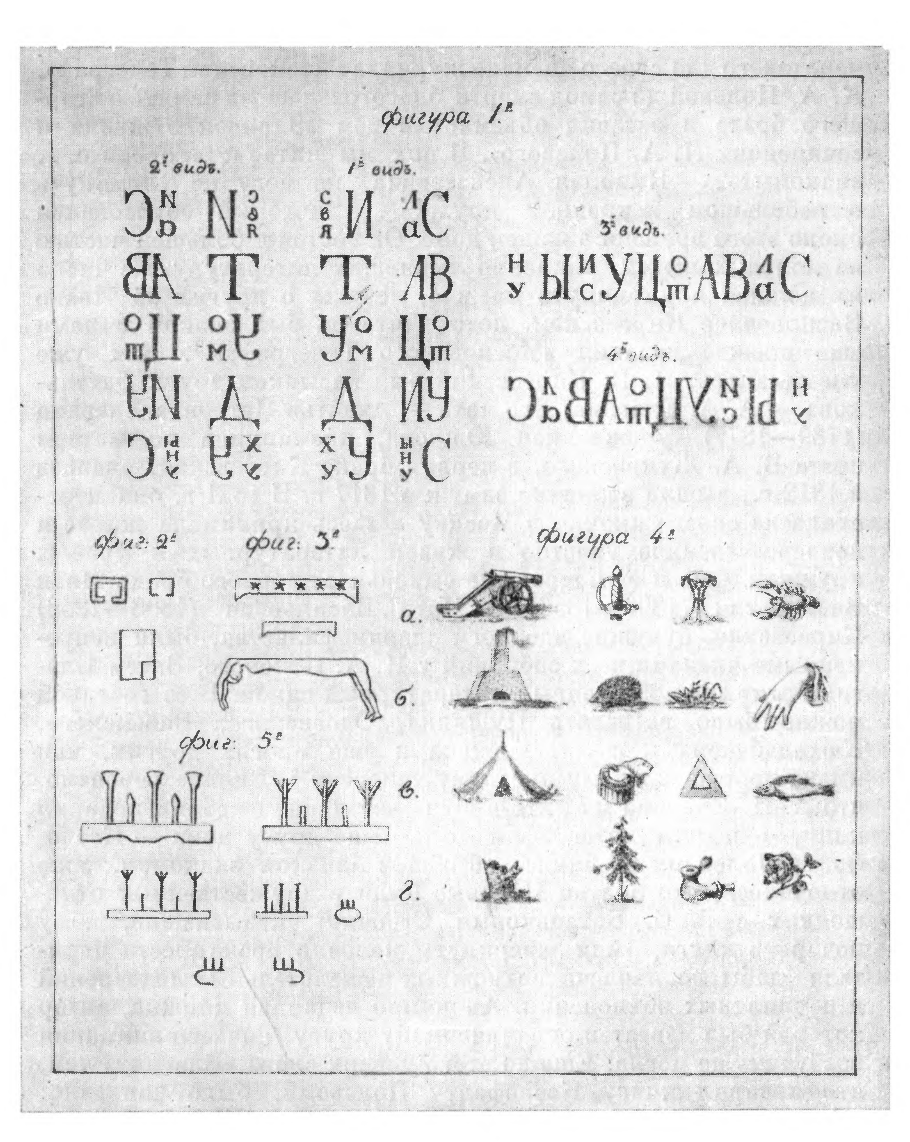
[2] А. А. Сабуров. Указ. ст., стр. 24.

журналисту и издателю, по совместительству вместе с Булгариным состоящему в осведомителях, притом даже не очень тайных, у Бенкендорфа и Дубельта, было не знать, кто чем занимается и интересуется. А с Г. С. Батеньковым он был хорошо знаком, и имя последнего часто встречалось на страницах его записок. Со многими видными декабристами, например Бестужевым и Рылеевым, Батеньков познакомился благодаря своим литературным связям с «Сыном Отечества». Он бывал у Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, и именно Н. И. Греч издал в своей типографии анонимную книжку «О египетских письменах». Итак, Н. И. Греч писал: «Батеньков жил в Петербурге у Сперанского (в доме армянской церкви), занимался науками, например, изъяснением египетских иероглифов...»[1] Действительно Сперанский и Батеньков, встречаясь, а встречались они в 1823—1824 гг. часто, предавались занятиям, для нас знающих круг их интересов с совершенно иной стороны, несколько неожиданным: они с увлечением изучали египетскую письменность. Стремясь выгородить Сперанского, который, видимо, подозревал о существовании заговора, — ведь декабристы прочили его в состав предполагаемого правительства, — Батеньков сообщал 31 марта 1826 г. в показаниях, названных стыдливо «воспоминаниями» в «Русской Старине»: «Все мои сношения со Сперанским были тогда единственно по занятию мною системою египетских письмен, ибо и он занимался древностями...»[2]

Наконец, сравнение почерка автографа на титульном листе с почерком писем Батенькова 1824 г. показало их тождество. Оставалось замкнуть круг и проследить, каким образом книга попала в руки Ксенофонта Полевого, установить, насколько он мог быть точно осведомлен о возможности авторства Г. С. Батенькова, и, наконец, причины, побудившие его подарить эту библиографическую редкость С. Д. Полторацкому. Это оказалось менее сложным. Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1867) весьма посредственный писатель, журналист и критик, упоминается в энциклопедиях и различных трудах по истории русской литературы и общественной мысли не столько ради собственных заслуг и сочинений, сколько благодаря своему значительно более талантливому брату Николаю Алексеевичу Полевому (1796—1846), также писателю, публицисту, историку и критику — основателю

[1] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Л., 1930, стр. 504.

[2] Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев (по воспоминаниям Г. С. Батенькова, написанным 31 марта 1826 г.). «Русская Старина», 1897, 10, стр. 88. Подлинник показаний Г. С. Батенькова хранится в ЦГИАМ, ф. 48, д. 11, л. 43.

Литографированная таблица, приложенная к книге Г. С. Батенькова «О египетских письменах», иллюстрирующая принципы египетского письма

передового для своего времени журнала «Московский Телеграф». К. А. Полевой до самой смерти благоговел перед памятью старшего брата и оставил объемистый том «Записок о жизни и сочинениях Н. А. Полевого». В них мы читаем: «Говоря о... знакомых... Николая Алексеевича, не могу не упомянуть о небольшом искреннем кружке..., который образовался около этого времени в нашем доме. Он состоял большей частью из молодых людей, пламенно любивших литературу. Из числа их должен я упомянуть прежде, нежели о других об Иване Васильевиче Киреевском, потому что он был знаком с нами еще прежде издания «Московского Телеграфа» [1]. Как уже упоминалось, И. В. Киреевский был пасынком друга Батенькова — А. А. Елагина. Его мать — Авдотья Петровна Елагина (1789—1877), урожденная Юшкова, племянница по матери поэта В. А. Жуковского, в первом браке Киреевская, овдовев в 1812 г., вышла вторично замуж в 1817 г. В 1821 г. она переехала из своего имения в Москву и здесь принимала живое и непосредственное участие в жизни литературных и ученых кружков. Она и ее подросшие сыновья от первого брака Иван Васильевич (1806—1856) и Петр Васильевич (1808—1856) Киреевские, будущие идеологи славянофильства, были непременными членами всех собраний у Н. А. Полевого. Затем Елагина открыла собственный литературный салон. В ее гостиной можно было встретить Пушкина, Одоевского, Вяземского, Кюхельбекера, Гоголя, Герцена и еще многих других, чьи имена дороги каждому русскому человеку [2]. Вполне вероятно, что А. П. Елагина или кто-нибудь из членов ее семьи подарил книгу с редким автографом тогда еще другу дома — Ксенофонту Полевому на память об общем близком знакомом. Уже отмечалось, что братья Полевые были в дружественных отношениях с Г. С. Батеньковым. Строчки, указывавшие, кому подарена книга, были зачеркнуты, конечно, после ареста дарителя, дабы не навлечь возможных нежелательных подозрений и неприятных объяснений. Анонимно изданная книжка, автор которой был известен ограниченному кругу, ничьего внимания возбудить не могла. Еще до этого поверх слова «Елагину» тем, кто подарил книгу Ксенофонту Полевому, было написано: «Ксенофонту Алексеевичу». Последнее зачеркнутое слово, также написанное не Батеньковым, скорее всего было «другу». Таким

---

[1] Записки К. А. Полевого. СПб., 1888, стр. 151—152.

[2] Об А. П. Елагиной см. «Русский Архив», 1877, №№ 7 и 8. Статья П. Б[артенева]; «Северный Вестник», 1877, №№ 68 и 69. Некролог, написанный Д. Кавелиным.

образом, вторичная надпись гласила: «Ксенофонту Алексеевичу покорнейшее приношение от автора-друга» [1].

Этот дар Ксенофонт Полевой мог получить только до начала 1830 г. Тогда между ним и Киреевским, а следовательно, и Елагиными, произошел полный разрыв, вызванный журнальной полемикой [2], на причинах которой здесь останавливаться неуместно.

Осенью 1825 г., когда Полевые, Киреевские и Елагины встречались чуть ли не ежедневно, Н. А. Полевой познакомился с будущим известным библиофилом и библиографом, владельцем огромной родовой библиотеки, с годами им значительно приумноженной — Сергеем Дмитриевичем Полторацким (1803—1884) [3]. «Дружба этого благородного человека была истинным услаждением моего брата и продолжалась до смерти Николая Алексеевича», — писал в своих «Записках» Ксенофонт Полевой [4]. Полторацкому Николай Полевой посвятил свой перевод «Гамлета», а Ксенофонт Полевой впоследствии подарил ему неоконченную рукопись Алфавитного словаря русских писателей, который братья начали составлять, но приостановили после буквы «Е», отвлекшись изданием «Московского Телеграфа» [5]. Вполне естественно, что и редкая брошюра с автографом автора-декабриста в конце концов попала в руки Полторацкого. У него она находилась 13 лет. В 1862 г. при основании Московского публичного музея значительная и притом лучшая часть библиотеки Полторацкого в количестве 7250 томов была приобретена для Музея. Кроме библиографических и биографических пособий, ценных по своей полноте коллекций русских и иностранных периодических изданий, в Музей перешли «некоторые замечательные по редкости в продаже статьи» [6]. Именно к последней категории должна быть, очевидно, отнесена интересующая нас брошюра. Здесь в Библиотеке им. В. И. Ленина она пролежала без малого сто лет, пока не открыла нам имя человека, память которого мы должны

---

[1] Зачеркнутые слова прочтены Е. Н. Коншиной — научным сотрудником Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, которой я пользуюсь случаем выразить свою признательность.

[2] К. Полевой. Указ. соч., стр. 308—310.

[3] Ю. И. Масанов. Сергей Дмитриевич Полторацкий. «Советская Библиография», 1947, вып. II, стр. 71.

[4] К. Полевой. Записки, стр. 215.

[5] Там же, стр. 152. Примечание 1.

[6] Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. Представлен директором Музея А. В. Исаковым. СПб., 1864, стр. 71—72. Н. Бокачев. Описи русских библиотек. СПб., 1890, стр. 138—139.

чтить не только, как отважного борца за свободу, но и как одного из предшественников отечественной науки о древнем Египте.

Уже приходилось отмечать, что наиболее образованные и передовые представители русской интеллигенции 20—30-х годов XIX в. горячо откликнулись на труды Шампольона, и, как мы увидим в дальнейшем, помогали ему в борьбе с многочисленными озлобленными противниками, то отрицавшими научную ценность его трудов, то стремившимися присвоить приоритет открытия. Приведем еще несколько примеров тому, как оценивали лучшие русские люди — современники и последующее поколение — значение дешифровки иероглифов. Вот что записал в свой дневник 27 марта 1827 г. после посещения Публичной библиотеки, где ему показывали рисунки египетских древностей, летописец культурной жизни обеих столиц середины XIX в., стоявший в центре их научной и литературной жизни, профессор литературы Петербургского университета, а впоследствии академик А. В. Никитенко: «Смотря на снимки с гигантских зданий, пощаженных самим временем, на барельефы с изображением символов и религиозных процессий, проникаешься чувством бесконечного, которое лежит в основе египетского мировоззрения. Но не все барельефы изящны. Иные больше поражают необычайностью фигур, как те, например, где эти фигуры с птичьими носами, но на человеческих лицах. Тут же никакой красоты, но есть свой смысл, свое значение, разгаданное французским ученым Шампольоном, который так остроумно нашел ключ к пониманию египетских иероглифов» [1].

В 1833 г. О. И. Сенковский, сочетавший талант и знания блестящего ученого ориенталиста с беспринципным, рассчитанным на низменные вкусы, пошлым зубоскальством продажного ретроградного журналиста, издал «Фантастическое путешествие», скрыв свою фамилию под псевдонимом — барона Брамбеуса. В этом образцовом произведении желтой прессы подвергались глумлению и осмеянию крупнейшие открытия в различных областях науки, в том числе и дешифровка иероглифов Шампольоном. «Фантастическое путешествие» вызвало негодование всех, кому дороги были научные познания и прогресс. Первыми на защиту их выступил редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин, в котором странным образом политический консерватизм и клерикализм уживались с наиболее передовыми тогда взглядами на искусство и науку [2].

[1] А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1893, стр. 221.

[2] Еще в 1832 г., тотчас после смерти Шампольона, он поместил его некролог, где подчеркивал приоритет дешифровки иероглифов и выдающиеся моральные качества «славного труженика». «Телескоп», ч. 7. М., 1832, стр. 604—614.

В статье, озаглавленной «Барон Брамбеус и здравый смысл», он писал: «Его путешествие на Медвежий остров есть не что иное, как беспрерывное ругательство над геологическими открытиями Кювье и иероглифической системой Шампольона, над сравнительной Анатомией... Кювье и Шампольон! Мужи великие, достойные алтарей во храме науки!» [1] Затем последовала отповедь В. Г. Белинского, напечатанная в «Литературных мечтаниях», где В. Г. Белинский ядовито высмеивал Сенковского за то, что он «своею фантастическою книгою на смерть пришлепнул Шампольона и Кювье — двух величайших шарлатанов и надувателей, которых невежественная Европа имела глупость почитать доселе великими учеными»[2]. В. Г. Белинский и впоследствии возвращался к этому вопросу: «Надо сказать, что Поль де Кок, как плебей, не столь заносчив как барон; он не пускается в ученость и не острит над Шампольонами и Кювье, помня пословицу: «Знай сверчек, свой шесток»»[3]. Откликнулся и редактируемый А. С. Пушкиным «Современник», в котором появилась статья князя В. Ф. Одоевского — писателя и музыканта, которого так ценили за его тонкое художественное дарование и А. С. Пушкин, и Н. В. Гоголь. Эта статья, названная «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», получила впоследствии благожелательную оценку В. Г. Белинского [4]. «Названия наук, неизвестных нашим сатирикам, — возмущался Одоевский, — служат для них обильным источником для шуток, словно для школьников, досадующих на ученость своего школьного учителя; лучшие умы нашего и прошедшего времени: Шампольон, Шеллинг, Гегель, Гаммер, ... снискавшие признательность всего просвещенного мира, обращены в предметы лакейских насмешек, «лакейских» говорим, ибо цинизм их таков, что может быть порожден лишь грубым, неблагодарным невежеством» [5].

Наконец, лет двадцать спустя, подводя итоги беспринципной и бесславной литературной деятельности Сенковского, Н. Г. Чернышевский в своих знаменитых «Очерках гоголев-

---

[1] «Телескоп», ч. 21, М., 1834, стр. 253.

[2] Напечатано в «Молве» за 1834 г. Цитируется по полному собранию сочинений В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова, т. I, 1900, стр. 311.

[3] Там же, т. 12, 1928, стр. 228.

[4] Отзыв В. Г. Белинского на «Сочинения князя В. Ф. Одоевского». СПб., 1844, напечатанный в «Отечественных записках» за 1844 г. Цитируется по полному собранию сочинений В. Г. Белинского, т. 9. СПб., 1910, стр. 23—25.

[5] «Современник», 1836, № 1—2, стр. 206—218. Цитируется по сочинениям князя В. Ф. Одоевского, ч. III. СПб., 1844, стр. 365, 370—371.

ского периода русской литературы» упрекал его и за необоснованные нападки на Шампольона, называя их «лилипутскими забавами», которые «морочат публику» [1].

Характерно, что ни Н. Г. Чернышевский, ни В. Г. Белинский ни разу не упоминают имя Гульянова, точно не он был автором объемистых томов об иероглифическом письме, хотя тот и другой живо откликались на каждое сколько-нибудь значительное событие научной жизни России.

Наконец, как известно, Шампольон в один день с Гете и Нибуром — 10 января 1827 г. — был избран в почетные члены Петербургской Академии наук и лишь только три года спустя (7 мая 1830 г.) его удостоили такой же чести на родине — во Франции, где он был избран в члены Академии надписей.

К сожалению, несколько лет тому назад отдельные историки, ошибочно поняв борьбу за приоритет в некоторых научных открытиях, сделанных русскими учеными, пытались умалить заслуги Шампольона. Они пытались выдвинуть на его место И. А. Гульянова — сына молдавского господаря греческого происхождения Маврокордато, бежавшего при Екатерине II в Россию. Впрочем, это не мешало им пользоваться переводами древнеегипетских текстов, сделанных по методу Шампольона, а не Гульянова.

Что касается И. А. Гульянова, то к подлинной науке он имел отдаленное отношение. Память об этом самоуверенном дилетанте и карьеристе в науке сохранилась только благодаря его вздорным нападкам на Шампольона, которыми он отвлекал его от серьезной работы [2]. И только им он обязан спасением от полного забвения. Кандидатуру Гульянова в члены Российской Академии, бывшей оплотом реакции, выдвинул в 1821 г., т. е. до завершения открытия Шампольона, известный ретроград и мракобес адмирал А. С. Шишков [3] по вполне понятным

---

[1] Н. Г. Чернышевский. «Очерки гоголевского периода русской литературы». СПб., 1892, стр. 61—62, 71. Впервые напечатано в «Современнике», 1856, № 1.

[2] Вот пример стиля Гульянова в полемике с Шампольоном: «Что же касается до меня, то я уже привык к системе г. Шампольона и давно уже не дивлюсь ни произвольности его утверждений и отрицаний, ни непоколебимости толкований его и перетолков, ни высокопарной пустопорожности его обещаний, ниже догматическим противоречиям, которыми переполнены пресловутые его сочинения». Замечания о Дендерском зодияке (Письмо к издателю «Телескопа»). «Телескоп», ч. 14. М., 1831, стр. 150.

[3] М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 7, СПб., 1885, стр. 469—470. «Сборник Отдела Русского Языка и словесности Академии Наук», т. XXXVII, № 1.

причинам: сам Гульянов, по свидетельствам современников, был «истинным консерватором, и по личным убеждениям и по роду своих занятий весьма дорожил чинами» [1]. Его идеалы лучше всего характеризует его же собственное письмо к историку М. П. Погодину: «Я желаю возможное и справедливое, желаю чина статского советника со старшинством, желаю 2000 рублей жалования и дозволения ехать в чужие края и заниматься там продолжением моих трудов и изданием оных» [2]. В программной речи Гульянова, произнесенной по случаю избрания в Российскую академию, полностью отразились взгляды этого самовлюбленного путаника, отрицавшего и логику [3], и синтаксис, но зато проповедовавшего теорию о непосредственно божественном происхождении языка. Речь И. Я. Гульянова, как впрочем и все остальное им написанное, отразила наиболее реакционные взгляды конца царствования Александра I, когда в науке почти безраздельно господствовали Магницкие и Руничи [4].

Рекламировали его труды преимущественно такие же консерваторы, как и он сам. Например, тот же историк М. П. Погодин, а поддержку в науке ему оказывали такие сомнительные личности, как Ю. Клапрот, также дилетант в египтологии, исключенный из экстраординарных академиков Петербургской Академии наук за «недостойное поведение в 1812 году»[5]. Избытком «достойности» его поведение видимо не отличалось и позднее: недаром К. Маркс, характеризуя в письме к Ф. Энгельсу от 7 марта 1856 г. работу французского филолога Ф. Эйхгоффа о славянах, писал: «Эйхгофф был и раньше мне известен как филологический шарлатан, перешарлатанивший даже Клапрота (который все же кое-что знал)[6]».

---

[1] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 3, СПб., 1890, стр. 335.

[2] Там же, стр. 336.

[3] «Логика — учение, возникшее древле от избытка ума и покоряющая выкладкам своим здравый рассудок» — И. А. Гульянов. Речь об образовании и существе языков. . . СПб., 1821, стр. 25—26.

[4] Речь Гульянова «претенциозная и причудливо-высокопарная ничего не внесла в нашу науку, и все ее похвальбы и обещания так и остались словами. Описываемого в ней переворота в языкознании труды ее автора не произвели, да и не могли произвести». С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 608. «Записки Историко-филологического факультета СПб. Университета».

[5] «A cause de sa conduite indigne montré en 1812». Это решение было постановлено широко опубликовать. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, t. VIII. Avec l'histoire de l'Académie pour les années 1817 et 1818. St.-Pétersbourg, 1822, стр. 7.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 129.

Не Гульяновым, чьи всеми забытые сочинения могут интересовать только библиографов или историографов, должны гордиться советские востоковеды и историки, а тем, что наши предки, вопреки всяким Гульяновым, признали значение гениальных работ французского ученого, открывшего новые пути в науке. Не Гульянова, «обесславившего себя выступлениями против великого открытия Шампольона» [1], советские египтологи должны считать одним из предшественников этой науки в России, а декабриста Г. С. Батенькова, твердо верившего в лучшее будущее своей отчизны и отдавшего делу ее освобождения свою жизнь.

II. Ж. Ф. ШАМПОЛЬОН И РУССКИЕ ДИПЛОМАТЫ В РИМЕ

В 20-х годах минувшего века и несколько позже проблема дешифровки египетских иероглифов, дававшая повод для страстных споров, волновала не только ученых-специалистов, но и широкие круги интеллигенции, которой дороги были интересы науки. Без всякого преувеличения можно утверждать, что это был один из наиболее животрепещущих вопросов, который обсуждали не только в аудиториях академий, университетов и кабинетах ученых, но и во многих великосветских гостиных и дипломатических салонах.

В мае 1824 г., завершив работу над «Очерком иероглифической системы древних египтян», Ж. Ф. Шампольон отправился в Италию, в Турин, где находилось тогда лучшее в Европе собрание египетских древностей. Из Турина через Болонью он в марте 1825 г. прибыл в Рим, но задержался здесь недолго: через неделю он вновь пустился в путь для изучения собрания неаполитанского короля и осмотра Пестума. Вторично Шампольон попал в Рим 22 апреля того же года, на этот раз на два месяца. В Риме, помимо ватиканских коллекций, его интересовали египетские обелиски, вывезенные сюда еще в I—II вв. н. э.

Приезд Шампольона, чье имя гремело тогда на весь цивилизованный мир, не оставил безучастными и некоторых русских дипломатов во главе с самим послом при Ватикане Андреем Яковлевичем Италинским (1747—1827), занимавшим этот пост с 1817 по 1827 г. Он и советник посольства — князь Григорий Иванович Гагарин интересовались искусством и древними памятниками. В. А. Италинский собрал ценную коллекцию

[1] «Гульянов И. А.», статья Б. А. Тураева в Новом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. СПб., т. 15, стр. 247.

восточных рукописей, впоследствии переданную в учебное отделение Азиатского департамента министерства иностранных дел[1].

Отличавшиеся строгой простотой залы дворца Фиано на площади Навоны, где располагалось русское посольство, «казалось предназначались для постоянных заседаний лингвистов и археологов»[2]. В свое время В. А. Италинский дал возможность выступить здесь с возражениями ожесточенным противникам Шампольона — немцу Зейфарту и итальянскому аббату Ланци. Желая установить научную истину, он предложил им повторить свои доводы вновь в присутствии самого Шампольона, от чего они оба под различными предлогами благоразумно отказались. Собрание состоялось без их участия в помещении русского посольства. Присутствовали все дипломаты, интересовавшиеся археологией[3].

Г. И. Гагарин (1782—1837) получил образование в Московском университетском пансионе вместе с поэтом В. А. Жуковским и писателем-публицистом А. И. Тургеневым. Будучи человеком весьма образованным, он увлекался литературой и особенно живописью. Зная о тяжелом материальном положении Шампольона, он решил помочь ему и предложил ученому за каждую лекцию, которую он собирался прочитать для избранного круга лиц в португальском посольстве, гонорар 1000 франков. Предложение, дабы не оскорбить Шампольона, было ему передано конфиденциально. Однако последний, охраняя свое достоинство ученого, категорически отказался от каких-либо денег: «Или меня скверно поняли или обо мне слишком скверно судят, — писал он брату, — предлагая мне плату, точно речь идет о каком-либо представлении. . . Французский ученый, всегда стремящийся распространить немного знаний, которыми он может обладать, никогда не помышляет о том, чтобы торговать ими. . . Я хочу думать, что во всем этом, конечно, какое-то недоразумение. . .»[4]

Однако ближе всех из русских дипломатов в Риме Шампольон сошелся с секретарем посольства — графом Станиславом Осиповичем Коссаковским (1795—1872), принадлежавшим к старинному польскому роду, симпатизировавшему России. Получив

[1] Академик И. Ю. Крачковский. Один из первых исследователей восточных элементов «Слова о полку Игореве». «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 23—30. Собрание рукописей Италинского находится теперь в Институте востоковедения АН СССР.

[2] H. Hartleben. Champollion. Sein Leben und Werk. T. I, Berlin, 1906, стр. 569.

[3] H. Hartleben. Op. cit., т. II, стр. 43

[4] Lettres de Champollion le jeune, recueillées et annotées par H. Hartleben, t. I. Paris, 1909, стр. 218. «Bibliothèque Egyptologique», t. 30.

за границей блестящее образование, он был направлен в посольство в Рим, где оставался до 1827 г. В 1832 г. его назначили в сенат Царства Польского. Впоследствии он председательствовал в геральдии Царства и написал несколько книг по геральдике. Занимался Коссаковский также литературой, живописью и ваянием. Его перу принадлежат несколько комедий на польском и французском языках. Словом, это был человек одаренный. Как мы теперь знаем, интересовался он и египтологией. Прослушав несколько лекций Шампольона, Коссаковский вкратце изложил основные принципы его открытия [1]. В Риме он сошелся с известным немецким ученым и дипломатом Х. К. Бунзеном (1791—1860), автором очень распространенного некогда обширного труда «Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte». Бунзен и Коссаковский занимались древностями, в частности египетскими, гораздо больше, чем это требовалось для успешной дипломатической карьеры [2]. Шампольон назвал их обоих «апостолами его системы в Риме» [3]. Оба они так же, как и князь Гагарин, посещали лекции Шампольона [4], не потому, что это было, возможно, модным, а потому, что они действительно глубоко интересовались новой наукой.

В это время из стана многочисленных противников Шампольона появилась очередная брошюра, написанная неким аббатом Ланци [5]. В сущности, это был политический донос, стремившийся доказать, что работы по дешифровке иероглифов и вытекавшие из этого следствия противоречат библии и учению церкви. Таким образом, Ланци пытался скомпрометировать открытие французского ученого перед духовенством и верующими. Не без труда удалось друзьям Шампольона защитить его перед папой Львом XIII. Однако они, в частности Коссаковский, настаивали на том, чтобы Шампольон публично опроверг возводимые на него обвинения. Так появилось в журналах одновременно в Риме и в Париже открытое письмо Шампольона к графу Коссаковскому [6]. Оно было выдержано в юмористическом тоне и вызвало немало смеха среди приверженцев автора.

[1] Ж. Ф. Шампольон. Указ. соч., стр. 176. Рукопись С. О. Коссаковского находится в Отделе рукописей Института востоковедения АН СССР.

[2] H. Hartleben. Op. cit., t. I, str. 579.

[3] Там же, т. II, стр. 39.

[4] Lettres de Champollion, т. I, стр. 228. Письмо к брату из Флоренции от 22 июня 1825 г.

[5] M. A. Lanci. Osservazioni sul bassorelievo fenico-egizio che si conserva in Egitto de sua eccellenza Signor Barone d'Icskull. Roma, 1825.

[6] Lettre de Champollion le jeune à M. Z*** en réponse à M. Lanci. Memorie Romana d'antichità et belle arte. Roma, 1825. Bulletin Ferussac, V, No. 107, Paris, 1825, стр. 85—92. Письмо датировано 15 июня 1825 г.

Phrase que le dit obelisque a su lui suggérer; si tant il est que le dit mot soit de lui et non de vous, dont le genie malin m'inspire toujours des soupçons *légitimes*.

J'arrive sans transition, et pour ne pas l'oublier, à la petite figure funéraire de votre belle Duchesse Napolitaine; je suis au désespoir de n'être pas à même de vous donner du positif; mais ainsi que vous l'a remarquez vous même, les caractères sont si vaguement tracés qu'il est bien difficile de rien en tirer de clair; je prendrai donc, en véritable Erudit le parti de refaire le texte conjecturalement; et vous êtes dûment autorisé, à dire que l'inscription signifie mot à mot: *Que soit glorifié* l'Osirien *Tidjer* *défunt* *fils d'Hora*, si l'inscription est réellement conçue ainsi qu'il suit d'après mes corrections:

c'est la formule ordinairement inscrite sur toutes ces figurines, présents offerts en très grand nombre par les parents et amis des défunts.

Un grand désappointement m'attendait à Florence je comptais y trouver un Obélisque en hiéroglyphes non *linéaires* et voilà que le monument que je connaissais par les gravures de Kircher, est une imposture moderne; j'accusais les Stuckes de jésuite, d'infidélité ou de corruption; le monument original est faux, dont j'enrage.

Вторая страница письма Ж. Ф. Шампольона к графу С. О. Коссаковскому от 25 июня 1825 г. (воспроизводится впервые)

Публикуемое ниже другое личное письмо Шампольона к тому же Коссаковскому хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Оно поступило туда вместе со всем собранием известного коллекционера автографов и библиофила П. К. Сухтелена (1751—1836). Это до сих пор неизданное письмо Шампольон писал из Флоренции в разгар только что упомянутых событий. Приведем его текст:

A Monsieur le Comte Stanislas Kossakowski, Palais Fiano à Rome.
(Florence), le 25 juin 1825

Votre aimable lettre du 20, m'arriva au moment même où je disposais à vous écrire, empressé de me rappeler à Votre souvenir et impatient d'établir une correspondance qui est devenue un veritable besoin pour moi. Je comptais après avoir visité la ville des Césars, la quitter seulement avec ce sentiment de peine qu'on éprouve à s'éloigner des reliques d'un grand peuple. Mais a cette tristesse, obligée pour ainsi dire, à la mode et même de bon ton, se sont venus joindre en moi les regrets mieux sentis et beaucoup plus vrais, de me séparer de Vous pour bien longtemps peut — être. Vous avez dérangé tous mes plans sur Rome que je comptais voir et abandonner en stoïcien; il n'en a pas été ainsi; c'est Votre faute à Vous; j'aime à le dire; mais ce n'est pas un reproche.

Votre esquisse de la fête est charmante; et la tableau de la sensible Lolotte unissant toutes les lumières de son esprit à celle des lampions, pour percer la mystérieuse obscurité de l' Obélisque, m'a singulièrement réjoui; je suis seulement fâché que l'ambassadeur dont le projet fut d'abord de distribuer à la porte la traduction du monument, ait laissé aux sphynxinets de Svusse ou de Hanovre le soin de l'interpréter. Mais je lui pardonne en faveur de la superbe phrase que le dit obélisque a su lui suggérer; si tant il est que le dit mot soit de lui et non de Vous, dont le génie malin m'inspire toujours des soupçons légitimes.

J'arrive sans transition, et pour ne pas oublier à la petite figure funéraire de Votre belle Duchesse Napolitaine; je suis au désespoir de n'être pas à même de Vous donner du positif. Mais ainsi que Vous le remarquer Vous-même, les caractères sont si vaguement tracés qu'il est bien difficile de bien en tirer de clair; je prendrai donc, en veritable érudit le parti de refaire le texte conjecturalement; et Vous étes duement autorisé à dire que l'inscription signifie mot à mot Que soit glorifié l'Osirien RIDGER défunt fils d'HORA si l'inscription réellement conçue ainsi qu'il suit d'après mes corrections, c'est la formule ordinairement inscrite sur toutes ces figurines, présents offerts en très grand nombre par les parents et amis des défunts.

Un grand désappointement m'attendais a Florence. Je comptais y trouver un obélisque en hiéroglyphes liniaires et voilà que le monument que je connaissais par les gravures de Kircher est une importure moderne; j'accusais les planches du jésuite, d'infidélité et de corruption; le monument original est faux, dont j'en rage. J'ai déjà visité en courant la galerie de Florence; les morceaux égyptiens y abondent et j'espère en retirer quelque bonne chose, si comme on me promet, je puis les étudier à l'aise. J'ai trouvé ici un Mr. Ricci, ancien médecin du Pachâ d'Égypte: il possède une belle suite de desseins

et une bonne collection d'inscriptions royales des temples; c'est une véritable bonne fortune à laquelle je ne m'attendais point.

Ce sera une fête pour moi que de recevoir aujourd'hui votre seconde lettre: ne m'épargnez pas les questions: je tiens à ce que Vous deveniez égyptien dans l'âme et je n'épargnerai pour cela de tout ce qui pourra dépendre de moi.

Je suis on ne peut pas plus sensible au bon souvenir de Mde[1] veuillez lui dire que je supplie chaque jour Neitti, Isis et Athys de lui être favorable. Ce sont des divinités payennes; mais Mde la comtesse le sait aussi bien que moi: le dieux qu'on prie de coeur sont toujours les véritables.

Adieu, aimez moi un peu, ne m'oubliez pas et soyez persuadé que je suis tout à Vous pour[2].

(Champollion)

Господину графу Станиславу Коссаковскому.
Дворец Фиано в Риме

(Флоренция) 25 июня 1825 г.

Ваше любезное письмо от 20-го прибыло ко мне в тот самый момент, когда я собирался писать Вам, спеша напомнить о себе и стремясь начать переписку, которая стала для меня подлинной необходимостью. Я рассчитывал после посещения города Цезарей покинуть его только с тем чувством огорчения, которое испытывают, удаляясь от реликвий великого народа. Однако к этой грусти, так сказать обязательной с точки зрения моды и даже хорошего тона, присоединились сожаления более глубокие и гораздо более искренние о необходимости, возможно, на длительное время расстаться с Вами. Вы нарушили все мои планы относительно Рима, который я предполагал осмотреть и стоически покинуть. Однако этого не случилось. Повинны в этом Вы сами. Я охотно говорю это, но это не упрек.

Ваш набросок праздника очарователен; и изображение чувствительной Лолотты, сочетающей весь блеск своего ума с блеском лампионов для того, чтобы проникнуть в таинственный мрак обелиска, меня особенно развеселил. Я огорчен только тем, что посол, который раньше собирался раздавать перевод памятника у входа, предоставил сфинксятам из Швейцарии и Ганновера заботу о его истолковании. Но я прощаю его ради великолепной фразы, которую подсказал ему упомянутый обелиск, если только это слово принадлежит ему, а не Вам, насмешливый ум которого мне всегда внушает законное подозрение.

Чтобы не забыть, я перехожу непосредственно к маленькой погребальной статуэтке Вашей прекрасной неаполитанской герцогини. Я в отчаянии, что не могу сказать об этом ничего положительного. Однако, как Вы сами замечаете, знаки начертаны столь неясно, что очень трудно извлечь из них какой-либо смысл. Как истинный эрудит, я изберу путь приблизительного восстановления текста и Вы уполномачиваетесь надлежащим образом сообщить, что надпись дословно обозначает: Да прославится Осирис Риджер, усопший сын Гора. Если надпись действительно составлена так, как это следует из моих исправлений, то это формула, начертанная обычно на всех этих статуэтках — дарах, приносимых в очень большом количестве родственниками и друзьями покойных.

---

[1] Фамилия в подлиннике кем-то зачеркнута.

[2] dt. Toujours. В письме это слово написано иероглифами.

Во Флоренции меня ожидало большое разочарование. Я предполагал там найти обелиск с *линейными* иероглифами; и вот памятник, который я знал по гравюрам Кирхера, представляет собой современную подделку. Я упрекал таблицы иезуита в неточности и искажении: подлинный памятник оказался подделкой, что приводит меня в бешенство. Мимоходом я уже посетил Флорентийскую галерею. Египетские памятники там имеются в изобилии, и я надеюсь извлечь из них кое-что полезное, если, как мне обещали, я смогу изучать их сколько угодно. Здесь я встретил г-на Риччи, бывшего врача египетского паши. Он обладает хорошим подбором рисунков и хорошим собранием царских надписей из храмов. Это действительно удача, которую я никак не ожидал.

Для меня будет настоящим праздником получение сегодня Вашего второго письма; не скупитесь на вопросы. Мне хочется, чтобы Вы стали египтянином в душе и я сделаю ради этого все, что зависит от меня.

С очень хорошим чувством я вспоминаю г-жу. . .[1] Передайте ей, пожалуйста, что я ежедневно молю Нейт, Исиду и Атиса быть к ней благосклонными. Это языческие боги, но госпожа графиня знает об этом столь же хорошо, как и я. Истинны всегда те боги, которым молятся от всего сердца.

До свидания, будьте ко мне благосклонны, не забывайте меня и примите уверения в том, что я Ваш на dt[2].

(Шампольон)

Для понимания содержания этого письма необходимо ознакомиться с некоторыми фактами: летом 1825 г. французский посол в Риме (с 1822 по 1828 г.) герцог А. Монморанси-Лаваль (1768—1857) задумал устроить праздник в честь коронации Карла X. Одним из главных номеров программы должно было быть воздвижение высокого обелиска в парке занимаемой французским посольством виллы Медичи. Иероглифическую надпись для обелиска составил Шампольон. Энтузиаст египетского письма, он отдался с увлечением этому делу. Надпись и ее перевод на французский и итальянский языки предполагалось напечатать и раздавать приглашенным. Однако почти накануне торжества шквал опрокинул памятник, а дождь повредил текст. Огорченный Шампольон, полагая, что беда непоправима, уехал в тот же день — 17 июня. Но, с помощью французских художников, учившихся тогда в Париже, надпись удалось восстановить в одну ночь и праздник состоялся 19 июня. Очевидно, к нему и относятся иронические замечания Шампольона, так как посол был вынужден отказаться от напечатания перевода надписи и ее переводили устно какие-то дилетанты, о которых так насмешливо отзывается ученый. Кто такая Лолотта — установить не удалось. Вероятно, какая-то общая знакомая Шампольона и Коссаковского.

---

[1] Фамилия в подлиннике кем-то впоследствии зачеркнута.

[2] «Навеки». В письме слово написано иероглифами.

Надпись на «погребальной статуэтке», т. е. ушебти, как они называются теперь, приводится на рисунке. В таком виде она действительно бессмысленна. Возможно, что ушебти был подделкой и Шампольон, не желая разочаровывать знакомую, «исправил» надпись согласно обычным формулам.

Во Флоренции находилось купленное герцогом Флорентийским Леопольдом II собрание египетских древностей Ниццоли, а также коллекция картушей фараонов, составленная в Египте врачом и археологом-любителем Александром Риччи[1]. Впоследствии А. Риччи сопровождал Шампольона во время его экспедиции в Египет. Во Флоренции Шампольон пополнил свое собрание картушей фараонов, а также получил от Риччи сведения о строительной технике египтян. По просьбе директора Флорентийской галереи, он составил каталог египетских вещей, приобретенных у Ниццоли[2]. Для своих собственных изысканий ученый скопировал надписи нескольких погребальных стел. Шампольон оставался во Флоренции до 4 июля, а затем выехал через Ливорно, так как в это время туда прибыла знаменитая коллекция египетских древностей Сальта, и Геную, обратно в Турин.

Маленький обелиск музея Веччиети, «разочаровавший» Шампольона, в свое время был воспроизведен А. Кирхером и Г. Соэга[3]. Он первый определил, что это была подделка. Очевидно, разочарование оказалось действительно не малым, ибо и в письмах к брату встречаются сетования на постигшую его неудачу[4].

---

[1] О нем см. A. Sammarco. Alessandro Ricci e il suo giornale dei viaggi. Le Caire, 1930. Это издание оказалось недоступным.

[2] A. Pellegrini. Autografi di Champollion à Firenze. Bessarione. 2 serie, t. V, Roma, 1903, стр. 22—37, 187—205.

[3] A. Kircheri. . . Oedipus Aegyptiacus. . . Romae, 1652—1654, vol. 3, стр. 348—366; G. Zoega, De origine et usu obeliscocum, Romae, 1797. Сравн. A. Pellegrini, D'obelisco Medicae. Bessarione, anno V, № 59—60. Roma, 1901, стр. 411, прим. 1.

[4] Lettres de Champollion le jeune. . . t. I. стр. 236, письмо от 2 июля 1825.

З. И. ГОРБАЧЕВА, Н. А. ПЕТРОВ, Г. Ф. СМЫКАЛОВ
Б. И. ПАНКРАТОВ

РУССКИЙ КИТАЕВЕД АКАДЕМИК ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ВАСИЛЬЕВ (1818—1900)

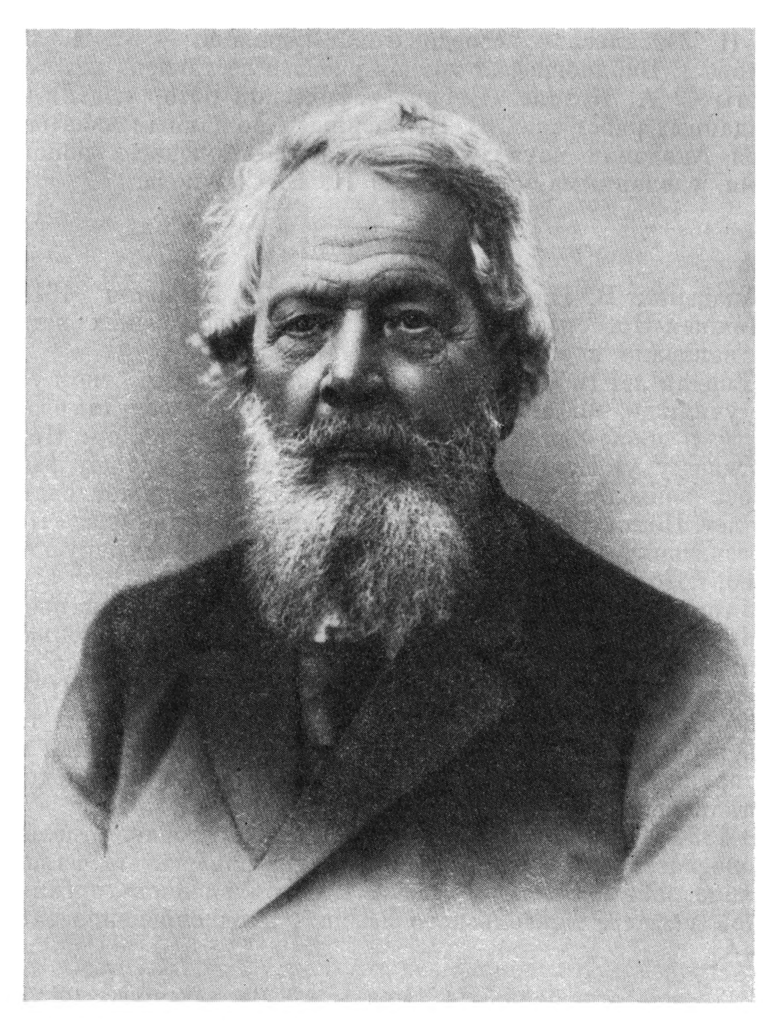
Академик В. П. Васильев по праву занимает одно из виднейших мест в ряду русских ученых XIX в. Он принадлежит к той их плеяде, которая заложила основы отечественной науки в различных ее отраслях.

Работая в области востоковедения, В. П. Васильев, многое сделал для дальнейшего развития научного китаеведения, начало которому положил блестящий знаток Китая Н. Я. Бичурин. Дальнейшая судьба этой отрасли востоковедения неразрывно связана с именем В. П. Васильева, и его имя навсегда вписано в историю русской науки.

Основываясь на тщательном изучении жизни и деятельности В. П. Васильева, его трудов, как изданных, так и неопубликованных, авторы данной работы делают скромную попытку дать впервые наиболее полную биографию В. П. Васильева, а также показать значение для востоковедения всех его трудов, вскрыть взгляды ученого на основные вопросы китаеведения, руководствуясь известным положением В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» [1].

Предлагаемая работа представляет собой коллективный труд. «Введение» написано З. И. Горбачевой и Н. А. Петровым, «В. П. Васильев как филолог», и «В. П. Васильев в С.-Петербургском университете» — Н. А. Петровым, «В. П. Васильев

[1] В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма Соч., т. 2, стр. 166.

Академик
В. П. Васильев

как историк» и «Школа В. П. Васильева» — З. И. Горбачевой, «В. П. Васильев — географ Китая» — Г. Ф. Смыкаловым, «В. П. Васильев — исследователь буддизма» — Б. И. Панкратовым. Библиография трудов ученого составлена на основе работы С. А. Козина «Библиографический обзор изданных и неизданных работ акад. В. П. Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР», с соответствующими дополнениями, сделанными при участии П. Е. Скачкова.

ВВЕДЕНИЕ

Академик В. П. Васильев родился 20 февраля 1818 г. в Нижнем-Новгороде [1] и был «из обер-офицерских детей», как записано в его формулярном списке [2].

С шести лет В. П. Васильев обучался в трехклассном уездном училище, по окончании которого отец определил его на работу в нижегородский уездный суд переписчиком. Но по вышедшему указу 1827 г. на государственную службу разрешалось зачислять только с 14 лет, а самую службу считать с 16 лет. Поэтому его вновь отдали в 3-й класс училища, «чтобы не бездельничал» [3]. В 1828 г. он перешел в Нижегородскую гимназию, которую и закончил в 1832 г. 14 лет.

В том же 1832 г. умер его отец. Но еще при жизни отца в семье было решено, ввиду незаурядных способностей маленького Васи, дать ему высшее образование. В Университет же принимали только с 16 лет. Поэтому до поступления В. П. Васильеву, пришлось два года заниматься «кондициями», т. е. быть репетитором. Из получаемых денег он ежемесячно, как и старшие братья, отдавал матери свою долю на расходы, а остальное копил для будущей учебы в Университете [4].

В 1834 г. В. П. Васильев поступил на Восточное отделение филологического факультета Казанского университета, изъявив желание заниматься монгольским языком на вновь организованной кафедре монгольского языка [5], и одновременно татарским [6].

---

[1] Гос. ист. архив Лен. обл. ф. 14, оп. I, № 5501 (в дальнейшем ГИАЛО).

[2] Там же.

[3] С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, СПб., 1895, IV, отд. II, стр. 150.

[4] Там же, стр. 151.

[5] Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском Университете до настоящего времени. Казань, 1842, стр. 17 (далее: Обозрение).

[6] «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть

В университетские годы будущий ученый терпел материальные лишения. В своей автобиографии он писал: «Наконец, я в Казани в Университете. Как я обивал тогда каждый день пороги у ректора (Н. И. Лобачевского), прося, чтобы меня приняли на казенный счет!. . . а мое заявление, чтоб Общество вспомоществования студентов позаботилось прежде всего не о ссуде ищущих денег на кутежи, а о найме квартиры для приехавших в первый раз и без средств поступивших на 1-й курс студентов, так и осталось без внимания. Нам надобно помогать тем, которые будут вспоминать с благодарностью о помощи. . . Более 100 тысяч уже потратило общество. Тысяча студентов нашли бы обеспечение в умном распоряжении такой суммой. Ну, так как же, можно дать голые стены, да много щи с черным хлебом. А о том, что многим приходилось спать в шкапу на полке, жить в углу, наниматься чуть не в дворники (в певчие попадали уже аристократы из бедняков!) об этом не думают!» [1].

В то время кафедрой монгольской словесности заведовал известный монголовед О. М. Ковалевский, под руководством которого работал и В. П. Васильев. Влияние О. М. Ковалевского сказалось на формировании научных интересов и политических взглядов В. П. Васильева. «. . . Моим развитием, — писал он, — проявлением моих оригинальных взглядов в науке и государственности, я обязан профессору поляку (Осипу Михайловичу Ковалевскому)! Его слова: не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом, подвергать критике sine ira et studio совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий» [2].

С 1835 по 1839 г. В. П. Васильев жил вместе с забайкальским бурятским ламой Гэцулом Галсаном Никитуевым, который помог ему овладеть разговорным монгольским языком, так что он говорил на нем свободно, как настоящий монгол [3]. Одновременно он начал заниматься и тибетским языком, в котором приобрел достаточные познания [4].

16 июня 1837 г. В. П. Васильев закончил университетский курс и после защиты кандидатской диссертации на тему «Дух

века его существования». СПб., 1896, т. I, А—Л, стр. 125 (в дальнейшем «Биографический словарь»).

[1] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 150.

[2] Там же, стр. 154.

[3] П. Мельников. Первый магистр монгольской словесности, «Отечественные записки», т. IX, 1840, стр. 16; «Обозрение», стр. 23.

[4] П. Мельников. Указ. соч., стр. 17.

буддийского сочинения «Хутухту Декгеду Алтан Герельту Судур-ногодун Эркету Хаган» и получения звания кандидата монгольской словесности был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию.

По совету своего учителя О. М. Ковалевского В. П. Васильев занялся изучением чрезвычайно сложных и совершенно неразработанных в то время вопросов идеологии Востока, в частности буддизма. Сам О. М. Ковалевский имел хорошую философскую подготовку [1] и занимался исследованием буддизма, написал по этому вопросу несколько научных трудов [2]. Характер научных интересов В. П. Васильева диктовался также тем, что востоковедение ставило перед собой одну из задач — изучение идеологий Востока и главным образом буддизма, имевшего в Азии большое количество последователей.

В. П. Васильев, обладавший к этому времени значительными познаниями в философии вообще, основательно занялся изучением буддизма по монгольским материалам и источникам, которыми располагал Казанский университет, и через два года, в 1839 г., написал и защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии» [3].

Защита диссертации на звание магистра монгольской словесности в то время явилась событием из ряда вон выходящим. По случаю этого в «Отечественных записках» появилась статья П. Мельникова «Первый магистр монгольской словесности», в которой он писал: «23 декабря 1839 года в 12 часов дня В. П. Васильев защитил магистерскую диссертацию. Это неслыханное на Руси защищение диссертации на степень магистра монгольской словесности» [4]. Несколько позже он получил звание магистра татарской словесности [5].

Своими способностями В. П. Васильев обратил на себя внимание попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина. Благодаря ходатайству последнего, В. П. Васильев получил по окончании университета за отличную учебу единовременную награду в 300 руб. и был намечен к поездке в Китай. Эта поездка связывалась с предполагавшимся открытием в Ка-

---

[1] Władyslaw K o t w i c z. Józef Kowalewski-orientalista (1801—1878), Wrocław, 1948, str. 25.

[2] «Буддийская космология». Казань, 1837; и «Содержание монгольской книги под заглавием «Море притч» (перевод), Казань, 1834.

[3] Обе диссертации В. П. Васильева находятся в Архиве АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 1 и 2.

[4] «Отечественные записки», т. IX, 1840, стр. 16—18.

[5] В. М. А л е к с е е в. Проф. В. П. Васильев. Газета «Речь» от 20/IV 1910; «Биографический словарь», стр. 125.

Первая страница кандидатской диссертации В. П. Васильева

занском университете новой кафедры тибетского языка, которую должен был занять В. П. Васильев.

27 ноября 1839 г. В. П. Васильев был зачислен в состав Русской духовной миссии в Пекине [1].

До отъезда в Китай В. П. Васильев должен был углубить свои познания в области буддизма, для чего он был послан в Хошеутовский улус с целью изучения северного буддизма. С 1837 г. В. П. Васильев усердно занялся изучением китайского языка у преподавателя Университета Даниила Сивиллова [2].

В. П. Васильеву также было поручено в качестве специального задания — изучить в Китае тибетский и китайский язык и санскрит. Министерство народного просвещения надеялось «получить в лице В. П. Васильева отличного преподавателя тибетского языка и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии». Одновременно с этим в особом наставлении, данном В. П. Васильеву перед отъездом в Пекин, ему поручалось выполнение ряда заданий, имевших лишь косвенное отношение к специальности, вроде сбора «семян, сухих растений, зверей, птиц, насекомых, минералов и проч. для музеев Университета». Ему также поручалось «обратить внимание на китайское земледелие и промышленность, приобрести для Университета модели разных орудий земледельческих и других, употребляемых китайцами, и вообще приобретать вещи и изделия, в которых более или менее проявляется художническое искусство китайцев».

В этот период В. П. Васильев был восторженным юношей, полным энергии, сил, энтузиазма. В своем дневнике он писал: «У меня многое на уме, но, дай бог, исполнить и десятую часть; дай бог, хоть выпить каплю из чаши отрады.

Буддизм со своей историей, которая увлекает историю народов его принявших и ему противоборствующих, его развитие в частностях, сродство с другими религиями, а следовательно,

---

[1] В. П. Васильев отправился в Китай в составе XII Духовной миссии в Пекине. Учрежденная в 1728 г., согласно Кяхтинскому договору с Китаем, Русская Духовная миссия до 1850 г. меняла свой состав каждые десять лет, а с 1850 г. — каждые пять лет. На обязанности членов миссии лежала пропаганда христианства среди китайцев. Для изучения китайского языка и страны к миссии приписывали учеников от Азиатского Департамента. Магистр В. П. Васильев, посланный Казанским университетом, был поставлен на положение такого же ученика, хотя считался «кандидатом миссии».

[2] Даниил Сивиллов, состоявший членом X Духовной миссии, руководил кафедрой китайского языка в Казанском Университете со времени ее организации (1837).

их сущность, влияние его на литературу и науку, на политическое состояние государства. . . языки, на которых излагалось это учение, старый и новый тибетский, язык божества Тарни — вот обширный предмет, который я себе начертал. Этого мало: мне хочется присоединить сюда Китай с его историей и светской литературой, пролить свет на спорные пункты Средней Азии, познакомиться с языками маньчжурским, корейским, туркестанским. . .»[1]

Таковы были широкие планы, которые начертал себе молодой В. П. Васильев.

5 января 1840 г. В. П. Васильев выехал в Китай, напутствуемый советами О. М. Ковалевского быть беспристрастным в науке, не быть ни «китайским патриотом», ни «китаененавистником».

Начался второй период жизни В. П. Васильева — пекинский. Материалов, характеризующих этот период, пока не обнаружено, за исключением дневников ученого, которые он вел в Пекине, да нескольких его высказываний в автобиографии, где он время пребывания в Пекине называл своей школой: «3 года — в уездном училище (1825—28), 4 — в гимназии (1828—32), 3 — в Университете, итого 10 лет. И тоже более 10 лет (29 ноября 1839 года зачислен, 5 января 1840 года выехал из Казани, 17 сентября 1850 года воротился в Казань) был в другой школе, и называли ее более ста лет Пекинской Духовной миссией. . . »[2]

Дневники ученого, хранящиеся в архиве, являются ценнейшим источником, характеризующим обстановку в миссии, положение ее членов, они дают представление о мыслях и настроениях В. П. Васильева, его научных интересах и т. п., дневники сохранили высказывания молодого ученого по ряду проблем и вопросов научного характера. 24 июля, по выезде из Кяхты, В. П. Васильев писал: «Мы выехали из Кяхты как было назначено 21/VII. Как можно забыть этот день, священный для всякого, кто принужден оставлять на такой продолжительный срок милое отечество! В душе пробегали тысячи разнородных ощущений, робость и грусть сменялись попеременно; то предавался я пылким надеждам, передо мной стоял новый мир, с которого мне казалось, надобно сорвать завесу, то сердце сжималось, когда я бросал взгляд на все, что оставлял за собой»[3].

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед.хр. 38/2. «Пекинские дневники», запись от 3.IX 1840 г.

[2] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 151.

[3] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

В октябре 1840 г. В. П. Васильев прибыл в Пекин, в Духовную миссию. Надо заметить, что обстановка в миссии была нелегкой. Многое зависело от начальников миссий, которые зачастую не соответствовали своей должности. Некоторые из них препятствовали занятиям приписанных к миссии учеников.

Именно таким и был архимандрит Поликарп Тугаринов, начальник XII миссии, с которой выехал Васильев. С первых же шагов, предпринятых для создания необходимых условий для занятий, В. П. Васильев встретил противодействие со стороны архимандрита, что привело его в отчаянье. 24 октября 1840 г. он записал в дневнике: «Неужели меня, в самом деле, постигла судьба Сосницкого [1], в комнате которого я помещен? Бедняжка был в совершенном угнетении от Вениамина (начальника XI миссии), безусловно, покорялся его прихотям, часто голодал, был руган и миссионеры сказали, что когда они приехали сюда, то нашли его изможденного, худого...» [2]

Позднее, рассказывая в своей автобиографии о деятельности миссии, В. П. Васильев писал: «Там, все попавшие находились в полной зависимости от ее начальника, о. архимандрита. Не весело было никому, а мне особенно. Меня, конечно, тут уже не секли, не били, но бывает нечто худшее: притеснения, унижения. Казанский Университет давал мне денег на ученые занятия. Азиатский департамент, от которого зависела миссия, потребовал общего представления архимандрита — что, дескать, это будет за самостоятельность? — чтоб я не смел без его разрешения и ведома распоряжаться хоть копейкой. . . Прочие члены все выбраны им, все принадлежали к Азиатскому департаменту, одного меня втерли в миссию, против желания департамента и архимандрита: понятно, как тот, так и другой будут стараться доставить мне возможность заниматься, в какой обстановке они выставляют меня пред китайцами!» [3]

Каждый шаг В. П. Васильева в получении знаний был сопряжен с преодолением огромных препятствий. И тем не менее В. П. Васильев ради знаний был готов терпеть все невзгоды, все унижения. В черновике письма из Китая, адресованном «О. М.» (очевидно, Ковалевскому. — *Авт.*), он писал: «Может быть во мне и просвечивает гордость быть повыше солдата или слуги архимандрита, но, право, для меня все равно за кого-бы

---

[1] А. И. Сосницкий выехал в составе XI Российской Духовной миссии в Пекин, где пробыл до 1840 г. По возвращении в Россию был надзирателем при Казанской гимназии для практического преподавания китайского языка.

[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

[3] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 156.

меня ни выдавали, ни принимали, если бы я только мог хоть под нищенской формой иметь доступ к полезным мне лицам. . . Посудите же каково мне — когда я по сю пору не имею тибетского учителя. И когда простой солдат приставлен мне преподавателем китайского, что я могу сделать сам, через кого я могу начать что-нибудь отстаивать, когда мы все живем в совершенном отчуждении от всех»[1].

Судя по записям в дневнике, В. П. Васильев в течение первых трех лет пребывания в Пекине не мог получить учителей тибетского и китайского языков. Присылаемые не раз архимандритом, они не могли удовлетворить даже минимальных запросов ученого. Со стороны как самого начальника миссии, так и большинства ее членов В. П. Васильев подвергался унижениям и издевательствам. За ним устанавливался унизительный надзор и контроль в оплате учителей, его принуждали незаконно оплачивать стол учителям и насчитывали лишнее за топливо и освещение и многое другое.

Такая обстановка налагала глубокий отпечаток на характер В. П. Васильева. Восторженный юноша превращался в пессимиста. Часто, особенно в первый год пребывания в Пекине, встречаются в дневнике записи такого содержания: «Как скучно, поверхностно у нас»; «Часто приходят минуты ужаснейшей тоски, не хочется ни за что приниматься, ни о чем думать»; «Как я изменился, ослабел, куда девался пылкий жар юноши, всеобъемлющий взгляд на вселенную. Я плетусь кое-как около, не сумею владеть мыслию, она скользит по предметам, но не так как прежде. . . и не приносит в сознание ни одной связной картины; даже боюсь пуститься в обсуживание чего-нибудь»[2].

Не раз В. П. Васильева охватывало отчаяние от того, что он видел всю бесплодность борьбы за свои права в окружающей его среде. Вспоминая это тяжелое время, он говорил: «Меня никогда не оставляло ужасное предчувствие, что все мои планы рушатся, что мне не видать счастливого конца, желанного брега, к которому я стремился»[3].

В. П. Васильев в первый год в Пекине мечтает только об одном — уехать из Пекина в Россию, бросить все свои мечты о науке. «Неужели я не могу еще смотреть на выезд, как на совершенное блаженство, неужели еще что-нибудь может меня привлечь к этому месту!»[4]

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 13.
[2] Там же, ед. хр. 38/2.
[3] «Богословский вестник», № 7, 1844. Письма Горского родным.
[4] Архив АН СССР, ф. 755, оп. 1, ед. хр. 38/2.

Позднее о своем пребывании в Пекине он писал: «Большие тяготы приходилось тогда выносить мирянину, увлекшемуся любознательностью, он должен был на 10 лет, самых лучших лет своей жизни, запереться в доме миссии, подчиняться всем распоряжениям ее начальника, который нередко оказывался врагом научного образования»[1]... «И вот я десять лет горел внутренним огнем, меня всего жгло, а нужно было казаться беззаботным, веселым, что может быть тяжелее того унижения, которое высказывается признанием!»[2]

Но тем не менее упорство, настойчивость и твердость характера В. П. Васильева дали ему возможность изучить в Китае обширнейшие материалы по буддизму в Тибете, Индии и Китае, собрать и изучить огромное количество материалов почти по всем вопросам китаеведения.

«Иначе я взглянул на буддизм, иначе на историю Китая, на его литературу, создав особую методу преподавания китайских иероглифов... Все это — оценка будущего»[3].

Таким образом, годы пребывания в Китае имели большое значение для формирования ученого. Там определился круг его научных интересов, и из монголоведа, буддолога, каким он был в Казани, вырастал крупный китаист широкого плана.

17 сентября 1850 г. В. П. Васильев возвратился в Россию, а 6 января 1851 г. был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре китайской и маньчжурской словесности Казанского университета вместо умершего И. П. Войцеховского[4]. 23 октября 1851 г. он был назначен исполняющим должность ординарного профессора.

В этот второй казанский период В. П. Васильев становится видным ученым и 23 октября 1852 г. избирается действительным членом Русского Географического общества, а позднее, 30 декабря 1857 г., — членом-сотрудником Русского Археологического общества.

Кроме того, с 17 апреля 1862 г. по 1 июля 1868 года В. П. Васильев состоял драгоманом VI и V классов по Азиат-

---

[1] В. П. Васильев. Воспоминание об И. Захарове, ЖМНП, XI, 1885, отд. отт., стр. 1.

[2] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 156.

[3] Там же, стр. 152.

[4] Войцеховский Иосиф Павлович (1793—1850). По специальности врач, в качестве которого был направлен в составе XI Духовной миссии в Пекин. Там он изучил китайский язык и написал ряд работ о Китае. По возвращении в Россию получил кафедру китайской и маньчжурской словесности при Казанском университете.

скому департаменту Министерства иностранных дел. После отчисления от должности он продолжал состоять в ведомстве этого Министерства.

20 апреля 1855 г., в связи с преобразованием при Петербургском университете Отделения восточных языков в Восточный факультет, В. П. Васильев вместе с группой других профессоров и преподавателей был переведен туда в качестве исполняющего должность ординарного профессора.

С переездом в Петербург начинается наиболее плодотворный период научной и преподавательской деятельности В. П. Васильева, не прекращавшийся до самой смерти ученого (27 апреля 1900 г.)[1].

В этот период он вырастает в крупнейшего ученого с мировым именем.

В связи с новым уставом 1863 г., требовавшим для получения ученого звания «доктора» защищать диссертации, В. П. Васильев 14 декабря 1864 г. первым из русских китаеведов защитил диссертацию на тему: «Сведения о маньчжурах во времена Юань и Мин» и получил ученое звание доктора восточной словесности.

Вот как писал об этом А. В. Никитенко [2]. «Диспут в университете на докторскую степень Березина и Васильева — оба меня упрекнули, что это я заставил их держать.

Ничего, господа, — отвечал я, — вы возьмете свое в честном бою и нам доставите удовольствие вас послушать.

Действительно, диспут был очень занимательный, хотя касался слишком специальных предметов. Березин защищал свои тезы с достоинством, высказывая в себе человека с глубоким знанием своего предмета и даже с внешним образованием. Васильев защищался немного дубовато, но видно, что он тоже обладает всесторонним знанием своего предмета, т. е. китайского языка. Кроме того, он горячо любит свой предмет, что менее заметно в Березине. Разумеется, они оба были удостоены степени доктора восточных языков, и я искренне поздравил их»[3].

---

[1] Соответствующие статьи, посвященные научной и преподавательской деятельности В. П. Васильева этого периода, даются ниже.

[2] Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), писатель. Из б. крепостных графа Шереметьева. В 1836 г. получил степень доктора филологии. Был профессором кафедры русской словесности в С. Петербургском университете (с 1834 г.). В 1833 г. был назначен цензором, в 1853 г. избран в члены Академии наук, в 1859 г. — членом негласного комитета над цензурой. С 1857 г. — председатель театрального комитета. В конце 50-х годов редактировал ЖМНП.

[3] А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1893, т. II, стр. 419, 1863, декабрь, 14.

Благодаря всеобщему признанию заслуг В. П. Васильева, его широкой известности в кругах ориенталистов всего мира, он в 1866 г. избирается членом-корреспондентом Российской Академии наук, а 11 января 1886 г., уже в возрасте 68 лет, — действительным ее членом.

Нельзя при этом не заметить, что только мировая известность В. П. Васильева позволила ему быть избранным в Академию, куда иностранцы, особенно немцы, закрывали доступ русским ученым [1].

Но даже слава и признание не принесли ученому ни морального удовлетворения, ни улучшения материального положения. Жизнь его в Петербурге отнюдь не была спокойной, как она не была спокойной во всей стране. Волна революционного движения, поднимавшегося в 50—60-е годы перед аграрной реформой, захватила также и Университет. Репрессии царского правительства, направленные против «бунтовщиков» и недовольных, обрушивались и на прогрессивную интеллигенцию, на студенчество. Мимо этого В. П. Васильев не мог пройти. Внимательное изучение его печатных трудов, а также архивных материалов о жизни и деятельности ученого приводит к выводу, что он далеко не был равнодушен к окружающей действительности. Он был не только ученым и профессором. Как настоящий патриот, беззаветно любивший свою родину, он стремился к возвышению русской науки, к доступности ее народным массам, он ратовал за просвещение народа, за то, чтобы в России «богатых было столько же, сколько теперь бедных, а бедных столько, сколько теперь богатых» [2].

---

[1] Одним из таких же примеров может служить дело проф. Якубовича, работы которого в области физиологии были удостоены монтионовской премии Парижской Академии наук. Он не был избран в действительные члены Российской Академии наук, так как был другой кандидат-немец (см. Х. А. Коштоянц. Очерки по истории физиологии в России. М.—Л., 1948, стр. 170). Другой пример ярко представлен в статье анонимного автора, опубликованной в газете «Русский мир» за 10 октября 1864 г. Автор рассказывает, как по смерти акад. Круга оказалась вакантной кафедра русской истории, но на это место был выбран не русский ученый. «Выбрали кого-нибудь из русских ученых, из русских профессоров истории? — спрашивает он и отвечает: — Нет, выбрали иностранца-кандидата, только кандидата Университета, который, впрочем, обещался выучиться по-русски, и затем изучить русскую историю». Больше того, тот же автор отмечает, что если в каждом европейском государстве академики издают свои труды на родном языке, то в России «. . . на всех всевозможных языках, кроме русского. Что же это такое? — спрашивает он. — Уж не в Праге ли мы, не в Пеште ли, где австрийцы не дают ходу отечественному языку и заставляют писать непременно по-немецки. Да и там теперь этого уже не делают».

[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.

Первая страница магистерской диссертации В. П. Васильева

Нам неизвестно, каково было отношение В. П. Васильева к студенческим волнениям, происходившим в Университете, но на основании обнаруженных документов известно, что на двоих из его четырех сыновей в III отделении были заведены дела. Один сын В. П. Васильева, Николай, учился в С.-Петербургском университете. В это время там действовало «секретное циркулярное предложение за № 89 от 22 апреля 1872 г. о мерах против участия учащегося юношества в организации тайных обществ или кружков»[1].

Подозреваемый властями в участии в политических кружках сын В. П. Васильева был вынужден перейти в Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, Люблинской губ., где в 1874 г. «был арестован и привлечен к дознанию по обвинению в распространении среди студентов Ново-Александрийского института революционного журнала «Вперед» и в хранении нелегальных книг»[2]. Дело в то время ограничилось передачей Николая Васильева «под ближайший надзор своего отца» в Петербурге.

В 1875 г. сам В. П. Васильев выступил в печати с книгой «Современные вопросы», в которой высказал радикальные идеи. Очевидно, правящим кругам эти идеи не понравились, и книга была уничтожена цензурой[3]. Затем он издает книгу «Три вопроса» (Улучшение сельской общины, Ассигнации-деньги, Чему и как учиться), первое издание которой было запрещено цензурой[4] и только в 1878 г. вышло второе издание. В этой книге словами «все не так, все не по моему» В. П. Васильев ярко выразил свое недовольство существующим положением в стране.

Позднее, по поводу всех цензурных бесчинств, которые пришлось испытать В. П. Васильеву, он писал: «Разумеется, после того, как получил такой щелчек от цензуры, охладеешь, закупоришься внутри самого себя — изнутри воздеваешь руки к небу, видя как терзают Россию финансисты, моралисты,

---

[1] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. № 7176, связка 206.

[2] Центральный государственный исторический архив СССР в г. Москве. Архивная справка за № 21/18/372 от 23 июля 1954 г. (хранится в делах Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР).

[3] В архиве ученого сохранились лишь названия четырех глав этой книги: «1) Что нам всего нужнее прежде сделать; 2) По поводу военной реформы; 3) Ассигнации; 4) Общая программа».

[4] См. примечание в работе С. А. Козина «Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева, по данным Азиатского Музея Академии наук СССР». «Известия АН СССР», 1931, стр. 771.

дипломаты, юристы, просветители и даже воители! Волосы становились дыбом, а молчишь!»[1]

В 1878 г. в Петербурге снова был арестован сын Василия Павловича Николай «в толпе рабочих Новобумаго-прядильной фабрики по подозрению в подстрекательстве последних к беспорядкам» и выслан в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции[2].

В. П. Васильев в этом же году ездил в Архангельскую губ. Нет сомнения, что эта поездка была вызвана желанием повидать сына. К сожалению, неизвестно, состоялась ли эта встреча, мы знаем лишь, что 24 июня 1878 г. сын В. П. Васильева Николай скрылся за границу, в Швейцарию[3].

Затруднения в продвижении своих научных трудов в печать, свирепость цензуры, эмиграция сына, материальные трудности сваливают ученого в постель. Он готовится к смерти, что видно из чернового наброска завещания, находящегося среди записей в тетради для различных заметок, а также назначение А. А. Добролюбова опекуном своих детей[4].

Однако причиной болезни В. П. Васильева были не столько его физические недуги, ибо после выздоровления он прожил еще 20 лет[5], сколько тяжелое моральное состояние, которое уже не оставляло его до самой смерти.

Несмотря на почет, награды, славу ученого, В. П. Васильев чувствовал себя неудовлетворенным, и как ученый, и как гражданин. В нем стал развиваться тот скептицизм, который так характерен для него в этот период жизни.

Тяжелая борьба, которую пришлось вести В. П. Васильеву во имя науки, не раз приводила его в отчаяние и вызывала нотки пессимизма, открыто выраженные в его печатных работах. Ярким свидетельством такого тяжелого душевного состояния служат заключительные строки в его «Очерке истории китайской литературы». Он писал: «Наш беглый очерк китайской литературы представляется в наших собственных глазах и ис-

---

[1] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 153.

[2] Указ. справка Центр. госуд. истор. архива.

[3] Там же.

[4] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 28.

[5] Больше того, В. П. Васильев в возрасте 72 лет совершил путешествие на лошадях 10 тыс. с лишним верст. Так, в письме П. А. Дмитревскому в октябре 1890 г. В. П. Васильев писал, что для того, чтобы проститься с дочерьми («ведь уже 72 год, пожалуй и умрешь, не простясь») он поехал в Омск и оттуда в Верный (Алма-Ата). «Достаточно того, — писал он, — что я был в Чугучаке и Кульдже, а потом посетил и другие невиданные города: Верный, Ташкент, Самарканд, Каспий и проч.» (Архив востоковедов АН СССР, ф. 14, ед. хр. № 9).

поведью и отповедью тем более, что, может быть, это последний наш труд, появляющийся в печати. Мы желали бы сказать и думаем, что могли бы сказать гораздо более, если бы заранее ожидали запроса на наш труд. . . Теперь пришлось передавать торопливо, что нашлось у нас под руками, прибегать даже к ставшей уже изменять памяти. . . Возможно ли единичной силе, закинутой в совершенно несочувственный мир, работать без средств и надежды, что труд не пропадет, не останется в рукописи, которая по смерти автора достанется макулатуре?» [1]

Позднее, в своей автобиографии он также писал: «Когда не встречаешь сочувствия, так и руки опускаются» [2].

В 1881 г. В. П. Васильев подает прошение «об исходатайствовании ему командировки с научной целью за границу, сроком с 25 августа по 10 октября для осмотра китайских книг, хранящихся в европейских библиотеках» (протокол № 9 от 1 мая 1881 г.) [3].

Возможно, что как эта, так и последующие поездки [4] В. П. Васильева за границу имели не только и не столько «научную цель» или «для поправления своего здоровья», сколько стремление встретиться с сыном — политическим эмигрантом, которого он материально поддерживал и с которым вел тайную переписку [5].

Сам В. П. Васильев был далек от революционных идей и революционной борьбы, но у него имелись связи с передовыми людьми своего времени.

Известно, что он переписывался с В. В. Стасовым, был уважаем как ученый Н. А. Добролюбовым, который дал положительный отзыв в печати на его труд о буддизме [6].

---

[1] В. Васильев. Очерк истории китайской литературы, СПб., 1890, стр. 162—163.

[2] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 152.

[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. № 15593, связка 1081, год 1881, л. 19.

[4] 17 апреля 1889 г. В. П. Васильев просит отпуск с 31 мая по 20 августа 1889 г. для поездки «внутрь России и за границу (ГИАЛО, фонд 14, опись I, ед. хр. № 5501, связка 128); «Высочайшим приказом по МНП от 10 мая 1890 г. № 7 командируется с ученою целью: в России и за границу: ординарный академик Императорской Академии наук, тайный советник Васильев с 1 июня по 1 октября 1890 г. («Сенатские Ведомости», № 59, от 24 июля 1890 г.); в 1891 г. В. П. Васильев вновь получает разрешение Департамента народ. просвещен. за № 8374 от 11 мая 1891 г. на поездку за границу.

[5] Известно, что одно из писем В. П. Васильева было перехвачено департаментом полиции в ноябре 1894 г. (см. указ. справку Центр. гос. истор. архива СССР).

[6] «Современник», 1858, № 11, стр. 357—370.

При исследовании трудов В. П. Васильева второго периода его жизни, после 70-х годов, бросается в глаза противоречивость изложенных в них взглядов, когда одновременно с «благонамеренными» высказываниями встречаются отнюдь не «благонамеренные». Правда, такие высказывания выступают в завуалированной форме, что объясняется, несомненно, свирепой цензурой. В этих высказываниях, однако, ясно проглядывает его недовольство существующим в России порядком. Даже в таких ответственных выступлениях, как в актовой речи в С.-Петербургском университете в 1882 г., он позволяет себе делать довольно прозрачные намеки на полицейский режим царской России.

Поскольку вопрос цензуры для В. П. Васильева всегда был больным вопросом, поэтому, касаясь его в своей актовой речи, он говорил (хотя и вопреки действительности), что в «Китае нет цензуры, и все повременные издания, памфлеты и книги издаются без всякого просмотра»[1].

Эту же мысль он подчеркивал и в своей автобиографии, говоря, что «в Китае есть много хорошего (свобода слова, поощрение науки, хотя бы это была pseudo-наука и проч.) и для России»[2].

Даже в короткой газетной рецензии на китайско-русский словарь Палладия Кафарова и П. С. Попова В. П. Васильев с чувством возмущения отмечает, что в то время как в Европе создаются общества, специально занимающиеся изучением Китая, издаются газеты и журналы, в России «не одни наши синологи, но и другие русские ориенталисты бродят по русской земле, по индийскому выражению об отшельниках, как единороги. . .»[3]

В той же актовой речи «Современное положение Азии», касаясь роли Европы на Востоке, как «полицейского кошмара», В. П. Васильев выражает чувства возмущения, которые в равной степени могли быть прямо отнесены и к России.

На душевном состоянии престарелого ученого тяжело отражалась революционно-демократическая деятельность сыновей.

Николай, живший в Швейцарии, был секретарем Бернского рабочего союза, а 1 мая 1892 г. «шел во главе кортежа

---

[1] В. Васильев. Современное положение Азии — китайский прогресс (актовая речь). Отчет по С.-Петерб. Ун-ту за 1882 год, стр. 14.

[2] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 154.

[3] В. Васильев. Китайско-русский словарь, составленный Палладием и Поповым. Рецензия. Вырезка из неизвестной газеты. Б-ка ИВ АН СССР, шифр В $\frac{\text{CXXI}}{29}$.

рабочих с красным знаменем, раздавая не только рабочим, но и учащейся молодежи свою брошюру», III отделение было хорошо осведомлено о его деятельности [1]. Известно также, что самый младший сын, Сергей, земский ветеринарный врач в Свияжском уезде Казанской губернии, состоял под негласным надзором полиции [2].

Во второй период (после 70-х годов) своей жизни В. П. Васильев уже почти не писал ничего нового, а лишь с трудом продвигал в печать то, что было им подготовлено прежде.

Академик С. Ф. Ольденбург, лично видевший у В. П. Васильева огромное количество неопубликованных работ, многие из которых впоследствии были сожжены, выступая в апреле 1918 г. с речью по случаю 100-летия со дня рождения В. П. Васильева, справедливо сказал, что «Василий Павлович дал очень много русскому востоковедению и востоковедению вообще, его имя навсегда занесено в историю науки, и если тем не менее я решаюсь назвать его жизнь драмой ученого, то делаю это потому, что убежден, что самое важное, самое ценное из работ Васильева не увидело света и при том не по его вине»[3].

* * *

Освоив в Китае обширные материалы по различным вопросам китаеведения, изучив многочисленные китайские, тибетские и монгольские источники по буддизму, В. П. Васильев ставил перед собой большие научные планы разработки и издания всего того, что было накоплено и написано им в Китае.

Не останавливаясь на вопросе о том, каково было состояние китаеведной науки в России и на Западе, укажем только, что русское китаеведение уже в 20—30-х годах XIX в. было поставлено Н. Я. Бичуриным на научную основу.

В. П. Васильев, стремясь разрешить ряд новых проблем китаеведения, продвинул эту отрасль науки на новую, высшую ступень развития.

Всесторонняя оценка заслуг В. П. Васильева в области китаеведения и вскрытие сущности его взглядов могут быть правильными лишь в том случае, если мы примем во внимание не только опубликованные труды, но и не увидевшие свет работы, число которых весьма значительно.

---

[1] Указ. справка Центр. госуд. истор. архива.

[2] Там же.

[3] С. Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. «Известия Российской Академии наук», 1918, Птг., стр. 538—539.

Уже первое знакомство с трудами В. П. Васильева поражает многообразием охваченных в них проблем, обширностью и глубиной их исследования.

Эти работы затрагивают общие вопросы китаеведения, являются исследованиями в области языка, литературы, истории и географии Китая, а также идеологии Востока. Продолжая научные традиции своего предшественника Бичурина, В. П. Васильев считал необходимым изучить сопредельные с Китаем страны. Объектом его изучения стали Тибет, Средняя Азия, Монголия и др.

Научная деятельность В. П. Васильева сопровождалась большой преподавательской работой в Петербургском университете.

Академик С. Ф. Ольденбург, откликаясь в 1900 г. на смерть ученого, писал: «Это было поколение, открывшее целый, дотоле неведомый мир. . . Для того, чтобы хоть сколько-нибудь понять этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие, и такая широта знания, что нам теперь и представить себе трудно, как отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом»[1].

В. П. Васильев также интересовался событиями в Китае. Это были годы важных событий в Китае — проникновение иностранного капитала в страну, широкие восстания китайского народа. В статьях на современные темы В. П. Васильев обнаружил глубокую симпатию и любовь к китайскому народу.

Будучи патриотом, беззаветно любящим свою Родину, В. П. Васильев не стоял в стороне и от политической жизни России. Он выдвинул ряд оригинальных проектов, в которых предлагал осуществление реформ, направленных на улучшение жизни.

Таков был в общих чертах круг научных и политических интересов В. П. Васильева, показывающий, что как ученый он не был узким специалистом и не ограничивал себя изучением какой-либо одной области китаеведения. Его многочисленные работы, изданные и неизданные, свидетельствуют о широте научных интересов, выходящих далеко за пределы только китаеведения.

В. П. Васильев жил в то время, когда развитие капитализма и связанная с ним колониальная политика усилили интерес к Востоку, как к объекту эксплуатации. Это сопровождалось возникновением ряда теорий буржуазных псевдоученых, доказывавших в угоду капитализму, неполноценность народов

---

[1] ЗВОРАО, XIII, 1900, стр. 47.

Востока, их неспособность к восприятию цивилизации и т. п. Такие взгляды характерны были для большинства западноевропейских синологов, примером чему могут служить высказывания широко известного в синологическом мире переводчика китайских классических книг Легга. Легг, например, утверждал, что «Китай является одряхлевшей нацией», что он «разлетится на куски» при соприкосновении с европейской цивилизацией [1]. В. П. Васильев был представителем прогрессивного направления русского востоковедения XIX в. Он с возмущением критиковал теории о неполноценности восточных народов: «Нет несправедливее и нелепее мнения, что китайцы не способны ни к каким нововведениям, или что европейское образование погубит их, если они его примут, что это нация совсем устаревшая, которая не может никак возродиться или переродиться» [2].

Для В. П. Васильева Восток был той сокровищницей, которая должна быть приобщена к мировой культуре, тем источником знаний, которые должны быть использованы для обогащения мировой науки и культуры. В эту сокровищницу он включал Китай, страну, которую он любил, трудолюбием народа которой он восхищался. Такие взгляды он не раз высказывал в своих трудах, а также в различных записях, черновых набросках, оставшихся в архиве ученого и относящихся к различным годам его жизни.

«Как ни высоко вознесся в настоящее время человек над окружающей его природой, повелевая ее силами, — писал В. П. Васильев, — мы не думаем еще, чтоб он уже исчерпал все ее законы и чтоб был где-нибудь положен предел усовершенствованиям и изобретениям. Но полное развитие может осуществиться только тогда, когда *все народы* (подчеркнуто нами. — *Авт.*) равно будут участвовать в великом деле науки. До сих пор мы видим только на этом поприще еще отдельные государства и как много остается еще желать! Кто внимательнее присматривался к Востоку, тот не станет смело и гордо утверждать, что все может решить сам собой надменный Запад. Такие страны как Китай и Индия нельзя считать за ничто в общем деле человечества» [3].

Интерес к Востоку обусловливался у В. П. Васильева не узко субъективными причинами. Благородное желание изучить многомиллионный Китай, его богатейшую культуру и ввести

---

[1] G. Legge. The chinese classics, 1870, vol. I. Предисловие, стр. II.
[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.
[3] Там же, «О значении Востока вообще и Китая в частности».

О значении Китая.

Первая страница черновика актовой речи В. П. Васильева «О значении Китая», произнесенной в 1850 г.

в науку новые данные, основанные на этом изучении, составляло главную его цель. Еще в 1850 г. он говорил: «Мы должны отстаивать страну и предмет, но не по предубеждению к нему, не по пристрастию, невольно рождающемуся у всякого (одно слово зачеркнуто В. П. Васильевым. — *Авт.*) от занятий каким бы то ни было предметом. Нет, мы будем руководствоваться одной мыслью, что человек, где бы он ни жил, все остается человеком, что везде видно его высокое призвание преобразовать самого себя, выработать окружающую его природу. . . Человек столько же заслуживает внимания на Востоке, как и на Западе»[1].

В. П. Васильев стремился в своих работах показать всю значимость изучения Востока вообще и Китая в частности. Для него Восток не был экзотическим Востоком. Он писал: «. . . Мы, которые старались собрать умственную и вещественную дань со всех концов света, изучить малейшие, незначительные уголки обширного материка, стараемся заглянуть за густые тучи льдов, скрывающих от нас тайники полюсов, просветить свой взор до того, чтобы разбирать карту небесных светил, пожать руку их обитателям, не стыдно ли, говорим мы, не замечать стоящего подле нас колосса (т. е. Китая. — *Авт.*), отрицать в нем не только в настоящем, но и в будущем, способность вместить свет просвещения, отказать ему как и в прошлом, так и в настоящем участии быть посильным, а вместе и могущим двигателем человечества!»[2]

Исходя из интересов науки, В. П. Васильев считал, что без изучения Востока и народов его населяющих мировая наука будет неполной. Обоснование и доказательство этого являлись одной из главных целей всей жизни ученого.

Борясь за научное изучение Востока, В. П. Васильев, естественно, выступал против широко распространенных, особенно на Западе, расистских теорий о неполноценности неевропейских народов, об их неспособности к восприятию цивилизации, о том, что эти народы пригодны лишь для колониальной эксплуатации и т. д.

В. П. Васильев считал не только достойным, но и обязательным изучение и знание стран Востока и Китая в частности.

«Если мы облечем позором невежества того, — писал он об изучении Китая, — кто осмелится забыть славимые издревле имена Фемистоклов, Мильтиадов или Цицеронов, — то какое же право имеем мы (если только не ссылаться, что все

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15, «О значении Востока вообще и Китая в частности».
[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

так делают), оставлять без внимания страну, пред великими мужами которой бледнеют не только герои древности, но и гении вроде Наполеонов — почему изучая языки и литературу народов незначительных, мы оставляем в стороне язык самый замечательный в мире как по своему неисчерпаемому богатству, по тем драгоценным для филолога памятникам, которых напрасно будем отыскивать во всех других известных языках, так и по живописности, говорящей в одно время и понятию и глазу! Литература, тянущаяся непрерывной нитью целые тысячелетия, богатая всеми произведениями человеческого гения, ужели не представляет кроме специальных материалов ничего, на чем бы ум мог вывести новые законы для жизни человечества, вознестись к неизвестным доселе идеям!» [1]

В другой своей работе он вновь говорит: «Неужели страна, имеющая и всегда имевшая влияние на целую половину древнего материка, населенная самым многочисленным в свете племенем, — народом, у которого просвещение и образованность, каковы бы они ни были, ставятся выше всего, нацией самой сметливой, трудолюбивой и искусной, неужели эта страна, раскинутая в самом лучшем в свете климате, богатая всеми дарами природы, нация, живущая самостоятельно столько столетий, испытавшая все фазисы исторического развития, подвергавшаяся всем переворотам, какие только могут существовать в гражданском и правительственном быту, представляющая столько образцов, как для всех доблестей человеческого духа, так и для всех пороков, неужели эта нация не заслуживает нашего внимания!» [2]

Приведенные нами мысли В. П. Васильева близки к высказываниям революционного демократа В. Г. Белинского.

В. Г. Белинский, критикуя историка гегельянца Лоренца, высказавшего мнение о том, что Китай и Индия не должны иметь места в истории, по причине их совершенно изолированного развития, писал: «Неужели такое великое явление, как Китай, велико вне истории и без всякого к ней отношения? Китай и Индия — страны в высшей степени исторические. . .» [3]

Глубоко убежденный в исторической и научной значимости культуры Китая, В. П. Васильев был ярым поборником единения Востока и Запада и был уверен, что это рано или поздно осуществится. «Мы живем, — писал он, — на границе той эпохи, в которой скоро исчезнет это разъединение (Востока с Запа-

---

[1] Архив АН ССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 17.
[2] Там же, ед. хр. 15.
[3] В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 342.

дом.— *Авт.*). Не надо быть ни предвещателем, ни глубоким философом, чтобы сделать эти предсказания, нужно только отделаться от общих предрассудков, от идей, которые нам часто навязываются неблагонамеренно или не понимая дело. . .»[1]

В. П. Васильев был убежден в том, что отсталость Китая, вызванная распространением конфуцианства, носившего со II в. н. э. реакционный характер, — это временное историческое явление, не связанное ни с расовыми свойствами китайского народа, ни с сущностью религиозных учений, что над Китаем, под влиянием приобщения его к культуре мировой взойдет «заря обновляющего объединения»[2].

Таковы взгляды В. П. Васильева на историю Востока. Несомненно, эти взгляды мы вправе считать прогрессивными, идущими вразрез с установившимися мнениями того времени. Такая же прогрессивность взглядов В. П. Васильева проявлялась и в его отношении к самому китайскому народу, его культуре. Еще будучи в Китае, в сентябре 1841 г., В. П. Васильев, видя, как европейцы силой оружия пробивали себе дорогу в Китай, и возмущаясь их действиями, записал в своем дневнике: «Разнеслись слухи, что англичане опять явились к Кантону и начали тревогу. . . Все это чорт знает на что похоже. . . Не знаю, чем кончится это дело, а оно может принять серьезный оборот. . .»[3]

Клеймя действия иностранцев, он писал:

«Что же это за человеческий так восхваляемый прогресс, строй, при котором и люди не дышат свободно и земля не развивает своих сил. Ужели европейское развитие, так высоко стоящая цивилизация, эти великие успехи и открытия наук имеют своим результатом только задержку развития неразвитых и служат орудием порабощения одних другими»[4].

И далее: «Да, Восток уже более не находится в тех границах, которые мы ему начертали. Уже Запад обвил его своими руками и если не задавил в них, так скорее потому, что каждая из рук принадлежит отдельным владельцам, которые наверно не согласятся на одномоментное дружеское пожатие»[5].

И хотя В. П. Васильев полагал, что «Китай может обойтись без иностранного привозу»[6], однако считал, что дальнейшие

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.
[2] Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873, стр. 5.
[3] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.
[4] Современное положение Азии — китайский прогресс, стр. 7—8.
[5] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.
[6] В. П. Васильев. Современное положение Азии, стр. 18.

Страница из «Пекинских дневников» В. П. Васильева (запись от 14 сентября 1841 г.)

судьбы Китая все же связаны с Западом: «Впрочем, судя по настоящему порядку дела, Востоку не суждено, кажется, возвысить свою голову самостоятельно; ему придется может быть вынести долгую опеку Запада для того, чтобы участвовать впоследствии вместе с ним в общих целях»[1].

Следует отметить, что в некоторых работах В. П. Васильева, наряду с прогрессивными, передовыми, ломающими установившиеся точки зрения на Восток взглядами, проскальзывают мысли, послужившие для некоторых китаеведов основанием считать его реакционным ученым.

* * *

В одном из своих писем (без даты и адресата), хранящихся в архиве ученого, он писал о той роли, которую должна играть Россия в процессе развития стран и народов Востока. «. . . Я люблю Восток, потому что предвижу в нем обширную плодотворную деятельность России и уверен, что под ее эгидой о Востоке скажут когда-нибудь не ложно ex oriente lux!»

Примером такого же высказывания служит и упоминавшаяся выше актовая речь В. П. Васильева в 1882 г. В ней он вместе с правильными мыслями о том, что Китай не чужд культурному развитию, что он внесет свой вклад в мировую культуру, говорит о роли русского капитализма на Востоке.

Что же касается будущности Китая, то, ратуя за приобщение его к современной ему европейской культуре и желая видеть Китай во всех отношениях сильным и могучим, В. П. Васильев, отдавая дань своему времени, повторяет ходячую теорию о «желтой опасности».

Несмотря на противоречивость высказываний В. П. Васильева, обусловленных ограниченностью его мировоззрения, в его отношении к Китаю и в его стремлении приобщить китайскую культуру к культуре мировой чувствуется глубокая симпатия русского синолога XIX в. к китайскому народу.

С этим связана и вся его преподавательская деятельность, которую он не мыслил оторванной от жизни[2].

Характерной чертой В. П. Васильева как в науке, так и в политике была борьба «за честь русского имени». Русскую науку он хотел видеть свободной от иностранного влияния, а Россию — свободной от экономического гнета западноевропейских держав. Однако это не означало, что В. П. Васильев в какой бы то мере игнорировал китаеведение Западной Европы и не знал

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15, л. 31.

[2] В. П. Васильев. Современное положение Азии, стр. 19.

над чем и как работают там синологи. И если среди опубликованных работ ученого мало рецензий или отзывов о западноевропейском китаеведении, то это не может служить поводом к утверждению о полной обособленности В. П. Васильева.

Материалы архива В. П. Васильева полностью опровергают это незаслуженное обвинение. Среди неопубликованных трудов В. П. Васильева имеются самые разнообразные рецензии, записи, заметки, наброски о синологической литературе Запада, списки новой западноевропейской литературы и т. д. Это говорит о том, что В. П. Васильев живо интересовался всем, что выходило в свет за рубежом в области востоковедения. Кроме того, хорошо известны его оценки трудов западноевропейских синологов и в печатных работах, как, например, в «Очерке истории китайской литературы», в работе «Буддизм, его догматы, история и философия» [1] и в др.

Более того, обнаруженные архивные документы свидетельствуют, что В. П. Васильев неоднократно выезжал за границу, где знакомился с имеющимися там коллекциями книг на восточных языках в библиотеках Вены, Мюнхена, Парижа, Берлина и Лондона, причем лично общался с европейскими учеными-ориенталистами — синологами (Фицмайером, Дугласом, Саммерсоном, Шаттали и др.).

Однако все это лишний раз убеждало его в том, что ему как ученому нечему учиться за рубежом.

В своем отчете о первой поездке (1870) за границу В. П. Васильев отмечал, что ни одна из осмотренных им библиотек «не может гордиться таким собранием книг, как наша университетская по части китайской, маньчжурской и тибетской литературы» [2].

В сентябре 1881 г. В. П. Васильев участвовал на V международном конгрессе ориенталистов в Берлине и после этого еще несколько раз ездил за границу. Однако труды западноевропейских синологов не открывали ему ничего нового. Иногда это были труды, которые по тематике повторяли то, что уже было написано В. П. Васильевым, а по использованным источникам далеко отставали от его трудов. Были также случаи, когда В. П. Васильев оказывался обкраденным засевшими в Российской Академии наук иностранцами. Так было с переводом «История буддизма в Индии» Даранаты, над которым работал В. П. Васильев и который представляет большую научную ценность.

---

[1] Очерк истории китайской литературы. СПб., 1868, стр. 4—5 и сл; «Буддизм, его догматы, история и философия», ч. 1; Общее обозрение. СПб., 1857, стр. 5 и сл.

[2] ГИАЛО, 14, оп. I, ед. хр. 5501, л. 269.

Протестуя против поступка академика Шифнера, который перевел эту книгу на немецкий язык с русского перевода, сделанного В. П. Васильевым, выдав его за перевод с оригинала, В. П. Васильев в письме к редактору газеты «Голос» выступает как русский патриот. «Разве не странно, например, — писал он, — что настоящее издание Даранаты, сочинения, равного которому, по значению для истории Индии, не имел вовсе ученый мир, является в печати ровно через двадцать лет после того, как я кончил его перевод, и было бы неизвестно ученому миру еще, по крайней мере, 20 лет, если бы я не вынул его из портфеля. Но я должен протестовать во имя того чувства, которое все чаще и чаще стало просыпаться в нас и требует охраны чести русского имени»[1]. Интересно привести высказывания В. П. Васильева, показывающие понимание своих задач как ученого и тех перспектив, какие он начертал себе:

«Ученый, — писал он, — есть чернорабочий мира. Механик не создает новых сил в природе, он только их открывает и дает другим случай делать открытия. Наш брат ориенталист не может создать новых фактов, он может только делать известным известное для одних и неизвестное для других. Если бы я взялся разрабатывать географию, историю или литературу Китая, то очень хорошо понимаю, что я могу сообщить очень много еще неизвестного в Европе, но неизвестно ли это также в Азии — это другое дело. И так, вместо того, чтобы следовать за работами других, не лучше ли нам работать для себя, по своему умению, по своему воззрению»[2].

Как видим, он не придерживался идей чистой науки, его взгляды в этом отношении были гораздо шире, и он видел свои задачи в том, чтобы дать новое и полезное как самой науке, так и народу, им изучаемому. «Известно, — писал он, — что я коснулся в своей ученой деятельности всех этих предметов (т. е. всех вопросов китаеведения. — *Авт.*), и потому от меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части, но я не думаю себя винить, всякий занимается тем, к чему способен, и я гораздо более считаю для себя и для настоящего времени почетным — внести в науку одну или две свежие идеи, которые расшевелили бы ее, чем дарить тяжеловесным специальным трудом, который в свое время, при развитии науки, окажется все-таки ученою игрушкою»[3].

---

[1] В. П. Васильев. За и против. Письмо к редактору газеты «Голос», 27 сентября (9 октября) 1869 г.

[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 18.

[3] В. П. Васильев. Об отношениях китайского языка к средне-азиатским. ЖМНП, часть CXIII, отд. II, стр. 84.

Даже в последние годы жизни он строил большие планы работы, о чем свидетельствует хранящееся в его архиве письмо. В нем нет ни даты, ни адресата, однако по почерку можно определить, что оно относится к позднему периоду его жизни. Он пишет: «Вот пришло в голову написать Китай в будущем, настоящем и прошлом — не то ученое, не то литературное или философское. . . (непонятное слово. — *Авт.*) Однакож, что делать, знакомых журналов нет — хлопотать тоже неохота — как бы однакож быть? Вы у кормила литературы не посоветуете-ли что? В Ваш журнал не годится»[1].

Эти планы В. П. Васильева, повидимому, так и остались не осуществленными, так как ни среди изданных трудов, ни в архиве нет даже набросков подобной книги.

Интересно также отметить намерение В. П. Васильева, когда ему было 72 года, совершить большое путешествие в Тибет, Кохинхину и Китай. Так, в письме от октября 1890 г. П. А. Дмитриевскому он писал: «Я ведь еще что затеял! Поехать в Тибет, и так как из Кохинхины выехать весной или в июне попадешь туда в холода, то предположил ехать через Кашемир. . . проехать по всему Тибету и спуститься к Вам и на Пекин. Предполагаю ехать на будущий год. . . я непременно хочу ехать на свой счет в пику ученым обществам, которые чорт знает как и куда посылают! А ну как, в самом деле, возьму да поеду в 92-м году будучи 74-х лет»[2].

Если проанализировать научные взгляды В. П. Васильева, то бросается в глаза наличие в них противоречивых моментов, которые были отражением не только личных особенностей В. П. Васильева, но и отражением весьма сложной обстановки, характерной для России пореформенного периода. Противоречие эпохи и отразил в своих трудах крупнейший ученый китаевед и замечательный русский патриот В. П. Васильев. Именно этим, как нам кажется, и объясняются диаметрально противоположные высказывания ученого.

Чтобы полнее представить политические взгляды В. П. Васильева, необходимо рассматривать не только научные труды, но и его общественно-политическую деятельность, его публицистические работы.

Идеи революционных демократов, возможно, прямо или косвенно оказали влияние и на В. П. Васильева. Во всяком слу-

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 17. Здесь же приписка другим почерком: «Если считаете невозможным Журнал Министерства Народного просвещения, то можно бы Вам иметь ввиду Исторический Вестник под редакцией Шубинского, а не то Вестник Европы. . .»

[2] ИВ АН СССР, Архив востоковедов, ф. 14, ед. хр. 9.

чае в своих публицистических статьях он ясно определил свое отношение к окружавшей его мрачной действительности.

«Все не так, все не по-моему», — писал он в 1878 г. в предисловии к своей книге «Три вопроса». В общих чертах публицистические работы В. П. Васильева можно разделить на три группы: 1) работы, направленные против засилья иностранцев в экономической, политической и культурной жизни страны; 2) просветительные работы и 3) работы, касающиеся волновавшего тогда всю Россию крестьянского вопроса.

В книге «Три вопроса» В. П. Васильев проводил мысль о том, что «Россия не должна быть рабским сколком Европы», а нужно, чтобы она «во всем применялась к своим потребностям, руководилась здравым смыслом»[1], но в то же время он выступал против партии славянофилов, которые призывали к старым порядкам, возвеличивали отжившие предания и обычаи [2]. Он не отрицал достижения европейских стран, но считал, что Россия должна использовать эти достижения применительно к собственным потребностям. В статье «Ассигнации — деньги» В. П. Васильев предлагал провести денежную реформу, которая позволила бы освободить Россию от иностранной зависимости.

Его просветительные идеи заключались в требовании освобождения русской мысли от европейской зависимости. Так, ученый писал в одном из архивных документов: «На этом поприще разрешится и другой вопрос — возможно ли существование самостоятельной русской мысли. Можем ли мы додуматься до таких порядков, которые вытекают из естественных потребностей и положения русской земли и русской народности. Можем ли мы вырваться из тех оков, которые наложили на нас западные учебники, или уж без ропота должны подчинить свою выю под наложенным на нее ярмом» [3].

В. П. Васильев считал необходимым распространение образования в русском народе, при этом образование должно быть единым во всем государстве для всех классов общества. Так, в статье «Чему и как учиться» он изложил по этому поводу свои мысли, сводившиеся вкратце к предложению создать книгу, охватывающую все необходимые знания и написанную популярно. Такая книга «должна изучаться как сыном вельможи, так и крестьянским мальчиком, христианином и язычником» [4]. При этом самую систему образования в России он считал нужным сделать рациональной, т. е. за счет таких

[1] В. П. Васильев. Три вопроса, СПб., 1887, стр. 131.
[2] Там же, стр. 147.
[3] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.
[4] В. П. Васильев. Три вопроса, стр. 155—156.

предметов, как классические языки, расширить преподавание предметов реально необходимых: естествознания, физики, основ техники и т. п.

Развитие капитализма в России, приводившее к разложению крестьянской общины, к быстрому разложению большинства крестьянства и выделению небольшой кулацкой верхушки деревни, как известно, вызывало у интеллигенции страх перед «язвой пролетариатства». Появляются народники, стремящиеся сохранить общину. В. П. Васильев, не являясь сторонником народнических идей, был в какой-то степени близок к ним в крестьянском вопросе. Он также считал, что нельзя дать разложиться общине, нельзя дробить землю на мелкие участки, и выдвигал идею общины, которая была скорее похожа на своего рода артель, имеющую свой устав. «Предлагаемое нами устройство русской общины, — писал В. П. Васильев, — может дать сильный толчок к развитию нашей промышленности и торговли»[1]. При этом он «готов в час досуга посвятить себя разъяснению вопроса, помочь при составлении устава, но от всякого дальнейшего участия отказывается и за занятиями и за годами и за усталостью от душевной борьбы, которую ему приходилось выносить с существующим порядком или принимаемыми мерами»[2].

Он хотел, чтобы сами крестьяне были окончательными судьями своей дальнейшей судьбы. «Нужно, чтоб они (т. е. крестьяне. — *Авт.*) испробовали такое устройство, — писал он, — и потом уж на их отзывах создано было окончательное суждение. Для этого нужно, таким образом, прежде всего достать на первый раз хоть 3000 десятин свободной и несколько удобной земли и пригласить желающих. . .»[3]

Конечно, в идеях и проектах, выдвигаемых В. П. Васильевым, было много утопического, свидетельствовавшего о непонимании законов общественного развития. Поэтому, казалось, можно было бы не касаться в данной статье всех этих вопросов. Однако сам факт горячего участия в жизни общества, стремление ученого высказать свои идеи с искренней уверенностью, что они принесут пользу в деле улучшения жизни народа, поднятия его культурного уровня и т. д., свидетельствует об огромном патриотизме В. П. Васильева.

Нельзя не указать, что до сего времени выдвигались на первый план и преувеличивались отрицательные, реакционные

---

[1] Три вопроса, стр. 130.
[2] Там же, стр. 18.
[3] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.

взгляды В. П. Васильева. Раздувая эти черты, критики В. П. Васильева превращали его в реакционного ученого и даже в монархиста. Отмечался не его бурный протест против дискриминации наций, а его отдельные, часто случайные высказывания, в которых отражались предрассудки и «ходячие теории» того времени. Между тем каждое высказывание В. П. Васильева в пользу и защиту народов Востока было ударом по господствовавшим в то время в русском обществе и на Западе идеям колонизации Востока, эксплуатации азиатских народов.

В этом несомненная заслуга и прогрессивность ученого.

В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ФИЛОЛОГ

В. П. Васильев не был специалистом-лингвистом в современном понимании этого слова. Он занимался изучением китайского языка с филологической точки зрения попутно, как это делали в то время ученые. В своих исследованиях языка он пользовался методом сравнительного языкознания. При этом В. П. Васильев внес много новых, прогрессивных мыслей в работы, которые касались изучения китайского языка. Эти мысли часто шли вразрез с установившимися в западной синологии взглядами на китайский язык.

Хотя изучением китайского языка в Европе занимались давно [1], однако в вопросах оценки его значения, его места в общем ряду языков мира, наличия грамматики в китайском языке, словарного фонда, письменности и т. д. часто существовали не только неверные, но в ряде случаев даже реакционные теории в работах многих западных синологов. В. П. Васильев во многих своих опубликованных и неопубликованных трудах вел борьбу против этих взглядов. При этом он выдвигал положения, которые в большинстве случаев нашли подтверждение в позднейших исследованиях советских ученых.

Взгляды В. П. Васильева на изучение китайского языка вытекали из той общей позиции, которую он занимал в отношении Китая, а эта позиция заключалась в признании

---

[1] В. П. Васильев указывает, например, на Миллера (17 столетие), Премара, Дегиня, Абель-Ремюза, Клапрота, Ст. Жюльена, Моррисона и Иакинфа (см. статью «О свойствах китайского языка». Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 25). Однако этим не исчерпывается список предшественников и современников В. П. Васильева. В него должны быть внесены также Байер, Фурмон, Веро, Маршман, Гонзальвез и др. В России со времен основания Российской духовной миссии в Пекине изучением китайского языка занимались посланные туда миссионеры и приписанные к миссии студенты (Рассохин, Леонтьев, Бакшеев, Владыкин, Липовцов, Каменский, Богородский и др.).

величия и мирового значения китайской нации. В изучении китайского языка В. П. Васильев видел средство к пониманию этой страны, к научному изучению ее истории и литературы. В одной из рукописей, не имеющей названия, В. П. Васильев писал: «На Востоке центром всех его стран всегда и во всем, господствующая или покоренная страна, центром всей жизни целые тысячелетия уже стоит Китай. Не забудем этого и тогда поймем — какую важность имеет для нас изучение языка, истории и литературы этой страны»[1]. «Без китайского языка нельзя быть знатоком не только маньчжурского, но и монгольского, даже японского, корейского и аннамского [2]; основанием литературы этих языков, а с тем вместе и умственного, равно как гражданского и политического развития тех стран, где они употребляются, служит все та же литература, без нее нельзя знать и понимать не только древней истории всех этих стран и народов, но и настоящего их строя, их учреждений, их взглядов, а без знания последних, невозможно ни самому говорить, ни убеждать туземцев при всяких сношениях»[3].

Вместе с тем В. П. Васильев видел в китайском языке также весьма серьезный предмет для больших филологических исследований. Так, касаясь научного изучения китайского языка, он писал: «А без знания истории Востока разве мы можем вполне оценить историю человечества? А без изучения китайского языка. . . разве можно сделать шаг к правильному сравнительному языкознанию, которое одно и составляет высшую филологию»[4].

В статье «О значении Китая» В. П. Васильев писал о китайском языке, что «это язык и живой и вместе ученый, так что с помощью его можно легко объехать всю Восточную Азию. . . Обратимся к значению его между прочими языками в ученом филологическом отношении — и здесь мы получим такие факты, которых напрасно будем искать в другом. Ужели для филолога и для всякого образованного человека неинтересно и бесполезно знать, каким образом может еще существовать язык совершенно вне тех условий, которые мы считаем прирожденными ему, — каким образом может он быть богаче всех

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

[2] В. П. Васильев имеет в виду здесь письменный иероглифический язык. Китайская иероглифика используется в Японии, Корее и Вьетнаме.

[3] В. П. Васильев. Воспоминание об И. И. Захарове. ЖМНП, ноябрь, 1885, отд. отт., стр. 4.

[4] В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России. «Восточное обозрение», 1886, № 7, стр. 9.

языков при всей бедности звуков; каким образом можно выражать и понимать мысль со всеми оттенками, со всей гибкостью без существования всяких грамматических изменений»[1].

До начала преподавательской деятельности В. П. Васильева, если не считать «Китайской грамматики» Н. Я. Бичурина [2], никаких систематизированных учебных пособий по китайскому языку в России не существовало. Заслуга В. П. Васильева заключается в том, что он впервые ввел систематизированный курс изучения китайского языка, а пособием для такого курса было составленное им «Введение в изучение китайского языка», в которое входила известная его работа «Анализ китайских иероглифов»[3].

В Пекинских дневниках В. П. Васильев, говоря о методе изучения китайского языка, высказал весьма важную мысль, что разговорный язык как раз и есть основа китайской иероглифики. «Ясно можно понять, — писал он, — что мы прежде всего требуем знакомства с самими звуками, для которых изобретены знаки и далее историю самого изобретения. Это два важные факта, без которых знание китайского языка будет всегда поверхностно и недоступно»[4]. И далее: «Прежде нежели народ писал, читал, имел памятники, которые мог передать потомству. . . он уже говорил; следовательно, создание письменного языка должно допустить в себе влияние разговорного. Это уже не нужно и доказывать»[5].

Эта идея более полно была разработана В. П. Васильевым в его «Анализе китайских иероглифов». Кроме того, им была написана большая работа «Графическая система китайских иероглифов»[6], а также составлена хрестоматия в качестве учебного пособия для изучения китайского языка в трех выпусках [7].

---

[1] См. Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

[2] Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. С.-Петерб. Литография Гемильяна. 1835. 241 стр. В то время это была лучшая грамматика китайского языка.

[3] В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, в 2 частях. СПб., изд. 1, 1884; изд. 2, 1898.

[4] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 2, ед. хр. 38/2.

[5] Там же.

[6] В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб., 1867, литограф. Тиблена и К°, XVI+456 стр. Еще ранее, в 1857 г., в ЖМНП В. П. Васильевым была опубликована работа «Les phonètiques chinoise d'après le systéme graphique», в которой он изложил принципы графической системы.

[7] Учебные материалы и пособия по китайскому языку, составленные В. П. Васильевым, еще требуют глубокого и специального исследования для выяснения того нового, что было сделано ученым как в области зна-

В работе «Анализ китайских иероглифов» В. П. Васильев подробно разобрал существовавшие к тому времени в Китае и в Европе китайские словари различных систем, из которых самой распространенной была так называемая ключевая система. Во времена Васильева появился словарь Каллери, составленный по фонетической системе. Этот словарь был признан В. П. Васильевым как лучший [1].

В. П. Васильев, борясь с рутиной в науке вообще, обвинял западноевропейских синологов Потье и Жюльена в том, что в то время, как вышел лучший словарь Каллери, они «готовят новые лексиконы по той же ключевой системе. Мы полагаем, что эта упрямая приверженность к старой рутине только может задержать успехи изучения китайского языка»[2].

Отдавая должную дань словарю Каллери, В. П. Васильев все же считал, что «та система, до которой мы сами доработались, гораздо проще и удобнее, как в приискании слов, так и запамятовании иероглифов»[3].

В другом месте он вновь отмечает, что «при переходе в С.-Петербургский Университет, я имел честь представить Академии наук мой китайский словарь, расположенный по совершенно новой и, чтобы не говорили, а только и единственной облегчающей системе»[4].

Система расположения китайских иероглифов, разработанная В. П. Васильевым, заключается в том, что все собранные в словаре иероглифы были разбиты по их фонетическим частям, так как «не ключи, а фонетические знаки составляют сущность иероглифа»[5].

Таким образом, одни иероглифы, имеющие одинаковую фонетическую часть, попадали в одну группу, другие иероглифы с другой уже фонетической частью попадали в другую группу и т. д. Такие иероглифы, собранные по фонетическим группам, в словаре расположены по графическому принципу, т. е. по

ний о языке, так и в области методики преподавания последнего. Дать же такое исследование в настоящем обзоре не представляется возможным.

[1] По поводу этого словаря В. П. Васильев писал: «. . . Только в 1841 появился первый дельный труд по этой части (т. е. словарь, в котором иероглифы расположены по более простой системе. — *Авт.*), мы разумеем китайский словарь г. Каллери: «Systema Phoneticum. Macao» (В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов, стр. IV).

[2] В. П. Васильев. Графическая система китайских иероглифов, стр. V.

[3] Там же, стр. VI.

[4] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880, стр. 25.

[5] В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, ч. I, стр. 39.

19 главным чертам, образующим отделы, внутри которых иероглифы расположены по признаку нарастания черт. При этом необходимый иероглиф нужно искать по нижней правой черте.

Это была совершенно новая система расположения иероглифов в словаре. Она, как правильно характеризовал сам В. П. Васильев, «соединяет фонетическую систему с графической»[1]. Расположение в словаре иероглифов не по ключам или чтению, а по фонетической части имело практическое значение и вместе с тем было научно правильным, так как приближалось к историческому развитию китайской письменности.

Разработанная В. П. Васильевым рациональная графическая система китайских иероглифов была принята на факультете восточных языков С.-Петербургского университета в качестве основного пособия для изучения китайской письменности. Вместе с тем эта система рекомендовалась для преподавания китайского языка также и в других востоковедных учебных заведениях России. Так, среди архивных материалов проф. А. О. Ивановского мы находим черновик письма, адресованного факультету восточных языков по поводу учебников китайского языка «для предполагаемого Владивостокского лицея». В этом письме проф. А. О. Ивановский рекомендовал «ввести и каллиграфию и непременно по графической системе проф. Васильева, как единственно пригодной для этой цели»[2].

Впоследствии по графической системе В. П. Васильева были созданы словари Д. А. Пещурова [3], О. О. Розенберга [4], В. С. Колоколова [5] и, наконец, в 1952 г. был издан китайско-русский словарь под ред. проф. И. М. Ошанина [6]. Графическая система расположения иероглифов в каждом из упомянутых словарей совершенствовалась, но принцип, разработанный В. П. Васильевым, сохранялся. И в настоящее время каждому изучающему китайский язык хорошо известны достоинства такой наиболее рациональной системы расположения китайских иероглифов в китайско-русском словаре.

---

[1] В. П. Васильев. Анализ китайских иероглифов, ч. I, стр. 61.
[2] Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 20, ед. хр. 27.
[3] Д. А. Пещуров. Китайско-русский словарь по графической системе. СПб., 1891.
[4] O. Rosenberg. Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System. Tokyo, 1916.
[5] В. С. Колоколов. Краткий китайско-русский лексикон. МИВ, 1927, IX, 207 стр.; его же. Краткий китайско-русский словарь по графической системе. М., 1935, 687 стр.
[6] Китайско-русский словарь, под ред. проф. И. М. Ошанина. ИВ АН СССР. М., 1952, 890 стр.; 2-е изд., 1955, 898 + 204 стр.

В. П. Васильев, будучи, несомненно, крупнейшим знатоком китайского языка, отнюдь не стремился быть монополистом в этой области и искренне радовался появлению новых работ. Так, в связи с выходом в свет китайско-русского словаря, составленного Палладием Кафаровым и П. С. Поповым [1], В. П. Васильев опубликовал рецензию в газете, в которой с подлинной гордостью русского ученого-патриота писал: «Лексикон, да еще китайско-русский и притом самый лучший из всех когда-либо издававшихся европейскими синологами — разве это не важное событие в ученом мире?! И как должны были мы гордиться этим. . . Едва ли в Европе нашелся бы синолог, который высказал в своем лексиконе такую разнообразную начитанность. Мы сказали уже, что у нас всегда были солидные знатоки китайского языка, труды наших ученых не раз переводились на европейские языки и служат даже до сих пор предметом ссылок для тамошних ученых [2].

В. П. Васильев с большим интересом относился к изучению китайского языка. При этом он неоднократно выступал в его защиту, так как во времена В. П. Васильева среди европейских синологов (Гумбольдт и другие) было распространено мнение, что китайский язык является особым языком, не имеющим никакой связи с другими языками, что он живет «какой-то особенной, не подходящей под общие законы человеческой речи, жизнью» [3].

Иными словами, западные синологи пытались доказать, что китайский язык — это особый язык, отличающийся бедностью словарного фонда, что в нем отсутствуют части речи, и, следовательно, отсутствует грамматика [4].

---

[1] «Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым». Пекин, типография Тук Вэн-гуань, 1888, в 2 томах.

[2] В. П. Васильев. Китайско-русский словарь (см. вырезку из газ. в Б-ке ИВ АН СССР, шифр В $\frac{\text{CXXI}}{29}$). Еще до того, как словарь был издан, В. П. Васильев в частном письме (без даты) П. А. Дмитревскому писал: «Павел Степанович (Попов. — *Н. П.*) прислал мне свой лексикон. По мере печатания, будет, видно, большой и очень полезный и делающий России честь труд, хотя без некоторых капризов он был бы еще лучше» (ИВ АН СССР, Архив востоковедов, ф. № 14, ед. хр. 9).

[3] В. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 85.

[4] Начиная с первых европейских работ о китайском языке (John Webb «An historical Essay Endeavoring a Probability that the Language of the Empire of China is the Primitive Language. London, 1669) и кончая работами современных европейских синологов (Карлгрена, Масперо и др.) за редким исключением отрицалась грамматика в китайском языке. Так, во времена В. П. Васильева было широко известно среди синологов

Все эти рассуждения о китайском языке объяснялись прежде всего слабостью западноевропейской буржуазной синологии и ограниченностью буржуазной лингвистической науки вообще.

В. П. Васильев со свойственной ему прямотой и резкостью критиковал эти распространенные в Европе «теории» о китайском языке, который он, наоборот, считал заслуживающим большего внимания, ибо этот язык «представляет еще обширное неразработанное поприще»[1], при этом «китайский язык что-нибудь да значит в общей филологической науке», и «не было ли это скорее шарлатанством, которое хотело скрыть свое невежество голословным указанием, что «китайский язык не принадлежит де к области других языков и что о нем не стоит говорить»[2].

Выступая против тех, кто считал, что в китайском языке отсутствует грамматика, В. П. Васильев, наоборот, утверждал, что китайский язык имеет грамматику, и это он доказывал в ряде своих работ.

Еще в августе 1841 г., будучи в Китае, В. П. Васильев записал в своих дневниках: «С некоторого времени меня особенно занимает метод изучения китайского языка. . . китайская грамматика должна нас так познакомить с духом составления (иероглифов. — *Н. П.*), что после хорошего навыка и знакомства, по ее правилам, могли безошибочно не только угадывать смысл нового знака, но даже уметь прочитать его»[3].

В одной из своих неопубликованных статей он писал, что «человек везде человек и если одинаково устроен мозг китайца, как и европейца, то можно ли допустить, чтобы у первого не было в голове грамматики, и особливо, когда он мыслит и выра-

---

письмо Вильгельма Гумбольдта, написанное им в 1826 г. французскому синологу Абель-Ремюза. В этом письме Гумбольдт писал: «В китайском языке смысл контекста есть база для понимания и из него зачастую должен выводиться грамматический разбор. Даже глагол можно узнать только по его глагольному значению. К китайскому языку никак не применим метод, обычный при занятиях классическим языком, когда розыскам слов в словаре предшествует грамматическая работа (т. е. морфологический разбор) и анализ конструкций» (цит. по А. А. Драгунову. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, стр. 19). Недалеко ушли от Гумбольдта и современные европейские синологи. Так, Карлгрен (см. «The Chinese Language and Essay on its Nature and History», New York, 1949) утверждает, что «в китайском же языке грамматический анализ гораздо менее эффективен для понимания текста. Единственное, что тут действительно принесет пользу, — это опыт, приобретенный в результате экстенсивного чтения, чувство того, как китайцы строят свои предложения».

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 57.

[2] В. П. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 103.

[3] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

3
40

Страница из неопубликованной работы В. П. Васильева «О свойствах китайского языка»

жает свои мысли целые тысячелетия»[1]. В своей популярной работе по истории китайской литературы он еще более резко и возмущенно писал: «Что касается до грамматики, то ходячее мнение, что в китайском языке нет ни склонений, ни спряжений может приводить в изумление только недумающих. . . Можно ли допустить, что без склонений нельзя сказать и понять слова: дом отца, люблю отца, скажу отцу и проч., — даю, дам, дал и т. д. Поверьте, что и китаец без склонений и спряжений может иметь те же понятия. . . У него есть множество слов как для выражения падежей и времен, так и производных глаголов, и если б я не сказал выше, что многие слова, повидимому, различные, суть видоизменения одного и того же корня, то сказал бы теперь, что китайский язык принадлежит к самым богатым и, между тем, неиспорченным языкам на свете»[2].

В другой своей работе он вновь утверждает, что «китайский язык, считаемый бедным, надобно считать одним из богатейших, потому что он располагает большим количеством вспомогательных глаголов. . .»[3]

Убедительные доказательства, приводимые В. П. Васильевым в подтверждение своей точки зрения на китайский язык, наносили сильные удары по реакционным теориям некоторых европейских синологов[4].

Защищая китайский язык от пренебрежительного отношения к нему, В. П. Васильев иногда сам впадал в ошибку, называя его древним языком, который «сохранился до нас в целости»[5], языком «первообразным», в котором сохранились следы речи человека ранней эпохи[6].

Несмотря на некоторые ошибки, В. П. Васильев тем не менее близок к правильному пониманию процесса развития языка

---

[1] В. П. Васильев. О свойствах китайского языка. Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 25.

[2] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 12.

[3] В. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 94.

[4] В ряде вопросов, касающихся китайского языка, В. П. Васильев стоял намного выше не только современных ему, но и современных нам европейских синологов, таких, как Карлгрен, который утверждает, что неизменяемость основы или отсутствие окончания слов делают китайский язык «до крайности сжатым и скудным» (указ. работа) или Масперо, заявляющий, что «китайский язык по богатству далек от языка французского или английского» (см. его «La langue Chinoise; Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris, 1934).

[5] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 12.

[6] В. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 103.

и его письменности, т. е. что развитие языка и письменности неразрывно связано с развитием общества, с историей народа, который является творцом и носителем этого языка. Так, анализируя древнюю китайскую литературу, В. П. Васильев указывал, что развитие письменности шло вслед за развитием устной речи от простого к сложному. «Хотя бы, — писал он, — весь человеческий язык произошел из корней, выражающих впечатление на нас видимых предметов, т. е. как будто из глаголов, но в письме видимые предметы, т. е. изображения существительных, должны были предшествовать глаголам. Слова: жарить, ходить и т. п. в письменности появились уже тогда, когда появились изображения мяса и огня (комбинация мяса на огне составила «жарить»), правой и левой ног. Мы полагаем, что все корни языка состояли только из слов, обозначавших движение их жизни. Таким представляется в главных чертах китайский язык в своих корнях — мысль человеческая росла и придавала этим корням, даже без суффиксов и префиксов, разнообразные значения»[1].

Однако В. П. Васильев, как мы уже видели выше, мог высказать в одной и той же работе совершенно противоположные точки зрения. Так, например, утверждая самобытность китайской письменности и относя ее возникновение к эпохе Чжоу (XII—XIII вв. до н. э.)[2], он в то же время, следуя за Дегинем[3], допускал и другое, что «китайское письмо произошло от египетского»[4], или если оно и развивалось самостоятельно, то все же «китайцы после не могли не познакомиться с Египтом»[5]. Все это, конечно, не больше как догадки, не имеющие под собой реальной почвы.

Характеристика В. П. Васильева как филолога была бы, однако, незаконченной, если бы мы не коснулись его филологических изысканий в других восточных языках. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь некоторые работы, свидетельствующие о большом и глубоком знании восточных языков, что позволяло Васильеву заниматься сравнительным языкозна-

---

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 26.

[2] Там же, стр. 59.

[3] Дегинь (De Guines), сравнивавший китайские иероглифы с египетскими, пришел даже к выводу, что китайцы это те же египтяне, в древности поселившиеся на территории Китая.

[4] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 15 (эту же мысль он повторяет и в работе «Анализ китайских иероглифов», ч. I, изд. 2, 1895, стр. 26—27).

[5] Там же, стр. 15.

нием. Так, например, в работе «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» ученый дает сравнение языков маньчжурского, монгольского, татарского и других с китайским, показывая взаимное влияние и обогащение словарного запаса этих языков. Можно спорить по ряду выводов, которые были сделаны В. П. Васильевым, но несомненно одно, что, совершив в те времена попытку установить связь между китайским и другими восточными языками, ученый нанес удар взглядам некоторых западноевропейских ученых-филологов об изолированности китайского языка, якобы, «не имеющего никакой связи с другими языками, живущего какой-то особенною, не подходящею под общие законы человеческой речи, жизнью» [1].

Большую работу В. П. Васильев проделал совместно с академиками В. Радловым и К. Залеманом по разработке научной фонетической транскрипции для передачи звуков ряда восточных языков. Эти три крупнейших русских ученых-востоковеда в 1887 г. составили «Общелингвистическую азбуку» [2], основанную на русской графике, которая могла бы заменить выдуманные каждым ученым транскрипционные знаки для передачи звуков чужого языка. В приложении к «Записке о необходимости установления основной азбуки для фонетической транскрипции текстов инородческих языков, существующих в Российской империи» [3], представленной упомянутыми академиками Историко-филологическому отделению Академии наук, та часть, которая касается транскрипционного алфавита для маньчжурского, монгольского и тибетского языков, была составлена В. П. Васильевым.

Наконец, необходимо упомянуть составленные В. П. Васильевым учебные пособия по маньчжурскому языку, как, например, «Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания» [4] и «Маньчжурско-русский словарь» [5].

---

[1] В. П. Васильев. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским, стр. 85.

[2] В Европе существовала система «Standart-Alphabet» Лепсиуса. (Lepsius. Standart Alphabet for reducing unwritten languages and foreign graphic Systems to a uniform orthography in European letters. London, 1863), основанная на латинских буквах.

[3] В. П. Васильев, В. В. Радлов, К. Г. Залеман. Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв. Тип. Имп. Ак. наук, 1888, 79 стр.

[4] Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная профессором С.-Петербургского университета Васильевым. С.-Петербург, 1863, 223 стр.

[5] Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов профессором Санкт-Петербургского Университета В. Васильевым. С.-Петербург, 1866, 134 стр.

Таким образом, подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что В. П. Васильев в области изучения китайского языка внес ряд новых положений: во-первых, китайский язык отличается богатством основного словарного фонда; во-вторых, в китайском языке существует морфология; в-третьих, между фонетикой, морфологией и письменностью существует теснейшая связь; в-четвертых, в китайском языке существует своя грамматика. Наконец, создание В. П. Васильевым первого словаря по графической системе, как уже было отмечено, послужило началом создания основанных на этом принципе новых словарей. Кроме того, В. П. Васильевым внесен также определенный вклад в дело изучения маньчжурского, монгольского и других языков.

* * *

В. П. Васильев был первым русским историком китайской литературы. Он начал интересоваться ею еще будучи в Китае. «Книги, мертвые наставники, всегда заслуживают большего вероятия, чем живые люди, которые их писали», [1] — отмечал он в своих дневниках.

Во время своего пребывания в Китае В. П. Васильев с большой любовью и тщательностью подбирал китайскую литературу для отправки в Россию. Друг и наставник В. П. Васильева — О. М. Ковалевский писал, что от В. П. Васильева не ускользали «ни классические книги, ни поэмы, ни повести, ни романы, не говоря уже об учебниках для языкознания» [2].

По возвращении в Россию В. П. Васильев впервые (в 1851 г.) ввел в Казанском университете курс лекций по истории китайской литературы. Это был совершенно самостоятельный предмет, который давал ясное представление об огромной вековой культуре Китая. Именно русскому ученому принадлежит честь создания впервые в истории китаеведения в России и за границей учебного курса истории китайской литературы, а также первой в мире книги по истории литературы Китая. Лишь 40 лет спустя после этой работы В. П. Васильева в Западной Европе появилась «История китайской литературы» Джайлза [3]. Однако Джайлз вместо своей оценки китайской литера-

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 38/2.

[2] Черновик письма О. М. Ковалевского к неизвестному высокопоставленному должностному лицу, хранящийся в Архиве востоковедов ИВ АН СССР, фонд 29, ед. хр. 2/623.

[3] H. G i l e s. A History of the Chinese Literature, London, изд. 1, 1901; изд. 2, 1931.

туры «посвятил, — как он писал в предисловии, — большую часть этой книги переводам, давая право китайским авторам, поскольку позволяет перевод, говорить самим за себя»[1].

Что же касается В. П. Васильева, то он был едва ли не первым европейским ученым, критически подошедшим к китайским источникам и особенно к толкованиям китайских комментаторов на древние литературные памятники Китая. Более того, в своих работах по истории китайской литературы он выступал против тех западноевропейских синологов, которые «готовы не только принимать наслово все, что встретят в китайских книгах, но даже защищать то, в чем сомневаются сами интеллигентные китайцы»[2].

До появления первой печатной работы В. П. Васильева по истории китайской литературы[3] в Европе и в России существовали лишь каталоги китайских книг, хранившиеся в столичных библиотеках Европы или частных коллекциях. Кстати, в то время в Европе «самой значительной», по выражению А. Уайли в его «Заметках о китайской литературе»[4] коллекцией китайских книг считалась С.-Петербургская, хранившаяся в библиотеке Азиатского департамента[5].

В 1867 г. вышла в свет упомянутая выше книга А. Уайли. Это — аннотированная библиография, представляющая собой сухой перечень книг, приведенных в известном китайском каталоге «Сы-ку цюань-шу и цзун-му»[6].

Все эти работы ни в какой степени не могли претендовать на название истории китайской литературы, поскольку они

---

[1] H. Giles. A History of the Chinese Literature. Предисловие.

[2] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 24—25.

[3] Такой работой мы считаем «Записку о восточных книгах в С.-Петербургском университете». «Русский вестник», т. XI. М., 1857, стр. 305—343 (далее: Записка о восточных книгах).

[4] A. Wylie. Notes on Chinese Literature with Introductory Remarks on the Progressive Advancement of the Art and List of Translations from the Chinese in to Various European Languages. Shanghai, 1867; Peking, 1922, 1939.

[5] В 1843 г. был опубликован список этих книг, называвшийся: «Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, манчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента». С.-Петербург, 1843, 102 стр.

[6] Этот каталог составлен по 4 отделам: 1. *цзин* — так называемые канонические классические книги с комментариями на них; 2. *ши* — исторические и историко-географические сочинения; 3. *цзы* — философские сочинения, а также литература по естествознанию, медицине, математике, астрономии, военному делу, праву и т. д.; 4. *цзи* — произведения художественной литературы.

давали только перечень существующих коллекций китайских книг без анализа их содержания и оценки значения.

В 1855 г. В. П. Васильев начал читать курс истории китайской литературы на факультете восточных языков Петербургского Университета, а в 1857 г. он опубликовал «Записку о восточных книгах», которая явилась прообразом упомянутого «Очерка по истории китайской литературы», вышедшего в 1880 г. Уже эта краткая «Записка», впервые напечатанная в переводе на французский язык в «Записках Российской Академии Наук»[1], а затем перепечатанная в Париже, значительно отличалась от предшествовавших ей каталогов китайских книг. В ней не просто перечислялись хранившиеся в библиотеке Петербургского университета китайские книги, а давался анализ им в историческом аспекте. Впервые в истории китаеведения они рассматривались критически.

В 1888 г. был издан курс лекций по истории китайской литературы, называвшийся «Материалы по истории китайской литературы»[2], в которых В. П. Васильев рассматривает историю литературы и дает анализ трем философско-религиозным системам: конфуцианству, буддизму и даосизму, идеи которых пронизывают всю древнюю литературу Китая.

Что же касается «Очерка истории китайской литературы», то, как писал В. П. Васильев во введении, он представляет «не извлечение из трудов других европейских ученых, а сжатое сокращение собственных статей и записок, приготовлявшихся и приготовляемых. Источником для этих лекций служили мне преимущественно только китайские книги; почти ни одно из тех сочинений, о которых я говорю здесь, не миновало моих рук»[3].

Отмечая, что «Китай имеет обширную историю, какою не может похвалиться ни одна страна, на таком огромном пространстве места и времени»[4], В. П. Васильев также считал, что и китайская литература имеет обширную историю. «Китайская литература, — писал он, — не может быть поставлена на ряду с исчезнувшими литературами древнего мира. . . она, конечно, превосходит их и по объему и по разнообразию захваченных ею предметов. То же самое можно сказать и о сравне-

---

[1] «Mélanges asiatiques», т. II, 25, Janvier, 1856 г.; на русском языке «Русский вестник», 1857, т. XI, № 18, стр. 305—343.

[2] «Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского императорского университета В. П. Васильевым». Литогр. изд. СПб., 1888, 387 стр.

[3] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 4.

[4] В. Васильев. Записка о восточных книгах, стр. 333—334.

нии ее с литературами мусульманского мира или всего средневекового периода западных европейских народов»[1].

Во всех работах, написанных В. П. Васильевым по истории китайской литературы, он дает высокую оценку ее правдивости. «Надобно знать китайскую литературу, — писал он, — чтобы видеть, как много китайцы разрабатывали общечеловеческие вопросы, углублялись в смысл каждой буквы тех книг, которые их затрагивают. Гуманность, правда, порядок, развитие умственных сил, честность — вот самые существенные вопросы китайских теорий»[2].

В «Очерке истории китайской литературы» В. П. Васильев стремился показать эти стороны китайской литературы, при этом он подвергал резкой критике всевозможные напластования комментариев ученых конфуцианцев, затемнявших или вообще скрывавших истинный смысл, заключенный в таких замечательных произведениях народного творчества, как, например, песни, собранные в «Ши-цзине» — «Книге песен», или в игнорируемых теми же конфуцианцами произведениях художественной литературы и т. д.

В «Очерке», как и в «Материалах», В. П. Васильев много места уделяет конфуцианству, наложившему отпечаток на всю общественную жизнь китайского народа. И это правильно, так как без знания конфуцианского учения, как и даосизма и буддизма, невозможно понять и характер китайской литературы.

В. П. Васильев различал вполне правильно конфуцианство двух периодов: раннее, существовавшее до ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 н. э.) и позднее конфуцианство, которое «из демократического и революционного учения превратилось в эластичное и податливое для того, чтобы взять правительство в свои руки»[3].

Заслуга раннего конфуцианства заключалась, как об этом писал В. П. Васильев, в том, что Конфуций был первым, кто извлек из административной сферы умение писать, усовершенствовал это умение и передал его в народ, и что, несмотря на техническое несовершенство письма, он научил писать все слова, которые были в китайском языке и даже в различных его наречиях [4].

---

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 1.

[2] В. Васильев. Современное положение Азии, стр. 10.

[3] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 52.

[4] Исследования современных китайских ученых подтверждают отмеченные В. П. Васильевым заслуги раннего конфуцианства (см. беседу Президента Китайской Академии наук Го Мо-жо с научными работниками Академии наук СССР в июле 1953 г. Вестник АН СССР, 1953, № 7).

Что же касается конфуцианства позднего периода, то оно в области политики и культуры и, в частности, литературы предпринимало все возможное, «чтобы достигнуть того, к чему стремились и другие: первенства, почета, захвата власти в государстве»[1].

В. П. Васильев справедливо считал, что между господствующими классами феодального общества Китая, в частности, их представителями — конфуцианцами и народом существовал антагонизм, который «станет понятным, если мы обратим внимание на то, как ревниво оберегает конфуцианство захваченную им власть над умами; оно как будто и не религия, а между тем никакая религия не сумела показать и доказать, что можно держать народ две тысячи лет в замкнутом кругу известных идей»[2].

В том же «Очерке», а также в «Материалах» В. П. Васильев особо рассматривает даосизм и буддизм и их влияние на духовную культуру Китая.

Затем В. П. Васильев рассматривает классическую литературу, которая служила как бы руководством в быту и общественной жизни Китая.

В первую очередь В. П. Васильев исследует канонизированную древнюю литературу и особенно много места уделяет «Ши-цзину» — «Книге песен», которая, по его мнению, является сборником древнекитайского фольклора. Надо заметить, что народный характер «Ши-цзина», особенно первой его части («Го-фэн») до сих пор оспаривается некоторыми европейскими синологами [3].

В. П. Васильев же рассматривает отдел «Го-фэн» как собрание народных песен. «Мы имеем здесь песни, — писал он, — которые, сохраняя местный гений, гений китайского народа, в то же время свидетельствуют, что и китайцы некогда походили на прочих людей своими страстями и слабостями, что они были откровеннее, пока милые учителя (т. е. конфуцианцы. — *Н. П.*) не научили их из их же собственных песен сделаться ипокритами»[4].

---

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 78.

[2] Там же, стр. 156.

[3] Так, например, Масперо придерживается конфуцианского утверждения о том, что первая часть «Ши-цзина» — «Го-фэн» — это придворная поэзия, импровизирующая народные мотивы, являющиеся для поэта своеобразной маскировкой при изложении всех тонкостей дворцовых интриг (Maspero Henri. La Chine antique. Paris. E de Boccard, éditeur, 1927. 431 p.).

[4] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 32.

В примечаниях к переводу «Ши-цзина» В. П. Васильев высказывает ту же мысль:

«Песни составлялись народом, и нам приятнее в них встретиться с людьми, а не с замаскированными ханжами, нам интереснее узнать, что и в китайцах было некогда простое, родное и нам, человеческое сердце, те же чувства, те же страдания и радости, что и у нас. И хотя бы все стихи Ши-цзина, чего, конечно, никак нельзя допустить, были составлены даже при Ханьской династии, так и то слишком двухтысячелетняя древность должна возбуждать в нас интерес и уважение!»[1].

Исследования по истории древней китайской литературы, проделанные современными учеными[2] Китая, подтверждают, что эти песни отнюдь не произведения придворных поэтов, а народная поэзия. Из этого следует, что точка зрения В. П. Васильева на историю китайской литературы была более правильной, чем мнения европейских ученых не только того времени, но и некоторых синологов XX в.

Высоко оценивая художественно-литературное и историко-познавательное значение «Ши-цзина» — этого древнейшего памятника народного творчества, В. П. Васильев пишет в «Примечаниях к Ши-цзину»: «Нам нечего говорить здесь о значении народной песни, записанной в такую отдаленную эпоху; по ней мы лучше всяких диссертаций можем судить о быте и чувствах народа. . . эти песни лучше всего свидетельствуют о единстве китайской нации, несмотря на то, что она разошлась по различным местам, попала в руки особых правителей»[3].

Еще шире он рассматривает «Ши-цзин» в «Очерке»: «Этот краткий очерк уже одного первого отдела показывает какой высокий интерес представляет «Ши-цзин» с чисто общечеловеческой стороны. Имеем ли мы для такого отдаленного периода, хотя бы принять и век Конфуция, у какого-нибудь другого народа такое живое и ясное выражение обыденных чувств, всего того, что занимало народ, эту так называемую сермяжную братию в ее обыденной жизни? А главное: интерес народных песен состоит в том, что почти все они представляются в различных царствах вариантами одних и тех же сюжетов — замечание,

[1] Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева. СПб., 1882, стр. X—XI.

[2] См., например, работу известного историка китайской литературы — Чжэн Чжэнь-до. «Чжунго су вэньсюэ ши» — «История простонародной литературы». Из серии «История китайской культуры». Шанхай, 1938 (2 тома). Новое издание этой работы выпущено в Пекине в 1954 г. издательством «Писатель» (2 тома).

[3] Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева, стр. IV.

совершенно упущенное комментаторами, а без него и выходит вся путаница толкований»[1].

В другой, более ранней, работе В. П. Васильев отмечал, что Ши-цзин, «или книга стихотворений есть дополнение к истории народа, как свидетельство нравов и церемоний»[2].

В. П. Васильев высказывал также мысль, что входящие в состав памятника оды включены туда значительно позднее, потому что «язык их уже отчетливее и совершеннее. . .»[3]

Можно соглашаться с доводами В. П. Васильева или отвергать их, но несомненно одно, что его путь изучения древних литературных памятников был правилен, ибо, как говорил он сам: «Речь народная раньше всех ученых создает эти памятники»[4], и что «мы обязаны иметь больше всего в виду самый текст, стараться подойти к нему как можно ближе и тогда уже принимать в расчет толкования»[5].

Мы остановились подробно на взглядах В. П. Васильева на Ши-цзин потому, что в исследовании этого литературного памятника проявились его взгляды как ученого — историка литературы. «Конфуцианцы могли гордиться, — писал он, — что они дали историю своим соотечественникам, но ведь в истории действовали не они, а участвовала вся нация — историю не сочиняют. . .»[6]

Именно поэтому он призывал ученых китаеведов к изучению народного творчества. «Очень интересно было бы, — писал он, — чтобы кто-нибудь обратил внимание и на нынешние песни китайцев. Кажется, их до сих пор никто, даже по печатным источникам, не разрабатывал. . . На китайских педантов полагаться нечего; им все нипочем, они не хотят знать народ, а хотят, чтобы народ только учился по их книгам»[7].

В. П. Васильев сожалел о том, что «народная литература остается без поддержки, без улучшения»[8].

Наряду с правильными мыслями в работах В. П. Васильева есть и неверные выводы. Известно, что он многое подвергал сомнению, особенно, когда дело касалось памятников древней

---

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы стр. 33.
[2] В. П. Васильев. Записка о восточных книгах, стр. 326.
[3] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 51.
[4] Там же, стр. 50.
[5] Там же, стр. 56.
[6] Там же, стр. 60.
[7] Там же, стр. 33.
[8] Там же, стр. 156.

литературы. Так, подвергая критике исторические сведения о происхождении и времени появления этих памятников, В. П. Васильев одним росчерком пера уничтожает эту литературу, говоря, что «вся древняя литература сводится к нулю» [1]. Столь слишком смелое утверждение, не подкрепленное достаточно серьезными аргументами, превратилось в голословное заявление.

В понятие «литература» в Китае входили четыре отдела, из которых четвертый отдел собственно и представляет то, что мы называем художественной литературой. Как раз эта-то литература в Китае почти до конца первой четверти XX в. считалась не заслуживающей внимания. В. П. Васильев отмечал, что китайские ученые никогда не сознавались в том, что читали роман или драму, хотя они читали и получали эстетическое удовольствие от чтения этих произведений. «Только классический педантизм, — писал В. П. Васильев, — развивает подобное выделение интеллигенции из народа, несочувствие к его радостям и горю»[2], тогда как такому педанту «именно следовало бы возвысить народную литературу и через нее народную жизнь»[3].

Как при рассмотрении «Ши-цзина», так и при оценке повествовательной литературы критерием для В. П. Васильева служил народный характер литературы. Так, он писал о китайском романе, «что «действительную жизнь и настоящий взгляд на нее можно узнать. . . не по конфуцианским книгам, которые развешивают жизнь человека по часам и дням. Только роман, даже не драма, потому что она не может дать тех же подробностей, знакомит нас вполне с этой жизнью» [4].

В. П. Васильев делит китайские романы на четыре вида: 1) чудесный, как роман «Шуй ху чжуань». — «Речная заводь», 2) исторический, как «Сань го чжи» — «История трех царств», 3) драма, лучшим образцом которой является «Си сян-цзи» — «История западного флигеля» и 4) «настоящий роман, в котором представляется внутренняя жизнь китайца, где клеймятся злоупотребления и пороки, но где часто под рукой еще в более заманчивых красках описывается разврат. Представителем романа считается обыкновенно «Цзин-пин-мэй»[5],

---

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 23.

[2] Там же, стр. 156.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 162.

[5] «Слива в золотом кувшине». Фактически три иероглифа, образующие название романа, представляют собой имена трех женщин-героинь романа: Пань Цзинь-лянь, Ли Пин-эр и Чунь Мэй.

но давно уже выше его несомненно стал «Хун-лоу мэн» («Сон в красном тереме»), представляющий при очаровательном рассказе в прозе вполне интересный сюжет, и правду сказать, мы с трудом можем отыскать что-нибудь подобное в этом роде в самой Европе»[1].

Однако В. П. Васильев выражал сомнение в вопросе о самостоятельном зарождении и развитии этой литературы. Так, касаясь китайской драмы, он писал, что «если даже не допускать прямого знакомства с греческим образованием и греческой славой. . ., то все-таки знакомство с драмой пришло через Индию»[2]. Что же касается романа, то и он «тоже отдаленно родственен или одолжен своим происхождением внешнему импульсу»[3].

В. П. Васильев очень ценил китайскую литературу. В одной из неопубликованных статей он писал об огромном литературном богатстве Китая, что это «богатство китайской литературы превышает все сохранившееся нам от древнего мира и доселе еще больше литератур многих европейских наций»[4].

В. П. Васильев считал, что в будущем китайская литература, при соприкосновении с европейской литературой, освободится от тисков конфуцианских идей, сохранив при этом свой национальный характер. Он писал: «Нет сомнения, что в недалекой будущности китайская литература обогатится и освежится в волнах европейской культуры и перенесет в свои недра все изгибы европейской мысли, европейского знания. Но и в таком случае новый период ее жизни не будет. . . разделен глубокой пропастью с ее прошлым . . .»[5]

Действительно, после известного в Китае «движения 4 мая»[6] в развитии китайской литературы произошел перелом в сторону ее демократизации. Особенно под влиянием русской классиче-

---

[1] В. П. Васильев. Записка о восточных книгах. «Русский вестник», т. XI, 1857, стр. 342.

[2] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 157.

[3] Там же, стр. 157.

[4] В. П. Васильев (О значении Китая). Архив АН СССР, 775, оп. I, ед. хр. 15.

[5] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 1.

[6] Этот день в Китае явился началом демократического движения, направленного против иностранного империализма и феодализма. В процессе этого движения произошла так называемая литературная революция, выдвинувшая литературу, написанную языком *байхуа*, более близким к народному языку, взамен эпигонской литературы на классическом языке *вэньянь*, принадлежавшей господствующим классам феодального общества.

ской и советской литературы современная китайская литература приобрела ярко выраженный демократический характер. Она глубоко реалистична и пронизана боевым духом народных масс Китая, и, вместе с тем, она сохранила свои национальные особенности.

* * *

Мы далеко не исчерпали многочисленных материалов, характеризующих В. П. Васильева как филолога. Однако уже на основе приведенных данных он представляется как крупнейший прогрессивный ученый-филолог прошлого века. В вопросах ли развития китайского языка или в вопросах истории китайской литературы В. П. Васильев всегда придерживался объективных взглядов. Он был врагом западноевропейских «теорий», принижавших роль и значение китайского языка и литературы в истории развития общечеловеческой культуры. Он рассматривал китайский язык как равный с языками других народов. Он считал, что литературное богатство китайского народа представляет собой сокровищницу, которая должна стать достоянием человечества.

Есть все основания утверждать, что вклад В. П. Васильева, внесенный в историю русского китаеведения и, в частности, в изучение китайского языка и литературы, велик и требует освоения. Но, соглашаясь с В. П. Васильевым, необходимо отметить, что его труды есть только «попытка проложить новый путь к ученым трудам по истории китайской литературы»[1]. которые еще должны быть созданы.

Несмотря на ряд недостатков, работы В. П. Васильева и по сей день представляют научный и познавательный интерес. Его графическая система китайской письменности, как мы уже отмечали выше, нашла свое воплощение в китайско-русском словаре, которым ныне пользуются китаисты. Его работы по истории китайской литературы, ставшие теперь библиографической редкостью, до сих пор остаются единственными на русском языке.

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ИСТОРИК

В своих обширных и разносторонних по тематике исследованиях, охватывавших почти все вопросы китаеведения, В. П. Васильев не мог оставить без внимания историю изучаемой

---

[1] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 4.

страны. Изданные труды ученого по вопросам истории Китая и сопредельных стран, многочисленные архивные материалы показывают его глубокую и большую работу в этой области.

Рассматривая В. П. Васильева как историка, мы ставим скромную задачу осветить наиболее важные, по нашему мнению, вопросы, показать теоретические взгляды В. П. Васильева в области истории в свете общего состояния исторической мысли в России середины XIX в., осветить подход ученого к первоисточникам и охарактеризовать его главные исторические труды, установив их место в китаеведении.

Изложить исторические взгляды В. П. Васильева в стройной системе, показав понимание им основных, узловых вопросов методологии истории затруднительно, так как его высказывания по этим вопросам весьма отрывочны, а иногда и противоречивы. К тому же они разбросаны по всем работам В. П. Васильева. Все это затрудняет характеристику его теоретических взглядов на историю. Лишь кропотливое изучение печатных работ и архивных материалов В. П. Васильева дает возможность в известной степени вскрыть историческую концепцию ученого.

Общеисторические взгляды В. П. Васильева отражали состояние исторической науки середины XIX в.

Как известно, до середины XIX в. в исторической науке господствовало реакционное дворянское направление, представителем которого являлся Карамзин. Его основной тезис «история народа принадлежит царю» был заложен в капитальном труде «Истории государства Российского». Выражая интересы крепостников-феодалов, Карамзин провозглашал незыблемость самодержавной монархии в России. Основные принципы этой официальной историографии поддерживали славянофилы. Они стремились доказать самобытный путь развития России в период революционных боев во Франции 1830, 1848-х годов и тем самым опровергнуть возможность революции в России. Приписывая русскому народу угодные господствующим классам «национальные» черты — религиозность, покорность и царелюбие, они были прекрасным оружием в руках сторонников реакционной теории «официальной народности», выдвинутой С. С. Уваровым, Ф. В. Булгариным. В историографии эта теория проводилась в работах М. П. Погодина, который видел задачу историка в показе того, что «российская империя может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного порядка»[1].

---

[1] «История исторической науки в России», т. I, стр. 312—313, 319.

Первая половина XIX в. характеризовалась новыми явлениями в развитии исторической мысли — это, с одной стороны, оформление буржуазной историографии, с виднейшим ее представителем — историком С. М. Соловьевым и, с другой — оформление революционно-демократического направления, основоположниками которого явились В. Г. Белинский и А. И. Герцен, продолжавшие традиции Радищева и декабристов.

И если первое направление отражало интересы буржуазных кругов русского общества, которые не мирились с крепостничеством, но боялись революции и выступлений народных масс, что, кстати, сближало их в этом с представителями дворянской историографии, сторонниками антидемократической, антиреволюционной линии, то второе — было выразителем интересов народных масс. Его характеризовало признание решающей роли народа в истории, глубокое понимание закономерности исторического процесса, развивавшегося на основе борьбы нового со старым [1].

Вторая половина XIX в. проходит в борьбе этих двух направлений. Эта борьба, несомненно, имела свое влияние на формирование взглядов В. П. Васильева, определяя точку зрения на основные вопросы истории вообще и Китая в частности, а противоречивость его взглядов в известной степени отражала эту борьбу.

Исследуя вопросы истории, истории литературы Китая, В. П. Васильев неоднократно в различных аспектах останавливался на роли народа в историческом процессе. Так, в одной из своих неопубликованных работ он ставил вопрос о значении народа, его труда для ученого.

«Обыкновенно, — пишет он, — ученый любит избранный им предмет; изучает-ли он самый народ или его произведения, он обыкновенно старается придать значение их человеку, их народу, их труду»[2].

Роль народа в истории В. П. Васильев неоднократно подчеркивал. Останавливаясь на смене династий в Китае, временами принимавшей калейдоскопический характер, он говорил, что «династии меняются, властители меняются, но народ остается тем же народом»[3].

Мы находим даже высказывания, которые говорят о том, что любое движение В. П. Васильев считал неудержимым,

---

[1] История исторической науки в России, т. I, стр. 315.

[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 15.

[3] В. П. Васильев. Воспоминание об И. И. Захарове, ЖМНП, 1885, ноябрь, стр. 13. Примечание.

если оно народное [1]. Такой подход, несомненно, являлся прогрессивным, сближал взгляды В. П. Васильева со взглядами революционных демократов и ставил его несравненно выше историков дворянского и буржуазно-либерального направлений, пренебрегавших народными массами.

Однако эти взгляды на роль народа в истории у В. П. Васильева сочетались с фактологическим изложением истории Китая [2], хотя это в известной мере оправдывалось тем, что на том этапе развития китаеведения накопление фактического материала все же являлось одной из основных задач. Но, даже излагая историю Китая как смену фактов и событий, ученый отдельными высказываниями показал, что не придает решающего значения роли личности. Так, останавливаясь на деятельности основателей государства Цзинь, монгольской и маньчжурской династий, В. П. Васильев говорил: «. . . Выступление на поприще Агуды, равно как Чингисхана и, впоследствии, маньчжурского Тайцзу и других есть необходимое следствие положения дел. . .»[3]

Это высказывание дает основание полагать, что появление таких личностей, как Агуда, Чингисхан, Тайцзу, В. П. Васильев считал вызванным историческими условиями.

В. П. Васильев не мог дать научного определения классов и говорить о классовой борьбе как движущей силе истории. Он близко подходил к пониманию социальной дифференциации общества, к вопросу о его классовой структуре. Но В. П. Васильев не мог подняться до понимания того, что в основе классового деления общества лежат отношения людей к орудиям и средствам производства. Он, как и просветители 60-х годов, социальные противоречия в обществе усматривал в существовании «богатых» и «бедных»[4], «большинства» и «меньшинства»[5].

В. П. Васильев приближался к правильному пониманию исторического процесса. Изучая историю Китая, ученый представлял себе этот процесс как смену определенных ступеней развития от родовых отношений к государственному строю, или, в его терминологии, «государственности»[6],

---

[1] В. П. Васильев. О преподавании восточных языков. «Восточное обозрение», № 7, 1886, стр. 15.

[2] В. П. Васильев. История Китая (литограф. изд.) б. д. и другие исторические труды.

[3] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии с X до XIII века. СПб., 1857, стр. 31.

[4] В. П. Васильев. Три вопроса. СПб., 1887, стр. 5.

[5] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, № 160 и др.

[6] Этот термин широко использовался в исторической литературе середины XIX в. и отождествлялся с понятием «государство».

и делал вывод о том, что история это не повторение одних и тех же явлений, что она есть движение, развитие. Отдельные его высказывания подтверждали это положение.

«Китайская практика не могла создаться вдруг, но была постепенным последовательным развитием. . .»[1], — писал он в адрес сторонников теории неподвижности и окаменелости Китая. Эту же мысль он высказывал, говоря, что «Китай переходит от прогресса к прогрессу»[2], и, наконец, он говорит о «постоянном развитии гражданской жизни Китая»[3].

В. П. Васильев считал создание государства целью деятельности людей. Однако двойственность его исторического мировоззрения нашла здесь выражение в том, что он не доводил своих рассуждений до понимания необходимости революционной борьбы с существующим порядком. Он считал всякую революцию «злом», но неизбежным, в силу того, что «большинство доходит до крайности. . . и ему ничего не оставалось делать, как бунтовать»[4]. Французскую революцию он принял отрицательно [5]. Восстания китайского народа квалифицировал как «разбойнические»[6].

Как увидим ниже, В. П. Васильев в вопросе о разрешении социальных противоречий смыкался во взглядах с «буржуазно-либеральным направлением» («государственная школа»), считая, что государство, как надклассовая организация, должно нивелировать эти противоречия, не допускать открытых выступлений народа. В этом выразилась теоретическая ограниченность и непоследовательность его взглядов.

«Когда люди не отличались от животных, можно положить, что они все жили одинаково, все были равны, хотя, разумеется, даже и тут физическая сила, возраст, пол ослабляют такое предположение. Как скоро один успел вооружиться палкой, на его стороне оказалось превосходство, другие должны были вооружиться тем же. Не для одной борьбы с природой стало служить оружие — оно обратилось и против себе подобных. Из-за чего люди могли враждовать между собой? Конечно из-за того, чтобы занять лучшее место, где больше удобств жить. Перестали довольствоваться дарами природы, нужно было трудиться, вражда усилилась. Сильные захотели заста-

---

[1] В. П. Васильев. Очерки истории китайской литературы, стр. 146.

[2] Там же, стр. 142—143.

[3] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, д. 131, л. 25.

[4] Там же, д. 165.

[5] Там же.

[6] Там же.

вить на себя работать слабых, старшие — младших. Потребности развились. Нельзя было всего захватить силой — явилась торговля. Явилось так же. . . (неразобранное слово.— *Авт.*) уменье работать больше, лучше, быстрее. В обществе появились неравенство классов, рабство; бедность сделалась достоянием большинства. Религия поспешила со своими утешениями, но собственно она укрепляла и оправдывала меньшинство. Только государственность могла стремиться к истинному уравнению классов»[1].

В других своих работах он не отходил от этой точки зрения и лишь подтверждал или развивал ее.

В неопубликованной статье «Инородцы-ли инородцы в Китае?» В. П. Васильев касался роли земледелия в образовании классов и государства.

«В ходе общего развития человечества земледелие есть дело нужды. . . Но земледелие приучает человека к труду, сплачивает своих сотрудников, для которых есть непременно завистники; оно развивает в них стремление к отысканию средств обороны от таких завистников, которые не прочь поживиться чужим добром. . . Земледельческий строй требует создать особые условия существования — является залогом, обуславливающим государственность. . .»[2]

Такая точка зрения на роль государства была характерна так называемой государственной школе в русской историографии XIX в., представителями которой были С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, И. Д. Кавелин и др. Эта школа оказала большое влияние на ряд историков. Несомненно, это влияние сказалось и на взглядах В. П. Васильева. Он считал, что только государство может уничтожить классовые противоречия, в этом он отходил от либерально-буржуазного направления в истории, представленного Т. Н. Грановским, утверждавшим, что целью исторической деятельности людей является государство, освященное церковью[3]. В. П. Васильев в противоположность этому утверждению говорил только о роли государства: «Государственность могла стремиться к истинному уравнению всех классов, религия могла проповедывать только братство, равенство, она уговаривала богатого делиться с бедным, но государственность может сделать это не только обязательным, — она должна иметь целью доставить бедняку средство, возвеличить большинство бедных. . . , равенство государственное не то что

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 27.
[2] Там же, ед. хр. 18.
[3] История исторической науки в России, т. 5, стр. 428.

религиозное. . . государственность должна бороться с бедностью и богатством. . .»[1]

Как видим, В. П. Васильев приписывал государству решающее значение в вопросе разрешения классовых противоречий причем придавал своим взглядам идеалистическую основу в духе гегельянства.

В. П. Васильев усматривал в климате страны, в устройстве ее поверхности почвы и других географических условиях важные определяющие факторы исторического развития. Однако он понимал всю сложность причин, определявших ход исторической жизни, и отрицал возможность объяснять все явления истории только из географических условий. Об этом он писал неоднократно.

В своем публицистическом труде «Три вопроса» он говорил:

«Утверждать, как делают некоторые, что формы землевладения в том числе и русские общины, зависят от географических (климатических) и этнографических условий, нам кажется очень странным.

Природа, действительно, может иметь влияние на род занятий человека, который окружен ею; так, в лесистых местностях человек является звероловом, в степях — кочевником, но ведь это первобытные, называемые дикими, формы человеческого общества; мы знаем, как там, так и здесь он может переходить к земледелию, если не препятствует почва и климат, последний имел влияние на земледелие только на выборе семян. Мы знаем, что Канада имеет сходство с Россиею по природе и климату. Отчего-же там не выработались те-же формы, как у нас? Да разве у нас не только в одной и той же губернии, но и в одном и том-же уезде не встречается и общинное, и частное и крупное и мелкое землевладение? Какая-же тут зависимость от природы и климата?»[2]

В. П. Васильев правильно ставил вопрос, считая, что географические и этнографические условия являются одними из постоянно действующих условий развития общества, но не являются определяющими. Он не понимал, да и не мог дойти до понимания того, что главной силой в системе условий материальной жизни общества является способ производства. Этот вопрос он разрешал идеалистически, считая, что направление развития всецело зависит от правительства и его деятельности [3], а основной силой прогресса в обществе является просвещение.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, № 160.
[2] В. П. Васильев. Три вопроса, стр. 38.
[3] Там же.

Вопросам развития просвещения В. П. Васильев уделял много внимания и для России, и для Китая. Причиной отсталости восточных народов он считал существовавшую систему образования, при которой преобладали бесполезные науки. Считая, что прогресс общества состоит в накоплении знаний, В. П. Васильев ратовал за развитие техники и промышленности.

В. П. Васильев, глубоко изучив историческую литературу Китая, с большой осторожностью подходил к источникам, придавая их достоверности огромное значение.

Изучая китайские источники, он считал необходимым не доверять слепо огромным фолиантам историй, но критически подходить к фактам, изложенным в них.

Он писал: «С первого взгляда на полное собрание китайской истории можно подумать, что в ней уже все сделано и что знающему китайский язык стоит только читать многотомные сочинения и извлекать из них машинально сведения, но на деле оказывается совсем не то. Кроме странного расположения, которое заставляет занимающихся перебирать все сочинения для того, чтобы получить полное понятие об одном каком-нибудь отдельном событии, кроме утомительного труда, кроме постоянного критического напряжения, которое однакож может открыть истину только при полном изучении предмета, историку сверх того постоянно представляются вопросы, которым он напрасно ищет разрешение, постоянно встречает он искажения, пропуски. . .»[1] Он не раз подчеркивал трудность в изучении этих источников. «...Каких трудов европейскому ученому стоит усвоение собственного воззрения в тех фактах, которые ему передают китайцы»[2].

Для В. П. Васильева было ясно, что подоплека фальсификации истории была политической и никакого беспристрастия у китайских историков он не видел.

«Но такие фокусы, — писал он, — которые позволяет себе делать правительство в отношении к исторической истине, бросают сильное подозрение на всю китайскую историю. Известно, что самыми лучшими объяснениями в этом роде считаются так называемые официальные истории. Дело истории всегда считалось в Китае делом государственным. Правительство, наследующее предыдущей династии, почитает своей обязанностью издать истории предшествовавшей, но это самое обстоятельство дает ему право высказать свое влияние на из-

[1] В. П. Васильев. Сведения о маньчжурах в эпоху династий Юань и Мин. СПб., 1863, стр. 5.
[2] Там же.

вестные факты. Потому уверение, что в Китае все делается беспристрастно, в отношении истории оказывается ложным»[1].

Политической стороне производимых искажений исторических хроник В. П. Васильев придавал большое значение и не раз писал об этом.

В труде «Сведения о маньчжурах в эпоху династий Юань и Мин» В. П. Васильев подробно коснулся этого вопроса на конкретных данных. При выяснении вопросов этногенеза маньчжуров он обратил внимание на отсутствие материалов по этой теме в династийной истории Мин.

«Но что за причина, что само маньчжурское правительство не старалось нисколько о собрании и сохранении подобных сведений — ясно видно, что здесь расчет чисто политический, что при Минской династии судьба маньчжуров была незавидна. . . надо было показать свое высокое происхождение, чего не было на самом деле, и этой фальсификацией упрочивали представление в своих подчиненных о превосходстве над другими династиями. . .» [2]

Критический подход к источникам он считал единственно правильным и главной основой всей научной работы. Видя фальсификацию китайских исторических трудов, он все же считал необходимым их использование.

«Китайская история более чем наполовину набита докладами или изустными мнениями и представлениями чиновников: оттого простой перевод ее покажется так безвкусным европейскому читателю. Но если б мы взглянули пристальнее, если бы глубже вникли в дух и жизнь китайской нации, то сколько жизни, борьбы идей открылось бы перед нами в этой истории. . .»[3]

Он одобрял и приветствовал критический подход к источникам и еще в молодые годы бичевал тех, кто слепо им доверял. Так, еще будучи в Китае, в 40-х годах прошлого столетия, он очень резко осудил работу Крымского «О конфуцианстве»: «Такое множество книг (о конфуцианстве. — *Авт.*), написанных в разные времена разными лицами и с разными целями, надобно было бы разобрать и обсудить наперед критически, или, по крайней мере, брать с разбором, судя, что идет и что нет, что вытекает из самого учения Конфуция и что — нет. Таким образом истолковать все противоречия, которые вы легко встретите»[4].

---

[1] В. П. Васильев. Сведения о маньчжурах, стр. 5.

[2] Там же, стр. 11—12.

[3] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 140.

[4] Архив АН СССР, ф. 775. оп. 1, ед. хр. 38/2. Пекинские дневники.

В. П. Васильев не создал капитального труда по истории Китая. Его изыскания в этой области внешне посвящены изучению сопредельных с Китаем стран. Однако тщательное изучение всех трудов ученого убеждает, что основные вопросы истории Китая были затронуты В. П. Васильевым в той или иной связи в самых разнообразных по содержанию работах.

В. П. Васильев явился преемником и прямым продолжателем дела Бичурина. Исторические изыскания и переводы не были для ученого случайностью. Он ясно представлял свои задачи в этой области. В предисловии к своему капитальному историческому труду, насыщенному богатым фактическим материалом, «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века», он на первых же страницах излагает эти цели: «Труды о. Иакинфа, кроме вышесказанного издания (т. е. «Сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — *Авт.*), «История четырех ханов из дома Чингисова», «История Тибета и Хухенора», «Описание Восточного Туркестана», представляют собрание всех главнейших материалов касательно страны и народов в ней живших на протяжении всего исторического времени, какие только имеются в китайских официальных историях. . . Но для всякого, сколько-нибудь знакомого с упомянутыми сочинениями очевидно, что между историей народов Средней Азии и эпохой Чингисхана находится пропуск на пространстве трех столетий. . . Итак: история Средней Азии доведена им только до конца Танской династии до начала X века. . . О. Иакинф передал (в «Истории Тибета и Хухенора») историю царства Ся, но оставил без внимания историю Киданей и сменивших их маньчжуров — чжурчженей . . Между тем история этих двух династий составляет один из важнейших факторов среднеазиатской истории, без них мы не поймем даже причины появления Чингис-хана и предводимых им Монголов. Потому. . . мы решились, по возможности, дополнить сказанный недостаток». . .[1]

Выполняя эту задачу, В. П. Васильев написал книгу «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века», чем сомкнул раннюю историю Средней Азии, данную китаеведению о. Иакинфом, с «Историей четырех ханов из дома Чингисова», им же написанной, т. е. с начальной историей первых монгольских правителей. Своей книгой В. П. Васильев ввел в научный обиход богатый конкретный материал по истории Китая и сопредельных стран.

---

[1] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, стр. 2—3.

Продолжая ту же линию, В. П. Васильев издал другой не менее ценный труд, ставший его докторской диссертацией: «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин»[1], где показал раннюю историю маньчжур, подойдя вплотную к истории маньчжурской династии, правившей в то время в Китае (1644—1911).

Таким образом, В. П. Васильев завершил начатую И. Бичуриным работу по истории народов, тесно связанных с историей китайского народа.

Эти две работы и до настоящего времени не потеряли своего научного значения не только для истории Китая. Они важны как источники для изучения истории народов Средней Азии X—XIII вв. киданей, чжурчжэней и государства тангутов и удачно дополняют «Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Бичурина.

Освещая историю маньчжурской династии, Васильев издал переводы из «Шэн-у-цзи»[2], в которых рассказывается об освоении маньчжурами сопредельных земель, и написал ряд мелких статей и заметок, тематически связанных с тем же вопросом, а именно «Приведение монголов к покорности в начале Дайцинской династии»[3], где дал много новых данных по истории монголов, «Записки о Нингуте»[4], «К хронологии Чингис-хана и его преемников»[5], «Русско-китайские трактаты»[6] и «Открытие Китая»[7].

В. П. Васильев занимался также вопросами археологии Китая. Им написаны статьи: «Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне»[8], «О снимке с китайской надписи, полученном Академией от российского консула в Кашгаре г. Петровского»[9]. «Записки о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр, близ устья Амура[10], «О китайской монете, найденной в деревне Булгарах на Волге»[11].

[1] Издана в 1859 г. СПб., отд. отт., изд. 1861.

[2] Примечания к I вып. «Китайской хрестоматии». СПб., 1897, стр. 98—143.

[3] ЗРГО, VI, СПб., 1883, вышла также отдельным приложением к III тому «Очерков Северо-западной Монголии» Г. Н. Потанина.

[4] ЗРГО, 1857.

[5] ЗВОРАО, т. IV, стр. 375—381.

[6] СПб., 1862, отд. отт. из «Северной пчелы» за 1861 г.

[7] Изд. журнала «Вестник всемирной истории». СПб., стол. тип., 1900.

[8] Сборник трудов Орхонской экспедиции III. СПб., 1897.

[9] Донесение, читанное на заседании ИФО 28 X 1886. СПб., 1887.

[10] Изв. Акад. Наук, 1896, т. IV, № 4, стр. 365—367.

[11] Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при императорском Казан ун-те, т. I, 1878, стр. 122—123.

Много работ В. П. Васильева по истории Китая остались неопубликованными. Архив ученого хранит обширные материалы по разным вопросам истории; эти материалы количественно уступают только буддологическим. Главные из них: «О народонаселении Китая» — по поводу работы И. И. Захарова «Народ и население Китая», «Биография Ван Ань-ши», «О торговле Китая в Кульдже, Чугучаке», «Записки о монголо-татарах» и другие многочисленные записи, черновые наброски, переводы, рецензии и т. п.[1] Каждая из названных работ вполне закончена и не напечатана, видимо, лишь по причинам, не зависящим от В. П. Васильева.

В своих исторических трудах В. П. Васильев много писал по вопросу о происхождении китайского народа, далеко опередив западноевропейское востоковедение, доказывая автохтонность происхождения китайцев. Вопреки утвердившимся в то время в науке точкам зрения, В. П. Васильев высказал мнение, что предки китайского народа не были пришлыми, а жили всегда на территории собственно Китая. Этого вопроса ученый касался во многих работах, но особенно отчетливо говорил о нем в «Очерках по истории китайской литературы» и в неизданной, весьма интересной работе «Инородцы-ли инородцы в Китае?», хранящейся в его архиве.

Опровергая существовавшую точку зрения и затрагивая вопросы общего порядка — об образовании китайского государства, о китайском феодализме, о древней китайской литературе и ее достоверности, В. П. Васильев приводил в указанных работах свои доказательства. «Сами китайцы, — говорил он, — любящие возносить свои рассказы в самую глубокую древность, хотя за миллионы лет, никогда и нигде не говорят, чтоб они прежде жили где-нибудь в другом месте»[2]. И далее:

«Нужно-ли необходимо предполагать, что в знаменитом изгибе р. Хуан-хэ, там, где она, после значительного течения на север (теперешняя Монголия), на юге круто поворачивает на восток, явился пришелец из дальних и чужих стран и завел там новый порядок, ввел образ жизни, совершенно несходный с окружающим бытом его. Эти перемены могли бы действительно привести к предположению, что новая личность, набравшись где-то вдали неизвестными на месте орудиями, с помощью их не только утвердилась самостоятельно, но даже подчинила,

---

[1] См. опись архивных материалов академика В. П. Васильева. Приложение 3.

[2] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 18.

если не власти, то по крайней мере влиянию, часть местных обитателей. . .»[1]

Для доказательства своей точки зрения В. П. Васильев, не располагая в то время археологическими данными, бесспорно доказывавшими автохтонность происхождения китайцев, основывался на данных хорошо изученной им древней китайской литературы.

Он приводил легенды Ши-цзина о Хоу-цзи и говорил:

«Хоу-Цзи считается изобретателем земледелия — нужно-ли непременно, чтобы дойти до него, прийти из далекого Запада?»[2]

Точка зрения В. П. Васильева ломала принятые в китаеведении взгляды на происхождение китайского народа. Поэтому она была полностью отвергнута почти всеми западноевропейскими учеными.

Современные достижения китайской археологии дают возможность доказать правильность взглядов В. П. Васильева об автохтонном происхождении китайцев. Китайская и советская наука считает, что культура китайского народа зародилась в долине реки Хуанхэ. Однако под влиянием этнических передвижений она явилась результатом сложного взаимодействия с культурой окружавших племен.

В. П. Васильев раздвинул хронологические рамки изучения Китая и значительно расширил источниковедческую основу китаеведения, введя в научный оборот новый материал по истории Китая. Однако, будучи представителем идеалистического направления в истории, оставаясь в рамках буржуазной исторической мысли, он до конца жизни оставался буржуазным ученым прогрессивного направления. Но это не отнимает у нас права считать его крупным историком-китаеведом.

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ГЕОГРАФ КИТАЯ

В многогранном творчестве В. П. Васильева особое место занимают труды по географии Китая, составляющие примерно одну четверть его печатных работ. Это обстоятельство дает основания поставить вопрос о значении географических трудов В. П. Васильева.

В. П. Васильев не имел специального географического образования, и если впоследствии он стал первоклассным географом, то только благодаря своему исключительному таланту и необычайной трудоспособности.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 18.

[2] Там же.

По мнению В. П. Васильева, география и история представляли собою единую, тесно спаянную цепь. Поэтому, объясняя различные географические явления, он нередко сопровождал их экскурсами в историю и, наоборот, излагая историю, опирался на данные географии. «Для того, чтобы исторические данные были точны и понятны, нужно прежде всего разработать географию, сперва новую, потом древнюю»[1]. Пользуясь неизменно этим методом в своих исторических трудах, В. П. Васильев хорошо сознавал сложность причин, определявших ход исторического развития и решительно восставал против попыток объяснять все жизненные явления только географическими и этнографическими факторами [2].

Географические работы В. П. Васильева выросли из потребностей университетского преподавания. Стремясь обеспечить слушателей необходимыми учебными пособиями, совершенно отсутствовавшими в те времена, он и приступил к изданию серии хрестоматий по китайскому языку, включив туда очерки по истории и географии Китая и снабдив их переводами и ценнейшими историко-литературными и географическими комментариями. Кроме того, им были написаны «Краткий очерк географии Китая», «Политико-географическое обозрение Китая», изданное в литографированном виде в качестве дополнения к первому выпуску китайской хрестоматии (1867—1868). «Краткий очерк географии Китая», в котором в сжатой, конспективной форме изложены основы географии этой страны, может служить образцом для всякого географа. В этой работе раскрывался широкий ум энциклопедиста, с возможной полнотой излагавшего географию страны в связи с историей ее изучения, подкрепляя последнюю обзором путешествий. Скупыми, но вместе с тем, яркими и живыми штрихами знакомит нас Васильев в «Очерке» с территорией Китая, орографией и гидрографией. В. П. Васильев не ограничивался только описательной географией: он постоянно вникал в самое существо вопроса и нередко высказывал критические и оригинальные суждения. Судя по объему и разнообразному характеру географических трудов В. П. Васильева, можно заключить, что интерес к географии не ослабевал у него всю жизнь.

Как известно, в 1858 г. к России был присоединен Амурский край, благодаря чему границы страны придвинулись непосредственно к северо-восточной части Китая — Маньчжурии. В связи

---

[1] Записки о Нингуте. Вестник РГО, кн. XII, стр. 79.

[2] В. В. Бартольд. Исторические и географические труды В. П. Васильева. «Известия Российской Академии наук», 1918, стр. 551.

с этим последовал ряд работ В. П. Васильева, посвященных этой стране. Важнейшей из них являлось историко-географическое исследование о происхождении маньчжуров «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин», которая впоследствии была представлена В. П. Васильевым в качестве докторской диссертации.

Несмотря на то, что эта работа принадлежала к категории исторических исследований, научно-критически разбиравших свод сведений о народах, обитавших с древнейшего времени в Маньчжурии, в ней немало и чисто географических данных; перечислены древнейшие города, описаны горы и реки.

В самой тесной связи с этой работой стоял другой труд В. П. Васильева — «Описание Маньчжурии», носящий страноведческий характер. К «Описанию Маньчжурии» В. П. Васильев присоединил в качестве дополнения свои «Записки о Нингуте», также содержащие богатый материал по географии юго-восточной Маньчжурии. Обе названные работы знакомят читателя с географическим и административным делением страны и дают подробные сведения о крепостях, городах и их населении, причем особое внимание отводится сухопутным и водным путям сообщения, по широко задуманному автором плану. Обе работы должны были явиться составными частями обширного общего описания Маньчжурии.

Используя китайскую классическую энциклопедию по гидрографии Китая «Шуй-хо жи-ган», В. П. Васильев составил «Описание больших рек, впадающих в Амур»[1]. Эту работу в 1894 г., еще до появления ее в печати, автор представил русскому генерал-губернатору Восточной Сибири, прося его проверить приводившиеся сведения практически. В своем представлении по этому поводу В. П. Васильев говорил: «Так как ныне течение Амура сделалось известным русским топографам, то мы можем уже оставить в стороне китайские источники, напротив, течение Сунгари, Уссури и Нонницзян до сих пор еще не исследованы и потому мы прилагаем в конце перевода китайское описание этих рек. . . Здесь скорее можно положиться на описание, составленное со слов местных жителей. Это описание тем и драгоценно, что показывает вместе с реками и направление горных хребтов»[2]. В небольшой статье «О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии»[3] В. П. Васильев

---

[1] Вестник РГО, 1857, ч. XIX, № 2, стр. 109—125; 1858, ч. XXIII, № 5, стр. 25—36.

[2] В. П. Васильев. Описание Маньчжурии, стр. 10.

[3] Вестник РГО, 1855, ч. XV.

Первая страница работы В. П. Васильева «Заметки по истории и географии Китая»

описывал извержение вулкана около г. Мергень, происходившее в 1721 г. Весьма характерным в этом описании явилось то, что для обработки данной, казалось бы, не столь важной темы, В. П. Васильев привлек разнообразные китайские источники, вплоть до записей очевидцев, и путем перекрестного сопоставления материала нарисовал яркую картину извержения. В небольшой по объему, но капитальной по содержанию статье «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях»[1], являвшейся вместе с тем первой печатной статьей В. П. Васильева, он дал определение Центральной Азии как страны «спертых вод, окруженной со всех сторон системами рек и озер, доходящих до океанов». Академик В. В. Бартольд по этому поводу говорил: «Даже в русской научной литературе приоритет такого определения приписывается Рихтгофену и то, что русским ученым было дано такое определение за 25 лет до появления труда Рихтгофена до сих пор не было отмечено»[2].

Наконец, третья категория географических трудов В. П. Васильева была тесно связана с его работой по истории буддизма. Здесь прежде всего надлежит отметить так называемую «Географию Тибета», переводное тибетское сочинение, написанное помощником Консисторского управления ламами и их монастырями в Пекине — Миньчжула Хутухтою (умер в 1839 г.). Книга являлась описанием путешествия Хутухты из Тибета в Китай и охватывала Индию и Непал. По форме изложения сочинение носило характер детально обработанного дорожника Интерес к этому сочинению возник у В. П. Васильева при исследовании вопроса о путях проникновения буддизма в Китай. С этой же целью В. П. Васильев привлек и другое сочинение того же автора по географии сопредельных с Тибетом окраин Индии (Непал), предполагая в дальнейшем сопоставить эти сведения с материалами из перевода «Си-юй-цзи» («Записки о западных странах») Сюань Цзана (602—664) и записок о буддийских странах монаха И Цзина (635—713). В географии Хутухты приведены сведения о Гималайских хребтах, реках, озерах, климате и пр. Однако следует указать, что перевод, местами дословный, являлся черновым. Заслугой переводчика являлись обширные исторические и филологические примечания, а также приведенные в нужных случаях тибетские и китайские адэкватные термины.

В. П. Васильев познакомил нас со смелой гипотезой китайцев о возможности соединения реки Тарима, бывшей ранее более

---

[1] Журнал Мин-ва нар. просвещ., ч. 73 (1852), отд. II, стр. 117—132.
[2] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 553.

полноводной, и Хуанхэ. «У китайцев существует с древнего времени поверье, что эта река (Тарим. — *Ред.*) есть не что иное, как верхнее течение их реки Хуанхэ». И далее: «Говорят, что эта река прежде протекала в середине Монголии и впадала в Восточный океан, но так как случилось, что китайцы и товгарцы проводили из нее каналы для орошения, то вода пресеклась. . . Известно, что и китайцы считают Тарим соединяющимся с р. Хуанхэ подземными путями, не обращая внимания на высоту последних. Но если вести тот же Тарим из Лоб-нора прямо на восток через озера Хас, Хара, Хуахайцзы, Соб-нор, Чанпанху, Юйхай, предполагая, что все они образовались, подобно Лоб-нору, от засорившихся речных русел, превратившихся в озера и что некогда все реки, образовавшие эти озера, впадали в Тарим, соединявшийся с Хуанхэ, в Ордосе, то на это мнение желательно было бы обратить внимание будущих путешественников»[1].

Параллельно с этим Васильев, кажется, первым высказал предположение о том, что реки нынешних Казахской, Киргизской и Узбекской республик в древние времена составляли единую водную систему р. Сыр-Дарьи, являясь ее притоками.

В. П. Васильев уделял большое внимание картографии Китая. Еще во время пребывания в Пекине он издал большую карту Китая на китайском языке, впоследствии переданную им в С.-Петербургский университет. Кроме того, он составил исторические карты Китая при 12 последовательных династиях. Этот труд, насколько известно, не был издан [2]. Впоследствии В. П. Васильев принимал участие в редактировании составленного З. Л. Матусовским «Географического обозрения китайской империи» и приложенной к нему специальной карты.

В «Очерке истории китайской литературы» в разделе «Сочинения по истории и географии» помещен небольшой, но весьма важный фрагмент по истории развития географической науки в Китае. В этой статье В. П. Васильев в самой сжатой форме дал критико-исторический анализ главнейших сочинений по географии и дал обзор литературы, оставленной пилигримами.

В связи с этим заслуживают особого внимания составленные В. П. Васильевым аннотации к богатейшему и уникальнейшему китайскому книжному фонду по всем отраслям китаеведения и, в частности, географии, хранящихся ныне в Библиотеке Восточного факультета ЛГУ (приложение к «Материалам по китайской литературе»). В эти аннотации, охватывавшие все сочи-

---

[1] В. П. Васильев. География Тибета, стр. 6. Примечание 1.
[2] В. П. Васильев Указ. соч., стр. 550.

нения указанного фонда, автор, кроме обычных библиографических аттестаций, включил критический анализ отдельных произведений и ценнейшие по своей содержательности комментарии, которые могут рассматриваться как практические дополнительные курсы китайской литературы и как географические пособия. Проаннотированную часть географического фонда составляет 125 названий, но сюда же, собственно говоря, следовало бы внести географические разделы исторических сочинений, а также статьи энциклопедий, представлявшие, по существу, самостоятельные географические очерки.

В ряду географических трудов В. П. Васильева особое место занимал перевод краткого «Дорожника члена Государственного совета (найда гьянь) Масыха в поход на север до границы». В нем описан маршрут следования отряда Масыха от Калгана до Гоби и далее к Цэцэн-ханской ставке, где произошло соединение отряда с основными войсками. Дорожник умалчивал о самих военных действиях и ограничился лишь сообщением кратких сведений о рельефе, климате, флоре и фауне на пройденном пути.

В заключение следует указать, что, кроме вышеперечисленных трудов, перу академика В. П. Васильева принадлежало еще некоторое количество более мелких статей и заметок, которые также можно отнести к циклу его географических работ [1]: «По поводу путешествия Гюка и Габэ в Тибет (1844—1846)»; «Критические отзывы о трудах путешественников Пясецкого П. Я. и Потанина Г. Н.»; «Воспоминания о Пекине»; «Предложение о выборе путешественника в Китай»; «Трава му-сюй»; «О падении Кульджи».

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУДДИЗМА

В. П. Васильев был не только крупнейшим знатоком Китая, но и выдающимся исследователем буддизма. Повидимому, интерес к буддизму пробудился у В. П. Васильева под влиянием известного монголиста О. М. Ковалевского, много занимавшегося буддизмом по монгольским источникам, и под воздействием монгольской литературы, которую читал В. П. Васильев для освоения монгольского языка, — литературы преимущественно буддийского содержания, непонятной без знания основ буддизма. Уже в самый ранний период научной деятельности Васильева вопросы изучения буддизма заняли главное место в кругу

[1] См. приложенную библиографию трудов В. П. Васильева.

Буддизм — его догматы, история и литература

1. Общее обозрение

Первая страница работы В. П. Васильева
«Буддизм, его догматы, история и литература», т. 1, изд. 1857 г.

его научных интересов, доказательством чего служат темы его диссертаций: кандидатская — «Дух Алтан Гэрэла» (1837) и магистерская — «Об основаниях буддийской философии» (1839).

Уехав в Пекин для усовершенствования в китайском и тибетском языках, Васильев принялся за систематическое и углубленное изучение литературы буддизма по китайским и тибетским источникам. В. П. Васильев под руководством местных знатоков языка прочитал огромное количество буддийских текстов, сделал извлечения из трудов по истории, философии и догматике буддизма и приобрел глубокие познания в этой сложной религиозно-философской системе.

В Пекине В. П. Васильев вчерне подготовил [1] многотомный труд под общим заглавием: «Буддизм. Его догматы, история и литература», который по замыслу автора должен был явиться своего рода энциклопедией буддизма. Вот что писал об этом сам В. П. Васильев в предисловии к первому тому: «. . . Предлагаемое здесь общее обозрение Буддизма составляет только малую часть всего мной написанного; это только введение к тем трудам, которые служили для него основанием, к трудам, которые имеют целью развитие и оправдание того, о чем здесь сказано коротко и часто в виде предположения. Таковы: 1) Буддийские догматы, изложенные в объяснении на терминологический лексикон Махавъютпатти. 2) Обозрение Буддийской литературы. 3) История Буддизма в Индии, перевод с тибетского сочинения Даранаты. 4) История Буддизма в Тибете. 5) Наконец, Путешествие Сюань-цзана в Индию (перевод с китайского). Все это не лишено внутренней между собой связи и обнимает все, что только можно желать знать о Буддизме» [2].

Когда в 1850 г. В. П. Васильев вернулся в Россию, он был уже вполне сложившимся ученым, создавшим к этому времени обширные работы, которые он надеялся издать в России во славу русской науки. Но на родине его ожидало полное разочарование. Он не только не встретил поддержки и поощрения, но не нашлось человека, который мог бы оценить значение его трудов, — «этот предмет так мало интересовал наших соотечественников» [3], — и не было учреждения, которое согласи-

---

[1] «Приготовленные мною материалы требуют еще тщательной отделки и поправок и пополнений. . .» Буддизм. Его догматы, история и литература, ч. I. Общее обозрение. СПб., 1857, стр. VI (в дальнейшем: Буддизм).

[2] Там же, ч. I, стр. IV.

[3] Там же, ч. III. История Буддизма в Индии, сочинение Даранаты, перевод с тибетского. СПб., 1869, стр. XII.

лось бы издать эти очень специальные труды, составлявшие целую библиотеку. Из этого ценнейшего материала В. П. Васильев с большим трудом смог опубликовать лишь «Общее обозрение»[1] да «Историю Буддизма в Индии»[2] — работы, навсегда занявшие почетное место в истории изучения буддизма. Но это была лишь малая часть его материалов и не она определяла значение В. П. Васильева, как специалиста по буддизму. Необходимо помнить, что он привез в переводах, выдержках и обзорах весь китайский канон буддийского писания, извлечения из громадного количества китайских и тибетских книг догматического, философского и исторического содержания — тысячи листов собственных рукописей. Эти работы остались неопубликованными и многие из них погибли [3].

В. П. Васильев опередил развитие науки о буддизме, и это явилось трагедией его жизни. Разочарованный, он писал: «Между тем время летит и с ним направление моих занятий все более и более обращается в ту сторону, которая не подает мне надежды, что я могу в скором времени заняться отделкой уже написанного; время летит и делает труды, которые могли казаться довольно свежими за несколько лет перед тем, запоздалыми и несоответствующими состоянию науки; изолированная деятельность ученого пропадает даром в безвестности и если дело касается славы русского имени, убеждения, что и русские могут со своей стороны сделать что-нибудь для науки, то тем более не заслуживает ли сожаления безвестная смерть многолетней деятельности. . .» [4]

Среди сохранившихся в архиве рукописных трудов В. П. Васильева наиболее крупным по объему является «Комментарий к Махавъютпатти — alias — Буддийский терминологический лексикон», который по замыслу В. П. Васильева должен был дать подробное толкование 9565 буддийских терминов, собранных в словаре Махавъютпатти. В архиве В. П. Васильева этот словарь сохранился в двух больших переплетенных томах, из которых первый имеет 1205 страниц автора, а второй — 922. Но не все страницы заполнены комментариями, многие десятки и даже сотни страниц оставлены пустыми и имеют лишь санскритские термины из Махавъютпатти с переводом на тибетский, монгольский и китайский языки. Однако количество готовых

---

[1] Буддизм, ч. I.
[2] Там же, ч. III.
[3] С. Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. «Известия Российской Академии наук», 1918, стр. 590.
[4] Буддизм, ч. I, стр. VI—VII.

статей, несмотря на указанные пробелы, все же очень велико, и большинство из них содержит (по крайней мере в деталях) сведения, до сих пор не использованные в европейской литературе по буддизму. Некоторые из статей дают почти сплошь новый материал не только для того времени, но и для настоящего [1].

Сохранилась также рукопись, названная «Обозрение буддийской литературы», состоящая из двух частей:

1) «Обозрение буддийской литературы по школам». Эта часть, составленная главным образом на основании сиддант Джамьян Шадба и Джанджа Хутухты, не закончена. В. П. Васильев успел написать лишь четыре главы: Хинаяна, Иогачара, Мадъямика и Виная, содержащие перечень санскритских трактатов, переведенных на тибетский и китайский языки, расположенных по указанным четырем рубрикам, с упоминанием имени автора и переводчика, числа глав и т. д. в каждом. Этого рода сведения о тех же трактатах и даже более точные имеются в каталогах Bunyiu Nanjio и P. Cordier, но более или менее подробные анализы или, по крайней мере, характеристики (в отделе Винаи) почти всех этих трактатов имеются только у В. П. Васильева [2].

2) Перевод с китайского аннотированной библиографии буддийского канона, составленной в 1654 г. монахом Чжисюй'ем 智旭, назвавшим свое сочинение Юе-цзан-чжи-цзинь 閱藏知津. Эта библиография содержит очень подробный анализ сочинений, входящих в состав китайского канона, о содержании которых и доныне почти ничего неизвестно и является важнейшим справочником, почти не имеющим себе равных по богатству материала [3].

Также представляет интерес рукопись «История буддизма в Тибете». Она занимает около 8 печ. листов и является сокращенным изложением преимущественно политических событий в Тибете до 1746 г., сделанным по второй части «Истории буддизма» Сумба Хутухты. К этому приложены еще подробнейшие хронологические таблицы (более 4 печ. листов), составленные Сумба Хутухтой и переведенные В. П. Васильевым на европейское летосчисление [4].

«Путешествие Сюань-цзана» также сохранилось в бумагах В. П. Васильева. Эта рукопись приблизительно в 25 печ. листов

[1] М. И. Тубянский. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского. «Доклады Академии наук СССР», 1927, стр. 59—64.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

Первая страница рукописи В. П. Васильева «Буддологический лексикон»

и заключает в себе полный перевод «Путешествия». Будь эта работа напечатана в свое время, честь опубликования первого перевода на европейский язык такого важного для науки произведения принадлежала бы русскому ученому. Сейчас же, после работ Биля, Воттерса и других, перевод В. П. Васильева представляет интерес только для истории русского востоковедения.

Надо думать, что многие бумаги, относящиеся к вышеперечисленным трудам, несомненно, пропали, но и то, что сохранилось, дает достаточное представление о той титанической работе в области изучения буддизма, которую выполнил В. П. Васильев.

Хотя В. П. Васильеву и не удалось опубликовать полностью все эти труды, но даже та небольшая часть их, которая смогла увидеть свет, имела огромное значение для науки. Его «Общее обозрение» [1] буддизма, излагающее в сжатой форме взгляды автора на буддизм и на методы его изучения, полное новых идей, смелых гипотез и оригинальных толкований, базировавшихся на богатейшем фактическом материале китайских и тибетских источников, вместе с капитальным трудом Бюрнуфа [2], положило начало систематическому и планомерному исследованию буддизма в Европе.

«Общее обозрение», рассматриваемое в отрыве от других его работ, имело несколько догматический характер, но это объяснялось намерением автора дать в «Обозрении буддийской литературы» и в «Терминологическом лексиконе» богатый материал для обоснования положений, выдвинутых в «Общем обозрении».

В. П. Васильев настаивал на необходимости изучения буддизма в его историческом развитии, ибо без картины исторического развития немыслимо понимание буддизма в любой стадии его развития. Он предупреждал, что нельзя изучать буддизм по случайно выбранным или нарочито подобранным памятникам, и привлекал внимание ученого мира к богатейшей канонической и экзегетической литературе на китайском и тибетском языках.

В. П. Васильев в исследовании буддизма шел далеко впереди своих европейских коллег. То, чем он занимался еще в половине XIX в., стало объектом исследований ученых других стран лишь с конца XIX—начала XX в.

«Представьте себе, — писал С. Ф. Ольденбург, — что опубликован был весь тот материал, который он привез из Пекина,

[1] Буддизм, ч. I.

[2] E. Burnouf. Introduction à l'histoire du Buddhisme Indien, I partie, Paris, 1844.

как результат десятилетнего труда и опубликован тогда же, в пятидесятых годах прошлого века, и вы должны признать, что все изучение буддизма повернуло бы по другому пути и мы бы давно уже имели настоящее представление о буддизме и его историческом развитии»[1].

Большая и важная работа пропала для ученого мира. Но будь все это опубликовано своевременно, не смог бы С. Леви в 1894 г. сказать: «Буддизм сейчас в моде; о нем много говорят и о нем ничего не знают»[2].

В. П. ВАСИЛЬЕВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Переведенный в 1855 г. из Казанского университета на вновь образованный Восточный факультет Петербургского университета, В. П. Васильев почти полвека отдал делу воспитания кадров китаеведов. До самой смерти он занимал кафедру китайского языка и был бессменным деканом Восточного факультета с 1878 по 1893 г. В. П. Васильев заботился об укреплении факультета и подготовке русских ученых-востоковедов.

Еще в Казанском университете, не зная о существовании особой комиссии по разработке проекта создания Азиатского института, он выдвинул свой проект, изложенный им в «Краткой записке об учреждении центрального учебного заведения восточных языков». В этой «Записке» В. П. Васильев писал, что он не будет «доказывать пользу и необходимость изучения восточных языков в России. . .», а «. . . желает только показать средства, при которых изучение восточных языков в России могло бы удовлетворить и условия науки и требования государственного управления»[3]. Поэтому он прежде всего предлагал «сосредоточить преподавание восточных языков в одном месте, разумеется, полезнее всего в С.-Петербурге[4], как центре умственной деятельности»[5].

Он выдвигал широкую программу преподавания восточных языков в этом учебном заведении и считал необходимым ввести там ряд специальных предметов, обеспечивавших достаточную

---

[1] С. Ф. Ольденбург. Указ. соч., стр. 543.

[2] «Le Bouddhisme est à la mode; on en parle beaucoup, on ne le connaît pas». H. Oldenberg. Le Bouddha sa vie, sa doctrine, sa communauré. Paris, 1894, p. V.

[3] Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, 1851—1864 гг. СПб., 1905, стр. 66—67.

[4] В это время в С.-Петерб. ун-те было лишь Отделение восточных языков.

[5] Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, стр. 67.

подготовку студентов, способных по окончании курса занять не только должности переводчиков, но и дипломатические и административные посты в учреждениях, связанных с восточными странами.

Спустя много лет после создания Восточного факультета он писал в статье «О преподавании восточных языков»: «...Восточный факультет скромно продолжал служение на пользу государства, насколько ему позволяли средства, образовывая внутри себя собственных ученых для занятия кафедр; он мало-помалу наполнял и наши дипломатические миссии в Азии: многие консулы, драгоманы, даже резиденты и посланники считаются получившими ученые степени в нашем Университете» [1].

Вместе с тем В. П. Васильеву приходилось постоянно вести борьбу против недооценки значения изучения народов Востока В той же статье «О преподавании восточных языков» он с возмущением писал: «Пошли новые, странные веяния, смешивающие понятия; об руку с классицизмом возвысилось и значение реальных наук, однако же не признававших реальности за восточными языками как будто изучение какой-нибудь плотицы или медузы возвышеннее и благороднее, чем знание языка, литературы и истории народа живого, действующего, чувствующего» [2].

Стремление добиться расширения изучения языков, литературы и истории «живых, действующих и чувствующих» народов Востока и вызывало у В. П. Васильева неоднократные заявления факультету и ректору о необходимости изучения тибетского, японского, корейского и индийского языков.

Так, еще в 1875 г. В. П. Васильев поднимал вопрос о «необходимости изучения на факультете индустанского языка» (протокол № 6 заседания факультета от 30 апреля 1875 г.) [3], а в 1886 г. он в печати прямо утверждал, что изучение санскрита без изучения одного из живых индийских языков невозможно. «В странное положение поставлена у нас кафедра санскритского языка, это язык такой же мертвый, как и греческий с латинским; без придачи к этой кафедре преподавания индустанских наречий ему скорее место в филологическом факультете, но знание последних становится неотложной задачей» [4].

Борясь за расширение Восточного факультета, В. П. Васильев, будучи деканом, неизменно встречался с огромными материальными трудностями и прежде всего с недостатком

---

[1] «Восточное обозрение», 1886, № 7, стр. 9.
[2] Там же.
[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15564, св. 1080, 1875 г., л. 10.
[4] «Восточное обозрение», 1886, № 7, стр. 9.

Кэнэхунчэмби — сомневаться, подозревать

Кэсэрэ сэмэ — грустно

Кэси — милость, счастье. [illegible]

Кэсикэ — кошка. [illegible]

Кэтэ кэта — стук идущего по камню.

Кэдэрэмби — объезжать, стеречь,
патрулировать (?), наблюдать

Кэдэршэмби — говорить колко

Кэлэрь каларь — скрипъ

Кэли — свояки

Кэму — четверть часа (к кэ). [illegible]

Кэмурэ — мера, ограничение

Кэмуни — все так, все еще, всегда
постоянно, обыкновенно

Кэчу — лютый (злой)
Кэчудэмби — люто, жестоко поступать

Кэчинэ — давно уже, после долгого времени;
довольно много

Кэкэ — старшая свояченица

Кэкэрэмби — отрыгаться. (Ф. 8. л. 39) Кэкэрэ тэтэмби — тошн. (?)

Кэку — язычок в горле

Кэкухэ — кукушка

Кэрэму — бастионы

Кэрун — штраф, вина.
Кэрулэмби — штрафовать

Кэйбису — ковер

Кэйкэ — жестокий, несправедливый [illegible]
приправа (?)

Страница рукописи В. П. Васильева «Маньчжурско-русский словарь»

денежных средств на оплату профессорско-преподавательского состава и казенных стипендий студентам.

В 1888 г. в записке, адресованной на имя «Милостивого государя Михаила Ивановича» [1], В. П. Васильев, прося о расширении факультета, писал о том, что «суммы, которые правительство расходует особо на единственный факультет, не составляют и десятой части иной Академии, управляемой вместо 600-рублевого декана, чуть не полным генералом с полными окладами и стесняющими размещение аудиторий квартирами» [2].

Придавая огромное значение тому факту, что Россия на Востоке на протяжении многих тысяч верст граничит с восточными странами, населенными многомиллионными народами, В. П. Васильев считал необходимым ввести преподавание восточных языков вместо классических в городах Сибири и Дальнего Востока. «Боже мой, — писал он, — может ли для всей России царствовать одна система, ну скажите на милость, не нужнее ли в Иркутске, Владивостоке или Туркестане языки соседних стран, чем мертвые?» [3]

Но не только вопросы расширения факультета за счет увеличения количества языков, необходимых для изучения, интересовали В. П. Васильева. Борьба за уважение восточных народов, и, следовательно, борьба за надлежащее место Восточного факультета среди других факультетов Университета была тесно связана также с борьбой против косности и реакционных взглядов некоторых профессоров Восточного факультета.

Одним из вопросов, по которому пришлось В. П. Васильеву вести борьбу на факультете, был вопрос о специализации ученого в одной области. В этом вопросе наиболее ярко проявились передовые взгляды В. П. Васильева. Исходя из того, что востоковедение, в частности китаеведение, как наука, все более расширяется и углубляется, что материалы, подлежащие изучению по языку, истории, литературе и т. д., неисчерпаемы, он первым из русских ученых предлагал ввести специализацию. Так, в 1886 г. он писал: «. . . Недостаточно одного профессора и для преподавания истории Востока. Только тот будет настоящим профессором, кто может пользоваться историей в ее туземных источниках, а возможно ли, чтобы нашелся

[1] М. И. Владиславлев (1840—1890) — ректор С.-Петерб. ун-та в годы 1887—1890.

[2] Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 20, ед. хр. 27.

[3] В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России. «Восточное обозрение», 1886, № 8, стр. 10.

профессор, знающий все языки, преподаваемые в факультете?»[1]

Через два года В. П. Васильев внес на заседании факультета (протокол № 7 от 11 мая 1890 г.) предложение о выделении специального предмета «Истории Крайнего Востока», мотивируя это тем, что никакому профессору невозможно заниматься, кроме преподавания языков, литературы, еще и преподаванием истории Крайнего Востока — Китая, Маньчжурии, Монголии, — так как «это было бы свыше всех сил какого бы то ни было профессора»[2]. В ответ на возражения факультета, что преподавание истории Крайнего Востока должно находиться в ведении кафедры китайской словесности, В. П. Васильев выдвинул свои доводы: «1). . . Кажется вообще в высшей степени странным, что в нашем курсе Истории Востока нет истории Китая, занимающего, а еще более занимавшего своими владениями именно самый Крайний Восток и представляющего собой половину населения земного шара; 2) История Китая, действительно, с 1855 г. читалась у нас при кафедре китайской словесности и читалась им же, проф. Васильевым. Но именно это долговременное преподавание китайского языка с литературой и историей китайского народа и привело его к убеждению, что при нынешнем положении каждой части знаний, при неисчерпаемом источнике материалов, такое преподавание того и другого только мешает сосредоточению на одной отрасли»[3].

Однако предложение В. П. Васильева о специализации ученого в одной области встретило бурную оппозицию со стороны ряда профессоров, из которых проф. Н. И. Веселовский[4], преподававший на факультете историю Востока, выступал особенно рьяно. Последний в специальном письме, полном желчи и выпадов против В. П. Васильева, утверждал, что преподавать историю Китая и сопредельных стран вполне может человек, не знающий китайского языка, и что

[1] В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России, стр. 8.

[2] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15661, св. 1085, 1890 г.

[3] Там же.

[4] Как историк Востока Н. И. Веселовский не продвинул русскую науку. Он не владел западными языками и «не усвоил и восточных языков в той степени, в какой это было необходимо для производства самостоятельных изысканий по первоисточникам» (В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и истории русской науки. ЗВОРАО, т. 25, стр. 343—344) и поэтому «был вынужден обращаться к помощи представителей лингвистических специальностей» (там же, стр. 344). «Его университетские лекции не принадлежали к числу тех, которыми могут увлекаться студенты» (там же, стр. 353).

из китайских источников ничего нельзя почерпнуть, а китайские историки вообще «чрезвычайно бестолковы» [1].

К сожалению, вполне правильная идея В. П. Васильева не нашла тогда поддержки на факультете и была отклонена по формальным мотивам, тем самым затормозив на десятилетия глубокое изучение отдельных областей китаеведения учеными, которые бы являлись высокими специалистами в той или иной области.

Исключительно велика была роль В. П. Васильева как преподавателя и составителя учебных пособий для студентов, изучавших китайский и маньчжурский языки.

Если учесть, что ни в Казанском, ни тем более, в Петербургском (до организации Восточного факультета) университетах по этим языкам не существовало каких-либо учебных пособий, кроме китайской грамматики, составленной Бичуриным, то мы поймем, какую огромную работу проделал В. П. Васильев по составлению необходимых учебных пособий по языку, истории и литературе Китая.

Студенты Восточного факультета, не имея учебных пособий, испытывали большие трудности при изучении восточных языков. Поэтому в 1857 г. они составили и подали профессорам и преподавателям «особую записку», в которой, в частности, касались вопроса об изучении маньчжурского и китайского языков. «Для еврейского, маньчжурского и китайского нет на русском ровно ничего (кроме грамматик прот. Павского и о. Иакинфа, весьма неудовлетворительных), а для последних и на других европейских языках немного» [2], — писали они в своей «Записке».

Не рассчитывая на то, что профессора как «высшие возделыватели науки» согласятся «посвятить себя составлению таких элементарных сочинений» [3], вроде учебников по языкам, они решили силами студентов III и IV курсов создать их и лишь просили помощи профессоров.

В. П. Васильев первым горячо откликнулся на инициативу студентов. В той же «Записке» отмечалось, что студентом Цивильковым была уже закончена работа по составлению маньчжурско-русского словаря [4], «ожидающем издания», и велась работа по «грамматике маньчжурской, составляемой им же

---

[1] ГИАЛО, ф. 14, ед. хр. 15662, св. 1085, л. 160.

[2] Ю. Богушевский. Новое предприятие наших студентов. Сборник, издаваемый студентами имп. Петербургского ун-та. СПб., вып. 1, 1857, стр. 365.

[3] Там же, стр. 367.

[4] Этот словарь с пометками В. П. Васильева хранится в Архиве АН СССР в архивном фонде ученого.

по запискам и под руководством профессора китайской и маньчжурской словесности Васильева»[1]. Но в те времена издание учебников было сопряжено с невероятными трудностями: здесь и недостаток денежных средств у университета, потому что расходы по изданию ученых трудов возлагались на самого автора; здесь и цензурный устав, державший всю печать в России в крепких тисках, не допуская в ней «произвольных умствований». Особенно в 60-е годы, годы бурного подъема революционных выступлений в России, реакция принимала все меры, чтобы сковать прогрессивную мысль. В этом отношении характерно предложение Совета университета, выполнявшего указания свыше. В предложении говорилось о том, «чтобы профессорами не было допускаемо в литографируемых ими лекциях суждений, противных основным правилам цензурного устава» (протокол № 1 заседания факультета восточных языков от 13 января 1859 г.)[2].

Архивные документы свидетельствуют, что на издание учебников требовались годы. Так, в 1859 г. В. П. Васильев просил пособие в 350 руб. «на издание составленной им маньчжурской хрестоматии» (протокол № 10 заседания ФВЯ от 25 сентября 1859 г.)[3]. В 1860 г. он уже просил «об уменьшении с меня платы за печатный лист маньчжурского текста»[4]. Об этом же он просил и в 1861 г. (протокол № 1 заседания ФВЯ от 20 января 1861 г.)[5], и только в 1863 г. маньчжурская хрестоматия вышла из печати[6].

В 1865 г. В. П. Васильев написал прошение о том, что, «желая отлитографировать составленные мною для руководства студентов два лексикона: китайского и маньчжурского языков[7], я прошу покорнейше факультет исходатайствовать мне на эти издания пособие университета. По моему расчету требуется на это по крайней мере до трех сот рублей»[8].

В 1867 г. он ходатайствовал об использовании отпущенных средств на издание маньчжурской грамматики[9], для издания

---

[1] Ю. Богушевский. Указ. соч., стр. 374.

[2] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15364, св. 1075, 1859 г.

[3] Там же.

[4] То же, ед. хр. 15388, св. 1074, 1860 г.

[5] То же, ед. хр. 15452, св. 1076, 1861 г.

[6] Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1863, 288 стр.

[7] Маньчжурско-русский словарь вышел в 1866 г., а китайско-русский словарь — в 1867 г.

[8] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15510, св. 1078, 1865 г.

[9] Эта грамматика так и не была издана.

труда «Анализ китайских иероглифов» [1] и «Китайской хрестоматии» [2] (протокол № 10 от 20 мая 1867 г.) [3].

В последующие годы он попрежнему вынужден униженно просить о материальном содействии для издания своих трудов. Поэтому не случайно в своей автобиографии В. П. Васильев писал: «При тогдашнем направлении тяжело было испрашивать средства» [4].

Ко всем этим трудностям примешивалась еще необходимость самому переписывать для литографирования свои черновые рукописи, потому что в России в то время не было китайского шрифта. Это обстоятельство постоянно вызывало у него возмущение, и он неоднократно в своих печатных работах и рукописях, хранящихся в архиве, сетовал, что «для того, чтобы держать несколько раз корректуру или переменить набранный лист, нужно было бы переписывать всякий раз и китайские иероглифы, а этот механический труд возмутителен для работающего головой, а не рукой. . . Вот в какое положение поставлен у нас синолог, тогда как ныне и в маленьких европейских государствах печатают отлитым шрифтом» [5].

Благодаря неутомимой энергии, огромной трудоспособности и трудолюбию В. П. Васильева были созданы необходимые учебные пособия (словари, грамматики, хрестоматии) для изучения языка, истории, географии и литературы Китая. На этих учебниках выросло не одно поколение русских китаеведов. Да и в настоящее время китайско-русские словари построены по графической системе, созданной В. П. Васильевым.

К числу, несомненно, больших заслуг В. П. Васильева как декана Восточного факультета необходимо отнести также создание и поныне существующей специальной факультетской библиотеки, которую первоначально он предполагал создать только для студентов и «которая заключала бы в себе по нескольку экземпляров всех важнейших учебных пособий к изучению языков Востока. . . Доселе таковыми руководствами снабжала наших, в большинстве случаев крайне бедных, студентов фундаментальная библиотека Университета» (протокол № 1 от 12 января 1889 г.) [6].

---

[1] Часть I этого труда вышла только в 1884 г., II — в 1883—1884 гг.

[2] Все три части вышли в 1868 г.

[3] ГИАЛО, ед. хр. 15521, св. 1078, 1867 г.

[4] С. А. Венгеров. Указ. соч., стр. 152.

[5] Архив АН СССР, ф. № 775, оп. 1, ед. хр. 18; см. также «Анализ китайских иероглифов». СПб., 1884, стр. VII.

[6] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15656, св. 1084, 1889 г.

Стараниями В. П. Васильева библиотека постоянно пополнялась ценнейшими книгами и рукописями на восточных языках.

Одной из важных сторон, характеризовавших В. П. Васильева как профессора факультета, являлось его отношение к студентам, горячая любовь к ним [1], его стремление развить у них интерес к научной работе, привить уважение к изучаемому народу. Будучи сам трудолюбивым, он очень высоко ценил трудолюбие студентов. Так, он, как председатель испытательной комиссии восточных языков, писал 24 ноября 1890 г. о трудностях, стоящих перед студентами Восточного факультета, изучавшими, кроме четырех восточных языков, еще и другие предметы. Поэтому, «невольно удивляешься их самопожертвованию, — писал он, — невольно вызывается и требование снисходительности. Что же особенное влечет их на факультет Восточных языков кроме жажды любознательности, тем более, что есть другие факультеты, пользующиеся предпочтительным расположением общественного и даже интеллигентного мнения» [2]. Отсюда понятна та исключительная забота, с которой он относился к подготовке своих учеников, известных китаеведов, как Сергей Георгиевский и Алексей Ивановский.

Он добился научной командировки А. Ивановского в Китай, считая, что «самобытная культура китайцев, своеобразность их социальных, нравственных и религиозных воззрений могут быть основательно поняты и изучены только в самом Китае. . .» и что «было бы, однако, совершенно несогласно с достоинством и интересами России, если бы представители ее университетских кафедр, и особливо такой важной кафедры, как кафедра китайско-маньчжурская, не изучали свой предмет самостоятельно, а только по чужим трудам и, таким образом, принуждены были бы смотреть на дело чужими глазами» (протокол № 15 от 28 октября 1888 г.) [3].

Даже после окончания студентами Восточного факультета В. П. Васильев не прерывал связи со своими бывшими учениками, искренно радуясь тому, что, ведя практическую

---

[1] В письме от 10 XI 1884 г. П. А. Дмитриевскому, рассказывая о судьбе своих бывших учеников, В. П. Васильев писал: «Впрочем для меня все вы, мои дорогие, родные — я смотрю всегда на Вас, как на мою семью, на одну общую семью, которой от души желаю жить вечно в дружбе, поддерживать друг друга, поддерживать честь нашего факультета» (Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

[2] Материалы для истории факультета восточных языков, т. II (1865—1901). СПб., 1906, стр. 172.

[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15641, св. 1083, 1888 г.

работу, они продолжали свои научные занятия. В этом отношении интересна его переписка со своими воспитанниками. Так, в письме к П. А. Дмитриевскому от 10 ноября 1884 г. он писал: «Ну как я рад, что мои бывшие ученики стали понемногу подвигаться вперед. . . Что касается до Вас, то, разумеется, я горжусь Вами и какую славную работу Вы напечатали (речь идет о переводе «Записки переводчика». Отако Кигоро, СПб., 1884. — *Авт.*). . . Что вы, господа, все скромничаете, все жалуетесь, что некогда заниматься учеными предметами, а сами то и дело работаете. Я поставил себе одно в заслугу, что возбудил в Вас (неразборчивое слово. — *Авт.*) о необходимости делать больше, чем отбывать одни канцелярские, чиновничьи работы. Вы теперь находитесь должно быть в самой интересной стране не по одной только торговле. Это (неразборчивое слово. — *Авт.*) настоящий центр Китая. А чтобы взять Хубэй и Хунань тунчжи да с помощью ее и описать край, ведь в этих тунчжи много материалу; без частных монографий Китая никогда нельзя будет сделать одного общего свода, да по обстоятельному описанию одной провинции лучше судить и об остальных (надобно бы и Шуйскому написать об этом — сделать также для Фуцзяни)» [1].

Много заботы проявил В. П. Васильев в отношении материального обеспечения студентов, окончившим помогал устроиться на службу. Он часто ходатайствовал об освобождении студента от обязательства [2] перед тем ведомством, стипендию которого тот получал, но которое не могло обеспечить его работой, с тем чтобы иметь возможность перейти в другое ведомство, обеспечивавшее службой по специальности. Так, например, было со студентом М. Цивильковым в 1859 г. (протокол № 8 от 25 мая 1859 г.) [3], И. Архиповым в 1861 г. (протокол № 11 от 31 мая 1861 г.) [4] и др. Более того, бывали случаи, когда ученики В. П. Васильева, спустя многие годы после окончания факультета, обращались к нему за помощью. Так, в архивном фонде А. Ивановского хранится письмо бывшего ученика В. П. Васильева В. И. Цибузгина, который, оказавшись без работы, в тяжелом материальном положении, просил своего старого профессора помочь в устройстве на работу. Он писал: «Вы всегда относились участливо к своим бывшим

---

[1] Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9.

[2] При назначении стипендии студент давал расписку тому ведомству, от которого он получал стипендию, что обязуется «прослужить 6-летний срок по назначению начальства».

[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15364, св. 1075, 1859 г.

[4] Там же, ед. хр. 15452, св. 1076, 1861 г.

раздарено, добрый Павел Андреевич, кто из всех больше отличился в любви ко мне — Попов (Павел Степанович) писал мне о вашей телеграмме [illegible] [illegible], которую вы собрали в Ханькоу-[illegible] в горячности каждого — Господи, да чем же я заслужил это! — Я всегда укорял себя, что я плохой учитель, [illegible] заботишься о своих учениках, а они-то, они-то! вот какую штуку со мной выкинули! Ведь я не знаю ни одного профессора, которого бы чествовали его ученики, а сколько профессоров с тысячами слушателей, с великими трудами, с поразительным красноречием! А моя-то сиротка, смотрите что наделала! Ну, можно ли тут только благодарить всех вас, а что же другое сделать. И остается, что только благодарить, а, между тем благодарить значит за милость, но как отплатить за любовь, за привязанность! — Чтобы я ни сказал — все мало! И все таки остается только одно русское, значит, задушевное: <u>спасибо</u>, да искренне дружески и братски поцелую!

Благодаря всех (сообщите мне пожалуйста их имена и адреса) пожертвователей, участвовавших по Вашей инициативе в подписке, я могу только восхищаться тем вниманием и уважением, которым Вы себя окружили. Да зная Вас лично ли было и сомневаться, что Вас не будут уважать.

Страница из письма В. П. Васильева к П. А. Дмитриевскому

ученикам, то это и подало мне повод и смелость обратиться к Вашему превосходительству с просьбой оказать мне содействие в приискании в Петербурге какого-либо дела по специальности китайского языка» [1].

В. П. Васильев, получив за месяц до своей смерти это письмо, послал его А. Ивановскому с припиской: «Может быть Вы можете найти место или посоветовать что. . .»

Ученики В. П. Васильева не забывали своего учителя и спустя многие годы после окончания университета. Так, в 1887 г., когда отмечалось 50-летие ученой деятельности В. П. Васильева, его ученики, служившие на российской службе в далеком Китае, собрали между собой и среди русских подданных, проживавших там, 6068 рублей, которые переслали в Восточный факультет для учреждения стипендии имени «профессора и академика В. П. Васильева» [2].

По случаю этого юбилея В. П. Васильева воспитанник факультета П. А. Дмитриевский, служивший консулом в Ханькоу, посылая юбилейный адрес ученому, написал 14 апреля 1887 г. письмо на имя ректора университета «с просьбой поднести этот адрес глубокоуважаемому и сердечно любимому профессору в день празднования его юбилея» [3].

Скромный ученый В. П. Васильев был весьма растроган таким выражением любви к нему его бывших учеников. «Не знаю, что и сказать вам за всю проделку, — писал он в письме П. А. Дмитриевскому, — которую сочинили мне вы, мои милые ученички — братья. Уж превознесли, что почти, можно сказать, разнесли. Никогда не мечтал я даже, что можно встретить от вас столько дружеских любезностей, такого выражения ко мне привязанности и право же, я чувствую душевно, что я этого не стою, и если вы так меня убелили

---

[1] Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 20, ед. хр. 23.

[2] Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, стр. 202. Идея создания такой стипендии была высказана бывшим учеником В. П. Васильева И. В. Падериным. В письме от 24 апреля 1887 г. И. В. Падерин писал П. А. Дмитриевскому: «П. С. Попов писать хотел Вам не примете ли Вы участие в подарке от бывших студентов Вас. Павл. Васильеву по случаю его юбилея в мае н. г. По моему скромному мнению, разделяемому и другими, было бы соответственно случаю, кроме подарка лично В^{ю} П^{у}, выразить нашу признательность ему общеполезным делом собрания средств на стипендию имени В. П. Васильева. Мне кажется, эта мысль исполнимою: бывшие слушатели В. П. Васильева, их знакомые, ценители достоинств и заслуг В. П. Васильева, могли бы внести по мере их средств на составление капитала в 5000—7000 руб. на стипендию. . .» (Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

так расчествовали, то разве тут было одно мое достоинство: иметь дело с предостойными!»

Далее, по поводу собранной суммы на стипендию его имени, он писал: «Господи, да чем же я заслужил это. Я всегда укорял себя, что я плохой учитель, вялый заботник о своих учениках, а они-то, они-то! Вон какую штуку со мной выкинули. Ведь я не знаю ни одного профессора, которого бы так чествовали его ученики, сколько профессоров с тысячами слушателей, с великими трудами, с поразительным красноречием! А моя то горсточка, смотрите что наделала! Ну можно ли тут только благодарить всех вас, а что же другое сделать? И остается, что только благодарить, а между тем благодарить значит за мелочь, но как отплатить за любовь, за привязанность! Чтобы я ни сказал — все мало! И все-таки остается только одно русское, значит задушевное спасибо, да искренне дружеский и братский поцелуй» [1].

А. М. Позднеев в переписке с П. А. Дмитриевским ласково называл В. П. Васильева «наш патриарх» [2].

С не меньшим теплом отвечал Васильев и на поздравления факультета. В архиве факультета сохранилось письмо В. П. Васильева от 16 июня 1887 г. к К. Ф. Голстунскому, замещавшему его на посту декана во время пребывания ученого в Казанской губернии. В этом ответном письме [3] на поздравительную телеграмму факультета по случаю 50-летия ученой и профессорской деятельности В. П. Васильев писал:

«Милостивый государь,
Многоуважаемый Константин Федорович,

Просить Вас передать только одну благодарность всем господам членам факультета за переданное Вами в телеграмме от имени его мне поздравление с 50-летней службой было бы слабым выражением того восторженного чувства, с которым я оное принял. Ведь это поздравление прислали мне не просто сослуживцы, а родные, друзья и братья; какая великая уже честь принадлежать к нашей единственной в России семье, а тут даже чувствовать, что они не чуждаются их собрата, готовы отвечать на ту горячую братскую любовь, которую он всегда к ним чувствовал. Да и как мне было не сознавать всю цену благосклонного внимания ко мне господ членов, когда они столько раз высказывали мне доверие! Но последнее такое теплое и лестное для меня приветствие заставляет меня

[1] Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9.
[2] Там же, ед. хр. 8.
[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15640, св. 1083, 1887 г.

даже страшиться при вопросе: действительно ли я его заслуживаю; однакож уверенность в их снисходительности позволяет мне смелость просить Вас, как принять за себя, так и передать сверх невыразимую (?) благодарность всем гг. членам факультета мой братский поцелуй, приветы и рукопожатия».

18 VI/16 87
Село Каиное
Свияж. у. Каз. губ.

Ваш покорнейший слуга
Василий Васильев

За выслугой лет В. П. Васильев мог давно уйти в отставку, но факультет, выражая свое уважение и доверие ученому, регулярно через каждые пять лет после истечения срока, единодушно оставлял его на новый срок и оставлял в должности декана.

В знак глубокого уважения к ученому факультет избрал его в почетные члены университета, которыми обычно были только самые высокопоставленные лица.

В архиве факультета сохранилась грамота, выданная В. П. Васильеву, в том, что: «Совет Императорского С.-Петербургского Университета, в заседании 18 мая 1887 года, желая выразить свое глубокое уважение к ученой и учебной деятельности заслуженного профессора С.-Петербургского Университета и Ординарного академика Императорской Академии наук Василия Павловича Васильева, избрал его в почетные члены Императорского С.-Петербургского Университета» [1].

В ответ на это избрание В. П. Васильев направил в Совет университета письмо, в котором после принесения благодарности за оказанную ему честь, он писал, что уже более 53-х лет он только и дышит университетом, что «ему только я и обязан как своим развитием, так и своею деятельностью; в каждом из моих добрых товарищей и сослуживцев я видел своего наставника, образец для руководства. . .» [2]

Однако, как уже отмечалось во «Введении», несмотря на почет и уважение, В. П. Васильев, вследствие созданных царским режимом невыносимых условий в Академии и препятствий со стороны засевших там ученых-иностранцев в издании трудов ученого, находился в тяжелом моральном состоянии. Он неоднократно порывался уйти из университета [3], но вся-

---

[1] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

[2] Там же.

[3] Так, в письме от 10 ноября 1884 г. П. А. Дмитриевскому В. П. Васильев, жалуясь на новый университетский устав, писал, что он «дает мне повод исполнить свою давнишнюю мечту забраться в деревню, но пока еще совестно стало бросать, не приготовив никого на свое место». К тому

кий раз факультет, «желая удержать в своей среде такого знаменитого синолога», обращался к нему «с просьбой оставаться при Университете и продолжать, насколько возможно, свою деятельность по преподаванию» [1].

И В. П. Васильев, несмотря на материальный ущерб [2], возраст и слабое здоровье, соглашался оставаться в Университете, заявляя, что он «будет, хотя бы и без всякого вознаграждения, но с программою на меньшее число лекций, считать за честь принадлежать к составу профессоров» [3]. А с сентября 1893 г., когда, согласно его прошению, В. П. Васильев был освобожден от должности декана и от преподавания, он читал уже без вознаграждения «необязательный курс для студентов всех семестров о Китае в политическом, историческом и литературном отношениях по два часа в неделю»[4] и прекратил его за три месяца до смерти.

Если Восточный факультет был в России единственным специальным высшим востоковедным учебным центром, то В. П. Васильев был там единственным ученым и профессором, который создал первую, подлинно русскую по духу, школу китаеведов.

ШКОЛА АКАДЕМИКА В. П. ВАСИЛЬЕВА

В русском востоковедении существует мнение об отсутствии школы академика В. П. Васильева. Это мнение, высказанное в свое время академиком С. Ф. Ольденбургом [5], академиком В. В. Бартольдом [6] и проф. А. И. Ивановым [7], долгое время не

же «вот беда: по одному языку нельзя будет иметь двух профессоров, так что и на китайский с маньчжурским положена одна профессура, — прежде были еще доценты, а теперь если кто хочет сделаться профессором, так должен прочитать лекции 3 года в звании приват-доцента, на жалованье которого нет определенного положения — кто же появится в нашем факультете при таких условиях» (Архив востоковедов. ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

[1] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

[2] По уставу Академии наук академик не мог преподавать, в противном случае с него удерживали 900 руб. из содержания по званию академика.

В связи с переменами в Университете, к которым добавилось лишение академического содержания, В. П. Васильев писал П. А. Дмитриевскому в 1887 г., что он «убежал бы», «но жаль оставить студентов» (Архив востоковедов, ИВ АН СССР, ф. 14, ед. хр. 9).

[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5501, св. 128.

[4] Там же, л. 557.

[5] С. Ф. Ольденбург. Памяти В. П. Васильева. ЗВОРАО, XIII, 1900, стр. 47 и сл.

[6] В. В. Бартольд. Исторические и географические труды Василия Павловича Васильева в сборн. «Столетие со дня рождения академика В. П. Васильева», стр. 560.

[7] А. И. Иванов. В. П. Васильев как синолог. В том же сборнике, стр. 571.

подвергалось пересмотру и проверке. Однако тщательное изучение работ последующего поколения востоковедов дает основание утверждать, что В. П. Васильев имел не только своих учеников, но и создал школу. Однако в начале XX в., когда западноевропейская синология шагнула далеко вперед, в России не было условий для развития китаеведения, что поставило школу В. П. Васильева в такие условия, при которых она стала заметно терять прежние традиции.

«Мне не хочется, — писал Васильев, — чтобы для моего отечества пропали те выводы и те установившиеся взгляды и направление, до которых стоило добиваться великим трудом, посреди того хаоса, который встречается изучающему восток. . . Наверное изучение востока не прекратится же у нас совершенно, хотя им теперь и пренебрегают; будут продолжатели моих трудов, им легче будет, принимая в обращение мои указания, развивать, обрабатывать и поверять сказанное мной. . »[1]

Школа В. П. Васильева, как и всякая школа в науке, — это люди, воспринявшие и продолжавшие идеи и традиции своего учителя и его труды. Среди его непосредственных учеников можно назвать имена С. М. Георгиевского, А. О. Ивановского, Н. Монастырева, П. А. Дмитриевского, А. М. Позднеева, В. Я. Костылева, И. В. Подерина, Г. Ф. Смыкалова и др., не говоря уже о большом количестве практических работников, которые по окончании университета работали на дипломатическом поприще за границей, в Министерстве иностранных дел — Азиатском департаменте.

Последователей же направления работы и идей ученого, продолжателей его традиции было гораздо больше. К ним можно причислить П. С. Попова, Палладия Кафарова, З. Л. Матусовского, П. Э. Шмидта, А. В. Рудакова, проф. Н. В. Кюнера и др., а продолжая перечисление до настоящего времени, следует назвать имена проф. В. С. Колоколова и др.

Продолжая идеи В. П. Васильева, С. М. Георгиевский выступал противником тех, кто принижал значение Китая, кто видел в нем только застой и окаменелость. В своей работе «Важность изучения Китая» он писал: «Кто из читателей не знает слова китаизм? В чьем уме слово это по ассоциации идей не вызывает мысли о косности, застое, неподвижности? Убеждение в том, что Китай есть историческая окаменелость, навязывается нам еще на школьной скамейке; с этим убеждением мы вступаем в жизнь и в нем укрепляемся путем чтения

[1] В. П. Васильев. Очерки истории китайской литературы, стр. 25.

книг, путем разговоров с людьми, нас окружающими. Формулу Китай — царство застоя всякий принимает как неоспоримую. Убеждение в косности Китая почти у всех слагается на основе не собственных выводов, а подражательности. . . слепым доверием к словам некоторых ученых, снискавших известность своими специальными трудами в области синологии»[1]. В этой книге С. Георгиевский, вопреки убеждениям того времени, показал, что Китай существует не как косность, а как живой организм, как страна прогрессирующая и приобретающая все больший политический вес. Он, как и В. П. Васильев, верил в великое будущее Китая.

«Убеждаясь в успешности китайского прогресса и не сомневаясь в дальнейшем безостановочном росте могущества Китая, мы не только не допускаем, чтобы Срединное царство могло подпасть не эфемерному владычеству Запада или Америки, но и предвидим то время, когда всякие комбинации политических владычеств будут обусловливаться в мире соизволением двух громаднейших соседних империй, связанных узами неразрывного мира и тесной дружбы»[2].

Эта идея дружбы двух великих народов высказывалась неоднократно и была характерна для большинства русских ученых-китаеведов. Тот же С. М. Георгиевский, развивая эту идею, писал: «. . . Мы питаем надежду, что русская публика, в виду и во имя мирового значения России отрешится от неосновательных, усвоенных только привычкою, взглядов и посмотрит другими глазами на обитателей Срединного царства, многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которою в будущем может обеспечить мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов»[3].

Такие же взгляды, как мы видели, были характерны и для В. П. Васильева.

Что касается научных трудов С М. Георгиевского, то и здесь он развивал идеи своего учителя (правда, иногда и не соглашаясь с ним), доказательством чего могут служить его работы: «Древний период китайской истории», «Мифы и мифические воззрения китайцев», «Анализ китайской письменности» и ряд других, а также большое количество учебных пособий для университета.

А. О. Ивановский (1863—1903) также являлся прямым учеником В. П. Васильева. За свои сорок лет жизни он напи-

---

[1] С. Георгиевский. Важность изучения Китая. СПб., 1890. Предисловие.

[2] Там же, стр. 270—271.

[3] Там же, стр. 271.

сал ряд научных трудов. Следуя своему учителю в подходе к изучению Китая, он по типу докторской диссертации В. П. Васильева «Сведения о маньчжурах в эпоху династий Юань и Мин», восходящей по сюжету к «Сведениям о народах, обитавших в Средней Азии» Бичурина, написал большой труд «Юньнаньские инородцы в период династии Юань, Мин и Дай-Цин», посвященный изучению национальных меньшинств юго-западного Китая. «Очерки маньчжурской литературы» были написаны по образцу «Очерков истории китайской литературы» В. П. Васильева.

Палладий Кафаров (о. Палладий) не являлся прямым учеником В. П. Васильева. Начальник XIII и XIV духовных миссий (1851—1855, 1856—1860), он, в противоположность своим предшественникам, много времени, сил и энергии посвятил изучению страны. Он, как и Н. Я. Бичурин, понимал деятельность миссии гораздо шире, нежели распространение христианства среди китайского населения. Изучив Китай, китайский народ, Палладий Кафаров с глубокой симпатией относился к нашему великому соседу — Китаю.

Им было написано большое количество трудов по различным областям китаеведения. Среди них известный китайско-русский словарь (1888) послуживший прекрасным пособием при изучении китайского языка не одному поколению китаистов, дневники за время пребывания в Китае, работы о мусульманах и христианах в Китае (1866, 1872) и ряд других.

П. С. Попов работал в основном в области дипломатической. Но он написал о Китае много работ по самым разнообразным вопросам. Так, им был составлен русско-китайский словарь (первое издание в 1896 и второе в 1900 г.). Он писал о государственном строе Китая и органах управления (1903), о китайском философе Мэн-цзы (1904), а также создал ряд учебников для преподавания в Университете (тексты, разговорники и др.).

В. П. Васильев, как и Бичурин, придавал большое значение популяризации знаний о Китае среди читателей своей страны, знаний, лишенных излишней экзотики, дававших правильное представление о стране. Он много писал о Китае в журналах, газетах. Тут были воспоминания о Пекине, отрывки из дневников, а также статьи о современных событиях в Китае.

Эта область работы В. П. Васильева, несомненно, содействовала сближению двух великих народов — русского и китайского.

Стремясь давать только правильные знания о народах Востока, Васильев 21 апреля 1865 г. написал представление

Восточному факультету С.-Петербургского университета о необходимости издания факультетского журнала [1], названного им «Азиатское обозрение». Он предлагал подробный план журнала, обосновывая необходимость его создания тем, что на Восточном факультете лежит «священная и моральная обязанность заботиться о распространении в обществе отчетливых и верных познаний о Востоке, с которым наше огромное государство находится в такой тесной связи. . .» [2]

Как говорилось выше, стремления В. П. Васильева популяризировать правдивые сведения о Китае были поддержаны и продолжены его учениками и последователями.

* * *

Со смертью академика В. П. Васильева в русском китаеведении наметились новые веяния, изменившие дальнейшие его пути. Эти новые веяния были связаны с усиленным развитием синологии на Западе и восприятием этого направления нашими русскими учеными-китаеведами, главой которых стал будущий академик В. М. Алексеев. Эта новая школа китаеведения, ставшая на правильный путь — путь освоения достижений западноевропейских синологов и увлеченная этим, в известной мере, предала забвению достижения русского китаеведения как в науке, так и в востоковедном образовании.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что В. П. Васильев и его ученики внесли большой вклад в науку о Китае, создав научные исследования, поднимавшие китаеведение на новую высоту, поставили перед востоковедами ряд научных задач. Стремясь не только научно исследовать страну, но и широко популяризировать знания о ней, они ставили своей целью ознакомить русский народ с богатейшим опытом китайцев в области искусства, ремесла.

Считая, что без знания языка не может быть изучена и страна, русские ученые приложили много сил и энергии к организации востоковедного образования в России, к созданию учебных пособий и т. п.

Будучи представителями прогрессивного русского востоковедения, наши ученые с большой симпатией и любовью относились не только к китайскому народу, но и к народам Востока вообще. Они считали, что богатейшая культура этих народов должна быть приобщена к мировой культуре.

---

[1] Вследствие отсутствия денежных средств Совет университета не поддержал эту идею.

[2] ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15510, св. 1078.

Деятельность русских китаеведов XIX в. способствовала взаимному ознакомлению двух великих народов и их сближению. Она была звеном, сделавшим возможной теперешнюю дружбу СССР и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Академик В. П. Васильев был крупнейшим русским китаеведом. Продолжая научные традиции Н. Я. Бичурина, В. П. Васильев был более прогрессивен во взглядах на страну, на ее народ. Он видел Китай не «в мундире» и с «церемониями»[1], что было, по словам В. Г. Белинского, свойственно Н. Я. Бичурину, а сумел увидеть китайский народ, понять его историю, язык, литературу.

В. П. Васильев, как и Н. Я. Бичурин, боролся с рутиной в науке, ломал установившиеся взгляды и вносил новые, свежие мысли (вопрос о языке, интерпретация китайской литературы, теория о происхождении китайского народа и др.). Все это и дает возможность называть его последователем Н. Я. Бичурина.

До настоящего времени В. П. Васильев был представлен в науке в основном как исследователь буддизма [2]. Это нашло свое отражение даже в популярных статьях [3]. На самом деле В. П. Васильев был широко образованным филологом, внесшим много нового в различные области китаеведения. В. П. Васильев являлся представителем китаеведения, которое в те времена носило комплексный характер. Его перу принадлежат труды по языку, литературе, истории, географии Китая и идеологиям Востока. Но все эти труды основаны на глубоких филологических исследованиях и анализах.

Вот почему мы считаем, что созданное вокруг В. П. Васильева мнение о том, что он якобы является главным образом буддологом, ведет к односторонней его характеристике и забвению всех тех достижений, которые были сделаны им в остальных областях китаеведения.

В. П. Васильев — ученый с чрезвычайно сложным мировоззрением. Это составляет главную трудность в анализе его высказываний и в научных и публицистических трудах. Однако

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. XIII, стр. 156.

[2] Сборн. «Столетие со дня рождения акад. Василия Павловича Васильева». Птг., 1918.

[3] См. статью о нем в Большой Советской Энциклопеции, изд. 1, т. 7, стр. 254—255, где В. П. Васильев представлен только как языковед и в списке его трудов превалируют буддологические сочинения, не говоря уже о ряде неточностей и неправильностей по другим вопросам, связанным с В. П. Васильевым.

нельзя дать правильной оценки китаеведению XIX в. в общей картине состояния востоковедения без тщательного анализа трудов В. П. Васильева как изданных, так и неопубликованных, без изучения его взглядов и как ученого и как публициста. Задачей настоящего времени является изучение истории русского востоковедения, что заставляет вновь и вновь обращаться к наследию В. П. Васильева и обязывает дать правильный анализ его взглядов.

Авторы настоящей статьи не считают свою работу исчерпывающей. Они сделали лишь первый шаг в этой большой и весьма нужной работе — дали сравнительно краткий обзор жизни и деятельности ученого. Эта работа должна быть продолжена и расширена на базе привлечения всех архивных материалов В. П. Васильева.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. П. ВАСИЛЬЕВА

I. Опубликованные

Язык и литература

Анализ китайских иероглифов. Составлен для руководства студентов проф. С.-Петербургского университета Васильевым. — СПб., лит. Тиблена и К°, 1866. 94 с. (литогр.).

Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. Изд. 2, под. ред. А. О. Ивановского. — СПб., тип. В. Безобразова, 1898, 133 с. (литогр.).

Анализ китайских иероглифов. Ч. 2. Элементы китайской письменности. — СПб., печатня А. Григорьева, 1884, VII+92+7 с.

Графическая система китайских иероглифов. — Журн. М-ва нар. просв., 1856, № 12, с. 333—358 (отд. оттиск, 26 с.).

Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов. — СПб., лит. Тиблена и К°, 1867, IV+446 с. Рец. И. И. Захаров. Прилож. I к Отчету Русск. геогр. об-ва за 1870, с. 104—109.

Записка о восточных книгах в С.-Петерб. университете. — Русск. вестник, 1857, т. XI, с. 305—343.

Записки о необходимости установления общелингвистической азбуки для фонетической транскрипции текстов. Составлена В. Васильевым, В. Радловым и К. Залеманом — СПб., изд. Акад. наук, 1888, 75 с. Рец. Н. Ф. Катанов — Вост. обозрение, 1889, № 7, с. 11.

Изучение восточных языков в России (перед.) — Голос, 1867, № 186.

Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов профессором В. П. Васильевым. Т. I. СПб., печатня М. Алисова и А. Григорьева, б. г., 162 (иероглифич. текст)+143 с. (перевод, примеч. и подстр. словарь).

Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов профессором В. П. Васильевым. Т. I. СПб., печатня М. Алисова и А. Григорьева, б. г., 162 (иероглифич. текст)+143 с. (перевод, примеч. и подстр. словарь), изд. 2. СПб., 1883, печ. Григорьева; изд. 3, 1890, типолит. Иконникова. 200 с.

Китайская хрестоматия, изданная В. П. Васильевым. Ч. II. Лунь-юй. СПб., 1868.

Китайская хрестоматия. Ч.III. Ши-цзин и часть Шу-цзин'а. СПб., 1868, лит. Ильина 18+185 с., изд. 2. СПб., 1898, тип. Безобразова и К°. 2+301+3 с.

«Les phonétiques chinoise d'après le système graphique». ЖМНП, 1857.

Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная проф. С.-Петерб. ун-та Васильевым.—СПб., тип. Акад. наук, 1863, 288 с.

Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов. — СПб., 1866, VII+134 с. (литогр.).

Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского имп. университета В. П. Васильевым. Лист. 1. С разрешения проф. Васильева скрепил В. Ловягин. — [СПб., б. г., литогр. Иконникова, 386+I нн. с. (литогр.)].

Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la Bibliothèque de l'université de St. Pétersbourg. На фр. яз. «Mélanges Asiatiques», т. II, 25 Janvier, 1856; на русск. яз. «Русский вестник», 1857, т. XI, № 18, стр. 305—343.

О необходимости распространения у нас восточного языковедения. Статья — ва. — Голос, 1867, № 273.

О новых восточных книгах (две статьи в «Mélanges Asiatiques», тт. I, II старой серии).

Об отношениях китайского языка к среднеазиатским (посвящается И. П. Минаеву). — Журнал Мин-ва нар. просв., т. CXIII, 1872, отд. II, с. 82—124, отд. оттиск. — СПб., 1872; сб. Голстунского, № 3.

О преподавании восточных языков в России. — Восточное обозрение, 1886, № 7, с. 7—10; № 8, с. 8—10.

Очерк истории китайской литературы (из «Всеобщей истории литературы, издаваем. В. Ф. Коршем и К. А. Риккером»). — СПб., тип. М. М. Стасюлевич, 1880, 163 с. Изд. 2. СПб., 1885 [1].

Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии. — СПб., тип. В. Безобразова и К°, 1896, II+143 с.

Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии профессора В. П. Васильева. — СПб., печатня А. Григорьева, 1884, 125 с. (пер. Лунь-юй с примеч.).

Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева. Перевод и толкование Ши-цзина. — СПб., 1882, XI+160 с. Литогр. М. И. Алисова.

История и археология

Вопросы и сомнения — Зап. Вост. отд. Русск. археологич. об-ва, 1889, т. 4, с. 379—381. (К названию монгольской династии).

Заметки по истории и географии Китая. СПб., б. г., 227 с. (литогр. Лаппинга).

Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура. — Изв. Акад. наук, 1896, т. IV, № 4, с. 365—367.

История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. — СПб., 1857, 235 с. Зап. имп. Археолог. об-ва, 1859, XIII, с. 1—235.

---

[1] См. статью о В. П. Васильеве А. М. Позднеева в Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона.

История Китая. — (СПб., литогр. Лаппинга), б. г., 277 с. (вначале очерк истории, географии Китая) (литогр.).

Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо Цайдаме и Карабалгасуне. Сб. трудов Орхонской экспедиции, III. СПб., 1897, 36+23 с., III таблицы (изд. Акад. наук).

Китайские посольства в Россию. — Голос, 1878, №№ 351, 354 и 355.

К хронологии Чингиз-хана и его преемников. — Зап. Вост. отд. Русск. археолог. об-ва, 1889, т. 4, с. 375—381.

О движении магометанства в Китае. Годичн. торжеств. акт в С.-Петербургском университете 2 декабря 1867 г. — СПб., печатня А. Головина, 30+13 с. кит. текста.

О замечательной китайской монете конца X или начала XI века, приобретенной в селе Болгарах в августе 1877 г. — Изв. Об-ва истории, археол. и этногр. при Казанском ун-те, 1878, т. I, в. V, с. 122—123.

О снимке с китайской надписи, полученной Академией от российского консула в Кашгаре г. Петровского. — СПб., тип. Акад. наук, 1887, 8 с. (Донесение, читанное в заседании Ист.-филол. об-ва, 28.X 1886 г.).

Открытие Китая. Русский дневник, 1859, №№ 82—85, отд. оттиск. СПб., 1859, 48 с.

Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева с портретом автора. Изд. журнала Вестник всемирной истории. СПб., 1900, VIII+164 с.

Очерки истории японского права и судопроизводства. — Вост. обозрение, 1885, № 20.

Положение Якуб-бека в Восточном Туркестане. — Бирж. Вед., 1874, № 98 и Турк. сб., т. 77, с. 385.

Приведение в покорность монголов при начале Дацинской династии (Из «Шэн-у-цзи»). — (СПб.), тип. В. Безобразова, б. г., 32 с. (отд. оттиск из зап. имп. Русск. географ. об-ва, т. VI).

Русско-китайские трактаты. — СПб., тип. Н. Греча, 1862, 61 с. (Из «Северной пчелы», 1862, №№ 52, 54).

Россия и Ср. Азия. — Бирж. вед., 1873, № 335 1) К хрон. Чингис-хана, 2) Ц. А. и хребты гор.

Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. Исправляющего должность ординарного профессора С.-Петербургского университета Василия Васильева. — СПб., тип. В. Головина, 1863, 75 с. (Годичн. акт. С.-Петерб. ун-та за 1859 г., с. 83—157).

Статьи и заметки по текущим событиям на Востоке

Азия в 1876 г. — Новое время, 1877, № 332. Турк. сб., т. 75, с. 11.

Вей-хай-вейский вопрос. — С.-Петерб. вед., 10.IV 1898.

Восток и Запад. — Вост. обозрение, 1882, № 1, с. 2—5.

Две китайские записки о падении Кульджи. — Русск. вестник, 1872, № V, с. 130—191.

Договор России с Китаем. — Новое время, 1881, № 1014.

Известия из Китая. — Новое время, 1875, № 324.

Китай. — Голос, 1879, № 155 и 216.

Китайские банковые билеты. — Коммерч. газета, 1859, № 55. Васильев (?).

Китайский вопрос. — Голос, 1880, № 328.

Китайский прогресс. —Вост. обозрение, 1884, № 40, с. 8—9.

Китайцы — новые подданные России. — Вост. обозрение, 1884, № 2, с. 1—3.

Настоящий восточный вопрос. — Голос, 1877, № 64; 1878, № 25; 1879, № 3.

Наши отношения к Китаю. — Вост. обозрение, 1882, № 8, с. 5—7.

Новости из Китая. — Голос, 1880, №№ 91 и 114.

О нигилистах в Китае. — Новое время, 1880, № 1444; рец. см. Русское богатство, 1880, № 3, стр. 1—4.

По вопросу о железной дороге в Сибири. — ВО, 1884, № 49, с. 8—10.

Следует ли уступать Китаю Кульджу. — Новое время, 1878, № 720.

Современное положение Азии — китайский прогресс (Речь, приготовленная для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в С.-Петербургском университете). — Годовой отчет по имп. С.-Петербургскому университету за 1882 г. — СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1883, 24 с. То же. Сб. географ., топогр. и стат. ма-лов по Азии, 1884, т. 17.

Современное положение Азии и китайский прогресс (Существенное извлечение из речи, приготовленной для прочтения на акте в С.-Петербургском университете в 1883 г.). — Вост. обозрение, 1883, № 10, с. 3—5; № 11, с. 10—12; № 13, с. 9—12.

Спор между Японией и Китаем за обладание о. Лью-Кью. — Отголоски, 1880, № 33.

Тибетское дело на юридической почве. — Судебный вест., 1869, № 229 и 234. (О праве собственности на литер. произведения).

Франко-китайское столкновение. — ВО, 1884, 47, с. 1—3. Перевод Манифеста кит. богдыхана, с. 2.

Франко-китайская война. — Вост. обозрение, 1883, № 46, с. 1—2; 1884, № 36, с. 1—3; № 37, с. 2—3; № 46, с. 1—2; № 47, с. 1—3.

География

Большая карта китайских владений на кит. языке. Пекин, 1840—1850 (Указания об этой работе см. в статье А. М. Позднеева о В. П. Васильеве в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона).

Воспоминания о Пекине. — СПб., тип. Н. Греча, 1861, 43 с. (Из «Северной пчелы»), 1861.

Выписки из дневника, веденного в Пекине. — Русск. вестник, № 10, с. 145—200; № 12, с. 477—497.

Географические карты древнего Китая (составленные профессором Васильевым). — Вестник имп. Русск. географ. об-ва, 1854, кн. 2, с. 91—94. То же. — Журнал Мин-ва нар. просвещ., 1854, июнь, с. 91—94.

География Тибета. Пер. с тибетского сочинения Миньчжул-хутухты. — СПб., 1895, тип. Акад. наук, 11+95 с.

Дорожник члена государственного совета (Найдачянь) Масыха в походе на север до границы. Пер. с кит. В. Васильева. — СПб., тип. В. Безобразова и К° (1880), 7 с. (отд. оттиск из Отчета имп. Русск. геогр. об-ва за 1880 г.).

Записки о Нингуте. — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1857, XII, с. 79—109.

Описание больших рек, впадающих в Амур. Перевод с китайского, сделанный под руководством В. П. Васильева студентом Цивильковым. — Вестник РГО, 1857, ч. 19, № 2, стр. 109—125. То же. — 1858, ч. 23, № 5, стр. 25—36; то же на фр. яз. в спец. изд. об-ва «Extraits de Publications de la J. J. S. de Russie en 1857—1858».

Описание Маньчжурии. — СПб., 1857, 109 с. (Зап. С.-Петерб. геогр. об-ва, кн. XII, 1857, с. 1—109).

О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии. — Вестн. Русск. геогр. об-ва, XV, 1885, с. 31—36.

По поводу путешествия Гюка. — Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 9, 1873, № 10, с. 380—381. То же — Туркест. сборник, т. 83, с. 49.

(Предложение о выборе путешественника по Китаю). — Изв. Русск. геогр. об-ва, 1889, XXV, в. III, прилож., с. 23—28.

Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях. — Журн. М-ва нар. просв., XXIII, 1852, № 2, с. 117.

Буддизм

Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1. Общее обозрение. — СПб., изд. Акад. наук, 1857, XII+353 с. Рец. 1. И. Н. Березин. — Отечеств. зап., 1857, № 8, с. 104—121. 2. Его же. Журн. М-ва нар. просв., 1857, № 5, с. 1—16. 3. Добролюбов. Современник, 1858, т. 71, то же. Соч., т. 2.

Буддизм, его догматы, история и литература. Часть III. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. Пер. с тибетского. — СПб., изд. Акад. наук, 1869, XXII+288 с.

Буддизм. Статья в Энцикл. словаре Березина (там же, см. статьи В. П. Васильева «Далай-лама в Тибете», «Даосизм», «Конфуцианство», «Ламаизм»).

Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. — СПб., тип. В. С. Балашева, 1873, 183 с. То же. — Журнал М-ва нар. просв., 1873, апр., с. 239—310; май, с. 29—107; июнь, с. 260—293. Рец. И. Минаев — Журн. М-ва нар. просв., т. 172, 1874, март, с. 127—148. О присуждении медали Географ. об-ву за 1870.

Буддизм и ламаизм. — Энциклопедия И. Н. Березина.

Буддизм в полном развитии по винаям. — Сб. Вост. заметки. СПб., 1895, с. 1—7.

Буддизм в Тибете. — Иллюстр. газета, 1864, № 9. То же см. № 45 ст. Н. Рязанцева. Агинский дацан.

Заметки по буддизму. — Изв. Акад. наук, V серия, 1899, № V, 10, с. 337—354; № VI, 10, с. 393—402.

О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма, в библиотеке Казанского университета. — Уч. зап. Акад. наук, по 1 и 3-му отд., т. III, в. 1, 1855, с. 1—33.

Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitäts-Bibliothek zu Kazan (le 4 avril, 1856). — id. Bull. hist. phil., t. XI, p. 337—365 (Mél. asiat., t. II, p. 347—386).

Публицистика

Современные вопросы. — СПб., 1875 (уничтожено цензурой).

Три вопроса. — Улучшение сельской общины. Ассигнации — деньги. Чему и как учиться. Изд. 2, 1878, III+156 стр. (Первое издание запрещено цензурой). Рец. Голос, 1878, № 189; Дело, 1878, № 7, стр. 348—355; Неделя, 1878, № 33 (статья «Наболевшие вопросы», 1878, т. 239 (т. 68), № 8, стр. 227—239).

Автобиография и дневники

Автобиография. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, С. А. Венгерова, т. IV, отд. II, стр. 149—155.

Воспоминание о Пекине. Северная пчела, 1861, № 6 и отд. оттиск. СПб., 1861, 43 стр.

Выписки из дневника, веденного в Пекине. Русский Вестник, 1857, т. IX, №№ 10 и 12, стр. 145—200 и 477—497.

Отзывы о трудах и рецензии

Д. Банзаров, ориенталист 1896 г. Критико-биографический словарь С. А. Венгерова, вып. 23, стр. 85—90.

Возражения на замечания (помещ. в С.-Петерб. вед., № 278, от 9.X 1869), С.-Петерб. вед., 10.XII 1869.

Воспоминание об И. И. Захарове. — СПб., 1885, 19 с. (отд. оттиск из журн. М-ва нар. просв., 1885).

«За и против». Письмо к редактору (полемика с Шифнером). — Голос, 1869, 27.IX, с. 2. Замечание на его статью см. С.-Петерб. ведомости, № 278, 1869, 9.X.

Китайский вопрос (по поводу сочинения г. Мартенса). — Новое время, 1880, №№ 1739, 1760 и 1768.

Китайская медаль за преклонность лет и пиршества старцев. По поводу статьи Леонтьевского и замечания на нее г. Шотта. — Изв. имп. Археолог. об-ва, 1858, т. 1, в. IV, с. 217—223.

О китайской траве Мусюй. — Казанск. губ. ведомости, 1851, № 5, с. 563—564. То же. Библиотека для чтения, 1852, т. 113, с. 3—4.

Отзыв действительного члена В. П. Васильева о трудах Г. Н. Потанина. — Отчет. имп. Русск. географ. об-ва за 1881 г., 3 с. (есть отд. оттиск).

Отзыв о Записках переводчика Отако Кигоро 1884 г. в переводе П. А. Дмитриевского. — Отчет РГО, 1885.

Отзыв о маньчжурско-русском словаре И. И. Захарова. — Отчет РГО, 1877.

Письмо к секретарю Географического общества по поводу статьи «Кладбище Гиньских государей». — Изв. русск. геогр. об-ва, 1866, II, с. 97. Статья — Изв. геогр. об-ва, 1866, II, с. 23—31.

Рец. Песецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874—1877 гг. 2 тома. СПб., 1880, т. I, 560 с.+12 рис.; т. II, III+561—1122+4+XVIII с.+ + 1 карта. — Отчет Русск. геогр. об-ва за 1880 год.

Рец. на книгу Нила, арх. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. — СПб., 1859, 386 с. ЖМНП, 4, 100, с. 84—104.

Рец. на статью Васильева В. П. По поводу путешествия Гюка см. стр. 334.

Рец. А. М. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, в связи с отношениями сего последнего к народу. Журн. М-ва нар. просв., ч. CCIVII, отд. 2, 1888, с. 417—434.

Китайско-русский словарь. Расшир. рецензия на кит.-рус. словарь Палладия и Попова, изд. в 1888 г. — Биржевая хроника, 23 апреля.

Неразысканные работы

Переводы и извлечения из китайской гидрографии и других китайских сочинений в описании экспедиции [1] Г. Н. Потанина. — Изв. РГО, т. III, 1883.

Голод в Китае [2].

Сборник статей о Китае (на нем. яз.) [3].

---

[1] Работа упомянута в словаре Венгерова.

[2] Работа упомянута у А. М. Позднеева о В. П. Васильеве в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона.

[3] Упомянут в статье С. Ф. Ольденбурга. Памяти В. П. Васильева «Речь», 27.X 1910 г.

II. Неопубликованные

Язык и литература

О значении востока вообще и Китая в особенности. Вступительная лекция и. д. орд. проф. китайского языка В. П. Васильева, читанная 10 декабря 1850 г., 46 с.

Шицзин. Перевод и примечания. Го-фын. Сяо-я, Да-я. Сун. (Не хватает XIII песни Го-фын и II песни Сун. В печати имеется только Го-фын, в примечаниях к III ч. китайской хрестоматии).

И-цзин. Исследование, 22 с.

Мэн-цзы. Исследование и извлечения в переводе, 59 с.

Обширные фрагменты материалов и заметок по истории китайской литературы.

Материалы и исследования — О новой системе китайских иероглифов, называемой графической.

Лингвистические заметки и исследования.

Обширные материалы и заметки к лекциям по грамматике и синтаксису китайского языка.

Материалы к Анализу китайских иероглифов.

Материалы к китайской хрестоматии.

Энциклопедический китайско-маньчжурский справочник (имена личные и наименования географические, династические, астрономические, археологические и т. п.), расположенный по русскому алфавиту, 1713 с. (Справочник не озаглавлен. Переписывался несколькими переписчиками. Имеются добавления, сделанные рукою В. П. Васильева, например, с. 175).

Материалы и варианты к китайско-русскому словарю. Один вариант составляет почти полностью китайско-русский словарь, 350. с.

Небольшой китайско-маньчжурско-русский словарь: состав двора и управления, 23 с.

Алфавитный реестр имен тех лиц, биографии которых помещены в Па-ци-тун-чжи, в переводе Леонтьева, 7 с.

Алфавитный указатель английской транскрипции южно-китайских наречий, 81 с.

Тонический или звуковой китайско-русский терминологический словарь, сост. в 1855 г., 138 с.

Небольшой китайско-русский терминологический словарь, 39 с.

Словарь китайской скорописи (на карточках).

(206, также III, 271, VIII, I). Китайско-русский словарь синонимических эпитетов, ч. I, II, 221 лист (в перепл.). Словарь (III, 271, VIII, I) не представляет автографа В. П. Васильева, но авторство его в данном случае несомненно, так как в материалах под № III, 665, 206 содержится почти половина черновиков этой работы, написанных рукою В. П. Васильева. После смерти В. П. словарь (III, 271, VIII, I) находился на руках у сотрудника и ученика В. П., А. О. Ивановского, и перешел в АМ в составе собрания А. О. Ивановского.

Карточки к китайско-русскому словарю.

(см. III, 484). Русско-китайско-маньчжурский лексикон, 409 с.

Материалы для маньчжурско-русского словаря (переписано не В. П. Васильевым), 9 тетр.

Маньчжурско-русский словарь Цивилькова с пометками В. П. Васильева, II с.

Материалы к маньчжурской хрестоматии

Обширные материалы и наброски к лекциям по маньчжурской грамматике.

Материалы для тибетской хрестоматии.

Материалы для грамматики тибетского языка.

Статья об Урянхайском словаре Николая Семеновича, 19. II 1873, с. 11.

Лингвистические заметки.

Рабочие тетради (Тиб. яз.).

История Востока. Археология

Обширные материалы к работе по истории Китая.

Подгот. материалы к работе по истории трактатов и пограничных сношений с Китаем.

Замечание о Кяхтинской торговле (по соображениям Шиллинга фон-Канштадта), 21 с.

Караванная торговля, 20 с.

О торговле с Кульджей и Чугучаком, 9 с.

О народонаселении Китая. По поводу статьи И. И. Захарова в трудах Пекинской духовной миссии, т. I, 90 с.

Биография Ван-ань-ши, 26 с.

Записка о монголо-татарах (Мэн-да бэй-лу). Перевод с китайского, 24 с.

Материалы к работе «О приведении в покорность монголов. . .» (Ср. № 90 этого перечня).

Материалы к истории Пекинской духовной миссии, 12 с.

Юнь-наньский памятник, 3 с.

География Китая

Материалы к работам по географии Востока.

Извлечения из Мэн-гу ю Му-цзи. Перев. Андреевского под ред. В. П. Васильева, 4°, 20 с.

Sur la hauteur de quelques points remarquables de territoire Chinois, par. Biot., 1840, Févr. Библиогр. заметка, 3 с.

Кульджа (из путевых заметок), 4 с.

Буддология

Дух буддийского сочинения под заглавием «Хутукту Декгеду Алтан Герельту Судур-ногодун Эркету Хаган». Диссертация на степень кандидата. Казань. 1839, 65 с.

Об основаниях буддийской философии. Диссертация на степень магистра. Казань, 1839, 86 с. (второй экз. 88 с.).

Извлечение из сочинения Сумба-Хутухту «История буддизма в Тибете», 122 с. (кроме этой рукописи-автографа, имеется два неполных списка с нее: один — 41 с. и другой — 71 с. На первом рукою В. П. Васильева выписано приведенное выше заглавие, на втором им же сделана приписка: «Едва ли нам удастся передать другие имеющиеся у нас источники по истории буддизма в Тибете. По крайней мере, прежде всего, издаю уже переписанный для меня в сокращении текст более позднего автора»).

Си-юй-цзи — Описание западных стран (Путешествие в Индию Сюань-Цзан'а). Пекин, 1845, XXXIV, 603 с. (12 тетр.).

Юэ-Цзан-чжи-цзинь. Каталог китайской трипитаки (1654). Перевод и краткий анализ каждого сочинения. Пекин, 1840—1850, 740 с. (41 тетр.)[1].

Обозрение буддийской литературы по школам: 1) Хинаяна (60 с. 3 тетр.); 2) Иогачары (27 с. 1 тетр.); 3) Мадьямики (24 с. 1 тетр.); 4) Винайя (87 с. 3 тетр.); 5) Бавья (23 с. I тетр.). Пекин, 1840—1850, 221 с.

Буддийский терминологический лексикон, тт. I и II. Пекин, 1843—1849, 1205 и 922 с. (Alias: буддийские догматы, изложенные в виде толкования на терминологический лексикон Mahāvyutpatti).

Этюды по буддийской догматике (рукопись не озаглавлена и содержит в себе систематический сборник статей, выбранных из буддийского терминологического лексикона; переписана для печати рукою А. О. Ивановского), 463 с.

Переводы с китайского и тибетского позднейших философско-догматических буддийских трактатов: 1) Бо-лунь (Catacāstra) Арьядевы и Васу (1188), 38 с.; 2) и 3) Сокращение Абидарм (Abhidharmāvattara, 1291), и О материи (Pancavastuvibhāsā? 1283), Дармоттары, Толкование Васумитры, перевод Сюань-цзана, 46 с.; 4) Обзор Махаяны (?), 32 с.; 5) Критика Хинаяны (?), 10 с.; 6) Руководство к медитации, 64 с.; 7) О созерцаниях, 37 с.[2]; 8) О происхождении Чакравартинов, 24 с. (всего 251 с.) (все перечисленные работы не только не представляют, как обычно, автографов В. П. Васильева, но и правлены не его рукой. Возможно поэтому, что и самые переводы принадлежат другому автору: и стиль, и приемы работы, и степень отделанности этих переводов резко отличают их от всех других работ В. П. Васильева, в особенности пекинского периода. Возможно, впрочем, что мы имеем здесь дело с переписанными и отделанными впоследствии рукою одного из учеников В. П. Васильева рукописями его собственных работ, подлинники которых утрачены).

Оглавление к буддийскому терминологическому лексикону Фань и мин и цзи[3], 4 с.

Подготовительные материалы к истории буддизма в Индии, Даранаты (ср. № 4 настоящего перечня).

Цзи-гуй (Винайя?). Перевод, 158 с.

Материалы для биографии Цзонкавы (по монгольским и тибетским источникам), 40 с.

О 18 сектах. Из собрания Васумитры (?). Перевод с тибетского, 12 с.

Материалы для обзора буддийской догматической литературы по тибетским и монгольским источникам, 20 тетр.

Отзыв о двух диссертациях на тему «О судьбах буддизма в пределах Средней Азии и пр.», 12 с.

О забайкальском ламстве, 12 с.

О буддийском календаре, 8 с.

Путешествие Сун-цзюня по Тибету, 7 с.

Падма Готанг, знаменитый тибетский заклинатель, 6 с.

Обширные разрозненные материалы к изданным работам по буддизму, а также фрагменты неопубликованных заметок и работ в этой области.

---

[1] См. материалы по ист. кит. лит. Приложение, стр. 222.

[2] Заглавия и санскритские эквиваленты, в подлинниках отсутствующие, даны М. И. Тубянским.

[3] См. Мат. по ист. кит. лит., прил., стр. 222.

Библиографические труды

Обширные материалы с библиографическими обзорами и перечнями восточных книг.

Рецензии, отзывы

По поводу статьи «Маги и Мидийские каганы» в Чт. в общ. ист. и древн. при Моск. ун-те, 1860, кн. 2. — 1860, 5 с.

Рецензия на Recherches sur l'origine, l'histoire et la constitution des ordres religieux dans l'empire Chinois Bazin'a, Journ. Asiat., Août 1880, 9.

Статья об экспедиции Сосновского-Пясецкого, 1880, 9 с.

Рецензия на русско-китайский словарь П. С. Попова, 4. с.

Записки в Геогр. общ. по поводу путешествия И. П. Минаева в Индию в 1874 г. (См. П. П. Семенов. История полувековой деятельности РГО, 1896, т. I, стр. 944—945).

Организационные вопросы востоковедения

Программы преподавания китайского языка, истории и литературы по разряду восточной словесности, 1851—1852, 4 с.

Заметки о восточном факультете, 9 с.

Мнение о приемных экзаменах, представленное Совету университета, 3 с.

Программы китайского, маньчжурского и тибетского языков для студентов и оканчивающих университет, 10 с.

Записка о преподавании восточных языков, 3 с.

Докладная записка о введении преподавания японского, корейского и индустанского языков, 4 с.

Официальная переписка по делам Восточного факультета.

Публицистика

Материалы к «Современным вопросам», 22 с.

Материалы и заметки к статьям и работам публицистического характера.

Автобиография, дневники, письма

Пекинские дневники за 1840—1850. Девять тетр., без пагинации, объемом не менее 20 п. л.

Письма к Ковалевскому, Мусину-Пушкину и другим, 1840—1850.

Отчет Казанскому университету о десятилетнем пребывании в Пекине, 1950 (должен бы находиться в архиве Казанск. ун-та. См. С.-Петерб. вед. от 3 дек. 1869. — Возражение на замечания).

Тетради дневников.

Случайные записи, носящие характер отрывков из дневника.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ ОБ АКАДЕМИКЕ В. П. ВАСИЛЬЕВЕ И РАБОТ, ЕГО УПОМИНАЮЩИХ

Алексеев, В. М. Проф. В. П. Васильев, газета «Речь», 1910 г.

Алексеев, В. М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии. Известия Российской АН. Новая серия, т. I, 1906.

Алексеев, В. М. Памяти Д. А. Пещурова. Речь 14.XI 1914 г.

А л е к с е е в, В. М. Система китайских иероглифов, 1926.

А л е к с е е в, В. М. Современные системы современных словарей, 1926.

А л е к с и й, о. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской духовной миссии в г. Пекине или Бэйцзине (в Китае, 1889).

Б а р т о л ь д, В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева. Изв. Рос. Акад. наук. 1918 г.

Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского Ун-та за истекшую третью четверть века его существования. СПб., 1896, т. I, А—Л.

Богословский. Вестник, № 7, 1844. Письма Горского родным.

Б о г у ш е в с к и й. Новое предприятие наших студентов. Сборник, издаваемый студентами императорского С.-Петерб. ун-та. СПб., вып. 1, 1857.

В а с и л ь е в, В. П. Природа и люди Дальнего Востока, 1906, № 19.

В е н г е р о в С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895, IV, ф. II.

В е с е л о в с к и й. Н. И. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1905.

В е с е л о в с к и й, Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб., 1879.

Г о р б а ч е в а, З. И. и Т и х о н о в, Д. И. Из истории изучения Китая в России. Советское востоковедение, № 2, 1955.

Г р и г о р ь е в, В. В. Материалы по истории Восточного факультета. СПб., 1915.

За дальнейший подъем советского востоковедения. Коммунист, № 8, 1955, с. 78—87.

Избрание В. П. Васильева членом Академии наук. Восточное обозрение, 1886, № 3. Доклад на заседании 11 января в Историко-археологическом отделении.

К а р а - М у р з а, Г. Марксизм и буржуазная синология. Проблемы марксизма, № 3, 1931.

Когда б он знал. Русское богатство, 1860, 3, с. 1—4. По поводу статьи Васильева в Нов. времени, № 1444.

К о з и н, С. А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ акад. В. П. Васильева, по данным Азиатского музея Акад. наук СССР, Изв. АН СССР, 1931.

Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, 1851—1864, СПб., 1905; т. II (1865—1901). СПб., 1906; т. IV.

М е л ь н и к о в, П. Первый магистр монгольской словесности. Отеч. записки, т. IX, 1840. Восточное обозрение.

Н и к и т е н к о, А. В. Записки и дневники. СПб., 1893, т. II.

Об источниках истории Пекинской духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности (речь в коллоквиуме 7.I 1888 г.).

Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Памяти В. П. Васильева. ЗВРГО, т. I, 1900.

Памятка Азиатского музея Российской Академии наук. СПб., 1918.

Памятная книжка императорской Академии наук за 1897—1900 гг.

П о з д н е е в, А. М. В. П. Васильев. Новое время, 1887.

П о з д н е е в, А. М. Васильев Василий Павлович. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона.

Предисловие к китайско-русскому словарю, составленному Палладием и Поповым. Пекин, 1888.

Столетие со дня рождения академика Василия Павловича Васильева (сб. статей С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда и А. И. Иванова). СПб., 1918.

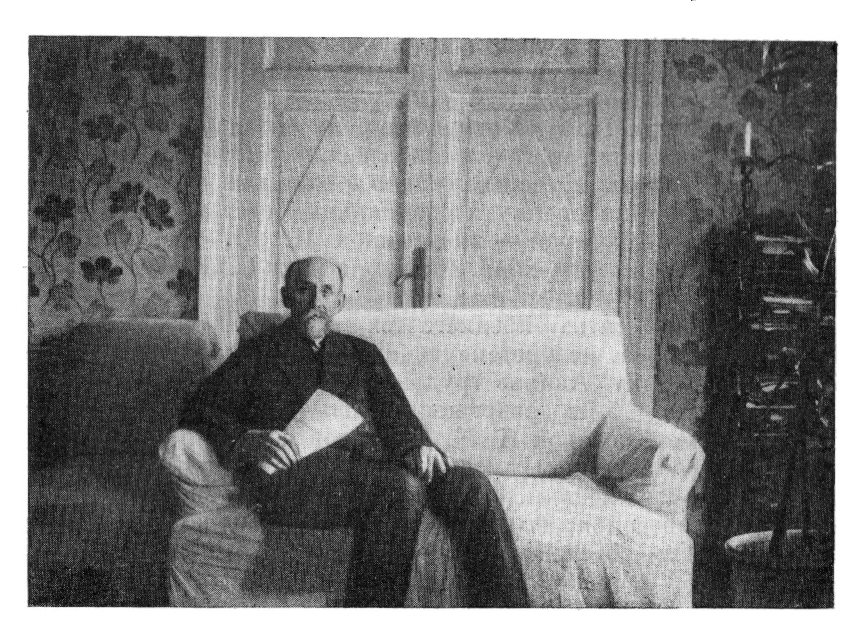
Тубянский, М. И. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского. Доклады Акад. наук СССР, 1927.

Якубовский, А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953. [О В. П. Васильеве — стр. 52—55.]

Р. Р. ОРБЕЛИ

АКАДЕМИК П. К. КОКОВЦОВ И ЕГО РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДСТВО

Академик Павел Константинович Коковцов (19 июня 1861—1 января 1942) скончался в Ленинграде суровой воен-

П. К. Коковцов (снимок 1912—1913)

ной зимой. Условия времени вызывали необходимость принять безотлагательные меры для охраны научного наследия выдающегося русского ученого. Ранней весной того же года, по ини-

циативе и под непосредственным руководством ученицы П. К. Коковцова Н. В. Пигулевской (ныне член-корр. Академии наук), личный архив и обширная библиотека академика были доставлены в Институт востоковедения Академии наук СССР. Ценнейшие для науки архив и книги сохранились благодаря доблестным усилиям небольшой группы научных сотрудников Института, с которыми в течение многих лет была связана деятельность П. К. Коковцова.

Летом 1946 г. появилась возможность начать разбор и описание этого архива (работу выполнил автор данной статьи).

В последние годы жизни П. К. Коковцов сам приводил свои бумаги в порядок, завязывал в пакеты и делал на них надписи. Уцелевшая часть этих заглавий послужила руководящей нитью для определения многих единиц хранения, оказавшихся в состоянии россыпи. С этой же целью использовались список трудов П. К. Коковцова, материалы по его профессорской деятельности в университете и содержание писем к нему.

Осенью 1949 г., в разобранном и описанном виде, материалы были переданы в Архив Академии наук СССР, где и хранятся в настоящее время (фонд № 779).

После смерти П. К. Коковцова роль его научной деятельности в истории русского востоковедения, значение созданной им научной школы и ученых трудов в одной из областей семитологии получили оценку в специальных статьях виднейших советских востоковедов — академиков И. Ю. Крачковского и В. В. Струве и члена-корр. Академии наук СССР Н. В. Пигулевской [1].

В данной статье предлагается краткий обзор архива П. К. Коковцова, не претендующий ни на анализ, ни на глубокую его оценку. Анализ трудов П. К. Коковцова — задача, которая может быть разрешена лишь специалистом в той области науки, которой П. К. Коковцов посвятил всю жизнь. Вероятно, со временем плоды многолетнего служения науке П. К. Коковцова не только займут место в истории отечественного востоковедения, но и будут использованы в специальных исследованиях советских востоковедов. Автор ставит перед

---

[1] И. Ю. Крачковский. П. К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861—1942). «Известия АН СССР», серия Отделения литературы и языка, 1944, т. III, вып. 6, стр. 274—279; Н. В. Пигулевская. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа. «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 5, стр. 106—118. (Краткое извлечение из этой статьи, написанной в 1942 г., см. «Вестник АН СССР», 1942, № 4, стр. 103—107); В. В. Струве. П. К. Коковцов как ассириолог. «Эпиграфика Востока», 1953, VIII, стр. 3—9.

собой задачу — завершить свою работу по разбору и описанию архива публикацией этого краткого очерка

* * *

Архив П. К. Коковцова состоит из 785 единиц хранения, при очень большом объеме отдельных единиц, иногда превышающих 1500 листов. Тематически он образует четыре больших раздела: 1) ученые труды и материалы к ним (152 ед. хр.); 2) письма к П. К. Коковцову (3568 писем); 3) рукописи и документы биографического содержания и связанные с научно-педагогической и общественной деятельностью (59 ед. хр.); 4) семейный архив Коковцовых (87 ед. хр.).

* * *

Семейный архив, охватывающий период с 1776 по 1926 г., содержит весьма важные материалы по биографии ученого, но некоторые его разделы представляют и самостоятельную ценность. Большая серия документов, в подлинниках и копиях, личная переписка, дневники, научные труды, фотографии и другие материалы, сохранившиеся от предков и ближайших родственников П. К. Коковцова, содержат подробные сведения о их жизни и служебной деятельности, в ряде случаев представляющие значительный интерес.

Прадед, Матвей Григорьевич Коковцов (1745—1793), офицер морской службы, автор двух сочинений, занявших видное место в русской географической литературе XVIII в.[1], оставил шесть подлинных документов, датированных 1776—1786 гг. К ним приложена записка П. К. Коковцова о географических трудах прадеда.

Материалы отца, Константина Константиновича Коковцова (1822—1891), инженера путей сообщения и строительного искусства, профессора и инспектора Института инженеров путей сообщения, охватывают период с 1833 по 1891 г. Помимо большого значения некоторых из них для биографии Павла Константиновича (письма его матери), они в большей части чрез-

[1] «Описание Архипелага и Варварийского берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и прочего» (изд. в 1786 г.) и «Достоверные известия о Алжире. О нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом. Сочинение Российского офицера все то на месте обозревшего» (изд. в 1787 г.). Научное значение этих трудов для истории Северной Африки и арабистики оценено И. Ю. Крачковским в «Очерках по истории русской арабистики». М.—Л., 1950, стр. 56—57.

вычайно интересны для истории технического образования в России во второй половине XIX в. и для истории Института путей сообщения в частности.

Из материалов брата, Константина Константиновича Коковцова (1855—1926), также инженера путей сообщения, для биографии академика имеют большое значение дневники, веденные К. К. Коковцовым с 1918 по 1926 г., из них в особенности — дневник поездки в Англию, совершенной совместно с Павлом Константиновичем в 1922 г.[1] Для истории техники представляют интерес рукописи девяти трудов К. К. Коковцова, написанные за период с 1883 по 1926 г., по специальным вопросам железнодорожного строительства [2].

В материалах двоюродного брата, Григория Георгиевича Коковцова (1882—1915), офицера-драгуна, интересны дневники, веденные им в 1914 г., во время пребывания в действующей армии (движение драгунского полка в северных губерниях Привислинского края).

* * *

Биографические материалы, оставленные П. К. Коковцовым, раскрывают его жизнь, деятельность и особенности его личности с исключительной полнотой. К ним относятся: автобиография до 1928 г.; дневники и заметки для себя, веденные за период с 1867 по 1941 г.; черновики писем Павла Константиновича (1896—1941) и письма к нему (с 70-х годов XIX в. по 1941 г.); документы, учебные тетради и записи лекций гимназического и студенческого периода (1871—1884); отчеты, дипломы и другие материалы, связанные с подготовкой к профессорской деятельности (1885—1893); документы, программы курсов и отчеты за время преподавания в Петербургском—Ленинградском университете (1894—1929); дипломы ученых обществ и материалы по участию в их деятельности, а также в деятельности издательств (1893—1937); документы по участию в международных конгрессах ориенталистов (1897—1935); документы о работе в Академии наук (1903—1941); отзывы, написанные П. К. Коковцовым о своих учениках и некоторых востоковедах; экспертиза по делу Бейлиса (1912—1913); собственноручно составленные описи личной библиотеки и личных

[1] См. П. К. Коковцов. «Доклад о научных занятиях в Англии осенью 1922 г.» — Прил. в Прот. II заседания историко-филологического отделения Академии наук, 31 января 1923 г., стр. 476—494.

[2] «Рельсы и скрепления паровозных железных дорог в связи с общим устройством верхнего строения пути» (1894); «Электроподвесные дороги» (1920—1921) и др.

Глубокоуважаемый
Павел Константинович.

С величайшею радостью приношу Вам свои поздравления по поводу счастливого исхода процесса, в котором Вы сказали свое вечное и справедливое слово.

Искренне Вам преданный
А. Шахматов

29 окт 1913

Письмо А. Шахматова к П. К. Коковцову после окончании дела Бейлиса, 29 октября 1913 г.

научных и художественных коллекций; большое число фотографий и, наконец, материалы, которые можно было бы назвать «Театр и музыка в жизни П. К. Коковцова», — программы спектаклей и концертов и фотографический альбом певцов (1876—1895).

Такое суммарное перечисление богато представленной документации, относящейся к личной жизни и научно-общественной деятельности большого ученого, конечно, может послужить лишь намеком на массу сведений, которые раскрываются при ближайшем изучении архива. При этом следует отметить, что помимо узко биографической характеристики эти материалы представляют значительный интерес для истории востоковедения и востоковедного образования в России, для истории Академии наук, а также для истории отдельных событий общественной жизни России начала XX в.

Кабинетный ученый, посвятивший жизнь исследованию чрезвычайно специальной отрасли науки не имеющей связи с современностью, и крайне замкнутый человек, каким многие считали П. К. Коковцова, раскрывается при разборе его бумаг как человек в высокой степени деятельный и отдающий себя служению общественным интересам. Об этом говорят прежде всего его переписка, материалы по деятельности в Академии наук, в ученых обществах и издательствах, а также материалы, относящиеся к экспертизе по делу Бейлиса. Именно наука, именно специальные знания, в сочетании с глубокой принципиальностью, и служили П. К. Коковцову тем оружием, с которым он выступал в общественной жизни.

Особое мнение там, где вопрос решался принципиально вразрез с его точкой зрения, было высказано П. К. Коковцовым во многих случаях жизни, всегда решительно и последовательно. Это касалось главным образом вопросов о праве на высшее образование и о присвоении степеней и званий, которые П. К. Коковцов решал только в соответствии со своими научными и общественными убеждениями. Вступая в смелую и длительную борьбу, независимо от того, был ли это вопрос общего порядка или поднятый применительно к отдельной личности, П. К. Коковцов обосновывал свое особое мнение на научных доказательствах и действовал всегда до конца.

Это свойство П. К. Коковцова проявилось особенно ярко и значительно на процессе по делу Бейлиса в 1913 г., когда, выступив в качестве эксперта, он оказался победителем над темными силами реакции. И, быть может, некоторым отголоском этого выступления можно объяснить немотивированное освобождение П. К. Коковцова от обязанностей присяжного

заседателя, которые он нес в Петербургском окружном суде с 1902 по 1914 г.

П. К. Коковцов выступал в течение многих лет в качестве эксперта по древнееврейскому языку, получая обращения из различных учреждений с просьбой произвести экспертизу и сделать переводы отдельных текстов. В архиве сохранились официальные отношения из Петербургского окружного суда, Министерства иностранных дел, Петербургского университета и Академии наук за время с 1903 по 1925 г. и отпуски ответов П. К. Коковцова с черновиками сделанных им переводов.

Никогда не занимая никаких административных постов в Академии наук, П. К. Коковцов состоял членом многих ее ученых комиссий и постоянно выполнял поручения конференции и Президиума. Деятельность Академии наук, ее честь и высокое достоинство были близки и дороги ему. Он отстаивал звание члена Академии, как звание передового и честного ученого, и со всею решимостью выступал против того, кого считал недостойным его носить.

С 1897 по 1931 г. П. К. Коковцов представительствовал на всех международных конгрессах ориенталистов (XI—XVII), принимая в их заседаниях самое деятельное участие. Письма иностранных ученых, написанные ему после встреч на конгрессах, показывают, как умел он поднять в их глазах значение научных достижений своей родины и вызвать уважение к ее представителям.

П. К. Коковцов был действительным членом ряда русских ученых обществ, среди них — Археологического, Географического, Любителей древней письменности, Археологического института в Константинополе, Палестинского общества и других, а также «Deutsche Morgenländische Gesellschaft». Кроме того, он сотрудничал в издательствах «Всемирная литература», «Academia» и принимал участие в работе многих редакций. Судя по архивным материалам, эта деятельность занимала в жизни П. К. Коковцова большое место и чрезвычайно интересовала его. Он постоянно присутствовал на заседаниях, выступал с докладами, сообщениями, выполнял множество научных поручений, писал рецензии и широко консультировал по самым разнообразным вопросам семитологии. Помимо совместной работы и личных встреч, общение между членами обществ поддерживалось и оживленной перепиской, почему из писем коллег П. К. Коковцова можно почерпнуть многие очень ценные сведения о нем.

П. К. Коковцов служил своими знаниями всем, кто к нему обращался за помощью, советом, указанием. Он не только

отвечал на обращения, но и сам активно помогал отдельным лицам и учреждениям. Одним из проявлений такого служения общим интересам было щедрое предоставление книг из своей личной библиотеки. Можно смело сказать, что при самом бережном и любовном отношении к своим книжным сокровищам П. К. Коковцов превращал их в общественную собственность научных кругов города. Долгие годы он собирал коллекции археологических ценностей, документов, монет, медалей, эстампажей, фотографий и других предметов, но также на протяжении всей жизни он приносил их в дар научным и музейным учреждениям. Об этом говорят документы на имя П. К. Коковцова из Географического общества, Эрмитажа, Русского музея, Института истории и Института книги, документы и письма Академии наук и ряда других учреждений.

П. К. Коковцов был ученым, создавшим свою школу. Об отношении этого замечательного наставника к ученикам говорят их письма, рассказы и воспоминания. Но важные сведения дают и сохранившиеся отзывы, написанные П. К. Коковцовым об учебных занятиях и деятельности ряда востоковедов, работавших под его руководством. Из этих отзывов ясно, как глубоко знал П. К. Коковцов характер научных интересов, способности и даже частную жизнь каждого из своих учеников, как он был требователен и как желал воспитать и сохранить для науки всех, в ком видел талант и серьезное стремление к труду. Многие ученые, посвятившие свою деятельность изучению различных областей семитологии, с горячей признательностью и гордостью называют себя учениками Коковцова. Незадолго до смерти, разбирая свои бумаги и перечитывая письма, П. К. Коковцов составил список своих учеников, в их числе названы: Н. В. Пигулевская, П. В. Ернштедт, Г. В. Церетели, Н. В. Юшманов, А. Я. Борисов, Я. С. Виленчик, А. П. Рифтин, В. К. Шилейко и др.

* * *

С юношеских лет и до последних дней своей жизни П. К. Коковцов вел постоянную переписку личного, научного и общественного характера. В его архиве сохранились письма, полученные от трехсот восьмидесяти одного корреспондента за время с 70-х годов по 1941 г. включительно. Здесь мы встречаем письма русских и иностранных ученых, многочисленных учеников, родных, друзей и ряда незнакомых П. К. Коковцову лиц.

Значение научной переписки П. К. Коковцова трудно переоценить. Это богатейший источник, требующий специального

изучения и, как и рукописи некоторых трудов, могущий служить для публикаций. Характер и содержание переписки раскрывают не только письма к П. К. Коковцову, но и несколько черновиков писем, написанных им самим. Список ученых—корреспондентов П. К. Коковцова очень велик и в кратком обзоре возможно остановиться лишь на некоторых из них. По существу переписка должна была бы послужить темой для специального обзора.

П. К. Коковцову писали: русские ученые старшего поколения и коллеги — В. В. Стасов (1886—1905 гг., 12 писем), В. Р. Розен (1887—1907 гг., 65 писем), С. Ф. Ольденбург (1895—1929 гг. — 6 писем), Б. А. Тураев (1899—1919 гг , 16 писем), С. С. Абамелек-Лазарев (1900—1903 гг., 7 писем), Ф. И. Успенский (1900—1925 гг., 19 писем), Д. Г. Гинцбург (1900—1904 гг., 12 писем), Ф. Е. Корш (1901—1910 гг., 7 писем), А. Е. Крымский (1901—1932 гг., 9 писем), Л. З. Мсерианц (1901—1927 гг., 63 письма), В. Н. Хитрово (1901—1903 гг., 8 писем), А. И. Соболевский (1902—1927 гг., 7 писем), М. В. Никольский (1903—1917 гг., 80 писем), А. А. Шахматов (1904—1917 гг., 28 писем), Д. К. Петров (1907—1924 гг., 8 писем), Н. Н. Глубоковский (1908—1918 гг., 10 писем), И. Ю. Крачковский (1914—1941 гг., 9 писем), И. А. Бычков (1915—1930 гг., 9 писем), Ф. И. Щербатской (1915—1940 гг., 14 писем), В. М. Истрин (1919—1928 гг., 3 письма), С. А. Жебелев (1923—1931 гг., 8 писем), В. Л. Бузескул (1925—1930 гг., 7 писем), В. И. Вернадский (1926—1941 гг., 5 писем), Н. К. Никольский (1927—1934 гг., 16 писем); ученики П. К. Коковцова: В. К. Шилейко (1910—1912 гг., 3 письма), Н. В. Юшманов (1916—1939 гг., 25 писем), Я. С. Виленчик (1920—1922 гг., 5 писем), А. Я. Борисов (1926—1941 гг., 15 писем); иностранные ученые: А. Нейбауэр (1887—1899 гг., 12 писем), И. Гольдциэр (1893—1907 гг., 11 писем), Т. Нёльдеке (1893—1912 гг., 12 писем), С. Познанский (1893—1918 гг., 48 писем), Ф. Делич (1899—1909 гг., 3 письма), Ю. Эйтинг (1900—1912 гг., 12 писем), М. Лидзбарский (1900—1912 гг., 13 писем), Э. Захау (1904—1909 гг., 3 письма).

Переписка П. К. Коковцова охватывает более чем полувековой период истории русского востоковедения, период расцвета русской школы и признания ее значения в мировой науке. Широта проблем, обсуждаемых в письмах, выходила далеко за пределы узкой области семитологии. Проблемы истории и археологии, языкознания и филологии, философии и экзегетики, относящиеся к изучению культур Древнего Востока и античного мира, Византии и Переднего Востока, включая Закавказье, славян и народов, населявших Испа-

нию, служили темами для сообщений, обмена мнениями и очень часто вопросов, обращенных к П. К. Коковцову.

П. К. Коковцов всегда глубоко входил в интересы писавших ему. В своих письмах он стремился давать исчерпывающие ответы на вопросы, щедро делясь знаниями и специально готовясь к ответам. Его письма содержали рефераты статей и книг, рецензии изданных работ и советы, иногда совершенно менявшие направление исследований, предпринятых его корреспондентами. Поэтому многие страницы писем П. К. Коковцова содержат исследования, быть может и не нашедшие отражения в изданных им работах.

* * *

Архив П. К. Коковцова отражает все стадии и формы исследования, начиная с отдаленного подбора материалов и вплоть до законченного изложения.

Как ученый П. К. Коковцов был чрезвычайно требователен к себе и за десятки лет (1883—1940) интенсивной научной деятельности напечатал сравнительно немного, большинство его исследований осталось в рукописях. При этом следует отметить, что для работы Павла Константиновича был характерен критический подход к своим уже изданным трудам: в архиве хранятся экземпляры его статей и книг, буквально испещренные позднейшими дополнениями, примечаниями и исправлениями.

Рукописи трудов П. К. Коковцова и маргиналии, имеющие первостепенное научное значение, во многих случаях могут явиться источниками для разрешения специальных вопросов семитологии и послужить для посмертных публикаций. Так, из числа подготовленных к печати можно назвать Сирийскую хрестоматию, курс истории побиблейской еврейской литературы, материалы, связанные с изучением Пальмирского тарифного камня, и некоторые другие. Особо следует отметить, что исследования эпиграфических текстов богато иллюстрированы фотокопиями.

Широкие научные интересы П. К. Коковцова распространялись на многие гуманитарные науки, в первую очередь лингвистику, историю и теорию литературы, эпиграфику и палеографию и охватывали обширный круг языков и культур семитских народов. Но разрешение проблем семитологии в трудах П. К. Коковцова также не было ограничено и шло путем привлечения сравнительных филологических данных, извлеченных из памятников письменности несемитических народов.

Тематически рукописи трудов П. К. Коковцова и материалы к ним образуют следующие основные разделы: общие вопросы

Первая страница вступительной лекции П. К. Коковцова на Восточном факультете Петербургского университета 21 января 1894 г.

семитологии; гебраистика; сирология; ассириология; эфиопистика; арабистика; отзывы о научных трудах, биографии и некрологи; библиография к трудам; маргиналии к изданным трудам других авторов; виды, планы, карты.

Особо следует отметить диссертации на соискание университетских наград в 1883/84 учебном году и степени магистра еврейской словесности в 1893 г., которые характеризуют ранний период научной деятельности П. К. Коковцова, период формирования исследователя и первый шаг на педагогическом поприще, так как к ним можно присоединить и текст вступительной лекции на Восточном факультете Петербургского Университета (1894). Темы этих ранних работ — «Халдейский перевод притчей Соломоновых и его отношение к сирийскому переводу той же книги, находящемуся в Пешитте», «Книга сравнения еврейского языка с арабским» Абу Ибрагима (Исаака) ибн Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII в. и «Об общих основах науки еврейского языкознания» — уже определяют ряд вопросов, разработке которых П. К. Коковцов посвятил многие годы своей дальнейшей научной деятельности. В 1905 г. он начал работать над докторской диссертацией, которую издал в 1916 г. под заглавием: «Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках». В автобиографии по поводу этой работы П. К. Коковцов пишет: «Докторская диссертация, не представленная в факультет Восточных языков в качестве таковой, вследствие преждевременной кончины профессора Д. А. Хвольсона» (1911). Защита докторской диссертации П. К. Коковцовым так и не состоялась, но, имея с 1903 г. звание адъюнкта Петербургской Академии наук, в 1912 г. он был избран ее действительным членом.

Общими вопросами семитологии — сравнительным изучением языков и памятников письменности семитических народов — П. К. Коковцов занимался на протяжении всей жизни — с 80-х годов XIX в. до 1940 г. включительно.

Из материалов по языкознанию (словарных карточек, сравнений, выписок из текстов и пр.) необходимо отметить следующие, систематизированные по вопросам, материалы: 1) для библейского (древнееврейского) словаря, для изучения ассиро-вавилонской клинописной графики, для словаря арамейских наречий и новоеврейского языка; 2) «Материалы для изучения строения семитических корней», — исследование важнейших глагольных корней ассиро-вавилонского, древнееврейского, сирийского, древнеарабского и эфиопского языка,

3) к курсу «Сравнительная грамматика семитических языков» — фонетика, морфология, лексика и общая характеристика языков еврейского, арабского, сирийского, эфиопского, амхарского, а из несемитических — грузинского и группы берберских.

Из филологических исследований следует отметить статью «Семитическая филология» и обширное исследование под заглавием «Введение в семитическую филологию». «Введение» содержит исследование родственных связей и взаимовлияний семитических языков с несемитическими, а также историю изучения семитических языков. Специальные главы «Введения» посвящены обзорам ассиро-вавилонской, древнеизраильской, сирийской и арабской литератур.

Но наибольшим числом представлены исследования в области эпиграфики: рукописи трудов П. К. Коковцова и к ним многочисленные фоторепродукции семитических надписей.

Центральное место в этой группе материалов занимает исследование Пальмирского таможенного тарифного камня 137 г. н. э. с двуязычной надписью на арамейском и греческом языках.

Изучением Пальмирского тарифа П. К. Коковцов занимался на протяжении почти шестидесяти лет: с 1882 г., когда он был открыт русским археологом С. С. Абамелек-Лазаревым, и вплоть до конца 1940 г. Изданию этого памятника П. К. Коковцов придавал огромное значение; углубленное исследование длилось многие годы. Даже после издания памятника французским археологом Шарлем Клермон Ганно П. К. Коковцов продолжал свою работу. В архиве сохранилась часть его докладной записки в Президиум Академии наук СССР, которую он готовил в 1940 г. по поводу необходимости издания этого капитального труда. И можно сказать с уверенностью, что этот вполне оригинальный труд, содержащий притом много неопубликованных материалов, не только не явился бы дублированием издания Ш. Клермон Ганно, но внес бы новый вклад в изучение культурных памятников Сирии и арабских стран. Исследование П. К. Коковцова, фотографии и фототипии тарифа, эстампаж арамейского текста и разнообразные документы, раскрывающие всю историю открытия этого замечательного памятника и перевоза его из Пальмира в Россию, ждут посмертного издания.

Арамейские эпиграфические тексты исследовались П. К. Коковцовым также и по папирусу с о. Элефантины, по блюдам из Прохоровки и по ряду других памятников. Но интересы его распространялись значительно шире. В архиве сохранились описания и исследования надписей финикийских, ассиро-

вавилонских, египетских, древнееврейских, сирийских, пехлевийских (халдео-пехлеви и сасано-пехлеви) и других, иллюстрированные большим количеством фотографий [1].

Помимо нескольких статей, изданных П. К. Коковцовым, эта группа исследований нашла свое выражение в курсе семитической эпиграфики, читанном им в 1921—1924 гг.

Гебраистикой П. К. Коковцов занимался на протяжении всей своей научной деятельности. Рукописи его гебраистических трудов относятся к периоду с 1894 по 1936 г.[2], но весьма возможно, что некоторые из недатированных относятся и к позднейшим годам.

Исследования в области гебраистики посвящены пяти основным темам: еврейский язык, Библия и Новый завет, побиблейская и средневековая еврейская литература и философия, еврейско-хазарская переписка, древние и средневековые еврейские рукописи. Но, судя по подобранным материалам, можно сделать вывод, что П. К. Коковцов занимался также религиозно-философскими представлениями древних евреев, историей евреев в эпоху эллинизма и даже историей древнееврейского календаря.

Труды П. К. Коковцова в области еврейского языкознания положили начало его научной деятельности, и он продолжал их и в последующие годы, изучая язык всесторонне — и лексикологически, и грамматически. В архиве сохранились следующие рукописи: курс грамматики, читанный в 1894 г.; начало задуманного учебника; незаконченная «Грамматика еврейского языка»; «Добавления и заметки к словарю древнееврейского языка» и заметки по арамейским наречиям, в том числе талмудическому языку и другим специальным вопросам лексики.

Исследованием Ветхого и Нового завета П. К. Коковцов занимался с 1897 по 1929 г. Работа его носила чисто филологический характер и была сосредоточена главным образом на исторических и поэтических текстах Библии (книгах: Иова, пророчеств Исайи, Иезекииля, Даниила, Екклезиаста, Иисуса сына Сирахова, Песни песней, плача Иеремии, Псалмов). Из них наиболее детально была исследована книга Иова, переводом и анализом которой П. К. Коковцов занимался с 1914 по 1929 г. Изучение же евангельских текстов шло в двух направлениях: язык Нового завета (евангельские гебраизмы) и литературная связь Нового завета с Библией (ветхозаветные цитаты в Новом завете).

---

[1] В 1940 г. П. К. Коковцов передал 203 негатива Гос. Эрмитажу.

[2] О ранних работах см. стр. 350.

Историей побиблейской и средневековой еврейской литературы и философии П. К. Коковцов занимался с начала 90-х годов по 1936 г., причем разработке отдельных тем посвятил свыше двух десятилетий. Эти исследования, тексты и переводы памятников готовились для издания в серии «К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы», из которой увидели свет только два первых выпуска, вышедших в 1893 и 1916 гг.[1] В архиве сохранились план серии и тексты, подготовленные для последующих выпусков. Так, некоторые из них должны были содержать: «Kitab al kafi» Абуль Фараджа и «Анонимный компендий еврейской грамматики испанского еврея конца XI в. (псевдо ибн-Яшуша)»; «Грамматическое введение в Kitab al Bajan или библейский комментарий Танхума бен Иосифа из Иерусалима»; «Анонимный караимский компендий грамматики XII—XIII века»; «Грамматические труды караима Абуль Фараджа Аарона ибн-ал-Фараджа» (Kitab al mustamil). Тексты снабжены филологическими комментариями и био-библиографическими сведениями об авторах. Труд этот, хотя и не доведенный до полного завершения, подготовлен настолько, что требовал бы лишь некоторой доработки для издания.

«Лекции по истории побиблейской еврейской литературы», читанные П. К. Коковцовым в 20-х годах, представляют законченное изложение курса, дополненное обширными материалами в виде цитат из сочинений еврейских писателей, с биографическими данными о них, собранными П. К. Коковцовым, фото- и ротокопий рукописей и десяти отпусков писем П. К. Коковцова к профессору М. Виленскому.

Параллельно с подготовкой и чтением этого курса, в 20-х же годах, П. К. Коковцовым был написан ряд исследований по истории средневековой еврейско-арабской филологии и философии, повидимому не предназначавшихся для издания в серии и во всяком случае не отмеченных в ее тематическом плане. К ним относятся исследования «Kitab al Hidaja» Бахьи ибн-Пакоды, «Dalala al Ḥā'irīn» Моисея Маймонида и «Источника жизни» Соломона ибн-Габироля. Последнее сочинение было исследовано с точки зрения критики его латинского перевода.

Изучением еврейско-хазарской переписки П. К. Коковцов занимался с 1913 по 1932 г. Две работы, изданные именно в эти

---

[1] Два первых выпуска серии содержали тексты магистерской и докторской диссертаций П. К. Коковцова, см. стр. 350.

годы, — «Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в.» (1913) и «Еврейско-хазарская переписка в X в.» (1932), явились началом и завершением этого многолетнего исследования. В архиве имеются печатные экземпляры обеих работ с позднейшими дополнениями и примечаниями автора, а кроме того, сохранились неопубликованные части исследования, фотокопии рукописей из собраний Публичной библиотеки, Британского музея, Кембриджа и Оксфорда, выписки из трудов арабских географов и здесь же письма К. А. Иностранцева и А. Я. Борисова, относящиеся к теме о еврейско-хазарской переписке. Следует отметить, что в этой переписке имеются материалы по истории нашей родины. Факт исследования еврейско-хазарских отношений является доказательством несомненного значения работ П. К. Коковцова и для изучения истории народов СССР.

Многие годы своей научно-исследовательской деятельности П. К. Коковцов отдал описанию рукописей собраний Публичной библиотеки и Азиатского музея. Чрезвычайно ценные материалы как описательного, так и исследовательского характера связаны с его работой над еврейскими, еврейско-арабскими и самаритянскими рукописями за время с 1898 по 1926 г. Здесь имеются: инвентари и полные описания еврейских рукописей Азиатского музея, обоих собраний Фирковича, коллекции Антонина и самаритянских рукописей Публичной библиотеки, а также два исследования: «Варианты Петербургских рукописей» и «Вновь найденные интересные отрывки».

Наряду с гебраистикой одно из центральных мест в научных интересах П. К. Коковцова занимала сирология. Рукописное наследие П. К. Коковцова, относящееся к этой области семитологии, охватывает период с начала текущего столетия до середины 20-х годов.

Из трудов, сохранившихся в архиве, необходимо указать на следующие: полное описание сирийских и сиро-палестинских рукописей Публичной библиотеки, среди них фрагментов коллекции Порфирия Успенского, «Материалы для сирийской хрестоматии» и «Заметки по сирийской грамматике и сирийской литературе».

Сирийская хрестоматия осталась не вполне законченной, но тексты четырнадцати разделов были уже подготовлены и снабжены комментариями, заглавия же остальных известны из плана, приложенного к рукописи. В числе подготовленных текстов имеются фрагменты: «Из синайского палимпсеста Евангелия», «Из Пешитты Нового завета», «Из апокрифа

«Деяния Фомы», «Из перевода «Церковной истории» Евсевия», «Из переписки Иакова Серугского» и др.

Судя по обширным и систематизированным материалам, П. К. Коковцовым было задумано составление грамматики сирийского языка и курса истории сирийской литературы. Об этом говорят многочисленные заметки П. К. Коковцова, например, «Материалы для характеристики сирийского и мандейского языков». В них даются образцы грамматического строя, примеры лексики, тексты, выписки из грамматических трудов сирийских авторов и пр. Раздел «Фонетика» имеется в законченном изложении. В части литературной следует отметить исследование фрагментов из сирийской патрологии — «Язык Афаата», «Сидра Рабба» и специальный раздел «К переводу чина литургии и чина крещения», который был написан для Урмийской миссии в 1903—1904 гг.

Наряду с этим П. К. Коковцов занимался и редактированием сирологических исследований других европейских авторов: он дополнил и снабдил примечаниями «Сирийский словарь» К. Броккельмана и «Краткий очерк истории сирийской литературы» В. Райта, уже после издания его в русском переводе К. А. Тураевой, вышедшем в 1902 г. под его же, П. К. Коковцова, редакцией.

Материалы по ассириологии датируются двадцатыми и первой половиной 30-х годов и связаны с последними годами профессорской деятельности П. К. Коковцова. Курсом ассириологии завершилось его многолетнее преподавание в Ленинградском Университете.

Эта часть архива представляет детально разработанные материалы к лекциям: копии и филологический анализ текстов, заметки, выписки из исследований других авторов и изложение подготовленных частей своего курса. Из числа этих материалов следует назвать: «Исследование ассиро-вавилонской клинописи (идеограммы и силлабарии). Введение в ассириологию»; «К ассирийской графике и суммерийскому вопросу» (надписи Саргона, вавилонское курсивное письмо, каппадокийские клинописные таблетки, идеограммы названий городов, рек, божеств, материалы к грамматике суммерийского языка и др.); «Лекции по сравнительной грамматике ассиро-вавилонского языка»; филологическое исследование халдейских, новоэламских и хеттских текстов.

Эфиопистика в архиве П. К. Коковцова представлена только полным описанием эфиопских рукописей Публичной библиотеки, датированным 1885 г., и материалами к грамматике эфиопского языка. «Описание» относится к наиболее раннему периоду

научной деятельности П. К. Коковцова, и в дальнейшем его глубокая эрудиция в области эфиопистики выразилась в исследованиях, посвященных общим вопросам семитологии, из них прежде всего сравнительному изучению семитических языков.

Арабистика, как одна из дисциплин семитологии, также не привлекала к себе специального внимания П. К. Коковцова, ею он занимался главным образом в связи с исследованием средневековой еврейско-арабской филологии и философии. Но именно как следствие этой многолетней работы над текстами явились: статья «Две системы классификации арабских звуков (по месту их выговора)», с материалами к грамматике, и «Добавления из еврейско-арабских текстов к арабскому словарю Гиргаса». В этой же связи следует упомянуть критически подготовленный и комментированный текст «Maqālāt al-muhādarā wal-mudākarā» Моисея ибн-Эзры (Абу-Харун Муса ибн аль-Гарнати). Эта работа, выполненная, повидимому, в 1934 г., предшествовала одному из последних исследований П. К. Коковцова, посвященных при этом также вопросам арабской филологии.

В 1939 г. П. К. Коковцов был поглощен темой «Ф. Е. Корш и вопрос о музыкальной ритмизации стихов в средневековой арабской метрике». Закончить это исследование П. К. Коковцову уже не удалось, но в архиве сохранились начало статьи (черновой экземпляр) и собранные им обширные материалы.

Исследовательская работа П. К. Коковцова сопровождалась систематическим составлением библиографии. Справки библиографического содержания являются обязательной частью всех материалов, подобранных им в связи с изучением того или иного вопроса. Огромная начитанность и строгая проверка своих выводов с данными научной литературы сказываются как в этих многочисленных библиографических заметках, так и в специально разработанной библиографии периодических изданий. Эта последняя работа велась тематически и охватывала большое число журналов от начала XIX в. по 1925 г. Так, были разработаны следующие темы: «Библиография по еврейской (побиблейской) и еврейско-арабской литературе, а также по еврейско-арамейским наречиям»; по истории еврейского народа; по библеистике; по сравнительной семитической лингвистике; по арабистике; «Обзоры ученых журналов (важнейшие статьи)» и библиография еврейской журналистики до 1886 г. Сюда же следует отнести перечень тем, намеченных П. К. Коковцовым для исследований, и библиографию к ним.

За многие годы своей научно-педагогической деятельности в Университете и Академии наук П. К. Коковцов выступал

и в качестве оппонента при защитах докторских диссертаций, и в качестве рецензента работ, представленных на соискание премий Академии наук. В Архиве сохранилось десять отзывов, написанных им с 1901 по 1938 г., среди них о сочинениях Н. Н. Дурново «Материалы и исследования по старинной литературе. К истории об Акире» (Москва, 1915); Д. М. Зельцера «Египетские и вавилонские элементы в древнееврейских делениях времени» (1926); Вл. Рыбинского «Самаряне. Обзор источников для изучения самарян. История и религия самарян» (Киев, 1913) и др.

Суровый и непреклонный критик, в своих отзывах П. К. Коковцов с равной убежденностью поддерживал все ценное, новое и оригинальное и беспощадно клеймил то, что считал непригодным для науки. Некоторые из написанных им отзывов создали ему личных врагов, старавшихся набросить тень на нравственный облик ученого и возбудить сомнение в беспристрастности его суждений.

Но интересно привести слова одного из крупнейших ученых, которым гордится русская наука, — ассириолога М. В. Никольского. В них суммируется то, что звучит в сотнях писем, обращенных к П. К. Коковцову на протяжении его долгой ученой деятельности. 20 февраля 1903 г. в Петербурге, в день первой личной встречи с молодым ученым, престарелый М. В. Никольский писал: «Истинноуважаемый Павел Константинович! Первое знакомство с Вами и несколько часов, проведенных мною у Вас в беседе о самых серьезных, интересующих меня проблемах, произвели на меня такое впечатление, которое не изгладится во всю мою жизнь». И далее: «Да, Вы учитель в самом лучшем и возвышенном смысле этого слова, Вы владеете мудростью, какой никто у нас не имеет, не исключая и тех, кто были Вашими учителями. Ваша личность, Ваши познания, Ваш энтузиазм, Ваше самопожертвование — все это беспримерно у нас, и как многим из наших книжников следовало бы сидеть у Ваших ног и учиться. То, что я Вам говорю, это не лесть. Нет, это не лесть, я стар для этого, это просто восхищение, какое я испытываю, вспоминая о Вас».

П. К. Коковцов был признан не только при жизни. Его трудовой подвиг сохранился в памяти коллег и учеников, воплотился в созданной им школе и в рукописях многочисленных исследований. Сознавая научную ценность своего рукописного наследия, он завещал его советским востоковедам.

К. К. КУРДОЕВ

ХАЧАТУР АБОВЯН КАК КУРДОВЕД-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

(к вопросу изучения истории курдов в России)

Хачатур Абовян родился в 1804 г. в Армении в селе Канакир во время господства персидских ханов. Он получил монастырское воспитание и богословское образование в Армении, затем учился в Дерптском университете, где получил широкое филологическое, этнографическое и философское образование. Там же сложились его литературные вкусы и педагогические принципы.

Х. Абовян находился под влиянием прогрессивных представителей русской литературы. В частности, его эстетические воззрения сформировались под значительным воздействием Белинского, а его реализм связан с реалистической струей в русской литературе, особенно с творчеством Карамзина, Крылова, Пушкина и Гоголя.

Х. Абовян был ближайшим помощником и спутником немецких ученых-путешественников (М. Вагнера, Августа Гакстгаузена, Паррота и др.) в изучении географии Закавказья и этнографическом исследовании армян, азербайджанцев и курдов.

Х. Абовян принадлежал к плеяде прогрессивных деятелей той эпохи. Он отдал жизнь делу просвещения армянского народа. На своей родине он основал частный пансион (первую в Армении светскую школу), в котором воспитывал детей — армян, грузин, азербайджанцев и других национальностей. Он составлял учебники, в которых были изложены его педагогические принципы. Так, в своем известном труде «Предтропье» он совершил подлинный переворот в истории армянской педагогики, а романом «Раны Армении» и многочисленными поэтическими произведениями он заложил основы светского языка в отличие от грабара — языка церковной литературы, непонятной народным массам Армении. Х. Абовян считается пер-

вым народным просветителем и основоположником современного армянского литературного языка.

По своим политическим убеждениям он был горячим сторонником свержения персидского господства и присоединения Армении к России, понимая, что этот шаг будет в тех условиях, безусловно, прогрессивным.

Занимаясь вопросами литературы и языка, неустанно борясь за улучшение дружественных отношений между народами Закавказья — армянами, грузинами, курдами, Х. Абовян уделял большое внимание и вопросам исторического развития этих народов. Его перу принадлежит небольшая по размерам, но значительная по содержанию работа о курдах, которая позволяет считать Абовяна одним из лучших первых знатоков курдов. Эта работа, состоящая из нескольких самостоятельных очерков, объединенных единством тематики, была напечатана на страницах газеты «Кавказ» за 1848 г. (№№ 46, 47, 49, 50, 51) под общим названием «Курды». Вся работа составляет не более двух печатных листов и представляет собой стройное научное произведение, в котором с четкой последовательностью освещены и сформулированы вопросы происхождения курдов, их занятий, языка, народного творчества, социального строя, религии, черт характера, образа жизни и нравов.

В начале и даже в первой половине XIX в. в России немногое знали о курдах. Были известны лишь отдельные путевые заметки, содержащие отрывочные сведения о тех или иных курдских племенах, кочевавших в Закавказье [1], да две-три небольшие работы, в которых уделялось некоторое внимание этнографическому описанию курдов. Так, например, в работах А. З. «Подробное описание Персии» [2], А. Жобера «Курдистан» [3] и в статье «Курды» [4] курдам и Курдистану посвящено не больше 30 страниц, в которых даются расплывчатые, очень краткие и подчас неверные сведения о происхождении курдов, их нравах, обычаях, быте кочевых и оседлых курдов и их военной организации.

---

[1] В. Т. Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Т. и напечатанное с высочайшего соизволенья. СПб., 1839, стр. 264; В. С. Легкобытов. Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. СПб., 1838, ч. I—IV, с картой и указателем. Статистическое обозрение. СПб., т. XVIII, №№ 21 и 22, стр. 243—259, 317—337.

[2] «Москва», 1824, стр. I—II.

[3] «Северный Архив», 1826, ч. 22, стр. 173—183.

[4] Журнал Мин-ва внутр. дел, 1835, ч. XV, № 2, стр. 455—462.

Совершенно понятно, что ни один из авторов названных работ и не мог ставить перед собой задачи более или менее подробного этнографического описания курдов. Их работы являлись только зародышем этнографического исследования. Что же касается научного интереса к курдам в России, то он появился сравнительно поздно — примерно в середине XIX в. Но и тогда этот интерес был еще слишком поверхностным. Тем не менее уже в это время И. Березин посвятил специальную статью обзору хрестоматии афганского языка, изданной Дорном в Петербурге на английском языке [1], в которой пишет: «С двух противоположных сторон, восточной и западной, примыкают к Персии две страны, имеющие сходство между собою по физическому и политическому положению своему: это Афганистан и Курдистан. Многочисленные ветви гор разрезывают оба владения, не менее многочисленные племена составляют народонаселение обеих стран. Древность существования этих наций имеет почти одинаковую историческую давность: если геродотовы Paktoi есть не что иное, как нынешний Пухтун (афганцы), то нельзя не признать курдов в Гордиенах древности. Даже для науки оба народа представляют почти равный интерес» [2].

Русский путешественник Диттель, пройдя по Востоку, попутно интересовался и курдами. Проезжая через Курдистан, он собирал географические и лингвистические данные о курдах. Не лишне будет привести слова Диттеля, характеризовавшие состояние этнографической науки о курдах. В своем «Трехгодичном путешествии по Востоку» он пишет: «Путешествие через Диарбекир до границ Сирии представляло мне много наблюдений в географическом и филологическом отношениях. Путь мой лежал через Мардин, Диарбекир, Низибин и Орфу. Страны, по которым я проходил, составляли часть Курдистана, и мало известны. Так как до сих пор мы не имели сколько-нибудь удовлетворительного этнографического описания племен этой полосы Азии, то при обширном изучении новых диалектов я обратил особенное внимание на материалы, пополняющие эту часть географии. Приобретение таких сведений стоило мне часто больших трудов и пожертвований. По собранным мною данным, я насчитываю до 300 племен курдов, и, думаю, что нынешнее подробное исследование Курдистана

---

[1] Dorn Bernhar. A chrestomathy of the pushtū or afghan Language; to which is subjoined a glossary in afghan and english. St.-Petersbourg, 1848.

[2] Журн. Мин-ва нар. просв., 1848, ч. LV, отд. VI, стр. 170.

может пролить свет на древнее состояние этой провинции Турции» [1].

Но главным образом в России судили о курдах на основе переводов небольших работ европейских путешественников, попутно касавшихся вопросов быта, обычаев и нравов курдов. Таким образом, в первой половине XIX в. в России еще не было ни одного серьезного исследования по истории курдов, не говоря уже о том, что тогда никому и в голову не приходило заняться изучением древних и средневековых восточных источников для выяснения вопросов этногенеза.

Работа Х. Абовяна в этом отношении является первым всесторонним этнографическим описанием курдов Закавказья, с использованием древних источников. В большинстве своих выводов и обобщений Абовян обогнал современную ему науку на десятки лет. Абовян занимался историей курдов не как поверхностный наблюдатель, а как настоящий ученый-этнограф. В первую очередь он изучил «исторические и географические произведения и рукописи монастырской библиотеки Эчмиадзина и Эривана» [2]. Затем для ознакомления с бытом и культурой изучаемого народа он совершил путешествие по Курдистану [3], основательно ознакомился с курдскими племенами зилан, сипкан, гасан, джадали и другими, собрал необходимые этнографические данные о них. Достоверность собранных им материалов он неоднократно проверял, и, читая упомянутую работу знакомым курдам, учитывал их поправки и дополнения [4]. Таким методом мог пользоваться только ученый, понимавший цели и задачи своей работы. На основе тщательной обработки всего архивного и собранного им фактического материала Абовян делал смелые научные выводы и обобщения, не утратившие своего значения до сегодняшнего дня. В настоящей статье нет возможности осветить все вопросы, затронутые Абовяном в его работе о курдах. Остановимся вкратце на его выводах и соображениях по основным вопросам истории, происхождения, быта и культуры этого народа. При этом важно отметить, что, описывая быт курдов, Абовян обращает особое внимание на специфику их быта, культуры, отмечая наряду с этим некоторые общие черты, характерные для быта и культуры курдов, армян, арабов и других восточных народов.

---

[1] Д и т т е л ь. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку. Журн. Мин. внутр. дел, отд. IV, стр. 19, СПб., 1847.

[2] M. W a g n e r. Reise nach Persien und den Ländern der Kurden. Leipzig, 1852, S. 224.

[3] А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 49, Тифлис, 1848, стр. 196.

[4] Там же, «Кавказ». № 51, 1848.

Абовян старался дать научное разъяснение вопросу о происхождении курдов. «Сведения наши, — пишет он, — о происхождении, родстве, распространении и значении этого народа в истории очень неполны, неверны и основаны более на преданиях, нежели на фактах исторических» [1]. Для того чтобы отыскать достоверные исторические факты о курдах, Абовян исследовал восточные источники, причем особое предпочтение он отдавал армянским, справедливо полагая, что армяне, будучи постоянными соседями курдов, имели о них сведения более достоверные, чем другие народы. Некоторые историки (Чамчиан, Инджинджиан) считают, говорит Абовян, что «курды произошли от мидян, известных под общим названием Марк, и были названы курдами потому, что жили во время существования древнего армянского царства, в той части Армении, которая называлась тогда Кордик или Корд» [2]. Подробно и внимательно изучив произведения и рукописи армянских историков и географов, имевших отношение к истории курдов, Абовян пришел к выводу, что «нынешние курды — не что иное, как смесь множества различных народов, поселившихся в этой же стране (Кордик. — *К. К.*), где жили курды, принявшие впоследствии их язык, веру, одежду, обычаи и, наконец, слившихся в один народ» [3].

Таким образом, Абовян считал, во-первых, что курды — один из древних народов, во-вторых, что в формировании этого народа принимали участие другие народы, заселившие область Кордик с прилегающими к ней областями и слившиеся с ее жителями, курдами, в-третьих, что курды в древности в культурном отношении стояли не ниже уровня их покорителей. Иначе не объяснить причины усвоения завоевателями языка, веры и обычаев курдов.

Кто были народы, покорившие страну Кордик и слившиеся с ее населением? Абовян считает, что «армянские писатели это объясняют довольно удовлетворительно», полагая, что сначала пришли мидяне, покорили область Кордик и слились с местным населением; после мидян пришли скифы, затем арабы, которые также слились с местным населением, сформировав впоследствии народность курдов. В дальнейшем курды разделились на множество племен и расселились в южной и центральной Армении. Абовян, вполне соглашаясь с мнением армянских историков-географов Чамчиана и Инджинджиана,

---

[1] Абовян. Курды. «Кавказ», № 46, 1848.
[2] Там же.
[3] Там же.

старается подтвердить его новыми фактами из истории и этнографии курдов.

Мысль о происхождении некоторых курдских племен от слияния с арабскими Абовян подтверждает курдскими преданиями, сохранившими отзвуки этого слияния — общность обычаев, сходство одежды, наконец, близость языка, особенно месопотамских курдов, с арабским.

Абовян считает также несомненным, что и армяне сыграли свою роль в формировании народности курдов. Он пишет: «. . . значительная часть (армянского. — *К. К.*) народа встала под знамена, увенчанные полумесяцем, и постепенно принимала язык, образ жизни мусульман, так что впоследствии совершенно слилась с ними, и в настоящее время в названиях курдских племен сохранились следы этого влияния. По древним армянским летописям видно, что многие из армянских князей бежали в Курдистан, приняли там имена курдские» [1]. Курдские племена сливан, рошкан, мамкан, мандики Абовян считает происшедшими от рода древних армянских князей: племя сливан — от рода Селкуниев, племя рошкан — от рода Рштуниев, мамкан — от княжеского рода Мамиканиев, а последнее, т. е. мандики, — от фамилии князей Мандакуниев.

Можно было бы думать, что звуковое совпадение названий курдских племен с названиями родов древнеармянских князей — явление случайное, но в действительности, при более углубленном изучении истории взаимоотношений курдов и армян становится ясно, что оно является отражением взаимосвязей армянского и курдского народов. Из работ армянских историков и географов известно, что не только армяне переселялись в область Кордик и смешивались с ее жителями, но и, наоборот, из области Кордик жители переселялись в Армению и смешивались с местным населением. Историк М. Хоренский сообщает, что когда Тигран учреждал княжеские роды, он наряду с армянскими учреждал и курдские роды, находившиеся в Армении или в пределах Кортчея. Это может служить свидетельством политических, культурных и других связей армянского и курдского народов.

Взаимные переселения армян в область Кордик, а курдов в Армению также свидетельствуют о наличии политических и экономических связей между областью Кордик (Кортчек) и Арменией. Известно, что «кортчейское (курдское. — *К. К.*) население южной Армении, со всеми прилегающими к ней с юга областями, то подчинялось Армении. . . то откалывалось от

---

[1] А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 46, 1848.

нее, создавая самостоятельное управление»[1]. Во время переселения курдов в Армению, а армян в Кордик могло происходить массовое смешение армянского и курдского народов. Следы этого смешения, говорил Абовян, до сих пор сохранились в курдской среде. Так, кроме совпадения названия рода древнеармянских нахараров с названиями курдских племен, встречалось много случаев совпадения названий древнеармянских провинций с наименованиями курдских племен. Например, в списке перечисления армянских областей и провинций[2] многие названия совпадали с наименованием курдских племен:

Названия древнеармянских провинций	Названия курдских племен	Названия древнеармянских провинций	Названия курдских племен
Zeluni	Зилан	Bznuni	Бызыни
Aspakani	Сипкан	Banuni	Баноки
Taroni	Торыни	Budani	Будки
Garxi	Карки	Tekori	Такори
Baraznuni	Баразан (Барзан)	Moksen	Мокси (Мохси)
Bakuri	Мыкури	Artos	Артоши и многие другие

В настоящее время трудно сказать, армянские ли провинции получили свое название от наименований курдских племен или наоборот; но факт совпадения названий является, очевидно, не случайным, а отражает взаимосвязи курдского и армянского народов, которые наблюдались в древние периоды их истории.

Приведенные факты лишний раз доказывают необходимость и целесообразность использования исторических источников восточных народов, в особенности армянских, для выяснения истории курдского народа. Помимо совпадения названия курдских племен с наименованием древних армянских нахараров и провинций, в армянских источниках встречаются названия ряда областей, также совпадающие с наименованием курдских племен, не входящих в пределы Армении. Так, например,

---

[1] Н. Адонц. История Армении в эпоху Юстиниана. СПб., 1906, стр. 226—230.

[2] М. Хоренский. История Армении (перевод Эмина) главным образом об армянских провинциях и областях.

в армянских источниках встречается название области «Тасан», расположенной к югу от области Кортчек. «Тасан» совпадает с наименованием крупного езидского племени Дасан (дасыни) [1].

Таких примеров можно было бы привести очень много. Ограничимся приведенными, из которых можно сделать следующий вывод: сохранение в курдской среде названия древнеармянских нахараров, топонимических названий армянских провинций или же ряда народов, находившихся в соседстве с Арменией, показывает, что курдский народ является одним из древних народов Передней Азии и что он формировался в процессе смешения ряда крупных народов и племен, населявших юго-восточную Армению. Факты прежде всего говорят, что в этом формировании принимали активное участие мидяне и армяне, переселившиеся в область Кордик или покорившие ее жителей — курдов и воспринявшие их язык, веру и обычаи.

Выяснение степени взаимовлияния курдского и армянского народов даст возможность разрешить многие неясные вопросы истории и этнографии курдов и армян. Но, к сожалению, как курдоведами, так и армяноведами в этом направлении пока еще сделано мало.

Хорошо зная курдский язык, Абовян занимался вопросами его состава, грамматикой и лексикой.

Абовяном сделаны переводы курдских песен, записанных им же. Характеристика состава курдского языка, данная Абовяном, в настоящее время устарела, так как относится только к словарному составу, но не к словарному фонду и грамматическому строю курдского языка, но в свое время она была принята всеми востоковедами и даже оказала на них значительное влияние. «Курдский язык, — пишет Абовян, — состоит из смеси арабских, татарских, персидских, армянских и курдских слов [2]. Он делится на два главных наречия — собственно курдское и так называемое заза, до того отличающееся от первого, что оно вовсе непонятно курду, который предварительно не научился ему. На наречии заза говорят в Эгнусе, Тужине, Шуше и других округах, при этом разговорный язык, в свою очередь, изменяется в выговоре отдельных племен» [3].

Лингвисту, знатоку курдского языка, нетрудно определить, какое влияние оказало на некоторых исследователей-курдоведов это положение Абовяна. Так, например, исследователи-курдоведы — Лерх, Юсти и Егиазаров — недалеко ушли от

---

[1] Шараф-намэ, т. 2, стр. 28.
[2] Очевидно, речь идет о словарном составе курдского языка.
[3] Абовян. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

этого определения Абовяна, относя курдский язык к иранской группе языков индоевропейской семьи. Что же касается деления курдского языка на два наречия, то оно правильно и названными курдоведами принято со следующими поправками: вместо терминов «наречия собственно курдское и заза» они употребляют термины «диалекты курманджи и заза». Кстати следует отметить, что деление Абовяна прочно вошло в науку, претерпев лишь некоторые изменения.

В настоящее время курдоведы делят курдский язык на следующие три диалекта: диалект курманджи распространен на территории северо-запада Курдистана до Синджарских гор и районов Мосула, диалект заза распространен в районах Дерсима, Эрзерума и Муша и диалект курди распространен в юго-восточной части Курдистана.

Фонетически, говорит Абовян, слова курдского языка слышатся «европейскому уху в каких-то твердых и неприятных звуках». «Нельзя, однако же, не отдать этому языку преимущества перед другими азиатскими языками, в нем очень редко встречаются шипящие звуки, столкновения согласных и нет также непостижимых гортанных звуков, как в языках лезгинском и чеченском»[1]. Это определение Абовяна совершенно правильно. Оно дало возможность другим ученым считать фонетику курдского языка простой и легкой. Очень интересно замечание Абовяна о некоторых внешних формах курдских слов, которое имеет прямое отношение к грамматическим формам языка, «бо́льшая часть слов, как коренных, так и сложных, оканчивается на гласные — е, а, и». Нетрудно догадаться, что речь идет о грамматических формах слов в курдском языке. Абовян не интересовался вопросом, почему курдские слова оканчиваются гласными «а, е, и»; это не входило в его задачу. Для него важно было указать на внешние характерные особенности языка, не вдаваясь в разбор грамматических форм. Уточнение и разъяснение их было делом исследователей курдского языка. Как же объясняли это явление курдоведы Лерх, Юсти и Егиазаров? Обращая внимание на это явление и исходя из норм персидского языка, они восприняли эти курдские гласные как разнообразные формы одного и того же изафета в персидском — і. Лерх, Юсти, а вслед за ними и Егиазаров отмечали, что в курдском изафет является то в виде гласного «е», то в виде «і», то в виде «а» [2].

---

[1] Абовян. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

[2] Советское курдоведение доказало, что эти гласные звуки, выполняющие роль изафета, в курдском служат показателями категории рода и числа.

Последним, наиболее интересным замечанием Абовяна о курдском языке является его указание на один из очень важных способов образования собственных имен. Он пишет: «Почти ко всем именам собственным, даже к названиям других народов, курды присовокупляют окончание «о» и сокращают их почти в половину, например Гассан, Шамдин, Алловарди и пр. — изменяют они в Гассо, Шамо, Алло. — Из этого правила исключаются только имена знатных и значительных лиц, следовательно обычай этот служит некоторым образом отличием для высшего сословия». На это замечание Абовяна до сих пор никто не обращал внимания, а между тем оно очень ценно и должно привлечь внимание лингвистов-курдоведов. Действительно, прибавление «о» к концу сокращенного наполовину слова есть одна из характерных черт курдского языка. Вывод Абовяна о том, что этот способ образования личных имен служит некоторым образом отличием для высшего сословия, является совершенно бесспорным и может быть подтвержден приведением многочисленных примеров.

Абовян призывал ученых изучать курдский язык и таким путем «приступить к разрешению многочисленных исторических вопросов». Сравнивая курдский язык с русским и говоря об общих словах и глаголах, он писал: «Стоит отыскать несколько сот слов равнозначащих и равнозвучащих в обоих этих языках, чтобы приступить к разрешению многочисленных исторических вопросов. Но где средство к изучению этого народа и языка, к обработке этой благодарной почвы, от которой можно ожидать столь много для пользы отечественной истории и языкознания?» [1]

Не менее интересны исследования Абовяна в области курдского народного творчества. Известно, что народной поэзии курдов Абовян уделял много внимания. В той же работе о курдах он дает характеристику курдскому народному творчеству, обещая в дальнейшем привести образцы курдской народной поэзии, но, к сожалению, он не привел ни одной из записанных и переведенных им песен [2]. Немецкий путешественник М. Вагнер сообщает, что Абовян прислал ему курдские песни вместе со своими исследовательскими материалами о курдах и езидах. Некоторые из них Вагнер дает, как говорит он, в немецком переводе в своей статье об езидах. Однако только

[1] А б о в я н. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

[2] Некоторые отрывки курдских песен, записанных Х. Абовяном, были недавно извлечены из его рукописей, хранящихся в Литературном музее Еревана, и напечатаны в курдской газете «Рийа Тәзә», № 72 (684), октябрь 1955 г.

недавно стало известно, что личная тетрадь Абовяна с курдскими песнями найдена и хранится в литературном отделе Государственного музея Арм. ССР. Тетрадь эта еще ждет своего исследователя; лишь после специального изучения можно будет судить о роли Абовяна в изучении курдских песен.

В рассматриваемой работе «Курды» Абовян дает характеристику курдскому народному творчеству. Он пишет: «Народная поэзия курдов совершила изумительные шаги и достигала возможного совершенства. Каждый курд, даже каждая курдянка врожденные поэты в душе. Все они обладают удивительным даром импровизации, но смешно было бы требовать от кочевого народа стройных поэтических созданий, изящных картин и риторических украшений речи. Они воспевают очень просто и незамысловато: свои долины, горы, водопады, ручьи, цветы, оружие, коней, воинские подвиги, своих красавиц и прелести их, — все доступное их чувствам — понятиям, прикрашивают сравнениями и стараются еще живее передать все это мелодическим пением, конечно, оскорбляющим немного слух европейца, но драгоценным, как выражение их духовной жизни и образа мыслей, чрезвычайно оригинального народа, привыкшего предпочитать свой просяной чурек всем утонченным лакомствам могущественных европейцев» [1].

Эта характеристика курдского народного творчества приводится Лерхом [2], Н. Я. Марром [3] и другими курдоведами.

Чрезвычайно интересно высказывание Абовяна о важности изучения народной поэзии курдов. «Поэтические произведения этих азиатских трубадуров действительно заслуживают особенного внимания и удовлетворяют требованиям самой суровой критики. Но никто их не записывал, и, как рапсодии и как изустные предания, они с каждым годом подвергаются более и более забвению. Какое сокровище мог бы извлечь из них изучающий народные обычаи, поверья и сказания, если бы какой-нибудь ученый, не жалея ни издержек, ни труда, необходимого для собирания этих драгоценных материалов, постранствовал бы по этому краю» [4].

Из отдельных разбросанных высказываний Абовяна можно представить себе следующую картину общественного строя и жизни курдов в середине XIX в.

---

[1] Абовян. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

[2] П. Лерх. Исследование о курдах и их предках северных халдеях, кн. II, стр. 9.

[3] Н. Я. Марр. Еще о слове челеби. Зап. Вост. отд. имп. русск. геогр. общ., т. XX, вып. II—III, стр. 127—129.

[4] Абовян. Курды. «Кавказ», № 47, 1848. (Примечание).

Курды делятся на кочевых и оседлых. К кочевникам относятся те, которые занимаются главным образом скотоводством; они всегда вооружены, ведут себя независимо. Оседлые курды занимаются земледелием, в зимнее время дают кочевникам убежище в своих деревнях, за что кочевники защищают их от нападений врага. Степень зависимости от турецкого и персидского правительств у оседлых больше, чем у кочевников, хотя Абовян считает, что все курды фактически независимы. Он говорит, что несмотря на то, что курды подвластны Турции и Персии, «все их обычаи остаются неприкосновенными». По его словам, подвластность курдов заключается только в том, что «они посылают им в известное время года небольшую подать», на самом деле «имеют свое управление, суд и расправу». Оседлые и кочевые курды делятся на многочисленные племена, в свою очередь, делящиеся на «благородных» («высшее сословие») и «простолюдинов» («низшее сословие»). «Высшее сословие» состоит из князей, начальников племен и родов и богатых людей. Остальная масса составляет «низшее сословие». Абовян не приводит данных об экономическом положении «высшего» и «низшего» сословий и о формах эксплуатации, существовавших в курдском обществе. Но имеется одно интересное замечание, из которого можно получить некоторое представление об этом.

Говоря о дневном расходе продуктов у князей во время приема гостей, он пишет: «У многих князей, считающихся начальниками племен, съедается до 40—50 баранов, более пяти пудов риса и выходит по несколько фунтов кофе и табаку в день, потому что обедают и пьют кофе по несколько раз в день».

На вопрос, откуда берут князья эти огромные запасы, Абовян дает следующий ответ: «Общество вознаграждает все это с излишками богатыми подарками в праздники». Под обществом, конечно, следует понимать основную массу народа («низшее сословие»), которую эксплуатировало «высшее сословие» — князья, начальники племен и родов. Так, например, князья собирали натуральную повинность в виде добровольной дани (кашкул) за пастбища, за места стоянок (кочевок), за пользование водой рек и источников. Кроме того, в виде добровольных или обязательных подарков (в зависимости от районов Курдистана) «низшее сословие» платило так называемые пешкеша ага, бага — подарки, предназначенные агаларам и бекам, или выполняло повинности забара ини (полевые и домашние работы на беков и агаларов). Следовательно, вышеприведенное высказывание Абовяна имело прямое отно-

шение к существовавшим формам эксплуатации среди курдов, так как упоминаемые Абовяном «излишки и богатые подарки, приносимые обществом» князьям и племенным начальникам в праздничные дни, являлись, безусловно, одной из форм эксплуатации. В этом отношении Абовян стоял выше Егиазарова, который, исследуя социальные отношения курдов, не раскрыл сущности «обы» как единицы кочевой организации курдов, созданной первоначально на базе экономических интересов ее членов. Егиазаров не видел в ней ни классов, ни сословий, ни эксплуатации. Он характеризовал ее как демократическую общину. «Оба, — пишет Егиазаров, — представляет собою демократическую патриархальную общину, все члены ее, как бедные, так и богатые, пользуются одинаковыми правами; глава же обы только первый между равными»[1]. Кстати следует отметить, что в вопросе правовых отношений определение Абовяна более соответствовало действительному положению вещей, чем определение Егиазарова. Абовян считал, что власть князей, племенных начальников и родоначальников неограниченна и обязательна для всех. «Раздоры между племенами всегда прекращаются старшинами и князьями, так что палатки или дом старшины заменяют у них все судилища, сенаты и присутственные места. Они (князья и старшины. — *К. К.*) не допускают своих мулл ни к каким общественным делам и ограничивают их деятельность богослужением»[2]. А. Егиазаров говорил, что до введения судебных реформ в Закавказском крае «курды представляли собою демократические патриархальные общины, где все члены, как богатые, так и бедные, пользовались одинаковыми правами, богатые и знатные роды пользовались лишь бо́льшим уважением и значением»[3].

Не менее интересны выводы Абовяна о патриархальном образе жизни курдов. В противоположность некоторым тогдашним европейским ученым, видевшим в курдах только разбойников, грабителей и убийц, людей, не имевших ни одного положительного качества, Абовян дал другую, более объективную картину их общественной жизни, обнаруживая при этом гуманное отношение к изучаемому народу. Рассказывая о патриархальных обычаях курдов, он замечает, что «в настоящее время трудно найти между народами всего земного шара столь патриархальную жизнь со всеми ее добродетелями, преимуще-

---

[1] Егиазаров. Этнографический очерк курдов Эриванской губернии, стр. 19. Тифлис, 1909.

[2] Абовян. Курды. «Кавказ», № 47, 1848.

[3] Зап. Кав. отд. Русск. геогр. об-ва, XIV, вып. 2, стр. 18.

ствами и невзгодами, как жизнь курдов. . .», «курдов можно было бы назвать рыцарями Востока в полном смысле слова, если бы они вели жизнь более оседлую. Воинственность, прямодушие, честность, . . . строгое исполнение данного слова и гостеприимство. . . безграничное уважение к женщине — вот добродетели и качества, общие всему курдскому народу»[1].

Эту характеристику Абовян иллюстрировал рядом конкретных примеров, останавливаясь при этом на разъяснении тех из них, которые свидетельствовали о хороших качествах курдов.

Остановлюсь вкратце на роли Абовяна в деле изучения курдов.

Имея прекрасное историко-филологическое и этнографическое образование, Абовян блестяще использовал его не только при самостоятельном изучении этнографии курдов и армян, но и оказал огромную помощь европейским ученым, путешествовавшим на Восток и занимавшимся изучением Армении, Курдистана и Закавказья вообще.

О громадной помощи, оказанной Абовяном Фридриху Парроту, подробно рассказано в описании его путешествия[2].В путевых «Заметках о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями» Августа фон Гакстгаузена, мы видим, что роль Абовяна в деле изучения армян и езидов была огромной. Говоря о своем пребывании у Абовяна и о той помощи, которую последний оказал ему, Гакстгаузен пишет: «Я провел там в разговоре с Абовяном все время до самого вечера и приобрел от него в этот и следующий день богатые сведения об образе жизни, нравах, особенных качествах и наклонностях армянского народа и через это мог уразуметь внутреннюю его жизнь гораздо яснее, нежели когда бы прожил между ними целые месяцы. Абовян был одним из тех благородных, рассудительных и правдивых людей, которых мы редко встречаем в жизни. Разгадав скоро, что я вообще с любовью стараюсь вникать в жизнь народов, он объяснил мне все с величайшей подробностью. . . Так как он сам прожил 4 года между немцами в Дерпте, то для него сами собою стали ясны как сходственные, так и противоположные черты обоих народов. Мне стоило только сделать ему один вопрос, задеть его за живое и в нем мгновенно пробуждались мысли и воспоминания, которые он тотчас сообщал мне. При всем этом Абовян был преисполнен пламенного патриотизма

---

[1] Зап. Кав. отд. Русск. геогр. об-ва, XIV, вып. 2, стр. 18.

[2] Fr. P a r r o t. Reise zum Ararat. Geologische, botanische, zoologische Nachrichten. V. 2, Berlin, 1834.

к своей родине, поэтому-то большею частью всем нижеизложенным я обязан ему, а потом уже моим собственным наблюдениям, которые частью делал тоже под его руководством» [1].

На 182-й странице своей второй книги Гакстгаузен в примечании пишет следующие интересные строки: «Абовян составил в Дерпте записки из своих юношеских воспоминаний, заключающие в себе много любопытного касательно жизни армянского народа. Он подарил их мне, с тем, чтобы я ими пользовался как хотел».

Такую же помощь Абовян оказал Гакстгаузену в изучении курдов-езидов. Гакстгаузен сообщает: «Утром в шесть часов отправились мы четверо, Абовян, его дядя, Петр Ней и я, в северо-западном направлении к езидам». Сообщая свои наблюдения над езидами, он пишет: «Через посредство Абовяна я спросил езидов, позволят ли они сделать им некоторые вопросы относительно их племенного и семейного устройства, а также и религиозных мнений, они изъявили готовность». Эту готовность езидов отвечать на его вопросы и их доверчивость к нему Гакстгаузен объясняет лишь дружеским отношением езидов к Абовяну и к его дяде.

В своих кратких очерках о езидах Гакстгаузен сообщает, что некоторые сведения о быте, нравах, религии езидов он узнал от самого Абовяна и его дяди.

Существенную помощь Абовян оказал путешественнику М. Вагнеру в вопросе этнографического изучения курдов. Вагнер в своих статьях о курдах и езидах рассказывает: «Несколько спустя после моего возвращения из Передней Азии я получил, благодаря моему другу Абовяну, директору окружного училища в Эривани, который является хорошим знатоком Востока, также основательно владеет многими азиатскими языками — весьма интересную работу о некоторых народностях западной Азии, а именно о курдах, которых он имел случай изучать как в русской Армении, так и в Персии в Баязедском пашалыке на протяжении многих лет. Рукопись господина Абовяна о нравах, чертах характера, условиях жизни курдов заключает в себе вместе с тем обстоятельные замечания о езидах, во многих пунктах смешанно живущих с ними. Она была представлена мне в свободное пользование и легла в основу настоящих очерков» [2].

«Господин Абовян сообщил мне, — говорит Вагнер, — не только этнографические исследования, но также образцы курд-

[1] Закавказский край, т. II, СПб., 1875, стр. 170—171.

[2] M. Wagner. Reise nach Persien und den Ländern der Kurden. Leipzig, 1952, стр. 119.

ской и езидской поэтики в дословном переводе; большинство из них эпического содержания. Наряду с героическими песнями имеются также и любовные песни». Далее в примечании Вагнер дает следующее пояснение: «Среди представленных мне переводов курдских песен имеется много отрывков больших поэм, из которых мы к сожалению не можем восстановить ни одной. Постоянно встречаются среди них эпические песни о победе езидов у Радована под предводительством их начальника Кешиш-Поло и победе Сулейманаги над курдскими племенами джалали на Арарате. Среди элегий имеется жалоба девушки, возлюбленного которой убили турки при Низаме, и жалоба езидской воинственной женщины на ужасные опустошительные походы Рашид-Паши»[1]. Путешественник Боденштедт в своих впечатлениях о поездке в Армению пишет: «Благодаря Абовяну мне удалось записать армянские, курдские и татарские песни»; при этом он поясняет: «Абовян писал и снабжал меня немецким комментарием». Далее он говорит: «Первую песнь записал Абовян собственной рукой и в дальнейшем он обещал прислать их мне»[2]. Следовательно, Абовян не просто записывал, собирал курдские песни, но и переводил и комментировал их. Записанные песни, его перевод и научные комментарии он посылал М. Вагнеру и Боденштедту.

Таким образом, Абовян не только сопровождал фон-Гакстгаузена, М. Вагнера, Боденштедта, помогал им собирать этнографические материалы о курдах и армянах, но и снабжал их собственными собранными этнографическими материалами. М. Вагнеру он послал свою рукопись о курдах и езидах, Гакстгаузену дал «книгу воспоминаний», изображавшую быт, нравы, культуру и общественные отношения армянского народа, Боденштедту — свои переводы и комментарии курдских, армянских и татарских песен. По признанию Гакстгаузена и М. Вагнера, эти материалы легли в основу их работы. Трудно указать, в какой мере Гакстгаузен исчерпал «книгу воспоминаний» Абовяна, что же касается статей М. Вагнера, то можно сказать, что они полностью построены на основе материалов Абовяна. Содержание изложенного материала, структура статей, выводы и последовательность изложения Вагнера почти не отличаются от абовяновских. Исторический обзор, разыскания и соображения Абовяна по армянским источникам о происхождении курдов и езидов Вагнеру показались убедительными

---

[1] M. W a g n e r. Reise nach Persien und den Ländern der Kurden, стр. 254.

[2] Fr. B o d e n s t ä d t. Tausend und ein Tage im Orient. Berlin, 1850, стр. 143—167.

и заслуживавшими внимания. Словами Абовяна он говорит о происхождении курдов и их языке. Что же касается остальных этнографических вопросов, то они в основном описаны Вагнером так же, как и Абовяном; небольшая разница заключается лишь в том, что Вагнер в отдельных случаях приводит те или иные этнографические сведения о курдах из работ Хорпа, Нибура, Раулинсона, Айнсворта, Рича и др.

Таким образом, имя Хачатура Абовяна неразрывно связано с курдоведением. Абовян был и остается первым исследователем этнографии курдов в России, так как он первый дал сжатое, но всестороннее и вполне правильное этнографическое описание курдов; познакомил востоковедов с точкой зрения армянских историков и географов на происхождение курдов, езидов, их образ жизни, нравы; значительно упростил вопрос об их происхождении, доказав, что слово «курды» связано с наименованием области Кордик, а их самоназвание — курмандж — с названием города Керман, тем самым отнеся курдов к исконным жителям центрального и восточного Курдистана, указав одновременно с этим на некоторые связи курдов с мидянами и армянами. В этнографическом описании курдов он базировался на научной основе, наметил путь решения вопроса об историческом развитии курдов через непосредственное изучение курдского языка, народного творчества, исторических источников восточных народов, рассматривая весь комплекс этих вопросов как богатейший и благодарный источник не только в отношении историко-этнографического изучения курдов, но и как ценнейший материал, приносящий большую пользу отечественной истории и языкознанию, а также этнографии.

* * *

Прошло более ста лет со времени выхода в свет труда Хачатура Абовяна. Труд этот не потерял научного интереса и до настоящего времени.

В дни празднования стопятидесятилетия со дня рождения великого сына армянского народа советское курдоведение с гордостью отмечало, что в числе первых исследователей, занимавшихся историей курдов в нашей стране, стоит имя прогрессивного демократа, просветителя Хачатура Абовяна, друга курдского народа.

Только при советской власти стали осуществляться благородные желания Хачатура Абовяна, относящиеся к изучению истории курдов, их культуры, народной литературы и языка. В Армянской ССР с момента выхода в свет нового курдского

алфавита (1928), открытия курдских школ и организации Курдского Закавказского педагогического техникума в Ереване началось систематическое изучение курдского языка и собирание материалов народного творчества курдов. Научные учреждения Еревана оказывают всяческую помощь молодым курдским ученым. Было организовано несколько научных экспедиций в курдские районы под руководством армянских этнографов (проф. Лисициана) и фольклористов (проф. Оганджаняна) в 1931, 1933, 1934 годах. В этих экспедициях принимали участие и курдские ученые Аминэ Авдал, Аджиэ Джинди и другие, получившие широкое филологическое и этнографическое образование в Ереванском Государственном университете. Экспедиции занимались изучением языка, фольклора и быта советских курдов. Как результат работы этих экспедиций в 1936 г., в Ереване был издан первый сборник курдского народного творчества (40 печатных листов) [1]. Составителями сборника были участники экспедиций Аминэ Авдал и Аджиэ Джинди, работавшие в течение длительного времени над сбором всех жанров курдского фольклора. В сборник вошли три основных жанра курдского народного творчества: сказки, эпос и песни. В частности, напечатаны 16 вариантов популярного героического эпоса «Кäр у Кöлык», 3 варианта великолепного романтического эпоса «Мам у Зин», 4 варианта романтического эпоса «Замбил-фырош», один вариант популярного героического эпоса «Дымдым», 4 варианта «Лейл у Маджнун», 5 вариантов «Маме и Айше», 12 вариантов «Авдале Зайнике», около 60 разнообразных сказок и большое количество песен.

Сборник напечатан латинизированным курдским алфавитом. Приведенные о сказителях данные показывают, что запись значительного количества фольклорного материала производилась из уст курдов — выходцев из различных районов северо-западного Курдистана. Очень важно также отметить, что часть материалов записана из уст армян — выходцев из районов Диарбекира, Муша и Вана, хорошо знавших курдский язык. Некоторые материалы собраны среди местных курдов, ранее проживавших на территории Советской Армении.

Основным недостатком сборника является то, что его составители не провели никакой исследовательской работы по издаваемому материалу. В сборнике нет даже предисловия; тексты плохо запаспортизированы. Кроме того, они изобилуют множеством опечаток. Но тем не менее выход в свет этого большого труда о курдском народном творчестве явился очень важным

[1] См. Folklora kyrmanca (Курдский фольклор). Rəwan, 1936.

событием в деле изучения богатого и содержательного курдского фольклора, не говоря уже о том, что изданный сборник имел большое значение в области изучения этнографии, истории и языка курдского народа.

Издание ряда словарных и грамматических работ ереванских курдоведов было вызвано практической потребностью в области культурного строительства среди курдов Советской Армении. К ним относятся первый армяно-курдский словарь (10 печатных листов) и терминологический словарь (3 печатных листа). Из работ по курдскому языку следует указать на грамматику проф. Хачатуряна, грамматику А. Джинди для средних школ и краткую грамматику А. Мовсесяна для начальных школ.

В 1936 г. был издан сборник курдских народных песен [1], записанных А. Джинди и Каро Закаряном. В сборник вошли главным образом любовные, плясовые и героические песни. Он снабжен обстоятельным предисловием Каро Закаряна на курдском, армянском и русском языках. Автор дает подробную характеристику курдских песен и их классификацию с точки зрения содержания и музыкальной ценности. Курдские песни он делит на мифологические, любовные, религиозные (гимны), трагические, трудовые и плясовые и песни, отражающие новый быт.

Научное изучение отдельных жанров курдского фольклора в Армении началось только в последние годы.

В 1945 г. в Ереване была издана диссертационная работа А. Джинди, посвященная известному героическому эпосу «Кäр у Кöлык». Автору удалось собрать около 33 вариантов этого замечательного эпоса. Работа напечатана на армянском языке и содержит разделы: 1) значение изучения курдского народного творчества, 2) данные о сказителях и певцах, из уст которых записан эпос, 3) вопрос о времени и месте возникновения эпоса и его распространение по Курдистану, 4) язык эпоса. Затем дается сводный текст эпоса на курдском языке и его перевод на армянский. Курдский текст напечатан новым курдско-русским алфавитом, утвержденным правительством Советской Армении в 1945 г.

Резюме напечатано на русском языке. В качестве приложения приводится русский перевод текста, сделанный С. Егиазаровым в его этнографическом очерке о курдах Эреванской губернии.

---

[1] Kəlame ƣəmətа kyrmanca (Курдские народные песни). Rəwan, 1936.

Аджиэ Джинди также является автором ряда других работ, посвященных курдскому фольклору. К ним относятся интересные статьи — «Героические и патриотические мотивы в курдском фольклоре» [1], «Курдское советское народное творчество» [2], сборник курдского фольклора в переводе на армянский язык [3].

Перу Аджиэ Джинди принадлежит также краткий очерк курдской литературы Советской Армении [4] и «Курдские сказы эпоса Кор-оглы» [5]. В первой работе он показывает, как на основании использования богатейшего народного творчества курдов, классических произведений русских и армянских писателей, а также произведений советских писателей возникает у курдов Советской Армении своя художественная, учебная и научная литература.

В работе «Курдские сказы эпоса Кор-оглы», состоящей из курдского текста, его перевода на армянский язык и исследования, автор рассматривал историю возникновения и распространения этого известного азербайджанского народного эпоса среди курдов, показывал, как в этом эпосе отражены отдельные художественные образы, эпизоды и даже целые пласты сказочных мотивов, свойственных курдскому народному творчеству.

Интересной и широко распространенной по Курдистану поэме «Сиабанд и Хадже» посвящена диссертационная работа Нуро Полатовой. Автор собрала 12 вариантов поэмы, один из которых был переведен на армянский язык поэтами Таронци и Ширази. В своей работе Нуро Полатова раскрыла борьбу героев поэмы «Сиабанд и Хадже» против родо-племенных традиций и социального неравенства в феодальном патриархальном строе курдов периода арабского завоевания (VIII—IX вв.). Автор показала, что герои поэмы «Сиабанд и Хадже» — прогрессивные люди, боровшиеся за счастливую, свободную любовь, за социальное равенство против феодально-племенного строя, мешавшего объединению курдского народа. В этом плане автор показала общность трактовки образов поэмы «Сиабанд и Хадже» с образами других известных курдских поэм — «Мам и Зин», «Сева Аджи», «Карр и Кулек» и «Маме и Айше». Автор подчеркивала, что герои этих курдских поэм выступили, так же как и Сиабанд и Хадже, выразителями интересов народ-

---

1 «Известия Академии наук Арм. ССР», № 9—10, Ереван, 1942

2 «Известия Академии наук Арм. ССР», № 10, Ереван, 1951.

3 «Курдский сборник». Ереван, 1948 (на армянском языке).

4 Курдская литература Советской Армении. Ереван, 1954 (на армянском языке).

5 Курдские сказки эпоса Кор-оглы. Ереван. 1953 (на армянском языке).

ных масс курдов, боровшихся против родо-племенных традиций, ставших тормозом в развитии курдского общества в его борьбе против угнетателей и завоевателей.

Некоторые работы курдоведов Советской Армении посвящены истории и этнографии курдов на основании изучения богатейшего народного эпоса и других жанров устной литературы курдского народа. К ним относятся интересные исследования Аминэ Авдала: «Курдская женщина» [1], «Обычай кровной мести у курдов» [2], «Религиозные верования курдов-езидов» [3] и др.

Используя богатые полевые материалы и привлекая данные народного творчества, Аминэ Авдал подробно рассмотрел вопросы социального, общественного и семейного положения курдской женщины, вскрыл различные формы бракосочетания, показал причины возникновения и исчезновения некоторых форм брака у курдов Советской Армении.

Для изучения истории общественных отношений и норм обычного права у курдов немаловажное значение имела его работа «Обычай кровной мести у курдов», в которой рассматриваются причины, породившие обычай кровной мести и ликвидацию его пережитков в условиях советской власти.

В настоящее время Аминэ Авдал работает над историей происхождения курдов-езидов и их религиозных верований; вместе с Аджиэ Джинди он продолжает собирать и издавать курдский фольклор. В этом деле им оказывают всяческое содействие — армянские ученые и государственные органы Советской Армении, создавая необходимые условия для того, чтобы Ереван—столица родины Хачатура Абовяна, родоначальника курдоведения в нашей стране, стала одним из центров изучения истории курдов, их языка и культуры.

---

[1] Аминэ Авдал. Курдская женщина. Ереван, 1948.

[2] Обычай кровной мести у курдов и ликвидация его пережитков в условиях советской власти. Ереван, 1942.

[3] Религиозные верования курдов-езидов. Рукопись хранится в Ереванском институте истории АН СССР.

Б. М. ДАНЦИГ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.[1]

В первой четверти XVIII в. изучение Ближнего Востока в России принимает хотя еще недостаточно систематический, но уже довольно целеустремленный характер.

Эта целеустремленность определялась, во-первых, развитием торговых и дипломатических отношений со странами Востока, и, во-вторых, — войнами России с Турцией и Ираном при Петре I. Войны определялись стремлением России выйти к Черному и Балтийскому морям[2]. «Одной из важнейших задач русской внешней политики на рубеже XVII и XVIII веков была борьба за южные земли, за выход к Азовскому и Черному морям, борьба против татар и турок»[3].

Азовские походы в 1695 и 1696 гг. ставили своей целью разрешение этой первостепенной задачи. Маркс писал, что Россия не могла оставлять. . . устья Дона, Днестра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойни-

[1] Настоящая статья представляет собой сводный краткий обзор работ по изучению Ближнего Востока в России в течение царствования Петра I и является продолжением опубликованной автором в первом сборнике «Очерков по истории русского востоковедения» статьи по истории изучения Ближнего и Среднего Востока в допетровский период.

Автор поставил перед собой скромную задачу — дать обзор уже опубликованных материалов по данному вопросу и выяснить сферу интересов русских путешественников по Востоку. Одновременно автор стремился показать совокупность многообразных методов изучения стран Востока, применявшихся русскими людьми, изучавшими страны и народы, с которыми Россия завязывала торговые, экономические и политические отношения. Путешествия паломников, торговых людей, статейные списки послов, наблюдения над жизнью восточных народов, описания путей и посещенных стран — все эти материалы положены автором в основу настоящего обзора.

[2] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, стр. 432.

[3] Там же, стр. 435.

ков [1]. 18 июля 1696 г. Азов был взят. 14 января 1699 г. был подписан на Карловицком конгрессе договор о перемирии между Россией и Турцией, по которому Азов оставался за Россией. В том же году для заключения мирного договора в Турцию было направлено посольство во главе с начальником Посольского приказа Емельяном Игнатьевичем Украинцевым. Посольство думного советника (ранее думного дьяка) Е. И. Украинцева, видного русского дипломата, в течение десяти лет заведовавшего Посольским приказом, состоялось на грани XVII и XVIII вв. Петр I поручил ему добиться заключения мирного договора с Турцией. Дипломатическая миссия Украинцева связана, как известно, с первой попыткой России добиться права плавания по Черному морю. С этой же миссией связано и первое в истории русского флота (не говоря о плавании запорожских чаек) плавание по Черному морю военного корабля «Крепость».

В русской исторической литературе хорошо известна дипломатическая деятельность Украинцева, но в ней не получила надлежащего освещения другая сторона его деятельности — наблюдения географического и военно-географического порядка. Укажем, что даже в интересной работе Д. М. Лебедева «География в России петровского времени» (М.—Л., 1950) эта деятельность Украинцева совершенно не затронута. Не касается ее и М. С. Боднарский.

Уже в одном из своих первых донесений на имя Петра, 17 октября 1699 г., при сообщении о прибытии к «гирлу Царегородскому» 2 сентября в 8 час. дня, Украинцев дает описание Босфора:

«В 8 часу дня приплыли к гирлу Царегородскому и вошли в него самой середкою, без указывания и без вожей Турских (т. е. без лоцманов. — *Б. Д.*). По конец гирла от моря, по обеим сторонам, на горах стоят две башни высокие, а в них по ночам выставливаются фонари с большими свечами, для узнавания в ночи гирла, которое и в день с моря не само знатно; шириною оно до самого Царяграда только с милю Немецкую. Башни стоят в расстоянии между собой милях в 3 или 4 Италианских Немецких, и пушек при них нет. По обеим сторонам гирла версты с 2 или 3 стоят городки небольшие у самой воды: в них живут янычане; под городками пушек небольших по 10 и больше; который городок на левой стороне у воды, над ним на горе город каменный немалый древняго строения; жители живут междо гор в садах и кипарисах многие; в небольшом

[1] См. К. Маркс. Секретная дипломатическая история XVIII века. Лондон, 1899.

лиманце стоят чайки и галиасы. Глубина в гирле в самой середке по 20, 30 и по 40 сажен; вода течет из Черного моря в Белое быстро. . . Длина всего гирла до Царяграда 18 миль Италианских. . .» [1].

Это, как известно, не первое описание пролива в русской литературе — напомним хотя бы описание его неизвестным автором второй половины XVII в., а также Арсением Сухановым, но данное описание полнее.

Не останавливаясь на дипломатической стороне деятельности Украинцева и соответствующих разделах его донесений, отметим, что они содержат ряд сведений о состоянии армии и флота, финансов, кораблестроении, условиях снабжения, а также наблюдения географического порядка, особенно в части изучения лоции Черного моря. Так, в донесении от 26 августа 1699 г. он сообщает о промерах глубин, производимых в Азовском море, вблизи Керчи, для проверки имеющейся карты Черного моря. «А каков, Государь, Керчь город, и о том тебе. . . самому известно. А по смете нашей от Керчи до Тамани морем расстояние будет с 4 мили добрых, и до тех мест, где я стоял, из больших пушек из Керчи кораблям и галерам вредить не может. А что написан, Государь, в карте на выезду к гирлу камень, и к тому камню посылали мы в лодке штюрмана, и он до него доезжал; и в том. . . месте не особый камень лежит, а вышел из горы в море нос, и объехать его мочно без трудности. И приказал я. . . капитану Петру Памберху еще под Таган-Рогом сего Меотиского моря глубину и ширину описывать, и он так и чинит и впредь чинить будет» [2].

Начало изучению лоций Черного моря в России было положено именно этими первыми работами, совершенными командой корабля «Крепость».

Украинцев между прочим отмечает, что карта, которою он пользовался (такая же была, очевидно, и у Петра), по признанию турок, совпадала с турецкими.

Украинцев сообщает условия снабжения Константинополя: «Хлеб, масло, лес, дрова привозят с Черного моря из-под Дунайских городов Браилова, Измаила, Галации, Килии. . .» Из Средиземного моря (Белого по терминологии русского

---

[1] Цит. по Н. Устрялову «История царствования Петра Великого», т. III, СПб. 1858, Приложение VII, стр. 516—517.

[2] Из донесения Украинцева. Цит. по кн. Н. Устрялова. Указ. соч., стр. 510. См. также «Отечественные записки». СПб., 1827 г., ч. XXIX. «Чрезвычайное посольство Думного Советника Емельяна Украинцова к Порте Оттоманской 1699 и 1700 гг.», стр. 197 и 456.

посла) доставлялись пшено срачинское (рис), сахар, кофе, бобы, горох, конопляное семя, другие же хлебные товары не поступали.

Информировал вкратце Украинцев и о кораблестроении. «А Турки свои корабли делают хотя тонко, только прилежно и крепко: даже и сандалы и каюки сшивают зело плотно. . .» [1].

Пребывание Украинцева в Константинополе, затянувшиеся почти на год переговоры дали ему возможность собрать на месте богатую информацию как о внутреннем положении Османской империи, о состоянии ее армии и флота, так о планах и намерениях турецкой дипломатии, о поведении и намерениях иностранных послов при дворе султана.

Огромную помощь в этом оказал Украинцеву иерусалимский патриарх Досифей, проживавший в Константинополе, и серб Савва Рагузинский. Патриарх Досифей не только давал советы и информировал русского посла, но и сам непосредственно сообщал русскому правительству ценные и интересные сведения. Он установил связи с Москвой еще в царствование Алексея Михайловича и в правление царевны Софьи. В Москве, в Посольском приказе не забыли об услугах, оказанных в свое время Досифеем. В наказе, данном Украинцеву, предписывалось установить постоянные и близкие связи с Досифеем, руководствоваться его советами и указаниями. Информация Досифея, как передаваемая Украинцеву, так и непосредственно сообщаемая в Москву, была весьма ценной и разнообразной [2]. Деятельность его продолжалась вплоть до смерти, до 1707 г. Досифей оказал немалые услуги и первому русскому постоянному послу в Османской империи—П. А. Толстому.

С начала XVIII в. в Турции учреждается первое постоянное русское посольство. После этого политическая деятельность восточных патриархов и их связи с русским правительством постепенно сходят на нет. При существовании в Константинополе постоянного посольства значение прежних случайных агентов падает, и они становятся ненужными.

Назначая в конце 1701 г. первым постоянным послом в Турцию Петра Андреевича Толстого [3], Петр учитывал, что,

---

[1] Цит. по кн. Н. Устрялова. Указ. соч., стр. 518.

[2] Н. Каптерев. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707). «Чтения в обществе любителей духовного просвещения». М., 1891, апрель, гл. V, стр. 361—408; май—июнь, гл. VI, стр. 477—520.

[3] П. А. Толстой (с 1724 г. — граф), прапрадед Л. Н. Толстого, хорошо известен в истории взаимоотношений Петра с царевичем Алексеем. В 1717 г. Толстому было поручено добиться согласия Алексея на возвращение из-за границы в Россию.

побывав до этого в Италии, Польше и Австрии, Толстой с успехом выполнил там ряд важных поручений. Он оставил описание своего путешествия по Европе [1].

При отъезде в Турцию Толстому 2 апреля были даны «тайные статьи», содержащие подробный наказ, чем должен заниматься посол и на что он должен обратить внимание. Всего статей было 17, некоторые из них были написаны самим Петром. Наряду с этим Толстому 5 апреля были даны подробные инструкции, писанные дьяком Иваном Волковым: «И о всем ему послу, будучи в Турской Земле, Великого Государя дела делать и о тех делах радение чинить, и промышлять по вышеписанному его великого государя указу и по тайному наказу. . . Да что у него Посла в том посольстве, едучи к Царюгороду и будучи в Царегороде, и едучи оттуда к Москве учиниться и то все записать подлинно вправду — тому всему учинить статейный список» [2].

Тайные статьи заслуживают того, чтобы привести их полностью. Они свидетельствуют о широте интересов Петра в отношении Турции и о сложности задач, поставленных перед Толстым [3] (статьи, написанные рукой Петра, подчеркнуты).

«1) Наблюдать за всем, что делается в Турции.

2) Разведать подробно о самом султане.

3) К кому из пограничных народов он более расположен.

4) О доходах и торговле разведать.

5) Также об устройстве и числе войска.

6) О флоте.

7) Какие препятствия и затруднения имеет султан в окрестных народах и в своих подданных?

8) О послах иностранных.

9) **В Черноморской протоке,** что у Керчи, хотят ли какую крепость делать и где (как слышно было) и какими мастерами? или засыпать хотят, и когда, нынель или во время войны?

10) **Конницу и пехоту**, после цесарской войны, не обучают ли Европейским обычаям ныне, или намеряются впредь, или по старому не радят?

---

[1] «Русский Архив», 1888, № 2; также Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 169.

[2] См. «Отечественные записки», 1822, № 25, стр. 258—272; № 26, стр. 410—420; № 29, стр. 370—378; № 30, стр. 33—42. «Инструкцию Петру Андреевичу Толстому, при отправлении его чрезв. и полномочным послом к Порте Оттоманской в 1702 г.» см. там же, № 30, стр. 34—35, 39.

[3] Сам Толстой прекрасно владел итальянским языком, являвшимся одним из дипломатических языков в Турции; в составе его посольства были три переводчика с латинского, греческого, итальянского, турецкого, татарского и румынского (волоского) языков.

11) **Городы Очаков,** Белгород (на Днестре), Килия и прочие укреплены-ль и как, по старому-ль или фортециями?

12) **Бомбардиры,** пушкари и проч. в прежнем ли состоянии или вновь учат!

13) **Бомбардирские** корабли (или Италианские поландры) есть ли?

14) **По патриархе Иерусалимском** есть ли иной такой же желательный человек? о таких чрез негож проведывать и познаваться.

15) С чужестранными министрами обходиться политично.

16) **Предложить** турецким министрам об установлении почты до Киева.

17) **О Запорожцах,** какой грабеж от них подданным салтановым Грекам, и что им за то учинено, о всем дан ему список с дела [1]».

Петра, как видно из статей, лично им написанных, особенно интересовали вопросы чисто военного порядка, более всего — не намерены ли турки обучать свою армию по европейскому образцу.

Толстой пробыл на трудном посту первого русского посла до 1713 г., причем дважды был заключен турками во время осложнений 1710—1713 гг. в Семибашенный замок.

С именем П. А. Толстого связаны два очень важных документа — обстоятельное описание турецкой империи, представлявшее собой ответ на поставленные ему в наказе вопросы, и обширное описание берегов Черного моря.

Первый документ «Описание состояния народа Турецкого» представляет собой реляцию на имя боярина Федора Головина, генерал-адмирала, руководившего в течение ряда лет иностранными делами и, в частности, деятельностью Толстого [2]. Эта реляция была доставлена 24 августа 1703 г. в Посольский приказ. В этом своем обширном донесении, основанном, очевидно, на известных Толстому литературных источниках и,

---

[1] Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, СПб., 1863, ч. II, стр. 28.

[2] См. Госуд. архив древних актов, ф. 89. Реестр № 3 турецкого двора новых лет. Кн. 8, № 2, дело 1703 г. «Реляции и письма к боярину Федору Головину от находившегося в Цареграде посла стольника Петра Толстого». Впервые обратил внимание на это донесение и частично, в выдержках, опубликовал его Н. П. Павлов-Сильванский. «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. СПб., 1910 в статье «Граф Петр Андреевич Толстой» (стр. 21—24). См. Т. К. Крылова. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Исторические записки», № 10, 1941 (в статье по архивным материалам широко использованы донесения Толстого). См. также Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 181.

в первую очередь, на личных наблюдениях, и обширной информации, стекавшейся к нему, он дал обстоятельные сведения об управлении, войске, флоте, состоянии торговли, взаимоотношениях между турками и христианами и т. д. Турок описывал он следующим образом: «Состояние народа турецкого суть гордое, величавое. . . уповают, что ни от кого не могут побеждены быть. . . Народ турецкий трезвой и о пьянстве воздержаной, ставят пьянство честные особы за грех великий и за стыд, а простой народ воздерживается от пьянства. . . но неже наказывают за пьянство» (стр. 186 рукописи).

Толстой отчетливо понимал угнетенное положение народов, находившихся под властью турок. Он писал: «Подданных своих греков держат в великом угнетении и такой в них страх вкоренили, что греки ниже в мысли своей противного к ним чего иметь смеют, и заповедано им и оружие держать, а ныне заповедали грекам и платье равное с собой носить, чтобы от всех были знатны, того ради повелели им носить платье худое,. . . яко являет смирения образ» (стр. 186). «А другие народы христианские, подданные их сербы, мутьяне, волохи, арапы и прочие, аще и тесноту и озлобление в несносных поборах от них терпят (зане не имеют ниоткуду никакия помощи) обаче страха их не зело ужасаются, и могли бы противу их ополчиться ежели бы ощутили себе откуду христианскую помощь, как и венгры учинили с помощью цесаря римского» (стр. 186).

Далее Толстой дал описание государственного управления, функций, прав и обязанностей великого визиря и других чинов.

На вопрос Петра о султане (о самом султане, в каком состоянии себя держит и поступки его происходят и прилежание и охоту имеет) Толстой отвечает: «Салтан ныне (речь идет о Мустафе II) обретается в турецком государстве яко истукан, все свои дела положил на крайнего визиря, который ныне зело умен и смышлен: обаче держит себя салтан в обыкновенном поведении гордостно. . . А прилежание и охоту большую ни к воинским, ниже к духовным делам, ниже к управлениям чиновным не имеет, но внутрь дому своего для забавы держит разныя жены, с которыми безразлучно веселится и прижил с ними четыре сына. Потом охоту имеет великую в ловитвах за зверями, в чем глаголят, яко подобится отцу, и в различных ловлях чинит великий расход, а казна народная вельми отягчилась такими расходы. А задворным его министрам та его в ловительствах забава потребна, понеже и они при том казну расхищать могут. . . А радеют все турецкие министры больше о своем богатстве, нежели о государственном управлении.

И можно рещи, что ныне турецкие вельможи получили по желанию своему удобное время к собранию себе несчетного богатства от расхищения народныя казны, ибо попустилось то небрежением салтанским» (стр. 194, 195; у Павлова-Сильванского, стр. 22—23).

Отвечая на вопрос о государственных доходах, Толстой подчеркивал, что точно выяснить доходы турецкого государства невозможно. По интересовавшему правительство вопросу «о торговле персидской шелком и другими товарами» он сообщает: «О торговле персицкой: привозят персы. . . шелк свой сухим путем во Олепо и Смирну, немногочисленно воза и морем в Константинополь, там малое число торги их в Константинополе с франгами, со французы, с англичаны и голанцы. . . персы зело много вывозят из государства их денег в разных монетах, в золотых червонцах и в серебряных» (стр. 202—203). Подчеркивая значение для Константинополя привоза продуктов сельского хозяйства со стороны Черного моря (как это отметил и Украинцев), он указывал, что без этого подвоза Константинополь будет обречен на голод.

С исчерпывающей полнотой освещал Толстой состояние армии и особенно флота, давая подробнейший отчет, отмечая дислокацию, подробно описывая Керченский пролив и его укрепления.

Касаясь подвластных Турции восточных стран, Толстой отмечал: «. . . В окрестностях вавилонских есть народ арапы, которые часто туркам противное чинят. . .» (стр. 242). Он дает, бесспорно с чужих слов, описание Месопотамии и древних городов. Все донесение Толстого ярко рисует состояние упадка Османской империи в начале XVIII в.

«Описание» Толстого, как правильно отмечал Д. М. Лебедев, «представляет собой официальный документ, дающий политическое и географическое описание Турецкой империи, далеко выходящее за пределы обычного статейного списка» [1].

В 1706 г. Толстой отправил Петру книгу, в которой описал Черное море со всеми городами и гаванями. Прежде чем отправить в Россию эту книгу, Толстой проверил заключавшиеся в ней сведения.

«Я сам, — пишет Толстой Головину в 1706 г., — посылал искусных людей снимать и описывать места; сколько могу судить, действительно так» [2].

---

[1] Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 181.
[2] Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 332—400.

Присланная Толстым книга была подробно изучена в 60-х годах прошлого столетия историками Н. Поповым и Н. Устряловым [1].

В этой книге описаны города, гавани, заливы Черного моря, скалы, реки, горы. Описаны места от Константинополя по южному и восточному берегам Черного моря (до Керчи) и по западному и северному берегам, и морские пути от Керчи до Босфора, и до Дуная, Варны, Трапезунда. Более половины работы посвящено описанию архипелага.

«Черное море или Понтус-Эвскинус — обыкновенно покрыто мглой; ветр часто бывает северный или трамонтано; приливов и отливов нет; на востоке омывает Колхиду, на юге Малую Азию, на западе Мизию; длиною от востока к западу 900 итальянских миль (т. е. $1^3/_4$ версты. — *Б. Д.*), шириною от севера к югу 300 миль; со всех сторон окружено веселыми берегами, где много плодовитых деревьев. Лучшие места на нем от Дуная до Константинополя, также в Малой Азии; они изобилуют хлебом, живностью, лесом, ячменем, овсом. Все привозится в Константинополь в малых морских судах». Далее следует описание Босфора: «От Константинополя до Черного моря, т. е. до фонарей Мавромаровых, гирло в 18 миль. В одной миле от него Галата; между ними Керацкая пазуха, большая пристань, шириною местами в три мили; гирло к Черному морю по две и по одной миле. На восток за гирлом, в $2^1/_2$ милях Скутари. В 10 милях на обоих берегах гирла две фортеции, одна против другой; далее к Черному морю еще две небольшие фортеции, при самом проливе. На левой стороне его горы, на правой ровное место. При входе в Черное море, по обеим сторонам стоят башни с фонарями, для освещения входа в гирло по ночам. Есть там монастырь пресвятой Богородицы на высокой горе Мавромолос. По всему гирлу по обеим сторонам селения».

Описывая южный берег, Толстой обращает внимание на порт Ираклия (Эрегли), «очень удобный для сотни кораблей и более, огражденный от ветров каменными стенами, только не безопасный от майстра, очень беспокойного для бастиментов». «Великий город Синоп; в арсенале его стоят 30 кораблей салтанских, морские бастименты, корабли, каторги, домов христианских более тысячи. . . вокруг леса корабельные, годные для морских бастиментов, особливо галер; корабельные строители греки, босурманы же сами в работы не вступают».

---

[1] Цит. по кн. Н. Устрялова. Указ. соч., т. IV, ч. I, стр. 332–340.

Восточнее Уние он отмечал два мыса, особенно большой мыс Вона: «Между ними залив, при входе удобный только для двух кораблей; а далее порт наилучший в свете, кораблей на 60 и более; суда могут в нем зимовать без всякого опасения». От порта Пиксонта (очевидно, Пицунда) до Керчи отмечены мысы и гавани (но какие именно — не указано).

Затем описание переходит к западному берегу. Упоминаются: Мидия, Ниада, Пургос (Бургас), «Месеврия — порт добрый», Варна («большой порт, с глубокой водой от 3 до 10 сажен; в нем могут стоять на якоре до тысячи бастиментов. . . слабо вооружен»). Описывая устье Дуная, автор указывает, что Сулин — «более всех устьев дунайских; могут входить в него великие бастименты. . .» Очаков — «с большим и безопасным портом, где ставится многочисленный флот; при Очакове две фортеции — Асанпаша и Кильбурук (Кинбурн)». Район нынешнего Севастополя — Балаклава описывается так: «В 17 милях от Айнацы город Киозлаве или Козлов, не малый, и порт добрый; могут стоять на якорях в 5 саженях от берега большие бастименты; воды глубоки и чисты и от ветров безопасно, кроме леванта. Оттуда на юг, в расстоянии 40 миль, восьмнадцать портов великих; но теперь место пусто, а прежде бывали там города. От мыса Фанарского в 27 милях хороший город Палеклава (т. е. Балаклава) с портом — бессмертным лиманом; в начале он узок, не более шириной как на ружейный выстрел, от мыса при самом входе; миновав мыс, откроется гавань огромная, с глубокой водой, безопасная от всех ветров, на множество бастиментов больших и малых». «Керчь стоит в гирле Кавалари, т. е. рожны, между двума мысами; вода глубиною до 4 сажень; только опасно от ветра полуденного и сироко. Селение удалено от берега мили на 4. Близ Керчи построена фортеция; министры Оттоманские имеют полное намерение совершенно загородить Керченское гирло, чтобы нельзя было пройти из Азовского моря в Черное, даже ни малейшей лодке; если же окажется это невозможным, хотят фортециями гирло охранять, чтобы бастименты не входили в Евксинопонт».

Описанию Черного моря предшествует отписка или посвящение всего труда Петру, в котором Толстой пишет: «Извествую тебе, великому государю, нижайший раб твой, еже будучи я при дворе салтанова величества Турского, между оными твоими великого государя делами, получил ведомость о поселениях по брегам вокруг Черного моря и о портах, которые на том же Евксино-Понте обретаются, и то все с розмерением миль Итальянских (которых мера мне сведома), описав, колико

возможность допустила, под сею моею отпискою ко твоему пресветлейшему величеству послать дерзнул, чтобы тебе, великому государю. . . было известно; еже места и порты по берегам Евксино-Понта, так во Азии, как и во Европе описанные на картах географических, имеют во именованиях своих ныне, в настоящем времени, с турецкими именованиями различие; отчего употребляющим тех карт, знающим же достоверно нынешние турецким именованием имена предреченных мест и портов, припадает некоторое сумнительство. Отчего и я, убогий раб твой, к подъятому малому труду подвижен. . . Да благоприятна будет малая зело сия моя работишка превеликому твоему государскому человеколюбному благосердию» [1].

Хотя «Описание Черного моря», очевидно, представляло собой перевод или переделку какой-то итальянской книги и, по словам Н. Попова, давало лишь «сухую номенклатуру береговых местностей Черного моря», тем не менее, эта книга интересовала Петра, может быть, не в меньшей степени, чем сообщавшиеся Толстым сведения о состоянии турецких армий и флота.

В период пребывания П. А. Толстого в Константинополе продолжали иметь известное значение для ознакомления и изучения Османской империи сообщения иерусалимского патриарха Досифея. Уведомляя Досифея о назначении Толстого, Петр I писал ему: «А мы в том нетокмо не сумневаемся, но надеемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всех делех советник и искренний помощник и о делех тамошних случающихся желаем от блаженства вашего, дабы всегда, через тогож посла нашего, изволил к нам писать. . .» [2] Информируя Петра о внутриполитическом положении Турции, Досифей, например, писал 31 августа 1703 г.: «А что учинилось здесь в турках, т. е. великия мятежи, которые произошли у них: низвержение прежнего султана, и постановление брата его на султанский престол (Ахмеда III. — *Б. Д.*), побег визиря, который учинил мир и иных многих из знатных. . .» [3]

В январе 1705 г. в грамоте Петру Досифей сообщал о следующих происшествиях: . . .« Новый визирь, бесчеловечный и христианоборец, привез некоторых из разных мест, которые были прежде откинуты как злонравные от власти, и ввел их в достоинства, попреимуществу в полках янычерских и переменил самого янычарагу; учинил и своих общих судей, которых называют казиаскерами. . . (визирь) подал подозрение,

---

[1] Н. Попов. Еще географическое сочинение П. А. Толстого: «Московские ведомости», 9 сентября 1859 г., № 214, стр. 1574 и 1575.

[2] Цит. Каптереву. Указ. соч., гл. V, стр. 387.

[3] Там же, гл. VI, стр. 504.

что имеет в виду и других вельмож заменить своими, чтобы, будучи визирем долгое время, переменить потом и султана и поставить султаном малое дитя, сына дяди султана, чтобы пользуясь малолетством султана, иметь его в своей воле и быть всегда при нем визирем. Нынешний султан, подозревая визиря, потребовал его к себе и призвал в свои палаты 14 декабря. . . султан заключил его в некоей палатке, потом тотчас послал и взял у него печать, и ночью, спустя по веревке с однoю подушкой и с единым слугою, и посадя его на каторгу послал. А так как та каторга поутру возвратилась назад, то ясно, что утопил его в море, а визирем учинил некоторого своего старинного слугу. . .» [1]. Петр высоко ценил заслуги Досифея, лично писал ему, рекомендовал ему Толстого перед отправлением того в Турцию, указав Толстому, «чтобы будучи ему тамо, советы свои приобщил с блаженством вашим, как и прежние наши послы, будучи там учинили. . .» [2].

Посольские донесения, равно как и донесения других агентов, являлись надежным и верным источником информации для правительства. Они же, в известной мере, лежали и в основе информации для первой русской газеты, основанной Петром I в 1703 г. под названием «Ведомости о военных и иных делах, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» [3]. В этой газете помещались сообщения о Турции как поступавшие непосредственно из Турции, так и, повидимому, заимствованные из немецких, голландских газет.

Так, например, мы читаем в «Ведомостях» от ноября 1713 г.: «Его царского величества полномочные послы пишут. Из Адрианополя от 6 и от 13 чисел сентября» [4].

Первый номер петровских «Ведомостей» вышел 2 января 1703 г., а уже в февральском номере появилось сообщение: «Из Адрианополя многие вести пришли, что новый везирь. . . радеет чтоб христианству паки новою войною досаждать и янычар удовольствовать, и паки на королевство и водным и сухим путем напасть и воевать, и для того силное войско на море вооружить и воинское надобие на будущее лето изготовить радеет» [5]. В шестом номере газеты от февраля 1703 г. опублико-

---

[1] Цит. по кн. Н. Каптерев. Указ. соч., гл. VI, стр. 509.

[2] Н. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Серг. посад, 1914. Приложения, № 10, стр. 561.

[3] См. «Ведомости времени Петра Великого», вып. I и II. М., 1903 и 1906. В дальнейшем — «Ведомости».

[4] Ведомости», вып. II, стр. 189.

[5] «Ведомости», вып. I, стр. 19. П. А. Толстой в 1703 г. находился в Адрианополе, где пребывал в то время султанский двор. В февральском же

вано сообщение: «Из Адрианополя пишут, что французы промышляют и зело труждается тамо обретающийся французский посол нынешнего везира на то приговорить, что-б он силы воинские турские против цесаря римского повратил, или развращение в венгерской земле учинил. . .» [1]

В мартовском номере (седьмом) под тем же трафаретным началом — «Из Адрианополя пишут» напечатано сообщение о том, что «Салтан непрестанно скорбеет водяной болезнью и так малая надежда на выздоровление его. Новый визирь сухим и водяным путем великое воинское изготовление чинит» [2].

В мартовском же номере (одиннадцатом) мы находим любопытное свидетельство о торговых связях между Россией и Турцией: «Из Азова Русские торговые люди с пограничными иноземцы в Азове торги свои отправляют изрядно и в Царьград отходят, также и к нашим из Царьграда и от иных стран приходят с разными товарыми свободно и от того себе поживление имеют немало» [3]. Недостаток места не позволяет нам привести и другие сообщения за ряд лет из Адрианополя, Константинополя, а также сообщения о событиях в Турции, полученные из Вены и других европейских городов. Но и приведенных цитат достаточно, чтобы показать, как широко была поставлена информация о событиях в Османской империи. Сообщения эти были не только политического характера. Так, в «Ведомостях» от июля 1719 г. отмечалось, согласно донесению, полученному от курьера посланника Дашкова, «что перед Петровым постом за несколько дней было в Царе-Граде трясение земли 3 дни, от которого городовой стены к морю развалилось сажени на две» [4].

Важным источником для ознакомления с ближневосточными делами являлись путешествия торговых людей и паломников. Так, в «Ведомостях» от января 1704 г. сообщалось: «Из турецкой земли приезжие торговые люди возвещают, что в последнем бунтовании Салтан Мустофа в заключение посажен, и новым Салтаном также не удоволены и с престола его ссадить хотят. . . По всей земле выкликано, что-б к войне готовились, а куды, того не ведомо» [5].

номере (№ 5, стр. 17) сообщается, что посланный из Индии слон привезен из Шемахи в Астрахань, что кроме калачей ему «исходит питья по два ведра чихирю астраханского».

[1] «Ведомости», вып. I, стр. 23.

[2] Там же, стр. 26.

[3] Там же, стр. 32; см. также Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 362.

[4] Там же, вып. II, стр. 274.

[5] Там же, вып. I, стр. 106.

В петровский период, как и раньше, продолжались путешествия паломников на Ближний Восток. До нас дошло несколько записок паломников.

В 1704—1707 гг. было предпринято путешествие иеромонахами Макарием и Селиверстом из Новгорода Северского в Иерусалим — через Киев, Фастов, Немиров, Сороки, Яссы, Галац по Дунаю и далее морем до Константинополя [1].

В записках наряду с типично паломническими наблюдениями религиозно-мистического характера содержались и наблюдения географического, бытового и этнографического характера, свидетельствовавшие о наблюдательности и довольно широких интересах этих двух паломников.

Как и многие другие, Макарий и Селиверст дают описание входа в Босфор: «Два столба высокие сильные и мурованные, а на тех столпах каждой ночи горят свечи в фонарях».

На Босфоре они отмечают прибрежные укрепления — «в тех городах гармат вельми много стоят, а все по над водою поприправлено; а то поделано для ради сторохи, чтобы с Черного моря до Царяграда никто не прошел без ведома». В Константинополь они прибыли 10 апреля.

«И познали мы своих людей Русских, ездячих в каюках по морю, которые люди взяли нас в свои каюки с корабля и привезли нас на Бешик-Таш до священника Русского отца Григория».

В Константинополе они прожили два месяца; описывали его довольно трафаретно. Путешественники отметили, что в «Царьграде не имеется ни реки, ни колодезя, что-б вода была сладкая, токмо вода приведена под землею за 5 миль и пущена в Царьград на многия части по улицам и по дворам, всюду идет вода рурами из тат и столпов мурованных, и есть воды довольно». Говорят они о том, что «людей в нем не только турков, но и всякого языка неисщетное множество». 10 июня паломники отплыли из Константинополя. Они дали в традиционной, паломнической форме описание морского пути до берегов Египта, не оставляя, однако, без внимания того, что в Дарданелльском проливе «гармат вельми много». В Родосе «гармат всяких многое множество» и на островах Белого (Средиземного моря) «овощей много размавитых, яко-то: ли-

[1] Паломники—писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим — с объяснительными к тексту примечаниями архимандрита Леонида. См. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1873, кн. 3, июль—сентябрь (отд. «Смесь»), стр. 1—26.

мона, помаранцов, миндалов, смоквин, рожков, винограду и иных овощей весьма много».

В Египте особенно привлекло паломников устройство водоснабжения: «Первое дело, как вода выведена: во Александрии реки никакой нет кроме моря, а морская вода весьма солона, никак пить (не мочно) и есть Нил река, которая идет в Египецкой земле, а из Александрии до реки Нилу дни 4 ходу, и от той реки Нилу ведена вода под землею даже до Александрии».

Паломники отметили значение Нила для страны: «И та река всю Египецскую землю напаяет: не бывает дождь, а не тож зима, и та река Нил, как приидет в Спасов пост вода, то все поля Египетстии понапояет вместо дождя; еще же те люди, тамошние жители, наполняют рови и пускают на нивы свои и задерживают на нивах, то вторичны плод земля принесет».

«Овощей теж в Египецкой земле больше нет, кроме фиников; как в нашей земле гаи (т. е. рощи. — *Б. Д.*) великие, то в Египецкой земле так финики; а солнечная горячность неизмеримая и земля Египецкая не веселая, также и люди очень нехорошие» (почему люди нехорошие — паломники не объясняют). Кроме Александрии паломники посетили Каир (старый Египет), Дамиетту — и далее морем направились в Яффу [1] и затем через Лиду — в Иерусалим. Путь этот описан как очень тяжелый и страшный: «А весьма трудны путь и страшны, которым путем отнюд не можно малой дружине пройти за Арапами, так тож и дорога трудна, ибо горы весма высокии и все камень един, а промеж теми горами должно ити, и тут Арапе, заступивше, разбивают: а на тех горах нет никакого дерева, ни воды и горячность пребезмерная».

В Иерусалиме паломники пробыли около года. Описанию святынь города и окрестностей и всякого рода легенд посвящено более половины всей книги. Хозяйственной стороне внимания уделено мало; паломники, однако, рассказывают подробно, как в Иерусалиме собирают и хранят дождевую воду.

Обратный путь на родину паломники начали в сентябре 1706 г. Вблизи Кипра они попали в сильную бурю и были занесены в г. Адалию. Дальнейший путь они совершали по маршруту, дотоле русским путникам неведомому. Они воспользовались тем, что из Адалии шел в Царьград караван, к которому и присоединились.

---

[1] Макарий и Селиверст были снабжены султанским фирманом, полученным для них П. А. Толстым.

«И пошли с теми корованом землею до Царяграда, а ехали все верхами; ибо там возами отнюд не можно проехати за страшными велики горами каменистыми, так теж и в малой дружине некак (нельзя) итьти за великим разбоем. И шли тем путем зимним с турками дней 30 и пришли до города, который называется Бруса и то есть Никея». Из Брусы паломники отправились в Царьград, где прожили зиму и весной, в 1707 г. на корабле вернулись на родину. «И пойдохом радующеся из Царьграда к Российскому царствию». Путешествие продолжалось с декабря 1704 до июля 1707 г.

В 1707—1709 гг. путешествовал монах Ипполит Вишенский. Он проехал из Нежина через Киев, Яссы, Бухарест и Царьград в Яффу, куда он прибыл 9 апреля 1708 г. Из Яффы он отправился в Дамиетту и по Нилу — до Каира. Через пустыню он прошел до Синая, вернулся в Каир, оттуда приплыл в Сайду (Сидон), посетил Дамаск, вернулся в Сайду и оттуда морем — в Яффу. Через Рамле и Эмааус прошел в Иерусалим, куда прибыл 2 сентября 1708 г. и здесь оставался до 28 апреля 1709. После Иерусалима Вишенский через Яффу и Афон направился в Царьград, и в том же году вернулся в Чернигов [1].

В октябре того же 1707 г. находившийся при российском посланнике (резиденте) П. А. Толстом священник Андрей Игнатьев и его брат Стефан отправились из Константинополя через Египет в Иерусалим на Синайскую гору [2].

Путешествие их облегчалось фирманом, полученным Толстым от султана. Наполненное подробным описанием посещенных святынь и святых мест, путешествие это особого интереса не представляет. В области хозяйственных наблюдений Игнатьев отмечает роль Нила, орошение: «А по той реке Нилу, даже до самого Египта (т. е. Каира. — *Б. Д.*) по обою страну все сады финиковыя зело превеликия и изрядныя, сказывают, что, де есть ширины верст на 5, а во ином месте на десять, во владении тамошних жителей у жителей у Арапов и Турок до Рахити по обою страну реки зело место влажное и ниское и многокамышное, земля черная иловатая, и много по той

---

[1] Рукопись «Пелгринация», или путешественник честного иеромонаха Ипполита Вишенского, не издана. О нем см.: 1) N o r o f f. Pelerinage en terre Sainte de l'igoumène russe Daniel, 1864, стр. 214. 2) T o b l e r. Bibliographia Geographica Palestinae, 1867, стр 120. Также особенно: 3) В. Х и т р о в о. Палестина и Синай, ч. 1, вып. 1, СПб., 1867, стр. 23—26. 4) С. П о н о м а р е в. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи. «Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. наук», т. XVII, вып. 2, 1877, стр. 11.

[2] Описание путешествия: «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских». . ., 1873, кн. 3, разд. V («Смесь»), стр. 27—54.

земле сеют пырынис, а по нашему пшено Сарачинское, и родится, де, много, а егда потреба бывает в сады воды, есть много копаных кладезей при брезе, и в каждом соделано великое колесо, таскают воду волами и пущают в бразды, а иныя из самой реки пущают воду, выкопав бразду».

Из Иерусалима Игнатьев вернулся в Египет и оттуда в мае 1708 г. направился на Синайскую гору с караваном из Каира. «. . . Той караван весь с пшеницею Салтацкою до пристанища, глаголемого Суевизии (Суец), которое есть в самом лимане Чермного моря пристанище; и шли с боязнию от разбойник Арап два дни и две нощи, степью все гладкою и такою сухою, что ни воды, ни травы, и никакова древа: воду везли в козиих кожах, а из того пристанища поднимают оную пшеницу тамошними Черноморскими кораблями и отвозят в Мекку, идеже их Турецкое поклонение; там же есть и гроб их богомерзского пророка Махомета. . . И отвозя ону пшеницу, паки на те же верблюды накладают в мешках кофе и отвозят в Египет». Описание интересно некоторыми деталями, относящимися к торговле с Меккой и Йеменом. Из Синая путники вернулись в Египет и отплыли в Царьград, куда прибыли в сентябре 1708 г.

Через несколько лет после поездки Игнатьева другой священник — иеромонах Варлаам, капеллан фельдмаршала Б. П. Шереметева, был отправлен на службу к русским послам барону Шафирову и графу Шереметеву. В обозе турецкого войска он прибыл в Адрианополь 29 сентября 1711 г. и в ноябре — в Константинополь. После подписания мира с турками Варлаам отпросился у послов и в августе 1712 г. направился в Иерусалим, снабженный султанским фирманом[1].

Варлаам подробно описал Дарданелльский пролив. Описание это представляет известный интерес: «С Калиполя паки яхомся морского плавания до кастелы или фортеции Турской морем зело уским миль 40; оная кастела или по Турску богаз, построена есть от Турков со обоих стран берегов морских, рада сбережения Царьграда от Малтезов и Венециан, в ней же обретается пушек множество малых и великих, и караул велик, стерегущ проезду днем и нощию. С той кастелы пойдохом во вторую миль 17, в ней же также, яко же и в первой, со обоих стран брегов пушек премножество обретается».

Перегринация или путник Варлаама в целом представляет описание святых мест Палестины — Иерусалима, Вифлиема

---

[1] См. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. . .», 1873, кн. 3, отд. V («Смесь»), стр. 55—78.

и др. Гражданские элементы в нем совершенно незначительны. В Иерусалиме Варлаам узнал о нарушении мира между Турцией и Россией, о том, что посажены в тюрьму русские послы (речь идет о П. А. Толстом, П. П. Шафирове и М. Б. Шереметеве). Боясь быть арестованным иерусалимским пашой, он решил бежать на Синай и далее в Венецию. Он благополучно добрался до Кипра, но здесь был арестован. В тюрьме на Кипре Варлаам просидел год и три месяца и освобожден был 14 марта 1714 г., после подписания мира, по настоянию Шереметева и Шафирова.

К петровскому же периоду относится путешествие старообрядца, московского священника Иоанна Лукьянова, отправившегося на богомолье и в торговых целях захватившего с собой рухлядь. Необходимо отметить, что даты этого путешествия, отмеченные на титульном листе книги Лукьянова, а также в проезжей грамоте, бесспорно неверны. Во всех известных нам изданиях эти даты относятся к 1710—1711 гг.[1] В этих же изданиях проезжая грамота, прилагаемая к путешествию и подписанная Петром, датирована 15 июня 1710 г. Эта дата и вызывает весьма большое сомнение. В проезжей грамоте указано, что Лукьянов отпущен в государство «Великого государя Мустофы салтана, величества Турецкого». Между тем, как известно, султан Мустафа, т. е. Мустафа II, царствовал с 1695 до 1703 г., когда был свергнут и уступил престол Ахмеду[2]. Ошибочность датировки, таким образом, бесспорна. Это обстоятельство было разъяснено вскоре после выхода в свет книги — в письме, написанном М. Максимовичем, ее издателю Бартеневу. В этом письме автор указывал, что упоминавшийся Лукьяновым воевода (губернатор) Фамендин занимал свой пост в 1700—1701 гг. и скончался в 1701 г. Он же отмечает, что упоминаемого в книге Семена Ивановича Палея Лукьянов не мог видеть в 1710—1711 гг., поскольку того не было тогда на Украине. Наконец, отмечает Максимович, хотя в проезжей грамоте сказано, что она выдана в 1710 г., «но я уверен, что это ошибка и что в подлиннике было написано 1700 г. Грамота была дана на основании того упоминаемого в ней перемирного договора с султаном[3], который состоялся в предыдущем 1699 г.

---

[1] См. Путешествие в Святую землю Московского священника Иоанна Лукьянова 1710—1711 гг. М., 1862; «Русский архив», 1863, вып. 1—5.

[2] Восстание летом 1703 г., в результате которого был свергнут Мустафа, было подробно описано в донесениях П. А. Толстого. См. также Т. К. Крылов. Указ. соч.

[3] В проезжей грамоте имеется ссылка на «перемирный» договор, где «договорено и поставлено и утверждено во443 второйнадесят статье: что Мо-

В январе 1711 г. при тогдашней войне с Турцией едва ли бы и отправился в свой путь Лукьянов» [1].

Все это, в сопоставлении с именем Мустафы позволяет считать правильной датой путешествия 1700—1703 гг. (не позже). Отметим, между прочим, что в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (№ 35, стр. 10) приведена дата 1702—1703 гг. В. Н. Хитрово датирует отъезд Лукьянова 17 декабря 1700 г.

Из Москвы Лукьянов вышел 23 декабря (год в тексте не упомянут). Он шел через Калугу, Лифин, Белев, Орел, Кромы, Севск, Глухов, Королевец, Нежин, Киев. Из Киева через Фастов и Немиров он дошел до Сорок, пограничного в то время городка между Польшей и Валахией, куда прибыл 17 февраля.

В описании своего путешествия Лукьянов уделяет внимание описанию посещенных мест и отмечает тяжелое положение широких масс. «Город Сорока стоит на реке на боку на правой стороне, на брегу под горою; а над ним гора высокая зело, городок каменный высок; мы же ходихом внутрь его и мерихом; он кругл: стена от стены двадцать пять ступней ножных; и поперек тож. . . Харчь зело дорога, да и нет ничего; орженого хлеба отнюдь не сыщешь; все мелкий пшенный да ячный хлеб. . . да им и самим нечего есть; живут — а все вон глядят, хаты стоят, и те не огорожены; от турка и от господаря воложского зело данью отягчены . . .»

Из Сорок Лукьянов направился в Яссы. «Град Яси стоит на горе красовито; около его горы высокия; зело предивной град бывал, да ныне весь разорен от турка и от ляхов; а господарь воложский и до конца разорил, данью отяготил; с убогого человека, кой землю копать наймается, пятдесят рублей в год даст Господарю кроме турецкой подати. . . а нарочитому человеку тысяча талерей; средний пятьсот даст. . . а они у турка накупаются дачей великою, так уже без милости дерет» (т. е. господарь, получивший за взятку свой пост, дерет с населения. — *Б. Д*). «Воложская земля вся пуста; разбрелися все; иные в Польшу, иные к нам в Киев, иные в Палею. Кабы эта земля не разорена — другой такой земли не скоро сыщешь! обетованная земля: всячину родит! они и сами сказывают, у нас де есть и златая руда, и серебренная, да мы де

сковского народа мирянoм и иноком иметь вольное употребление ходить во святой град Иерусалим» (Перемирный договор был подписан в 1699 г. сроком на два года).

[1] См. «День», ежедн. газета, издаваемая Ив. Аксаковым, 1865, № 33, стр. 795—796.

таим, а когда бы де сведал Турок так бы де и поготову разорилося от той руды». Лукьянов рассказывал, что господарь притеснял местное духовенство, заменил его греческим, которое вело распутный образ жизни.

Из Ясс путешественник направился в Галац и 15 марта отправился в Константинополь. Он дал описание Босфора: «А когда мы вошли в проливу меж гор — тут на воротех морских на горах высоко стоят столпы; ночью фонари с свечами горят; знак, как кораблям ночью попасть в гирла. . . И мало пошед стоят два городка по обе стороны турецкие, и пушек зело много; эти городки для воинского опасу сделаны; зело крепко. Мудро то место пройти. . .»

Лукьянову очень не понравилось, что греческие монахи и сам патриарх вымогали у него подарки, не давая без этого помещения для жилья в Константинополе, в то время как в Москве представители греческого духовенства живут хорошо и «волочатся за милостыней». «А плачут: обижены от турка. . . Напрасно миленького турка, то старцы греческие оглашают, что насилует; а мы сами видели, что им насилия ни в чем нет: и в вере ни в чем; все лгут на турка. . . греки нам тошнее турок стали. . .» Нелюбовь к греческому духовенству, роднящая его, например, с Арсением Сухановым, не позволила Лукьянову подробно и объективно оценить отношение турок к христианам — грекам. «. . . Греки нравы и поступки внешние и духовные все с турецкого переводу. . . турки милостивее греков. . . греки московских людей зело не любят».

Лукьянов подробно описывал Царьград, его площади, улицы, дома, мечети и т. д., отмечая, что в городе нет ни пушек, ни укреплений, но «всякий снаряд у них на кораблях, и опаска всякая воинская вся на море, а по земле у него нет опасения».

«Воровства в Цареграде и мошенничества отнюдь не слыхать, там за малое воровство повесят, да и пьяных Турки не любят, а сами вина не пьют, только воду да кагве (кофе), черную воду гретую. . . Товаром Царьград гораздо товарнее Москвы. . . всяких товаров впятеро перед Московским. В Царьграде рядов зело много, будет перед московским втрое. . . В Цареграде сады в великий пост на первых неделях отцветают, овощь всякий к Светлому Воскресенью поспевает; боб, свекла, ретька и всякий огородный овощь; и всякие цветы: пион с товарищи. . . В Цареграде хлеб все пшеничный, арженаго нет хлеба; пекут все армяне, а мельницы все лошадьми мелят. . . В Цареграде раки велики зело, по аршину. . . (Омары? — *Б. Д.*). В Цареграде нет печей, да и по всей державе Турецкой, ни лавок в палатах, ни столов, все на земле

сидят, ковры разослав. . . да и подушки — лежат, так подогнув ноги сидят, да так и едят. А варят яства на таганах, а зимнее время держат уголь в горшках, да так и греются».

Рассказывал Лукьянов о встречах в Константинополе с московским купцом Василием Никитиным Путимцом, которому Лукьянов и его спутники (их было пятеро) поручили продать привезенный ими товар. Много внимания уделял он описанию имевшихся на рынках товаров, приводил их цены, рассказывал об обращающихся в Константинополе деньгах и существовавшем соотношении между валютами отдельных стран.

Посетил Лукьянов и каторги с русскими невольниками, которые роптали, что Украинцев «замирился с турками, не добившись их освобождения». «А нас де для чего не освободил, мы де за него Государя умирали и кровь свою проливали; а теперево де неволю терпим: да кричат лихоманы не опасаючи во весь голос». К каждому веслу (лопате) на каторгах было приковано по пять-шесть человек, «где сидит, тут и спит», — отмечал Лукьянов.

«. . . В Цареграде салтан не живет, но все в Едринополе живет, а тут боится жить от янычер — убьют. У них янычеры своевольны, пашу ли или полковников, хошь малую увидят провинность, так и удавят. В Цареграде часто бунты бывают, а все от янычер. . . и при нас бывал». Такова яркая и красочная картина жизни и быта Константинополя, написанная русским священником Лукьяновым.

Из Царьграда Лукьянов съездил в Адрианополь «для грамоты салтанской», т. е. для получения фирмана на поездку. Он так описывал этот город: «Град Адрианополь стоит в степи, пол его на горе, а пол на ровном месте: окладом и жильем побольше Ярославля: град каменный, хуже Царяграда; строения, рядов много и товарны сильно ряды; мечетей сильно-ж много; двор царский стоит у реки, весь в садах; река под ним поменьше Москвы реки, да тиновата».

Прожив в Адрианополе шесть дней и получив султанский фирман на поездку в Иерусалим, Лукьянов отплыл в Египет. «И Августа 11 дня прийдохом к Нилу реке, что из рая течет; зело мутна; море все смучено с глиною верст на тридцать всюду кругом; и недошед устья Нила реки верст за 5 стахом на якори, для того что тут от реки море мелко, песком нанесло». Путники пристали на лодках к Рахиту «и увидехом арапский род, зело ужасохомся: необычно таких людей видать, что звери. . . а иные наги, что мать родила, и все изуверные: иной крив, иной разноок, иной криворот, иной слеп; а язык

грубой, что псы лают. . . ходят наги: девушки лет по 12, по 15 ходят нагия; так как не ужас. . . Во Египте дождя никогда не бывает; все рекою всю Египетскую землю напояют, везде борозды проведены да воду по нивам пущают. А Нил река низка, берега низки, бежит в ровень с берегами. Овощь всякий в Египте дважды в год поспевает, и хлеб такожде дважды снимают. . .» Плывя вверх по Нилу — до Дамиетты, Лукьянов отмечал: «И видехом тут по Нилу реке городков арабских и сел бесчисленное множество, невозможно изчести, что песка морского, городок от городка версты две. А земля около Нила добрая и черная и ровная, будто нарочно делана, нигде нет ни бугорчика, хоть яйцо покати, такова гладка, а людей многое множество, а вода во всю землю египетскую пущена из Нила. . . А где берега высокие, так тут волами воду тянут, а колеса сделаны что мельничные, да кушины навязаны, да так и наливают; и инде кошелями люди льют. Зело земля Египетская довольна всем, и людьми, и жильем. Что говорить. Эта земля у Турки золотое дно, всячина из Египта в Царьград кораблями идет».

Не посетив Каира и Александрии, Лукьянов морем отправился в Палестину. Некоторое время Лукьянов прожил в Яффе (Иопии). «А когда мы жили в Иопии, видехом бедство великое, как разбойника разбивают корабли; а разбойники Малтискаго острова немцы, люты злодеи; все море затворили; их отпущает разбивать папа Римской из полу да и благословение дает им, на всякий год отпущает по тринадцати голен» (род корабля).

Участие папы римского в половинной доле в разбоях мальтийских рыцарей не ускользнуло от внимания Лукьянова.

Во время пребывания Лукьянова в Палестине шли военные действия между арабами и турками, арабы напали на Рамле, где жил Лукьянов.

С караваном в полторы тысячи человек Лукьянов пошел в Иерусалим; по дороге караван подвергся нападению арабов. Мы не останавливаемся на описаниях Лукьяновым Иерусалима и других мест Палестины, данных в чисто паломническом духе и не представлявших интереса.

18 января (очевидно, 1706 г.) Лукьянов из Иерусалима начал обратный путь в Россию — через Яффу, Акру, Дамиетту. Он оказался свидетелем бунта в Дамиетте: «Мятеж был великий в народе: пришел от турка указ, чтобы малыми деньгами не торговать, да что-б туркам вина не пить и не шинковать, а грекам бы платья зеленого не носить, также и красного, носить бы черное и белое; так за то было учинился бунт в Домяти».

На пути из Египта в Константинополь корабль, на котором плыл Лукьянов, простоял более двух недель под Кастеллориццо, опасаясь нападения со стороны пиратских кораблей.

Вернувшись в Константинополь, Лукьянов встретил здесь русских купцов — калужанина Ивана Кадмина с братом, купцов Житковых, приказчиков московского гостя Исаева и Матвея Григорьева.

Во время пребывания в Константинополе Лукьянов оказался свидетелем янычарского бунта, который он описал следующим образом: «Потом на третий день нашего пришествия учинился бунт в Цареграде, от янычар Турецких. Сказана была им янычарам служба итить на катаргах на Черное море под Керчь и на Кубань реку, в море устья заваливать камнем, чтобы Московские корабли с войском не прошли; и те янычары пришли к пушкарскому голове жалованья просить, и голова жалованья им выдал полное, а янычары стали просить за прошлые годы от азовской службы походное жалованье и голова сказал: мне де указу такова от салтана нет, чтобы вам за прошлые годы подъём давать, ведь де вы службы не служили, за что де вам давать? Так они взявши голову да и удавили, а удавивши да и пошли по рядам грабить ряды. . . Мятеж по всему Царьграду до ночи не утишился и везде в домах по всему Царюграду ужас великой, крик, писк бабий, ребячий. А то и кричат: Москва пришла! Московские корабли! Увы, погибель пришла Царьграду! А дворы заперши да ямы капали да добро прятали; и турки ходячи по Царюграду с дубьем да бьют в ворота, чтоб не мятежились, а сами говорят: «нет Москвы, нет! то де янычеры взбунтовали. И к ночи едва унялся мятеж, мы же зело подивились, куда мол на турката ужас напал от московского государя, а сами удивляемся» [1]. Из Константинополя Лукьянов поехал морем и встреченные им в Константинополе купцы поехали сухим путем. При выходе из Босфора, отмечал Лукьянов: «Стоят два городка турецких для московского опасу по обе стороны, пушек зело много, а городки вновь поделаны; боялся турок нашего государя приходу в Царьград». Доехав по Дунаю до Галаца, Лукьянов встретился там с купцами, поехавшими сухим путем и вместе с ними продолжал путь до Киева.

Путешествие Лукьянова — весьма интересный памятник любознательного и внимательного путешественника начала

[1] Этот рассказ о бунте позволяет утверждать, что путешествие относится к периоду 1700—1703 гг., ибо из упоминавшегося ранее донесения Толстого видно, что именно в 1703 г. были слухи о намерении завалить камнями «керченскую протоку».

XVIII в., живо описывавшего места, которые он посетил. Особый интерес представляло сообщение Лукьянова о том страхе, который испытывали турки перед Россией после азовских походов Петра I.

Говоря о путешествиях в Турцию при Петре, необходимо упомянуть о поездке Александра Ивановича Румянцева (отца будущего фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского), посланного Петром в 1712 г. после подписания Прутского договора для ратификации его султаном. Румянцев впоследствии еще 2 раза ездил в Турцию (в первый раз он вернулся из Турции 9 мая 1712 г.).

К первому двадцатипятилетию XVIII в. относится описание дорог от Киева до Константинополя, «сочиненное в 1714», помещенное в старинной рукописи и опубликованное в 1853 г.[1]. Описание свидетельствовало о том, что дороги эти были хорошо знакомы не одному русскому путешественнику. Описание приводит следующие дороги: первая дорога через Бендеры (через Фастов, Немиров — 55 миль). «Положением Бендер над рекою Днестром и содержатся в нем две каменные фортеции, одна новая окружностью не малая больше версты, а другая прежняя, что именовался Тягин. . . Около тех фортеций рвы глубокие, выкладены из нутри камнем и с трех сторон от сухова пути сделаны роскаты земляные с пушками, и больше ста пушек на них содержится: а с четвертой стороны от Днестра у новой фортеции бастионов и раскатов и пушек нет, и стоят вместо крепости по берегу Днестровому домы каменные. . . и плоше сего места нет; а другое слабое место с Волоскую сторону, понеже подошли по близку горы, с которых бомбами и пушками в город действовать способно. Гарнизону в том городе бывает с переменою Турских янычар и спагов и Татар по две тысячи, а иногда с прибавкою. Караулы по городу денно и ночно крепкие. . .» (№ 34). Далее следовало описание дороги от Бендер Буджацкой степью до Дуная (16 миль, а часами 32) и от Дуная до Царяграда (62 мили с полумилей) через Бургас, Чослу, Селиврак, а часами 125 — итого от Киева до Царяграда 133 мили с полумилей.

Второй путь из Киева до Царьграда описывался как путь через Волосскую землю — от Киева через Васильков на Немиров, через Буг на Сороки, через р. Прут на Яссы, Бурлат, Галац, через Дунай на Мачин, Базарджик, Кирхклесы (Киркилиси), Адрианополь. Отмечается, что в Галацах есть малая фортеция с артиллерией и амуницией, что Фоки — «жили-

[1] «Киевские губернские ведомости», 1853, № 34, 35, 37, 39.

щем не малое, хлебом и живностями и виноградным вином довольное, что в с. Девлет Ачаги провианту достать можно,— а Коджет Архал весьма во всем скудная. От Сороки до Царяграда 145 часов».

К петровскому же периоду относится и путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева, совершенное им в Иерусалим в 1719—1720 гг.[1] Из Ярославля на Волге Нечаев отправился 16 июля через Польшу и Молдавию на Константинополь, откуда морем — в Иерусалим. От Галаца до Константинополя ехал не Дунаем и морем, а через Мачин-Хаджи-оглу-Базарджик (к северу от Варны) через Балканский хребет: «Между тех гор дорога по камени сплошь, все велми трудно, и чрез те высокие горы идохом 2 дни; путь весьма жесток через горы: купецкие люди товары сбавливают с каждой телеги, — буйволы, — и провозят самою мелкою кладью. И с тех великих гор, от левыя страны издалека видеть Черное море. И снидохом съ гор к местечку, идеже живут болгары и турки, а оттуда идохом до местечка Карнабав» (т. е. Карнабад). Из Карнабада Нечаев проехал в Адрианополь, который описывал так: «Адрианополь град строен и стоит на ровном месте; от левыя страны только близ его гора: стен и башен отнюдь не имать; только округ стенами палатными огражден. Близь его малая течет река. А в нем строение преизрядное; гостинных дворов и лавок много; кровли крыты свинцом; воды из земли во многих местах проведены сладкия или полезныя к питию. Мраморного строения зело много. И весьма то место чисто и прохладно, стоит во отдалении моря; понеже и самими турецкими салтанами любим бяше град той, в нем же из Царяграда султаны часто обитают. . . Тамо же строения преизрядные, и лавки весьма хороши, столпы и палатки, истесаны из каменя мрамора белого, аки из древа; тамо всякая овощиа до изобилия; виноград и вино сладкое; хлебы пшеничные весьма белы и вкусны. . . И аще де с которым государством у турков брань зачинается, то в Адрианополь бывает съезд, и оттоле турки поход имеют». Из Адрианополя Нечаев пошел на Царьград через Силиври, Буюк Чекмедже и Кучюк Чекмедже, отметив: «От Адрианополя дорогою до самого Царяграда выстлано камением и местечки и станции».

В Царьград Нечаев прибыл 8 ноября и пробыл там 32 дня. «И пребых в Цареграде 32 дни, и походил тамо, елико возмо-

[1] «Путешествие Посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719—1720 гг.)». Изд. под ред. Н. П. Барсова. Варшава, 1875. Датировка 1719—1720 гг. неясна. Сам Нечаев пишет, что он начал свое путешествие: «Лета от воплощения слова божия 1721 года, июля в 16 день».

гох; ибо красоте и месту граду зело почудихся, и толику множеству народа, и пристанищу корабельному, со обоих морь кораблей, и каторг множество, каюков морских, больших и малых премногое множество, и всяких товаров и овощей бесчисленно; палаты высокие, лавки и ряды зело дивны устроены. Со удивлением кто не позавидит такому месту прекрасному в руце неприятелей? . . А живут по всему Царюграду весьма тесно: улицы узкия, палаты высокия, жила по три; во иных улицах так тесно, что невозможно на телеге проехать, разве верхом. А платье носят долгое; любят боле всего зеленый цвет да жолтый. Жены их ходят турчанки; рожа мало не вся покрыта; понеже у турков та обыкность под зазрением немалым». Нечаев дал также общее внешнее описание Константинополя: «Около всего граду 24 врата. Царьград на 3 углы поставлен, — сии речь на три стены; с одной страны сухой путь. Близ града — ров под стеною каменною; за ним вал; на валу, выше его стена каменная. По воротам — караул — стоят янычаня, городовые ворота нешироки; башни непокрыты поставлены часто; загороды выставлены; в стенах ветхости много. . .»

Как и Лукьянов, он посетил каторги, видел там много русских невольников. «Тамо, по тем каторгам, видал многих невольников — наших русских, и из других земель; есть же в той неволе и от священного чину скованы. О, коль на тех каторгах многу нужду претерпевают, ея же описати не вем. . . иже от горести плачут и вопиют: «лучше бы нам не родиться!» Иже многие себя в море сами бы пометнути готовы, но того они стерегут крепко: невольников приковывают. Сказывают, в каторге невольников ста по три и по четыре. . . А покупают невольников на каторги на ясых базарах дорогою ценою всякого человека: по 200 и по 300 и по 400 тарелей в человек». Русских пленных-невольников Нечаев видел и на о. Родосе, «от Пензы кубанцами плененные и тамо проданы грекам». 9 декабря Нечаев отплыл из Константинополя. При выходе из Дарданелл его внимание привлекли укрепления в последнем городке, который «стоит к самому устью, близко Широкого моря, его же называют Кастель-Буиз. Тамо караул крепкий; а подле самаго моря и городовой стены стоят на обрубе каменном от правой стороны пушки со всем нарядом, и при них фитили горят. . .»

По пути в Иерусалим Нечаев на несколько дней останавливался на о. Зима, Родосе и Кипре. «А на том острове живут немецкие резиденты; потому что много немецких кораблей в Кипрский остров приезжают. Масла деревянного, и вина, и винограду, пшена сорочиненного, лимонов, рожков, фини-

ков тамо богато. . . Еще же на том острове родятся древа, которым листвием тем кормят червей, кои черви родят шолк. Остров той велми велик и многонароден».

Из Кипра на французском корабле Нечаев доплыл до Яффы. В пути корабль подвергся осмотру со стороны мальтийских пиратов — но французского корабля они не ограбили, как объяснял Нечаев, «понеже ти малтизы тоя же земли и веры и под тем же французом жительство имеют». Но «при нас на море другим кораблем взяша 2 корабля, и все пограбиша». Далее он отмечал: «Тии бо разбойницы турков берут в полон, а у христиан все отнявша имение, самих отпускают на волю».

В Рамле Нечаеву пришлось задержаться на 8 дней, «понеже тогда арапы около святого града Иерусалима возмутишась, хотяще нам путь возбранити за то, что их пашу в Цареграде салтан казнил смертию, а на его место иного пашу им посадил: того ради мног мятеж тогда у них учинился».

При помощи турецких властей, подкупивших арабов («той паша дарами удоволи оных арапов»), Нечаев и его спутники сумели проехать в Иерусалим, куда прибыли в начале марта. Описание Иерусалима в целом дано в общепаломническом духе. Рукопись Нечаева не закончена, не хватает последних листов. Заметки отличались большой краткостью, но все же представляли (хотя и в меньшей мере, чем записки Лукьянова) известный интерес в части описания сухопутного пути, о русских в неволе и о мальтийских пиратах. Нечаев назвал в своей книге имя русского резидента при султанском правительстве, Ивана Ивановича Неплюева, одного из младших «птенцов гнезда Петрова», предназначавшегося для военно-морской службы. Затем он был переведен на дипломатическую службу и в 1721 г. сразу же назначен, в возрасте 27 лет, резидентом в Турцию. К месту своего назначения Неплюев отправился сухим путем, затем по Дунаю и через Балканы[1]. На своем посту в Турции Неплюев пробыл 14 лет. С деятельностью И. И. Неплюева в Турции связано заключение русско-турецкого договора об установлении границ между Россией, Турцией и Ираном — на Кавказе, по которому Россия не допустила Турцию к захвату прикаспийских провинций Ирана, на которые претендовали турецкие захватчики. Договор на условиях, предъявленных Россией, был подписан 12 июня 1724 г. Он был высоко оценен Петром.

Для размена ратификации в Турцию был отправлен бри-

---

[1] В. В. Витевский. И. И. Неплюев. Основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань, 1891. Также. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893.

гадир Александр Иванович Румянцев. Это была его вторая поездка в Турцию. Румянцев отправился из Петербурга в октябре 1724 г., 27 ноября он был в Бендерах и 26 декабря прибыл в Константинополь. Петр дал Румянцеву собственноручно написанные указания, представлявшие собой программу для изучения местности. Пункты этой программы были следующие: «1) Мера часовая, чтоб была правдивая, а не укорочена. 2) Смотреть накрепко местоположения, а именно от Баки до Грузии какая дорога, сколь долго мочно с войском иттить, и мочноль фураж иметь и насколько лошадей, и путь каков для войска? 3) Мочноль провианту сыскать. 4) Армяне далеколь от Грузии и от того пути. 5) Которых пошлет в Азов, чтоб тогожь смотрели дорогою возле Черного моря також христиане, последние далеколь живут от Тамани или Кубани? 6) Курой рекой возможноль до Грузии иттить судами хотя малыми? 7) Состояние и силу Грузинцев и Армян» [1].

Турция всячески затягивала выполнение договора и Неплюеву с большим трудом удалось заставить ее пойти на уступки. Только в мае 1726 г. Румянцеву удалось выехать из Константинополя морем в Трапезунд и оттуда верхом или в качалке проехать «по злой дороге», как он писал, до Эрзерума, откуда он проследовал в Карс, Гянджу и Шемаху.

Стоит упомянуть, что одновременно с посылкой Румянцева в Турцию был издан в 1724 г. сенатский указ об отправке в Царьград «ради обучения турецкого языка из шляхетства несколько из молодых людей. . . летами в тринадцать или четырнадцать. . . при посылки брегадира и гвардии маэора Румянцева» [2]. При посольстве Румянцева в качестве врача находился Буксбаум Иоган Христиан, ботаник, приглашенный в Россию Петром I в качестве ботаника при Медицинской коллегии [3]. Согласно данной ему инструкции, он должен был присылать образцы врачебных растений, вообще «изучать и собирать естественные предметы». Буксбаум объехал Архипелаг, Анатолию, Армению до пределов Ирана и затем через Дербент и Астрахань вернулся в Россию. Он собрал большой этнографический материал, более 400 экземпляров редких монет из Антиохии, большое собрание растений, рыб, окаменелостей.

---

[1] Соловьев. История России с древнейших времен. Том осьмнадцатый. Изд. 3. М., 1884, стр. 75—76.

[2] Цит. по кн. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 41.

[3] При нем было начато разведение сада на Аптекарском острове в Петербурге.

Отчеты Буксбаума были напечатаны в комментариях Академии наук [1].

В инструкции на имя Буксбаума было указано:

«Он обязан преимущественно делать тщательные разыскания в трех царствах природы и присылать сюда или привести с собой все, что может быть сохранено или описано, или же сбережено в спирте, если представится к тому случай и время. В особенности должен он заниматься исследованием лекарственных растений. . . Также обязан он вести точный дневник всему, что с ним случится и с каждым курьером присылать подробные донесения в форме писем к начальнику Академии» [2]. В письмах на имя Блюментроста Буксбаум описывал путешествие. Описание состояло из перечня мест, через которые проезжало посольство с обозначением расстояний между ними в часах. В письме от 15 июля 1725 г. Буксбаум сообщал, что он нашел достаточное количество растений, неизвестных другим в окрестностях Константинополя. Позже, в августе того же года он посетил Принцевы острова (Пропонтидские). Буксбаум посетил также район Босфора, примыкающий к Буюкдере, у входа в Босфор.

Он писал Блюментросту о посещении Бруссы, о том, что «всходил на гору Олимп. . .» «высочайшую в этих странах, всегда покрытую снегом, который оттуда ежедневно привозится в Константинополь для прохладительных питей. На Олимпе он разыскал много редких растений. . .».

П. Пекарский приводил следующий отзыв академика Рупрехта Ф. И. о заслугах Буксбаума: «В кратковременную бытность свою при академии он составил сочинение о 500 новых или малоизвестных растениях, собранных им как в путешествиях по окрестностям Константинополя, в Малой Азии и около Каспейского моря, так и вблизи Петербурга. . .» [3].

В отчете Петербургской Академии наук за 1834 г. (на французском языке) в кратком историческом обзоре о работах в области ботаники в России со времен Петра I, составленном Бонгардом, отмечалось: «В 1726 появилась в России первая работа по ботанике. . . Буксбаума, украшенная 320 рисун-

---

[1] См. «Русский биографич. словарь», 1908, стр. 447—449, см. также М. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947, стр. 96. У Боднарского ошибочно указано, что он был врачом при посольстве Алекс. Ив. Разумовского, на самом деле А. И. Румянцева. Особенно же см. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, стр. 234—246.

[2] П. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 235—236.

[3] Там же, стр. 246.

ками и замечательная большим количеством новых растений. . . Автор изучил флору окрестностей Константинополя: в дальнейшем, следуя по пути, пройденному известным Турнефором[1], он посетил берега Черного моря, Малой Азии, Армении. . . Буксбауму, после Турнефора, мы обязаны первыми сведениями о богатой растительности этих стран»[2]. Буксбаум в Турции занимался не только ботаникой: «Чтобы находящийся при нем живописец не оставался праздным, он велел ему срисовать красками одежды греков и турков». Среди приобретенных им 400 экземпляров древних монет у него были монеты времен Александра Македонского и многих других монет из Антиохии.

К петровскому же периоду относится и путешествие иеромонаха Рыхловского монастыря Сильвестра и Никодима в Константинополь и Иерусалим в 1722 г.[3]

Путешествие было начато 19 апреля 1722 г. Путь Сильвестра и Никодима лежал от монастыря, находившегося в Черниговской епархии, через Чернигов, Киев, Васильков, Немиров, Сороки, о котором паломники записали, что: «Сорока город с приезду полская граница, и половина города полский, а на том боку Днестра Волоский город и граница Волоская. А река Днестр посреде города идет: шириной будет з нашу Десну, тилко ж дуже быстро течет».

Перейдя границу, путники направились в Яссы, дав следующее описание пути от Сорок: «Той путь идучи до Яс велми красний: ибо гори изряднис, поля веселие и леси по обоим сторонам почасти есть, тилко ж безводное поле, води не имеет ни мало, а приездя до Яс як бы за полтори миле, река Прут от города течет». В городе Яссы, помимо перечисления церквей, путешественники отметили лишь, что «Город Яси велик и хороший, будинки изряднис». По пути от Ясс на Галац через г. Роман отмечали путники: «Много вина продается; на пути у поле криниц водних много, и церквей много каменных пустих». Прожив неделю в Галаце, путники отплыли по Дунаю и далее морем в Константинополь.

---

[1] Турнефор — французский ботаник, посетивший в 1700 г. Грецию, Малую Азию, Закавказье. Письма Турнефора из этого путешествия опубликованы в 1717 г. под заглавием: «Relation d'un voyage au Levant».

[2] Recueil des actes de la Séance Publique de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Pétersbourg tenue le 29 decembre 1834. St.-Pétersbourg, 1835, стр. 89.

[3] См. «Труды Киевской духовной академии». Киев, 1883, май, стр. 192—204. Описание путешествия иеромонаха Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 г.

После описания входа в Босфор с традиционными «фонарями» путешественники переходят к рассказу о Константинополе, где паломники прожили с 25 июня до 15 августа на подворье резидента Неплюева, т. е. в русском посольстве. В Царьграде, писали путешественники, в это время было «поветре, моровая язва, зовомая чума, а по нашему моровиця — и на многих була, и много людей от тоей болезни умирало». Заболел и Сильвестр. «Тая болезнь и меня не восхотела оманути, но поразила мя нещадно у левой нозе, мало нижей пояса» (Вряд ли это была чума — *Б. Д.*). Неплюев переселил путников со своего подворья, а затем снабдил их фирманом турецкого султана на поездку в Иерусалим. В Константинополе, по которому путники ходили в сопровождении янычара, приставленного к ним Неплюевым, они посетили церкви и другие примечательные места. «Царигород велми хороший, будинками изрядними украшенний и великий зело, кипариси и буковии древа, на местах изрядних стоят: а город на три места учиненний».

21 сентября на корабле с паломниками путники отплыли в Иерусалим, сделав первую остановку в Секизе (Хио) и затем на Родосе. «И в том городе были и ходили везде по улицам свободно. . . Той город Родос велми крепостний, и будинки каменние, и сам город округ стенами каменними премоцно огражден. Ровы превеликие каменем вимурованние глубокие. . .». Затем паломники отмечают посещение Кипра. Далее рукопись, сохранившаяся наполовину, перерывается — на описании пути от Кипра до Сидона (Сайды).

За рассматриваемый период, охватывавший немногим более четверти века, значительное количество русских, военных и простых людей — паломников, посетило Константинополь, Малую Азию, Египет, Иерусалим и другие места Ближнего Востока, интерес к которым при Петре I еще более усиливался.

При Петре I в России была сделана первая попытка организовать специальную школу для изучения восточных языков. При нем же, в 1716 г., впервые был переведен на русский язык Коран (в переводе с французского текста), посылались за границу в Турцию и Иран молодые люди для изучения турецкого, персидского и арабского языков, положено начало изучению Востока — истории языка, религии, нумизматики [1]. При Петре была организована и первая типография с арабским шрифтом. С деятельностью Петра связана попытка создать

[1] Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения Ислама в СССР. М., 1954, стр. 25—27. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 40—45.

научную арабистику. «Сложившаяся в петровское время историческая обстановка требовала большого объема конкретных знаний о природных и хозяйственных особенностях отдельных территорий страны, а также и о географии некоторых зарубежных стран» [1], о их военном положении. Петр I положил твердое основание изучению зарубежных стран чинами военного ведомства, возложив его на генерал-квартирмейстерскую часть. Изданный в 1716 г. воинский устав определял, в частности, функции генерал-квартирмейстера: «Сей чин требует мудрого, разумного и искусного человека, в географии и фортификации. Генерал-квартирмейстеру подлежит: генерально оную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается, если же какое место ему неизвестно, то должен таковое осмотреть, и через своих подчиненных офицеров ландкартою нарисовать и изобразить, а также потребно сему генерал-квартирмейстеру чтобы записную книгу или протокол иметь, и войскам все походы и бывшие лагери записывать и чертежи оным рисовать» [2].

В истории изучения зарубежных стран и, в частности, Ближнего Востока работы военных исследователей занимали серьезное место; начало этому изучению было положено Петром.

Картография петровского периода свидетельствовала о достаточно широких знаниях Ближнего Востока — в основе которых лежали, как это видно из предыдущего, не только иностранные источники. Одной из первых карт была известная русская карта, изданная в 1699 г. в Амстердаме Тессингом — по указанию Петра и носящая название «Карта западной и южной России» [3] Менгдена и Брюса. Содержание карты шире ее названия, ибо на ней показана вся страна от Смоленска и Москвы до северных берегов Малой Азии. Из южных частей на карте указаны Крым, Азовское и Черное моря с их побережьями. Карта составлена на латинском языке, но не подлежит никакому сомнению, что ее оригиналом явилась обнаруженная позже в рукописном отделе библиотеки Академии наук карта, снабженная русскими надписями и латинским заглавием, в переводе на русский язык гласящем: «Географи-

---

[1] Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 3.

[2] См. Н. П. Глиноецкий. История русского генерального штаба. СПб., 1883, т. I, стр. 13.

[3] В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. II. Киев, 1910, стр. 26 (текст) и карта под № LXI (41). Также В. Ф. Гнучева. Географ. департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 17. Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 183—189. Я. Брюс—крупный деятель петровского времени, Менгден — полковник Преображенского полка.

ческая карта частей Малой и Великой России» [1], начерченная после Азовской экспедиции 1696 г. Области, лежащие за пределами России и в том числе Черное море, составлены бесспорно не только на основании русских материалов, но и на основании некоторых иностранных источников.

В самом начале XVIII в. (1703 или 1704) в Амстердаме на русском и голландском языках был издан атлас вице-адмирала, впоследствии адмирала русской службы Корнелия Ивановича Крюйса (Крейц, Крейс). В 1699 г. Крюйс принял участие в походе Петра по Дону и Азовскому морю, предпринятому для сопровождения корабля «Крепость», на котором был отправлен в Турцию посол Украинцев. Результатом этой поездки и явился труд Крюйса — описание реки Дона с 14 картами и составление им же карты Азовского моря. Труд этот озаглавлен: «Вице-адмирала Корнилия Крюйса описание р. Дона. . . купно с изображением Азовского и Черного морей, со всеми их губами, мелями и впадающими в них реками» [2]. Эта работа представляла собой переход от древнерусского чертежа к географической карте.

В организованной Петром I Московской гражданской типографии — первом русском картографическом производстве в 1706 г. был напечатан план города Иерусалима с надписями на славянском и латинском языках, выполненный знаменитым русским мастером В. Киприяновым (Киприанов). «Черное море и Турция помещены на изображении глобуса Земного: тщательнейшая всея Азии таблица на все части разделенная; новое и тщательное описание Европы[3], последнее без даты, очевидно, 1713 г.

В составленном Б. В. Александровым описании рукописных карт XVIII в., хранящихся в рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР, приведен перечень ряда карт Азовского и Черного морей [4], составленных в России в рассматриваемый период, в том числе:

1. Карта Азовского, Черного и Мраморного морей и впадающих в них рек, а также народов, населяющих эти места, и главных пунктов (1-я четверть XVIII в.).

---

[1] Воспроизведена впервые в книге академика М. М. Богословского «Петр I. Материалы для биографии». М., 1940, Приложение к 1 тому.

[2] В. Б е р х. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории Российского флота, ч. I. СПб., 1831, стр. 150—151.

[3] А. В. Б о р о д и н. Московская гражданская типография и библиотека Киприянова. М.—Л., 1936, стр. 87. П. П е к а р с к и й. Указ. соч., т. II, стр. 653—656. (См. также: Д. А. Р о в и н с к и й. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX в. СПб., 1895, стр. 487—489.

[4] Приложение II к книге В. Ф. Г н у ч е в о й. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946.

2. Навигационная карта Азовского и Черного морей, с обозначением путей от Азова до Константинополя, составленная в 1700 г. лейтенантом русской службы Христианом Отто.

3. Изображение берегов Азовского и Черного морей от Темрюка до Константинополя (профили берегов), составленное тем же Отто.

4. Навигационная карта Азовского моря, составленная в 1706 г. Петром Бергманом.

5. Им же составленная в 1702 г. карта Керченского пролива.

Некоторые из этих карт имели градусную сетку и определенную проекцию.

К первой же четверти XVIII в. относится (на латинском языке) карта европейской части России к югу от Москвы до Черноморского побережья Турции.

Г. И. Танфильев отмечал, что на Черном море первая серия прибрежных промеров производилась еще в 1696 г. экипажем корабля «Крепость» и что в 1696—1704 гг. Пикаром была исполнена карта Черного моря между Керчью и Константинополем под названием: «Прямой чертеж Черного моря от города Керчи до Царяграда»[1]. Бесспорно правильно указание Танфильева на то, что первые промеры были проведены экипажем корабля «Крепость», об этом сообщал и Украинцев Петру I (см. выше). Но промеры эти относятся не к 1696, а к 1699 г.

За рассматриваемый период, охватывавший немногим более четверти века, в России шла плодотворная и упорная работа по изучению Ближнего Востока. «Русская географическая наука петровского времени внесла крупнейший вклад в сокровищницу мировых географических знаний»[2]. Изучение Ближнего Востока в первой четверти XVIII в., путешествия на Ближний Восток не привели, да и не могли привести, к великим открытиям, подобно открытиям на северо-востоке Азии и в прилегающих водах Ледовитого и Тихого океанов, к таким картографическим работам, как, например, картирование Каспийского моря Ф. И. Соймановым. Но было бы явно ошибочным недооценивать значение тех глубоких и серьезных сведений о Ближнем Востоке, которые внесли в науку русские наблюдательные люди. Нельзя недоучитывать вместе с тем и чисто практического значения, которое в свое время имели эти сведения.

---

[1] Г. Танфильев. Моря Каспийское, Черное, Балтийское, Ледовитое, Сибирское и Восточный океан. М.—Л., 1931, стр. 49.

[2] Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 369.

А. С. ТВЕРИТИНОВА

Евгению Александровичу Беляеву

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ВОПРОСУ О ПЕРВОПЕЧАТАНИИ АРАБСКИМ ШРИФТОМ В ТИПОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК

В 1758 г. ко двору Российской императрицы Елизаветы Петровны прибыло турецкое посольство Османа Шехди с извещением о восшествии на престол в Турции султана Мустафы III. В рукописном собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР в Ташкенте в 1944 г. нами была обнаружена турецкая рукопись, содержащая полный посольский отчет Османа Шехди. Рукопись названа «Сефаретнаме-и Русья» (т. е. «Описание посольства в Россию»)[1].

Рукопись содержит довольно подробный отчет обо всем виденном в России по пути от Бендер до Петербурга через Киев, Тулу, Москву, Тверь и другие попутные города. Особенно подробно описаны в отчете Петербург и его достопримечательности. В этих записях о Петербурге имелось любопытное сообщение о типографии Академии наук.

Типография Академии наук, сообщает Осман Шехди, «. . . представляла собой огромное удивительное предприятие, расположенное в трехэтажном здании, имеющем до ста комнат. Каждая комната была заполнена бесчисленными типографскими инструментами, формами и оттисками, огромным количеством людей, занятых печатным искусством и отделыванием картин».

Осман Шехди сообщал далее, что здесь же, в его присутствии, был отпечатан и преподнесен ему так называемый Подносной лист, набранный арабским шрифтом на безукоризненном

---

[1] Об этой рукописи см. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Ташкент. 1952, т. I, стр. 113—114.

турецком языке. Копия этого листа сохранилась до настоящего времени в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде и была обнаружена нами при участии работников архива в 1946 г. Повидимому, о существовании этого документа не было известно, так как принято было считать, что «арабский шрифт впервые был применен в академической типографии в семидесятых годах XVIII столетия» и первым изданием, свидетельствовавшим об этом, называли переведенную в 1776 г. с французского языка книжку «Турецкая грамматика или легчайший способ к изучению турецкого языка . . .»[1] Между тем, первый «турецкий» (т. е. арабский) шрифт академической типографии, датированный именно 1758 г., был экспонирован в 1911 г. в Петербурге на выставке «Ломоносов и елизаветинское время», посвященной 200-летнему юбилею со дня рождения М. В. Ломоносова[2].

Таким образом, если первый «турецкий» (арабский) шрифт датируется 1758 г., то наш «Подносной лист» можно считать одним из самых ранних (если не первым) документов, набранных арабским шрифтом в Типографии Академии наук.

Приводим перевод текста «Подносного листа».

«Его величество могущественный султан Мустафа хан, сын султана Ахмеда хана, вступив по наследству и по праву на Османский престол 16 ноября 1757 г., то-есть в воскресенье, 18 день месяца сефера 1171 г. хиджры, отправил к ее величеству императрице через посредство чрезвычайного посланника уважаемого Шехди Османа эфенди из хаджей Дивана второго ранга султанское дружественное письмо для подтверждения и подкрепления установленных между Российским и Турецким государствами постановлений и условий августейшего вечного мира (с тем, чтобы) и в будущем во все дни царствования их, при всех обстоятельствах, соблюдались они, как и прежде»[3].

[1] Вл. Пятницкий. К истории книгопечатания арабским шрифтом в европейской России и на Кавказе. «Сборник Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», т. I, стр. 138.

[2] «Выставка — Ломоносов и елизаветинское время» (каталог). СПб., 1912, отд. VII, стр. 156.

[3] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 7, № 92. На листе рукою академика Миллера помечено: «8 августа 1758 года».

№158

8 Августа 1758

عظمتلو سلطان مصطفی خان ابن سلطان احمد خان حضرتلری
بیك یدییوز اللی یدی سنه سی ماه تشرین ثانی نك اون التنجی
یعنی تاریخ هجرتدن احد و سبعون و مایة و الف شهر صفرك اون
سکزنجی یوم الاحد کوننده تخت اورنك عثمانی اوزره بالارث و
الاستحقاق جلوس ایدوب دولت روسیه ایله دولت عثمانیه بیننده قرارداده
اولان مصالحهٔ مؤبدهٔ مبارکنك شروط و قیودنه زمان سلطنت اوللرنده
دخی بهر حال کما فی الاول مراعت اولنا جغی تأکید و تصدیق
ایچون نامهٔ محبت سلطانیلری خواجکان دیواندن شق ثانی
پایه سیله مخصوص ارسال اولنان عزتلو شهدی عثمان افندی وساطتیله
شوکت علیهٔ امپراطوریلرینه فرستاده قلندی

Текст письма, поднесенного турецкому послу, отпечатанный в типографии Академии наук в 1758 г.

А. С. ШОФМАН, Г. Ф. ШАМОВ

ВОСТОЧНЫЙ РАЗРЯД КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(краткий очерк)

ОБРАЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО РАЗРЯДА

В 30—40-х годах XIX в. Казанский университет становится одним из центров русского востоковедения. В это время на философском факультете складывается из различных кафедр восточный разряд, выдвинувший впоследствии плеяду русских ориенталистов, пользовавшихся заслуженным научным авторитетом.

Возникновение и плодотворная деятельность восточного разряда стали возможными потому, что востоковедческая наука в Казани начала развиваться еще до открытия университета.

Казань издавна имела обширные торговые связи с Востоком. Через Казань шли торговые пути в Иран, Среднюю Азию и на Дальний Восток. Она задолго до установления нормальных отношений России с Китаем торговала с китайцами как своими собственными товарами, главным образом кожами, так и товарами других городов России, особенно во время ежегодных ярмарок на Булаке. Казанское купечество составляло в Кяхте особую компанию, предметом торговли которой была юфть.

В первой половине XIX в. Казань являлась также крупным административным и культурным центром Восточной России. Это был большой и оживленный город. После пережитого в 1815 г. пожара, уничтожившего почти половину города, Казань стала быстро восстанавливаться, «воздвигались новые здания, срывались крутизны гор, засыпались овраги, мостились улицы камнем и сосновыми полигонами». К 1842 г., по воспоминаниям современника, Казань «нарядилась и украсилась, как невеста, так что была первым лучшим городом после столицы» [1].

---

[1] И. А. Второв. Москва и Казань в начале XIX в. «Русская старина», 1891, апрель, стр. 17.

Казань, находясь почти на границе с Азией, была с ней связана в географическом, экономическом и даже этнографическом отношениях. В городе имелось большое количество мусульманского населения. В мае 1767 г. Екатерина II, остановившись на некоторое время в Казани, писала оттуда Вольтеру в Женеву: «Я угрожала вам письмом из какого-нибудь азиатского селения, теперь исполняю свое слово . . . Теперь я в Азии. Мне хотелось видеть это собственными глазами. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою»[1].

Царское правительство, придавая особое значение торговле с Востоком, стремилось подготовить не ученых ориенталистов, а чиновников-переводчиков и миссионеров. Этим объяснялся указ Екатерины II от 12 мая 1769 г. об изучении татарского языка «единожды навсегда при казанской гимназии»[2]. В начале XIX в. при казанской гимназии было предложено открыть, кроме татарского класса, также класс языков арабского и турецкого[3]. Эти же причины и определили введение преподавания восточных языков в Казанском университете уставом 1804 г.[4]

Русская передовая общественность проявляла большой интерес к Востоку, к истории его народов, к их языку, литературе, быту, нравам, обычаям.

Казанские востоковеды подчеркивали важность знакомства с восточными странами не только для дипломатических и торговых сношений с ними, но также и для всестороннего научного их изучения.

Развитию востоковедческой науки в Казани содействовали передовые русские ученые. Известно, что первый попечитель Казанского учебного округа, ученик Ломоносова и Эйлера, вице-президент Академии наук С. Я. Румовский с большим увлечением работал над расширением круга востоковедческих дисциплин в казанской гимназии. Он рекомендовал учредить при ней «главное для восточных языков училище», в котором, кроме татарского, должны были бы изучаться: арабский, турецкий, японский, китайский, маньчжурский, персидский, грузинский, армянский и калмыцкий. Но этот проект учреждения

---

[1] Переписка Екатерины с г. Вольтером (перевод А. Подлисецкого), ч. I. М., 1803, стр. 30, 32.

[2] См. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете. Казань, 1842, стр. 3.

[3] Загоскин. История императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования, 1902, т. I, стр. 222.

[4] Устав императорского Казанского университета. 1804, стр. 10.

в Казани училища восточных языков остался неосуществленным[1].

Когда в 1804 г. начал свой первый учебный год Казанский университет, в его штате, согласно уставу, предполагался профессор восточных языков и лектор татарского языка[2]. Ни о каких кафедрах тогда еще не было речи. Преподавание шло без программ и учебных планов. Не существовало также никакого разделения на факультеты, не было никакой специализации[3]. Лишь через три года, в 1807 г., начала функционировать кафедра восточных языков, на которой преподавали арабский и персидский языки, иногда «с присовокуплением еврейского и сирийского»[4]. Руководителем этой кафедры был назначен прибывший из Ростока Х. Д. Френ[5].

Френ считается родоначальником казанских ориенталистов, предтечей будущего разряда восточной словесности[6]. Он пробыл в Казанском университете 10 лет. За это время ему удалось расширить преподавание восточных дисциплин, заложить основы всестороннего научного изучения Востока. Ближайшим сотрудником Френа в его преподавательской и научной деятельности был Ибрагим Хальфин, который с 1811 г. являлся лектором татарского языка в университете, а с 1823 г. — адъюнктом восточной словесности[7]. Ибрагим Хальфин «безостановочно занимался теоретико-практическим руководствованием своих слушателей в татарском языке»[8].

---

[1] Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 222.

[2] Устав императорского Казанского университета. 1804, стр. 10.

[3] А. С. Шофман. Казанский университет до Великой Октябрьской социалистической революции, в кн. История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1954, стр. 6.

[4] Обозрение хода успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 7.

[5] Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КГУ, № 4024, стр. 26—27; № 4789. ЖМНП, 1855, ч. 88, стр. 8. П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. «Труды Восточного отделения императорского археологического общества», ч. II. СПб., 1856, стр. 6. Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 219.

[6] Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 219.

[7] Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КГУ, № 4016, стр. 59—60. Преподавание татарского языка в Казани было в фамилии Хальфиных наследственным в продолжение 60 лет. Дед Ибрагима Хальфина Сагит Хальфин был первым официальным преподавателем восточных языков в России. В 1769 г. ему было поручено преподавание татарского языка в казанской гимназии. С 1785 г. его преемником стал сын Исхак (1785—1800), после смерти которого продолжил его дело Ибрагим Хальфин (1800—1828). П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 28. Примечание. Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 220.

[8] Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 9.

3 августа 1817 г. Френ ушел из Казанского университета в связи с переходом на службу в Петербургскую Академию наук [1]. Уезжая в Петербург, Френ оставил в Казанском университете своего способного ученика Я. О. Ярцева, который, однако, вскоре также уехал за своим учителем в Петербургскую Академию наук, где занимал должность адъюнкта восточных языков [2].

В 1818 г. по рекомендации Френа был утвержден профессором по кафедре восточных языков Ф. Эрдман, вышедший из той же школы, которую проходил когда-то сам Френ [3]. Эрдман проработал в университете 26 лет и вел преподавание главным образом по арабской и персидской словесности. Не обладая ни научной эрудицией Френа, ни передовыми взглядами на науку, он заслужил самое отрицательное отношение современников [4]. В университете Эрдман выступал против передовых ученых и действовал в духе реакционера Магницкого, с появлением которого в Казанском университете учебная и научная жизнь замерла.

Магницкий, как попечитель Казанского учебного округа (1819—1826), заподозрив в университетском преподавании «вольнодумство», в 1821 г. издал особые инструкции, по которым «в преподавании всех наук» должен был быть «один дух святого евангелия». Соответственно с этим университетское руководство стремилось к ограничению преподавания восточных языков, заниматься языками арабским и персидским лишь поскольку «они могут быть полезны России по ее торговым и политическим сношениям» [5].

Власть Магницкого над университетом длилась в течение семи лет. За это время университет был сильно ослаблен. Кроме того, годы непосредственно следовавшие за разгромом декабристов, были годами особенно тяжелыми для развития науки и просвещения. Царское правительство предприняло ряд мер против «дерзновенных мечтаний». Понадобились люди,

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 706, оп. 1, стр. 1.

[2] Загоскин. Указ. соч., т. II, Казань, 1903, стр. 33.

[3] Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КГУ, № 4016, стр. 73—74.

[4] Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, 1876, т. I, стр. 223. Нельзя согласиться с мнением Загоскина о том, что деятельность Эрдмана «явилась в высшей степени плодотворной» и что Эрдман создал школу ориенталистов, из которой вышли такие востоковеды, как Березин, Васильев, Ковалевский, Навроцкий, Попов, Холмогоров.

[5] Журнал Департамента народного просвещения, 1821, ч. II, стр. 56—58.

которые бы, несмотря на николаевскую реакцию, могли под влиянием новых общественных веяний возродить университет. Такими людьми стали питомцы университета, прежде всего Н. И. Лобачевский и И. М. Симонов.

Великий математик, философ-материалист, педагог, патриот — Лобачевский возглавил прогрессивную профессуру в борьбе со схоластическим преподаванием, с реакционерами в науке.

Выросший на идеях просветительской и материалистической философии, великий ученый в знаменитой актовой речи «О важнейших предметах воспитания» внушал своим слушателям: «Человек родился быть господином, повелителем, царем природы. Но мудрость не дана ему от рождения: она приобретается учением».

Он ставил перед молодым человеком высокий патриотический идеал гармонического развития личности, которая «высокими познаниями составляет честь и славу своего отечества». Суровое порицание получали от него те молодые люди, идеалы которых не шли далее удачно сделанной карьеры и обеспеченного служебного положения. Горячим протестом против затхлого, холодного, себялюбивого отношения к жизни полны вдохновенные слова его актовой речи. В ней высказаны ценнейшие мысли о воспитании, которое должно пробуждать в человеке «все способности ума, все дарования».

В своих педагогических воззрениях Лобачевский выступал как один из выдающихся представителей материализма в истории русской педагогики.

Находясь в течение почти 20 лет на посту ректора университета, Лобачевский способствовал развитию не только многих наук, но и развитию и процветанию ориенталистики. Он внимательно изучал состояние преподавания восточных языков, подготовлял специалистов-востоковедов.

Приход Лобачевского в 1827 г. к руководству университетом сразу сказался благотворно на развитии «восточного разряда». Уже в следующем, 1828 г. лектура татарского языка преобразуется в кафедру турецко-татарского языка, которую вскоре возглавил Казембек. Через пять лет, в 1833 г., при непосредственном участии и руководстве Лобачевского была основана монгольская кафедра — первая монгольская кафедра в Европе. Необходимость учреждения монгольской кафедры Лобачевский мотивировал тем, что Россия находится в соседстве с Монголией, что частые сношения между этими странами невозможны без основательного изучения монгольского языка и литературы. Лобачевский обратил внимание также на то,

что в Забайкалье и Восточной Сибири «кочуют бурятские и тунгусские племена, говорящие монгольским языком, исповедующие Буддийскую религию» [1]. По мнению Лобачевского, необходимо познакомиться через этих практических знатоков монгольского языка не только с этим языком, но и с жизнью и бытом носителей этого языка. Монгольская кафедра могла быть открыта только тогда, когда О. Ковалевский и А. Попов после пятилетнего пребывания в Забайкальском крае возвратились в Казань, обогащенные знанием монгольского языка и монгольской истории [2]. После того, как эти знания были достойно оценены Академией наук в Петербурге, Ковалевский и Попов начали развивать интенсивную деятельность в области развития монголоведения. Руководство монгольской кафедрой в университете было поручено Ковалевскому, а преподавание монгольского языка в гимназии возложено на Попова. Благодаря активной деятельности этих двух монголоведов, кафедра монгольского языка быстро росла и стала русским центром научного изучения Монголии.

В 1835 г. был введен новый университетский устав, в котором получили яркое выражение реакционные идеи, царившие в господствующих слоях и нашедшие свое отражение в деятельности министра просвещения С. С. Уварова. Стремясь, по его выражению, «отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории . . .», Уваров провозгласил триединую формулу: «православие, самодержавие, народность». Эта формула была программой махрового национализма и реакции.

Новый университетский устав ликвидировал даже ту видимость академической свободы, которая формально существовала в университетах по уставу 1804 г. Новый устав требовал сословного характера образования и, главное, был направлен против передовых политических влияний.

С августа 1837 г. Казанский университет стал работать по новому уставу.

По существу, в систему преподавания восточных языков и в развитие востоковедческой науки новый устав не внес ничего нового. Читавшиеся курсы арабского, турецкого, татарского, персидского и монгольского языков были лишь выделены в разряд восточной словесности [3]. До этого они вхо-

---

[1] Обозрение хода успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 15.

[2] Там же, стр. 16.

[3] Общий устав императорских Российских университетов, 1835, стр. 4.

дили в состав трех восточных кафедр, уже существовавших до устава: 1) кафедра арабского и персидского языков, руководителем которой являлся ординарный профессор Эрдман; 2) кафедра турецко-татарского языка под руководством ординарного профессора Казембека; 3) кафедра монгольского языка, вверенная ординарному профессору Ковалевскому и экстраординарному профессору Попову [1].

Кафедра арабской и персидской словесности, основы которой были заложены еще Френом, кроме Ярцева, Эрдмана и Готвальда, имела в своем составе ряд молодых преподавателей, главным образом воспитанников Первой Казанской гимназии. В числе их были: Николай Сонин, Иван Жуков, Иван Иванов, Михаил Новроцкий, Иван Холмогоров.

Кафедра турецко-татарского языка выдвинула таких крупных тюркологов, как Александр Мирза Казембек и И. Н. Березин. Что касается монгольской кафедры, то она в лице Ковалевского и Попова имела основоположников научного монголоведения в России.

По инициативе передовых казанских востоковедов и ректора Лобачевского восточный разряд, вопреки уставу, расширялся, а изучение востоковедческих дисциплин углублялось. Как указывает О. М. Ковалевский, «каждый профессор по своей кафедре, кроме механизма языка, старался познакомить слушателей с политическою и литературною жизнию народа, говорящего оным, и чрез то открыть юношеству путь к дальнейшей разработке ученых сокровищ Востока» [2].

В мае 1837 г. была учреждена первая в России кафедра китайского языка, под руководством архимандрита Даниила Сивиллова, пробывшего 10 лет в Китае [3] в составе X Духовной миссии.

С апреля 1844 г. во главе китайской кафедры по рекомендации Ковалевского находился ординарный профессор китайской и маньчжурской словесности И. П. Войцеховский (1793—1850).

Войцеховский, по специальности врач, после окончания Петербургской Медико-хирургической академии в 1819 г., свыше 10 лет провел в Китае, где прекрасно изучил китайский, маньчжурский и монгольский языки, занимался медицинской практикой, оказывая безвозмездную помощь китайской бед-

---

[1] Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 17.

[2] Там же.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4599, оп. 1, стр. 9.

ноте [1]. В благодарность за излечение одного принца китайцы поставили ему перед отъездом его в Россию памятник на территории посольского дома [2].

Возглавляя с 1844 г. кафедру китайской словесности, он вместе с тем вел и преподавание маньчжурского языка.

В университете, как отмечали современники, Войцеховский отличался демократизмом и внимательным отношением к казанской городской бедноте [3].

Войцеховский умер 7 ноября 1850 г. Незадолго до его смерти в Казань вернулся из Китая В. П. Васильев, где он в течение 10 лет с исключительной тщательностью изучил историю, географию стран Восточной Азии, китайский, тибетский и санскритский языки. Васильев не преувеличивал, когда говорил: «Страна от берегов Каспийского моря до восточного океана, от пределов Индии до северных вершин Байкала более или менее, но вся, близка мне и по говору ее обитателей и по письменности их» [4].

В 1850 г. В. П. Васильев был избран на должность экстраординарного профессора по кафедре китайского и маньчжурского языков [5]. Преподавателями практического курса китайского языка были А. Сосницкий и Абу-Каримов (из китайских мусульман).

В 1842 г. были открыты две важнейшие кафедры: кафедра армянского и кафедра санскритского языков. Кафедру армянского языка возглавлял рекомендованный Френом крупный

---

[1] «Казанские губернские ведомости», № 2, 1850.

[2] Там же. Современники передают, что сооружение памятника Войцеховскому происходило в торжественной обстановке. 19 ноября 1829 г. из дворца императора, при страшном громе, звоне и прочих звуках дивной китайской музыки, под сенью знамен с изображением государственного герба мистического дракона (лу), в сопровождении важнейших сановников гражданских и военных и бесчисленного народа со всеми церемониями, предписанными священною книгою Ли-цзы, в великолепном богдыханском паланкине принесли в дом русской миссии и поставили в его зале, в честь Войцеховского, памятник, на котором в китайской и латинской надписи извещалось, что «великого князя Ли, младший брат Чан поставил этот памятник медику Иосифу Войцеховскому». См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1851/52 учебном году. Казань, 1852, стр. 18—19.

[3] «Казанские губернские ведомости», № 2, 1850. Когда в 1847 г. в Казани появилась холера, Войцеховский снова выступил на медицинском поприще. «Мы с холерою старые знакомые», — говорил он, так как он первый из русских врачей наблюдал ее в Пекине в 1820 г.

[4] Отчет о состоянии императорского Казанского ун-та в 1850/51 учебном году. Казань, 1851, стр. 30.

[5] Там же, стр. 32, ЦГА ТАССР, 977, № 8453, оп. 208, стр. 51—52.

специалист по армяноведению С. И. Назарьянц (1812—1879)[1]. Это был один из передовых ученых и публицистов. Его научные труды, магистерская и докторская диссертации получили высокую оценку у видных ориенталистов, в числе которых был и Френ [2]. В своей докторской диссертации Назарьянц проводил мысль, что восточный мир не менее достоин внимания науки, чем так называемый древнеклассический [3].

В программе, составленной Назарьянцем для кафедры армянского языка, подчеркивались цель и задачи армяноведения. Они, по его мнению, заключались в том, «чтобы сделать доступными ученому миру драгоценные сокровища армянской литературы, хранящейся доныне в глуши монастырей . . ., чтобы дать возможность, пользуясь историческими памятниками армян, осветить мрачные области истории Востока» [4].

Преподавателем практического курса армянского языка на этой кафедре был Григорий Гладышев.

Руководителем кафедры санскритского языка был утвержден П. Я. Петров (1814—1895). Это был один из передовых ученых, один из первых русских санскритологов. Даже известный немецкий санскритолог Бопп вынужден был признать преимущество Петрова в знаниях санскрита [5].

Еще в Московском университете Петров познакомился с В. Г. Белинским, стал его другом и товарищем. О его близких отношениях с великим русским революционером-демократом В. Г. Белинским говорит оживленная переписка, которую они вели всю жизнь. Белинский высоко оценивал востоковедные познания Петрова [6]. Научные заслуги Петрова также высоко оценивали ученые Казанского университета, отмечая, что Петров «соединял в себе основательные знания многих восточных языков и главнейших европейских», что «этот обширный запас сведений был довершен истинно редким трудолюбием» [7].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 8344, оп. 205, стр. 1, 5—6. ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8344, л. 10.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 8344, оп. 205, стр. 10, 17—20. ЦГА ТАССР, ф. 977, № 39, истфак, стр. 1—10.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 39, истфак, стр. 25, см. также Отчет о состоянии императорского Казанского ун-та за 1848/49 г., стр. 10.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8344, л. 22.

[5] И. Ю. Крачковский. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому, стр. 12 (в книге «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953).

[6] Там же, стр. 7—22; Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 223—247.

[7] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 6525, л. 4.

Интересно отметить, что в марте 1836 г. начал читать в Санкт-Петербургском университете лекции по санскриту ученик Боппа адъюнкт Академии Ленц, но курс не был доведен до конца [1]. Возобновилось преподавание санскритского языка и литературы только в 1858 г. Курс начал с успехом читать К. А. Коссович [2].

В 1842 г. во время открытия кафедр армянского и санскритского языков была запроектирована и кафедра тибетского языка и литературы, руководство которой предназначалось для находившегося в Китае В. П. Васильева.

В следующем, 1843 г. на восточном разряде было введено обучение восточной каллиграфии.

Лобачевский направлял свои усилия на дальнейшее расширение востоковедческих дисциплин. В январе 1843 г. он ходатайствует об открытии кафедры еврейского языка. Подчеркивая важность изучения этого языка, он доказывал, что «знание еврейского языка, как одного из главных корней семитических языков необходимо . . .» [3] В этом же году был представлен Казанским университетом проект об открытии при нем института восточных языков [4]. Последние два мероприятия не получили конкретного осуществления.

Таким образом, из восточных кафедр университета и был постепенно составлен особый разряд восточной словесности, в составе философского факультета.

Восточный разряд проделал огромную работу по изучению народов Востока и создал школу русских востоковедов.

Изучение народов Востока проходило также в научном обществе Российской словесности, учрежденном в апреле 1806 г. в Казани [5]. В этом обществе с научными докладами и отчетами о путешествиях по странам Востока выступали Ковалевский, Попов, Березин, Васильев и др. Последний читал членам общества отрывки из своего Пекинского дневника.

РАЗВИТИЕ ОРИЕНТАЛИСТИКИ НА ВОСТОЧНОМ РАЗРЯДЕ

Для глубокого изучения восточных языков, а также для всестороннего знакомства с восточными народами необходимо было непосредственное соприкосновение с ними. Этим объясняются те длительные путешествия по Востоку, которые пред-

---

[1] В. Григорьев. Санскритский язык в России. «Северная пчела», № 56, 1836.

[2] ЖМНП, 99, 1858, стр. 159.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5256, оп. 1, стр. 1—2.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5170, оп. 1, стр. 3, 12, 16.

[5] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 179, л. 4.

принимали казанские востоковеды, особенно во время ректорства Н. И. Лобачевского. До этого времени путешествия казанских ученых на Восток были случайными.

Так, в 1817 г. можно отметить поездку в Персию магистра восточной словесности Я. О. Ярцева, прикомандированного к русскому посольству в качестве канцелярского чиновника. Он пробыл в Персии ровно год, регулярно вел записи, «касающиеся до топографии, религии, промышленности и других тому подобных предметов». После рассмотрения их Советом университета они были «возвращены ему для приведения в порядок» [1].

Н. И. Лобачевский являлся сторонником длительных научных командировок, необходимых студентам для изучения стран Востока и подготовки к профессуре.

Второй поездкой в страны Востока ученых Казанского университета, имевшей большое значение для русского востоковедения, явилась командировка в Пекин, в составе XII Духовной миссии, В. П. Васильева, ученика О. М. Ковалевского, успешно в 1839 г. защитившего магистерскую диссертацию на тему «Об основаниях философии буддизма» [2].

В это время в университете возник проект создания тибетской кафедры, которая могла бы быть также первой в Европе. Решено было поставить во главе предполагаемой кафедры В. П. Васильева, послав его предварительно в Китай для изучения тибетского, китайского, маньчжурского и санскритского языков [3].

В. П. Васильев пробыл в Пекине свыше 10 лет, занимаясь изучением языков, литературы и истории народов Китая. При этом он уделял большое внимание географии Китая. «По нашему мнению, — писал он, — для того, чтобы исторические данные были точны и понятны, нужно прежде всего разобрать географию страны, сперва новую, потом древнюю» [4]. Одновременно он собирал материал о сельском хозяйстве, промышленности, торговле, финансах, административном делении страны и т. д.[5]

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 822, л. 1.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8290, л. 5.

[3] Вначале университет хотел отправить в Пекин даже двух своих воспитанников: В. П. Васильева и М. Г. Навроцкого, но министерство иностранных дел и синод отказали в посылке двух человек (ЦГА ТАССР, ф. 92, № 4814, л. 14).

[4] В. П. В а с и л ь е в. Записки о Нингуте. «Зап. имп. Русск. геогр. об-ва», кн. 12, стр. 79.

[5] В. П. В а с и л ь е в. Выписка из дневника, веденного в Пекине. «Русский вестник», 1857, т. IX, №№ 10, 12.

Для библиотеки Казанского университета и Первой гимназии В. П. Васильев приобрел большое количество китайских, тибетских и маньчжурских рукописей. В одном только 1842 г. он отправил в Казань 849 сочинений в 2737 томах [1].

В сентябре 1850 г. В. П. Васильев возвратился в Казань и представил Совету университета отчет о своей деятельности в Китае. Н. И. Лобачевский, находившийся тогда во главе Казанского учебного округа, предписал Совету университета немедленно рассмотреть представленный отчет и донести «о всех заслугах Васильева с своим заключением и мнением в отношении к назначению, какое предполагалось для Васильева по возвращении его в Казань через десять лет пребывания в Пекине» [2].

В январе 1851 г. В. П. Васильев был назначен экстраординарным профессором на кафедре китайской и маньчжурской словесности, на которой не было руководителя после смерти И. Войцеховского.

Почти одновременно с отъездом В. П. Васильева в Китай отправились в трехлетнее путешествие по Кавказу и странам Ближнего и Среднего Востока И. Н. Березин и В. Ф. Диттель, защитившие в 1840 г. магистерские диссертации [3]. План путешествия был составлен профессором А. Казембеком, рассмотрен Советом университета и утвержден Академией наук.

И. Березин и В. Диттель, выехав из Казани летом 1842 г., посетили Кавказ, Иран, берега Тигра и Евфрата, Сирию, Палестину, Египет и около года провели в Стамбуле, изучая турецкий язык и рукописи. Вначале они ехали вместе, но в Иране их маршрут разошелся, и они продолжали путешествие независимо друг от друга. В течение всего пути они вели подробные записи обо всем, что видели и узнавали, включая даже сведения о температуре воздуха, которую сами измеряли три раза в день. В августе 1845 г. они возвратились в Казань. Отчет об их путешествии был напечатан в 1847 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» [4].

Но И. Н. Березин не ограничился официальным отчетом, в котором больше говорилось о денежных расходах, чем об изученном, виденном и слышанном, и в 1849—1852 гг. издал два тома описаний своего путешествия — «Путешествие по

---

[1] К. Фойгт. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете, стр. 61.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8453, л. 39.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8290, л. 16.

[4] ЖМНП, 1847, т. V, отд. IV, стр. 1—30.

Дагестану и Закавказью» (1850) и «Путешествие по Северной Персии» (1852). Это не просто дорожные записи, а научный труд, созданный на основе тщательного изучения литературы, снабженный историческими и филологическими комментариями. Он имеет также приложение, состоящее из статистических таблиц, отражавших состояние русско-иранской торговли, переводов из персидских и арабских рукописей, надписей, снятых с городских стен, дворцов и мечетей, планов Тегерана, Тебриза и крупнейших кавказских городов.

Как отмечает советский востоковед Н. А. Смирнов, Березин дал для своего времени «лучшее в буржуазной литературе описание стран Востока» [1].

После экзамена в Академии наук И. Н. Березин был определен на кафедру турецко-татарского языка Казанского, а В. Ф. Диттель — на кафедру С.-Петербургского университета.

Кроме вышеперечисленных путешествий по странам зарубежного Востока, казанские востоковеды неоднократно совершали кратковременные поездки по Татарии, в Астрахань, на Кавказ, в Оренбург и Крым, также имевшие большое значение для их научной и педагогической деятельности.

Путешествия казанских востоковедов по странам Востока благотворно повлияли на развитие востоковедения в стенах Казанского университета.

В первые годы существования университета, когда восточный разряд еще не развернул своей деятельности, научно-исследовательская работа в области ориенталистики только зарождалась. Начало развития востоковедческой науки было, как уже указывалось выше, связано с именем проф. Х. М. Френа.

За 10 лет своего пребывания в университете Френ много сделал в области восточной палеографии, археологии, нумизматики и филологии. Опытным палеографом он стал благодаря тщательному изучению многочисленных арабских, персидских и татарских рукописей [2].

---

[1] Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 34.

[2] П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. «Труды Восточного отделения императорского Археологического общества», ч. II, СПб., 1856, стр. 7.

Для научной работы Френ покупал восточные рукописи на арабском языке, особенно исторического содержания, стихи и древние монеты, о чем он сделал специальное заявление в «Казанских известиях» (1811, № 32).

Живя в Казани, Френ осматривал остатки Булгар и исследовал древности местного края [1]. Часто попадавшиеся в Казани куфические монеты и особенно монеты Золотой Орды усилили интерес Френа к восточной нумизматике. По утверждению известного востоковеда Г. С. Саблукова, Френ был «корифеем наших нумизматов» [2]. Френ открыл более 400 видов монет Золотой Орды, по которым можно воспроизвести имена почти всех ханов — прежних властителей Руси [3]. На основании кропотливого изучения этих монет Френу удалось объяснить собственные имена и титулы ханов, исследовать расположение городов Орды, русско-татарские взаимоотношения и т. д. Как правильно отмечает ориенталист Савельев, это была первая большая услуга русской истории, оказанная Френом [4]. В связи с тем, что объяснение монет было невозможно без глубокого изучения истории мусульманского Востока, Френ занялся изучением истории восточных стран. Большей частью в то время эту историю приходилось изучать по рукописям, часто искаженным переписчиками, или по печатным текстам, испорченным издателями. Это заставило Френа заниматься филологическими изысканиями, которые также имели большое научное значение.

Научная деятельность Френа была настолько интенсивной, что, кроме многочисленных конспектов лекций, актовых речей, он «каждый год приготовлял по крайней мере одно ученое исследование» [5].

---

[1] П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 8, 11.

[2] Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ, № 1509, стр. 3. Сам Саблуков тоже занимался восточной нумизматикой. В архиве б-ки им. Н. И. Лобачевского находится его рукопись «Собрание монет Кипчакской орды». В этой рукописи автор на основании монет кипчакских ханов пытается уяснить основные этапы развития Кипчакской орды. См. архив б-ки им. Лобачевского, инв. 1509, стр. 3—23.

[3] П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 11.

В 1808 г. Френ сделал описание на арабском языке (в связи с отсутствием латинского шрифта в университетской типографии) восьми саманидских и десяти бувейгидских монет. Это описание получило высокую оценку среди ориенталистов Западной Европы, особенно со стороны Сильвестра-де Саси и Тихсена.

В 1813 г. Френ издал описание восточного минц-кабинета Пото. В этом описании, по утверждению Савельева, указаны «примечательнейшие и дотоле неизвестные из монет мусульманского Востока семнадцати разрядов».

В 1814 г. он напечатал исследование «О титулах и почетных прозвищах ханов Золотой Орды». На протяжении 1816—1817 гг. Френ печатал трактат «О древнейшей монете Волжских булгар».

[4] Там же.

[5] П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 8.

Научная деятельность преемника Френа, проф. Ф. Эрдмана протекала главным образом в области восточной нумизматики, но он также занимался исследованиями персидских и арабских текстов, использованных в древнерусских и античных источниках [1]. Однако научные труды Эрдмана не оставили существенного следа в истории русского востоковедения [2].

При характеристике первого периода в научной деятельности казанских востоковедов нельзя пройти мимо нумизматических и этнографических работ первого исследователя быта казанских татар известного натуралиста и этнографа — К. Ф. Фукса. Медик по специальности, Фукс много времени отдал исследованию местных народностей, преимущественно татар [3]. Он близко сошелся с татарами, изучил их язык, жил среди них в татарской части города и свои многолетние наблюдения позднее изложил и обобщил в основной своей работе по этнографии — «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях». В этой работе он большое внимание уделил физическому типу татар, их экономике, внешнему быту, женскому вопросу, поэзии, культу и праздникам, школе и просвещению, взаимоотношению между русскими и татарами [4].

Если научная работа в области изучения Востока в первый период была представлена только двумя-тремя ориенталистами, то в период ректорства Н. И. Лобачевского началась интенсивная, всесторонняя историко-филологическая и этнографическая разработка важнейших малоизученных проблем монголоведения, тюркологии, китаеведения и т. д.

В истории русского монголоведения Казанский университет имел весьма большое значение. Трудами Ковалевского и Попова одновременно с трудами И. Я. Шмидта в Петербурге были заложены основы для научного изучения языка, истории, литературы, быта монгольского народа.

Занимаясь монгольским языкознанием, О. М. Ковалевский, кроме важнейших учебных пособий, создал ряд других ценных работ: «Опыт монгольского корнеслова», «Опыт монгольской семантики», «Сравнительная грамматика монголо-тюрко-финская» и ряд других, оставшихся, к сожалению, в рукописях.

[1] Загоскин. Указ. соч., т. IV, стр. 191. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854/55 учебный год. Казань, 1855.

[2] Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге». 1876, т. I, стр. 223.

[3] Н. И. Воробьев. К. Фукс — первый исследователь быта казанских татар. Казань, 1927.

[4] К. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.

О. М. Ковалевский никогда не считал себя только языковедом. Он много и глубоко занимался историей народов Востока. Неоднократно призывал ученых к всестороннему изучению стран Азии. Так, в речи на торжественном собрании университета, произнесенной 8 августа 1837 г., обращаясь к профессорам и студентам университета, он говорил: «Сколько здесь предметов для языковеда, поэта, философа, археолога, историка! Сколько тайн сокрыто в богатейшей природе!» [1]

Язык же он считал «ключем, за которым сокрыты все сокровища восточной учености» [2].

Востоковеды Казембек и Березин много сделали для научного развития тюркологии. Плодотворная научная деятельность Казембека была направлена на изучение истории, литературы, религиозных воззрений и законодательств тюркских народов. В области истории Казембека интересовала деятельность крымских ханов, уйгуры, политическая борьба в Аравии накануне и в период возникновения ислама. Эти научные интересы Казембека получили свое осуществление в ряде опубликованных им статей [3].

Обладая прекрасными знаниями восточных языков, Казембек был тонким знатоком литературы, законодательных актов и мусульманских религиозных текстов на этих языках.

Казембек был первым исследователем бабизма. В написанной им позднее работе о бабидах он дает совершенно новую для того времени оценку движения бабидов в Иране, считая это движение не только религиозным, но и политическим, направленным против феодальной власти персидского шаха и официальной религии шиизма [4]. Однако, будучи идеалистом в подходе к историческим явлениям, Казембек не мог дать правильной оценки роли мусульманской религии в жизни восточных народов.

И. Н. Березин проработал в Казанском университете, возглавляя кафедру турецко-татарского языка, свыше 10 лет.

---

[1] О. М. Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1837, стр. 32—33.

[2] Там же, стр. 34.

[3] А. К. Казембек. Тюхфе. Рассуждение на персидском языке о литературе арабов. Казань, 1831. Ассаб-ус-Сейяр или семь планет, история крымских ханов, сочиненная на турецком языке Сеид Ризою, с введением на русском языке. Казань, 1832. «Исследование об уйгурах». ЖМНП, 1841. О некоторых политических переворотах Востока, подготовивших поприще Мухаммеда в Аравии и вне ее. ЖМНП, ч. 46, 1845.

[4] А. К. Казембек. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 гг. (1865).

Он преподавал турецкий язык, читал историю турецких народов и турецкую литературу, плодотворно занимался разработкой сложных вопросов истории тюркских и монгольских народов, интересовался историей местного края. Буржуазный либерал, И. Н. Березин в 50-е годы XIX в. редактировал неофициальную часть «Казанских губернских ведомостей».

Научная деятельность И. Н. Березина, как и других казанских востоковедов, началась с лингвистических работ. И. Н. Березин первый в России из ученых-тюркологов занялся изучением тюркских и персидских диалектов, но предложенная им классификация тюркских диалектов в настоящее время устарела.

И. Н. Березин уделял большое внимание собиранию и публикованию восточных исторических рукописей, благодаря чему он и приобрел мировую известность. Будучи в 1845 г. в Петербурге, он сделал подробное описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в петербургских библиотеках [1]. В Казани он стал издавать «Библиотеку восточных историков», которая была первой в России попыткой собрать и прокомментировать работы восточных историков и летописцев о монголах и их походах на Запад. И. Н. Березину удалось издать три тома: первый том — «Шейбаниада» (история монголов и тюрок на джагатайском языке, посвященная внуку Чингисхана Шейбани-хану); второй том — «Джами Эт-Таварих» (история монголов и тюрок на языке казанских татар); третий том — турецкая хроника Абульгази. Каждый том был снабжен ценными филологическими и историческими комментариями, к составлению которых привлекались лучшие казанские ориенталисты, среди которых находился первый бурятский ученый Доржи Банзаров, написавший для Березина несколько оригинальных статей.

Кроме этого, И. Н. Березин переводил «Историю монголов» из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина. Отдельные отрывки из «Истории монголов» он с подробными историко-филологическими комментариями издал уже в казанский период [2], но основной текст был издан позже, в Петербурге. Это был первый в Европе более или менее полный перевод монгольской

---

[1] И. Н. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в петербургских библиотеках. ЖМНП, 1846—1849, Отд. изд. СПб., 1850.

[2] «Первое вторжение монголов в Россию». ЖМНП, 1852; «Второе вторжение монголов в Россию». ЖМНП, 1854.

истории [1], не утративший своей ценности, пока не появился перевод труда персидского историка в издании Академии наук [2].

Одновременно Березин плодотворно занимался изучением тарханных ярлыков золотоордынских ханов, которые давно привлекали внимание русских и западноевропейских ориенталистов. И. Н. Березин дал новые переводы тарханных ярлыков Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея с обширными историко-филологическими комментариями [3], а затем написал специальную работу: «Внутреннее устройство Золотой Орды», в которой впервые в русской и европейской литературе было подробно освещено устройство государства Золотой Орды. Однако Березин совершенно не касался социально-экономического строя монгольского государства.

Работа И. Н. Березина над внутренним устройством Золотой Орды продолжалась и в Петербурге. Завершением ее была докторская диссертация «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» (1862). Диссертация получила высокую оценку у современников. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский также отметили, что труд Березина — наиболее полное дореволюционное исследование о внутреннем устройстве Золотой Орды. «Государственное устройство Золотой Орды, — писали они, — более чем какая-либо другая сторона Улуса Джучи подвергалась изучению. Наиболее полно оно освещено было в прошлом веке в работе И. Березина «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева». Но при всех достоинствах этой работы нельзя забывать, что она находится на высоте фактических знаний 60-х годов XIX века» [4].

Березин продолжил и углубил исследования русских востоковедов об исламе. В отличие от своего учителя Казембека Березин правильно характеризовал ислам, как препятствие на пути к прогрессу. Еще в «Путешествии по Дагестану и Закавказью» он подчеркивал, что мусульманская религия

---

[1] а. Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Труды ВОРАО, ч. V, 1858 (перевод), 1861 (персидский текст).

б. Рашид-Эддин. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Труды ВОРАО, ч. XIII, 1868.

в. Рашид-Эддин. История Чингиз-хана от восшествия на престол до кончины. Труды ВОРАО, ч. XV, 1888.

[2] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1—2. М.—Л., 1952; т. III, М.—Л., 1946; т. II находится в работе.

[3] И. Н. Березин. «Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями, изданные Березиным». Казань, 1851.

[4] Греков и Якубовский. Золотая Орда, 1950, стр. 122.

«отодвинула, мы еще не знаем на сколько веков или тысячелетий, развитие гражданственности и социальности в Азии» [1].

Самым крупным научным работником кафедры китайской словесности являлся, несомненно, В. П. Васильев. Его предшественники Д. Сивиллов и И. Войцеховский занимались главным образом переводами [2]. Правда, Д. Сивиллов начал работать над китайской хрестоматией, но она осталась в рукописи. Первый вариант китайской хрестоматии Д. Сивиллова был послан на отзыв И. Бичурину, который дал ей, особенно предисловию, положительную оценку. Он писал в Казань: «Механизм, т. е. внутренний состав китайского раскрыт в предисловии к сей книге столь основательно и удовлетворительно, что сия часть хрестоматии вполне заслуживает быть переданною Европе на всех общих европейских языках» [3].

В. П. Васильев, проработавший в Казанском университете до 1854 г., первые годы занимался в основном обработкой вывезенного из Китая материала — географического, исторического и филологического. В казанский период им были опубликованы и подготовлены к печати главным образом работы, посвященные географии Китая: «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях»[4], «Описание Маньчжурии» [5], «Записки о Нингуте» (перевод с китайского) [6], «О реках, впадающих в Амур» [7], «О существовании огнедышущей горы в Маньчжурии» [8]. Это были первые в России историко-географические работы, созданные не только на основе личных наблюдений и исследований, но и тщательнейшего изучения китайских источников. Кроме этого, им были составлены еще в Пекине географические карты китайских династий, являвшиеся в тот период единственными в России.

---

[1] И. Н. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, 1848, стр. 80.

[2] Переводы Д. Сивиллова: «Драгоценное зеркало для просвещенного ума» («Учен. зап. Казанского ун-та», 1837, II), «Всеобщая история Китая» («Учен. зап. Казанского ун-та», 1837, IV и 1838, II). «Философия Конфуция изложена в книге Megдзы», рукопись. Переводы И. Войцеховского: «Аналитический разбор как китайского, так и маньчжурского текстов книги Цинь-вэн-цы-мэн», «Аналитический разбор книги Цинь-вэн-чжи-яо», «Аналитический разбор конфуциевой философии или четверокнижия Сы-шу». Все они остались неизданными.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8466, л. 2.

[4] ЖМН, II, 1852, ч. LXXIII.

[5] «Зап. имп. Русск. геогр. об-ва», 1857, кн. XII.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] «Вестник Географического общества», кн. 5, 1855.

В отчете о своих занятиях в Китае В. П. Васильев указывал также, что он готовит к изданию составленные им «Основания тибетской грамматики», затем «Тибетскую хрестоматию», «Тибетский лексикон», «Историю буддизма в Индии» (перевод с тибетского), «Историю буддизма в Тибете, Китае и Монголии», «Географию Тибета» (перевод рукописи Минджул-хутукты), «Описание западных стран» (перевод сочинения китайского паломника Сюань-Цзяна, посетившего Индию в начале VII в.), «Литературу буддизма» и ряд других [1]. Часть этих работ была опубликована или использована для создания других работ уже в петербургский период его научной деятельности. Большой знаток тибетского, китайского, санскритского и монгольского языков, Васильев проделал очень большую работу в области восточной филологии. Он старался вникнуть в грамматический слой языка и лексику, выяснить связи санскритского с тибетским, маньчжурского с монгольским. Большое внимание в своих филологических изысканиях Васильев уделял диалектам восточных языков. В частности, он изучил некоторые диалекты монгольского языка. В монгольском языке, который он весьма основательно изучил в Казани, он достиг такого совершенства, что «самые монголы удивлялись правильности и чистоте его сочинения фраз и непогрешительности в произношении» [2].

Наука обязана Васильеву глубоким изучением истории буддизма в Тибете. Он собрал много материалов для истории этой же религии в Китае и Монголии.

В. П. Васильев был выдающимся русским китаеведом, проделавшим огромную работу по изучению Маньчжурии и Тибета. Труды его в этой области не потеряли своего значения и до настоящего времени.

В своей многогранной научно-исследовательской работе востоковеды Казанского университета не только подымали важнейшие вопросы востоковедческой науки, но и прокладывали новые пути для ее развития.

ПОСТАНОВКА ПРЕПОДАВАНИЯ НА ВОСТОЧНОМ РАЗРЯДЕ

Велика заслуга казанских востоковедов и в постановке педагогической и методической работы на восточном разряде.

Успешная постановка преподавания была невозможна без создания учебников и учебных пособий. Ученые восточных кафедр с каждым годом, по мере распространения преподавания

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8453, л. 59—75.

[2] Отчет о состоянии императорского Казанского университета 1850/51 учебном году, стр. 30.

восточных языков, увеличивали число учебных пособий, постоянно их усовершенствуя. В этом отношении нельзя не отметить, что казанские востоковеды внесли большой вклад в развитие русской педагогической и методической мысли.

Каждая кафедра восточного разряда сама создавала учебники для своих слушателей. Через пять лет после открытия Казанского университета в 1809 г. Хальфин издал азбуку и грамматику татарского языка, а также татарскую хрестоматию, по которой учились много лет слушатели восточного разряда [1]. Казембек издал грамматику турецко-татарского языка, удостоенную Демидовской премии [2]. Он также занимался составлением турецкой хрестоматии [3]. Грамматику Казембека дополнил И. Н. Березин и, в свою очередь, создал грамматику персидского языка, а также написал работу о турецких диалектах [4].

Таким образом, весь цикл турецко-татарской словесности был обеспечен учебными пособиями, составленными членами кафедры.

Цикл монгольской словесности, благодаря энергичной педагогической и методической деятельности Ковалевского и Попова, был еще шире обеспечен учебной литературой, достаточной для удовлетворения нужд не только университета, но и гимназии. Грамматика монгольского языка и двухтомная монгольская хрестоматия Ковалевского, а также трехтомный монгольско-русско-французский словарь имели большое научное и педагогическое значение [5]. Большую пользу в преподавании приносила монгольская хрестоматия Попова для начинающих и созданная им же первая арифметика на монгольском языке [6].

[1] И. Загоскин. Указ. соч., т. I, стр. 221. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, 1842, стр. 4. См. Хальфин. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения. Казань. 1809.

[2] Казем-бек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839. Второе издание под заглавием «Общая грамматика турецко-татарского языка». Казань, 1846.

[3] Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1839—1840 гг. Казань, 1840, стр. 8.

[4] И. Н. Березин. Дополнение к тюркской грамматике, изданной Казем-беком. СПб., 1846. Грамматика персидского языка. Казань, 1853, см. «Ученые записки Казанского университета», 1848, II, и отдельно. Казань, 1848.

[5] О. М. Ковалевский. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835. Монгольская хрестоматия, т. I—II. Казань, 1836—1837. Монгольско-русско-французский словарь, т. I—III. Казань, 1844—1855.

[6] А. В. Попов. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку, ч. I—II. Казань, 1837, см. его же. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1848.

Санскритская антология Петрова, являвшаяся первой в России, его переводы санскритских текстов способствовали углубленному изучению санскрита в университете. По предписанию Н. И. Лобачевского от 13 января 1842 г. санскритский язык стал обязательным для монгольско-татарского и китайского разрядов [1]. Не меньшее значение для углубления преподавания армянского языка имели грамматика и хрестоматия Назарьянца [2]. «Основания тибетской грамматики» и тибетская хрестоматия Васильева служили важным учебным пособием для изучения тибетского языка [3].

Многие из этих учебных пособий, как и научные труды востоковедов, печатались в университетской типографии. Она имела монгольский, калмыцкий, тибетский и санскритский шрифты [4].

Кроме учебников и учебных пособий, ученые составляли программы отдельных курсов для восточного разряда. Начало обсуждению составленных программ заложил еще Френ, который по приезде в Казань представил в Совет проспект намеченного им преподавания, которое должно было заключаться в этимологии арабского языка и в объяснении арабских авторов, и создал программу разбора и критики арабских текстов и сочинений [5]. За ним последовал Эрдман, создавший подробную программу трехлетнего обучения арабскому языку [6]. Программу для гимназии и университета по монгольскому языку составлял неоднократно Ковалевский, программу по санскриту — Петров [7].

В распоряжении воспитанников восточного разряда была также университетская библиотека, хорошо представленная востоковедческой литературой.

Библиотеке Лобачевский отдавал много сил и энергии, чтобы сделать из огромного скопища книг, приведенных во

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5181, л. 2.

[2] Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854/55 учебный год. Казань, 1855, стр. 28.

[3] Там же.

[4] Во время пожара 1842 г. университетская типография почти вся сгорела, и погибли книгопечатные станки, шрифты, сочинения и бумаги. Однако вскоре она была восстановлена и в последние годы существования восточного разряда стала еще более мощной.

[5] Историческая записка о четырех отделениях Казанского университета за 1814—1827 гг. Казань, 1899, стр. 19. З а г о с к и н. Указ. соч., т. I, стр. 219.

[6] Архив библиотеки им. Н. И. Лобачевского, инв. № 4044. Программа Эрдмана написана на латинском языке. Имеется в архиве также русский перевод.

[7] П е т р о в. Программа для преподавания санскритского языка и литературы. «Ученые записки Казанского университета», 1842, кн. II.

время управления Магницкого в полный беспорядок, настоящее научное книгохранилище. Считая библиотеку важнейшим звеном университетской жизни, Лобачевский очень дорожил должностью ее руководителя и часто подписывался «ректор и библиотекарь Лобачевский».

Лобачевский положил начало созданию фонда рукописей и старопечатных книг на многих восточных языках.

При непосредственной помощи Лобачевского, силами восточного разряда в библиотеке были собраны редчайшие восточные книги и рукописи, которые до настоящего времени представляют исключительную научную ценность [1].

В фонде рукописей и редких книг во время существования восточного разряда и позднее имелись первоисточники на 18 языках, среди них десятки рукописей на арабском, турецком, персидском, татарском и других языках. Они охватывали многочисленные отрасли знания. Среди них имелись экземпляры, относящиеся к началу XII в., уникальные автографы известных восточных писателей, произведения средневековых философов, сборник поэм известного иранского поэта Амира Хусрау (1253—1325), сочинения великого узбекского поэта Навои, великого азербайджанского поэта Низами, великого таджикского ученого Авиценны.

Большое значение также представляли рукописи по истории, языку и литературе татарского народа. Среди многочисленных татарских рукописей был найден подлинный экземпляр татарской азбуки и грамматики, составленной в 1775 г. преподавателем татарского языка Первой Казанской гимназии Сагитом Хальфином. В 1778 г. эта книга была напечатана в Петербурге. В рукописи этого же автора имелся также русско-татарский словарь (в двух томах). Недавно обнаружены рукописи лекций по курсу татарского языка, прочитанных в 1824—1826 гг. Ибрагимом Хальфином, а также лекции по истории арабской словесности, записанные студентом П. Мельниковым (известным писателем П. И. Мельниковым-Печерским) [2].

Восточное отделение библиотеки почти ежегодно увеличивало свой фонд главным образом благодаря инициативе казанских востоковедов, которые привозили в университет из своих

---

[1] В 1855 г. это ценнейшее собрание восточных книг и рукописей было передано созданному при Петербургском университете Восточному факультету. Восточные рукописи в университетской библиотеке стали снова накапливаться, начиная с конца XIX в. В настоящее время фонд восточных рукописей содержит 7300 отдельных произведений.

[2] М. Андреев. Восточные рукописи библиотеки Казанского гос. университета, стр. 29—32. «Библиотекарь», 1951, № 5.

путешествий ряд ценных рукописей и книг. Так, например, Ковалевский в Иркутске, Кяхте и Пекине приобрел книги и рукописи на монгольском, маньчжурском, тибетском, санскритском и китайском языках. В этих книгах излагается политическая и нравственная жизнь монголов и смежных с ними народов [1].

Значительное количество книг печатных и рукописных, а также богатая коллекция словарей была привезена казанскими путешественниками из Китая и других стран Азии. Один Васильев приобрел для университетской библиотеки важнейшие восточные книги в количестве четырех тысяч томов [2].

Систематическое увеличение библиотечного фонда по различным отраслям восточной филологии, истории и этнографии послужило «надолго неисчерпаемым источником сведений для изучения восточных народов во всех их отношениях» [3].

Прекрасным наглядным пособием в преподавании восточной словесности, его учебно-вспомогательными учреждениями были нумизматический или минц-кабинет и кабинет редкостей.

Трудами Френа, Фукса, Эрдмана, Казембека, Ковалевского, Березина в минц-кабинете составилось богатое собрание восточных монет, которое служило необходимым пособием для преподавания восточной нумизматики [4].

Особый кабинет редкостей, находившийся под руководством Ковалевского, систематически обогащался достопримечательностями из разных стран Востока.

Начало этому кабинету положила небольшая коллекция любопытных и редких предметов, переданных университету проф. И. М. Симоновым, участником первой антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в 1819—1821 гг. Среди этих предметов была небольшая коллекция оружия с островов Тихого океана, высушенная человеческая голова с Соломоновых островов и некоторые другие предметы. Дальнейшие путешествия казанских востоковедов значительно расширили экспонаты этого кабинета. Много сделал для обогащения кабинета редкостей Ковалевский. 4-летнее пребывание в Сибири,

---

[1] См. Отчет по императорскому Казанскому университету за 1834 г., стр. 79. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете. Казань, 1842, стр. 28.

[2] Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1850/51 учебном году, стр. 31.

[3] Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, стр. 29.

[4] Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г. Казань, 1852, стр. 64—67.

путешествие по забайкальским степям, посещение Пекина дали ему возможность приобрести для университета редкие и любопытные собрания [1]. В 1830 г. он принес в дар кабинету тибетскую аптеку, в 1831 г. купил для университета у забайкальских бурят собрание медных вещей, составлявших буддийский жертвенник. В 1835 г. приобретено через него собрание костюмов китайских, маньчжурских и монгольских, буддийских богослужебных риз, одеяний лам и бурят, статуй и живописных изображений божеств, китайских картин и др. Все эти вещи были привезены из Китая и Монголии.

В 1842 г. поступили от В. П. Васильева образцы китайской промышленности: 13 сортов китайского лака, 7 сортов китайского шелка, чай, семена различных растений и др. [2]

В том же году кабинет редкостей приобрел при помощи Френа мумию младенца из фиванской гробницы и другие египетские древности.

В 1846 г. через В. Ф. Диттеля кабинет приобрел надгробную доску с мумии, расписанную иероглифами, оболочку с мумии, изображавшую умершую женщину.

В 1848 г. профессор университета Вагнер доставил кабинету руку и ногу египетской мумии [3].

Почти ежегодно кабинет обогащался покупками или приношениями частных лиц. В результате этих собраний в кабинете можно было увидеть довольно полное собрание костюмов, культовые предметы, домашнюю утварь, оружие, музыкальные инструменты китайцев, монголов, сибирских племен, островитян и других народов.

Экспонаты кабинета редкостей давали возможность лучше познакомиться с историей, этнографией, религией и другими сторонами жизни восточных народов [4].

---

[1] См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1839—1840 гг., Казань, 1840, стр. 36—37.

[2] Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1850/51 учебном году, Казань, 1851, стр. 31. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г., стр. 67.

[3] Там же.

[4] Часть этих экспонатов кабинета редкостей вошла в ныне существующий этнографический музей при Казанском гос. университете. В настоящее время зарубежная Азия представлена главным образом собраниями из Китая, коллекцией по буддийскому культу Монголии и отдельными вещами из Кореи, Японии и Ирана. Китайское собрание включает несколько сот предметов быта, преимущественно обеспеченных классов. Довольно богата коллекция предметов буддийского культа Монголии, включающая значительное количество культовой утвари, музыкальных

Как учебные пособия, так и вспомогательные учреждения, несомненно, способствовали улучшению постановки преподавания на восточном разряде.

Что касается самой постановки преподавания на восточном разряде, то она пережила ряд организационных и структурных изменений. До устава 1835 г., когда восточная словесность организационно не была выделена и входила как основная часть в отделение общей словесности, преподавателей по ней было мало. Правда, это количество было несколько увеличено в 1833 г. в связи с открытием монгольской кафедры. До этого преподавание восточных языков осуществлялось, по существу, тремя преподавателями: Френом, Эрдманом и Хальфиным. Как было указано выше, Френ и Эрдман вели преподавание по арабско-персидской словесности, а Хальфин — по татарскому языку. За 10 лет своего пребывания в университете Френ преподавал арабский, персидский и турецкий, а для желающих — еврейский и сирийский языки. Наряду с этим он читал со студентами из арабской хрестоматии статьи по географии, истории и поэзии, а также знакомил их с арабской палеографией [1]. Эрдман обучал студентов арабскому и персидскому языкам, читал историю арабской и персидской словесности. Преподавание языков подкреплялось объяснениями отрывков из арабской хрестоматии Яна и персидской хрестоматии Вилькена, а также курсом восточной нумизматики и персидской истории с древнейших времен [2]. Эти курсы также читал проф. Эрдман [3]. С конца 20-х годов началась преподавательская деятельность Казембека, который разбирал со студентами грамматические правила персидского языка, занимался с ними переводами с персидского на русский, читал рукописи, знакомил их с персидскими авторами по хрестоматии Болдырева [4].

Татарский язык и отчасти турецкий в эти годы, как известно, преподавал Ибрагим Хальфин. Кроме знакомства

инструментов, молитвенных вертушек, костюмов лам, статуэток божеств и большое собрание буддийских икон на дереве, полотне и бумаге. Имеется также небольшое количество вещей, характеризующих быт монголов: предметы одежды, оружие. См. Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин, П. В. Юсупов. Этнографический музей Казанского государственного университета. «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 222—225.

[1] П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 8. Историческая записка о четырех отделениях Казанского университета за 1814—1817 гг. Казань, 1899, стр. 13—14.

[2] Там же, стр. 15—17.

[3] П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 16, 17, 18, см. также ф. 977, арх. 5061, л. 8.

[4] Там же, стр. 19, см. также ф. 977, арх. 5061, л. 9.

с основами этих языков Хальфин широко практиковал со студентами переводы русской истории на татарский язык, а также татарской истории и литературы на русский язык.

Начиная с 30-х годов круг востоковедных дисциплин был расширен. Цикл арабско-персидской словесности продолжают вести Эрдман, Казембек и позднее Березин. Эрдман увеличил количество арабских и персидских книг, продолжая читать для всех разрядов историю персидского государства, а с 1833/34 учебного года вводит курс древней истории, который до него читал кандидат словесных наук И. А. Верниковский [1].

Казембек продолжал вести арабский и персидский языки по грамматикам Ричардсона и Джонса, а также по хрестоматии Болдырева [2].

После смерти Хальфина Казембек с 1830/31 г. взял на себя преподавание татарского языка.

С открытием кафедры монгольского языка преподавание на ней вели Ковалевский и Попов. Уже в 1833/34 учебном году Ковалевский, тогда еще адъюнкт, излагал студентам грамматические правила «об изменениях слов и употреблении оных», руководствуясь краткой грамматикой письменного монгольского языка, составленной им, и грамматикой академика Шмидта [3]. В последующие годы Ковалевский расширил курс введением чтения и комментирования отрывков из монгольских сочинений по истории буддизма в Индии, Китае, Тибете и Монголии [4]. Наряду с этим он ввел переводы с русского на монгольский язык и излагал студентам грамматическое различие книжного и разговорного монгольского языков [5]. Кроме преподавания монгольского языка, Ковалевский, начиная с 1838/39 учебного года, стал читать по своим запискам историю монголов [6]. Несколько позднее он читал и монгольскую литературу [7].

Попов читал своим слушателям сравнительную грамматику монгольского и татарского языков и занимался с ними переводами с монгольского языка на русский из собственной хре-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 5061, л. 8; № 5558, л. 37, № 5768, л. 25—27; № 6172, л. 25; № 8244, л. 34; № 8559, л. 12.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 6172, л. 25.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7104, л. 15—16.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 6935, л. 13. Отрывки из монгольских сочинений, которые комментировались Ковалевским, были собраны им в хрестоматию и изданы.

[5] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 7350, л. 11, 12.

[6] ЦГА ТАССР, № 8244, л. 35—36. См. Обозрение преподавания в императорском Казанском университете на 1849/50 год. Казань, 1849, стр. 8.

[7] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8559, л. 12.

стоматии «с грамматическими, синтаксическими и филологическими объяснениями» [1].

С конца 30-х годов на восточном разряде стал преподавать китайский язык и китайскую грамматику Д. Сивиллов. Кроме изложения этимологии и синтаксиса китайского языка, он читал и китайскую историю [2]. Практический курс китайского языка вел Алексей Сосницкий. С 1844 до 1850 г. теорию китайского языка читал проф. Войцеховский. Он объяснял различие между древней и новейшей китайской письменностью, объяснял законы каллиграфического письма, занимал студентов переводами с китайского языка на русский и с русского на китайский, а также читал политическую и литературную историю Китая [3]. После Войцеховского несколько лет до закрытия восточного разряда преподавал грамматику китайского языка и читал политическую историю и литературу Китая проф. Васильев [4].

В 40-е годы и вплоть до закрытия разряда круг преподаваемых восточных языков все больше расширялся. Вводится преподавание армянского, санскритского, калмыцкого, маньчжурского языков. О том, как глубоко и всесторонне изучались эти языки, свидетельствуют дошедшие до нас программы преподавания первых двух языков. Представляя в 1842 г. программу преподавания армянского языка и литературы, адъюнкт Назарьянц подчеркивал, что он будет стремиться проникать «во внутреннюю жизнь столь многосторонне-развитого языка и содействовать основательному разумению древних памятников армянского духа». Преподавание армянского языка по программе Назарьянца растягивалось на все четыре курса. На первом курсе излагались основы языка, а также велось комментирование отрывков из армянских сочинений. Во второй год обучения изучался синтаксис, практиковались письменные упражнения, давались объяснения армян-

---

[1] ЦГА ТАССР, № 7350, л. 11, 12; № 8559, л. 12. Кроме своей хрестоматии, Попов в своем преподавании широко использовал хрестоматию Ковалевского. См. Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1849/50 г. Казань, 1849, стр. 8.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, № 8244, л. 36, 37. См. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г. Казань, 1852, стр. 8, 14—15.

[3] Обозрение преподавателей в императорском Казанском университете на 1849/50 г. Казань, 1849, стр. 9. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете. Казань, 1852, стр. 15.

[4] См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1851/52 учебном году, Казань, 1852, стр. 9.

ской истории Лазаря Парпского. На третьем курсе упражнения в языке шли параллельно с изложением политической истории, географии древней или великой Армении, с объяснениями армянской истории Моисея Хоренского. На последнем курсе к переводам с новых языков на армянский, и наоборот, прибавлялось изучение армянских древностей и история армянской литературы.

Таким образом, изучение языка шло параллельно с изучением литературы и истории народа [1].

О таком же всестороннем и глубоком изучении санскритского языка свидетельствует программа, составленная в этом же 1842 г. и. д. адъюнкта П. Я. Петровым. Петров, кроме изучения этимологии, диалектов, фонетики, транскрипции и каллиграфии санскрита, санскритской литературы, знакомил слушателей с историей Индии по законам Ману, с индийской философией и развитием различных отраслей наук [2].

Разработка членами кафедр учебников и учебных пособий, подробных планов и программ, глубокое и всестороннее изучение ими предмета своих курсов свидетельствуют о том, что студент восточного разряда получал, безусловно, хорошую подготовку. Студент специализировался по какому-нибудь одному языку и одновременно обучался «некоторым вспомогательным языкам» [3].

В 1842 г. было произведено точное распределение предметов восточного разряда по специальностям, что получило свое выражение в стабильном учебном плане и расписании, утвержденным 26 марта 1843 г.[4]

Несмотря на хорошую постановку преподавания востоковедческих дисциплин, студентов на восточном разряде было мало. В первые годы преподавания этих дисциплин их отталки-

---

[1] См. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете с 1842 по 1852 г., стр. 16. После отъезда Назарьянца из Казани преподавание армянского языка продолжал его ученик Гр. Гладышев.

[2] Программа для преподавания санскритского языка и литературы при императорском Казанском университете, составленная Павлом Петровым. «Ученые записки Казанского университета», 1842, кн. II, стр. 77—95.

[3] До 50-х годов восточный разряд находился в системе философского факультета, с 1851 г. и до закрытия он входил в состав историко-филологического факультета. Количество специальностей также менялось. Так, в 1839/40 г. их было 4 (арабско-персидская, монгольская, турецкая и китайская), в 1842/43 г. — 6 (к существующим прибавлена армянская и санскритская), в 1848/49 г. их было тоже 6 (вместо китайского введен калмыцкий язык), в 1851 г. — 7 (вновь введен китайский).

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, № 5272, л. 19.

вало то обстоятельство, что преподавание велось на иностранных языках — немецком или латыни, которых большая часть слушателей не знала; но по мере привлечения к преподаванию русских ориенталистов эта причина исчезла. Между тем даже в годы наибольшего расцвета деятельности восточного разряда на нем училось не более 25 студентов. Так, например, в 1852 г. было 14 слушателей, в 1853 г.— 22, в 1854/55 г.— 26 слушателей. Если учесть, что в эти годы было по 6—7 восточных специальностей, то на каждую специальность падает лишь по нескольку студентов [1].

Попов позднее объяснял это положение тем, что многие не шли на отделение восточной словесности в связи с отсутствием после окончания назначения, поэтому «вынуждаемы были крайностью своего положения избирать для себя другой род службы» [2]. Возможно отпугивали абитуриентов и миссионерские устремления царского правительства, открывшего молодым людям двери университета в расчете, что они будут слугами самодержавия, проводниками его политики. Однако, несмотря на все это, воспитанники восточного разряда подвергались влиянию передовой русской профессуры, прогрессивной научной мысли. С помощью учителей они находили настоящее место в жизни, свое призвание. Об этом может особенно отчетливо свидетельствовать жизнь и деятельность выпускника восточного разряда первого бурятского ученого Доржи Банзарова, получившего в университете блестящую подготовку и ставшего благодаря заботе своих учителей признанным знатоком истории и этнографии народов центральной Азии.

В течение почти всей первой половины XIX в. Казанский университет являлся центром университетского изучения Востока и преподавания восточных языков в России.

Восточный разряд просуществовал до 1854 г. 22 октября этого года последовал указ сената, прекращавший преподавание восточных языков в Казанском университете и I Казанской гимназии. В последней было оставлено «по уважению местных обстоятельств края» преподавание татарского языка.

---

[1] Отчет Казанского университета за 1853 г., стр. 50. Отчет за 1854/55 учебный год, стр. 38. Следует отметить, что вообще историко-филологический факультет по сравнению с другими факультетами был малочислен. Так, в 1853 г. на этом факультете было всего 39 студентов, в то время как на медицинском было 180.

[2] См. Краткий исторический взгляд на развитие преподавания восточных языков в русских университетах и других учебных заведениях Министерства народного просвещения. ЖМНП, 1855, ч. 88, стр. 8.

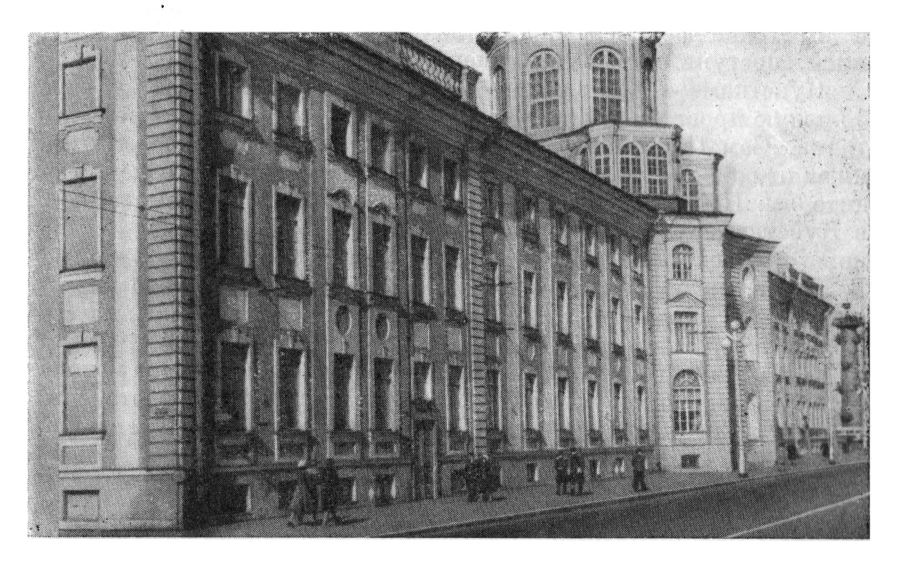
Закрытие разряда в указе мотивировалось необходимостью для успешного изучения восточных языков сосредоточить их преподавание в одном месте. Этим местом был Санкт-Петербургский университет, где «соединяется больше средств для развития этой обширной отрасли знания, и больше учебных пособий, чем в других местах империи». В связи с этим отделение восточных языков при Санкт-Петербургском университете было преобразовано в Восточный факультет, на котором продолжали свою деятельность многие казанские востоковеды [1].

[1] См. Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854/55 учебный год. Казань, 1855, стр. 21—22. А. С. Шофман. Указ. соч., стр. 19.

Д. И. ТИХОНОВ

ИЗ ИСТОРИИ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ

Первым государственным учреждением в России, начавшим собирать восточные редкости и письменные памятники на восточных языках, была Петербургская кунсткамера, основан-

Здание быв. Кунсткамеры. В настоящее время Музей этнографии АН СССР в Ленинграде

ная в 1714 г. Трудно установить, от кого поступили первые экспонаты и письменные материалы в Кунсткамеру, но, несомненно, что именно с возникновением Кунсткамеры началось создание богатейшего собрания восточных рукописей. Специальными указами Петра I (1717—1724) предписывалось

присылать в Кунсткамеру различные, представлявшие интерес для коллекций предметы, в том числе и восточные.

Пополнение собраний Кунсткамеры происходило не только за счет предметов, присылавшихся по указам Петра I, но также и за счет экспонатов, собранных экспедициями, обследовавшими различные районы России. Так, Д. Г. Мессершмидт, вернувшийся из Сибири в 1728 г., привез в числе своих разнообразных собраний и древние памятники монгольского, тибетского письма, монеты, печати [1]. Были также привезены найденные на восточном берегу Каспийского моря (1716—1718) различная жертвенная утварь и старые восточные рукописи на пергаменте [2].

Во время поездки в Сибирь (1769—1774) естествоиспытатель П. С. Паллас занимался не только составлением коллекций по естествознанию, но и собирал письменные памятники, в том числе найденные в Аблай-хите — многочисленные монгольские и тибетские фрагменты. Все находки, привезенные экспедицией, поступили в Кунсткамеру.

Кунсткамера по замыслу Петра I должна была играть большую просветительную роль и воспитывать чувство патриотизма. Сам Петр I передал «для памяти на предбудущее время» ключ от города Дербента, который был поднесен на блюде победителям. Петр I заботился не только о собирании памятников в Кунсткамеру, но и прилагал усилия к установлению связей нового музея с научными учреждениями Западной Европы. В 1722 г. он послал в дар Парижской Академии новую карту Каспийского моря и несколько листов тибетского письма из Аблай-хита.

В 1724 г. после создания Академии наук Кунсткамера вошла в ее состав. В Кунсткамере попрежнему были сосредоточены восточные редкости и письменные памятники. Следует заметить при этом, что восточные рукописи поступали не в Кунсткамеру, а в библиотеку Академии наук, где хранились вместе со всеми книгами. Богатство коллекций Кунсткамеры определялось не рукописными материалами, а наличием разнообразных памятников материальной культуры и нумизматическими коллекциями.

Частные собрания немало способствовали обогащению Кунсткамеры восточными памятниками. Восемнадцатый век был временем, когда частные лица увлекались коллекционированием монет и медалей.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 1, № 3, л. 8 об.

[2] Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук М.—Л., 1953, стр. 31.

Из числа первых собирателей восточных редкостей следует назвать губернаторов Сибири Ф. А. Головина и А. И. Черкасского, интересовавшихся археологическими древностями и собравших богатые коллекции.

В 1724 г. доктор Баксбаум сдал в Кунсткамеру свои коллекции, в составе которых было много восточных монет. Через два года — в 1726 г. — Кунсткамера обогатилась еще двумя большими коллекциями. Одна из них поступила от Екатерины I. Коллекция состояла из 250 предметов, собранных при раскопках сибирских курганов. Екатерина I получила эту коллекцию в подарок от Акинфия Демидова в 1715 г. Золотые вещи коллекции весили 74 фунта[1]. Вторая коллекция поступила от лейб-медика Петра Арескина. Это поступление пополнило собрание восточных редкостей главным образом монетами. Следующая большая коллекция русских и восточных монет — более 1000 штук поступила в Кунсткамеру в 1728 г.

С первых дней своего существования Кунсткамера приобрела широкую известность в России и за границей, как богатое собрание редких и, с научной точки зрения, ценных предметов. Разносторонняя деятельность Академии наук способствовала быстрому увеличению числа экспонатов, в том числе и восточных. Книги и коллекции, являвшиеся материалами для научной работы, ученые приводили в порядок, давали им описания.

Собрания Кунсткамеры пополнялись очень быстро и старое здание оказалось слишком тесным. Поэтому было решено перевести Кунсткамеру в более удобное и просторное здание, где предполагалось разместить многочисленные коллекции и книги, так чтобы ими было удобнее пользоваться. Новое здание Кунсткамеры, заложенное в 1718 г. на Васильевском Острове, было готово к открытию для посетителей 25 ноября 1728 г.[2]

Не только ученые отдавали свои собрания в Академию наук, отдавали их также и лица, находившиеся на государственной службе. Например, в 1730 г. библиотека Академии наук получила от бывшего русского дипломата при китайском дворе Л. Ланга 82 тетради китайских ксилографов. Первую

---

[1] «Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведено Василием Костыгиным». СПб., 1779, стр. 117.

[2] В настоящее время это здание занимает Музей этнографии Академии наук СССР.

опись этих поступлений составили Илларион Рассохин и Алексей Леонтьев. В составе коллекции имелись династийные истории, философские сочинения, математические и медицинские трактаты, словари, грамматики, географические карты и т. д. Это было первое крупное поступление письменных памятников, так как до поступления коллекции Ланга собрание Кунсткамеры обогащалось главным образом монетами и редкими предметами. Почти каждый год Кунсткамера пополнялась новыми поступлениями восточных редкостей. Число коллекций возрастало, содержание их становилось разнообразнее.

Разносторонне образованный государственный деятель XVIII в. Яков Брюс завещал Кунсткамере Академии наук свое богатое собрание коллекций [1]. Широкий интерес Брюса к истории культуры находил свое отражение в его собрании, в котором имелись не только русские и западноевропейские материалы, но и восточные. Его нумизматическая коллекция, переданная в Кунсткамеру в 1736 г., также была довольно богата.

Большие пополнения получила Кунсткамера в 1741 г. Историограф Г. Ф. Миллер и ботаник И. Г. Гмелин привезли коллекции из Сибири. В этом же году поступило интересное собрание восточных монет, конфискованное у видного государственного деятеля Артемия Волынского [2], побывавшего в Персии в качестве русского посла. В 1754 г. Л. Ланг, бывший в это время иркутским вице-губернатором, передал в Академию свою вторую коллекцию [3], столь же интересную, как и первая. В ней было немало различных китайских редкостей и тюркоязычных рукописей.

Сотрудники Кунсткамеры занялись составлением каталогов. Первый каталог был готов в начале 1733 г. В составлении его принимали участие и ученые-востоковеды. Но печатание каталога задержалось, и лишь в 1742 г. на латинском языке вышел в свет второй том, так и не вышедший на русском [4]. Во втором томе было помещено описание восточных монет Кунсткамеры, выполненное профессором восточных языков Г. Я. Кером.

Хотя в собраниях Кунсткамеры к середине XVIII в. имелось довольно большое число письменных памятников на восточных языках, предметов материальной культуры, особенно восточных монет, однако изучение их велось очень слабо.

---

[1] Т. В. Станюкович. Указ. соч., стр. 68.

[2] Там же, стр. 72.

[3] Там же, стр. 125

[4] Там же, стр. 82.

Востоковедная наука делала первые шаги, описание коллекций еще только начиналось. Изучение восточных языков в Академии, начатое Байером, не получило продолжения после его смерти. Новый устав Академии не предусматривал занятий востоковедением. В 1747 г. был утвержден Регламент Санкт-Петербургской Академии наук и художеств, согласно которому Академия не должна была заниматься гуманитарными науками.

Хотя деятельность Академии новый устав ограничивал лишь областью естественных наук, но коллекции по всем отраслям знаний продолжали поступать, в том числе и письменные памятники народов Востока. К 70-м годам XVIII в. в библиотеке Академии наук и в Кунсткамере было собрано большое количество рукописей, фрагментов, ксилографов, монет и прочих восточных экспонатов.

В своем описании библиотеки Бакмейстер упоминал арабские словари, грамматики, в том числе грамматику ибн Хаджиба «Историю династий» Абу-л-Фараджа, хамса Низами, кораны, историю Тимура ибн Араб-шаха, родословную тюрков Абул-гази, несколько грузинских рукописей, сочинение армянского историка и географа раннего средневековья Моисея Хоренского, несколько малабарских рукописей на пальмовых листьях и довольно много монгольских и тибетских отрывков.

Значительно возросло число китайских письменных памятников, их уже насчитывалось 202 папки, в которых содержалось 2800 тетрадей [1]. В 80-х годах поступили три собрания от Иерига: сперва монгольские материалы, в 1783 г. — китайские ксилографы, а в 1784 г. — различные восточные рукописи.

Работа экспедиций также немало способствовала обогащению академического Музея. С Курильских островов для Музея были привезены японские ксилографы. В 1802 г. Кунсткамера обогатилась малайской рукописью, а в следующем году — несколькими памятниками японского письма. В 1807 г. поступили персидские, тюркские рукописи и китайские ксилографы. В 1809 г. в Музей был передан маньчжуро-китайско-русский словарь, в 1810—1811 гг. — китайские ксилографы.

Коллекции восточных монет также росли очень быстро. С увеличением числа монет содержание коллекций становилось все разнообразнее. В 1785 г. собрание было пополнено арабскими и персидскими монетами, а в 1794—1795 гг. —

---

[1] Бакмейстер. Указ. соч., стр. 93—98.

японскими. К этому времени уже насчитывалось несколько тысяч монет.

Однако эти ценнейшие памятники истории культуры народов Востока лишь собирались Кунсткамерой, но еще не являлись предметом специального изучения. Если рукописи и ксилографы при поступлении в академическую библиотеку заносились в каталог, то монеты просто складывались в ящики и так хранились.

* * *

К концу XVIII столетия в Кунсткамере было собрано огромное количество экспонатов. Возникла необходимость разделить Кунсткамеру на несколько самостоятельных музеев, чтобы иметь возможность привести в порядок богатейшие коллекции и экспонировать их. В Кунсткамере имелись зоологический, ботанический, азиатский, этнографический и египетский отделы.

В первые годы XIX в. вопрос о разделении Кунсткамеры стал предметом обсуждения не только в Академии наук, но и в широких кругах русского общества. Министр просвещения, впоследствии Президент Академии наук, С. С. Уваров опубликовал свой проект создания Азиатской академии [1]. Он считал, что основное внимание должно быть уделено изучению индийской культуры, а изучение Ближнего Востока отодвигалось на второй план. Этот проект встретил живой отклик в самых различных кругах. Его обсуждали в печати и в частных письмах. Все критики проекта сходились на том, что дело организации Азиатской академии «едва ли может быть очень полезным в России», как писал об этом В. А. Жуковский. Создание специальной Азиатской академии, при недостаточном развитии востоковедной науки, было еще преждевременным. Необходимо указать, что вопрос о создании Азиатской академии возникал и прежде. Еще в 1733 г. Кер предлагал учредить Азиатскую академию, которая должна готовить знатоков всех восточных языков [2].

Проект Уварова был встречен критически. Кроме того, претворению проекта в жизнь помешала война 1812 г.

В связи с военными действиями и вступлением французских войск в Москву были приняты меры к охране Петербурга. Было решено также эвакуировать из Петербурга часть мате-

---

[1] Projet d'une Académie asiatique. СПб., 1810.

[2] И. Ю. Крачковский. Из истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 47; Т. В. Станюкович. Указ. соч., стр. 203. 212.

риалов Академии, в том числе и собрание экспонатов Кунсткамеры. В 32 ящика были уложены «все иностранные редкости, как-то китайские и японские» [1]. Эти материалы, нагруженные на судно «Святой Николай» 29 сентября 1812 г., направлялись в Петрозаводск, но из-за ледостава судно остановилось у д. Капустино. В декабре того же года все материалы были возвращены обратно в Петербург. После успешного окончания войны с Наполеоном, вновь возник вопрос о разделении Кунсткамеры. На базе ее коллекции в качестве первого самостоятельного музея был создан Азиатский музей.

В распоряжении президента Академии наук С. С. Уварова от 11 ноября 1818 г. предписывалось «устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных, под названием «Восточного кабинета» и хранителем оного определить г. академика Френа» [2]. Теперь уже не ставился вопрос об Азиатской академии. Создавалось более скромное учреждение, которому суждено было сыграть весьма почетную роль в истории русской востоковедной науки.

Вновь созданному Азиатскому кабинету передали из библиотеки все восточные рукописи и фрагменты, книги на европейских языках по Востоку, восточные монеты и археологические памятники и предметы этнографии. Кабинет разместился в первом этаже восточного крыла Кунсткамеры, окнами на Неву.

Первый директор Азиатского музея Х. Д. Френ родился в г. Ростоке, где и получил востоковедное образование. Однако вся его научная деятельность протекала в России. Молодой ученый в 1807 г. прибыл в Казанский университет, где состоял профессором до 1817 г. В 1817 г. он был переведен в Петербургскую Академию наук в качестве заведующего Азиатским музеем [3]. Богатейшие собрания письменных памятников и монет находились в самом хаотическом состоянии.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 4, оп. 2, № 280, лл. 6—7.

[2] В распоряжении президента Академии наук С. С. Уварова от 11 ноября 1818 г. и в журнале Комитета Правления от 15 ноября сказано об образовании «Восточного кабинета», а Х. Д. Френ, отвечая на предложение стать хранителем Кабинета, писал, что он согласен быть хранителем Азиатского музея. Френ называл новое учреждение Азиатским музеем не случайно. Он хорошо знал собрание монет и письменных памятников и считал, что столь богатому собранию больше всего соответствует название Музей, а не кабинет.

[3] Х. Д. Френ заведовал Азиатским музеем с 11 ноября 1818 г. по 20 мая 1842 г.

Френ принимал монеты в мешках, а многие рукописи и фрагменты перевязанные пачками. Его деятельность в должности директора Азиатского музея была необычайно плодотворной. Кроме административных обязанностей, ему пришлось просмотреть тысячи монет, разобрать и распределить по отделам. Письменные памятники, находившиеся частью в библиотеке,

Здание быв. Азиатского музея по Менделеевской линии в Ленинграде

а частью в архиве, необходимо было собрать в одно место, определить авторов, название и содержание. Вся эта сложная работа была проведена Х. Д. Френом довольно быстро и с большой любовью. За несколько месяцев коллекции удалось распределить по отделам.

Согласно каталогу [1], к началу образования Азиатского музея в нем числилось китайских книг 279 названий, раз-

[1] «Каталог китайских и японских книг в Библиотеке Императорской Академии наук, хранящимся по препоручению господина президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова вновь сделанной, Государственной Коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым».

ных костей и картин — 16, японских экспонатов — 29 названий.

В составе богатого китайского собрания было много философских, исторических, географических сочинений. Достаточно назвать И-цзин — книгу перемен, сочинения Конфуция, Сыма Цяня, династийные истории, начиная с древнейших времен и кончая Маньчжурской династией.

Поступления в Кунсткамеру, как известно, носили случайный характер, и это, в свою очередь, сказывалось на собранном материале по Востоку. Кроме многих весьма ценных рукописей и письменных памятников, имелись также дублеты и даже негодные экземпляры. Достаточно сказать, что ко времени образования Азиатского музея нумизматическая коллекция насчитывала 19 тыс. экземпляров, но после отбора монет Френом это число значительно уменьшилось. Основная коллекция состояла теперь всего из 2264 монет. Из общего числа было выделено 2031 дублетов, из них золотых — 179, серебряных — 3484 и медных — 732.

Новый музей, когда еще не было закончено выделение всех памятников из библиотеки и архива, насчитывал более 400 томов восточных памятников, не считая фрагментов, монет и других предметов.

Азиатский музей перестал быть только хранилищем научных сокровищ по Востоку, его собраниями стали пользоваться ученые-востоковеды. Следует отметить, что не все коллекции Азиатского музея обрабатывались равномерно. Френ приводил в порядок лишь собрания на языках Ближнего Востока, что же касается дальневосточных памятников, то они приводились в порядок только от случая к случаю, когда отдельные лица соглашались частным образом заниматься дальневосточными коллекциями. Так, большую коллекцию китайских, монгольских и других рукописей и ксилографов коллекций описал Бичурин. Поскольку Френ проявлял наибольший интерес к нумизматике, то этот раздел собрания Музея был разобран прежде всего.

Долгое время Френ оставался единственным хранителем Музея. Только поступление больших и ценных коллекций заставило Академию наук назначить в Музей еще одного хранителя. В марте 1826 г. на эту должность был зачислен адъюнкт арабского языка Петербургского университета М. Г. Волков, который и проработал в Музее 20 лет, до самой смерти, последовавшей в 1846 г. М. Г. Волков занимался приведением в порядок письменных памятников на языках Ближнего и Среднего Востока.

Первым изданием, посвященным коллекциям Азиатского музея, была работа Френа [1], в которой описывались монеты халифов, саффаридов, саманидов и субуктегинидов.

В следующем, 1819 г. он напечатал в приложении к «С.-Петербургским ведомостям» описание первой коллекции Руссо. В конце описания давалась краткая характеристика всех собраний Музея.

Френ продолжал обработку восточных монет, уделяя при этом внимание и работе над рукописями. В 1823 г. он опубликовал работу об Ибн Фадлане [2], в которой указывал на наличие у арабских авторов обширных сведений о России.

С возрастанием интереса к культуре Востока Азиатский музей начинал играть роль учреждения, призванного способствовать изучению истории народов Востока. Хранившиеся в Музее письменные памятники начали вводиться в научный обиход. Ими стали пользоваться при изучении многих вопросов истории, культуры, литературы и языков народов Востока.

Восточные монеты, систематизированные и описанные, могли служить основанием для датировки некоторых событий политической истории стран Ближнего и Среднего Востока. Первый том капитального труда по описанию всех монет Азиатского музея вышел в свет в 1826 г. [3] Второй том, в котором намечалось дать более подробное исследование монет: палеографические, филологические и исторические примечания, так и не был закончен.

В 30-х годах в жизни Азиатского музея, как и в жизни всей Академии наук, произошли некоторые изменения. В январе 1830 г. был утвержден новый Регламент Академии наук, по которому на содержание музеев предусматривались крайне скудные суммы. Общая сумма определялась в 3200 руб., из них 1000 руб. для кабинета физических приборов и моделей, 1000 руб. для Ботанического музея и остальные 1200 руб.

---

[1] De Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo numario muslemico prolusio prior, qua dum confiat accurata descriptio ejus copia et praestantia obiter contuenda proponitur. Particula prima. СПб., 1818, 4°.

[2] Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Text und Uebersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beilagen über Sogenannte Russen Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer, und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern. СПб., 1823 (с таблицами монет).

[3] Numi muhammedani, qui in Academiae Imperialis scientiarum Petropolitanae Museo Asiatico asservantur. Auspiciis academicis digestit, interpretatus est, prolegemenis et commentario, paleographico-philologico-historico illustravit, additisque notabiliorum tabulis aeneis edidit. . . Tomus primus, Recensionem omnium Musei Asiat. numor muhammedanorum, seu titulos eorum interpretatione auctos continens. СПб., 1826.

для всех остальных музеев [1]. Это обстоятельство сильно встревожило академические круги и стало предметом обсуждения. Так как академики предлагали различные способы для изыскания средств, то академику Коллинсу было поручено составление докладной записки, которая была обсуждена на заседании 19 января 1831 г.[2] В записке предусматривалось сократить расходы по некоторым разделам Академии и выделить средства на содержание музеев, «чтобы они смогли соперничать с самыми знаменитыми заграничными музеями» [3]. В этой записке на содержание Азиатского музея определялась сумма в 6 тыс. руб. ежегодно. Но записка не получила утверждения, и музеи были оставлены на прежнем денежном содержании, которое являлось крайне ничтожным.

В 1832 г. Музей подписался на все издания «Oriental Translation Fund» в Англии, а также стал через книжную лавку Академии наук систематически пополнять свою библиотеку русскими и иностранными изданиями по Востоку. Библиотека музея становилась крупнейшим собранием и притягивала все больший круг читателей. С 1835 г. на содержание Музея стало отпускаться 2 тыс. руб. в год. За счет этого ассигнования Музей мог покупать отдельные рукописи и небольшие собрания. Что касается более значительных коллекций, то они попрежнему покупались за счет специальных ассигнований.

Немаловажное значение для Азиатского музея имело то обстоятельство, что Академия наук получила новое здание в Таможенном переулке, в котором можно было более свободно разместить музеи. Азиатскому музею в 1835 г. здесь был предоставлен первый этаж [4].

В 1836 г. был введен новый «Устав и штат императорской Санктпетербургской Академии наук». Согласно новому уставу, педагогические функции передавались университетам, а Академия должна была заниматься лишь научной работой. Этим же уставом было определено содержание Азиатского музея в размере 2 тыс. руб. [5], т. е. была установлена такая же сумма, как и в предыдущем году.

---

[1] Т. В. Станюкович. Указ. соч., стр. 217.

[2] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 45, 1831 г. § 41.

[3] Там же, § 21—41. Цит. по кн. Станюкович. Указ. соч., стр. 218.

[4] Архив АН СССР, ф. 4, оп. 2, № 306, 1836, л. 1.

[5] Устав и штат императорской Санкт-Петербургской Академии наук, 8 января 1836 г. СПб., 1836.

К середине XIX в. структура Азиатского музея уже совершенно определилась. Б. А. Дорн пишет, что Азиатский музей состоял из пяти отделов:

1. Библиотека (печатные книги), насчитывавшая около 9 тыс. номеров.

2. Рукописи и ксилографы (арабские, персидские, тюркские, грузинские, армянские, китайские, японские, санскритские, тибетские, монгольские) около 4 тыс. единиц хранения.

3. Смесь. В этом отделе хранились фрагменты на различных языках.

4. Минц-кабинет. Общее число монет составляло более 20 тыс., в их числе были монеты арабские, древнеперсидские, среднеазиатские, индийские, испанские, грузинские, армянские и др.

5. Древности. Предметы материальной культуры народов Востока, поступавшие в Кунсткамеру [1].

Для Азиатского музея немаловажное значение имело выделение в 1837 г. этнографических материалов в самостоятельный музей. Это обстоятельство позволило Музею более точно определить свою деятельность и сосредоточить ее на собирании рукописей, письменных памятников и монет.

Образование в 1846 г. Русского археологического общества во многом способствовало развитию деятельности музея, пополнению его коллекций, публикации отдельных памятников. Первоначально Азиатский музей и Археологическое общество проводили совместные заседания, посвященные вопросам археологии Востока. Однако вскоре возник вопрос о создании Отделения восточной археологии. Первое заседание Отделения состоялось в апреле 1851 г. В результате экспедиции археологического общества коллекции Музея пополнялись новыми памятниками, в свою очередь материалы музея служили источником для докладов и сообщений на заседании Отделения восточной археологии. Директора Азиатского музея, начиная с Френа, принимали серьезное участие в работе Отделения, способствовали разработке программ археологических обследований и экспедиций, участвовали в работе археологических съездов и т. д.

Особенно большое значение для Музея имело издание «Трудов Восточного отделения Археологического общества», начавших выходить в 1855 г. На страницах этих трудов печатались различные материалы по Востоку.

---

[1] Очерки истории музеев императорской Академии наук. СПб., 1865. Азиатский музей, стр. 76—86.

Сначала статьи по Востоку печатались в «Записках Археологического общества» вместе с другими материалами. Затем было решено статьи по Востоку издавать также и отдельными выпусками, чтобы сделать их более доступными читателю. Первая часть трудов, вышедшая в 1855 г., посвящалась главным образом саманидским монетам, при этом в описании отмечалось, что Петербургское собрание этих монет (т. е. собрание Азиатского музея) считается исключительно богатым [1].

Уже во втором выпуске трудов тематика статей стала значительно шире. Кроме статей по нумизматике, в нем были опубликованы статьи по эпиграфике, исторические известия восточных авторов и статьи по истории русского востоковедения, в частности Азиатского музея. В каждом следующем выпуске материалы Музея получали все большее освещение. Так, например, В. П. Васильев в четвертом выпуске опубликовал большую работу — «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII вв.» Для написания этого труда В. П. Васильев использовал коллекции Азиатского музея. И. Н. Березин с пятого выпуска начал публикацию текста и перевода знаменитого сочинения Рашид-ад-дина, причем также ссылался на рукописи Академии наук, т. е. Азиатского музея. Г. Гомбоев в восьмом выпуске опубликовал монгольский текст и русский перевод с примечаниями одной рукописи Азиатского музея «Глубокомудрая чуга».

Можно было бы продолжить перечисление примеров, свидетельствовавших о том, что собрания Азиатского музея были широко использованы востоковедами для своих публикаций в «Трудах Восточного отделения Археологического общества».

В марте 1869 г. в Москве состоялся первый археологический съезд. К съезду была устроена выставка археологических памятников, на которой большое место занимал Отдел восточных древностей. Председателем Отделения восточных древностей был Б. А. Дорн. Главное внимание по разделу Востока уделялось восточным источникам по раннему периоду истории России. Азиатский музей располагал многими весьма важными источниками по этому вопросу [2].

Русское востоковедение во второй половине XIX в. продолжало развивать определившуюся ранее линию в области изучения источников. Ряд имен известных русских востоковедов связан с работой над источниками, принадлежащими Азиат-

[1] «Труды Восточного отделения Археологического общества», ч. I. СПб., 1855, стр. 79.

[2] «Труды первого Археологического съезда в Москве», 1869, I—II, М., 1871.

скому музею. К числу их относятся: Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. П. Васильев, О. М. Ковалевский, П. С. Савельев, В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, М. И. Броссе, О. Н. Бётлинг, Н. В. Ханыков, И. П. Минаев, В. Р. Розен, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, Н. И. Веселовский и другие.

Многие из востоковедов по своему служебному положению не были связаны с Азиатским музеем, но исследования и работы, ими предпринятые, неизбежно приводили их в хранилище Музея. Поэтому трудно было не упомянуть Азиатский музей при издании того или иного труда по Востоку. Достаточно указать на П. С. Савельева, связавшего свое имя с работой над восточными монетами Музея, или на О. Н. Бётлинга, выпустившего многотомный санскритский словарь, использовавшего при этом материалы Музея; или на В. В. Вельяминова-Зернова, издавшего исследование о Касимовских царях и царевичах также при использовании рукописей Музея. М. И. Броссе, И. П. Минаев и Н. В. Ханыков и многие другие обогатили собрание Музея интересными коллекциями.

В 1864 г. комиссия по разработке нового устава Академии наук внесла предложение именовать в дальнейшем Азиатский музей — Азиатским отделением библиотеки. Вопрос шел не столько об изменении названия, сколько о самостоятельном существовании востоковедного учреждения Академии наук. Вполне естественно, что академики Б. А. Дорн, В. В. Вельяминов-Зернов, М. И. Броссе возражали против проекта устава, предложенного комиссией. Они указывали на то, что Азиатский музей в своих коллекциях имеет не только книги, и по целям своим значительно шире, чем библиотека [1]. Общее собрание Академии наук 4 декабря 1864 г. постановило оставить Азиатский музей попрежнему самостоятельным учреждением Академии.

Прежняя структура Музея претерпела некоторые изменения. В 1873 г. в Музее имелось уже шесть отделений вместо прежних пяти: 1) печатные сочинения, 2) рукописи восточные, 3) европейские рукописи по востоку и географические карты, 4) собрание монет, 5) восточные древности, 6) библиотека и рукописи Френа.

Структура Музея изменялась в связи с накоплением новых материалов. Вполне естественным явилось объединение отделений рукописей и «смеси», так как отдел «смесь» содержал

[1] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 15, л. 278. Письмо Вельяминова-Зернова непременному секретарю. Подобные же письма были направлены Дорном и Броссе.

различные фрагменты рукописей. В связи с увеличением архивных материалов востоковедов возникла необходимость в создании самостоятельного отделения — европейских рукописей. Азиатский музей во вторую половину XIX в. имел обширные связи с европейскими научными учреждениями, осуществлял обмен копиями рукописей, получал в порядке обмена различные издания. Все это свидетельствовало о том, что развитие востоковедения достигло той ступени, когда Азиатский музей уже не мог ограничиться выполнением своих прежних задач. Сама жизнь выдвигала необходимость расширения круга деятельности Азиатского музея.

Однако новое «Расписание расходов по библиотеке и музеям Академии наук», утвержденное в 1874 г., не меняло положения Музея. Попрежнему полагались две должности: директор и ученый хранитель, а сумма на содержание и пополнение коллекций определялась в размере 600 руб. в год [1].

Так как основной задачей Азиатского музея попрежнему оставалось собирание и хранение памятников Востока, то роль научного органа востоковедов стали играть «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», которые начали выходить в 1886 г. под редакцией В. Р. Розена. На страницах «Записок» постоянно печатались исторические и филологические исследования в области востоковедения. Многочисленные статьи и заметки знакомили читателя с памятниками Азиатского музея.

«Записки Восточного отделения» не могли удовлетворить всех запросов Музея. В целях постоянного ознакомления востоковедов с коллекциями и новыми поступлениями музея в 1892 г. начали издаваться «Notitiae Musei Asiatici», где сообщалось о всех важнейших поступлениях восточных рукописей. Собственно это издание было первым печатным органом Азиатского музея. Несомненно, что новый орган Азиатского музея имел более узкую задачу, чем «Записки Восточного отделения», поскольку в нем печатались лишь списки поступлений и не публиковались исследования, переводы и т. д. Но даже при такой ограниченной задаче «Notitiae» сыграли свою большую положительную роль, информируя читателя о многих коллекциях.

К концу XIX в. русское востоковедение стало играть столь большую роль, что на XII конгрессе ориенталистов в Риме был учрежден Международный союз для изучения Средней

[1] Императорская Академия наук 1889—1914 гг., т. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Пг., 1917, ч. I, стр. 229—235.

и Восточной Азии, комитет которого должен был находиться в Петербурге. Деятельность Русского комитета по собиранию рукописей оказалась весьма плодотворной. Собранные рукописи были переданы затем Азиатскому музею. Особую ценность представляли собой многочисленные документы и фрагменты из Турфана, Кучара, Хотана, относящиеся к раннему периоду истории этих стран.

Коллекции Музея росли очень быстро, пополнялись не только рукописные собрания, но и библиотека, архив востоковедов. Естественно, что вновь встал вопрос о создании более благоприятных условий для деятельности Азиатского музея.

В 1894 г. было установлено новое расписание расходов Музея, по которому на приобретение коллекций было добавлено 500 руб. Таким образом с 1894 г. на покупку рукописей и коллекций отпускалось 1100 руб. в год. Вскоре ассигнования Азиатскому музею вновь были увеличены. С 1899 г. на оплату нештатных сотрудников стали отпускаться ежегодно 1200 руб., а на хозяйственные расходы и приобретение рукописей — по 3800 руб. в год. Хотя деньги на оплату нештатных сотрудников стали даваться только с 1899 г., однако третий сотрудник Музея младший научный хранитель С. Е. Винер начал работать с 1887 г. Все три сотрудника занимались приведением в порядок собраний на языках Ближнего Востока; дальневосточные коллекции продолжали оставаться без постоянной обработки.

Рукописные собрания, библиотека, архивы востоковедов, нумизматические коллекции пополнялись столь интенсивно, что помещение музея в левом крыле главного здания Академии оказалось тесным. После перевода Зоологического музея в новое здание часть площади, освобожденной им в правом крыле того же здания, была передана Азиатскому музею.

На оборудование нового помещения было отпущено 22 589 руб. Только осенью 1903 г. Азиатский музей переехал в просторное здание. Но и это помещение скоро оказалось недостаточным. Поэтому при составлении проекта здания Библиотеки Академии наук в нем было предусмотрено помещение и для Азиатского музея.

Расширение музея и увеличение числа сотрудников стали настоятельной необходимостью. Собственные средства Музея позволяли лишь иногда привлекать внештатных сотрудников для работы по описанию коллекций. Таким внештатным сотрудником состоял с 1902 г. иранист Ф. А. Розенберг. Каталог индийских рукописей составлял прикомандированный к Музею Н. Д. Миронов. С 1910 г. был привлечен для работы

над китайским собранием В. М. Алексеев. Все эти меры хотя и способствовали улучшению работы Музея, но оказались недостаточными, чтобы коренным образом изменить положение.

Комиссия, начавшая разрабатывать новый Устав Академии в 1907 г., закончила его лишь в 1912 г. Новое штатное расписание 1912 г. мало меняло положение Музея. По этому штатному расписанию увеличивался штат и денежные ассигнования, полагалось иметь директора и трех научных хранителей (двух старших и одного младшего), на хозяйственные расходы и оплату нештатных сотрудников отпускалось 3500 руб. и на пополнение коллекций — 5 тыс. руб. в год [1]. С увеличением числа штатных и нештатных сотрудников Музея описание рукописей пошло более интенсивно. Кроме публикации списков новых поступлений, был издан каталог индийских рукописей [2].

Империалистическая война нарушила научные связи с европейскими странами. Зато значительно расширились связи со странами Востока. Увеличился обмен изданиями, возросли поступления рукописей. Наиболее крупные поступления за эти годы последовали из Китая, Средней Азии и Закавказья. За годы войны (1914—1916) поступило 6135 названий, в том числе рукописей около 2500. Хотя и возросли связи со странами Востока, все же общее число поступлений сокращалось с каждым годом: в 1914 г.—2716, 1915 г.—1731, 1916 г.—1177, 1917 г.—511[3]. После Великой Октябрьской революции в жизни Музея произошли большие изменения.

Советское правительство положительно разрешило давно назревший вопрос об увеличении числа научных сотрудников Азиатского музея. В 1918 г. штатных сотрудников в Музее было более 10 человек. Кроме того, несколько человек работало нештатными сотрудниками. Увеличение штата позволило Музею расширить деятельность как по описанию коллекций, так и в области публикаций. Возникла необходимость изменить структуру Музея. Новая структура Музея, принятая в 1918 г., предусматривала следующие отделения:

I. Книги, напечатанные на европейских языках.
   1. Книги. 2. Периодические издания.

II. Азиатский архив.

III. Восточные рукописи и книги, напечатанные на Востоке.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 20, 1907, л. 533.

[2] Каталоги Азиатского музея императорской Академии наук, I. Каталог индийских рукописей, вып. 1, составил Н. Д. Миронов, Пг., 1914.

[3] Отчет о деятельности Азиатского музея Российской Акад. наук в 1917 г. Пг., 1918, стр. 3 (отд. оттиск).

1. Мусульманский мир. 2. Дальний Восток. 3. Средняя Азия, доисламские турки, Индия, Индо-Китай, Сибирские народы. 4. Семиты. 5. Кавказ и христианский Восток. 6. Иран до ислама и иранские языки.

IV. Нумизматика, эпиграфика, археология.

В 1918 г. исполнилось сто лет с момента организации Азиатского музея. За это время Музей не только расширился, но и приобрел широкую известность. Желая охарактеризовать путь развития деятельности Музея и познакомить читателей с собраниями памятников, коллектив сотрудников выпустил справочную книгу «Азиатский музей 1818—1918 гг. Краткая памятка».

В трудное время 1918 г. Советское правительство дало возможность Академии издать свои труды объемом до 200 печатных листов, что позволило и Музею напечатать ряд работ.

Благодаря заботам Советского правительства и лично В. И. Ленина об Академии наук, ее учреждения, в том числе и Азиатский музей, не только сохранили свои научные собрания, но и значительно увеличили их. Вывезенные во время войны в Саратов рукописные собрания возвращены были обратно в 1921 г.

В 20-х годах «Восточное отделение Русского археологического общества», вокруг которого объединялись востоковеды, перестало существовать. Между тем развитие востоковедения в учреждениях, не связанных с Академией, выдвинуло неотложную задачу объединения всех научных сил, создания такой востоковедческой организации, которая могла бы сосредоточить свое внимание на исследовании важнейших проблем истории, литературы и филологии Востока. Такой организацией явилась Коллегия востоковедов, которая была основана при Азиатском музее в мае 1921 г. Коллегия востоковедов не только проводила регулярные заседания, но издавала «Записки Коллегии востоковедов», заменившие «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Коллегия востоковедов издала пять томов своих записок.

Пополнения последних лет значительно увеличили собрания Азиатского музея. Площадь, которую он имел [600 кв. метров], не позволяла разместить все фонды и сделать их доступными для посетителей. Возникла острая необходимость в новом более просторном помещении. В 1921 г., при содействии В. И. Ленина, было возвращено Академии помещение, строившееся для Библиотеки, в котором намечалось разместить и Азиатский музей.

Переезд в новое здание начался 1 июля 1924 г. Сам переезд занял всего две недели, но размещение фондов в помещении закончилось лишь к ноябрю и то лишь по некоторым разделам.

Музей расширял свою научно-исследовательскую деятельность с каждым годом. Он давно уже перестал носить характер только хранилища восточных памятников. Число публикуемых печатных работ сотрудников Музея стало увеличиваться, просветительная деятельность приобрела более целеустремленный характер.

В 1925 г. по случаю 200-летия Академии наук была организована выставка истории письменности народов Востока и миниатюры Ближнего Востока. Выставка была сохранена в течение нескольких лет и привлекала многочисленных посетителей. В 20-х годах значительно расширились связи Азиатского музея с Закавказьем и Средней Азией.

Развитие языков и письменности народов Советского Востока ставили на очередь разрешение ряда неотложных вопросов. Нужно было создавать алфавиты тем, кто не имел письменности, одновременно изучать вопросы терминологии. В феврале 1926 г. в Баку был созван специальный тюркологический съезд, в подготовке и работе которого приняли участие сотрудники Азиатского музея [1].

Азиатский музей постепенно стал превращаться из учреждения музейного в научно-исследовательское. Рукописные и книжные собрания продолжали увеличиваться, число сотрудников—возрастать. В 1927 г. научных сотрудников было 19 человек; кроме того, музей имел двух практикантов и четырех технических сотрудников, на научные и хозяйственные нужды музей получал 12 тыс. руб. ежегодно.

Рост числа научных сотрудников и улучшение условий работы не могли не отразиться положительно на всей деятельности Музея. Увеличилось число изданий Музея. Было предпринято издание сборника «Иран», первый выпуск которого вышел в 1927 г.

Просветительная деятельность Азиатского музея занимала большое место в его работе. Число посетителей за 1927 г. составило 3849 человек.

Расширение научной работы Музея привело к возникновению кабинетов буддийской культуры и туркологии [2]. Эти каби-

---

[1] Отчеты о деятельности Академии наук за 1925 и 1926 гг. Раздел «Азиатский музей».

[2] Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. I. Общий отчет. Л., 1928, стр. XI.

неты через некоторое время стали институтами, следовательно, самостоятельными учреждениями в системе Академии наук.

Развитие социалистической культуры выдвигало новые задачи перед востоковедами. Многие народы, не имевшие прежде своей письменности, теперь получили ее и на основе новой письменности создавали свою литературу.

В союзных республиках возникали научные учреждения, связь с которыми расширялась и укреплялась. Возникала необходимость иметь единый крупный востоковедный центр, существование же нескольких востоковедных учреждений не отвечало новым требованиям. Поэтому в 1930 г. Азиатский музей, Институт буддийской культуры, Туркологический кабинет и Коллегия востоковедов были объединены в одно большое научно-исследовательское учреждение — Институт востоковедения Академии наук СССР.

Азиатский музей перестал существовать. Археологические и нумизматические коллекции были переданы в Государственный Эрмитаж. Научно-исследовательская работа в Ленинграде была сосредоточена в Институте Востоковедения. Новый Институт имел два сектора: историко-экономический и литературоведческий. Эти сектора объединяли всех научных сотрудников по двум основным направлениям, независимо от изучаемой страны и языка. Далее, Институт делился на следующие кабинеты: кавказский, еврейско-сирийский, турецкий, арабский, Ирана и Сериндии, Индии и Тибета, монголо-маньчжуро-тунгусский, китайско-тангутский, японско-корейский, библиотека, Азиатский архив (востоковедов).

В Институте объединились все крупнейшие востоковеды: В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, Ф. И. Щербатский, П. К. Коковцов, А. П. Баранников, В. М. Алексеев, Е. Э. Бертельс, Н. И. Конрад, А. А. Фрейман, А. А. Ромаскевич и целый ряд других, составивших своими трудами ценный вклад в историю советского востоковедения.

Объединение крупных ученых различных специальностей в один творческий коллектив благоприятно сказалось на развитии научной работы молодого Института. Это нашло свое выражение в расширении научно-исследовательского плана, приближении его к разрешению задач, выдвигаемых жизнью, и увеличении печатных трудов. Однако деятельность этого института представляет собой уже новую страницу в истории советского востоковедения.

О. Э. ЛИВОТОВА

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ — ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1776—1954)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 1818 г. в Академии наук в Петербурге на основе материалов, хранившихся в Кунсткамере, был организован Восточный кабинет, получивший название Азиатского музея. В нем сосредоточилась научно-исследовательская работа по востоковедению, проводившаяся Академией наук в дореволюционной России. В Советском Союзе она значительно расширилась и получила новое целеустремленное направление в соответствии с общим мощным развитием науки. В 1930 г. Азиатский музей был реорганизован в Институт востоковедения Академии наук СССР.

Несмотря на все значение Азиатского музея — Института востоковедения в истории науки нашей страны, до настоящего времени в печати еще ни разу не появлялось указателя литературы, посвященного его деятельности. В связи с этим настоящая библиография является первым опытом составления указателя литературы об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР. При ее составлении ни в какой степени не ставилась задача подготовить исчерпывающую библиографию. Ее можно значительно расширить путем просмотра, например, печатных протоколов заседаний Академии наук, которые содержат многочисленные краткие упоминания, касающиеся академических работ по востоковедению.

Библиография составлена в основном в результате просмотра периодических и повременных изданий Академии наук и опубликованных указателей и каталогов академических изданий.

Вся собранная в данной работе литература напечатана. Она сообщает сведения о работе и развитии деятельности музея-института, о сосредоточенных в нем коллекциях, особенно о восточных рукописях, и о работах наиболее видных

востоковедов, состоявших его сотрудниками. В соответствии с содержанием библиография разделена на две части: I. Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения и II. Биобиблиографические материалы о главнейших деятелях Азиатского музея — Института востоковедения.

В первой части литература расположена в хронологическом порядке по годам выхода работ в свет. Во второй части — в алфавитном порядке фамилии ученых, которым посвящены биографии, характеристики их научной деятельности и библиографические указатели их трудов. В начале помещены описания нескольких работ, появившихся еще до основания музея. Они посвящены Кунсткамере, в которой хранились восточные рукописи, книги и монеты, переданные в дальнейшем в Азиатский музей. К литературе, напечатанной до основания Азиатского музея, относятся также проекты создания научного учреждения по востоковедению при Академии наук.

Большинство статей, появившихся в первой половине XIX в., было перепечатано в обширном труде Б. А. Дорна «Das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg» (1846). Эти статьи описаны со ссылками на данное издание. Работы, напечатанные в периодических изданиях Академии наук во второй половине XIX и в начале XX в., перепечатывались в сборниках «Mélanges asiatiques». Включенные в них статьи об Азиатском музее описаны со ссылками на эти сборники. Отчеты Академии наук и отчетные доклады Непременного секретаря Академии наук с данными о работах востоковедов указываются в библиографии под первым годом начала выхода серий отчетов, печатавшихся сначала на французском языке, а несколько позднее — на русском.

В работе по составлению библиографии, помимо составителя, принял участие К. И. Шафрановский.

1. ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ — ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

1776

[Bacmeister, I.] Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de Curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint Pétersbourg. Par Jean Bacmeister, sous bibliothecaire de l 'Académie des Sciences. (St.-Pbg.), 1776. 254 с.

1779

[Бакмейстер, И.] Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии Наук,

ESSAI

SUR LA

BIBLIOTHEQUE

ET LE

CABINET

DE CURIOSITÉS ET D'HISTOIRE

NATURELLE

DE

L'ACADEMIE DES SCIENCES

DE

SAINT PETERSBOURG.

PAR

JEAN BACMEISTER.

SOUS BIBLIOTHECAIRE DE L'ACADEMIE DES. SCIENCES.

De l'Imprimerie Privilegiée

de Weitbrecht & Schnoor.

1776.

Титульный лист к описанию Кунсткамеры, составленному И. Бакмейстром

изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии Наук, а на российской язык переведенной Васильем Костыговым. [СПб.], 1779. 191 с.

В «Опыте» И. Бакмейстера помещены сведения о рукописях и книгах на восточных языках, хранившихся в Библиотеке Академии Наук. Работа Бакмейстера была напечатана на русск., франц. и немецк. яз.

1803

Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg. Série V. 1803—1822.

В 1811 г. имеется указание: «Mr. Chrétien Martin Frähn, ci-devant professeur des langues orientales à l'Université Impériale de Kazan élu pour les antiquités orientales le 24 septembre 1817». — Mém. de l'Ac. des sc. de St.-Ptb. 1822, t. 8, avec l'histoire de l'Académie pour les années 1817 et 1818, c. 8.

1810

[Уваров, С. С.]. Projet d'une Académie asiatique. St.-Pbg, 1810. [4], 50, [7] с.

1811

[Уваров, С. С.]. Мысли о заведении в России Академии азиатской. — Вестн. Европы, 1811, ч. 55, № 1, с. 27—52; № 2, с. 96—120.

Перевод с франц. яз. В. Жуковского.

1818

Каталог китайским и японским книгам в Библиотеке имп. Академии Наук хранящимся, по препоручению господина президента оной Академии, Сергия Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной Коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым. [СПб., 1818]. 57 с.

1819

Френ. Предварительное донесение о важном обогащении в нынешнем годе арабскими, персидскими и турецкими рукописями Азиатского музея С.-Петербургской Академии Наук, с показанием расположения онаго, и о прежних его сокровищах. — Прибавление к № 93 С.-Петерб. вед., 1819, 18 с.

То же на немецк. яз.: Fraehn. Vorläufiger Bericht über eine bedeutende Bereicherung an Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften, die das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in diesem Jahre erhalten hat, nebst einigen Andeutungen von der Einrichtung und den sonstigen Schätzen desselben. — Beilage zu N 91 der St. Petersb. Zeitung. 1819.

О первой коллекции Руссо. См. Dorn. As. Mus., с. 201—216.

1821

Frähn, C. M. Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Direktor des Asiatischen Museums C. M. Frähn. St.-Pbg, 1821. 124 с., 1 л. табл. (Заглавие на шмуцтитуле: Ueber das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Zweiter vorläufiger Bericht).

1826

Френ. Предварительное известие о новом, значительном, обогащении собрания восточных рукописей Академии Наук. — Прибавление к № 21 Санкт-Петербургских ведомостей, 1826, 19 с.

То же на немецк. яз.: Fraehn. Vorläufiger Bericht über eine neue bedeutente Bereicherung des Orientalischen-Apparats der Kais. Akademie der Wissenschaften. — Beilage zu N 11 der St.-Petersb. Zeitung, 1826.

См. Dorn. As. Mus., с. 279—294.

Fraehni, C. M. . . . Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Inter Prima Academiae Imp. Saecularia Edita. Petropoli, Litteris Academicis, 1826.

XXXVIII, 34, 34, 743 с. (Numi Muhammedani. T. I. Recensionem omnium Musei Asiat. Numor. Muhammedanorum seu titulos eorum interpretatione auctos continens).

1827

Recueil des actes des séances publiques de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg tenues depuis 1827 jusqu'a 1848. (Собрание актов публичных заседаний С.-Петерб. Академии Наук).

Сведения о работах по востоковедению помещались в следующих разделах отчетов, составивших 21 том: Musée Asiatique; Musées; Classe des sciences hist.-philologiques; Histoire-antiquités; Lettres orientales; Numismatique orientale; Linguistique.

1829

Fraehn. Gedrängte Übersicht des Asiatischen Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften. — St.-Petersb. Zeitung, 1829, № 71.

См. Dorn. As. Mus., с. 385—386.

1830

Schmidt, I. J. Anzeige einer von der Regierung neuerworbenen Sammlung orientalischer Werke. — St.-Petersb. Zeitung, 1830, № 88 и сл.

См. Dorn. As. Mus., с. 469—487.

1831

Fraehn, C. M. Numerische Übersicht der verschiedenen im Asiatischen Museum der Akademie der Wissenschaften befindlichen Sammlungen mit besonderer Angabe der denselben im Jahr 1831 gewordenen Accessionen. [1831]. — В кн. Dorn. As. Mus., с. 428—431.

1833

Fraehn. Aperçu des diverses collections que renferme le Musée Asiatique de l'Académie Imp des Sciences et des acquisitions dont il a été enrichi en 1833. — Recueil des actes, 1833 (1834), с. 71—74.

Fraehn. Numerische Übersicht der verschiedenen, im Asiatischen Museum der Akademie der Wissenschaften befindlichen Sammlungen, nebst besonderer Angabe der denselben im Jahr 1833 gewordenen Accessionen. — В кн.: Dorn. As. Mus., с. 444—447.

Lenz, R. Bericht über eine im Asiatischen Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg deponirte Sammlung Sanscrit-Manuscripte. Von. Dr. R. Lenz. St.-Pbg, 1833. [2], 15 c.
Abgedr. aus der St.-Petersb. Zeitung, № 219—223.

1834

Nouveau local pour les musées d'Histoire naturelle et le Musée Asiatique. — Recueil des actes, 1834, c. 17—18.

1835

[Шмидт, Я. И.]. Азиятский музеум Санктпетербургской Академии Наук. — Энциклопедический лексикон. Т. I. СПб., 1835, с. 284—285.
Подписано: Я. И. Ш.

1836

Mémoire sur l'état actuel des dépendences scientifiques de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg et sur les moyens de les élever à la dignité d'Institutions centrales de l'Empire. [St.-Pbg.]. 48 c.
Le Musée asiatique см. с. 28—38.
Петров, Павел. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музеуме С.-Петербургской Академии наук. — Журн. Мин. нар. просв., 1836, октябрь, ч. 12, с. 194—198.
То же на франц. яз.: Pétroff, Paul. Supplément au catalogue des manuscrits sanscrits du Musée Asiatique de l'Académie Imp. de St.-Pétersbourg. [1836]. 6 c.

1838

Brosset. Catalogue des livres géorgiens tant imprimés, que manuscrits, anciens et modernes. — Recueil des Actes, 1838, c. 119—178.
[Brosset, M.]. Régistre des cartes géorgiennes manuscrites, acquises par le Musée Asiatique. — Bull. scient., 1838, t. III, № 20, c. 318.
См. Dorn. As. Mus., c. 521—526.
Fraehn. Acquisitions du Musée Asiatique. Premier rapport de M. Fraehn. [1838]. — Bull. scient., 1838, т. IV, с. 186—190.
См. Dorn. As. Mus., c. 745—750.
Fraehn. [Über drei wichtige Erwerbungen . . . , für das Asiatische Museum], Deuxième rapport de M. Fraehn. [1838]. — Bull. scient., 1838, т. IV, с. 190.
См. Dorn. As. Mus., c. 539—543.

1839

Brosset. Acquisitions de livres géorgiens par le Musée Asiatique. — Bull. scient., 1839, т. V, № 2, с. 26.
См. Dorn. As. Mus., c. 554—562.
[Fraehn]. Acquisitions du Musée Asiatique dues à M. le Ministre des finances. Rapport de M. Fraehn. [1839]. — Bull. scient., 1839, т. VI, с. 223.
См. Dorn. As. Mus., c. 582—583.
Fraehn. Liste der aus dem Karabagher Funde für das Asiatische Museum der Akademie ausgesuchten Münzen. (Sämtlich in Silber) 12 April 1839. — В кн.: Dorn. As. Mus., c. 577.

1840

Dons offerts aux Musées Asiatique et numismatique par M. le comte de Simonitch. 1. Rapport de M. Fraehn (lu le 24 mai 1839). 2. Rapport de M. Graefe (lu le 22 mai 1839). — Bull. scient., 1840, т. VI, № 5, с. 1—6.

Rapport de M. Fraehn см. D o r n. As. Mus., с. 578—581.

D o r n, B. Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der asiatischen Studien in Russland. Rede gehalten am 29 Dec. 1839. — Recueil des Actes, 1839, с. 55—114.

F r a e h n. Manuscrits turcs offerts en don à l'Académie par S. E. M. de Bouténeff. Rapport de M. Fraehn. [1840]. — Bull. scient., 1840, т. VII, с. 367.

См. D o r n. As. Mus., с. 601—603.

1841

B r o s s e t, M. Notice des manuscrits géorgiens récemment acquis par l'Académie. [1841]. — Bull. scient., 1841, т. VIII, с. 305.

См. D o r n. As. Mus., с. 622—641.

B r o s s e t, M. Rapport à l'Académie imp. des Sciences, sur la Bibliothèque chinoise du Musée Asiatique. — Bull. scient., 1844, т. VIII, № 15, с. 225.

См. D o r n. As. Mus., с. 603—622.

1842

[Выписка из отчета за 1842 г. о назначении нового директора Азиатского музея] Extrait du procès verbal du 5 août 1842. Article 106. «M. M. les Académiciens Fraehn et Dorn rapportèrent à la Classe le premier d'avoir délivré et le second d'avoir reçu le Musée Asiatique. . .» См. D o r n. As. Mus., с. 657—658.

1844

B r o s s e t, M. Rapport sur Différents documents géorgiens envoyés à l'Académie par Mgr. Eugène, Exarque de Géorgie, par M. Brosset. [1844].— Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, стлб. 347.

См. D o r n. As. Mus., с. 716—718.

F r a e h n. Acquisitions du Musée Asiatique. Rapport de M. Fraehn. [1842]. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, стлб. 139.

См. D o r n. As. Mus., с. 665—667.

F r a e h n. Acquisitions du Musée asiatique. Second rapport de M. Fraehn. [1843]. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, стлб. 141.

См. D o r n. As. Mus., с. 684—686.

F r a e h n. Erste Erwerbung für das Asiatische Museum der Akademie im Jahre 1844. Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, стлб. 351.

См. D o r n. As. Mus., с. 693—695.

F r a e h n, C. M. Ueber eine neue Erwerberung des Asiatischen Museums. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, № 6, стлб. 151—156.

См. D o r n. As. Mus., с. 659—663.

D o r n, B. Die letzte Schenkung von morgenländischen Münzen an das Asiatische Museum. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, № 17, стлб. 268—272.

См. D o r n. As. Mus., с. 686—691.

D o r n, B. Die neueste Bereicherung des asiatischen Münzkabinettes der Kais. Akademie der Wissenschaften. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, № 7, стлб. 105—110.

D o r n, B. Ueber eine neue Bereicherung des Asiatischen Museums der Kais. Akademie der Wissenschaften. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, № 4, стлб. 49—59.

См. D o r n. As. Mus., с. 668—679.

S c h m i d t, I. J. Neueste Bereicherung der tibetisch-mongolischen Abteilung des Asiatischen Museums der Kais. Akademie der Wissenschaften. [1842]. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1844, т. I, стлб. 46.

См. D o r n. As. Mus., с. 680—683.

1845

D o r n, B. Bereicherungen des Asiatischen Museum. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1845, т. II, № 4—5, стлб. 60—78.

См. D o r n. As. Mus., с. 701—716.

D o r n, B. Ueber eine neue Bereicherung des Asiatischen Museum. [1844]. — Bull. hist.-philol., 1845, с. 11, стлб. 87.

См. D o r n. As. Mus., с. 696—700.

[F r a e h n, C. M.]. Ueber eine neue Bereicherung des Asiatischen Museum der Akademie. Von Ch. M. Fraehn. [1844]. — Bull. de la Cl. hist.-philol., 1845.

См. D o r n. As. Mus., с. 700—701.

1846

B ö h t l i n g k, O. Verzeichniss der auf Indien bezeuglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Akademie der Wissenschaften. — В кн.: D o r n. As. Mus., с. 720—736.

Catalogue des manuscrits arméniens conservés dans le Musée Asiatique. — В кн.: D o r n. As. Mus., с. 742—744.

Catalogue des manuscrits géorgiens conservés dans le Musée Asiatique de l'Académie des Sciences. — В кн.: D o r n. As. Mus., с. 736—742.

D o r n, B. Das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St.-Pbg. XIX в. 1846. XII, 776 с., 1 л. табл.

Важнейшая работа по истории Азиатского музея.

D o r n, B. Rapport sur quelques nouvelles acquisitions du Musée Asiatique. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1846, т. III, № 12—13, стлб. 203—206.

S j o e g r e n. Manuscrits relatifs au Caucase offerts au Musée Asiatique par M. Steven, rapport de M. Sjoegren. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1846, т. III, стлб. 381.

См. D o r n. As. Mus., с. 526—528.

1847

D o r n, B. Ueber eine neue Bereicherung des Asiatischen Museums. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1847, т. IV, № 14—15, стлб. 237—240.

F r ä h n, C. M. [Aus einem Briefe des Herrn Staatsraths von Frähn vom 7 Aug. 1846]. — Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges., 1847, т. I, с. 89—90.

О решении министра финансов Вронченко передавать все восточные рукописи, поступающие в Министерство финансов, в Азиатский музей Академии наук.

F r a e h n, C. M. Die Inedita einer neuen, der Numismatischen Abteilung des Asiatischen Museums aus Persien gewordenen Accession. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1847 (1848), т. IV, № 16, стлб. 245—256.

F r a e h n, C. M. Ueber einen kleinen Beitrag zur Numismatischen Abtheilung des Asiatischen Museums. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1846, т. III, № 17, с. 23—27.

S c h m i d t, I. J. und B ö h t l i n g k, O. Verzeichniss der tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1847, т. IV, № 6, 7, 8, стлб. 81—125.

1848

[Б а н з а р о в, Д. Каталог книгам и рукописям на манджурском языке, находящимся в Азиатском музее Академии Наук, составленный Д. Банзаровым. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1848, т. V, № 4, стлб. 83—92.

D o r n, B. Die letzten Erwerbungen des Asiatischen Museums im Jahre 1848. — Mél. asiat., 1852, т. I, с. 1—15.

D o r n, B. Ueber die letzten dem Asiatischen Museum zugekommenen muhammedanischen Handschriften. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1848, т. V, № 7, стлб. 103—106.

D o r n, B. Ueber einige der neusten Münzerwerbungen des Asiatischen Museums. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1848, т. V, № 9, стлб. 139—142.

На стлб. 143 говорится о награждении академиков Дорна, Френа и Бетлинга и об избрании Броссе в число академиков.

S c h i e f n e r, A. Nachträge zu den von O. Böhtlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1848, т. V, № 10, стлб. 145—151.

1849

Comptes-rendus de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. Années 1849—1857.

Сведения о работах востоковедов помещались в следующих разделах отчетов: Classe d'histoire et d'antiquités; Numismatique et lettres orientales; Lettres orientales; Linguistique.

1851

B o e t h l i n g k, Otto. Bericht über eine Büchersendung aus Calcutta. — Bull. de la cl. hist.-philol., 1851, т. VIII, № 7, стлб. 103—110

1855

К е р, Георг-Якоб. Academiae vel Societatis scientiarum atque linguarum Orientalium in Imperii Ruthenici emolumentum. — В кн.: С а в е л ь е в, П. Предположения об учреждении Восточной академии в С.-Петербурге 1733 и 1810 г. СПб., 1855, с. 2—8.

Рукописный подлинник проекта находится в Архиве Академии наук СССР. У Савельева дан в сокращенном виде.

Савельев, П. С. Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге 1733 и 1810 гг. — Журн. мин. нар. просв., 1855, ч. 39, отд. 3, с. 27—36.

1856

Савельев, П. С. Восточные литературы и русские ориенталисты.— Русский Вестник, 1856, т. 2, март, кн. 2. Совр. летопись, с. 115—124, апрель, кн. 2, с. 270—278; т. 3, май, кн. 1, с. 28—39.

В статьях говорится об академиках-востоковедах Кере, Байере Френе, Дорне, Вельяминове-Зернове, Шмидте и др.

Brosset. Rapport de M. Brosset sur quelques dons offerts à l'Académie. — Mél. asiat., 1856, т. II, с. 36—37.

Dorn, B. Acquisitions nouvelles. [Die von dem Exarchen Eugenius der Akademie verehrten vierzehn Münzen]. — Mél. asiat., 1856 т. II, с. 490—491.

Dorn, B. Die Pehlewy-Münzen des Asiatischen Museums der Kais. Akademie der Wissenschaften. Die Münzen des Ispehbede, Chalifen und deren Statthalter. — Mél. asiat., 1856, т. II, с. 249—256.

Dorn, B. Ueber die dem Asiatischen Museum seit dem Jahre 1850 zugekommenen muhammedanischen Handschriften. — Mél. asiat., 1856, т. II, с. 53—60.

Dorn, B. Ueber die letzten dem Asiatischen Museums zugekommenen Pehlewy-Münzen. — Mél. asiat., 1856, т. II, с. 608—611.

Extrait d'une lettre de M. Khanykow à M. Dorn [sur quelques monnaies pour le Musée asiatique, une astrolabe et sur plusieurs ouvrages mathématiques arabes]. — Mél. asiat. 1856, т. II, с. 505—530.

Об учреждении при имп. Академии наук звания и третьего ординарного академика по части восточной словесности. — Журн. Мин. нар. просв., 1856, ч. 91, отд. I. Действия Правительства. Высочайшие повеления, № 9, с. 4—5.

Schiefner, A. Ueber die nepalischen assamischen und ceylonischen Münzen des Asiatischen Museums. — Mél. asiat., 1856, т. II, с. 430—436.

1857

Dorn, B. An die historisch-philologische Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 48—49.

Перечень рукописей и древностей, переданных Ханыковым в Азиатский музей.

Dorn, B. Bericht über die vom Hrn. Gatdeoberst v. Bartholomäi dem Asiatischen Museum verehrten Münzen. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 166—169.

Dorn, B. Bericht über drei vom Wirkl. Staatsrath Chanykov eingesandte afghanische Handschriften. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 532.

Dorn, B. Bericht über die vom Wirkl. Staatsrath Chanykov aus Herat eingegangene Sendung von morgenländischen Handschriften. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 497—501.

Dorn, B. Bericht über eine vom Wirkl. Staatsrath Chanykov dem Asiatischen Museum aus Meschhed zugekommene Sendung.—Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 492—496.

D o r n, B. Bericht über einige vom Wirkl. Staatsrath Chanykov von Astrabad aus dem Asiatischen Museum überstandten Geschenke. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 490—491.

D o r n, B. Die von Herrn Gussew dem Asiatischen Museum geschenkten muhammedanischen Münzen. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 712—714.

D o r n, B. Neun vom General Bartholomäi dem Asiatischen Museum geschenkte Münzen. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 502—505.

Lettre de M. Khanykov à M. Dorn [sur l'ouvrage persan intitulé Reaz·oussiahé par Zeïn el-abédin de Chirwan et sur plusieurs objets pour le Musée asiatique, dont: des médailles, 18 échantillons d'écriture koufique, une sphère céleste, un cadran solaire persan, une charte authentique de Séfévide Chah Hussein, une photographie de l'inscription cunéiforme d'Ouchnou, un album représentant l'entrée du chah à Isphahan (1851), et un recueil de poésies kourdes]. — Mél. asiat., 1857—1859, т. III, с. 50—81, 1 л. табл.

1859

Отчеты имп. Академии Наук за 1859—1902 гг.

Упоминания о работах востоковедов помещены в отчетах Академии наук в следующих разделах: Историко-филологическое отделение; История и словесность Востока; Лингвистика; Востоковедение.

1864

В е с е л о в с к и й, К. С. Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущих столетиях. Речь, читанная в торжественном собрании Академии 29 дек. 1864 г. академиком К. С. Веселовским. — Торжественное собрание Академии Наук 29 декабря 1864 г. Речи, произнесенные на сем собрании. СПб., 1865, с. 27.

В статье говорится о развитии востоковедения в Академии Наук и академиках-востоковедах Байере. Френе, Броссе, Дорне и др.

Д о р н, Б. А. Азиатский музей. — Зап. АН, 1864, т. V, с. 163—174.

Работа Б. А. Дорна входит в состав нескольких статей, озаглавленных: Музеи Академии наук. См. также 1865 г.

D o r n, B. Die Bereicherungen des Asiatischen Museums im Jahre 1864. — Mél. asiat., 1864—1868, т. V, с. 369—376.

D o r n, B. Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs, publiés à Constantinople, en Egypte et en Perse, qui se trouvent au Musée Asiatique de l'Académie. — Mél. asiat., 1864—1868, т. V, с. 465—528.

D o r n, B. und G ö b e l, A. Über neun dem Asiatischen Museum zugekommene Grabsteine mit hebräischen Inschriften. — Mél. asiat., 1864—1868, т. V, с. 128—146.

1865

Д о р н, Б. А. Азиатский музей. — В кн.: Очерк истории музеев Академии наук. СПб., 1865, с. 76—86.

См. также 1864 г.

1866

D o r n, B. Das Asiatische Museum im Jahre 1865. — Mél. asiat., 1864—1868, т. V, с. 453—464.

D o r n, B. Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen, tatarischen und persi

schen Werke, als Katalog der in dem Asiatischen Museum befindlichen Schriften der Art.-Mél. asiat., 1864—1868, т. V, с. 533—649.

1869

D o r n, B. Sieben aus dem Nachlass des Gen.-Lieut. v. Bartholomaei dem Asiatischen Museum zugekommene Münzen. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 678—680.

Монеты с пехлевийскими и арабскими надписями.

D o r n, B. Über die aus dem Nachlass des Wirkl. Staasrathes Graf dem Asiatischen Museum der Akademie zugekommenen morgenländischen Handschriften. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 111—140.

О полученных персидских рукописях.

D o r n, B. Über eine dritte dem Asiatischen Museum im Jahre 1869 zugekommene Münzerwerbung. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 187—194.

D o r n, B. Über eine für das Asiatische Museum erworbene Sammlung von neupersischen Gemälden. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 681—684.

D o r n, B. Über zwei für das Asiatische Museum erworbene arabische Werke. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 671—677.

D o r n, B. Zwei dem Asiatischen Museum zugekommene Münzerwerbungen. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 141—150.

Монеты с пехлевийскими надписями.

D o r n, B. Zwei dem Asiatischen Museum zugekommene Steine mit orientalischen Inschriften. — Mél. asiat., 1869—1873, т. VI, с. 670.

Арабская и турецкая надписи.

1872

Ш е м и о т, В. П. Liste des Présidents et des Membres de l'Académie depuis la fondation. — В кн.: Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg. Suppl. III. St.-Pbg, 1872, с. 407—488.

В список вошли фамилии академиков-востоковедов.

1873

Ш е м и о т, В. П. Общий список членов Академии Наук, со дня ее основания. Сост. В. П. Шемиот. — Зап. АН, 1873, т. XXII, с. 285—391.

D o r n, B. Eine dritte Sendung des Hrn. Bakulin. — Mél. asiat., 1873—1876, т. VII, с. 505—517.

Армянские и персидские рукописи.

D o r n, B. Über die vom General-Adjutanten von Kaufmann dem Asiatischen Museum verehrten morgenländischen Handschriften. — Mél. asiat., 1873—1876, т. VII, с. 395—415.

Арабские, персидские и среднеазиатские рукописи, собранные во время Хивинского похода.

1874

D o r n, B. Über drei dem Asiatischen Museum dargebrachte persische Handschriften. — Mél. asiat., 1873—1876, т. VII, с. 173—178.

1876

Dorn, B. Die Fonton'sche Handschriften Sammlung. — Mél. asiat., 1876—1881, т. VIII, с. 189—196.

Персидские, арабские и турецкие рукописи.

1879

Патканов, К. П. Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1879, 57 с.

Указание на 34 рукописи по истории Армении, хранящихся в Азиатском музее, с. 23.

1880

Salemann, C. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums. — Mél. asiat., 1880—1881, т. IX, с. 321—402.

О пяти рукописях из Семиречья (две персидских и три джагатайских).

Rosen, V. Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. Première livraison. St.-Pbg., l'Ac. des Sc., 1881. [4]. 257 с.

1883

Тизенгаузен, В. Г. Наш Азиятский музей (письмо в редакцию). — Новое время, 1883, 29 декабря.

1884

Тизенгаузен, В. Г. Восточный вопрос в Академии наук. — Новое время, 1884, 31 декабря.

1886

Положение о заведывании Азиатским музеем Академии Наук и о пользовании им со стороны академиков и посторонних лиц. (Утверждено Ист.-филол. отд. АН 11 марта 1886 г.) СПб., 1907, 6 с.

1888

Salemann, C. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums. (17/29 Mars 1887). — Mél. asiat., 1888, т. IX, с. 321—402.

1890

Азиятский музей Академии наук. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. I. СПб. 1890, с. 232—233.

1893

Bibliotheca Friedlandiana. Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Musei Asiatico Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae asservatorum. Opera et studio Samuelis Wiener. Fasc. I—VII. Petropoli, 1893—1918. [1], IV, 449, [2] с.

1894

Salemann, C. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen. — Mél. asiat., 1894, т. X, в. 2, с. 271—292.

Приложения: I. Kuhn's Handschriftensammlung. II. Die Radloff'sche Sammlung. III. Die Sjögren'schen Handschriften. IV. Die Lerch'sche Sammlung (1859). V. Die Smirnov'sche Sammlung (1880). VI. Handschriften verschiedener Herkunft.

Цагарели, А. А. Сведения о памятниках грузинской письменности, т. I, в. 3. Список грузинских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в библиотеке царевича Теймураза Георгиевича. СПб., 1894, с. 149—186.

То же на грузинск. яз. выпущено в Тбилиси в 1952 г.

Коллекция грузинских рукописей Теймураза Багратиони, поступившая в Азиатский музей в 1847 г.

1895

Asiat. Museum. — Brockhaus' Konversations-Lexikon. 14-te Aufl. Bd. 14. Lpz., 1895, с. 16-а.

1898

Залеман, К. Г. [Отчет о поездке в Среднюю Азию. С двумя прилож.: I. Список восточным рукописям, принесенным в дар Азиатскому музею Д. М. Граменицким. II. Список рукописям, приобретенным в Туркестанском крае летом 1897 г.]. — Mél. asiat., 1895—1901, т. XI, с. 43—58.

1899

Азиатский музей. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. I. СПб., 1899, стлб. 57.

1901

Винер, С. К. Библиографический указатель сборников песен на разговорно-еврейском языке, имеющихся в Азиатском музее Академии наук. СПб., 1901. [2], XIV с.

Приложение к кн.: Еврейские народные песни в России. Собр. и изд. под ред. и с введением С. М. Гинзбурга и П. С. Марека. СПб., 1901.

1902

Алексеев, В. М. Список китайских книг, поступивших в Азиатский музей в дар от А. Н. Гудзенко. — Mél. asiat., 1902—1906, т. XII, с. 60—63.

Дорн. Азиятский музей. — Зап. по истор.-филол. отд. Акад. наук, серия VIII, 1902, т. V, с. 25—36.

Ивановский, А. Список книгам и картам из собрания покойного генерал-адъютанта адмирала Константина Николаевича Посьета, приносимым в дар в Академию Наук. — Mél. asiat., 1902—1906, т. XII, с 64—65.

Kokowzow, P. Notitia codicum Hebraicorum a Museo Asiatico Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae anno 1904 acquisitorum. — Mél. asiat., 1902—1906, т. XII, с. 401—412.

Musei Asiatici Petropolitani notitiae. Curante C. Salemann. I, II, III — 1902, IV, V, VI — 1904. VII — 1905. Petropoli. — Изв. АН, се-

рия V, 1902, т. XVII, № 4, с. 061—077; 1904, т. XXI, № 1, с. 01—040; 1905, т. XXII, № 3, с. 049—084.

Список рукописным трудам доктора Э. Бретшнейдера, поступившим в Азиатский музей и библиотеку Ботанического сада. — Mél. asiat., 1902—1906, т. XII, с. 51—57.

1903

Отчеты имп. Академии наук за 1903—1916 гг. СПб.

В каждом из отчетов за 1903—1916 гг. помещен специальный раздел: Азиатский музей.

1904

Коковцов, П. К. Сведения об еврейских рукописях, приобретенных Азиатским музеем Академии наук в 1904 г. — Изв. АН, серия V, 1906, т. XXV, № 4, с. 0139—0150.

1907

Залеман, К. Г. Новые поступления в Азиатский музей. — Mél. asiat., 1907—1908, т. XII, с. 303—316.

Список рукописей, полученных от В. Р. Розена, А. А. фон Сталь-Гольштейна, Б. Б. Барадийна и др.

Залеман, К. Г. Список персидских рукописей Л. Ф. Богданова. — Mél. asiat., 1907—1908, т. XIII, с. 123—126.

1908

Залеман, К. Г. Новые поступления в Азиатский музей. — Изв. АН, Серия VI, 1908, с. 1297—1309.

1. Список рукописей из наследства В. Р. Розена. 2. Список рукописей и местных изданий, привезенных из Туркестана и доставленных Русским комитетом по исследованию Средней и Восточной Азии.

Миронов, Н. Список санскритских рукописей, пожертвованных бароном А. А. фон Сталь-Гольштейном. — Mél. asiat., 1907—1908, т. XIII, с. 309—315.

Модзалевский, Б. Л. Список членов Академии наук 1725—1907. Сост. Б. Л. Модзалевский. СПб. 1908. VIII, 404 с.

В списке упоминаются академики и члены-корреспонденты — востоковеды, время их избрания в Академию наук, даты рождения и смерти.

Список тибетских рукописей и печатных книг, полученных Б. Б. Барадийном из Амдосского монастыря Лаврана летом 1908 г. — Mél. asiat., 1907—1908, т. XIII, с. 316.

1909

Залеман, К. Г. Список рукописей приобретенных для Азиатского музея у проф. Д. А. Хвольсона. — Mél. asiat., 1909—1910, т. XIV, [с. 155—156].

Иванов, А. Тангутские рукописи из Хара-Хото. — Изв. Русск. геогр. общ., 1909, т. XLV, в. 8, с. 463—470.

Рукописи из находок П. К. Козлова в Хара-Хото.

1910

Залеман, К. Г. Список рукописей, пожертвованных в Азиатский музей И. И. Гошкевичем.— Изв. АН, Серия VI, 1910, т. IV, с. 287.

Коллекция японских рукописей.

1911

Б а р т о л ь д, В. В. История изучения Востока в Европе и в России. СПб., 1911, XIII, 282 с.

Говорится о трудах О. Н. Бетлингка, М. И. Броссе, В. В. Вельяминова-Зернова, Б. А. Дорна, В. А. Жуковского, К. Г. Залемана, В. В. Радлова и др.

З а л е м а н, К. Г. Дополнение к списку рукописей, приобретенных у Д. А Хвольсона. — Mél. asiat., 1911—1912, т. XV, [с. 279—280].

З а л е м а н, К. Г. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг. — Mél. asiat., 1911—1912, т. XV, с. 41—55.

З а л е м а н, К. Г. Проект постройки нового здания для Библиотеки Академии Наук. — Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу. СПб., 1911, с. 140—147 с рис.

Сведения о новом помещении, проектируемом для Азиатского музея.

1914

[Миронов, Н. Д.] Каталоги Азиатского музея Академии наук. I. Каталоги индийских рукописей. Сост. Н. Д. Миронов. В. I. Пг., 1914, [5], 360 с.

1916

Музей Азиатский Академии наук в Петрограде. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVII. Пг., [1916], стлб. 431—432.

1917

И в а н о в, В. А. Исмаилитские рукописи Азиатского музея. (Собрание И. Зарубина, 1916 г.). — Изв. АН, серия VI, 1917, т. XI, № 6, с. 359—386.

К р а ч к о в с к и й, И. Ю. Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта. — Изв. АН, серия VI, 1917, т. XI, № 13, с. 913—949.

Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг., ч. I. Пг., 1917.

Азиатский музей, с. 227—235.

Отчет о деятельности Российской Академии наук. За 1917—1924 гг.

В каждом из отчетов за 1917—1924 гг. помещен специальный раздел, посвященный Азиатскому музею.

Проект правил издания при Академии Наук периодического органа «Мусульманский мир». — Изв. АН, серия VI, 1917, т. XI, № 9, с. 622.

1918

В л а д и м и р ц о в, Б. Я. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от проф. А. Д. Руднева. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1549—1568.

И в а н о в, А. И. Памятники тангутского письма. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 799—800.

И о х е л ь с о н, В. И. Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской Академии наук. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1979—2003.

Материалы по языкам и народному творчеству алеутов, камчадалов и юкагиров, собранные во время экспедиций.

Крачковский, И. Ю. Опись бумаг барона В. Р. Розена, поступивших в Азиатский музей Российской Академии наук. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1323—1350.

Ромаскевич, А. А. Персидские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 391—396.

Семенов, А. А. Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым. — Изв. АН, серия VI, 1918, т. XII, № 18, с. 2171—2202.

Исмаилитские рукописи, пожертвованные Аз. музею А. А. Семеновым и описанные им самим.

Список статей по востоковедению, напечатанных в Известиях Академии за время 1895—1917 гг. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. III—XVI.

Список статей, помещенных в Известиях Академии наук, серия V (после прекращения выхода Mélanges Asiatiques).

Фалев, П. А. Османские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1619—1630.

Фрейман, А. А. Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской Академии наук В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. Еврейско-персидские рукописи. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1279—1282.

1919

Бартольд, В. В. О некоторых восточных рукописях. — Аз. сборн., 1919, т. II, с. 923—930.

Собрание мусульманских и персидских рукописей Азиатского музея.

Записка о собрании армянских рукописей, документов и старопечатных книг К. И. Костанянца. — Изв. АН, серия VI, 1919, т. XIII, № 1, с. 58—59.

Предложение о приобретении рукописей для Азиатского музея. Подписана С. Ф. Ольденбургом и др.

Ольденбург, С. Ф. Азиатский музей. 1818—1918. — Библиотечное обозрение, 1919. Кн. I, с. 144—148.

Протоколы 1-го и 2-го заседаний Комиссии по составлению идеографического китайско-японско-русско-английского словаря при Российской Академии наук. — Изв. АН, серия VI, 1919, т. XIII, № 12—15, с. 539.

Розенберг, О. О. Проект Комиссии по составлению японского словаря. — Изв. АН, серия VI, т. XIII, 1919, № 8—11, с. 350—353.

Проект составления словаря при участии Азиатского музея, выдвинутый Петроградским университетом.

Розенберг, Ф. А. Список мусульманских рукописей, поступивший в Азиатский музей за первое полугодие 1919 года. — Аз. сборн., 1919, т. II, с. 485—488.

Список монгольских рукописей, приобретенных от Б. Я. Владимирцова. — Изв. АН, серия VI, 1919, т. XIII, № 16—18, с. 934.

Тураев, Б. А. Коптские рукописи Азиатского музея Российской Академии наук. — Аз. сборн., 1919, т. II, с. 427—440.

1920

Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пб., 1920, 114, [2] с.

Кубасов, И. А. Материалы к историческому обзору Петроградских библиотек. — Библиотечное обозрение, 1920, кн. 2, с. 32—40.

О библиотеке Азиатского музея.

1922

Крачковский, И. Ю. Азиатский музей Российской Академии наук. — Восток, журнал, 1922, № 1, Отд. востоковедение, с. 108.

Крачковский, И. Ю. Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. — Восток, журнал, 1922, № 1, Отд. востоковедение, с. 107.

Ольденбург, С. Ф. Восточная коллегия «Всемирной литературы». — Восток, журнал, 1922, № 1, Отд. востоковедение, с. 106—107.

Об издании при участии сотрудников Азиатского музея памятников мировой литературы народов Востока.

Положение о Радловском кружке. — Изв. АН, серия VI, 1922, т. XVI, № 1—18, с. 139.

1923

Азиатский музей Российской Академии наук. — В кн.: Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Пг., 1923, с. 51—56.

1924

Бертельс, Е. Э. Описание рукописей, поступивших в Азиатский музей в 1924 г. из библиотеки А. А. Базилевского в Варнавине. — Докл. Росс. АН, серия Б. 1924, июль, с. 109—112.

1925

Модзалевский, Б. Л. Список действительных членов Академии Наук СССР 1825—1925. Л., 1925, [4], 36 с.

Упоминания фамилий востоковедов — действительных членов Академии наук.

Отчет о деятельности Академии наук СССР. За 1925—1939. Л. и М.—Л., 1926—1940.

В отчетах до 1929 г. включительно см. разделы: Азиатский музей, а с 1930 г. Институт востоковедения.

1926

Бертельс, Е. Э. Описание собрания персидских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. полномочным представительством СССР в Персии. — Докл. АН, серия Б. 1926, июль, с. 89—92.

1927

Ольденбург, С. Ф. Востоковедение. — В кн.: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927. Л., 1927, с. 140—154.

Ольденбург, С. Ф. Десять лет нашей науки (1917—1927). — Плановое хоз., 1927, № 11, с. 143—153.

Об Азиатском музее на стр. 151.

Эберман, В. А. Описание собрания арабских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. полномочным представителем

СССР в Персии. — Известия АН СССР, серия VII, 1927, № 3—4, с. 315—324.

Berthels, E. Bericht über die iranistischen und turkologishen Studien in Russland während der Jahre 1914—1920. — Islamica, 1927, т. 3, ч. 3, с. 305—318.

О работах В. В. Бартольда, Ф. А. Розенберга, А. А. Ромаскевича, В. А. Гордлевского, С. Ф. Ольденбурга, В. А. Жуковского и А. А. Семенова.

Ebermann, W. Bericht über die arabischen Studien in Russland während der Jahre 1914—1920. — Islamica, 1927, т. III, ч. 2, с. 229—264.

О работах В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, П. И. Коковцова, Б. А. Тураева.

Ebermann, W. Bericht über die arabischen Studien in Russland während der Jahre 1921—1927. — Islamica, 1930, т. IV, ч. 2, с. 121—158; ч. 3, с. 201—248.

О работах В. В. Бартольда, Е. Э. Бертельса, И Ю. Крачковского, В. А. Эбермана, А. Ю. Якубовского и др.

1928

Библиотека Азиатского музея АН (1818 г.). — В кн.: [Кубасов И. А.]. Научные библиотеки Ленинграда. Материалы для справочника. Под ред. И. И. Яковкина. Л., 1928, с. 23 (Гос. Публ. библ.).

Краткие исторические сведения о библиотеке Азиатского музея на с. 23.

Заседание Комиссии по переизданию Словаря В. В. Радлова 18/XI 1927 г. — Изв. АН, серия VII, 1928, № 8—10, с. 502—503.

Протокол заседания.

Институт буддийской культуры (ИНБУК). — Отчет о деятельности АН СССР в 1928 г. Л., 1929, с. 88—91.

То же за 1929 г., с. 218—220.

Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект. Л., 1928, 8 с.

Образцы восточных шрифтов Академической типографии. Л., 1928. XI 73 с.

Предисловие и редакция С. Ф. Ольденбурга.

Туркологический Кабинет (ТУРК). — Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Л., 1929, с. 91—93.

1929

Крачковский, И. Ю. Русские письма академику В. Р. Розену в Азиатском музее Академии наук СССР. — Докл. АН, серия Б. 1929, май, с. 228—235.

Oldenburg, S. Les études orientales dans l'Union des Républiques Soviétiques. — Journ. Asiat., Paris 1929, т. XV, № 1, с. 117—139.

1931

Ольденбург, С. Ф. Востоковедение в Академии на новых путях. — Вестн. АН, 1931, № 2, с. 10—15.

1932

Б е л я е в, В. И. Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР. Л., 1932. XVII, 52 с. (Труды ИВ, т. II).

Комиссия по латинизации китайской письменности. К вопросу о латинизации китайской письменности. — Зап. ИВ, 1932, т. I, с. 35—54.

М а л о в, С. Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. — Зап. ИВ, 1932, т. I, с. 129—149, 6 л. табл.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Единая востоковедная работа. — Вестн. АН, 1932, № 8, с. 71—80.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. О деятельности Института востоковедения Академии Наук. — Рев. и национальности, 1932, № 6, с. 20—25.

1934

К о з и н, С. А. Азиатский архив при Институте востоковедения Академии Наук СССР. (Краткий обзор материалов). — Библиогр. Вост., 1934, № 5—6, с. 56—66.

1935

И с к а н д е р о в, А. Ф. Первая сессия арабистов. — Вестн. АН, 1935, № 9, с. 57—64.

Ф л у г, К. К. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР. — Библиогр. Вост., 1935, № 7, с. 87—92.

1936

Bibliotheca Friedlandiana. Каталог еврейских книг (изданных до 1892 г.) Библиотеки Института востоковедения Академии наук СССР, вып. 8. Сост. И. Г. Бендер под ред. акад. П. К. Коковцова. М.—Л., 1935. 567—689, [1] с.

Ф л у г, К. К. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР. — Библиогр. Вост., 1936, № 8—9, с. 96—115.

1937

Г и н ц б у р г, И. И. Краткий обзор еврейского фонда Рукописного отдела Института востоковедения Академии наук СССР. — Библиогр. Вост., 1937, № 10, с. 125—130.

И с к а н д е р о в, А. О работе Ассоциации арабистов. — Вестн. АН, 1937, № 4—5, с. 81—82.

К р а ч к о в с к и й, И. Ю. Итоги изучения арабистики в СССР за двадцать лет. — Изв. АН. Отд. общ. наук, 1937, № 5, с. 1255—1279.

Изучение арабистики в Академии наук, деятельность Френа и Розена.

М а р р, Ю. Н. Список и описание некоторых новых поступлений в Азиатский музей. Персидские собрания. — Библиогр. Вост., 1937, № 10, с. 113—123.

С т р у в е, В. В., М у р а т о в, Х. И., К а л ь я н о в, В. И. Институт востоковедения. — Вестн. АН, 1937, № 11—12, с. 266—279.

Флуг, К. К. Две заметки о новых поступлениях в Рукописный отдел Института востоковедения. — Библиогр. Вост., 1937, № 10, с. 131—138.

О рукописях по китайской литературе, поступивших из Дальневосточного филиала Акад. наук СССР.

1938

Вторая сессия Ассоциации арабистов. — Вестн. АН, 1938, № 1, с. 38—43.

Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии Наук СССР. — Вестн. др. ист., 1938, № 3 (4), с. 255—257.

1940

Баранников, А. П. Очередные задачи советского востоковедения. — Сов. Вост., 1940, т. I, с. 1—13.

Пигулевская, Н. В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. (Из материалов Рукописного отдела Института востоковедения Академии Наук СССР). — Сов. Вост., 1940, т. I, с. 212—234, 3 л. табл.

Научные секторы Института востоковедения Академии наук СССР в 1939 г. — Сов. Вост., 1940, т. I, с. 264—267.

А. Тверитинова. Исторический сектор; А. Розенфельд. Лингвистический сектор; С. Арешян. Сектор литературоведения и философии.

1941

Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г. М.—Л., 1941, 173, [2] с. (Труды ИВ, т. XXXVI).

Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского.

1944

Тихонов, Д. Институт востоковедения АН СССР. 1. Совещание по изучению уйгур. 2. Конференция по фольклору Средней Азии. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1944, т. III, вып. 4, с. 177—181.

1945

Институт востоковедения. — В кн.: 220 лет Академии наук СССР. Справочная книга. М.—Л., 1945, с. 270—271.

Князев, Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.—Л., 1945, 92, [3] с. с илл. и табл.

Сведения об Азиатском музее и Институте востоковедения.

1946

Дмитриев, Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии.— Уч. зап. Моск. унив., 1946, в. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2, с. 63—70.

Говорится о трудах В. В. Вельяминова-Зернова, О. Н. Бетлингка, В. В. Радлова и др.

Крачковский, И. Ю. Очерки истории арабистики в России и СССР.— Уч. зап. Моск. унив., 1946, в. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2, с. 99—121.

Гл. IV — Азиатский музей. Эпоха Френа. Говорится о X. Д. Френе, В. А. Розене и других сотрудниках Института востоковедения.

Миллер, Б. В. Труды русских ученых в области иранского языкознания.— Уч. зап. Моск. унив., 1946, в. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2, с. 71—85.

Говорится о трудах Б. А. Дорна, В. А. Жуковского, А. А. Семенова, Е. Э. Бертельса, А. А. Фреймана и др.

Тихонов, Д. Институт востоковедения Академии наук СССР в 1946 г. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1947, т. VI, в. 2, с. 167—170.

1947

Боровков, А. К. Востоковедение в СССР за 30 лет.— Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1947, т. VI, в. 5, с. 395—407.

В. А. Сессия по вопросам истории Индии в Академии наук СССР. — Вопр. ист., 1947, № 10, с. 147—153.

Вопросы японоведения. (Объединенное заседание Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка АН СССР). — Вестн. АН, 1947, № 6, с. 31—37.

Доклады ученых японоведов, главным образом сотрудников Института востоковедения. Н. И. Конрада, А. Е. Глускиной и др.

Князев, Г. А. Академия наук СССР за 30 лет. (Краткий хронологический обзор). — Вестн. АН, 1947, № 11, с. 117—133.

Объединенное заседание отделений АН СССР, посвященное изучению Индии. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1947, т. VI, в. 4, с. 341—345.

Струве, В. В. Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока. — Вестн. Ленингр. Гос. унив., 1947, № 11, с. 233—242.

1948

Амусин, И. Д. Сектор древнего и ранне-средневекового Востока ИВАН. — Вестн. древн. ист., 1948, № 2, с. 164—167.

Баранников, А. П. Советская индология. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1948, т. VII, в. 1, с. 3—11.

Библиотека Института востоковедения Академии наук СССР. — В кн.: Библиотеки Ленинграда. Справочник. Л., 1948, с. 30. (Гос. Публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Редер, Д. Г. Московская группа ИВАН. — Вестн. древн. ист., 1948, № 2, с. 168—169.

1949

Азиатский музей. — Большая Советская энциклопедия. Изд. 2, т. I. 1949, с. 488.

Амусин, И. Д. Институт востоковедения АН СССР. — Вестн. древн. ист., 1949, № 3, с. 192—193.

Работа в 1948 г. Сектора древнего и ранне-средне векового Востока.

1950

Крачковский, И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950. 298 с. (Серия «Итоги и проблемы современной науки»).

Работа по арабистике в Академии наук на с. 96—105.

1951

Авдиев, В. И. Новые задачи Института востоковедения Академии наук СССР. — Вестн. АН, 1951, № 2, с. 57—60

Перспективный план работы Института востоковедения Академии наук СССР в ближайшее пятилетие. — Кр. сообщ. ИВ, 1951, в. 1, с. 3—16.

Тихонов, Д. И. Рукописные фонды Института востоковедения Академии наук СССР. — Вопр. ист., 1951, № 7, с. 144—151.

1952

В Институте востоковедения. [Научная конференция] О характере и особенностях народной демократии в странах Востока.— Изв. АН, серия ист. и филос., 1952, т. IX, № 1, с. 80—87.

О конференции по китайской литературе на заводе «Компрессор». — Кр. сообщ. ИВ, 1952, в. 2, с. 48—51.

1953

Беляев, В. И. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1953, т. VI, с. 54—103.

Воробьев-Десятовский, В. С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым. — Уч. зап. ИВ, 1953, т. VI, с. 167—175 с илл.

Журавлев, Н. П. и Мугинов, А. М. Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1953, т. VI, с. 34—53.

Касаткин, В. Ф. Историческая победа китайского народа. (Заседание в Институте востоковедения, посвященное 4-й годовщине Китайской Народной Республики). — Вестн. АН, 1953, № 12, с. 106—110.

Кононов, А. Н. Из истории отечественной тюркологии. Уч. зап. ИВ, 1953, т. VI, с. 269—275.

Крачковский, И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953, с. 7—22.

О рукописях Института востоковедения и об академиках Х. Д. Френе и Я. И. Шмидте.

Орбели, Р. Р. Собрание армянских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1953, т. VI. с. 104—130.

Петрова, О. П. Памятники корейской литературы в рукописных фондах Института востоковедения Академии Наук СССР. — Кр. сообщ. ИВ, 1953, в. 9, с. 77—81.

Ромодин, В. А. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М. 1953, с. 148—184.

О работах Б. А. Дорна и В. В. Бартольда.

Станюкович, Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. М.—Л., 1953, 240 с. с илл., 4 л. табл., 6 л. портр.

Глава шестая (с. 211—228) посвящена музеям Академии Наук в начале XIX в., в том числе Восточному кабинету и Азиатскому музею.

Тихонов, Д. И. Восточные рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1953, т. VI, с. 3—33 с илл., 2 л. табл.

Якубовский, А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.— В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953, с. 31—95.

О работах Х. Д. Френа, В. В. Бартольда и Б. Я. Владимирцова.

Klima, J. Zur Entwicklung der Sowjetischen Keilschriftlichen Studien. — Archiv Orient., 1953, т. 21, № 2—3, с. 448—457.

О работах В. В. Струве, Б. А. Тураева, В. И. Авдиева и И. М. Дьяконова.

1954

Бушев, П. П. О работе Института востоковедения Академии Наук СССР. — Вопр. ист., 1954, № 9, с. 170—172.

Воробьев-Десятовский, В. С. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 128—145, 2 л. табл.

Всесоюзное совещание по вопросам изучения эпоса народов СССР. — Изв. АН, отд. лит. и яз., 1954, т. XIII, в. 5, с. 483—488.

Совещание, организованное Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР и Институтом востоковедения АН СССР. Выступления Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова и др.

Горбачева, З. И. Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 67—89.

Дмитриева, Л. В. Краткий обзор документов и фрагментов на тюркских языках из собрания Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 241—245.

Луцкая Н. С. Обсуждение проблем истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока. — Вопр. ист., 1954, № 9, с. 173—174.

В статье подвергается критике работа Института востоковедения.

Научные сессии, посвященные 5-летию Китайской Народной Республики. — Вестн. АН, 1954, № 11, с. 47—50.

Научная сессия в Институте востоковедения, с. 49—50.

Орбели, Р. Р. Собрание грузинских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 30—66, 2 л. табл.

Петрова, О. П. Собрание корейских письменных памятников Института востоковедения Академии Наук СССР. — Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 3—29.

Пучковский, Л. С. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 90—127, 2 л. табл.

Смирнов, Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, 276 с. (Институт истории).

В книге упоминается о работе Азиатского музея — Института востоковедения и востоковедов Б. А. Дорна, В. Р. Розена, В. В. Бартольда, В. А. Жуковского, С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, Ф. И. Щербатского, А. А. Семенова, Е. Э. Бертельса, В. А. Гордлевского и др.

Тихонов, Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. — Уч. зап. ИВ, 1954, т. IX, с. 146—174. В конце статьи: Библиография трудов по истории Синь-цзяна и Кашгарии.

Dubiński, A. Z pobytu delegacji Radzieckiej na XIII Zjeździe orientalistów polskich. — Przegląd Orient., 1954, No 4 (12), c. 405—408.

О докладе М. И. Лукьяновой об аграрных отношениях в Японии.

XXIII Międzynarodowy Kongres orientalistów. — Przegląd Orient., 1954, No 4 (12), c. 431.

Участие в Конгрессе директора Института востоковедения АН СССР А. А. Губера.

II. БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ГЛАВНЫХ ДЕЯТЕЛЯХ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ — ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. М. Алексеев

Ольденбург, С. Ф. Записка о трудах Василия Михайловича Алексеева, младшего ученого хранителя Азиатского музея. 1913—1918. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1647—1751.

Записка об ученых трудах В. М. Алексеева. — Изв. АН, серия VI, т. XVII, 1923, с. 373—380.

Список научных трудов В. М. Алексеева на с. 374—380.

Эйдлин, Л. З. Академик В. М. Алексеев как историк китайской литературы. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1946, т. V, в. 3, с. 239—244.

Академик В. М. Алексеев. — Вестн. АН, 1947, № 11, с. 79—80 с портр.

Алексеев, Василий Михайлович. — Большая Советская энцикл. Изд. 2, т. II, М., 1950, с. 88—89.

В. М. Алексеев (Некролог). — Вестн. АН, 1951, № 6, с. 63.

А. П. Баранников

Баранников, Алексей Петрович — Большая Советская энцикл. Изд. 2-е, Т. IV, М., 1950, с. 220.

Научная деятельность академика А. П. Баранникова. К 40-летию научной деятельности. — Кр. сообщ. ИВ, 1951, № 1, с. 59—61.

Академик А. П. Баранников. [Некролог]. — Вестн. АН, 1952, № 12, с. 79.

Памяти академика А. П. Баранникова. Некролог. — Кр. сообщ. ИВ, 1952, № 7, с. 56—58.

Бескровный, В. М. и Кальянов, В. И. Памяти академика Алексея Петровича Баранникова. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1953, т. XII, в. I, с. 76—83.

В. В. Бартольд

Бартольд, Вильгельм Владимирович, ориенталист. — В кн.: Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. VI. СПб., 1897—1904, с. 23—25.

Список печатных трудов В. В. Бартольда.

Бартольд, Вильгельм Владимирович. — В кн.: Русские книги. С биогр. данными об авторах и переводчиках. Ред. С. А. Венгерова, т. II. СПб., 1898, с. 102.

Бартольд (Василий Владимирович) — ориенталист. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. I, дополн. СПб., 1905, стлб. 222.

Бартольд, Василий Владимирович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. V, СПб. [1911], стлб. 306—307.

Бартольд, Василий Владимирович. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. I. Пг. 1915, с. 19—24.

Биографический очерк и библиография трудов.

Бартольд, Василий Владимирович. — Большая Советская энцикл., т. IV, М., 1926, стлб. 791.

Умняков, И. И., Бартольд, В. В. (По поводу 30-летия профессорской деятельности). — Бюлл. Средн.-Аз. Гос. унив., 1926, в. 14, с. 175—202 с портр.

Резюме на немецк. яз.

Бартольд, В. В. Автобиография проф. В. Бартольда. — Огонек, журн., 1927, № 40.

Крачковский, И. Ю. Памяти В. В. Бартольда. — Кр. газета, веч. вып., 1930, 21 августа.

Ольденбург, С. Ф. Василий Владимирович Бартольд. 15/XI 1869 — 19/VIII 1930. — Изв. АН, Отд. обществ. наук, 1931, № 1, с. 1—6 с портр.

Бернштам, А. Н. Академик В. В. Бартольд, как историк Киргизстана. — К кн.: Бартольд, В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе. 1943, с. 3—8.

Бернштам, А. Н. Академик Василий Владимирович Бартольд (15 ноября 1869 г.—19 августа 1930 г.). — В кн.: Бартольд, В. В. Киргизы. Фрунзе, 1943, с. 3—11.

Крачковский, И. Ю. К переизданию трудов В. В. Бартольда. — Истор. журн., 1944, кн. 1, с. 95—98.

Бернштам, А. Н. Василий Владимирович Бартольд. (15 ноября 1869 г.—19 августа 1930 г.). — Изв. Кир. ФАН, 1945, в. 2—3, с. 130—131.

Бартольд, Василий Владимирович (1869—1930). — Большая Советская энцикл. Изд. 2-е, Т. IV, М., 1950, с. 273—274.

Крачковская, В. А. В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист. — Эпигр. Вост., 1953, в. 8, с. 10—23 с портр.

Е. Э. Бертельс

Чествование члена-корреспондента АН СССР, профессора Е. Э. Бертельса. (К 60-летию со дня рождения и 30-летию научной деятельности). — Кр. сообщ. ИВ, 1951, № 1, с. 62—63.

О. Н. Бётлингк

Бётлингк (Böhtlingk), Оттон. — Русский энцикл. словарь изд. И. М. Березиным. Отд. I, т. III, СПб., 1873, с. 592.

Бётлингк (Otto Böhtlingk). Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. III^{A} (6). СПб., 1891, стлб. 635.

Ольденбург, Сергей. Бётлингк, Оттон Николаевич, академик. — В кн.: Венгеров С. А., Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. III. СПб., 1892, с. 216—220.

С перечнем трудов Бетлингка.

[Залеман, К. Г. и Ольденбург, С. Ф.]. Böhtlingk's Druckschriften. — Mél. asiat., 1890—1892 (1894), т. X, с. 247—256.

Бётлингк, Оттон, выдающийся санскритолог.— В кн.: Русские книги. С биогр. данными об авторах и переводчиках. Ред. С. А. Венгерова. Т. II. СПб., 1898, с. 288.

Бётлингк (Böhtlingk), Оттон. — Малый энцикл. словарь. Брокгауза и Ефрона, т. I. СПб. 1899, стлб. 474.

Бётлингк — санскритолог и русский академик. — Энцикл. словарь под ред. М. М. Филиппова, т. I. СПб., 1901, стлб. 431.

Бётлингк (Böhtlingk), Оттон, выдающийся знаток восточных языков, знаменитый санскритолог. — Большая Энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова, т. III. СПб., 1901, с. 171—172.

Бётлингк (Böhtlingk), Оттон. — Энцикл. словарь Русск. библиогр. инст. Гранат, т. V. М., стлб. 519.

Б у л и ч С. К., Памяти О. Н. ф. Б ё т л и н г а. — Изв. Отд. русск. яз. и словесн., 1904, т. IX, кн. 3, с. 187—200.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. О. Н. Бётлинг. [Некролог]. — Изв. АН, серия V, 1904, т. XX, № 5, с. V—VI.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Памяти Оттона Николаевича Бётлингка. (Некролог). 13-го мая 1815 г. — 19-го марта 1904 г. — Журн. Мин. нар. просв., 1904, ч. 353, № 5, отд. 4, с. 41—47.

Б ё т л и н г к (Böhtlingk), Отто Николаевич. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. VI. СПб., б. г., стлб. 310—311.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Бётлингк, Оттон Николаевич. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. I, 1915, с. 53—59.

Биографический очерк и библиография трудов.

Б ё т л и н г к, Оттон Николаевич (1815—1904). — Большая Советская энцикл. Изд. 2-е, т. V, М., 1950, с. 106—107.

М. И. Броссе

Б р о с с е (Мария — Иван). — Справочный энцикл. словарь К. Крайя, т. II, СПб., 1849, с. 467—468.

Б р о с с е, Марий—Иванович. — Русский энцикл. словарь, изд. И. Н. Березиным. Отд. I, т. IV, СПб., 1874, с. 333.

B r o s s e t, Marie Félicité, franz. Orientalist. — Meyers Konversations-Lexikon. 4-te Aufl. Bd. III. Lpz., 1886, с. 468.

B r o s s e t, L. Bibliographie analytique des ouvrages de Monsieur Marie-Félicité Brosset, membre de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg. 1824—1879. St.-Pbg. 1887. [4], LXII с., 704 стлб., 1 портр.

С приложением трех писем Х. Д. Френа, касающихся приглашения М. И. Броссе в Россию.

Liste des travaux de M. Brosset, membre de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg. — Mél. asiat., 1880—1888, т. IX, с. 1—53.

B r o s s e t, Marie Félicité. — Brockhaus Konversations-Lexikon. 14-te vollst. Neubearb. Aufl. Bd. III. Lpz., 1892, с. 581.

B r o s s e t (Marie-Félicité), orientaliste. — P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle. T. II. Paris., s. a., с. 1314.

Б р о с с е (Brosset), Мари Фелисите. — Энцикл. словарь Русск. библиогр. инст. Гранат, т. VI, М., б. г., стлб. 609.

Б р о с с е (Brosset, Мари-Фелисите или Марий Иванович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. IV^{A}(8). СПб., 1891, стлб. 728—729.

Б р о с с е, Brosset, Marie Félicité — Марий Иванович. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. I, СПб., 1899, стлб. 663.

Б р о с с е, Марий Иванович (Мари-Фелисите), известный ориенталист. — В кн.: Русские книги. С биогр. данными об авторах и переводчиках. Ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1899, с. 202.

Б р о с с е Марий Ив., ориентал. — Большая энцикл. Под ред С. Н. Южакова., т. III, СПб., 1901, с. 142.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Памяти М. И. Броссе. — Изв. АН, серия V, 1902, т. XVI, № 2, с. OVII—OVIII.

Речь, произнесенная в связи со столетием со дня рождения М. И. Броссе.

Manuscrits, correspondance et ouvrages de feu Mr. M. Brosset. — Mél. asiat., 1902—1906, т. XII, с. 79—106.

Б р о с с е, Марий Иванович (Marie Félicité Brosset). — Русск. биогр. словарь. СПб., 1908, с. 363—364.

Б р о с с е (Brosset), Мари-Фелисите или Марий Иванович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. VIII, СПб., б. г., стлб. 218—219.

Б р о с с е (Brosset, Marie-Félicité) Марий Иванович (1802—1880). — Большая Советская энцикл., т. VII, М., 1927, стлб. 647. Подписано Л. М.

Б р о с с е, Марий Иванович (1802—1880). — Большая Советская энцикл. Изд. 2-е, т. VI. М., 1951, с. 164.

В. В. Вельяминов-Зернов

В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Владимир Владимирович. — Русский энцикл. словарь. изд. И. Н. Березиным. Отд. I, т. V, СПб., 1875, с. 94.

З е р н о в - В е л ь я м и н о в (Владимир Владимирович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона., т. XII^{A} (24). СПб., 1894, стлб. 567.

В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Влад. Влад., ориенталист. — Большая энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. IV, СПб., 1901, с. 603—604.

З е р н о в - В е л ь я м и н о в, Вл. Вл. — Энцикл. словарь под ред. М. М. Филиппова, т. II. СПб., 1901, стлб. 1377.

В е с е л о в с к и й, Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). (Некролог). — Журн. Мин. нар. просв., 1904, ч. 352, № 4, отд. 4, с. 197—212.

В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Владимир Владимирович. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. I. 1915, с. 143—146. Биографический очерк и библиография трудов.

В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Владимир Владимирович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. X, СПб., б. г., стлб. 9—10.

В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Владимир Владимирович. — Энцикл. словарь Русск. библиогр. инст. Гранат, т. IX, М., (б. г.), стлб. 365.

В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Владимир Владимирович (1830—1904). — Большая Советская энцикл , т. IX. М., 1928, стлб. 817—818.

Б. Я. Владимирцов

Записка об ученых трудах Б. Я. Владимирцова. — Изв. АН, серия VI, 1923, т. XVII, с. 380—382.

Список трудов Б. Я. Владимирцова на с. 381—382.

А л е к с е е в, В. М. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. — Вестн. АН, 1931, № 8, с. 13—18.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Борис Яковлевич Владимирцов. 20/VII—1884—1931 17/VIII. — Изв. АН. Отд. обществ. наук, 1932 № 8, с. 667—676 с портр.

Список трудов Б. Я. Владимирцова на с. 673—676.

(Я к у б о в с к и й, А. Ю.). Владимирцов, Борис Яковлевич. — Большая Советская энцикл. Изд. 2, т. VIII, М., 1951, с. 243—244.

В. А. Гордлевский

О л ь д е н б у р г С. Ф., Б а р т о л ь д, В. В. и К р а ч к о в с к и й, И. Ю. Записка об ученых трудах проф. В. А. Гордлевского. — В кн.: Зап. об ученых трудах члена-корр. АН СССР по Отд. гуманит. наук, избр. 31 янв. 1929 г. Л., 1930, с. 22—26.

Беляев, Е. В. А. Гордлевский как исследователь и педагог. — В кн.: Библиография печатных работ члена-корреспондента АН СССР профессора В. А. Гордлевского, М., 1946, с. 5—8.

Библиография печатных работ члена-корреспондента АН СССР профессора В. А. Гордлевского (к 70-летию со дня рождения). М., 1946, 52 с., 2 л. портр.

Крачковский, И. Ю. Владимир Александрович Гордлевский. — Тр. Моск. Инст. вост., 1947, № 4, с. 3—6.

Гордлевский, Владимир Александрович. — Большая Советская Энцикл. Изд. 2-е, т. XII. М., 1952, с. 75.

Баскаков, Н. А. Академик В. А. Гордлевский — филолог-историк. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 10—22.

Бертельс, Е. Э. Владимир Александрович Гордлевский. — В кн.: Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 5—9.

Б. А. Дорн

Дорн, Борис Андреевич, известный ориенталист. — В кн.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русск. писателей. Вып. I. СПб., 1855, с. 16.

Bernard Dorn. — В кн.: Dugat, G. Histoire des orientalistes. T. I. Paris, 1868, с. 72—99.

Биографический очерк и библиография трудов.

Дорн, Борис Андреевич. — В кн.: Григорьев, В. В. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. XXXVI.

Дорн (Dorn), Иоанн—Альбрехт—Бернард. — Русский энцикл. словарь, изд. М. Н. Березиным. Отд. II, т. I. СПб. 1874, с. 467—468.

Dorn (Johannes—Albrecht—Bernard), orientaliste russe. — P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX siècle. T. VI. Paris, б. г., с. 1122.

Борис Андреевич Дорн. (Некролог). — В кн.: Отчет АН по Физ.-матем. и Ист.-филол. отд. за 1881 г., с. 2—3.

Prantl. Joh. Albrecht Bernhard v. Dorn. (Некролог). — Sitz.-Ber. der Bayer. Akad. d. Wiss., 1882, т. 11, с. 394—396.

Dorn, Bernhard, namhafter Orientalist. — Meyers Konversations-Lexikon. 4-te Aufl. Bd. V. Lpz., 1886, с. 80—81.

Dorn, Joh. Albrecht Bernh., Orientalist. — Brockhaus Konversations-Lexikon. 14-te voll. neubearb. Aufl. Bd. V. Lpz., 1892, с. 449.

Дорн, Борис Андреевич — известный ориенталист. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XI (21), СПб., 1893, стлб. 49—50.

Дорн (Dorn), Борис Андреевич. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. II, СПб., 1900, стлб. 485.

Дорн, Бернгард. — Энцикл. словарь под ред. М. М. Филиппова, т. I, СПб., 1901, стлб. 1244.

Дорн, Борис Андреевич, ориенталист. — Большая Энцикл. Под ред. С. Н. Южакова т. VIII, СПб., 1902, с. 671.

Дорн, Борис Андреевич. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, СПб., б. г., стлб. 678—679.

Д о р н, Бернард (Борис) Андреевич (1805—1881). — Большая Советская Энцикл., т. XXIII, М., 1931, стлб. 291.

Д о р н, Борис (Бернгард) Андреевич (1805—1881). — Большая Советская Энцикл. Изд. 2-е, т. XV, М., 1952, с 129.

В. А. Жуковский

Ж у к о в с к и й, Валентин Алекс., ординарный профессор СПб. унив-та. — Большая энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. IX, СПб., 1902, с. 411.

Ж у к о в с к и й (Валентин Алекс.). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. II, дополн. СПб., 1905, с. 757.

Ж у к о в с к и й, Валентин Алекс. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVIII. СПб., б. г., стлб. 2.

Б а р т о л ь д, В. В. Памяти В. А. Жуковского. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., 1917—1920, т. XXV, с. 399—414 с портр.

Р о м а с к е в и ч, А. А. В. А. Жуковский и персидская народная поэзия. — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., 1917—1920, т. XXV, с. 415—422.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Валентин Алексеевич Жуковский. 1858—1918. Попытка характеристики деятельности ученого. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 2039—2068.

Ж у к о в с к и й, Валентин Алексеевич (1858—1918). — Большая Советская Энцикл. Изд. 2-е, т. XVI. М., 1952, с. 224.

К. Г. Залеман

З а л е м а н (Карл Германович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XII (23), СПб., 1894, стлб. 187.

З а л е м а н, Карл Германович. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. II, СПб., 1900, стлб. 650.

З а л е м а н, Карл Германович, магистр персидской словесности, академик. — Большая Энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. IX, СПб., 1902, с. 480—481.

З а л е м а н, Карл Германович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVIII, СПб., б. г., стлб. 174—175.

З а л е м а н, Карл Германович. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. I. Пг., 1915, с. 293—298.

Биографический очерк и библиография трудов.

Б а р т о л ь д, В. В. Карл Германович Залеман. 1849—1916. (Некролог). — Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., 1916, т. XXIV, с. 237—258.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Карл Германович Залеман. 28 декабря 1849—30 ноября 1916. (Некролог). — Изд. АН, серия VI, 1917, т. XI, № 4, с. 281—286 с портр.

О л ь д е н б у р г, С. Ф. Карл Германович Залеман, как библиотекарь. — В кн.: Биобиблиографические материалы. Собр. Э. А. Вольтером. В. 2. Пг., 1918, с. 63—66 (по данному выпуску — с. 7—10). (Библиографический сборник, т. II, в. 2).

I v a n o w, W. Pro C. Salemann. A letter to the editor from W. Ivanow (Calcutta). — Islamica. 1927, т. III, ч. 2, с. 271—272.

Письмо В. А. Иванова по поводу критики Хаданк'ом работ Залемана.

Hadank, K Erwiderung auf den Brief «Pro Salemann» des Herrn Ivanow in Vol. III, S. 271 f. (Islamica. 1927). — Islamica, 1927, т. III, ч. 4, с. 486—490.

Залеман, Карл Германович (1849—1916). — Большая Советская Энцикл. Изд. 2-е, т. XVI; М., 1952, с. 387.

П. П. Иванов

Якубовский, А. Ю. Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии. — Сов. вост., 1948, т. V, с. 313—320.

П. К. Коковцов

Коковцов, Павел Константинович. — В кн.: Биогр. словарь проф. и препод. С.-Петербург. унив., т. I, 1896, с. 336.

Коковцов (Павел Константинович) — ориенталист-семитолог. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. I^{А} (2/Д), дополн. СПб., 1905, с. 927—928.

Коковцов, Павел Константинович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXII, Пг., б. г., стлб. 127—128.

Коковцов, Павел Константинович. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. I, Пг., 1915, с. 326—329.

Биографический очерк и библиография трудов.

Крачковский, И. Ю. П. К. Коковцов в истории русского востоковедения. (1861—1942). — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1944, т. III, в. 6, с. 274—279.

Пигулевская, Н. В. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа. — Вестн. Ленингр. Гос. унив., 1947, в. 5, с. 106—118.

Коковцов Павел Константинович (1861—1942). — Большая Советская Энцикл. Изд. 2, т. XXI. М., 1953, с. 562.

Струве, В. В. П. К. Коковцов как ассириолог. — Эпигр. Вост., 1953, в. 8, с. 3—9.

В. Л. Котвич

Котвич, Владислав Людвигович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXII, Пг., б. г., стлб. 947.

Записка об ученых трудах В. Л. Котвича. — Изв. АН, серия VI 1923, т. XVII № 1—18, с. 371—372.

И. Ю. Крачковский

Крачковский, Игнатий Юлианович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIII, Пг., 1914, стлб. 164—165.

Записка об ученых трудах профессора Петроградского университета Игнатия Юлиановича Крачковского. — Изв. АН, серия VI, 1921, т. XV, № 1—18, с. 19—32.

Список работ И. Ю. Крачковского на с. 27—32.

Kampffmeyer, G. Ignaz Krackovskij ein Führer zum Studium der neueren arabischen Literatur. — Die Welt des Islams, 1929, т. XI, с. 161—188.

Беляев, В. И. Список научных работ Игнатия Юлиановича Крачковского. 1904—1929. — Зап. Колл. вост., 1930, т. V, с. 807—836.

Игнатию Юлиановичу Крачковскому. 1905—1930. — Зап. Колл. вост., 1930, т. V, с. 1 с портр.

Посвящение И. Ю. Крачковскому к 25-летию научной работы

Menzel, Th. Über die Werke des russischen Arabisten Krackovskij.— Archiv Orient., 1930, т. II, с. 54—86.

Библиография печатных работ академика Игнатия Юлиановича Крачковского. (К 30-летию научной деятельности). Сост. Я. С. Виленчик при участии В. И. Беляева. М.—Л., 1936, 62 с., 1 л. портр. (Труды ИВ, т. XIX).

Крачковский, Игнатий Юлианович. — Большая Советская Энцикл., т. XXXIV, М., 1937, с. 657.

Крачковский, И. Ю. Над арабскими рукописями. М.—Л., 1945. 117, [3], с., фронт., 4 л. илл. и факс. (Акад. наук СССР, Научно-популярная серия).

Якубовский, А. Ю. Игнатий Юлианович Крачковский как историк. — Изв. АН, серия ист. и филос., 1945, т. II, в. 1, с. 40—46.

Крачковский, И. Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 2-е дополн. изд. М.—Л., 1946. 166 [4] с., 10 л. илл. (Акад. наук СССР, научно-популярная серия, Мемуары).

Алексеев, В. М. Предисловие и посвящение [к тому IV Советского востоковедения — сборника в честь академика Игнатия Юлиановича Крачковского к 40-летию его научной деятельности]. — Сов. вост., 1949, т. IV, с. 7—12.

Беляев, В. И. Академик И. Ю. Крачковский. — Вестн. Ленингр. Гос. унив., 1947, в. 1, с. 179—182.

Гордлевский, В. А. И. Ю. Крачковский. (Общая характеристика). — Сов. вост., 1947, т. IV, с. 13—18.

Крачковский, И. Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях, изд. 3-е, испр. М.—Л., 1948. 202, [1] с., 13 портр. (Акад. наук СССР, научно-популярная серия. Мемуары).

Книга И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» вышла в переводах на английском, немецком, польском и французском языках и отдельные главы на арабском языке.

Zajączkowski, Ananiasz. Rękopisy i ludzie. — Przegląd Orient. 1949, ч. 2, с. 80—86.

О книге И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями».

Агапитова, А. В. Летопись жизни и творчества Василия Ивановича Качалова. — В кн.: Ежегодник Московского Художественного театра. 1948, т. II. Памяти В. И. Качалова, М.—Л., 1951.

В. И. Качалов об И. Ю. Крачковском и его книге «Над арабскими рукописями», с. 843—844.

Фалина, А. Заседание Московской группы Института востоковедения, посвященное 65-летию академика И. Ю. Крачковского. — Вестн. АН, 1948, № 5, с. 107.

[Винников, И. Н.]. Игнатий Юлианович Крачковский, М.—Л., 1949, 186, [6] с., 1 л. портр. (Материалы к библиографии ученых СССР).

Наиболее полный библиографический указатель трудов И. Ю. Крачковского.

Hrbek, J. Ignatij Julіovič Kračkovskij. Lodivod Vasco da Gama. Preložil Dr. J. Hrbek. — Novy Orient. 1950—1951, Ročnik VI, Čislo 2—3, с. 54—55.

В предисловии к переводу помещена краткая биография И. Ю. Крачковского.

Rypka, Jan. Za akademikem Ig. J Krackovskym. — Novy Orient, 1950—1951, Ročnik VI, Čislo 5, с. 96—98.

Академик И. Ю. Крачковский. 1883—1951. Некролог. — Кр. сообщ. ИВ, 1951, в. 1, с. 68—69.

[Сообщение о смерти И. Ю. Крачковского]. — Al-Andalus (журнал), 1951, vol. XVI, fasc. 1, с. 254.

Беленицкий, А. М. Игнатий Юлианович Крачковский. 16/III 1883—24/I 1951. — Эпигр. Вост., 1951, т. V, с. 3—4.

И. Ю. Крачковский. [Некролог]. — Ленингр. Правда, 1951, 26 января.

Игнатий Юлианович Крачковский. (Востоковед-арабист. 1883—1951. Некролог). — Изв. АН. Отд. лит. и яз., 1951, в. 1, с. 94.

Крупнейший советский востоковед. Памяти И. Ю. Крачковского. Ленингр. университет, газета, 1951, 8 февраля.

Rypka, Jan. In memoriam de l'académicien I. J. Kračkovskij. Archiv orient., 1951, vol. XXX, № 1—2, c. 283—291.

Смерть двух великих ученых. — Журн. «Ат-Тарик», 1951, № 2, с. 77. Текст на арабск. яз.

Некрологи И. Ю. Крачковского и С. И. Вавилова.

Canard, M. Ignace Joulianovitch Kratchkovsky. Revue Africaine, 1952, т. XCVI, № 430—431 (1-er et 2-e trimestres), c. 236—249.

Крачковский, Игнатий Юлианович (1883—1951) выдающийся советский востоковед-арабист. — Большая Советская Энцикл., изд. 2-е, т. XXIII. М., 1953, с. 292—293.

Kraemer, J. Kratschkowski, Ignaz Julianovič. Über arabische Handschriften gebeugt. (2, erw. Aufl. aus dem Russ. v O. P. Prantmann). Lpz., 1949. — Orient. Literaturzeit., 1953, Jg. 48, № 3/4, c. 128—130. В рецензии говорится о личности и деятельности И. Ю. Крачковского.

Беляев, В. И. и Винников, И. Н. Памяти академика И. Ю. Крачковского (16 III 1883—24 I 1951). — Палест. сборн., 1954, вып. 1 (63), с. 91—105.

Винников, И. Н. Дополнения к библиографии трудов академика И. Ю. Крачковского. — Палест. сборн., 1954, вып. 1 (63), с. 125—129.

Крачковская, В. А. И. Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине. (1908—1910 гг.). — Палест. сборн., 1954, вып. I (63), с. 106—124, 4 л. илл., 2 портр.

О. Э. Лемм

Лемм, Оскар Эдуардович. — В кн.: Биогр. словарь профессоров и препод. С.-Петерб. унив., т. I. СПб., 1896, с. 389—390.

Биографический очерк и библиография трудов.

Лемм (Оскар Эдуардович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVII А (34). СПб., 1896, с. 521—522.

Лемм, Оскар Эдуардович. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III. СПб., 1902, стлб. 40.

Лемм, Оскар Эдуардов., ориенталист. — Большая Энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова, т. XII. СПб., 1903, с. 110.

Лемм, Оскар Эдуардович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, Пг., б. г., стлб. 313.

Коковцов, П. К. Оскар Эдуардович фон Лемм. Некролог. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1755—1758.

Тураев, Б. А. Оскар Эдуардович Лемм. 1856—1918. Некролог. Христ. Восток, 1918, т. VI, с. 325—333.

С. Ф. Ольденбург

Ольденбург, Сергей Федорович.— Биогр. словарь профессоров и препод. С.-Петерб. унив, т. II, СПб., 1898, с. 78—80.

Биографический очерк и список трудов С. Ф. Ольденбурга.

Ольденбург (Сергей Федорович) — известный индианист. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III, дополн. СПб., 1906, с. 343.

Ольденбург, Сергей Федорович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIX. Пг. [1916], стлб. 471—472.

Ольденбург, Сергей Федорович. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. II. Пг., 1917, с. 57—62.

Биографический очерк и библиография трудов.

Князев, Г. А. Первые годы С. Ф. Ольденбурга в Академии Наук. По архивным материалам. — Вестн. АН, 1933, № 2, с. 25—28.

К 50-летию научной деятельности С. Ф. Ольденбурга.

Чествование академика С. Ф. Ольденбурга. — Вестн. АН, 1933, № 2, с. 21—26.

Чествование в связи с 50-летием научной деятельности.

Азадовский, М. С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика. — В кн.: Сергею Федоровичу Ольденбургу. Л., 1934, с. 25—35, 1 л. портр.

Волгин, В. П. Предисловие. — В кн.: Сергею Федоровичу Ольденбургу. Л., 1934, с. 3—4.

Сергей Федорович Ольденбург. [Некролог]. — Изв. Гос. Геогр. общ., 1934, т. LXVI, в. 2, с. 332—333.

Скачков, П. Е. Материалы для библиографии трудов С. Ф. Ольденбурга. — В кн.: Сергею Федоровичу Ольденбургу. Л., 1934, с. 625—637.

Яковкин, И. И. С. Ф. Ольденбург и научная библиотека. — Библиогр. Вост., 1934, № 2—4, с. VII—IX.

Якубовский, А. Ю. Памяти действительного члена Государственной Академии истории материальной культуры акад. С. Ф. Ольденбурга. — Проблемы истории докапиталист. общ., 1934, № 3, с. 100—105.

Алексеев, В. М. Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов. — Зап. ИВ, 1935, т. IV, с. 31—57.

Крачковский, И. Ю. С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения. — Зап. ИВ, 1935, т. IV, с. 13—22.

Щербатской, Ф. И. Академик С. Ф. Ольденбург как индианист. — Зап. ИВ, 1935, т. IV, с. 23—30.

Ольденбург, Сергей Федорович (1863—1934). — Большая Советская Энцикл. Т. XLIII. М., 1939, стлб. 110.

И. А. Орбели

Орбели, Иосиф Абгарович. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX. Пг., 1916, стлб. 608.

Орбели, Иосиф Абгарович. — Большая Советская Энцикл. Т. XLIII. М., 1939, стлб. 263.

Якубовский, А. Ю. Академик Иосиф Абгарович Орбели. (К 60-летию со дня рождения). — Вестн. др. ист., 1947, № 4 (22), с. 117—125.

В. В. Радлов

Радлов, Василий Васильевич. — Русский энцикл. словарь, изд. И. Н. Березиным. Отд. IV, т. I, СПб., 1875, с. 32.

Radloff, Wilchelm, Sprachforscher und Reisender. — Meyers Konversations-Lexikon. 4-te Aufl. Bd. XIII. Lpz., 1889, c. 543.

Радлов (Василий Васильевич) — ориенталист и путешественник. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVI (51), 1899, с. 92—93.

Радлов, Вас. Васил.—ориенталист и путешественник. — Энцикл. словарь под ред. М. М. Филиппова, т. III. СПб., 1901, стлб. 2810 — 2811.

Радлов, Васил. Васильев. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. III. СПб., 1902, стлб. 893.

Радлов, Василий Васильевич (Фридрих—Вильгельм), ориенталист (1837—1918). — Энцикл. словарь Русского библиогр. инст. Гранат. Т. XXXV, М. [б. г.], стлб. 444—446.

Статья подписана П. Риттером.

Радлов, Вас. Вас., ориенталист, путешеств. и академик. — Большая Энцикл. Под ред. С.Н. Южакова, т. XVI, СПб., 1904, с. 98.

Залеман, К. Г. Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке. — В кн.: Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907, с. 3—25.

Музей антропологии и этнографии Академии Наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова. 1894—1906. Сост. Л. Я. Штернбергом, С. Ф. Ольденбургом, Е. Л. Петри, Ю. В. Людевигом, Е. М. Романовой. — В кн.: Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова. СПб., 1907, с. 27—109 с илл.

Шесть адресов, поднесенных В. В. Радлову в день пятидесятилетия его ученой деятельности. — Живая старина, 1909, т. XVIII, в. 2—3, с. XXVI—XXXIII.

Адреса от Академии Наук, Географического общества, Лазаревского института восточных языков, Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и от учителей русско-татарских школ.

Штернберг, Л. Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды). — Живая старина, 1909, т. XVIII, в. 2—3, с. I—XXV, портр.

Семидесятипятилетний юбилей дня рождения академика Василия Васильевича Радлова. 1837 г. 5 января—января 5 1912 г. СПб., 1912. 35 с. с портр.

Радлов, Василий Васильевич. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. II. Пг., 1917, с. 121—136.

Биографический очерк и библиография трудов.

Бартольд, В. В. Памяти В. В. Радлова. 1837—1918. — Изв. Русск. Геогр. общ., 1918, т. LIV, в. 1, с. 164—189.

Ольденбург, С. Ф. Василий Васильевич Радлов. 5/I 1837—1918 29/IV 12/V. Некролог. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1233—1236, 1 портр.

Kotwicz, Władysław. Travaux de W. Radloff relatifs à la langue manchoue. — Rocznik Orient. T. 14 (1938), 1939, с. 103—112.

К 100-летию со дня рождения В. В. Радлова и 20-летию со дня его смерти.

Радлов, Василий Васильевич (1837—1918). — Большая Советская Энцикл., т. XLVIII, М., 1941, стлб. 81—82.

В. Р. Розен

Rosen, Victor, russ. Orientalist. — Brockhaus' Konversations-Lexikon. 14-te Aufl. Bd. XIII. Lpz., 1895, с. 996—997.

Розен, Виктор Романович. — Биогр. словарь проф. и препод. С.-Петерб. унив., т. II, СПб., 1898, с. 150—151.

Розен (барон Виктор Романович род. в 1849 г.). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVII (53). СПб., 1899, с. 13.

Розен, Виктор Романов. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III. СПб., 1902, стлб. 990—991.

Розен (Rosen), Виктор, ориенталист. — Большая Энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. XVI. СПб., 1904, с. 405.

Васильев, А. Барон Виктор Романович Розен. (Род. 21-го февраля 1849 г., ск. 10 января 1908 г.). Некролог. — Визант. врем., 1907 (1909), т. XIV, с. 483—492.

Крачковский, И. Ю. Список трудов барона Виктора Романовича Розена. — Mél. asiat., 1907—1908, т. XIII, с. 173—180.

Веселовский, Н. И. Барон Виктор Романович Розен. Некролог. — Журн. Мин. нар. просв., Нов. серия, 1908, ч. XIV, № 4, отд. 4, с. 167—188, портр.

Коковцов, П. К. Барон В. Р. Розен. 1849—1908. Некролог. — Mél. asiat., 1907—1908, т. XIII, с. 165—172, портр.

Крачковский, И. Ю. Памяти барона В. Р. Розена. Ташкент, 1908. 11 с.

Перепечатано из Туркестанских ведомостей, 1908, № 22 (3064).

То же. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. 1908, год 19-й (янв. 1908 г. 1 янв. 1909 г.), с. 5—10.

Мсерианц, Л. Барон Виктор Романович Розен. (Некролог). — Русск. филол. вестн., Варшава, 1908, № 1/2, с. 381—387.

Проф. бар. В. Р. Розен. [Некролог]. — С.-Петерб. вед., 1908, 11 (24) января.

Розен, Виктор Романович, крупный русский арабист (1849—1908). — Энцикл. словарь Русского библиогр. инст. Гранат, т. XXXVI, ч. 3. М. [б. г.], стлб. 128—129.

Статья подписана А. Крымским.

Руднев. Барон Виктор Романович Розен. [Некролог]. — Биржев. ведом., 1908, 10 (23) января.

Peters, A. Akademiker Viktor Baron Rosen. [Некролог]. — St.-Petersb. Zeitung, 1908, 11 (24) Januar.

Речь бар. В. Р. Розена перед защитой докторской диссертации в 1883 г. [Предисл. И. Ю. Крачковского]. — Зап. Колл. вост., 1925, т. I, с. 281—290.

Розен, Виктор Романович. — В кн.: Матер. для биогр. словаря действ. членов АН, ч. II, Пг., 1917, с. 136—142.

Биографический очерк и библиография трудов.

Крачковский, И. Ю. Дополнение к библиографии работ барона В. Р. Розена и материалов о нем. — Зап. Колл. вост., 1928, т. III, с. 267—278.

Крачковский, И. Ю. Вступительное слово [к сборнику: Памяти академика В. Р. Розена]. М.—Л., 1947, с. 7—9.

Крачковский, И. Ю. Рукописное наследие В. Р. Розена и его разработка за 30 лет. — В кн.: Памяти академика В. Р. Розена. М.—Л., 1947, с. 45—53.

Розен, В. Р. Научная автохарактеристика (1882). — В кн.: Памяти академика В. Р. Розена. М.—Л., 1947, с. 131—135.

Шмидт, А. Э. Памяти незабвенного учителя. — В кн.: Памяти академика В. Р. Розена. М.—Л., 1947, с. 11—17.

Якубовский, А. Ю. Виктор Романович Розен как историк. — В кн.: Памяти академика В. Р. Розена. М.—Л., 1947, с. 19—44.

Ф. А. Розенберг

Записка об ученых трудах Ф. А. Розенберга. — Изв. АН, серия VI, 1923, т. XVII, № 1—18, с. 369—371.

Список работ Ф. А. Розенберга на с. 370—371.

К р а ч к о в с к и й, И. Ю. Ф. А. Розенберг. (1/III 1867—5/VI 1934). Некролог. — Изв. АН, серия VII, 1935, № 9, с. 895—911.

Биографический очерк и библиография трудов.

А. А. Семенов

Б а р т о л ь д, В. В. Александр Александрович Семенов. Curriculum vitae. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1491—1492.

В о р о н о в с к и й, Л. Г. Библиография научных работ А. А. Семенова. — В кн.: Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953, с. 7—22. (Труды Инст. истории, археол. и этногр., т. XVII).

В. В. Струве

С т р у в е, Василий Васильевич. — Большая Советская Энцикл., т. LIII. М., 1946, стлб. 62—63.

Академик В. В. Струве. — Вестн. АН, 1947, № 11, с. [113—114] с портр.

Р е д е р, Д. и Р у б и н ш т е й н, Р. Шестидесятилетие академика Василия Васильевича Струве. — Вестн. др. ист., 1949, № 1, с. 166—168.

Список печатных трудов В. В. Струве на с. 175—178.

Л и п и н, Л. А. Чествование академика В. В. Струве. — Вестн. АН, 1954, № 4, с. 78—79.

Чествование В. В. Струве в связи с его 65-летним юбилеем и 40-летием научно-педагогической деятельности.

В. Г. Тизенгаузен

Т и з е н г а у з е н (Владимир Густавович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXIII (65). СПб., 1901, с. 167.

Барон В. Г. Тизенгаузен. (Некролог). — Изв. Археол. комиссии, 1902, в. 2, с. 112—126, портр.

Приложена библиография трудов В. Г. Тизенгаузена.

Т и з е н г а у з е н, Владимир Густавов., нумизмат. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III, СПб., 1902, стлб. 1488.

Т и з е н г а у з е н, Владим. Григор., нумизмат и археолог. — Большая энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, Т. XVIII. СПб., 1904, с. 409.

Р о з е н, В. Р. Памяти Владимира Густавовича Тизенгаузена. 1845—1902. — Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., 1904—1905, т. XVI, с. 231—236, 1 портр.

То же. — Изв. АН, серия V, 1902, т. XVI, № 2, с. OIII—OVII.

Т и з е н г а у з е н, Владимир Густавович (1825—1902). — Большая Советская Энцикл., т. LIV. М., 1946, стлб. 241—242.

Б. А. Тураев

Т у р а е в (Борис Александрович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXIV (67). СПб., 1902, с. 83—84.

Т у р а е в, Борис Александрович, ориенталист и египтолог. — Большая энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. XVIII. СПб., 1904, с. 639.

Тураев, Борис Александрович, известный египтолог и историк древнего Востока (1868—1920). — Энцикл. словарь Русского библиогр. инст. Гранат, т. XLI, ч. 10. М. [б. г.], стлб. 41—42.

Статья подписана И. Бороздиным.

Записка об ученых трудах профессора Бориса Александровича Тураева. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1703—1712.

Коковцов, П. К. Борис Александрович Тураев. — Изв. АН, серия VI, 1920, т. XIV, № 1—18, с. 169—176.

Крачковский, И. Ю. Памяти Б. А. Тураева. — В кн.: Литература Востока, вып. 2. Пг., 1920, с. 169—174.

Крачковский, И. Ю. Б. А. Тураев и христианский Восток. Пг., 1921, 16 с., 1 л. портр.

Авдиев, В. И. Академик Б. А. Тураев.—«Изв. АН СССР, серия историческая» 1946, т. 3, № 4, стр. 363—368.

Тураев, Борис Александрович (1868—1920). — Большая Советская Энцикл., т. LV. М., 1947, стлб. 180.

Струве, В. В. Б. А. Тураев — крупнейший историк древнего Востока. — Вестн. др. ист., 1948, № 2, с. 75—83.

А. А. Фрейман

Оранский, И. М. Библиография трудов члена-корреспондента Академии Наук СССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, профессора А. А. Фреймана. (К 75-летию со дня рождения и 55-летию с начала научно-педагогической деятельности). — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1954, т. XIII, в. 5, с. 469—474.

Х. Д. Френ

Булгарин, Ф. Христиан Мартын Френ (Frähn). — Сев. архив, 1823, ч. VII, № 18, с. 413—414.

Френ (Christian Martin Frähn). — Справ. энцикл. словарь (К. Крайя), т. II, СПб., 1848, с. 413—416.

Dr. Christian Martin Frähn. Né à Rostock le 23 mai 1782. Mort le 16 août 1851. Liste des oeuvres de C. M. Fraehn. — Comptes rendus, 1851 (1852), с. 55—62, 1 л. портр.

Dorn, B. De Fraehnii vita. Operibus impressis et Bibliotheca relationibus. — В кн.: Ch. M. Fraehnii opusculorum. Ed. B. Dorn. Pars I. Additamentis. Petropoli, 1855, с. 405—451.

То же на русск. яз.: Дорн. Б. Академик Френ и его ученая деятельность. — Уч. зап. АН по первому и третьему отд., 1855, т. III, в. 3, с. 429—465.

Савельев, П. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, 81 [1] сл., 1 л. портр.

О жизни и ученых трудах Френа. Сочинение П. Савельева. С.-Петербург, 1855. 81 с. в 8 д. л., с портретом Френа. — Журн. Мин. нар. просв., 1855, ч. XXXVII, отд. 6, с. 173—190.

Жизнеописание Френа в извлечениях из статьи П. С. Савельева.

Рецензия подписана **.

Тизенгаузен, В. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава. 1877, 14 [1] с.

С приложением статьи: Заметка в память Х. Д. Френа.

Перепечатана из № 183 «Северной пчелы» за 1860 г.

Френ (Frähn), Христиан Мартин. — Русский энцикл. словарь, изд. И. Н. Березиным. Отд. IV, т. III, СПб., 1878, с. 371—372.

Frähn, Christian Martin Ioachim, namhafter Orientalist und Numismatiker. — Meyers Konversations-Lexikon. 4-te Aufl. Bd. VI. Lpz., 1887, c. 479.

Френ, Христиан Данилович (Christian Martin von Frähn). — Русск. биогр. словарь. СПб., 1901, с. 226—229.

Френ (Christian Martin von Frähn), Христиан Данил. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III. СПб., 1902, стлб. 1692.

Булич, Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1904, XIV, 558 с.

На с. 150—193 говорится о Х. Д. Френе и преподавании в его время восточных языков в Казанском университете.

Френ, Христиан Данилович, ориенталист и нумизмат. — Большая Энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. XIX. СПб., 1904, с. 442—443.

Френ, Христиан Данилович (Христиан Мартин), профессор восточной словесности. Биографический словарь профессоров и препод. Казанского унив. (1804—1904). Под ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань, 1904, с. 189—193.

Список трудов Х. Д. Френа.

Френ (von Frähn), Христиан Данилович, ориенталист и нумизмат (1782—1851). — Энцикл. словарь Русского библиогр. инст. Гранат, т. XLV, ч. 1, М. [б. г.], стлб. 619—620.

Френ (Христиан Данилович, Christian-Martin von Frähn, 1782—1851). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXVI^А (72), СПб., 1902, с. 733—734.

Крачковский, И. Ю. Первое издание арабских стихотворений в России. (Библиографическая справка из казанского периода деятельности Френа). — Библиогр. Вост., 1936, № 8—9, с. 5—14.

Д. А. Хвольсон

Chwolson (Daniel), archéologue russe. — P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle, т. XVII, 2-me suppl. Paris. [б. г.], с. 829.

Коссович, К. Об ученых трудах профессора Д. А. Хвольсона. — Журн. Мин. нар. просв., 1869, т. CXLI, № 1, с. 259—265.

Хвольсон, Д. А. — В кн.: Григорьев, В. В. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 414—415.

Хвольсон, Даниил Абрамович. — Русский энцикл. словарь, изд. И. Н. Березиным. Отд. IV, т. III. СПб., 1878, с. 137.

Chwolson, Daniel, Altertumsforscher. — Meyers Konversations-Lexikon. 4-te Aufl. Bd. IV. Lpz., 1886, с. 119.

Chwolson, Daniel, Altertumsforscher. — Brockhaus' Konversations-Lexikon. 14-te Aufl. Bd. V. Lpz., 1892, с. 306.

Хвольсон, Даниил Абрамович. — Биогр. словарь проф. и препод. С.-Петерб. унив., т. II. СПб., 1898, с. 305—307.

Биография и библиография трудов.

Хвольсон, Даниил Абрамович — знаменитый гебраист. — Энцикл. словарь под ред. М. М. Филиппова, т. III. СПб., 1901, стлб. 3848.

Хвольсон, Даниил Абрамов. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III. СПб., 1902, стлб. 1716.

Хвольсон (Даниил Абрамович). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXVII (73). СПб., 1903, с. 135—136.

Хвольсон, Даниил Абрамов., изв. ориенталист. — Большая энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. XIX. СПб., 1904, с. 540.

Хвольсон, Даниил Абрамович, ориенталист (1820—1910). — Энцикл. словарь Русского библиогр. инст. Гранат, т. XLV, ч. 2, М. б. г., стлб. 155—156.

Статья подписана Н. Никольским.

Коковцов, П. К. Д. А. Хвольсон. 1819—1911. Некролог. — Mél. asiat., 1911—1912, т. XV, с. 167—176 с портр.

А. А. Шифнер

Шифнер, Антон Антонович. — Русский энцикл. словарь, изд. И. М. Березиным. Отд. IV, т. IV, СПб., 1879, с. 222.

Schiefner (François—Antoine), philologue russe. — P. Larousse. Grand dictionnaire universel, т. XIV. Paris [б. г.], с. 349.

Wiedemann, F. Zum Gedächtniss an F. A. Schiefner. Rede gehalten am 11 December 1879 in der Sitzung der Akad. d. Wiss. — Bull., 1880, т. 26, № 1, с. 30—44.

Schiefner, Franz Ant., Sprachforscher. — Brockhaus' Konversations-Lexikon. 14-te Aufl. Bd. 14. Lpz., 1895, с. 426.

Шифнер (Schiefner), лингвист, 1817—79. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III. СПб., 1902, стлб. 1843.

Шифнер (Антон Антонович, Franz-Anton Schiefner) (1817—1879). — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXIX^{A} (78). СПб., 1903, с. 597—598.

Шифнер, Антон Антонович. — Русский биогр. словарь. СПб., 1911, с. 308—310.

Шифнер, Антон Антонович, известный востоковед-лингвист (1817—1879). — Энцикл. словарь Русского библиогр. инст. Гранат, т. XLIX, М., 1938, стлб. 629.

И. Я. Шмидт

M. [Isaac-Jacques] Schmidt, académicien. [Некролог]. — Recueil des actes, 1847 (1849), с. 3—6.

Liste complète des oeuvres de M. Isaac Jacques Schmidt. Appendice, с. 40—44.

Шмидт, Яков. Ив. — Малый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III. СПб., 1902, стлб. 1849.

Шмидт [Исаак] Яков Иванович, 1773—1847. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXIX^{A} (78). СПб., 1903, с. 738.

Шмидт, Исаак Иакоб, знаток тибетских и монгольских наречий и литературы. — Большая Энцикл. Под ред. С. Н. Южакова, т. XX. СПб., 1905, с. 334—335.

Шмидт, Яков Иванович, академик-ориенталист. — Русск. библиогр. словарь. СПб., 1911, с. 353—354.

Статья подписана Ивановым.

Шмидт, Яков (Исаак) Иванович (1779—1847). Энцикл. словарь Русск. библиогр. инст. Гранат, т. L. М., [1932], стлб. 315.

Статья подписана Л. Р.

Ф. И. Щербатской

Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского. — Аз. сборн., 1918, т. I, с. 1713—1724.

Список научных работ на с. 1723—1724.

Ольденбург, С. Щербатской Федор Ипполитович. — Большая Советская Энцикл., т. LXII. М., 1933, стлб. 797—798.
Кальянов, В. И. Академик Федор Ипполитович Щербатской. — Изв. АН, Отд. лит. и яз., 1946, т. V, в. 3, с. 245—252.

А. Ю. Якубовский

А. Ю. Якубовский. [Некролог]. — Вопр. ист., 1953, № 5, с. 139—142.
Беленицкий, А. М. и Дьяконов, М. М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского. — Кр. сообщ. ИИМК, 1953, в. 51, с. 166—168.
Список печатных трудов А. Ю. Якубовского. — Кр. сообщ. ИИМК, 1953, в. 51, с. 169—172.
Памяти А. Ю. Якубовского. — Сов. археология, 1954, т. XIX, с. 293—307, портр.

М. Г. Волков

Волков, Михаил Гаврилович. (Некролог.). — Журн. Мин. нар. просв., 1846, ч. 50, отд. VII, с. 30.
Волков, Михаил Гаврилович — ориенталист (ум. в 1846 г.). — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XI, СПб., б. г. стлб. 405.
Волков (Михаил Гаврилович) — ориенталист. — Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. VII (13), СПб., 1892, с. 37.
Волков, Мих. Гаврил., ориенталист. — Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова, т. V, СПб., 1901, с. 393.

П. В. Ернштедт

Члены-корреспонденты Академии Наук СССР, утвержденные Общим собранием АН СССР 4 декабря 1946 г. Отделение литературы и языка: . . . П. В. Ернштедт . . .

Е. М. Жуков

Члены-корреспонденты Академии Наук СССР, утвержденные Общим собранием АН СССР 4 декабря 1946 г. Отделение истории и философии: . . . Е. М. Жуков. . . .

Н. И. Конрад

Чествование члена-корр. АН СССР Н. И. Конрада. — Вестн. АН. 1951, № 6, с. 79—80.
К 60-летию со дня рождения.

Н. В. Пигулевская

Члены-корреспонденты Академии Наук СССР, утвержденные Общим собранием АН СССР 4 декабря 1946 г. Отделение истории и философии: . . . Н. В. Пигулевская . . .

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Аз. сборн.	Азиатский сборник
Библиогр. Вост.	Библиография Востока
Биржев. ведом.	Биржевые ведомости

Вестн. АН	Вестник Академии наук СССР
Вестн. др. ист.	Вестник древней истории
Вестн. Ленингр. Гос. унив.	Вестник Ленинградского Государственного университета
Визант. врем.	Византийский временник
Вопр. ист.	Вопросы истории
Докл. АН	Доклады Академии наук
Докл. Росс. АН	Доклады Российской Академии наук
Журн. Мин. нар. просв.	Журнал Министерства народного просвещения
Зап. АН	Записки Академии наук
Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ.	Записки Восточного отделения Русского археологического общества
Зап. ИВ	Записки Института востоковедения
Зап. Колл. вост.	Записки Коллегии востоковедов
Зап. по Ист.-филол. отд. АН	Записки по Историко-филологическому отделению Академии наук
Изв. АН	Известия Академии наук
Изв. Гос. Геогр. общ.	Известия Государственного Географического общества
Изв. Кир. ФАН	Известия Киргизского филиала Академии наук
Изв. Отд. русск. яз. и словесн.	Известия Отделения русского языка и словесности
Кр. газета	Красная газета
Кр. сообщ. ИВ	Краткие сообщения Института востоковедения
Кр. сообщ. ИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Ленингр. Правда	Ленинградская Правда
Ленингр. университет	Ленинградский университет
Плановое хоз.	Плановое хозяйство
Проблемы истории докапиталист. общ.	Проблемы истории докапиталистических обществ
Рев. и национальности	Революция и национальности
Русск. филол. вестн.	Русский филологический вестник
С.-Петерб. вед.	С.-Петербургские ведомости
Сев. архив	Северный архив
Сов. вост.	Советское востоковедение
Труды ИВ	Труды Института востоковедения
Труды Моск. Инст. вост.	Труды Московского Института востоковедения
Уч. зап. ИВ	Ученые записки Института востоковедения
Уч. зап. Моск. унив.	Ученые записки Московского университета
Христ. Восток	Христианский Восток
Эпигр. Вост.	Эпиграфика Востока
Archiv Orient.	Archiv Orientalni. Praha
Bull.	Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg
Bull. de la Cl. hist.-philol.	Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg
Bull. scient.	Bulletin scientifique publié par l'Académie

	des Sciences de St.-Pétersbourg
Comptes-rendus	Comptes-rendus de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg
Journ. Asiat.	Journal Asiatique. Paris
Mél. asiat.	Mélanges asiatiques
Mém. de l'Ac. des Sc.	Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg
Orient. Literaturzeit.	Orientalistische Literaturzeitung, Lpz.
Przegląd Orient.	Przegląd Orientalistyczny, Wrockław
Recueil des actes	Recueil des actes des Séances publiques de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg
Rocznik Orient.	Rocznik Orientalistyczny, Warszawa
Sitz.-Ber. der Bayer. Acad. d. Wiss.	Sitzung-Berichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften

СОДЕРЖАНИЕ

Очерки по истории русского востоковедения, т. II

*

Утверждено к печати Ин-том востоковедения Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. С. Луцкая*. Технический редактор *С. М. Полесицкая*

РИСО АН СССР № 79-79В. Сдано в набор 12/III 1956 г. Подп. в печать 25/V 1956 г. Формат бум. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 32 л. Уч.-изд. лист. 32,3. Тираж 2000. Изд. № 1549. Тип. зак. 588. Т-05033. *Цена 19 р. 40 к.*

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

1-я тип. Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9-я л., д. 12

19 руб. 40 коп.